

Этой книгой начинается публикация серий «Очерков», посвященных истории Грузии с древнейших времен до наших дней. В I том вошла история Грузии вплоть до IV в.н.э. В нем рассматриваются отдельные археологические культуры, выявленные на территории Грузии, этногенез, содержатся сведения о древнейших племенных союзах и раннеклассовых государствах, подробно излагается социально-экономическая и политическая история древней Иберии и Колхиды — грузинских государств античной эпохи. Заканчивается том очерком, посвященным культуре древней Грузии. Книга является сокращенным и переработанным вариантом вышедшего в 1970 г. на грузинском языке I тома восьмитомника «Очерков истории Грузии» (ред. Г.А. Меликишили). Предназначена для специалистов-историков и широкого круга читателей.

*Редакторы: действ. член АН ГССР Г. А. Меликишвили,
д-р ист. наук О. Д. Лордкипанидзе*

Рецензенты: д-р ист. наук М. П. И н а д з е
д-р ист. наук Ш. А. Х а н т а д з е

О
0503020906
М 607 (06)—89

Издательство «Мецниереба», 1989

ISBN 5—520—00498—6

В В Е Д Е Н И Е

§1. ГРУЗИЯ. ФИЗИКО-ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ ОБЗОР

Территория Грузинской Советской Социалистической Республики и сопредельные с ней некоторые южные регионы составляли ту часть Ближневосточной ойкумены, на которой развёртывались главные события истории грузинского народа и формировались основные составные элементы грузинской цивилизации. В прошлом Грузии, в зависимости от внешних и внутренних условий, неоднократно наблюдались тенденции расширения или сокращения территории обитания картвелов (грузин) и их хозяйственной деятельности.

Грузинская ССР занимает центральную и западную части Закавказья между 41°07' и 43°05' северной широты и 40°05' и 46°44' восточной долготы. Ее площадь составляет 69 700 км².

С Грузией граничат: на западе — Черное море, на севере — Главный Кавказский хребет, часть которого входит в состав Грузии, на востоке и юго-востоке — Азербайджанская ССР, а на юге — Армянская ССР и Турция.

Природные условия Грузии характеризуются чрезвычайным разнообразием. За исключением периода каменного века, особенно после последнего оледенения, природные условия данного региона не претерпели резких изменений и не вызвали решающих перемен в социальной и хозяйственной жизни страны.

Рельеф Грузии образовался в результате неотектонических поднятий и погружений, чем, в конечном счете, и определяется разнообразие ландшафта со множеством типов климата, гидрологического режима, почвенного покрова, растительности и животного мира. Для формирования многообразия природных условий древней и современной Грузии существенную роль сыграли и продолжают играть такие факторы, как пограничное положение страны на рубеже полувлажного Средиземноморья, аридной Арало-Каспийской впадины и нагорий Передней Азии с континентальным климатом. Черноморское побережье Грузии (протяженность 308 км), описывая огромную дугу, лишено сколько-нибудь значительных заливов, а также островов и полуостровов, чем и объясняется маломасштабность мореходства и морского промысла древней и средневековой Грузии.

На территории Грузии сочетаются высокогорный, среднегорный, холмистый, низменно-равнинный, плоскогорный и платообразный рельефы. Север страны занимает Большой Кавказ, главным образом, своим южным склоном, а также частью северного склона. Самая высшая от уровня моря географическая точка страны расположена именно в полосе Большого Кавказа (вершина Шхара — 5068 м). Сама система Большого Кавказа представлена Главным (Водораздельным) и рядом сопровождающих его хребтов, среди которых можно назвать: на южном склоне — Гагрский, Бзыбский, Кодорский, Сванетский, Харульский, Ламисский, Гудисский, Картлийский, Кахетский; на северном склоне — Хохский, Шавана, Кидеганский, Хевсуретский и Пирикитский. В северной, высокогорной полосе Грузии отчетливо выражены горно-эрозионные, горно-гляциальные и нивальные формы рельефа, в создании которых главную роль сыграли ледники.

На западе грузинской части Большого Кавказа распространен карст, а на востоке — сравнительно молодые вулканические образования, часть которых, как полагают, относится к исторической эпохе. К югу от Большого Кавказа в субширотном направлении лежит межгорная депрессия, которая подразделяется на Колхидскую и Иверийскую (часть Курской) равнинно-холмистые впадины. Их разделяет Дзирульский массив (Верхнеимеретинское плато). Основная часть Колхидской и Иверийской впадин занята аллювиальными равнинами, среди которых выделяются Колхидская низменность, Внутреннекартлийская, Нижнекартлийская, Алазанская (Кахетская) равнины. Между Нижнекартлийской и Алазанской (Кахетской) равнинами расположено Иорское плоскогорье.

В северной холмистой полосе Колхидского региона распространен «низкий» карст, а еще южнее в широтном направлении лежат среднегорные хребты грузинской части Малого Кавказа (высота до 2850 метров над уровнем моря), среди которых можно назвать: Месхетский, Шавшетский, Триалетский, Локский. В рельефе они сохранили морфологические следы древнего выравнивания в виде ступенчато расположенных поверхностей (террас). Самая южная зона Грузии занята Южно-Грузинским вулканическим нагорьем, в морфологии которого определяющую роль играют лавовые плато, цепи потухших вулканов и каньонообразные ущелья рек. Самой высшей вершиной Южно-Грузинского нагорья является Диди-Абули (3301 м) на Самсарском хребте.

Территория Грузии — составная часть подвижного альпийского пояса земной коры, чем и объясняется резкая смена интенсивных неотектонических поднятий и погружений. Следует отметить, что геоморфологические процессы формирования рельефа данного региона еще не завершены.

Грузия сложена по геологическому строению, богата полезными ископаемыми и строительными материалами.

На севере Грузии в осевой зоне Большого Кавказа расположен антиклинорий Главного (Водораздельного) хребта, который слагают метаморфические породы докембрия и палеозоя. Эти породы прорваны гранитоидными и ультраосновными

интрузиями. К востоку древние породы спускаются под аспидные сланцы нижнего и среднего юры. Складчатые толщи Главного Кавказского хребта надвинуты на складчатую систему южного склона Большого Кавказа, в которой выделяют 4 зоны: Казбекско-Лагодехскую, Местиа-Тианетскую, Чхалта-Лайлинскую и Гагра-Джавскую. Каждая из этих зон надвинута на последующую в направлении с севера на юг.

Эпоха антропогена характеризовалась вспышкой наземного вулканизма.

К югу от Большого Кавказа, от Колхидской низменности до Гаре-(Внешней) Кахети, расположена Грузинская глыба, которая составляет средний массив преимущественно герцинской консолидации. Субстрат Грузинской глыбы, образованный метаморфическими породами и гранитоидами докембрия-палеозоя (Дзирульский массив), выступает в Верхнеимеретинском плато, погружаясь к западу и востоку. Осадочный покров состоит из красных известняков лейаса, порфиритовой свиты байоса, угленосных отложений бата, пестроцветов верхней юры, карбонатных отложений мела-эоцена и моласс.

В Картли и Гаре-Кахети развиты антропогеновые континентальные, а в Колхидской низменности дополнительно и морские отложения, которые собраны в пологие складки. Южнее, в широтном направлении, вытянута Аджаро-Триалетская складчатая система, сложенная мощными вулканогенными и карбонатными отложениями мела и терригенными и вулканогенными отложениями палеогена.

В Боржомско-Бакурианском регионе проявляются следы наземного вулканизма эпохи антропогена. От Джавахетского нагорья до Марнеульской низменности простирается второй межгорный массив герцинской консолидации, называемый Артвино-Болнисской глыбой.

Джавахетское нагорье сложено плиоценовыми и плеистоценовыми лавами. К востоку от Джавахетского нагорья обнажены выступы субстрата, покрывающие их маломощные терригенные толщи лейаса и мощные вулканогенные и известняковые толщи мела.

Основная группа полезных ископаемых территории Грузии представлена каменным углем, нефтью, марганцевыми, полиметаллическими, сурьмяно-мышьяковыми, медными, железными рудами и другими минералами. Почти повсеместно встречаются строительные материалы (мрамор, туфы, сланцы), а также минеральные и термальные источники. Некоторые из перечисленных видов полезных ископаемых, сырья и источников (обсидиан, медь, сурьма, железные и золотоносные руды, цветные камни и т. д.) использовались и в древности.

Климат Грузии в целом переходного типа от субтропического к умеренному, со множеством отклонений. Так, например, влажный субтропический климат Колхидской низменности от морского берега до высоты 500—600 м характеризуется уникальными чертами: наиболее теплой зимой (3—6°C), наименьшей годовой амплитудой температур (17—21°C) и большим количеством атмосферных осадков (1200—2800 мм). Морозы ниже — 5°C бывают только в отдельные годы и вызываются вторжением арктических воздушных масс. Для данного региона характерны сильные, нередко продолжительные восточные ветры типа фенів. Климат Иверийской впадины отличается от Колхидской более холодной зимой (от—2°C до +1,5°C), большей среднегодовой температурой (24—27°C), меньшим количеством (300—800 мм) и более неравномерным распределением атмосферных осадков по сезонам. Средняя температура самого теплого месяца (августа) составляет 23—26°C, средняя годовая температура в пониженных частях межгорной депрессии равна 12—15°C.

Для горных частей территории Большого и Малого Кавказа, а также Южно-Грузинского нагорья характерна высотная поясность. Выделяется умеренный, альпийский и нивальный пояса. Отмечается уменьшение влажности с запада на восток и от периферии к внутренним котловинам. Количество атмосферных осадков на обращенных к Черному морю склонах достигает 3000—4000 мм. Самые низкие

абсолютные температуры этих регионов отмечаются в такой замкнутой, впадине, какой является Шаорская котловина Рачинского хребта (-35 -40°C).

Климат Южно-Грузинского нагорья отличается относительной континентальностью, засушливостью, малым количеством атмосферных осадков и очень холодной зимой.

Следует отметить, что на территории Грузии сосредоточено 605 малых и больших ледников, суммарная площадь которых достигает 520 км². Современное оледенение Грузии сосредоточено в осевой полосе Большого Кавказа. Наиболее крупные ледники расположены в Сванети (Лекзири, Цанери, Твибери, Чалаати, Адиши) и Раче (Зопхито, Киртишо и др.). Следует отметить, что ледники Лекзири и Чалаати (Сванети) опускаются до 1900 м над уровнем моря.

Водные ресурсы Грузии распределены неравномерно. Речная сеть Грузии наибольшей густотой характеризуется в Западной Грузии (Западное Закавказье), а наименьшее количество рек представлено на Иорском плоскогорье и юго-восточной части Нижнекартлийской равнины. Если на территории Западного Закавказья интенсивность водостока определяется 80—150 литрами в секунду на 1 км², то на Иорском плоскогорье этот показатель составляет 3 литра в секунду на 1 км².

Реки Грузии принадлежат к двум бассейнам Евразии: Черноморскому и Каспийскому. Почти весь сток Каспийского бассейна выносится р. Курой, среди главных притоков которой можно назвать рр. Большая Лиахви, Ксани, Арагви, Иори, Паравани, Дзама, Алазани, Тана, Тедзами, Алгети и Храми. Реки Западного Закавказья не образуют единой системы, и большинство из них впадает в море самостоятельно. Глиняную речную систему Западной Грузии создают р. Риони и ее притоки: Цхенис-Цкали, Техура, Квирила. Значительны также и другие реки данного региона: Бзыбь, Кодори, Ингури, Гализга, Хоби, Супса, Кинтриши, Чаквис-Цкали, Аджарис-Цкали и Чорохи. Последняя течет на территории Грузии на протяжении 26 км.

Большинство рек, берущих начало в горах, имеют максимальный сток вод весной, при таянии снегов, а реки, получающие питание из ледников (Кодори, Ингури, Риони со своими притоками), — летом, но при этом имеют резко выраженный суточный ход воды с максимумом в вечерние часы и минимумом перед рассветом. Для рек побережья Юго-Западной Грузии и северных склонов Месхетского хребта характерны осенне-зимние половодья и частые паводки, связанные с дождями. Горные реки Грузии, обладая быстрым течением, редко замерзают, за исключением рек Южно-Грузинского нагорья.

В тех районах Грузии, которые сложены известняками или лавами, отмечается сильно развитая подземная сеть дренажа, выраженная обилием исполинских источников, таких, как рр. Черная, Цачхура, Речхи и др. в Западной Грузии, Надревани, Ташбаши, Армитло и другие в Южной Грузии.

Грузия небогата озерами, но на территории Джавахети, Колхидской низменности, Кельского плато, древнеледниковой зоны Абхазии имеются озера разного происхождения (тектонического, вулканического, морского, речного, ледникового, обвального, карстового и т. д.). Наиболее крупными озерами Грузии являются Паравани (37 км²), Карцахи (26,6 км²), Палиастомы (17,3 км²). Наибольшей глубиной отличаются запрудные озера Рица (116 м) и Амткел (77—122 м). У последнего резкое колебание уровня воды.

Почвы Грузии носят разнообразный характер, обусловленный многообразием почвообразующих факторов. Красноземные почвы, единственные, кстати, в СССР, по своим характеристикам близки к тропическим латеритным почвам, распространены в холмистой предгорной полосе Западной Грузии и, в основном, являются реликтом почвообразования геологического прошлого. В этом же регионе распространены желтоземы. В восточной части межгорной депрессии развиты черноземы, каштановые, коричневые и серо-коричневые почвы. Черноземы развиты также на платообразных частях Южно-Грузинского нагорья. В горах под лесом образовались бурые лесные

почвы, а в известняковых районах их заменяют перегнойно-карбонатные почвенные образования. Горно-луговые почвы характерны для районов распространения альпийской растительности.

На Колхидской низменности представлены крупные массивы болотных и субтропических подзолистых почв.

Флора Грузии насчитывает свыше 4500 видов цветковых растений. Такое количество видов цветковых растений не отмечается даже на огромной территории всей европейской части СССР. Такое многообразие флоры Грузии (и, пожалуй, всего Кавказа) определилось разнообразием физико-географических условий и относительной стабильностью климата в прошлом. Эти обстоятельства являлись основными факторами сохранения элементов палеофлоры. Флора Грузии богата такими реликтовыми и эндемическими видами растений, каковыми являются понтийский и кавказский рододендроны, самшит, лавровишня, диоскорея, хурма, дзелква и др.

Лесные массивы Грузии в настоящее время составляют 36,7% территории страны. В прошлом лесная растительность покрывала Колхидскую низменность и большую часть Иверийской впадины; постепенно равнинные леса Колхиды и Алазанской долины почти всюду были вытеснены культурными насаждениями (чай, цитрусы, виноград и др.

Горные леса Грузии в нижнем поясе представлены смесью широколиственных пород (дуб, граб, каштан и др.), а повыше господствует бук. В верхнем поясе гор Западной Грузии, западных частях Юго-Осетии и Триалетского хребта распространены темнохвойные леса из пихты и ели, а в высокогорных долинах Тушети и Северной Хевсурети — сосновые.

На Большом Кавказе, Малом Кавказе и вулканогенных хребтах Южной Грузии от верхней границы лесных массивов до 2800 (Западный Кавказ) — 3500 м от уровня моря простираются альпийские луга, прекрасные летние пастбища, используемые с древнейших времен.

Степи Грузии имели обширный ареал распространения в Иверийской впадине и на лавовых плато Южно-Грузинского нагорья, но в настоящее время они, в основном, заняты культурными насаждениями (виноград, фруктовые сады и т. д.).

Фауна Грузии, как и флора, в процессе развития человеческого общества претерпела огромные перемены, связанные в большинстве случаев с человеческой деятельностью. Животный мир современной Грузии сочетает элементы средиземноморской и центральноазиатской фаун. В альпийском поясе Большого Кавказа встречаются эндемические для Кавказа горные туры, кавказская «горная индейка» (улар, по-грузинки «шуртхи»), европейская серна, безоаровый козел. В лесах живут бурый медведь, кабан, благородный олень, косуля, каспийский улар, рысь, волк, лиса, кавказская белка и др., а также многочисленные представители пернатых.

На территории Грузии выделяются следующие природные районы: высокогорная область Большого Кавказа со своими горно-лесным, горно-луговым и нивальным поясами. Регионы Западного и Центрального Кавказа отличаются от региона Восточного Кавказа более влажным климатом и сниженностью нивального пояса, сплошным распространением ледников, наличием темнохвойных лесов. Для Центрального и Восточного Кавказа характерны молодые вулканические сооружения. Равнинно-холмистая влажно-субтропическая область Колхиды, основную часть которой занимает аллювиальная равнина, называемая Колхидской низменностью и занимающая впадину синклинали строения. Мощность аллювия антропогена здесь достигает 700 м. Поверхность в западной части осложнена староречьями, прирусловыми валами и невысокими песчаными массивами; в западной же части к морскому берегу примыкает огромное заболоченное пространство, с осоково-ситниковой, осоково-разнотравной растительностью, с фагновым покровом и тростниковыми зарослями. В болотах представлены ольховые леса, а на приподнятых окраинах — дубовые, буковые, буково-грабовые леса и вечнозеленые кустарники. В

прошлом лесистая Колхидская низменность в настоящее время, в основном, занята садами и плантациями субтропических культур, посевами зерновых (в основном, кукурузы). Равнинно-холмистая лесостепная область Иверии—в составе Внутреннекартлийской, Нижнекартлийской и Алазанской межгорных равнин и Иорского плоскогорья. Сравнительно сухой климат этой области определяет наличие почти безлесостепного и лесостепного ландшафта. Леса здесь сохранились местами вдоль некоторых рек (Иори, Алазани, Кура и др.) и на склонах наиболее высоких хребтов. В этом регионе происходил процесс создания видов культурных растений и закладывались основы древнейшего орошаемого земледелия. Среднегорная область Малого Кавказа характерна горно-лесным и прерывистым горно-луговым поясами. В этой области представлены как обильно увлажняемые районы с широко развитыми темнохвойными лесами и некоторыми представителями колхидской флоры (Шавшетский и Месхетский хребты, западная часть северного склона Триалетского хребта, Аджарская котловина), так и менее влажные районы (Ахалцихская котловина и соответствующая часть Триалетского хребта, Среднехрамский горный узел и Локский хребет). Нагорная степная и луговая области Южной Грузии состоят как из районов с альпийским ландшафтом (Самсарский, Джавахетский, Эрүшетский хребты), так и собственно нагорно-степных районов (Ахалкалакское, Гомаретское и Дманисское плато)¹.

§ 2. ИСТОЧНИКИ

Настоящий обзор источников истории древней Грузии ограничивается письменными источниками. Важными для исследования отдельных вопросов (в первую очередь этногенеза) являются языковые данные. О них речь будет идти в главе, посвященной этногенезу грузин, а также в очерках, посвященных социально-экономическому строю, поскольку ценный материал для их освещения можно извлечь из терминологического анализа. Для освещения некоторых вопросов этого характера, а также истории культуры определенную помощь оказывают и этнографические материалы, ссылку на которые читатель также найдет в соответствующих местах. Однако основными для воссоздания картины исторической жизни населения Грузии в периоды каменного века, энеолита, в эпоху бронзы и раннего железа, конечно, являются археологические материалы. Но мы их специально не рассматриваем отдельно, поскольку о них довольно детально идет речь в соответствующих главах, посвященных отдельным археологическим периодам.

Несмотря на то, что основным источником истории Грузии в период господства на ее территории первобытнообщинных отношений (с древнейших времен до VI—IV вв. до н. э.) являются памятники материальной культуры, скудные письменные источники, дошедшие до нас из той эпохи, также оказывают некоторую помощь в воссоздании

---

¹ Основные сведения выбраны из работ: Основные вопросы экономической географии Грузинской ССР. Тбилиси, 1970 (на груз. яз.); Джавахишвили А. Н. Геоморфологические районы Грузинской ССР. М., 1947; Гулисахвили В. В. Природные зоны и естественно-исторические области Кавказа. М., 1964; Гулисахвили В. З. Леса Грузинской ССР. — В сб.: Природные ресурсы Груз. ССР, т. VI. М., 1965; Сабашвили М. Н. Почвы Грузии. — В сб.: Природные ресурсы Груз. ССР, т. VI. М., 1965; Джавахишвили А. Н. Физическая география Грузинской ССР. Тбилиси, 1973; Кордзахиа М. О. Типы климатов Грузии и зоны их распространения. — САНГ (Сообщ. АН ГССР. См. список сокращений в конце книги), 1946, №8; Кецхovelи Н. Н. Растительный покров Грузии. Тбилиси, 1959 (на груз. яз.); Джанашивили А. Г. Животный мир Грузии, т. III, 1963 (на груз. яз.); Верещагин Н. К. Млекопитающие Кавказа. История формирования фауны. М. — Л., 1959; Комаров В. Л. Происхождение растений. М. — Л., 1938; Джанелидзе Ч. П. Палеогеография Грузии в голоцене. Тбилиси, 1980; Геоморфология Грузии. Под ред. Л. И. Маруашвили, Тбилиси, 1971; Гвоздецкый Н. А. Физическая география Кавказа, II. М., 1958; Щербakov Е. М. Древнее оледенение Большого Кавказа. М., 1973; Цагарели А. Л. Четвертичная система. — Геология СССР, т. X. Грузинская ССР. I, М., 1964 и др.

картины исторической жизни того времени. В древневосточных (ассирийских², урартских³, древнееврейских — Библия) источниках мы находим немало сведений о населении юго-западных районов исторической Грузии, а также об объединениях грузинских племен, существовавших в древневосточную эпоху в восточной и Малой Азии.

Ассирийские источники предоставляют нам ценный материал, в частности, о крупных малоазийских объединениях мушков и табалов, население которых, возможно, состояло (по крайней мере частично) из грузинских племен. По этим же источникам (надписи ассирийских царей Тиглатпаласара I, Салманасара III) можно сделать важные заключения по вопросу об уровне социального развития населения этих объединений.

О мушках и табалах, в частности об их хозяйственной деятельности и торговых сношениях с другими странами, важный материал содержится также и в Библии — сборнике древнееврейской литературы. О мушках и северном их соседе в VII в. до н. э. — объединении племен халиту (халдов) — определенные данные можно найти и в урартских источниках, например, в Адыльджевазской надписи урартского царя Руса II (УКН,278).

Особенно многочисленны в ассирийских и урартских источниках сведения о племенах, живших в юго-западной части исторической Грузии. Из них мы узнаем много ценного, в частности о двух крупных объединениях племен, живших в данной области — Диаухи (Даиаэни) и Кулха (Колхида), а также о других политических и этнических образованиях, существовавших в юго-западных районах исторической Грузии (Забаха, Иганиехи и др.). В этих же источниках мы находим весьма ценный ономастический материал, имеющий определенное значение при исследовании этногенетических вопросов.

Древневосточные источники по истории Грузии весьма малочисленны. По количеству их, конечно, нельзя сравнить с письменными памятниками греко-римской эпохи. Однако в некоторых отношениях они выгодно отличаются от последних, ибо при их использовании, как правило, мы не встречаемся со многими препятствиями, с которыми имеем дело при пользовании греко-римскими письменными материалами. Речь идет о таких моментах, как датировка того или иного сообщения, вопрос о том, к какой именно территории относится данное сообщение и отражает ли оно реальную обстановку или является легендарным, и т. д. Античные сообщения о Грузии и грузинских племенах нередко страдают этими недостатками. Зачастую рядом друг с другом, в одной плоскости, они дают легендарные и реальные сведения, данные, относящиеся к современной им и на несколько столетий более древней эпохе, и т. д. Древневосточные источники мало грешат этим: они содержат лаконичное изложение конкретных исторических сведений (конечно, от тенденциозности и преувеличений они вовсе не застрахованы), датируются довольно точно, и территория, к которой относятся их сообщения, хорошо известна (это наиболее характерно для урартских памятников). Ввиду всего этого сведения древневосточных источников по древнейшей истории Грузии, несмотря на их малочисленность, заслуживают пристального внимания.

Из письменных источников по истории древней Грузии весьма важными являются греко-римские источники. Наибольшую ценность они представляют, конечно, для более поздней, античной эпохи, однако частично в них можно найти материал и для суждения о более ранней эпохе. В этом отношении наше внимание привлекает прежде всего знаменитое древнегреческое сказание об аргонавтах; можно с древнейшей думать, что в древнегреческом сказании об аргонавтах нашли отражение величие и могущество реально существовавшего в то время колхского объединения.

---

² В русских переводах см.: Дьяконов И. М. АВИИУ.

³ Меликишвили Г. А. УКН.

Кроме сказания об аргонавтах, в древнегреческой литературе в связи историей Грузии и вообще Закавказья обращают на себя внимание также и многочисленные сведения о вторжении скифов и киммерийцев в VIII—VII вв. до н. э. Крупное вторжение киммерийцев в Закавказье и на Ближний Восток из областей, лежащих к северу от Кавказского хребта (20-е годы VIII в.), произошло по т. н. Меоти-до-Колхидской дороге вдоль восточного побережья Черного моря. Оно, несомненно, сыграло большую роль в истории племен, живших в Восточном и Юго-Восточном Причерноморье.

В более позднюю эпоху сведения о Грузии и грузинских племенах в античных источниках становятся все более и более многочисленными. Но значительная часть этих данных не представляет большого интереса для древней истории Грузии. Многие из указанных сообщений происходят из одного и того же источника или являются повторением друг друга. Обыкновенно это голый перечень племен, живших на территории Грузии, или же эпизоды из мифов о Прометее и аргонавтах. Многократно повторяется сообщение о халибах как знаменитых металлургах, известных, в частности, обработкой железа и т. д.

Большая часть сведений греческих авторов относится к Западной Грузии, исторической Колхиде. Сведений об Иберии т. е. Восточной Грузии, намного меньше и относятся они, главным образом, к более позднему времени. Это и понятно, если вспомнить, что особенно интенсивные сношения греки имели с Западной Грузией (посредством греческих колоний и т. д.).

Как было уже отмечено выше, данные древнегреческих авторов страдают многими существенными недостатками. Нередко эти писатели, используя сведения совершенно разных эпох, отстоящих друг от друга зачастую на целые столетия, дают их в одной плоскости, в качестве описания существовавшего в их время положения. В сведениях греческих авторов, очень много сказочного, легендарного. Весьма сложным вопросом является также локализация упоминаемых ими племен и т. д.

Ценные сообщения о грузинских племенах имеются у греческих историков Гекатея Милетского (VI в. до н. э.) и Геродота (484 — 425). Они дают возможность судить о расселении грузинских племен, об их взаимоотношениях с государством Ахеменидов, об их вооружении, хозяйственной деятельности, некоторых обычаях и др. Ценные свидетельства некоторых грузинских племенах содержат и сведения Ксенофонта (444 — 354), в частности его «Анабасис». Ксенофонт в самом конце V в. до н. э. вместе с греческим десяти тысячным войском прошел по территории, населенной разными грузинскими племенами. В данной области он упоминает много разных племен (кардухи, халибы, тибарены, таохи, фасианы, геспериты, скифины, макроны, колхи, моссиники, дрылы и т. д.). Он дает географические сведения, описывает греческие приморские или местные города и другие населенные пункты, говорит о хозяйстве и вооружении, о взаимоотношениях объединений местных жителей с держа вой Ахеменидов, греческими колониями и друг с другом.

Ценные сведения о торговых сношениях греков с населением причерноморских стран дает Полибий (приблизительно 205 — 120 г. до н. э.).

Особенно важные сообщения о Грузии мы находим в сочинении «География» знаменитого географа и историка древности Страбона (приблизительно 64 г. до н. э. — 24 г. н. э.). «География» на территории Грузии называет немало областей, городов, рек, гор, племен. Особенно ценны сведения Страбона о хозяйстве и в особенности о социальном строе населения разных районов Грузии. В своих сообщениях о древней Грузии Страбон часто опирается на сообщения более древних авторов.

О Грузии, в частности о приморской части Западной Грузии, весьма важные сведения приводятся у Флавия Арриана, который в 131 г. н. э. совершил инспекционную поездку вдоль восточного побережья Черного моря и представил соответствующий отчет об этой поездке императору Адриану. Данные о Грузии, в основном, имеются в «Описании побережья Понта Евксинского» Арриана, в т. н. «Перипле Понта

Евксинского». Сведения Арриана являются исключительно ценными для изучения Западной Грузии той эпохи: особенно важны его сообщения о существовавших тогда на территории Западной Грузии политических образованиях, о сложившейся здесь в то время политической обстановке.

При освещении вопросов географии, этнического состава населения и т. д. весьма важным является «Руководство по географии» Клавдия Птолемея (II половина II в. н. э.). Важные сведения об Иберии и Колхиде содержат сочинения тех авторов, которые описывают войны Митридата VI, царя Понта, — Плутарх (46—120 гг.), Мемнон (I — II вв.), Аппиан (II в.), Кассий Дион (155 — 235 гг.) и др.

Много сведений о древней Грузии можно найти и в сообщениях латинских писателей. Немало из тех недостатков, которые присущи греческим авторам, характерны и для латинских писателей. Грузия в их сочинениях часто упоминается в связи с легендарными и мифологическими сюжетами, в частности в связи с мифом о Прометее и сказанием об аргонавтах. Сведения исторического характера часто являются повторением более древних материалов. По сравнению с ними намного большую ценность имеют, конечно, те сочинения, которые принадлежат современникам описываемых ими событий, о которых они хорошо информированы.

Из латинских писателей много сведений о Грузии содержат сочинения Помпония Мела (I половина I в. н. э.) и Гая Плиния Секунда (23/24 — 79 гг.), хотя немало из этих сведений позаимствовано из более ранних источников и встречается также у греческих авторов. Из латинских писателей весьма ценные данные по истории древней Грузии находим в сочинениях знаменитого римского историка Корнелия Тацита (приблизительно 55 — 117 гг.) — «История» (140—109 гг.) и «Анналы» (написано около 117 г.). Тацит — почти современник описываемых им событий; в то же время он опирается на большое количество первоисточников (например, протоколы заседаний Сената, оригиналы произнесенных речей, государственные документы и т. д.). Тацит широко освещает происходившую между Парфией и Римом борьбу и участие в этой борьбе Иберии и Армении. Сведения Тацита содержат много реалий, позволяющих судить о характере Иберийского политического образования, о характере власти тех, которых источники называют «царями Иберии». Наряду с сообщениями Страбона и эпиграфическими памятниками из Мцхета-Армази, сведения Тацита представляют собой важнейший материал, свидетельствующий о том, что Иберия являлась государственным образованием. В сочинениях Тацита привлекают внимание также сведения о восстании против Рима колхских племен под руководством Аникета, происшедшем в годы правления императора Веспасиана (69 — 79 гг.).

Из латинских материалов по истории Грузии можно назвать также дорожную карту второй половины IV в. н. э., известную в научной литературе под названием *Tabula Peutingeriana*. Она имеет особое значение, в частности, для изучения тех торговых-транспортных дорог, которые проходили по территории Грузии.

Сочинения греческих и латинских авторов, содержащие сведения о Грузии, изданы многократно, главным образом западноевропейскими учеными. Вместе со сведениями о других областях Кавказа, а также о скифах, киммерийцах и т. д., сведения о Грузии, извлеченные из сочинений греко-римских писателей и, наряду с греко-латинским текстом, снабженные русским переводом, опубликованы акад. В. В. Латышевым в его знаменитом сборнике «Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе» („*Scythica et Caucasica*”), изданном в 1893 — 1906 гг.⁴

---

⁴ Русские переводы заново изданы со значительными добавлениями в комментариях, с привлечением некоторых новых сведений и т. д., в журнале «Вестник древней истории» (1947—1949; 1952, № 2; см. также указатели к сборнику, изданные отдельно в качестве приложения к №4, 1950).

Наряду с сообщениями античных греко-римских источников по истории древней Грузии не лишены интереса также и более поздние, византийские источники. Они порой содержат сведения о более ранних событиях, но вместе с тем и описания современных византийским авторам событий часто ретроскопически можно использовать для восстановления более древних явлений. Особенно ценными являются эти сведения (а также засвидетельствованные в них ономастические данные) для суждения по этногенетическим вопросам: по вопросу об этническом составе населения древней Грузии, о некоторых процессах этнической консолидации, имевших место в древней Грузии и т. д. Большая работа по выявлению и изучению сведений византийских источников о Грузии проведена С. Г. Каухчишвили. Им опубликовано несколько томов серии «Сведения византийских писателей о Грузии» («Georgica»), содержащих соответствующие тексты византийских авторов на языке оригиналов, грузинские переводы с комментариями.

Ценный материал по истории античной Грузии дают нам также древнеармянские источники. Историки соседней Армении во многих случаях, конечно, были лучше информированы о Грузии, чем греческие и латинские авторы. К сожалению, памятники армянской исторической литературы имеются начиная лишь со сравнительно поздней эпохи (с V в. н. э.). Немало интересных сведений о Грузии находим мы у древнеармянских писателей: Фавстоса Бузанда, Моисея Хоренского, в армянской географии VII в.

Из местных источников в первую очередь следует назвать открытые в Грузии арамейские, греческие и еврейские эпиграфические памятники. Особенно большое значение для изучения общественно-политического строя Иберии (Картли) в эпоху античности имеют надписи, открытые в конце 30-х — начале 40-х гг. текущего столетия на территории Мцхета-Армази. Употреблявшийся в них своеобразный вид арамейского письма Г. В. Церетели, расшифровавший его, предложил именовать «армазским письмом». Из этих памятников особое внимание привлекают два памятника. Один из них является двуязычной греко-арамейской надписью, высеченной на базальтовой стеле, другой же — четырнадцатистрочной арамейской надписью на камне. Оба эти камня были использованы в Армазском некрополе в качестве строительного материала для могил более позднего времени.

Четырнадцатистрочная арамейская надпись датируется второй половиной I в. н. э., а греко-арамейская билингва, очевидно, принадлежит ко второй половине II в. н. э.

Из того же Армази, а также из некоторых других мест, в частности из с. Бори (Шорапанский район), мы имеем на разных предметах краткие надписи, упоминающие того или иного питахша. Надпись из Бори особенно интересна тем, что подтверждает сообщение древнегрузинских летописей о распространении власти иберийских царей на определенную часть Западной Грузии.

Из греческих надписей, найденных в районе Мцхета, особенно интересными являются две надписи. Одна из них найдена в 1938 г. в Самтаврском некрополе, относится к IV—V вв., представляет собой эпитафию и интересна тем, что упоминает главного художника и зодчего (по-видимому, столицы — города Мцхета), некоего Аврелия Ахолиса. Другая греческая надпись открыта в 1867 г. недалеко от Мцхета. Она высечена на строительном камне в 75 г. н. э. и повествует об «укреплении стен» столицы Иберии римлянами. В надписи названы несколько представителей царского дома Иберии, и она дает определенный материал для суждения по вопросу о наследственности иберийского престола, а также предоставляет в наше распоряжение данные для проверки достоверности царских списков Иберии, сохранившихся в древнегрузинских хрониках.

Древние греческие надписи из Мцхета опубликованы С.Г. Каухчишвили, а также Т. С. Каухчишвили⁵. Надпись, найденная в 1867 г., неоднократно публиковалась разными исследователями⁶.

В районе Мцхета обнаружены и еврейские надписи. Они относятся к IV—V вв. н. э., представляют собой эпитафии и заслуживают внимания, в частности, тем, что подтверждают правильность сообщений древнегрузинских источников о существовании в древности во Мцхета еврейской колонии⁷.

Наконец, нам следует остановиться на тех местных источниках по истории древней Грузии, которые составлены уже на грузинском языке. Среди них, в первую очередь, надо отметить исторические сочинения, посвященные описанию интересующей нас эпохи. Таковы, в частности, хроника «Мокцевай Картлисай» («Обращение Грузии») и вошедшее в древнегрузинских летописей «Картлис цховреба» («История Грузии») сочинение, посвященное древнейшему периоду истории Грузии.

а) «М о к ц е в а й К а р т л и с а й»⁸. Данный памятник состоит из двух частей. В первой повествование начинается рассказом о приходе Александра Македонского в Картли. Далее следует список картлийских царей до Мириана (начало IV в.), причем в отношении некоторых из этих правителей говорится и об их деяниях (как правило, о строительной деятельности). Затем идет краткий рассказ об обращении Картли в христианство при царе Мириане, за которым вновь следует список правителей (царей или эриставов) Картли, а также — картлийских католиков, начиная с IV в. и вплоть до 40-х гг. VII в. И здесь встречаются лаконичные упоминания о важных событиях той эпохи. И, наконец, идет голый список правителей и католиков Картли с середины VII в. до конца IX в.

В этой части «Мокцевай Картлисай» трудно видеть памятник лишь IX в., хотя окончательная редакция ее, несомненно, относится именно к этому времени, о чем свидетельствует хотя бы то обстоятельство, что список правителей и католиков Картли в ней доведен до конца IX в. Следует обратить внимание на тот факт, что основной текст в данной части оканчивается 40-ми гг. VII в. и для последующей эпохи, вплоть до конца IX в., имеется лишь голый список правителей и католиков Картли, который вполне мог быть поздним дополнением. Имевшиеся здесь анахронизмы (например, упоминание о Багдаде и т. д.) также могут принадлежать к поздним вставкам, произведенным редактором IX в. Поэтому не лишено правдоподобия высказанное в научной литературе мнение, что первоначальная редакция хроники относится, возможно, к VII в.⁹ Мы в этом случае подразумеваем лишь первую часть «Мокцевай Картлисай» — историческую хронику. Нет никакого сомнения в том, что первоначально она составляла вполне самостоятельное произведение и лишь позже была механически присоединена к сборнику легенд о Нино — просветительнице Грузии (вторая часть памятника). Именно первая часть «Мокцевай Картлисай» и интересует нас как источник по истории древнего, дохристианского периода истории Картли.

---

⁵Каухчишвили С. Г. Новооткрытая греческая надпись из Мцхета-Самтавро. — САНГ, 1943, т. IV, 6, а также: Корпус греческих надписей Грузии, опубликованный Т. С. Каухчишвили (Греческие надписи Грузии, 1953).

⁶Последнее издание надписи принадлежит Г. В. Церетели. (См. его: Греческая надпись из Мцхета эпохи Веспасиана. Тбилиси, 1958).

⁷Вышеупомянутые еврейские надписи опубликованы Г. В. Церетели. (См.: Изв. ИЯИМК Груз. ФАН СССР, 1940, т. V—VI).

⁸См. в русском переводе Е. С. Такаишвили: СМОМПК, вып. 28. Тбилиси, 1900, с. 1 — 116.

⁹Ингороква П. И. Краткий обзор истории грузинской литературы. — Мнатоби, 1939, №4, с. 105 — 107, 135 — 136.

Однако и в отношении этой части (ей можно дать название «Исторической хроники» сборника «Мокцевай Картлисай») встает перед нами сложный вопрос об отдельных ее составных частях и тех источниках, на которых она основывается.

Составитель этой «Исторической хроники» пользуется несомненно древними материалами. В хронике имеется полный список правителей, а для более поздней эпохи (IV в. и следующие) и католикосов Картли. Данный материал (в частности список картлийских царей) контролируется многими местными и в особенности иноземными (греко-римскими, древнеармянскими и др.) источниками, в результате чего выясняется, что, несмотря на отдельные неточности и искажения, перед нами надежный, достоверный исторический материал. Это же указывает на наличие древней местной (причем письменной) традиции, нашедшей отражение, между прочим, и в «Исторической хронике» «Мокцевай Картлисай».

Наряду с царскими (и др.) списками в этой же хронике имеются лаконичные сообщения о тех или иных важных событиях. Сведения эти имеют конкретный характер: это указания на строительство крепостей и воздвижение идолов (языческих святилищ), городов и христианских церквей, конкретные факты взаимоотношений с соседними государствами — Ираном, Византией. Данные сведения, несомненно, также основаны на хорошо информированной местной (частично, может быть, и иноземной) письменной исторической традиции. Это можно сказать и о некоторых моментах даже в той части хроники, где речь идет о деятельности св. Нино. Так, события, связанные с насаждением среди горцев христианства огнем и мечом, переданы здесь в столь характерных чертах и носят такую печать достоверности (Описание, с. 715—717), что данное описание, вне всякого сомнения, должно исходить от современника или же от лиц, ближайших к современникам описываемых событий.

Составители списков правителей и католикосов Картли с приписками об их строительной деятельности, а также авторы исторических хроник, из которых извлечены сведения другого характера, судя по характеру сообщаемых ими сведений, пользовались древней письменной исторической традицией или же информацией современников описываемых событий. О достоверности этой традиции свидетельствует совпадение ее данных со свидетельствами других источников всякий раз, когда подобное сличение становится возможным.

В начальной части «Мокцевай Картлисай», очевидно, нашли отражение и некоторые устные предания.

б) «К а р т л и с ц х о в р е б а». «Картлис цховреба» — «Житие (история) Картли (Грузии)» — свод древнегрузинских летописей¹⁰. Цель составителей этого сборника более ясна: последовательное изложение истории Картли (Грузии). Изучение данного сборника имеет длинную историю. Исследователями доказано, что к XII в. данный сборник оканчивался сочинением «История Давида Строителя». Это подтверждается хотя бы тем, что именно этим сочинением оканчивается текст «Картлис цховреба» в древнеармянском переводе XII в., дошедшем до нас в рукописи уже XIII в.¹¹

Вопрос о составных частях этого сборника, их авторах и времени их составления является весьма сложным. В научной литературе на этот счет высказано немало противоречивых мнений, причиной чего является неясность имеющихся в самом тексте приписок о составителях отдельных частей сборника и недостаточность проведенной работы по языково-стилистическому и литературно-историческому анализу памятника.

---

¹⁰ Последнее издание памятника принадлежит С. Г. Каухчишвили: Картлис цховреба. Тбилиси, т. I, 1955 и т. II, 1959; там же см. о рукописях этого памятника, об истории составления сборника, очерк его изучения, а также указание на соответствующую литературу. Ниже ссылки на текст мы даем по этому изданию. Об этих вопросах см. также: Г р и г о л и я К Г. Ахали Картлис цховреба. Тбилиси, 1954, с. 93 и след.

¹¹ А б у л а д з е И. В. Древнеармянский перевод грузинских исторических хроник («Картлис цховреба»). Тбилиси, 1953.

В том месте, где летопись касается правления царя Арчила (первая половина VIII в.) в сборник включено краткое сочинение «Мученичество Арчила». Перед ним имеется приписка, что это «Мученичество Арчила», а также «Житие (историю) царей» и обращение Картли, совершенное св. Нино, описал («агцера» — ალწერა) Леонтий Мровели (КЦ, 224). Однако после «Мученичества Арчила» имеется уже другая приписка, что «книга эта истории грузин (картвелов) до Вахтанга [Горгасала, царствовал во II половине V в.] писалась время от времени. С царя Вахтанга же до сего места описал Джуаншер Джуаншериани, муж племянницы св. Арчила, родственник Реви, сына Мириана. Отныне последующие поколения пусть опишут то, что увидят...» (КЦ, 248).

На основании этих приписок И. А. Джавахишвили полагал, что Леонтий Мровели был, очевидно, автором довахтанговской части сборника. История Вахтанга и последующего периода вплоть до Арчила принадлежит Джуаншеру, а «Мученичество Арчила» — вновь Леонтию. Последнего он считал автором XI в. Джуаншер, по его мнению, также автор XI в. Вслед за «Мученичеством Арчила», как полагал И. А. Джавахишвили, начиналось новое сочинение анонимного автора, в котором повествуется история Картли от кончины царя Арчила (VIII в.) до конца царствования Баграта IV (начало XI в.)¹².

К.С. Кекелидзе при решении этих вопросов на первый план справедливо выдвигает языково-стилистический и литературно-исторический анализ памятника. На основании такого анализа он приходит к выводу, что первому автору — Леонтию Мровели, принадлежит вся начальная часть летописи, включая историю Вахтанга Горгасала; перу же Джуаншера — вся послевахтанговская история, вплоть до конца царствования Баграта IV (начало XI в.). Обоих авторов К. С. Кекелидзе как и И. А. Джавахишвили, считает писателями XI в.¹³

Авторство Леонтия Мровели, кроме противоречащей приписки (см. выше), ставится под сомнение также и одним из вариантов приписки о нем, сохранившейся, правда, в довольно поздней рукописи (теймуразовской; переписана в 1700 — 1705 гг.). Здесь говорится, что означенные сочинения «описал (ალწერა) Леонтий Мровели и сейчас (ახლა) описал Иоане Деканози». Ясно, что составитель подобной приписки не рассматривал ни Леонтия, ни Иоане в качестве авторов, так как не было необходимости заново сочинять уже сочиненное. Ясно, что «агцера» (ალწერა) здесь и, вероятно, вообще в этой приписке употребляется не в смысле «сочинять». Это слово в древних рукописях употреблялось также и в значении «переписать»¹⁴. В качестве примера можно указать на приписку к древнейшему списку «Картлис цховреба» — списку царицы Анны, в котором переписчик говорит, что ему было приказано «агцера» (ალწერა) этих книг¹⁵.

К сказанному следует добавить и тот интересный факт, что древнеармянский перевод «Картлис цховреба» приписку о Леонтии не приводит, очевидно, здесь, как и в приписке с упоминанием Иоане Деканози, Леонтий не рассматривался как автор-составитель, и поэтому упоминание о нем было опущено (приписка о Джуаншере здесь имеется).

В интересующей нас части летописи ясно выделяются три ее основные составные части. Пространная история Вахтанга ясно носит черты отдельного произведения. В «Истории Вахтанга» мы находим следы использования некоторых таких источников, которых не видно в предшествующей части¹⁶. Кроме того, имеется ряд других фактов,

¹² Джавахишвили И. А. Древнегрузинская историческая литература. Тбилиси, 1954, с. 171 — 207; ср. с. 299 и след.

¹³ Кекелидзе К. С. Литературные источники Леонтия Мровели. — Вестник Тбилисского университета, 1923, III; его же. Историк Вахтанга Горгасала и его история. — Этюды..., IV 1957, с. 187 — 201; История, грузинской литературы, т. I. Тбилиси, с. 136—143; т. II. Тбилиси. 1958, с. 252 — 262.

¹⁴ Кекелидзе К. С. Этюды..., II, с. 279.

¹⁵ КЦ. 364; Список царицы Анны, с. 234.

¹⁶ Кекелидзе К. С. История Вахтанга Горгасала. - Этюды..., IV, с. 198-200.

указывающих на ее отличие от предшествующей части (доваханговский, скорее домириановский период). Для последней характерна резко выраженная арменофильская тенденция, которую мы не находим в «Истории Вахтанга». Кроме того, наблюдается имеющее глубокий смысл различие в употреблении некоторых географических терминов. Например, арменофильской части не известно употребление термина «Абхазети» (Абхазия). В одном единственном месте (КЦ, 38), где этот термин встречается (скорее это поздняя вставка), — «Абхазети» фигурирует рядом с «Эгриси» (основная часть Западной Грузии), в то время как с VIII в. «Абхазети» постепенно входит в обиход в качестве обозначения территории всей Западной Грузии. В «Истории Вахтанга» мы уже встречаемся с таким фактом: здесь говорится, например, о захвате Вахтангом крепостей Абхазети вплоть до Цихе-Годжи (КЦ, 157), т. е. древней столицы Эгриси¹⁷.

Кроме этих двух исторических сочинений (1-го — арменофильского сочинения, посвященного древнему периоду, и 2-го — «Истории Вахтанга Горгасала»), в этой части «Картлис цховреба» можно выделить в качестве отдельного произведения пространный рассказ об обращении Картли в христианство, почти дословно взятый из сборника «Мокцевай Картлисай».

В настоящее время нас интересует лишь первая из этих трех составных частей — арменофильское сочинение. Исследователи (К. С. Кекелидзе, П. И. Ингорквва) указывают на ряд признаков, говорящих в пользу довольно ранней датировки этого сочинения. Считается, что после первой четверти VIII в., когда армяно-грузинские церковные взаимоотношения сильно обострились, вряд ли можно было допустить появление сочинения со столь резко выраженной арменофильской тенденцией. Отсутствие термина «Абхазети» также указывает на ранний период и т. д.¹⁸ Конечно, этот памятник дошел до нас вовсе не в первоначальном виде, а в более поздней редакции.

Основным вопросом для нас является следующий: какова ценность как исторического источника по истории древней Грузии того арменофильского сочинения, на котором основан рассказ «Картлис цховреба» о древнейшем дохристианском периоде истории Картли.

И. А. Джавахишвили полагал, что источники, которыми пользуется составитель хроники, лишены всякой исторической ценности и поэтому это сочинение для древнейшей истории грузинского народа в качестве надежного материала почти непригодно¹⁹. Несмотря на подобное общее заявление, И. А. Джавахишвили считал заслуживающим внимания целый ряд сообщений летописи (так, например, сведения об институте «мамасахлисов»²⁰, о языческих верованиях грузин²¹, данные по исторической географии²² и т. д.).

По мнению К. С. Кекелидзе, историческое значение данного сочинения весьма незначительно; оно более интересно как литературное произведение, сохранившее древнейшие образы народного эпоса²³. Акад. К. С. Кекелидзе провел значительную работу по изучению древнейших частей «Картлис Цховреба», по установлению тех

---

¹⁷ В «Истории Вахтанга» более поздний хронологический слой вообще чувствуется сильнее, чем в предшествующей части. Например, автору известно о передвижении печенегов (пачаников) с территории между Доном и Дунаем на запад — факт, происшедший в первой половине XI в., и т. д.

¹⁸ К е к е л и д з е К. С. Литературные источники Леонти Мровели. — Вестник Тбилисского университета, III, 1923, с. 53—55; его же. Этюды..., II, 1945, с. 274; И н г о р к в а П. И. Леонтий Мровели. — Изв. ИЯИМК, X, 1941.

¹⁹ Д ж а в а х и ш в и л и И. А. Древнегрузинская историческая литература, 1946, с. 183.

²⁰ Там же, с. 181.

²¹ Там же, с. 182.

²² Там же, с. 183.

²³ К е к е л и д з е К. С. Литературные источники Леонти Мровели. — Вестник Тбилисского университета, III, 1923, с. 56;

источников, на которые они опираются. Известная работа в этом направлении проведена также и П. И. Ингорква.

В связи с тем, что некоторые сведения древнегрузинской летописи (устройство государственного управления в Картли наподобие «царства Персидского», распространение здесь шести разговорных языков) находят подтверждение в новых эпиграфических материалах из древней Грузии, Г. В. Церетели ставил вопрос о пересмотре излишне скептического отношения (проявляемого, в частности, И. А. Джавахишвили) к нарративным историческим источникам²⁴.

В историческом сочинении, посвященном древнему периоду истории Грузии (Картли), вошедшем в сборник «Картлис цховреба», использованы разные источники. В частности, чувствуется использование народных сказаний, исторической хроники «Мокцевай Картлисай», иранского эпоса и армянской устной или письменной исторической традиции²⁵.

На народные сказания опирается сочинение при повествовании о первом царе в Мцхета — Азо, сыне царя Ариан-Картли, об основателе царской династии Фарнавазе и первых Фарнавазианах. Конечно, эти народные сказания подвергнуты определенной литературной книжной редакции. Присутствие элементов народных сказаний чувствуется также в рассказах о двух выдающихся правителях древней Картли — о царях Фарсмане Квели и Амазаспе.

«Картлис цховреба» пользуется также, безусловно, хроникой «Мокцевай Картлисай»; при этом чувствуется, что в руках авторов были лучшие, чем дошедшие до нас, списки этого памятника. «Картлис Цховреба» почти без изменений заимствует царский список «Мокцевай», приводит все данные в отношении деятельности тех или иных правителей Картли, которые имеются в «Мокцевай».

Широко использованы в сочинении также данные иранского эпоса, нашедшего свое окончательное оформление в знаменитом «Шахнаме» Фирдоуси. При этом явно видно, что автор пользуется не сочинением Фирдоуси, а теми предшествующими ему памятниками, которые легли в основу «Шахнаме».

Очевидным является также использование, притом в довольно широком масштабе, армянской исторической традиции. Имеются в виду такие части интересующего нас сочинения, как рассказ о предках грузинских и соседних с ними племен, о борьбе этих предков («таргамосианцев») под водительством этнарха армян Гаика с Белом (гесп. Нимрудом). Использование армянской традиции налицо и при описании борьбы разных претендентов на картлийский престол при поддержке персов и армян (от царя Фарнаджома до Адерки — КЦ, I, 23—43). Та же армянская традиция является источником при описании войн между Картли и Арменией (КЦ, 1,44—50). Многое перечисленное выше представлено и в «Истории армян» Моисея Хоренского, однако прямого заимствования из этого сочинения явно нет. Видно, «Картлис цховреба» опирается на устные и письменные армянские материалы, которые легли в основу повествования самого Моисея. И это обстоятельство может косвенно указывать на правомочность более ранней датировки интересующего нас сочинения. Кроме того, факт преобладания в этом сочинении материала, заимствованного из армянских источников, явно выраженная арменофильская тенденция данного грузинского сочинения указывают, что она возникла в среде, кровно заинтересованной в армяно-грузинском единстве, притом под гегемонией армянского элемента. Такую вряд ли можно обнаружить в X—XI вв., когда гегемония грузинских политических образований является уже твердо установившимся фактом. Поэтому и этот факт, по нашему мнению, указывает на более раннее (VIII—IX вв.?) возникновение сочинения «Картлис цховреба»,

---

²⁴ Церетели Г. В. Армазская билингва. — Изв. ИЯИМК, 1942, XIII, с 47.

²⁵ Подробнее см.: М е л и к и ш в и л и Г. А. К истории древней Грузии, с 34 -47.

посвященного древнейшему, дохристианскому периоду истории Картли. Конечно, в дошедшем до нас виде это сочинение может носить следы и более поздней редакции.

§3. К ИЗУЧЕНИЮ ДРЕВНЕЙ ИСТОРИИ ГРУЗИИ В ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ И СОВЕТСКОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКЕ

Изучение истории Грузии эпохи господства на ее территории первобытнообщинных отношений и раннеклассового строя стало на твердую научную основу лишь в последнее время. Это обусловлено в основном тем, что тот богатый археологический и эпиграфический материал, который является основным источником по изучению этого периода истории Грузии выявился лишь в течение последних десятилетий, в годы советской власти.

В XIX и в начале XX в. исследователи древнейшей и древней истории Грузии исходили, главным образом, из сведений сборника древнегрузинских исторических сочинений «Карлис цховреба», а также из сообщений ассирийских клинообразных надписей, Библии и греко-римских писателей о Грузии и грузинских племенах. Однако уже историки этого периода, чувствуя недостаточность имевшихся в их распоряжении материалов, старались привлечь к анализу также и данные лингвистических, археологических и этнографических исследований. Это чувствуется, например, в работах крупнейшего грузинского историка XIX в. Д. Бакрадзе (1826 — 1890), а также М. Джанашвили. У этих же авторов мы находим попытку представить историю Грузии на широком фоне всемирной истории, связать ее со всемирно-историческим процессом. Эти ученые знали и пользовались достижениями русской и западноевропейской исторической науки того времени.

Особенно высоким научным уровнем выделяются исследования Д. Бакрадзе. Последний особенно понимал большое значение археологического материала в деле воссоздания древнейшей истории Грузии и широко пользовался тем немногим, что было добыто в этой области начавшимися с 1870-х гг. археологическими раскопками в окрестностях Мцхета (Самтавро). Известно, что и в своей практической деятельности Д. Бакрадзе является одним из инициаторов развертывания в Грузии археологических раскопок. Он был одним из основателей возникшего в 1874 г. «Общества любителей кавказской археологии», которое взяло на себя заботу о производившихся в Самтавро археологических раскопках. По инициативе и предложению этого «общества» V съезд археологов России был созван в 1881 году в Тифлисе.

После смерти Д. Бакрадзе забота об археологических работах в Грузии перешла в руки вышедшего в то время на научное поприще Е. Такайшвили, который произвел раскопки во многих пунктах Грузии и выявил интересные памятники материальной культуры древнейшего периода истории Грузии. Следует отметить также заслуги Е. Такайшвили в публикации некоторых древнегрузинских источников («Мокцевай Картлисай», «Карлис цховреба»).

На новую высокую ступень поднял исследование истории Грузии акад. И. А. Джавахишвили (1876 — 1940). Человек, большой энергии, научной подготовки и эрудиции, пламенный патриот своей родины, И. А. Джавахишвили оставил свой след в области изучения почти всех участков истории Грузии и грузинской культуры, можно сказать, вообще всей картвелологии. В его работах, посвященных экономической и политической истории Грузии, истории права и религиозных верований, музыкальной и материальной культуры, вопросам кавказского языкознания и т. д., мы находим богатый материал по истории древней Грузии.

Путем анализа этнографических и языковых данных И. А. Джавахишвили в I книге фундаментального труда «История грузинского народа» дал обширное

исследование по языческой религии грузинских племен. Этому же вопросу посвящены интересные экскурсы в I книге его «Введения в историю грузинского народа» (1950). Исключительно тщательной разработке подверг исследователь также источники по вопросу об обращении грузин в христианство в книге «История грузинского народа» (кн. I). Очень важное значение для исследования древней истории Грузии имеет проведенный им анализ древнегрузинской социальной и другой терминологии (в труде «История грузинского права» и др.).

Большое значение имела также работа И. А. Джавахишвили для исследования этногенеза грузинского народа. Над этой проблемой особенно интенсивно работал покойный ученый в последний период своей жизни. Эти вопросы И. А. Джавахишвили разрабатывал в тесной связи с вопросами этногенеза других кавказских народов. К этой проблематике относится вышедший в 1937 г. его объемный языковедческий труд «Первоначальный строй и родство грузинского и кавказских языков». Этнографическим вопросам, кроме вышеназванного языковедческого исследования, посвящен вышедший уже после его смерти (в 1950 г.) труд «Историко-этнологические проблемы Грузии, Кавказа и Ближнего Востока». Основные выводы этого труда были изложены им в статье, опубликованной примерно под таким же названием в журнале «Вестник древней истории» (1939, №4).

Так же, как и у его предшественников, у И. А. Джавахишвили при исследовании древнейшего периода истории Грузии большое место занимает анализ данных древневосточных источников (ассирийские клинообразные надписи, Библия) о восточномалоазийских племенах — мушках, табалах, которых он считал непосредственными предками позднейшего населения Грузии.

Следует отметить, что, исключительно широко используя этнографические данные для изучения древнейших религиозных верований, И. А. Джавахишвили полностью игнорировал этот самый материал для воссоздания древнейших общественных отношений среди грузинских племен. Трудно нам согласиться и с решением ряда этногенетических вопросов в трудах И.А.Джавахишвили; недостаточно использовались им древнегрузинские исторические хроники как источники по истории древней Грузии.

В изучении древней истории Грузии особенно большие успехи были достигнуты за годы советской власти. Подлинно научное освещение основных вопросов древней истории Грузии мы находим лишь в советской науке. Это обусловлено, во-первых, тем, что советская историческая наука, в отличие от революционной и современной буржуазной историографии, строится на марксистско-ленинской теории и, во-вторых, тем что за годы советской власти, в основном благодаря развернувшимся в широких масштабах археологическим работам, неизмеримо расширилась база для изучения древней истории Грузии, так же как и всех других народов Советского Союза. Кроме того, за годы советской власти в Грузии выросли многочисленные научные кадры, создалась широко разветвленная сеть научных учреждений, занимающихся изучением исторического, прошлого своего народа.

За годы советской власти в Грузии были проведены крупные археологические работы, неизмеримо расширившие базу для изучения древнейшего периода истории Грузии. Опираясь на марксистско-ленинское понимание исторического процесса и благодаря непрерывному накоплению конкретного материала, советским ученым удалось правильно осветить вопросы общественного развития населения Грузии в эпоху первобытнообщинного строя, а также один из центральных вопросов истории Грузии — вопрос о возникновении классового общества и первых государственных образований, и установить характер этих первых грузинских государств.

В 30-х годах в Грузии развернулись широкие археологические раскопки, одним из инициаторов и руководителей которых был С.Н. Джанашиа. Эти раскопки дали исключительно богатый материал для освещения как периода первобытнообщинного

строю, так и эпохи первых государственных образований Грузии. Этот новый материал также был им широко использован (конечно, в той мере, в какой это позволил характер его работы) в учебнике «История Грузии» для средней школы, вышедшем под его редакцией²⁶.

Если древнегрузинская государственность, по мнению И. А. Джавахишвили, имела в своей основе родовой строй, то в работах С. Н. Джанашиа общества Грузии античной эпохи определяются как многоукладные. С. Н. Джанашиа в этой связи дал весьма убедительный анализ известного сообщения Страбона о социальном делении общества древней Иберии и показал, что иберийское общество по этому описанию является уже обществом классовым²⁷.

Конечно, не все детали в воссозданной им картине древней Грузии являются одинаково убедительными. Многие вопросы истории этого периода в его работах остались неосвещенными, другие же — рассмотрены с недостаточной полнотой. Акцентируя на аргументации основной мысли о классовом характере древнегрузинского общества, С. Н. Джанашиа не в достаточной степени показал специфичность социально-экономического строя древней Грузии, его протофеодальный характер (он его в конце концов признал рабовладельческим). С. Н. Джанашиа также не было суждено обобщить новый богатый материал, добытый грузинской советской археологией, частично под его же руководством. За это дело взялись грузинские археологи, которые предприняли интересные попытки воссоздания картины исторической жизни населения Грузии по отдельным эпохам.

Подытоживанию достигнутых результатов в деле исследования вопросов социально-экономического развития древней Грузии была посвящена проведенная в Тбилиси в декабре 1954 г. дискуссия по вопросу о возникновении классового общества и государства в Грузии²⁸. В результате проведенной в 1966 г. дискуссии специалистами по древней истории Грузии был отвергнут тезис о рабовладельческом характере древнейших восточных, в том числе и древнегрузинских государств (Иберия, Колхида)²⁹.

Характерной чертой советских исследований по древней истории Грузии, как и других стран Закавказья (Армении, Азербайджана) является определенная концентрация внимания на изучении крупных политических образований, существовавших еще в древневосточную эпоху на территории, на которой позднее происходил процесс формирования современных народов Закавказья³⁰. С точки зрения древней истории Грузии в этом направлении следует отметить детальное изучение вопросов, связанных с историей крупнейших политических образований в юго-западной части исторической Грузии в древневосточную эпоху — Диаухи и Кулха (Колхида), о которых много интересных сведений содержат урартские и отчасти ассирийские клинописные источники³¹. Эти древние политические и этнические образования изучались и в аспекте

²⁶ Б е р д з е н и ш в и л и Н. А., Д ж а в а х и ш в и л и И. А., Д ж а н а ш и а С. Н. История Грузии. Тбилиси, 1946.

²⁷ См.: Д ж а н а ш и а С. Н. Труды, т. I, 1949; т. II, 1952; т. III, 1959, Тбилиси.

²⁸ Отдельной книгой опубликован доклад, прочитанный Г. А. Меликишвили на дискуссии (К вопросу о возникновении классового общества и государства в Грузии. Тбилиси, 1955). (Краткое изложение докл. см. в статье автора, опубликованной в журн. «Вопросы истории», 1956, № 4; информацию о дискуссии см.: Труды Института истории АН Груз. ССР, т. I, 1955).

²⁹ См.: М е л и к и ш в и л и Г. А. Вопрос о социально-экономическом строе древней Грузии. — Мацне (Известия АН ГССР), 1966, №1. (В дальнейшем название этого журнала для краткости будет обозначаться «Мацне»). Отчет о дискуссии см, там же, 1966, №4.

³⁰ М е л и к и ш в и л и Г. А. Древняя история Закавказья в советской исторической науке. — ВДИ, 1957, № 3, с. 72 и след.

³¹ У ш а к о в П. Н. Древнейшие народы Грузии и новые археологические открытия. — Бюллетень Гос. музея Грузии, X—B, 1940; его же. Тао-Кларджетия в конце IX и в VIII веке до нашей эры. — Труды Тбилисского учительского института, т. I, 1941; его же. К походам урартийцев в Закавказье в IX — VIII вв. до н. э. — ВДИ, 1946, №2; М е л и к и ш в и л и Г. А. Диаухи. — ВДИ, 1950, № 4; его же. Наири-Урарту, Тбилиси, 1954.

этногенеза грузинских племен в связи с вопросом о древнейших политических и консолидирующих центрах и т. д.³²

В связи с изучением этногенетических вопросов следует отметить плодотворную языковедческую работу, развернувшуюся в Грузии и за ее пределами, а также работы по истории древней материальной и духовной культуры грузинских племен (археологические и этнографические исследования), по антропологии и т. д., имеющие большое значение для проблемы этногенеза. Однако обобщения в этой области страдали рядом недостатков. Чрезмерное внимание обращалось на вопрос о родстве грузин и других народов Кавказа с древнейшим населением Передней Азии, имеющий фактически весьма малое значение для исследования этногенеза грузинского народа и генезиса государственности у грузин, так как несомненно, что в эпоху существования крупных переднеазиатских государств грузинские племена уже обладали своей языковой и этнической индивидуальностью, которой они отличались даже от своих возможных южных сородичей. Кроме того, исследователи этой проблемы обращались, в основном, к рассмотрению наиболее древних и трудно интерпретируемых фактов, в то время как меньше внимания уделялось более поздним показателям, могущим пролить свет на этот вопрос. Все еще недостаточно привлекались данные языка как исключительно важного исторического источника при исследовании этногенетических вопросов. Археологический материал, вследствие своей сравнительной малочисленности и недостаточной изученности, также пока не смог оказать существенную помощь в разработке указанного вопроса.

В настоящее время нас не может удовлетворить то решение этногенетических вопросов, которое имеется в трудах И. А. Джавахишвили. Исключая проблему языкового родства с другими народами, вопрос о происхождении грузинского народа у И. А. Джавахишвили так же, как вообще у многих прежних исследователей (и даже сейчас у многих современных историков), сводился к вопросу о переселении грузинских племен с их первоначальной родины. Как грузинские, так и все другие кавказские племена И. А. Джавахишвили рассматривал в качестве племен, переселившихся на Кавказ с юга некогда в доантичную эпоху. Однако в настоящее время такая постановка вопроса вряд ли оправдана чем-либо. Археологические исследования, которые развертываются во все более широких масштабах на территории Грузии и вообще Кавказа с полной очевидностью выявляют непрерывность происходящего здесь с древнейших времен процесса местной самобытной культуры, что исключает (по крайней мере, на том отрезке времени, о котором мы можем судить по имеющимся материалам) мысль о происшедшем здесь коренном изменении этнического состава населения этой области. Лингвистический анализ древней топонимики Кавказа, хотя и указывает на происшедшие в распространении отдельных кавказских племен изменения, не дает основания отрицать наличие их здесь в более раннюю эпоху. Анализ же древнего лексического фонда картвельских языков (на уровне их языка-основы — III тыс. до н. э. и картско-мегрело-чанского языкового единства — II тыс. и I половина I тыс. до н. э.) прямо приводит исследователей к выводу об обитании грузинских племен уже в эту отдаленную эпоху на территории Грузии (см. ниже, в главе об этногенезе).

Лишь тесная связь изучения этногенетических вопросов (вопросов развития этнических признаков грузин — их языка, культуры и т. д.) с конкретной историей грузинских племен может создать в дальнейшем основу для правильного решения этой труднейшей проблемы истории грузинского народа.

Многое было сделано за советский период также и в деле публикации и изучения местных и иноземных источников по истории древней Грузии. Расшифровка и

---

³² М е л и к и ш в и л и Г. А. О происхождении грузинского народа. Тбилиси, 1952; его же. Наир-Урарту, с. 398 и след.

интерпретация найденных во Мцхета греческих и арамейских надписей Г. В. Церетели, несомненно, является значительным вкладом в изучение истории древней Грузии.

В изучение древнегрузинских исторических источников ценный вклад внес К. С. Кекелидзе, исследования которого об источниках, строении этих памятников и т. п. имеют большое значение для их критического использования.

Образцовые публикации ряда памятников древнегрузинской письменности, древнеармянского перевода «Картлис цховреба» и др., принадлежащие И. В. Абуладзе, представляют большой интерес и для изучения ряда вопросов древней истории Грузии. Следует отметить также публикацию текста «Картлис цховреба» по всем рукописям С. Г. Каухчишвили и т. д.

Цепными являются также публикации целого ряда иноязычных источников по истории древней Грузии (Т. С. Каухчишвили, А. П. Гамкрелидзе, Н. Кечахмадзе, Н. Ю. Ломоури, А. В. Урушадзе, Т. К. Микеладзе и др.)³³.

За последние десятилетия было опубликовано немало работ, освещающих вопросы политической и социально-экономической истории древней Грузии, по этногенезу грузинского народа и т. д. Следует назвать работы А. М. Апакидзе, Г. К. Гозалишвили, М. П. Инадзе, О. Д. Лордкипанидзе, Г. С. Мамулиа, Г. А. Меликишвили, Т. К. Микеладзе, Н. Ю. Ломоури, Д. А. Хахутайшвили и др.³⁴

Г Л А В А I

ЭПОХА ПАЛЕОЛИТА В ГРУЗИИ

³³ Каухчишвили Т. С. «География» Страбона. Сведения о Грузии Тбилиси, 1957; ее же. Аппиан. Митридатовы войны. Тбилиси, 1959; ее же, Известия Геродота о Грузии. Тбилиси, 1960; Гамкрелидзе А. П. Сведения византийских писателей о Грузии, т. I. Тбилиси, 1961; Кечахмадзе Н. Флавий Арриан. Путешествие по берегам Черного моря. Тбилиси, 1961; Ломоури Н. Ю. Сведения Диона Кассия о Грузии. Тбилиси, 1966; Урушадзе А. В. Древнейшая Колхида в сказании об аргонавтах, 1964; Микеладзе Т. К. «Анабасис» Ксенофонта (Сведения о грузинских племенах). Тбилиси, 1967 (все на груз. яз.).

³⁴ Апакидзе А. М. Города и городская жизнь в древней Грузии, Тбилиси, 1963 (на груз. яз.); его же. Города древней Грузии. Тбилиси, 1968; Гозалишвили Г. К. Митридат Понтийский, Тбилиси, 1962 (на груз. яз.); Инадзе М. П. Причерноморские города древней Колхиды. Тбилиси, 1968; Ломоури Н. Ю. Греческая колонизация побережья Колхиды. Тбилиси, 1962; его же. История Эгрисского царства. Тбилиси, 1968; его же. Очерки по истории Картлийского (Иберийского) царства. III — начало IV в. н.э. Тбилиси, 1975; его же. К истории Понтийского царства. Тбилиси, 1979 (все на груз. яз.); Лордкипанидзе О. Д. Античный мир и древняя Колхида. Тбилиси, 1966 (на груз. яз.); его же. Античный мир и Картлийское царство (Иберия). Тбилиси, 1968 (на груз. яз.); его же. Древняя Колхида. Миф и археология. Тбилиси, 1979; Мамулиа Г. С. Формирование классового общества и государства в древней Картли. Тбилиси, 1979 (на груз. яз.); Меликишвили Г. А. К вопросу о древнейшем населении Грузии, Кавказа и Ближнего Востока. Тбилиси, 1965 (на груз. яз.); его же. Вопрос о социально-экономическом строе древней Грузии. — Мацне, 1966, № 1 (на груз. яз.); его же. К вопросу о социально-экономическом строе древней Иберии (Картли). — ВДИ, 1977, № 4; Микеладзе Т. К. Разыскания из истории древнейшего населения Колхиды и Юго-Восточного Причерноморья. Тбилиси, 1974 (на груз. яз.); Хахутайшвили Д. А. Вопросы истории городов Иберии. Тбилиси, 1966 (на груз. яз.); Анчабадзе З. В. История и культура древней Абхазии. М., 1964; Бердзنيшвили М. Д. К истории города Фазиса. Тбилиси, 1969 (на груз. яз.); Лордкипанидзе Г. А. Древняя Колхида в VI — II вв. до н. э. (историко-археологическое исследование). Тбилиси, 1975; Болтунова А. И. Античные города Грузии и Армении. — Античный город. М., 1963; Куфтин Б. А. Материалы к археологии Колхиды, I, II. Тбилиси, 1949, 1950; Проблемы греческой колонизации Северного и Восточного Причерноморья (Материалы I Всесоюзного симпозиума по древней истории Причерноморья, Цхалтубо, 1977). Тбилиси, 1979; Вани (сб.), I — VI. Тбилиси, 1972—1981 (на груз. яз.); Великий Питиунт, I — III. Тбилиси, 1975 — 1978 (на груз. яз.).

Палеолит, один из весьма важных разделов древнейшей Горни общества, в Грузии становится предметом специального изучения с 30-х гг. текущего столетия. За прошедшее время советскими учеными открыто и изучено более 400 памятников (среди них 65 пещерных), обогативших науку многочисленными достоверными сведениями, и о пребывании в этих краях палеолитического человека и его культуре. Накопленный на сегодняшний день по Грузии огромный материал в виде остатков, преимущественно производственного инвентаря первобытных людей, служит основанием для характеристики хозяйственной деятельности и культурного состояния обитавших здесь человеческих коллективов и их культурно-исторических общностей.

В настоящее время в Грузии четко выделяются 6 районов распространения памятников палеолитической культуры:

I. Причерноморская полоса Грузии (включая Абхазскую АССР).

II. Бассейн рр. Риони — Квирила.

III. Левобережье р. Куры, в пределах исторической Шида-Картли (включая Юго-Осетинскую автономную область и среднюю полосу высокогорья южных склонов Большого Кавказа).

IV. Низкогорье правобережья р. Куры в пределах исторической Квемо-Картли (Нижняя Картли).

V. Джавахетское нагорье.

VI. Иоро-Алазанское междуречье.

Эти районы отличаются друг от друга различными физико-графическими условиями. Они изучены неравномерно. Причерноморье, Шида-Картли и Рионо-Квирильское междуречье изучены лучше остальных. В приморской полосе и примыкающей к ней части Ингурского бассейна зафиксировано около 200 пунктов и памятников палеолитического времени. Большинство из них (около 160) расположено в прибрежной части страны. Наиболее ранние памятники древнекаменного века (ранний ашель) изучаемого региона — Яштхва и Бырцх, расположенные в Абхазии³⁵.

На левобережье р. Куры (Шида-Картли) засвидетельствовано более 60 памятников ашело-мустьерского и 10 верхнепалеолитического периода; именно на этой территории, скорее в ее западной части, в высокогорной зоне Большого Кавказа расположены многослойные пещерные поселения Кударской и Цонской группы. Кударо и Цона следует считать первыми эталонными памятниками Советского Союза, где *in situ* выявлены культурные слои среднеашельского времени³⁶.

Из известных в бассейне рр. Риони и Квирила около 100 палеолитических местонахождений: 15 относятся к разным разделам ашельской эпохи, большинство же их падает на мустье (61 памятник) и верхний палеолит и мезолит (23). Ни один из ашельских памятников данного региона не стратифицирован. Однако здесь сосредоточено около десятка пещерных поселений (Джрочула, Ортвала-Клде, Сакажиа,

---

³⁵ З а м я т н и н С. Н. Палеолит Абхазии. — Тр. Ин-та абхазской культуры, X, Сухуми, и 1937; его же. Палеолитические местонахождения восточного побережья Черного моря. — Очерки по палеолиту. М. — Л., 1961, с. 67—98; Б е р д з е н и ш в и л и Н. З. Новые данные о палеолите Абхазии. — Тр. Абхаз. ИЯЛИ, XXX. Сухуми, 1959, с. 159—180; К о р о б к о в И. И. К проблеме изучения нижнепалеолитических поселений открытого типа с разрушенным культурным слоем. — МИА СССР, 173. Л., с. 61—99; Г р и г о л и я Г. К. Памятники нижнего палеолита ущелья Ингури. — Материалы по археологии Грузии и Кавказа, т. VIII. М., 1979, с. 41—59 (на груз. яз.).

³⁶ К а л а н д а д з е А. Н. Юго-Осетинская археологическая экспедиция. — Научная сессия Ин-та ист. им. И. А. Джавахишвили АН ГССР, посвящ. итогам полевых археолог. исследований в Грузии в 1952 г. Тез. докл. Тбилиси, 1953 (на груз. яз.); его же. К истории формирования родового общества на территории Грузии. — Труды Ин-та ист. им. И. А. Джавахишвили АН ГССР, т. II. Тбилиси, 1956 (на груз. яз.); его же. Цонская пещера и ее культура. — Actes du IV Cjngres international de speleologie en Yugoslavie (12—26.IX.1965). Ljubljana, 1969; Л ю б и н В. П. Нижнепалеолитические памятники Юго-Осетии. — МИА СССР, т. 4, № 79. М.—Л., 1960, с. 11—15; его же. Высокогорная пещерная стоянка Кударо I (Юго-Осетия). — ИВГО, 1959, т. :91, № 2; его же. Мустьерские культуры Кавказа. Л., Наука, 1977, с. 13.

Бронзовая пещера и др.) и около 20 верхнепалеолитического и мезолитического времени (Сагварджиле, Чахати, Сакажиа, Дзудзуана, Гварджилас-Клде и др.), отличающихся много-слойностью³⁷.

Из шестого региона распространения памятников древнекаменного века Грузии, а именно Иоро-Алазанского бассейна к настоящему времени известно около 34 местонахождений, среди них 14 ашельского, 19 мустьерского и 1 мезолитического периода. И это несмотря на то, что изучение данного края с этой точки зрения началось лишь 20 лет тому назад. Среди этих памятников стратифицирован только один Зиарское поселение — мастерская открытого типа среднеашерского времени, близ с. Зиари (Кахети, Восточная Грузия)³⁸

Для Грузии это единственный памятник такого типа.

Остальные регионы (Джавахетское нагорье и правобережье, р. Куры) пока изучены слабо. Среди джавахетских памятников (их всего 15) выделяются три — Чикианис-Мта (обнаружен в 1977 г.) близ озера Паравани, Ахалкалаки II (ашель)³⁹ близ одноименного города. На территории же Квемо-Картли внимание привлекает раннемустьерское поселение Цопи⁴⁰, с весьма выразительным и обильным набором каменных изделий шарантского варианта мустьерской культуры, а также поселение ашельского времени в Дманиси, изучение которого началось в 1984 г.

Таким образом, в Грузии, площадь которой достигает 70 тыс. км² (пригодную для расселения человека и того меньше — около 57—60 тыс. км²) на сегодняшний день, насчитывается до 280 ашельских и мустьерских местонахождений. Если к ним прибавить около 130 пунктов, где зафиксированы верхнепалеолитические и мезолитические поселения или следы временного пребывания людей указанного периода, то довольно легко представить себе плотность населения на территории Грузии в эпоху древнекаменного века.

Хотя почти на всех ашельских местонахождениях изучаемого края (за исключением VI района) встречаются двустороннеобработанные орудия, в частности ручные рубила, в отношении степени их распространения и, следовательно, применения бифасальной техники все же замечается определенная закономерность. Так, например, в разнотипных ашельских памятниках Причерноморья и Рионо-Квирильского бассейна (стоянка, мастерские, стоянки-мастерские и др.), характеризующихся обилием каменно-производственного инвентаря, ручные рубила представлены в незначительном

---

³⁷ Т у ш а б р а м и ш в и л и Д. М. Археологические разведки в ущелье р. Квирила. — ВГМГ, XXII—В. Тбилиси, 1962 (на груз. яз. с рус. резюме); М а р у а ш в и л и Л. И., В е к у а А. К. и др. Изучение пещер Колхиды Тбилиси, Мецниереба, 1978; Б е р д з е н и ш в и л и Н. З. Многослойный археологический памятник Сагварджиле. — САНГ, 1953, т. XIV, №9; е е ж е. Новый памятник каменного века в ущелье Цхалцитела. Тбилиси (на груз. яз. с рус. резюме); Н и о р а д з е Г. К. Человек каменного века в пещере Сакажиа. Тбилиси, 1953 (на груз. яз.); Т у ш а б р а м и ш в и л и Д. М. Палеолитические остатки в пещере Гварджилас-Клде, Тбилиси 1960 (на груз. яз. с рус. резюме); е г о ж е. Верхнепалеолитический инвентарь из пещеры Дзудзуана и его особенности. — Итоги полевых археологических исследований в 1970 г. в СССР. Тезисы докл., Тбилиси, 1971, с. 19—20.

³⁸ Б у г и а н и ш в и л и Т., Д е д а б р и ш в и л и Ш., П и ц х е л а у р и К., Р а м и ш в и л и Р., Ч и к о и д з е Ц. Отчет полевых работ, проведенных Земоалазанской археологической экспедицией в 1966 году. — Науч. сессия Ин-та ист., археологии и этнографии им. И. А. Джавахишвили АН ГССР, посвящ. итогам полевых археологич. исследований 1966. Краткие отчеты. Тбилиси, 1967, с. 39 (на груз. яз.); Б у г и а н и ш в и л и Т., Д е д а б р и ш в и л и Ш., П и ц х е л а у р и К., Р а м и ш в и л и Р., Ч и к о и д з е Ц., У з у н а ш в и л и М. Работы Кахетской экспедиции за 1970 г., в СССР. Тбилиси, 1971, с. 78; Б у г и а н и ш в и л и Т. В. Нижнепалеолитические памятники Гарекхетского плоскогорья. — Материалы по археологии Грузии и Кавказа. Нижнепалеолитические памятники в Грузии, т. VIII Тбилиси, Мецниереба, 1979, с. 60, 86 (на груз. яз. с рус. резюме); е г о ж е. Палеолитические памятники Иоро-Алазанского бассейна (предварительное сообщение). — ТКАЭ, I. Тбилиси. 1969, с. 26—33.

³⁹ Г р и г о л и я Г. К. Нижнепалеолитические памятники Джавахети. — В сб.: Материалы по археологии Грузии и Кавказа, IV. Тбилиси, Мецниереба 1965, с. 5—12 (на груз. яз. с рус. резюме).

⁴⁰ Г р и г о л и я Г. К. Палеолит Квемо-Картли (погребенная пещера Цопи I). Тбилиси, 1963

количестве, в то время как в ашельских памятниках III и IV районов, при сравнительной ограниченности материала (за исключением памятника Чикианис-Мта), ручные рубила занимают ведущее место и представлены сериями. Следовательно, памятники ашельского времени Западной Грузии характеризуются малочисленностью ручных рубил, памятники Восточной Грузии — их обилием.

Рассмотрим некоторые памятники древнепалеолитического периода. В первую очередь среди них надо отметить Дманисское поселение с непотревоженным культурным слоем и Яштухскую стоянку-мастерскую открытого типа.

Дманисский нижнепалеолитический памятник расположен в Дманисском р-не, между рр. Машавера и Пинезаури на долеритовом плато, непосредственно на территории известного средневекового городища⁴¹.

На Дманисском плато, над долеритовыми лавами залегают вулканические пески и озерные отложения мощностью до 2,5 м. Раскопки разведочного характера озерных отложений, состоящих из двух слоев, выявили раннечетвертичную хорошей сохранности. По предварительным данным, в составе дманисской фауны установлены слон, носорог, кабалоидная лошадь, волк, медведь, рысь, леопард, олень, косуля, ископаемый козел, первобытный бык и хомяк. Здесь же найдена бедренная кость крупной птицы, предположительно отнесенной к отряду страусовых. Анализ видового состава дманисской фауны позволяет палеонтологу А. Векуа датировать ее нижним плейстоценом⁴². В тех же слоях вместе с фаунистическими остатками, а также выбросе слоя 1983 года были найдены речные гальки, некоторые со следами искусственной обивки, два чоппера, краевые отщепы с гладкими, сильно скошенными ударными площадками и одно нуклевидное изделие. Техника расщепления камня клетонская. Каменный инвентарь по облику и технике расщепления архаичен, что позволяет вместе с данными фауны и стратиграфии предварительно датировать ее ранним ашелем и поместить в рамки раннего плейстоцена⁴³. Возраст озерных отложений Дманиси, фаунистические остатки и каменные изделия, калий-аргоновым методом определяется $0,53 \pm 0,20$ млн. лет⁴⁴.

Среди памятников раннеашельского периода надо отметить также Яштухское местонахождение в окрестностях г. Сухуми, впервые давшее бесспорные сведения о наличии нижнего палеолита на территории СССР. Оно до настоящего времени остается самым крупным и значительным из числа ныне известных памятников нашей страны.

Яштухское местонахождение расположено в 2 км к северо-востоку от Сухуми, между Остроумским ущельем и горами Яштух и Бырцх. Оно находится на высоте 80 — 140 м над уровнем моря и представляет древнюю (IV) террасу р. Гумиста. Памятник, точнее группа памятников (их 30)⁴⁵, занимает обширное пространство, площадью около 70 га. Разновременные каменные изделия встречаются в условиях различного рельефа в переотложенном состоянии.

⁴¹ В Дманиси стационарные раскопки ведутся археологической экспедицией Центра археологических исследований Института истории, археологии и этнографии им. И. А. Джавахишвили АН ГССР.

⁴² Векуа А. К., Габелая И. Д., Векуа З. А. Дманисская фауна ископаемых позвоночных. — Научная сессия Грузинского отделения Всесоюзного териологического общества. Тезисы докладов. Тбилиси, 1984, с.22-23.

⁴³ Использована схема стратиграфического расчленения четвертичного периода, принятая геологической службой СССР

⁴⁴ Векуа Л. В., Майсурадзе Г. М., Какулия В. К., Павленишвили Е. Ш., Сологашвили Дж. З. Магнитохроностратиграфия позднекайнозойских вулканов в Грузии. — В кн.: Четвертичная система Грузии. К XI конгрессу ИНКВА, Москва, 1982. Тбилиси, Мецниереба, 1982, с. 18—19.

⁴⁵ Коробков И. И. Новые палеолитические находки на Яштухе. — СА, 1965, №3, с. 93

Было установлено, что предметы всех разделов палеолита встречаются почти одинаково на всех террасовых уступах и что их появление на нижних уровнях следует безусловно объяснить сносом с более высоких отметок (гора Яштух, Бырцх, Ахабюк). Таким образом, по мнению Н. З. Бердзенишвили, основными очагами древнего человека являлись холмистые предгорья южных (Бзыбско-Кодорских) отрогов Кавказского хребта⁴⁶.

Наиболее древний материал Яштуха был найден в 4 пунктах: у обнажения, где выходят галечники (верховья западной Сухумки), в верховьях восточной Сухумки, на верхнем плато и на склонах горы Яштух⁴⁷, а также на горе Бырцх.

Основная масса обитых кремней древнего комплекса Яштухского местонахождения состоит из грубых, массивных отщепов широких и неправильных очертаний, сколотых с крупного желвака-нуклеуса. Для этих отщепов характерен чрезвычайно выпуклый бугорок удара, имеющий значительные размеры. Нередко бугорок занимает более половины нижней плоскости отщепа. Эти отщепы получены из массивных, грубых дисковидных и кубовидных нуклеусов. Хорошую серию составляют левалуазские нуклеусы и соответствующие им сравнительно тонкие отщепы и пластины, представленные на Яштухе в значительном количестве⁴⁸.

Из орудий древнего комплекса выделяются груборубящие орудия, чопперы и ручные рубила в единичных экземплярах, скребла и остроконечники, оформленные на массивных отщепах, выемчатые скребла—клектонские анкоши и др. Вторичная обработка, из-за массивности отщепов, применяется реже. Ретушь обычно не формирует контур орудия, а следует по краю заготовки.

Примитивность форм, грубая техника обработки и слабая функциональная дифференцированность каменных орудий позволяет отнести древний комплекс Яштухского местонахождения к раннему ашелю.

Как было отмечено, памятники ашельского времени открытого типа распространены широко. Среди них надо отметить среднеашельские памятники Сакориа Кажнари (с. Кацхи, Чиатурский р-н, бассейн р. Квирила), Цагвли (с. Цагвли, Хашурский р-н) и Лаше-Балта (с. Лаше-Балта, Знаурский р-н) в Шида-Картли и позднеашельское поселение — мастерская на горе Чикианис-Мта у озера Паравани (Джавахетское нагорье, Богдановский р-н). Ручные рубила из Цагвли характеризуются массивностью, большими размерами, грубостью. Их рабочая часть оформлена лишь несколькими широкими сколами без вторичной обработки.

Среди стратифицированных ашельских памятников в первую очередь надо отметить Цонскую пещеру — Бубас-Клде. Цонская пещера расположена на южном склоне горы Буба на высоте 2150 м над уровнем моря, в 20 км по прямой от вечно снеговой линии Центрального Кавказа. В административном отношении это Джавский район Юго-Осетинской АО (Восточная Грузия, Шида-Картли). Геоморфологически данный район входит в обширную зону предгорий, гор и межгорных долин Колхиды с сильнопересеченным рельефом и хорошо развитой гидрографической сетью. С точки зрения ландшафта Цонская пещера попадает в современную субальпийскую зону.

---

⁴⁶ Бердзенишвили Н. З. Нижнепалеолитические памятники предгорной зоны Абхазии. — МАГК, VIII. Тбилиси, 1979, с. 40

⁴⁷ Коробков И. И. Новые палеолитические находки на Яштухе (по результатам работ 1961 г.). — СА, 1965, №3, с. 99

⁴⁸ Замятин С. Н. Очерки по палеолиту. М. — Л., с. 80.

Граница лесного покрова здесь проходит по отметкам 1900 — 2000 м абсолютной высоты. Флора района характеризуется развитием лиственного леса (бук, дуб, граб, ольха, иберийский восточно-грузинский дуб, кавказская сосна и др.).

Несмотря на то, что Цонская пещера расположена высоко в горах, в субальпийском поясе, благодаря своему положению на склоне южной экспозиции она хорошо прогревается, что обеспечивает достаточно сухой режим. Длина пещеры 90 м, высота — 14 м, ширина — 13—14 м.

В разрезе отложений Цонской пещеры зафиксировано литологически различных 20 слоев общей мощностью 4,70 м.

Анализ образцов из ашельских горизонтов показывает, что в то время в регионе произрастали: сосна (*Pinus*), ель (*Picea*), тсига (*Tsyga*). Из лиственных в обилии встречаются пыльца бука (*Fagus*), ольхи (*Alnus*) и граба (*Betula*). Пыльца же других растений (дуб, рододендрон, липа, мелкий орех и др.) отмечается спорадически и в малом количестве. Особо следует отметить обилие спор папоротниковых. Особенностью спектров ашельского периода является наличие в них ряда характерных плейстоценовых «экзотов» — древовидные папоротники, дископия, ногоплодник (*Podocarpus*), тсуга, кедр и др., что опять-таки позволяет предполагать о более высокой влажности климата тех времен, нежели наблюдается ныне в тех же горных зонах⁴⁹.

По кухонным отбросам (около 7000 раздробленных костей) установлено наличие ящерицы, летучей мыши, лисицы, волка, пещерного медведя и льва, леопарда, зайчарусака, дикообраза, малоазийского хомяка, кустарниковой полевки, тушканчика, дикого кабана, благородного оленя, косули, дикого барана, кавказского тура и первобытного зубра. Из пернатых определены альпийская галка, улар и ягнятник-бородач. Более 90% всех определенных костей принадлежит пещерному медведю.

Характерной особенностью цонской фауны является полное отсутствие северных холодолюбивых представителей ледникового комплекса.

Цонская фауна по составу близка к ашельской фауне пещеры Кударо I. Близость выражается общностью основного ядра форм, отсутствием представителей эквид, экологической группировкой млекопитающих и др. Имеется отличие: в Цоне отсутствуют остатки носорога и некоторых типично степных животных (сурка, перевязки и др.)⁵⁰.

Ведущими формами орудий являются ручные рубила и груборубящие орудия. В большом количестве представлены также скребуще-режущие инструменты, другие орудия единичны. Производственных отбросов почти нет, отщепы или ретушированы, или имеют следы использования.

Не менее значительным и эталонным является ашельское поселение Кударо I. Кударская пещерная группа памятников расположена недалеко от Цонской пещеры, в ущелье р. Джоджори, на южном обрывистом склоне Белуа-Мта, компактно, на высоте 1580 — 1600 м над уровнем моря. Кударо I по количеству и содержанию культурных слоев, их последовательности и, что главное, хронологически, по технике расщепления и вторичной обработке каменного инвентаря почти идентично с Цонским. Наряду с этим есть значительная разница: Кударо I — долговременное поселение, ашельские слои гораздо богаче и насыщены как производственными отбросами и готовыми орудиями, так и остатками фауны (млекопитающих птиц, рукокрылых, рыб). Из фауны надо

⁴⁹ Пользуемся данными рукописи Н. С. Мамацшвили «Палинологическое изучение Цонской пещеры».

⁵⁰ В е к у а А. К. Фауна Донской пещеры (рукопись).

отметить найденные в разных местах ашельского слоя остатки обезьяны макаки. Особый интерес представляет находка изолированного зуба архантропа, пока единственного в Грузии⁵¹.

СРЕДНИЙ ПАЛЕОЛИТ

Преобладающее большинство известных в Грузии (более 200) мустьерских местонахождений лишено стратиграфического обоснования.

Из стратифицированных мустьерских памятников самым ранним и своеобразным является Цопское поселение открытого типа. Памятник расположен близ д. Цопи (Марнеульский р-он Груз. ССР), на левом берегу реки Банас-Цкали, на южном склоне горы Цопи, на высоте 180—200 м от тальвега реки.

Цопский мустьерский памятник представляет собой поселение открытого типа, устроенное в трещине мраморнообразной известковой горы.

Цопи — долговременное поселение первобытных людей, мощность слоев в некоторых участках поселения превышает 3 м. Найденные в слоях остатки фауны небогаты по составу, но выразительны. Всего определено 11 видов животных, среди них: шерстистый носорог, ископаемая лошадь, ископаемый осел, безоаровый козел, пищуха (*Ochotona* sp.) и др. Наибольший интерес заслуживают остатки пищухи — эта первая находка из плейстоценовых отложений Кавказа относится к новому подвиду и отличается крупными размерами.

Фаунистические остатки Цопи в целом принадлежат к относительно, теплолюбивым формам, характерным для открытых пространств и лесистых гор⁵²

Каменный инвентарь из раннемустьерского поселения Цопи I состоит из 2800 предметов. Нуклеусов (99 экз.) и других отбросов производства мало. Основную массу составляют отщепы (1848 экз.) и готовые орудия (952 экз.). По-видимому, обработка камня производилась и за пределами поселения.

Среди орудий ведущее место занимают разнотипные скребла.

С точки зрения изучения среднепалеолитических слоев, а особенно отложений, отвечающих колебаниям вюрмского оледенения, исключительное значение приобретает исследованная в последние годы Бронзовая пещера, входящая в состав Цуцхватского многоэтажного пещерного комплекса. Из 15 пещер, расположенных близ с. Цуцхвати (Ткибульский р-он ГССР), 5 — Бронзовая пещера, Двойной грот, Бизоновая пещера, пещера Медвежья и Верхняя пещера — содержат слои среднепалеолитической эпохи, а в одной, в навесе Мзиури, расположенной в стороне от Цуцхватского пещерного комплекса, засвидетельствованы слои верхнепалеолитического времени.

Мустьерские пещерные памятники расположены по обоим берегам Шабата-Геле—Чишура (правый приток р. Квирила), на разных высотах от поверхности реки.

Из вышеназванных памятников самым значительным является Бронзовая пещера, где засвидетельствовано наличие 23 слоев общей мощностью до 12 м. Из них 5 слоев относятся к различным разделам эпохи мустье. Слои 2-й—4-й представлены

⁵¹ Л ю б и н В. П. Высокогорная пещерная стоянка Кударо I (Юго-Осетия). — ИВГО, 1959, т. 91, №2; Кударские пещерные палеолитические стоянки в Юго-Осетии. М., 1980, с. 152

⁵² Г р и г о л и я Г. К. Палеолит Квемо-Картли (погребенная пещера Цопи 1). Тбилиси, 1963 (на груз. яз. с рус. резюме), с. 48—55.

мощными очажными прослойками. В очажной прослойке 2-го слоя был найден коренной зуб неандертальца (первая такая находка была зафиксирована в Джручильской пещере в 1961 г., а в 1974—1976 гг. в мустьерских слоях Сакажиа).

Фауна позвоночных из мустьерских памятников Цуцхвати представлена костными остатками млекопитающих (34 вида) и 9 видами птиц, среди них: суслика, малоазиатского хомяка, песчанки, дикобраза, волка, шакала, пещерного медведя, риса, пещерного льва, лошади, гигантского оленя, благородного оленя, серны, западнокавказского козла, первобытного зубра и др. В верхних слоях Бронзовой пещеры преобладают кости пещерного медведя, в нижних — копытных. Примечательной особенностью цуцхватской фауны, и вообще фауны млекопитающих Западной Грузии, является отсутствие хоботных. По-видимому, в Западное Закавказье слоны не проникали в плейстоцене вообще⁵³.

В цуцхватской фауне нет и намека о наличии представителей т. н. мамонтового фаунистического комплекса⁵⁴.

Экологический анализ цуцхватской фауны показывает, что ее основное ядро состоит из теплолюбивых форм. В целом эта фауна должна была существовать в условиях относительно теплого, умеренно влажного климата, близкого к современному средиземноморскому⁵⁵. Флора предгорной полосы Западной Грузии со среднеплейстоценового времени не подверглась существенным изменениям⁵⁶. Характерной особенностью ископаемой флоры Цуцхвати является обилие термофильных элементов, указывающих на господство влажного климата в эпоху образования отложений цуцхватских пещер⁵⁷.

Фаунистическим и палинологическим данным не противоречат археологические данные. В позднем плейстоцене палеантропами были освоены предгорные и высокогорные полосы Западного Закавказья; памятники эпохи мустье и более ранние обнаружены до 2500 м над уровнем моря. Из этого следует заключить, что похолодание в раннем и среднем вюрме было столь кратковременным и малоинтенсивным, что не могло существенно повлиять на ход развития физико-географической обстановки и, следовательно, на жизнь первобытных коллективов, обитавших на территории Грузии.

Кремневые изделия разных слоев Бронзовой пещеры генетически связаны между собой. Здесь хорошо прослеживается эволюция каменной индустрии от раннего мустье до его позднего периода. Характерной чертой каменной индустрии Бронзовой пещеры и других памятников Цуцхвати (Двойной грот, Бизоновая пещера и др.) является нелеваллуазская техника в расщеплении камня, сочетание разных приемов вторичной обработки изделий и сосуществование в большом количестве типично мустьерских форм с зубчато-выемчатыми изделиями, характерными для

⁵³ В е к у а А. К. Ископаемые позвоночные цуцхватских пещер. — В кн.; Изучение пещер Колхиды. Тбилиси, 1978, с. 111

⁵⁴ Там же

⁵⁵ В е к у а А. К., М а м а ц а ш в и л и Н. С., Т у ш а б р а м и ш в и л и Д. М. Палеолитическая фауна цуцхватской пещерной системы — САНГ, 1973, т. 70, №3, с. 241—247.

⁵⁶ Их же. Некоторые итоги палеонтолого-палинологического изучения Бронзовой пещеры (Цуцхвати, Зап. Грузия). — Мацне. Серия биологическая, 1979, т. 5, № 3, с. 235

⁵⁷ М а м а ц а ш в и л и Н. С. Итоги палинологического изучения Цуцхватского пещерного комплекса (краткое содержание доклада). — X научная сессия спелеологов. Тбилиси, изд. АН ГССР, 1972 (на груз., яз.).

зубчатого мустье. Все это вместе взятое накладывает в целом на индустрию Бронзовой пещеры своеобразный облик и позволяет выделить ее вместе с другими памятниками Цуцхвати в отдельный локальный район под названием «цуцхватекой мустьерской культуры»⁵⁸.

Среди цуцхватских памятников особое внимание заслуживает т. н. Верхняя пещера, которая являлась местом совершения культовых обрядов мустьерцев. Однако в большом количестве были представлены (в основном в 4-м и 5-м слоях) не раздробленные кости разных животных и черепа пещерных медведей, без нижних челюстей. Черепа были уложены вдоль стены в определенном порядке.

Учет всего вышесказанного, наряду с отсутствием производственных отбросов и охотничьих инструментов (наконечников копий, ножей и др.), а также кухонных отбросов в виде раздробленных костей, позволяет утверждать, что Верхняя пещера представляет собой не поселение, не временную стоянку или охотничий лагерь, а скорее всего — культовый памятник, где совершались ритуальные обряды, в основном в виде приношения части туши убитого зверя, чаще всего пещерного медведя. Аналогичные факты известны из ряда пещер Югославии, Швейцарии, Германии и других мест⁵⁹.

Учитывая данные исследований, накопившихся за последнее время, и фактический материал по палеолиту, можно заключить, что истоки зарождения культа медведя следует искать в среднем палеолите⁶⁰. Несомненно прав П. П. Ефименко, отмечая, что почитание животных в палеолитическое время должно было иметь не мистический, суеверный характер, а производственный, и ставило себе определенную цель — удачу и устранение опасностей, связанных с поимкой крупного зверя⁶¹.

Определенную археологическую культуру составляет джручуло-кударская группа мустьерских памятников, в которую, кроме Джручула и Кударо I, входят Кударо III, Цонская пещера и местонахождение открытого типа Хвирати, близ ж.-д. станции Салиети (Чиатурский р-н Груз. ССР). Среди этих памятников самым значительным, безусловно, является Джручула, один из опорных эталонных поселений мустьерского человека на территории нашей страны.

Джручульская пещера расположена на территории с. Квемо-Зоди (Чиатурский р-н, Западная Грузия), на правом берегу р. Джручула (правый приток р. Квирила), на высоте 330 м над уровнем моря.

В I культурном слое всего обнаружено 1528 каменных предметов. Орудия составляют около 65% всего каменного инвентаря, что свидетельствует об изготовлении большей части изделий вне пещеры; следовательно, I слой Джручулы — временная стоянка первобытных людей.

⁵⁸ Т у ш а б р а м и ш в и л и Д. М. Археологические памятники Цуцхватского многоэтажного пещерного комплекса. — В кн.: Изучение пещер Колхиды. Тбилиси, 1978, с. 155—157.

⁵⁹ В е к у а А. К, Т у ш а б р а м и ш в и л и Д. М. Уникальная культовая пещера — В кн.: Изучение пещер Колхиды. Тбилиси, 1978, с. 261 — 264

⁶⁰ В е к у а А. К, Т у ш а б р а м и ш в и л и Д. М. Уникальная культовая пещера. — В кн.: Изучение пещер Колхиды. Тбилиси, 1978, с. 264

⁶¹ Е ф и м е н к о П. П. Первобытное общество, 1938, с. 427.

Во II культурном слое найдено 2979 каменных изделий: среди них производственные отбросы составляют около 70%; следовательно, II слой является долговременным поселением, где на месте протекал полный цикл обработки камня.

Ведущее место среди орудий занимают скребла разных типов, в основном простые, двойные, в различных вариантах конвергентные, угловые и др., реже встречаются лимасы и поперечные скребла⁶².

Как уже было отмечено, Джручула, Кударо I и III, Цона и памятник открытого типа Хвирати составляют отдельную мустьерскую культуру — «мустье типичное, пластинчатое, с леваллуазским расщеплением камня и леваллуазской фации»⁶³

Несмотря на различия в типах этих памятников (стоянка, длговременное поселение, охотничий лагерь) и в ряде деталей обработки камня (нефацетированность индустрии Джручула и др.), а также в типологическом составе отдельных коллекций, в целом каменный инвентарь этой мустьерской культуры обнаруживает определенное единство, обусловленное тождеством техники расщепления камня. Весьма близки между собой приемы обработки некоторых орудий, в частности остроконечников, наконечников и др. Та же близость прослеживается и в частичной двусторонней обработке изделий (Джручула, Кударо I и III, Хвирати). Джручула и подобные ей памятники находятся в генетическом родстве с позднеашельскими памятниками Квирильского ущелья, где в расщеплении камня доминирует леваллуазская техника.

Для определения абсолютного возраста мустьерских слоев джручуло-кударских памятников имеется лишь одна дата —

44150 ± 2400 лет (Gr— 6031) — для самого верхнего (За)

мустьерского слоя Кударо 1, полученная по кости радиоуглеродным методом в лаборатории Гронингена. Опираясь на эту дату и учитывая данные стратиграфии, палинологии и фауны, В. П. Любин считает возможным связать время образования слоя 3 Кударо I и верхнего слоя Джручулы со временем калининского оледенения (вюрм II), а мустьерского слоя 4 Кударо I и нижних слоев Джручула, Кударо III — с первой половиной вюрма (по крайней мере, с вюрмом I — II, теплый межстадиал)⁶⁴.

В принципе, разделяя мнение о более древнем возрасте мустьерских слоев Джручулы, чем мы предполагали раньше, во время раскопок⁶⁵, все же надо считать, что нет достаточных оснований для полной синхронизации верхнего и нижнего слоев Кударо I с соответствующими слоями других пещер этой культуры. Инвентарь этих памятников, несмотря на определенную близость, отличается между собой как типологически, так и по некоторым деталям первичной и вторичной обработки камня. Надо полагать, что отличия эти вызваны не только разнотипностью памятников и разной хозяйственной деятельностью неандертальцев, но и разновременностью. Во всяком случае этот вопрос до получения абсолютных дат для других памятников остается открытым.

Четвертую, отдельную мустьерскую культуру Грузии составляет цхинвальская группа месторождений открытого типа (Кусрети I — III, Тамарашени, Дампалети — Каркустакау, Пеквинари).

Каменные изделия были собраны на правом берегу р. Большой Лиахви, на поверхности склонов, различных по высоте речных террас, на абсолютной высоте 950 —

⁶² Т у ш а б р а м и ш в и л и Д. М. Пещеры Джручульского ущелья. — В кн.: Пещеры Грузии, т. I. Тбилиси, 1963, с. 167—180 (на груз. яз. с рус. резюме); его же. Итоги раскопок Джручульской пещеры в 1960—1961 гг. — В кн.: Пещеры Грузии, т. 2, 1963, с. 97—108 (на груз. яз. с рус. резюме).

⁶³ Л ю б и н В. П. Мустьерские культуры Кавказа. Л., 1977, с. 50, 78-79, 93-94.

⁶⁴ Там же, с. 27—29, 92—93

⁶⁵ Т у ш а б р а м и ш в и л и Д. М. Пещеры Джручульского ущелья. — В кн.: Пещеры Грузии, т. I. Тбилиси, 1963, с. 178; его же. Итоги раскопок Джручульской пещеры в 1960—1961 гг. — В кн.: Пещеры Грузии, т. II. Тбилиси, 1963, с. 103—104.

1000 м. Памятники тянутся от с. Кехви на севере до юго-западной окраины г. Цхинвали и располагаются близ ее. Хеви (Пеквинари), Дампалети (Каркустакау), Тамарашени и Курсети. Глубокое расчленение балками и оврагами правого берега р. Большой Лиахви способствует локализации, обособлению каждого из этих местонахождений⁶⁶.

По мнению В. П. Любина, цхинвальская группировка родственных мустьерских индустрий — самобытное явление в контексте мустьерских индустрий Кавказа. Самобытность заключается в своеобразии исходного сырья (андезит), в ограниченном территориальном распространении и в особенностях технико-типологического облика.

Таким образом, в среднем палеолите Грузии на сегодняшний день выделяются 4 археологические (мустьерские) культуры:

1. цопская; 2. цуцхватская; 3. джручуло-кударская; 4. цхинвальская.

Таким образом, памятники раннего и среднего палеолита (ашель, мустье) достаточно широко были распространены на территории Грузии. Первобытными охотниками и собирателями освоены были не только низменные, но и предгорные и горные районы, вплоть до субальпийского пояса горно-луговой зоны (Хона, Рачинский хребет, Чикианис-Мта и другие). Полагают, что на раннем этапе первобытное человеческое стадо (праобщина) представляло собой небольшую группу людей, состоявшую всего из нескольких десятков, чаще 20 — 30 взрослых членов. Возможно, такие стада иногда объединялись в более крупные, но это объединение могло быть только случайным⁶⁷.

В противоположность старым взглядам, что древнейшее человеческое общество находилось целиком под властью природы, не имея постоянного жилища, не зная огня и воды и ведя бродячее существование⁶⁸, археологические открытия исследования последних лет в различных уголках Старого Света показали, что архантропы (*Homo erectus*), или, как принято их называть, питекантропы, синантропы и им подобные вели относительно оседлую жизнь, что было обусловлено богатством четвертичной фауны на занимаемой территории. Об этом свидетельствуют раскопки таких долговременных поселений, как Кударо I в Грузии, Азих в Азербайджане, Чоукоудианье в Северном Китае, Терральба в Испании, грот Обсерватория в Италии и многие другие. Более того, следы огня в виде обожженной глины выявлены на палеолитической стоянке, раскопанной в рифтовой долине Восточной Африки, в Часовандже (Кения), где вместе с каменными орудиями олдрванской культуры найдены остатки фауны. Возраст этого памятника определяется 1,4 млн лет⁶⁹.

Первобытные люди ашело-мустьерской эпохи были хорошими охотниками. По-видимому, охота являлась главным источником (наряду с собирательством) существования древнейших людей. Об этом указывает большое скопление костей млекопитающих как в долговременных поселениях, так и охотничьих стойбищах — временных лагерях (Кударо I и III, Цона, Цопи, Джручула, Ортвала-Клде, Сакажиа и др.). Главным образом, охотились на пещерного медведя, бизона, благородного оленя и на других крупных копытных. Среди кухонных отбросов преобладают кости пещерного медведя (Кударо I и III⁷⁰, Цона, Джручула, Бронзовая пещера⁷¹ и др.). Широкое

⁶⁶ Любин В. П. Мустьерские культуры Кавказа. Л., 1974, с. 96.

⁶⁷ Першиц А. И., Монгайт А. Л., Алексеев В. П. История первобытного общества. 3-е изд. М., 1982, с. 54—55

⁶⁸ Ефименко П. П. Первобытное общество. Очерки по истории палеолитического времени. 3-е изд., Киев, с. 119—120.

⁶⁹ Тоулетт Дж. А. Дж., Харрис Дж. У. К., Уолтон Д. А., Вуд Б. А. Раннеплейстоценовые археологические стоянки, остатки австралопитекового гоминида и следы огня из Часованджа (Кения). — В кн.: К XI конгрессу ИНКВА, Москва, 1982. Тезисы докладов. Том I, с. 76—77.

⁷⁰ Вещагин Н. К., Барышников Г. Ф. Остатки млекопитающих в восточной галерее пещеры Кударо I; их же. Остатки млекопитающих из пещеры Кударо III. — В кн.: Кударские пещерные палеолитические стоянки в Юго-Осетии (вопросы стратиграфии, экологии, хронологии). М., Наука, 1980, с. 51—78.

распространение и исключительное значение его в жизни древнего человека, по-видимому, обусловило зарождение во второй половине мустьерской эпохи «медвежьего культа», связанного ритуальным почитанием этого животного, о чем свидетельствует вышеописанная культовая пещера в Цуухвати и другие подобные памятники, обнаруженные за пределами нашей страны (в Югославии, Швейцарии, Германии и других местах)⁷²

Ашело-мустьерцы охотились на всех видов животных, обитавших в регионе. Их видовой состав соответствует палео-ландшафту занимаемой территории. В составе охотничьей фауны, представленной на палеолитических стоянках в виде кухонных отбросов, преобладают кости крупных млекопитающих, главным образом пещерного медведя, оленя, кавказского тура, что указывает на специализацию первобытных охотников, которые, вероятно, охотились с помощью засады, всякого рода ловушек, подкрадывания и др.⁷³ По-видимому, прав Г. П. Григорьев, отмечая, что «для мустьерского времени можно предполагать половозрастное разделение труда (мужчины занимаются охотой, женщины — собирательством и домашними работами) внутри общины»⁷⁴. Разделение труда внутри общины развивается в верхнем палеолите.

ВЕРХНИЙ ПАЛЕОЛИТ И МЕЗОЛИТ

Почти все памятники верхнего палеолита сосредоточены в причерноморской полосе (включая Ингурский бассейн) и в бассейне рр. Риони—Квирила на абсолютной высоте до 800—900 м. В Воосточной же Грузии в целом пока нет ни одного достоверного верхнепалеолитического памятника, что, по-видимому, обусловлено значительными климатическими изменениями в сторону похолодания в эпоху верхнего плейстоцена (в вюрме III). Изменение климатического режима и вообще физико-географической обстановки исключало продолжительное пребывание человека не только в высокогорной полосе, но и в Восточной Грузии в целом. Надо полагать, что это обстоятельство (ухудшение условий жизни) вынудило первобытные коллективы эпохи финального мустье покинуть обжитые места и переселиться в Западную Грузию (может быть, и на юг), где климат менее суров. По-видимому, этим и объясняется большое скопление верхнепалеолитических памятников в Западной Грузии и отсутствие их в Восточной. Об увеличении облесенности плоскогорья⁷⁵ и о смещении вертикальных зон книзу под воздействием оледенения Большого Кавказа⁷⁶ свидетельствует изучение фауны верхнепалеолитических памятников Западной Грузии. Об этом же говорят и данные палинологии. Так, изучение спорово-пыльцевого материала нижних горизонтов нескольких опорных разрезов Средне-Иореккой равнины (Кахети, Восточная Грузия) дает возможность установить характер растительности (следовательно, и климата), начиная с последней фазы позднеплейстоценового оледенения. Пыльцевые спектры погребенной почвы, имеющей абсолютный возраст 20580 ± 680 лет (ТБ — 18), характеризуется высоким содержанием пыльцы сосны (75%) и небольшим количеством пыльцы

⁷¹ Т у ш а б р а м и ш в и л и Д. М., В е к у а А. К. Палеолит в Грузии, с.178-197.

⁷² В е к у а А. К., Т у ш а б р а м и ш в и л и Д. М. Уникальная культовая пещера. — В кн.: Изучение пещер Колхиды. Тбилиси, Мецниереба, 1978, с. 261—264

⁷³ Г р и г о р ь е в Г. П. Начало верхнего палеолита и происхождение Homo sapiens. Л., Наука, 1968, с. 143; Аутлев П. У. Об основном способе охоты палеолитических людей Кавказа на пробизона. — В кн.: К XI конгрессу ИНКВА, Москва, 1982. Тезисы докладов. Том III, с. 24 — 25.

⁷⁴ Г р и г о р ь е в Г. П. Указ, соч., с. 144 — 145.

⁷⁵ В е р е щ а г и н Н. К. Млекопитающие Кавказа. М. — Л., 1959, с. 121.

⁷⁶ С м и р н о в Н. А. О некоторых млекопитающих Западного Закавказья в каменном веке. — Изв. Азерб. гос. ун-та, 3, 1923—1924, с. 141—149; Громов В. И. Палеонтологическое и археологическое обоснование стратиграфии континентальных отложений четвертичного периода на территории СССР. (Млекопитающие, палеолит). — Тр. Ин-та геол. наук, 64, геол.сер., 17, 1948, с. 224—229.

широколиственных пород (дуба, граба, клена, липы и др.), что говорит о существовании гораздо более холодного и сухого климата по сравнению с современным⁷⁷.

С наступлением голоцена (10000 — 12000 лет назад) территория Восточной Грузии (в том числе средняя и высокогорная полоса) осваиваются мезолитическими племенами. Памятники этого периода расположены как в пещерах, гротах, скальных навесах, так и на плато и террасах, в виде открытых поселений, что вместе с данными палинологии⁷⁸ указывает на потепление и благоприятные условия, приближающиеся к современным.

Первые поиски остатков культуры палеолитического времени в Грузии были предприняты в начале текущего столетия. В 1941 г. Р. Шмидт и Л. Козловский открывают первые достоверные следы верхнего палеолита в пещере Сакажиа-Вирхова (ущелье Цхалцитела, правый приток Квирилы), близ г. Кутаиси. В 1916—1918 гг. в ряде пещер Чиатурского р-на разведывательные раскопки произвел археолог Ст. Круковский. Однако дореволюционные работы, сами по себе весьма эпизодические, не оставили в науке заметных следов.

Широкое развертывание работ по выявлению памятников каменного века, в особенности верхнепалеолитической культуры связано с именем проф. Г.К. Ниорадзе. Поселение в пещере Девисхврели — первый полностью раскопанный и монографически изученный им верхнепалеолитический памятник Грузии⁷⁹. В 1935 — 1936 гг. Г. К. Ниорадзе произвел дополнительные раскопки в пещере Сакажиа⁸⁰.

В 1935 г. верхнепалеолитическую культуру Грузии детально изучил С. Н. Замятнин. Рассматривая тогда еще малочисленные памятники, он попытался уловить своеобразие и закономерность в развитии верхнепалеолитической культуры Грузии, разделив их в основном по данным типологии каменного инвентаря на 3 возрастные группы. В 3-ю группу он объединил мезолитические (по тогдашним понятиям) памятники: Гварджилас-Клде, Эдзани (Бармаксиз) и Зуртакети⁸¹.

Современное состояние изученности верхнего палеолита Грузии позволяет объединить стратифицированные памятники в 3 хронологические группы, а мезолит выделить в отдельную, самостоятельную группу⁸².

I (ранняя) группа

- 1) Хергулис-Клде
- 2) Тогон-Клде (нижний слой)
- 3) Таро-Клде
- 4) Окуми I
- 5) Квачара (V слой)
- 6) Сванта-Саване и др.

II (средняя) группа

- 1) Девисхврели

⁷⁷ Д ж а н е л и д з е Ч. П. Палеогеография Грузии в голоцене. Тбилиси, 1980, с. 113—114.

⁷⁸ Там же, с. 115—116.

⁷⁹ Н и о р а д з е Г. К. Палеолитический человек в Девисхврели. — Труды Гос. музея Грузии, VI. Тбилиси, 1933 (на груз. яз. с нем. резюме).

⁸⁰ Ег о ж е. Человек каменного века в пещере Сакажиа. Тбилиси, 1953 (на груз. яз.).

⁸¹ З а м я т н и н С. Н. Новые данные по палеолиту Закавказья. — СЭ, 1935, №2, с. 118; его же. Палеолит Западного Закавказья. I. Палеолитические пещеры Имеретии. — Сб. Музея антропологии и этнографии АН СССР. т. XVII. М. — Л., 1957, с. 432—499.

⁸² Т у ш а б р а м и ш в и л и Д. М. Археологические разведки в Квирильском ущелье. — ВГМГ, вып. XXIIIВ. Тбилиси, 1963, с. 34.

- 2) Мгвимеви
- 3) Сакажиа
- 4) Сагварджиле II (?)
- 5) Бнели-Клде (?)
- 6) Сарекский навес и др.

III (поздняя) группа

- 1) Гварджилас-Клде
- 2) Чахати (верхний слой)
- 3) Самгле-Клде (верхний слой)
- 4) Апианча (III слой)
- 5) Холодный грот (нижний слой) и др.

Первая группа соответствует раннему ориньяку, вторая — среднему и позднему ориньяку, а третья — мадленской эпохе французской схемы. Для одного из памятников третьей группы — III слоя Апианчи — получена дата по костному материалу (по его органической составляющей) — $17,300 \pm 500$ (ГИН — 2565)⁸³. Если эта дата верна и подтвердится другими датами, то придется пересмотреть наши представления некоторых памятников как в третьей группе, так и в мезолите.

Мезолитическая группа Западной Грузии

- 1) Квачара (II — IV слои)
- 2) Холодный грот (верхний слой)
- 3) Яштхва
- 4) Джампали
- 5) Энцери
- 6) Дарквети (нижний слой) и др.

К мезолитическим памятникам Западной Грузии близко стоят материалы из Цонской пещеры и Кударо I (Восточная Грузия).

Мезолитические памятники Восточной Грузии (Триалети)

- 1) Зуртакети
- 2) Эдзани (Бармаксиз) .

Для верхнего палеолита Грузии в целом характерны чрезвычайно близкое сходство и тесная взаимосвязь основной массы каменного инвентаря всех упомянутых групп, последовательность и преемственность⁸⁴, раннее появление микролитических орудий и орудий геометрических форм (Хергулис-Клде, Девисхврели, Сакажиа и др.), большое количество орудий типа граветт, однородность костяных и роговых изделий (шилья, ложила, наконечники и др.), гравировка схематических знаков линейно-геометрического характера в Мгвимеви⁸⁵

⁸³ Церетели Л. Д., Клапатовская Н. Б., Куренкова Е. И. Многослойная пещерная стоянка Апианча, 1980 (рукопись).

⁸⁴ Замятин С. Н. Новые данные по палеолиту Закавказья. — СЭ, 1935, №2, с. 113.

⁸⁵ Его же. Пещерные навесы Мгвимеви близ Чиатуры (Грузия). (Первые следы наскальной палеолитической графики в Закавказье). — СА, 1937, III, с.57-76.

Из малых форм искусств надо отметить: различные подвески, изготовленные из талька, 19 просверленных раковин морских моллюсков *Turritella duplicata* и костяную булавку с гравированным геометрическим орнаментом из Сагварджиле⁸⁶; фрагмент костяного орудия типа «выпрямителя», на обеих поверхностях которого нанесено по семь довольно глубоко процарапанных изображений, напоминающих стрелы — из Гварджилас-Клде⁸⁷; костяные шилья, орнаментированные надрезками и просверленные зубы животных — из Девис-хврели, Сакажиа, Таро-Клде⁸⁸ и др.

Здесь же надо упомянуть о костных остатках ископаемого человека современного физического типа (*Homo sapiens*) из Девисхврели⁸⁹, Сакажиа⁹⁰ и Квачара⁹¹.

От общей линии развития верхнепалеолитической культуры Грузии как-то обособленно стоят материалы из пещеры Самерцхле-Клде, где нет ни одного орудия типа граветт и микролитов геометрических форм. В наборе кремневого инвентаря этого памятника преобладают ножевидные, удлиненные (до 10—12 см) пластины и орудия (скребки, резцы), оформленные на них. Отличаются также от других верхнепалеолитических памятников Грузии материалы из всех слоев пещеры Дзудзуана. Это своеобразие позволяет выделить материалы пещер Дзудзуана и Самерцхле-Клде в самостоятельные археологические культуры.

Все памятники различных хронологических групп верхнего палеолита Грузии, за исключением Самерцхле-Клде и Дзудзуана, генетически связаны между собой, а памятники ранней группы эволюционировали из различных мустьерских культур. В частности, Хергулис-Клде и ему подобные памятники, в которых в большом количестве встречаются зубчатые формы, очевидно, развились из памятников цуцхватской культуры, а Дзудзуана (возможно, и Самерцхле-Клде; — из джрочульской мустьерской культуры).

Что касается мезолитических культур Западной и Восточной Грузии, которые связаны между собой общностью происхождения, как справедливо отмечает археолог М. К. Габуня, они могут быть отождествлены. Восточногрузинский мезолит (Зуртакети, Эдзани) имеет ряд существенных особенностей (обилие микропластин с притупленной спинкой и низких неравнобедренных треугольников, появление округлых мелких скрепчиков, удлиненных мелких трапеций и др.), отличающих его от западногрузинского мезолита.

Своеобразие это, по-видимому, обусловлено как особенностями ландшафтно-климатических условий Юго-Восточной Грузии, так и, возможно, наличием связей с Ближним Востоком (Северный Иран, Ирак и др.)⁹².

---

⁸⁶ К и л а д з е Н. З. Многослойный археологический памятник «Сагварджиле». — САНГ, 1953, т. XIV, №9, с. 561—567.

⁸⁷ Т у ш а б р а м и ш в и л и Д. М. Палеолитические остатки в пещере Гварджилас-Клде. Тбилиси, 1960, с. 81—82, 128—133 (на груз. яз. с рус. резюме).

⁸⁸ А б р а м о в а З. А. Палеолитическое искусство на территории СССР. М. — Л., 1962, с. 43.

⁸⁹ Н и о р а д з е Г. К. Палеолитический человек в Девисхврели. — Труды Гос. музея Грузии, VI. Тбилиси, 1933 (на груз. яз. с нем. резюме).

⁹⁰ Ег о ж е. Человек каменного века в пещере Сакажиа. Тбилиси, 1953 (на груз. яз.).

⁹¹ Ц е р е т е л и Л. Д. По поводу некоторых остеологических остатков Причерноморья Грузии (Квачара, Яштхва). — Мацне, 1970, №6, с. 131—138 (на груз. яз. с рус. резюме).

⁹² Г а б у н и я М. К. Триалетская мезолитическая культура. Тбилиси, 1975, с. 79—83 (на груз. яз. с рус. резюме).

Исходя из вышесказанного, можно считать, что корни происхождения неолитической культуры Грузии, в основном, надо искать соответственно в мезолите Западной и Восточной Грузии.

Г Л А В А II

ЭПОХА НЕОЛИТА

Эпоха неолита является качественно новой ступенью в развитии первобытного общества. Историческая сущность этой эпохи заключается в коренных изменениях, происшедших в обработке камня, в хозяйстве, в быту и в общественном строе. Это был переход от одного качественного состояния к другому.

Неолит (IX—VII тыс. до н. э.) является настоящим поворотным пунктом в истории человечества. Несмотря на кратковременность своего существования (2—3 тыс.), неолитическое общество создало и внесло в сокровищницу человеческой культуры во много раз больше и ценнее, чем все предыдущие общества вместе. Главное заключалось в том, что неолитические племена создали и развили производящие виды хозяйства, в результате чего был заложен прочный фундамент для возникновения новых, более высокоразвитых и сложноструктурных цивилизаций.

По материалам неолитических поселений, территория Грузии входила в зону восточносредиземноморской неолитической культуры, которая является частью переднеазиатской цивилизации новокаменного века.

Хотя неолитические племена еще не были знакомы с технологией получения металлов, но они совершили огромный скачок в деле развития производства: научились технике сверления и шлифовки самых твердых пород камня, технологии изготовления глиняной посуды, широко приступили к искусственному выращиванию злаков и других растений, приручили диких животных (корову, козу, овцу, свинью) и заложили основы скотоводства; появились жатвенные ножи, каменные зернотерки, мотыги, сохообразные орудия, пилы, шилья, грузила для рыболовных сетей, рыболовные крючки и многое другое. Фактически человеческое общество в своем развитии совершило качественный скачок.

Первые неолитические памятники Кавказа были открыты в Западной Грузии. В 1936 г. А. Н. Каландадзе обнаружил неолитическое поселение Одиши (Зугдидский р-н), а в 1941 г. краевед А. Л. Лукин — поселение Кистрик (Гудаутский р-н). Кроме этого, были сделаны и отдельные открытия, за которыми не последовало изучения памятников, Все эти поиски не имели систематического характера и скоро надолго прекратились в связи с началом Отечественной войны.

Систематическое изучение неолитических памятников в Грузии начинается с 1955 г., когда Институт истории им. акад. И. Л. Джавахишвили АН Груз. ССР планирует изучение памятников новокаменного века, вследствие чего в Западной Грузии устанавливаются мощные очаги неолитической культуры. Из кавказских регионов неолит лучше всего изучен в Западном Закавказье, в частности в Западной Грузии. В настоящее время там известно около 50 неолитических памятников, которые территориально охватывают почти все исторические провинции Западной Грузии.

Неолитическая культура в Восточной Грузии выявлена пока еще очень слабо, в виде единичных находок неолитического облика. Надо предполагать, что неолитические племена проживали, в основном, в предгорных и горных регионах Восточной Грузии, часть из них в эпоху энеолита спустилась в долины, так как здесь, именно в низменности обнаружены памятники развитого этапа раннеземледельческой культуры⁹³

Неолитические памятники характеризуются различной топографией. Они представлены как поселения открытого типа в прибрежной зоне Черного моря, на предгорных холмах и речных террасах, так и в пещерах-навесах.

Преобладающее большинство перечисленных памятников представляют поселения открытого типа, исключение составляют Холодный грот и скальные навесы — Дарквети и Апианча. На открытых поселениях культурные слои часто нарушены. За последние годы, благодаря интенсивному поиску, были обнаружены многослойные памятники с хорошей стратиграфией (Дарквети, Апианча), содержащие неолитические слои, а также однослойные поселения с нетронутыми или частично потревоженными культурными слоями (Чхортоли, Хорши, Мелоури). Благодаря этим памятникам стало возможным выработать периодизацию неолитической культуры. Они расширили также представления о ряде основных вопросов эпохи неолита, в частности таких узловых, как время зарождения и характер производящего хозяйства.

Явные следы жилищ на неолитических поселениях не сохранились, но фрагментарный материал (Хорши, Анасеули, Чхортоли, Кобулет, Дарквети) дает возможность предположить, что эти поселения характеризовались наземными прямоугольными плетеными строениями с глиняной обмазкой, внутри которых проживали родовые группы с общим очагом.

На основании изучения западногрузинских неолитических памятников в неолитической культуре были выделены три ступени развития⁹⁴.

Ранненеолитическая ступень характеризуется следующими памятниками: Холодный грот I, Анасеули I, Дарквети IV, Апианча I, Мелоури, Лемса, Хорши и др.

Обсидиановая и кремневая индустрия ранненеолитической эпохи характеризуется микролитической и чрезвычайно развитой пластинчатой техникой. Возрастающее значение ножевидных пластин обусловило развитие и усовершенствование техники подготовки нуклеуса и отщепление пластин.

В памятниках этой эпохи Грузии геометрические микролиты представлены только трапециями. Ранненеолитические комплексы характеризуются многочисленностью и разнообразием скребков. Распространенными формами являются концевые скребки, часто микролитические. Рабочий край скребков зачастую оформлялся

⁹³ Ч у б и н и ш в и л и Т. Н. Памятники раннеземледельческой культуры в Квемо-Картли (к проблеме изучения ранних поселений Восточной Грузии). — Мацне, 1973, 4 (на груз. яз.).

⁹⁴ Н е б и е р и д з е Л. Д. Неолит Западного Закавказья. Тбилиси, 1972, с. 70 — 71 (на груз. яз.).

высокой отжимной ретушью. Сравнительно реже встречаются проколки, сверла, зубчатые вкладыши, стамесковидные орудия, ножи и др.

Костяной инвентарь сохранился только в пещерах и навесах. Он представлен шильями, проколками, иглами, ложилами, широко применялись роговые орудия (землекопалки). В обработке кремня появляются новые приемы, улучшается вторичная обработка орудий, развивается и утончается форма орудий. Вместе с позднемезолитическими формами появляются и новые. Для оформления рабочего края орудий широко применяется отжимная ретушь.

Эпохальными признаками являются шлифованные и полированные орудия из разных пород камня (речная галька, аргилит, базальт и др.). Они представлены топорами, теслами, долотообразными орудиями, полировальниками, терочниками, зернотерками, пращевыми камнями и др.

В раннеолитических комплексах Западной Грузии четко отражена преемственность и генетическая связь с местной позднемезолитической культурой.

В Грузии пока что известны только бескерамические раннеолитические памятники.

Археологические и палеофаунистические находки свидетельствуют, что хозяйство эпохи раннего неолита в общем было основано на различных отраслях присваивающего хозяйства. Особенно большую роль играла охота. На это указывает множество костей диких животных. Главным объектом охоты были дикий кабан, благородный олень, косуля, дикий баран и медведь. В начале голоцена по всему Кавказу был распространен дикий кабан, благородный олень и другие лесные животные; кавказский тур и косуля имели более широкий ареал.

Послеледниковые экологические изменения, рост населения в эпоху мезолита — неолита, антропические факторы сократили количество и ареал крупных стадных животных, что в свою очередь ограничило возможности охоты. Поэтому охота на крупных стадных животных заменилась охотой на мелких, что часто приобретало индивидуальный характер⁹⁵.

Обзор фаунистических остатков верхнепалеолитических памятников Западной Грузии показывает, что преобладающее количество их приходилось на крупных копытных, в частности на дикую лошадь, благородного оленя, лошадь и тура. Сравнительно редко встречаются кости косули, лани и дикого кабана, среди хищников преобладают медведь и волк⁹⁶. Сравнение фаунистических остатков мезолитических памятников Западной Грузии с верхнепалеолитическими явно указывает на изменение объекта охоты. Если в верхнем палеолите большой процент добычи приходится на крупнокопытных, в позднем мезолите увеличивается процент мелкокопытных. Остатки дикой лошади почти не встречаются. Особое значение приобретает дикая лошадь, благородный олень, косуля и дикий кабан. В мезолитических памятниках Западной Грузии среди костей мелкокопытных преобладают кости дикого кабана.

Интересен факт, что распространение ксерофитной фауны почти не коснулось Западной Грузии, где по данным палинологического анализа наблюдалась определенная

---

⁹⁵ Ф о р м о з о в А. А. Этнокультурные области на территории Европейской части СССР в каменном веке, 1959.

⁹⁶ Н и о р а д з е М. Г. Пещера Самерцхле-Клде и верхний палеолит Западной Грузии, с. 38, табл. 2 (на груз. яз.).

консервативность ландшафтных условий, что в свою очередь способствовало стабильности местной позвоночной фауны⁹⁷.

На основе палеонтологических и геологических данных выясняется, что в раннем голоцене на Кавказе был сравнительно теплый климат и была распространена фауна, близкая к современной⁹⁸.

Палеозоологические данные утверждают, что виды этих животных, начиная с раннего голоцена, бытуют по сегодняшний день в этих регионах или прекратили существование только недавно, благодаря человеческой деятельности.

Развитие индивидуальной охоты в позднем мезолите создало своеобразные предпосылки для перехода к приручению животных в последующую эпоху. Указанные изменения имели определенное влияние на охотничье хозяйство. Сократились возможности охоты, которые не удовлетворяли требования растущего населения. Нарушилось равновесие между потребностью в пище и возможностями охоты.

Это обусловило своеобразный кризис охоты. Выход из этого положения начали искать внутри охотничьего хозяйства. Вылов живых зверей и доставка их на территорию поселения, возможно, породили идею о своеобразном живом запасе мяса, что в свою очередь привело к попыткам приручения некоторых видов животных⁹⁹.

Несмотря на большую роль охоты в раннем неолите Грузии (Дарквети IV), уже имеется первый остеологический материал, указывающий на наличие животноводства. Среди костей дикой фауны имеются кости домашних животных — коровы, свиньи, барана и собаки¹⁰⁰. Следует предполагать, что предпосылки одомашнивания — этого длительного и сложного процесса, надо искать в позднем мезолите.

Новый остеологический материал указывает, что в раннем неолите Грузии (Дарквети IV) одомашнен был как крупный (корова), так и мелкий рогатый скот. Среди домашних животных преобладала свинья, на что указывает множество костей этого животного. На ранней ступени развития животноводства преобладание свиньи кажется вполне естественным в условиях больших лесных массивов Западной Грузии, где было множество дубовых и буковых пород. Помимо того, легкое приручение и выкармливание свиней и их чрезвычайная плодовитость в совокупности должны были способствовать развитию этой отрасли животноводства.

Кроме того, для крупного и мелкого рогатого скота хорошей кормовой базой могли служить пастбища предгорных плато. Эти обширные плато могли создать прочную хозяйственную базу на начальной ступени производящей экономики как для животноводства, так и для земледелия.

Указанный материал является доказательством того, что в недрах присваивающей экономики, на базе развитого охотничьего хозяйства создается основа для перехода к приручению и одомашниванию животных.

---

⁹⁷ Б е н д у к и д з е О. Г. Голоценовая фауна позвоночных Грузии. Дис.канд. биол. наук. Тбилиси, 1975, с. 120.

⁹⁸ Г р о м о в В. И. Палеонтологическое и археологическое обоснование стратиграфии континентальных отложений четвертичного периода на территории СССР. — Труды Ин-та геол. наук, вып. 64, серия 17, 1948, с.233, 247.

⁹⁹ Н е б и е р и д з е Л. Д. Даркветский многослойный навес. Тбилиси, 1978, с. 69.ы

¹⁰⁰ Б е н д у к и д з е О. Г. Указ. раб. (см. сводную таблицу).

В хозяйстве раннеолитических племен большую роль играло собирательство. Особенно оно развилось в Западной Грузии, где геоклиматические условия — теплый и влажный субтропический климат, множество видов съедобных плодов, эндемные виды злаковых растений создавали благоприятные условия для развития собирательства.

В Западном Закавказье большее предпочтение уделялось сбору злаков дикого проса. Находки злаков дикого проса в культурном слое раннеолитического поселения (Холодный грот, слой Б1)¹⁰¹ указывают на особое значение этой культуры. Надо предполагать, что процесс культивации этого растения начинается уже с эпохи раннего неолита, так как для морфологических изменений растений требуется длительное время. В энеолите Грузии (Арухло I) эта культура уже культивирована

Найденные на раннеолитических поселениях Грузии (Дарквети IV, Анасеули¹⁰² I, Холодный грот) многочисленные вкладыши жатвенных ножей, зернотерки и терочки должны были служить как для сбора и обработки продуктов собирательства, так и для первых продуктов земледелия. Тут же следует отметить, что рожь и просо являются исторически засвидетельствованными культурами в Западной Грузии¹⁰³.

Правдоподобным должно быть и предположение, что они являются теми культурами, которые положили начало земледелию в Западной Грузии¹⁰⁴.

Приведенный материал указывает, что в недрах присваивающего хозяйства на основе собирательства происходит переход к земледелию.

В хозяйстве раннеолитических племен определенную роль играло рыболовство. Большинство этих поселений расположено на речных террасах и в приречных пещерах и навесах. Как видно, эти поселения широко использовали речные ресурсы. На это указывают находки большого количества костей лосося и мелких рыб, а также гарпунов (Холодный грот) и грузил (Дарквети IV, Хуцубани). К рыболовным орудиям должны относиться асимметричные треугольники¹⁰⁵, найденные в позднеолитических слоях (Эдзани, Дарквети V, Холодный грот). Найденные вещественные доказательства, относящиеся к рыболовству, указывают на развитие и дифференциацию этой отрасли хозяйства. Ловля рыбы производилась гарпунами, удочкообразными орудиями и сетями.

Таким образом, на основе новых материалов можно заключить, что зарождение и становление производящей экономики, переход к качественно новому этапу первобытного общества на территории Грузии приходится на эпоху раннего неолита, причем корни ее зарождаются в недрах высокоразвитой присваивающей экономики позднеолитических обществ. В этих сдвигах определенную роль должны были сыграть также связи с южными областями. Импорт обсидиана определенную роль начал играть с позднего мезолита.

---

¹⁰¹ С л о в ь е в Л. Н. Об итогах археологических раскопок в гроте Хупинишхва. — Труды Абхазского ИЯЛИ, XXII, 1961, с. 194.

¹⁰² При трасологическом анализе обсидиановой индустрии Анасеули I, сделанном канд. ист. наук. К. М. Эсакия, были обнаружены жатвенные ножи. (См.: К о р о б к о в а Г. Ф., Э с а к и я К. М. Первые жатвенные ножи Кавказа. Рукопись).

¹⁰³ Д ж а в а х и ш в и л и И. А. Экономическая история Грузии, кн. I. Тбилиси, 1930, с. 364 (на груз. яз.).

¹⁰⁴ Б е р д з е н ш в и л и (Киладзе) Н. З. Многослойный археологический памятник «Сагварджиле». — Известия АН Груз. ССР, 1953, т. 14. №9. 563—566 (на груз. яз.); К и к в и д з е Я. А. Земледелие и земледельческий культ в древней Грузии. Тбилиси, 1976, с. 14 (на груз. яз.); Н е б и е р и д з е Л. Д. Указ. соч., с. 72.

¹⁰⁵ Б и б и к о в С. Н. Раскопки в навесе Фатьма — Коба, — КСИА, т. 8. Киев, 1950.

Средняя ступень неолитической культуры выделяется пока слабо. К ней относятся поселения типа Гумуриши и Гали I. Эти памятники сочетают черты раннего и позднего неолита (бескерамические комплексы с дальнейшим развитием микролитической техники и полированных орудий).

Зародившееся в раннем неолите производящее хозяйство начало развиваться медленно, по восходящей линии, и уже в позднем неолите Западного Закавказья имеем яркие памятники с развивающейся производящей экономикой.

Памятниками позднего неолита являются Одиши, Урта (Зугдидский р-н), Кистрик (Гудаутский р-н), Анасеули II, Гурианта (Махарадзевский р-н), Мамати (Ланчхутский р-н), Махвилаури (Батумский р-н), Чхортоли (Гальский р-н), Нижняя Шиловка (Адлерский р-н) и другие.

Эти памятники в основном однотипны и имеют общие характерные черты: чрезвычайно развитая микролитическая техника, большое количество и разнообразие геометрических микролитов—трапеции с двумя и тремя обработанными краями, сегменты с притупленной дугой, высокие трапеции и высокие прямоугольники со струганой спинкой. Кремневые орудия в этих памятниках представлены разнообразными формами скребков, среди которых преобладают концевые на пластинках и отщепях и округлые, есть и микролитические. Надо отметить многочисленность и разнообразие резцов, изготовленных на углу сломанной пластинки. Яркую серию представляют сверла-буравчики, ножи со спинкой, пластинки с ретушированными концами, вкладыши жатвенных ножей — зубчатые и ретушированные пластинки.

Поздненеолитические памятники характеризуются обилием полированных и шлифованных орудий из речной гальки.

Каменные орудия также обрабатывались двусторонней техникой, т. е. макролитической. Для обработки обушка полированных орудий применялась часто и «точечная» техника. Большая часть этих орудий была предназначена для вырубki леса и обработки дерева — топоры, тесла, долота, а другая часть — для земледельческих работ: киркообразные и мотыгообразные — двусторонние обработанные макролиты, сохообразные орудия, зернотерки, ступки, песты, молоты и терочки.

Особо надо отметить появление гончарства. Керамика представлена сосудами баночной формы с плоским дном, без ушек и с неоттогнутым венчиком. Сосуды изготовлялись вручную. Иногда они имели волнообразный венчик, а часто прямой с разнообразными насечками и углублениями. Сосуды украшались «елочным» или «колосовидным» орнаментом, редко встречались шишечковидные налесты. В глину примешивали кварц, известь и слюду.

Материал из поздненеолитических поселений дает представление о многообразной хозяйственной деятельности этих племен. Кроме основных отраслей присваивающего и производящего хозяйства была развита обработка кости, рога, дерева, кожи.

Изучение поздненеолитических памятников дает возможность предполагать, что по всей территории Западного Закавказья была распространена в основном однообразная неолитическая культура, которая характеризовалась вышеуказанными признаками. Это своеобразие отличало ее от соседних культур (Северного Кавказа, Крыма, Южной Украины).

Внутри существующей единства поздненеолитической культуры Западного Закавказья отдельные памятники или группа памятников имели свои специфические признаки, на основании которых удалось в этой культуре выявить локальные обенности¹⁰⁶. Было выделено два локальных варианта: один охватывал территорию сегодняшней Гурии и Мегрелии (Одиши, Урта, Анасеули II, Гурианта), другой же — территорию Абхазии и Адлерский район (Кистрик, Чхортоли, Нижняя Шиловка).

Для первой группы памятников характерна орнаментированная керамика — «елочный», «колосовидный», реже волнообразный, зигзагообразный и шишечный орнамент. Венчики сосудов имели насечки и ямочки, часто волнообразный край. Замечается различие в форме геометрических микролитов со струганой спинкой. В этой группе они представлены высокими прямоугольниками, со струганой спинкой, тогда как вторая группа характеризуется высокими трапециями со струганой спинкой. Керамике второй группы не свойствен орнамент, а сосуды имеют гладкие венчики. В отличие от первой, вторая характеризуется пластинами с выделенной ретушью головкой.

Правда, этих признаков еще не совсем достаточно, однако дальнейшее исследование памятников неолита Западного Закавказья еще ярче выявит эти черты и уточнит границы распространения как всей культуры, так и ее локальных вариантов.

За последнее время в литературе появилась попытка выделить горную культуру неолита Западной Грузии¹⁰⁷.

Поздненеолитические поселения принадлежат к смешанному типу хозяйства, что обусловлено сочетанием присваивающей и производящей экономики. Охота, собирательство и рыболовство играют пока большую роль, однако развитие присваивающего хозяйства по восходящей линии прекращается после позднего неолита¹⁰⁸. Что касается производящей экономики, в частности земледелия, то оно уже зародилось в ранненеолитическую эпоху и развивалось постепенно, а в позднем неолите прошло определенный путь развития, на что указывают находки на поселениях множества земледельческих орудий (вкладыши жатвенных ножей — зубчатые и ретушированные пластины, кирковидные макролиты, мотыговидные и сохovidные орудия, зернотерки, ступки, терочки и др.). Свидетельством земледелия являются обугленные зерна, найденные в хозяйственной яме неолитического поселения Кистрик¹⁰⁹. Указанный материал ярко свидетельствует, что в позднем неолите, по сравнению с ранним, удельный вес земледелия значительно повысился.

В Западном Закавказье в условиях влажного субтропического климата, очевидно, развивалось неполивное земледелие. Таким оно было засвидетельствовано и в историческую эпоху, и таким остается оно по сей день.

¹⁰⁶ Н е б и е р и д з е Л. Д. Указ, соч., с. 90—91.

¹⁰⁷ Г р и г о л и я Г. К. Неолит Центральной Колхиды—Палури. Тбилиси, 1978 (на груз. яз.).

¹⁰⁸ Н е б и е р и д з е Л. Д. Микролитическая техника и геометрические микролиты в памятниках каменного века Грузии. — Мацне, 1975, № 3 (на груз. яз.).

¹⁰⁹ С о л о в ь е в Л. Н. Неолитические поселения Черноморского побережья Кавказа, Нижнешиловское и Кистрик. — В кн.: Материалы по археологии Абхазии. Тбилиси, 1967, с. 27.

К сожалению, в позднем неолите пока нет прямых доказательств, указывающих на степень развития скотоводства, так как на открытых поселениях Грузии в условиях кислых почв не сохранился остеологический материал. Надо предполагать, что первые шаги к одомашниванию животных, сделанные в раннем неолите, в позднем прошли уже свой определенный путь. Это хорошо подтверждается энеолитическими слоями пещерных памятников Западной Грузии.

Таким образом, благоприятные экологические условия — теплый субтропический климат, эндемные виды флоры и фауны, связи с областями древнейшей цивилизации Передней Азии, создали условия для раннего перехода от присваивающего хозяйства к производящему, для раннего зарождения и развития скотоводства и земледелия. Представляется, что в свете новых материалов Закавказье является одним из древнейших очагов производящего хозяйства.

Вопросы абсолютной хронологии кавказского неолита пока недостаточно разработаны. Для неолита Кавказа пока не имеются радиоуглеродные даты. Поэтому до получения таковых приходится пользоваться радиоуглеродными данными раннеэнеолитических памятников Грузии как территориально и хронологически самыми ближайшими опорными датами.

На основе калибрационной кривой Р. М. Кларка, Г. Л. Кавтарадзе были получены калиброванные (C^{14}) даты для раннеземледельческих памятников Грузии¹¹⁰.

Согласно этим датам, раннеэнеолитическая культура Грузии датируется в основном VI тыс. до н. э. и оказывается в общем синхронной с раннехалколитическими культурами Передней Азии, зачатки которых возможно перенести в VII тыс. до н. э.¹¹¹

Исправленные даты, как справедливо считает Г. Л. Кавтарадзе, частично преодолевают те противоречия, которые существуют между датированными VII—VI тыс. до н. э. многочисленными ближневосточными параллелями раннеэнеолитической культуры Грузии и некалиброванными радиоуглеродными датами раннеэнеолитических памятников Грузии, вмещающимися в основном в V тыс. до н. э.¹¹²

Обоснование удревнения раннеэнеолитической культуры, проведенное Г. Л. Кавтарадзе, вполне убедительно. В связи с этим ставится вопрос об удревнении неолитической культуры Грузии. Верхнюю границу позднего неолита следует перенести к концу VII тыс. до н. э. Формирование и начальные этапы неолитической культуры целесообразнее отнести к IX тыс. до н. э.

Проблема социального развития неолитических племен Западного Закавказья по сей день остается незатронутой за, неимением данных. Нет пока материала для характеристики идеологических представлений. Специфические геоклиматические условия Западной Грузии не дают возможность обнаружить и изучить погребения неолитической эпохи, кроме этого еще полностью не исследовано ни одно поселение, что затрудняет даже самую общую характеристику этой проблемы.

Изучение неолитических памятников Западной Грузии показало, что неолитические племена расселялись небольшими поселками, площадью примерно 1 га, в основном на предгорных холмах, а также речных и морских террасах. Надо предположить, что на неолитических поселениях Западной Грузии, в наземных, деревянных или плетеных сооружениях с глиняной обмазкой проживала отдельная семья (Хорши, Кобулет), что отдельные семьи в раннем неолите также занимали гроты и навесы (Холодный грот, Апианча, Дарквети). Площадь даркветского навеса, Апианча, а

---

¹¹⁰ К а в т а р а д з е Г. Л. Хронология археологических культур Грузии эпохи энеолита и бронзы в свете новых данных. Тбилиси, 1981, с. 136 (на груз. яз.).

¹¹¹ Там же.

¹¹² Там же, с. 137.

также домов Хорши и Кобулети настолько мала, что надо предположить местожительство только одной семьи, которая, вероятно, представляла социальную основу неолитического общества.

ГЛАВА III

ЭПОХА ЭНЕОЛИТА

Эпоха энеолита, являясь последующей ступенью развития раннеземледельческой культуры, характеризуется появлением металла.

Изучение энеолита Грузии, как и всего Закавказья, началось сравнительно недавно. 20 лет назад к энеолиту Закавказья относили культуру так называемого «куро-аракского энеолита», выделенную в начале 40-х гг. Б. А. Куфтиным. Исследовав памятники III тыс. до н. э., расположенные в междуречье Куры и Аракса, он охарактеризовал их как представляющие древнейшую земледельческо-скотоводческую культуру Закавказья. Учитывая, что в этих памятниках металл представлен в крайне ограниченном количестве и архаическими формами, Б. А. Куфтин осмыслил данную культуру как энеолитическую¹¹³. Однако благодаря дальнейшему изучению раннеземледельческих памятников под руководством А. А. Иессена¹¹⁴ на территории Азербайджана, с одной стороны, и специальным исследованиям древнейшего металла Кавказа И. Р. Селимхановым¹¹⁵, с другой, К. Х. Кушнарева и Т. Н. Чубинишвили¹¹⁶, специально рассмотревшими вопрос об уровне культурно-исторического развития Закавказья в III тыс. до н. э. было высказано мнение, что куро-аракскую культуру следует отнести к эпохе ранней бронзы. Важным подтверждением этому стали выявление и исследование в Закавказье, и в частности в Грузии, раннеземледельческих памятников, предшествующих куро-аракской культуре. На территории Грузии, на правом берегу среднего течения Куры начиная с 1964 г. открыты четыре группы таких раннеземледельческих поселений, и с 1965 г. экспедициями Тбилисского государственного университета и Государственного музея истории Грузии под руководством О. М. Джапаридзе и А. И. Джавахишвили и Института истории, археологии и этнографии АН СССР под руководством Т. Н. Чубинишвили начали проводиться планомерные стационарные исследования некоторых из этих памятников, в частности Шулаверис-Гора, Имирис-Гора, Храмис Диди-Гора, Арухло I¹¹⁷. Изучение

¹¹³ Ку ф т и н Б. А. Археологические раскопки в Триалети. Тбилиси, 1941, с. 123; его же. Урартский «колумбарий» у подошвы Арарата и куроаракский энеолит. — ВГМГ, в. XIII — В, 1944, с. 126.

¹¹⁴ И е с с е н А. А. Из исторического прошлого Мильско-Карабахской степи, — МИА, 1965, № 125, с. 10—17.

¹¹⁵ С е л и м х а н о в И. Р. К исследованию металлических предметов из «энеолитических» памятников Азербайджана и Северного Кавказа. — СА, 1960, № 2, с. 89—102; его же. Историко-химические и аналитические исследования древних предметов из медных сплавов (на материале энеолита Азербайджана). Баку, 1960.

¹¹⁶ К у ш н а р е в а К. Х., Ч у б и н и ш в и л и Т. Н. Историческое значение Южного Кавказа в III тыс. до н. э. — СА, 1963, № 3, с. 10—24.

¹¹⁷ Д ж а п а р и д з е О. М., Д ж а в а х и ш в и л и А. И. Результаты работ Квемокартлийской археологической экспедиции (1965—1966 гг.). — Мацне, 1967, № 3; их же. Результаты работ Квемокартлийской археологической экспедиции (1967 г.). — Археологические экспедиции Государственного музея Грузии (отчеты 1965—1966 гг.). Тбилиси, 1969; их же. Культура древнейшего земледельческого населения на территории Грузии. Тбилиси, 1971; Д ж а в а х и ш в и л и А. И. Результаты работ Квемокартлийской археологической экспедиции (1970—1971 гг.). — АЭГМГ, т. III, 1974, Д ж а в а х и ш в и л и А. И., К и г у р а д з е Т. В. — В сб.: Отчет Квемокартлийской археологической экспедиции. Тбилиси, 1975; Ч у б и н и ш в и л и Т. Н., К у ш н а р е в а К. Х. Новые материалы по энеолиту Южного Кавказа (V—IV тыс. до н. э.). — Мацне. 1967, № 6; их же. Древние культуры Южного Кавказа. Л., 1970; Ч у б и н и ш в и л и Т. Н. К древней истории Южного Кавказа. Тбилиси, 1971; Ч у б и н и ш в и л и Т. Н., Ч е л и д з е Л. М. Итоги работ Квемокартлийской археологической экспедиции. — ПАИ в 1972 г. Тбилиси, 1973; их же и др. Итоги полевых работ Квемокартлийской

энеолитических памятников данного региона продолжается под руководством Т. В. Кигурадзе и Д. Д. Гогелия¹¹⁸. Ряд энеолитических памятников обследован и в других районах Грузии: Делисское поселение¹¹⁹ в г. Тбилиси, поселение в ущелье Арагви¹²⁰, в Кахети¹²¹ и Западной Грузии¹²².

Полученные для некоторых поселений Грузии радиоуглеродные даты позволили определить хронологические рамки древнейшей оседло-земледельческой культуры¹²³. На поселении Арухло I были проведены специальные работы с целью исследования палеогеографии края, а также древнейшей ирригации¹²⁴. Изучение палеоботанических и остеологических находок и отдельных категорий археологического материала отмеченных памятников позволило дать общую характеристику экономики и иметь сведения о культивировавшихся в Закавказье в эпоху энеолита злаках, видах домашних и диких животных¹²⁵. Трасологическому анализу подверглись каменные орудия труда из некоторых энеолитических поселений Грузии¹²⁶. В значительной мере исследована проблема планировки и жилой архитектуры поселений V—III тыс. до н. э. Южного Кавказа.¹²⁷ Намечена относительная периодизация древнейших раннеземледельческих памятников Восточного

археологической экспедиции. — ПАИ в 1973 г. Тбилиси, 1974; Чубинишвили Т., Неберидзе Л. и др. Итоги полевой работы Квемокартлийской археологической экспедиции. — ПАИ в 1974 г. Тбилиси, 1976; Чубинишвили Т., Пхакадзе Г. и др. Отчет Квемокартлийской археологической экспедиции. — ПАИ в 1975 г. Тбилиси, 1979.

¹¹⁸ Менабде М. В., Кигурадзе Т. В. Результаты работ Квемокартлийской археологической экспедиции. — АЭМГ, т. 4, 1975; т. 5, 1977; т. 6, 1978; т. 7, 1980; Их же. Археологические памятники с. Сиони. Тбилиси, 1981; Неберидзе Л., Гогелия Д., Эсакия К. Отчет о работах Квемокартлийской археологической экспедиции. — ПАИ в 1976 г. Тбилиси 1979; Гогелия Д. Квемокартлийская археологическая экспедиция 1979-1980 гг. — ПАИ в 1980 г. Тбилиси, 1982; Гогелия Д., Челидзе Л. Краткий отчет о работе Квемокартлийской археологической экспедиции ПАИ в 1981 г. Тбилиси, 1984; их же. — ПАИ в 1982 г. Тбилиси, 1985.

¹¹⁹ Абрамишвили Р. М. Археологические исследования на новостройках Большого Тбилиси. — АИНГ, 1976; Абрамишвили Р. М., Окропиридзе Н. И. и др. Раскопки в Тбилиси. — АО 1977 г. М., 1978 г. М., 1979.

¹²⁰ Рамишвили Р. М., Джорбенадзе В. А., Каландадзе З. А. и др. Исследования в ущелье Арагви. — АО 1978 г. М., 1979.

¹²¹ Пицхелаури К. Н., Дедабришвили Ш. Ш., Бугианишвили Т. В. и др. Отчет Кахетской археологической экспедиции. — ПАИ в 1976 г. Тбилиси, 1979; Пицхелаури К. Н. Итоги работ Кахетской экспедиции. — АО 1978 г. М., 1979; Варазашвили В. В. Материалы середины IV тыс. до н. э. из Иоро-Алазанского бассейна. — ТКАЭ, вып. IV. Тбилиси, 1980

¹²² Пхакадзе Г. Г. Энеолитические остатки Окумской пещеры. — Материалы по археологии Грузии и Кавказа, VII. Тбилиси, 1979; Неберидзе Л. Д. Даркветский многослойный навес. Тбилиси, 1978.

¹²³ Кавтрадзе Г. Хронология археологических культур Грузии эпохи энеолита и бронзы в свете новых данных. Тбилиси, 1981.

¹²⁴ Мацхонашвили К. Г. О геологических наблюдениях 1978 г. в окрестностях холма Арухло I. — МАГК, вып. VII, 1979; Джанелидзе Ч. П. К реконструкции природных условий эпохи существования раннеземледельческой культуры Восточной Грузии. — В сб.: Человек и окружающая его среда. Тбилиси, 1984; Лисицына Г. Н. К вопросу о раннем земледелии в Южной Грузии. — В сб.: Человек и окружающая его среда. Тбилиси, 1984.

¹²⁵ Чубинишвили Т. Н., Челидзе Л. М. К вопросу о некоторых определяющих признаках раннеземледельческой культуры VI—IV тыс. до н. э. I. Южный Кавказ (хозяйство). — Мацне, 1978, №1; Лисицына Г. Н., Прищепенко Л. В. Палеоботанические находки Кавказа и Ближнего Востока. М., 1977; Веква А. К. Животный мир Восточной Грузии в эпоху энеолита по материалам поселения Арухло I (VI—IV тыс. до н. э.). — В сб.: Человек и окружающая его среда. Тбилиси, 1984.

¹²⁶ Коробкова Г. Ф., Кигурадзе Т. В. К вопросу о функциональной классификации каменных орудий из Шулаверис-Гора. — КСИА, №132. М., 1972; Коробкова Г. Ф., Эсакия К. М. Obsidianовая индустрия Цопи. — МАГК, VII. Тбилиси, 1979; их же. Комплексное изучение каменной индустрии раннеземледельческих поселений Арухло II и III. — В сб.: Человек и окружающая его среда. Тбилиси, 1984.

¹²⁷ Джавახишвили А. И. Строительное дело и архитектура поселений Южного Кавказа V—III тыс. до н. э. Тбилиси, 1973.

Закавказья¹²⁸. Сделаны попытки воссоздать общую картину культурно-исторического развития Кавказа, в частности Закавказья, в эпоху энеолита¹²⁹, определить этническую принадлежность населения Южного Кавказа в V—IV тыс. до н. э.¹³⁰ и, наконец, выявить определяющие признаки раннеземледельческой культуры Южного Кавказа в VI—IV тыс. до н. э.¹³¹

Энеолитическая культура Грузии в различных регионах характеризуется некоторыми отличительными чертами. Основным источником изучения жизни раннеземледельческих племен энеолитического этапа в Грузии являются остатки поселений различных типов, наиболее хорошо и последовательно изученными среди которых являются поселения Юго-Восточной Грузии. По своему географическому положению подавляющее большинство этих памятников долинные, отражающие уже хорошо развитый этап данной культуры. Так как в горных районах Восточной Грузии только намечается наличие культуры неолита¹³², нет возможности в должной мере проследить перерастание неолитической культуры в энеолитическую. Факт интенсивного заселения засушливых межгорных долин в энеолитический период на территории Закавказья, как, впрочем, и Передней Азии, свидетельствует о том, что ранние земледельцы были уже подготовлены к проживанию и занятию земледелием в таких климатических условиях¹³³.

Поселения межгорных долин Восточной Грузии (правобережье р. Куры) представляют собой расположенные группами искусственные холмы («гора»), возникшие в результате сегментации населения, относятся к одной культуре, находясь приблизительно на одном, довольно высоком уровне развития, и помещаются в рамки VI—IV тыс. до н. э.¹³⁴ Эти поселения характеризуются сырцовой круглоплановой купольной архитектурой, которая лишь изредка сочетается с одиночными прямоугольными домами, наличием стационарных очагов, значительной мощностью культурного слоя, вызванной напластованием строительных горизонтов с одинаковой планировкой и неоднократной перестройкой одних и тех же строений, наличием окружавших поселения рвов¹³⁵. Все это свидетельствует о прочной оседлой жизни их населения.

Основой для такой жизни поселенцев безусловно являлось ведущее положение интенсивного земледелия в хозяйственном комплексе того времени. Об этом свидетельствует богатое видовое разнообразие возделывавшихся культурных растений, остатки которых обнаружены на энеолитических поселениях методом отмывок сырцовых кирпичей из различных строительных горизонтов.¹³⁶ Особое значение для установления эволюции земледелия на данном этапе на Южном Кавказе следует придать находкам на поселении Арухло I эгилопса и эндемных пшениц, в числе которых предположительно установлено наличие и яровой пшеницы дика (*T. carthlicum* Nev.)¹³⁷. Важным является установленный по

¹²⁸ К и г у р а д з е Т. В. Периодизация раннеземледельческой культуры Восточного Закавказья. Тбилиси, 1976.

¹²⁹ М у н ч а е в Р. М. Кавказ на заре бронзового века. М., 1975.

¹³⁰ Д ж а п а р и д з е О. М. К этнической истории грузинских племен по данным археологии. Тбилиси, 1976.

¹³¹ Ч у б и н и ш в и л и Т. Н., Ч е л и д з е Л. М. К вопросу о некоторых определяющих признаках раннеземледельческой культуры Южного Кавказа в VI—VI тыс. до н. э. — Мацне, 1978, №1; 1979, №№1, 3; 1984, № 1.

¹³² Г о г е л и я Д. Д. Квемокартлийская археологическая экспедиция 1979—1980 гг. — ПАИ в 1980 г. Тбилиси, 1982.

¹³³ Данные о ландшафте и климате указанных регионов см.: Ч у б и н и ш в и л и Т. Н., Ч е л и д з е Л. М. К вопросу о некоторых определяющих признаках... — Мацне, 1978, №1; 1979, №№1, 3; Б е н д у к и д з е О. Г. Голоценовая фауна позвоночных Грузии. Тбилиси, 1979.

¹³⁴ Наиболее ранние абсолютные даты, полученные методом С¹⁴, дает поселение Арухло I (нижний горизонт—Тб.—300—5450±60 лет до н. э.; II горизонт—Тб.—277—5020±60 лет до н. э.). Подробнее см.: К а в т а р а д з е Г. Указ. соч.

¹³⁵ Подробнее см.: Д ж а в а х и ш в и л и А. И. Указ. соч.

¹³⁶ Подробнее см.: Л и с и ц ы н а Г. Н., П р и ш е п е н к о Л. В. Указ. соч.

¹³⁷ Г о р г и д з е А. Д. Живой реликт культурной пшеницы. — САНГ, 1979, т. 96, №2; Я н у ш е в и ч З. В., Р у с и ш в и л и Н. И. Новые палеоэтноботанические находки на поселении Арухло I (Южная

материалам поселений Арухло I—II факт двукратного сева и сбора урожая за год, что свидетельствует о высокоразвитых навыках труда при интенсивном ведении земледелия¹³⁸.

Не менее значительными являются находки косточек культурного винограда на поселениях Шулаверис-Гора, Дангреули-Гора, Храмис Диди-Гора¹³⁹. Семена винограда из Шулаверис-Гора, по свидетельству проф. М. Ф. Рамишвили, относятся к культурным сортам, выявляющим значительную давность селекции¹⁴⁰.

В условиях засушливой степи столь интенсивное развитие земледелия возможно было лишь при наличии искусственного орошения. Этот логический вывод подкрепляется результатами анализа образцов, ископаемой почвы из поселения Арухло I, оказавшейся по структуре орошаемой почвой¹⁴¹. В связи с этим привлекает внимание и «мокрый» ров, прокопанный ранее сухого, у подножья поселения Арухло I. Остатки растений и фауны на дне рва¹⁴² свидетельствуют о том, что в нем находилась проточная вода, которая могла использоваться населением в качестве технической и питьевой. Кроме того, в определенное время эта вода могла орошать близлежащие полевые участки. По мнению проф. Л. Л. Декабрилевица и Г. Н. Лисицыной, орошение посевных участков здесь, по-видимому, производилось одноактно, что должно было быть достаточным для сохранения урожая¹⁴³. Следует отметить также, что факт наличия смешанных посевов пшеницы и ячменя на долинных поселениях Южной Грузии позволяет предположить сосуществование богарного и орошаемого земледелия¹⁴⁴.

Все эти трудоемкие земляные и сельскохозяйственные работы выполнялись обнаруженными в большом количестве на всех неолитических поселениях Южной Грузии весьма выразительными землекопными орудиями, орудиями для сбора урожая и для обработки сельскохозяйственной продукции в виде роговых и костяных мотыг, землекопалок из естественных отростков рога благородного оленя, лопаточек из лопаточных костей крупных животных, сохообразного орудия из ветвистого оленьего рога (Арухло I), которым, как можно полагать, с помощью тягловой силы производилось легкое вспахивание участков земли, скорее всего, лишь после обработки почвы мотыгами, серпов различной формы с прямыми и изогнутыми рукоятками (многочисленные обсидиановые вкладыши серпов), каменных зернотерок различной формы, курантов, ступок и пестиков¹⁴⁵. На связь крупного рогатого скота с пашенным земледелием указывает находка глиняной скульптурки быка (Цопи), возведение которого в культ плодородия по этнографическим, в частности

Грузия). — Человек и окружающая его среда. Тбилиси, 1984; Брегадзе Н. А. Очерки по аэроэтнографии Грузии. Тбилиси, 1982, с. 12, 15.

¹³⁸ Чубинишвили Т., Небиеридзе Л. и др. Указ, соч., с. 17; Лисицына Г. Н., Прищепенко Л. В. Указ, соч., с. 61.

¹³⁹ Джапаридзе О. М., Джавахишвили А. И. Результаты Квемокартлийской арх. экспедиции (1965—1966 гг.). — Мацне, 1967, № 3, с. 296; Джавахишвили А. И., Кигурадзе Т. В. Дангреули-Гора. — Итоги Квемокартлийской археологической экспедиции, 1975, с. 124.

¹⁴⁰ Рамишвили М. Ф. К истории развития культуры винограда в Грузии. Тбилиси, 1969 (рукопись на груз. яз.).

¹⁴¹ Мардалеишвили Р. К., Джанелидзе Ч. П. Сравнительный анализ диагностических показателей современных голоценовых погребенных почв Марнеульской равнины. — В сб.: Человек и окружающая его среда. Тбилиси, 1984.

¹⁴² Чубинишвили Т. Н., Небиеридзе Л. Д. и др. Указ, соч., с. 16.

¹⁴³ Чубинишвили Т. Н., Челидзе Л. М. К вопросу о некоторых определяющих признаках... — Мацне, 1978, № I, с. 60.

¹⁴⁴ Их же. Указ. раб. (IV часть). — Там же, 1984, № 1.

¹⁴⁵ Кигурадзе Т. В. Указ, соч.; Челидзе Л. М. Орудия труда неолитического поселения Арухло I. — МАГК, VII, Тбилиси, 1979; его же. Развитие каменной индустрии в эпоху неолита на территории Восточной Грузии. — В сб.: Человек и окружающая его среда. Тбилиси, 1984; Коробкова Г. Ф. Древнейшие землекопные орудия из Арухло I, — МАГК. VII, Тбилиси, 1979; Коробкова Г. Ф., Кигурадзе Т. В. Указ, соч.; Коробкова Г. Ф., Эсакия К. М. Указ. соч.

грузинским, материалам отмечается именно в тех случаях, когда бык уже использовался человеком при земледелии¹⁴⁶.

Помимо интенсивно развивающегося земледелия, судя по данным из долинных поселений, их население занималось и разведением домашнего скота. По количеству в стаде преобладали овцы. Разводили также крупный рогатый скот, свиней, коз. Овцеводство базировалось еще на придомном хозяйстве¹⁴⁷. Остатков костей диких животных на поселениях обнаружено небольшое количество. Среди них имеются кости рыб¹⁴⁸. Следовательно, охота и рыболовство были вспомогательными источниками добычи пищи. Находки охотничьего инвентаря соответственно тоже малочисленны и представлены в основном пращой. В большом количестве на поселениях обнаружены обсидиановые и костяные орудия, предназначенные для разделки туш и обработки шкур животных (ножи, скребки, скребла, ложила).

Кроме материальных производств, связанных с получением и обработкой продуктов питания, на раннеземледельческих поселениях Южной Грузии в VI—IV тыс. до н. э. были развиты производства по изготовлению орудий труда из обсидиана, камня, рога, кости, по обработке шкур и выделке кож убитых животных и изготовлению одежды из них, по обработке дерева и кости (при этом использовались каменные грубые рубящие орудия, зашлифованные каменные топоры, тесла и долотья, обсидиановые резцы, стаместки, скобели, строгальные ножи). Художественные ремесла представлены на поселениях разнообразными видами работ: резьбой по кости и камню, скульптурной лепкой из глины, изготовлением игровых и ритуальных предметов, предметов искусства и украшений. Широко было развито производство по изготовлению керамики. Керамика изготовлялась вручную. Глина замешивалась с примесями толченого базальта, обсидиана, песка и изредка органических остатков. Посуда плохо обожжена, поверхность шероховата. В основном она имеет баночную или округлую форму с плоским дном или резко выраженной пяткой и отпечатками циновочных плетенок. В орнаменте преобладают сосковидные выступы — различные имитации знаков в несколько рядов и гроздьями, наклепанные волнистые и желобчатые геометрические узоры, елочный резной орнамент. В более поздних слоях этих поселений появляется керамика с органическими примесями и со следами лощеной поверхности, в основном светлых тонов¹⁴⁹.

Для раннеземледельческих поселений VI—IV тыс. до н. э. Южной Грузии известны единичные находки металлических изделий (Храмис Диди-Гора¹⁵⁰ и Арухло I¹⁵¹). По свидетельству И. А. Гзелишвили, древнейшим металлургическим очагом на территории Грузии является Болнисский район, столь богатый раннеземледельческими поселениями. Это предположение позволяют высказать найденные на участках древних отработок медных руд близ Цителсопели молотки, а также архаичность горных отработок на всех участках¹⁵².

В предкуро-аракский период, где-нибудь к середине IV тыс. до н. э., жизнь на долинных поселениях Южной Грузии угасает, может быть, в связи с увеличением засушливости климата, и энеолитическая культура на этой территории продолжает развиваться в предгорных районах, примером чему могут служить поселения Цопи¹⁵³ и

¹⁴⁶ Бардавелидзе В. В. Древнейшие религиозные верования и обрядовое графическое искусство грузинских племен. Тбилиси, 1957, с. 222, 263.

¹⁴⁷ Брегадзе Н. А. К истории овцеводства. — МАГК, VIII. Тбилиси, 1979.

¹⁴⁸ Бендукидзе О. Г. Об остатках диких позвоночных животных из Арухло I. — МАГК, VII. Тбилиси, 1979.

¹⁴⁹ Чубинишвили Т. Н. Древней истории...; Кигурадзе Т. В. Указ. соч.

¹⁵⁰ Менабде М. В., Кигурадзе Т. В., Кикодзе З. В. Результаты работ Квемокартлийской археологической экспедиции (1976—1977 гг.). — АЭМГ, 1978, VI, с. 27—46.

¹⁵¹ Гогелия Д. Д., Челидзе Л. М. Результаты работ Квемокартлийской археологической экспедиции. — ПАИ в 1982 г., Тбилиси, 1985.

¹⁵² Гзелишвили И. А. К древней истории добычи и обработки меди в Болнисском районе. — САНГ, 1967, т. XVII, №1, с. 247—251.

¹⁵³ Чубинишвили Т. Н. Древней истории...; Бендукидзе О. Г. О фауне позвоночных из Цопской энеолитической стоянки. — МАГК, VII. Тбилиси, 1979.

Сиони¹⁵⁴, для которых уже не была характерна сырцовая круглоплановая архитектура, но хозяйство которых, по имеющимся данным, носило ярко выраженный земледельческо-скотоводческий характер, похоже, с преобладающей ролью скотоводства.

Раннеземледельческие поселения Южной Грузии VI—IV тыс. до н. э., помимо того, являются источником изучения социальной структуры того общества, его культуры и идеологии. Необходимость выделения дворовых комплексов на территории этих поселений была вызвана, очевидно, существованием парной семьи. Никаких данных об имущественной дифференциации на этих поселениях нет. Самостоятельные парные семьи могли вести свое домашнее хозяйство (приготовление пищи, изготовление одежды, ремонт помещений), изготавливать и хранить орудия труда и керамику, отправлять какие-либо культовые обряды, поскольку производственные мастерские и постройки культового назначения прослежены на единичных поселениях, да и говорить о них можно пока лишь предположительно (помещение №8, 9—10 на Имирис-Гора¹⁵⁵ четырехугольное помещение на Арухло I¹⁵⁶). Обработка земли, сбор урожая, рытье оросительных канав, рвов вокруг поселений, содержание скота — все это велось, скорее всего сообща, поскольку выполнение таких трудоемких работ при имевшемся уровне производительных сил невозможно было без четкой организации труда всего коллектива. Естественно, что при этом земля, пастбища, скот находились в общественном пользовании. И продукты труда при таком ведении хозяйства распределялись, очевидно, по семьям с учетом количества членов семьи. Свои пищевые запасы каждая семья хранила самостоятельно на своем дворе в постройках хозяйственного назначения. Характер и уровень развития техники и хозяйства ранних земледельцев VI—IV тыс. до н. э. определял, надо полагать, главенствующую роль мужчины в семье, но женщина тоже почиталась, что подтверждается находками на этих поселениях мужских и женских антропоморфных статуэток. Во главе такой, скорее всего, родовой общины стоял, очевидно, старейшина, а может быть, и совет старейшин. Во всяком случае, навершия булавы, находимых на этих поселениях является символом власти. Умерших хоронили в пределах поселений. Этот обычай был связан с идеей возрождения, увеличения семьи. Захоронения безинвентарные, так как считалось, что умерший продолжает оставаться среди своей семьи и пользоваться всем вместе с нею. Почти все антропоморфные фигурки, обнаруженные на этих поселениях, изображают женщину, воплощающую идею продолжения рода, идею плодородия. На Храмис Диди-Гора женские статуэтки, особенно характеризующиеся реалистическим трактованием, вместе с мотыгами были обнаружены возле культовых очагов в виде крупных необожженных глиняных сосудов, таких, в каких, очевидно, хранили зерно¹⁵⁷. Скорее всего, это обряд, имевший целью вызвать обильный урожай. Глиняная сильно стилизованная женская фигурка из Шулаверис-Гора, на наш взгляд, изображает сидящую богиню плодородия с надрезами на бедрах. Особенно знаменательно, что на ее животе схематично изображено древо жизни, ствол которого выведен из ее женского начала¹⁵⁸.

Следует упомянуть и другие единичные находки, изображающие головы или же фигурки людей. Такими являются две маленькие скульптурки из красного галечника; одна из них изображает «татуированное» старческое лицо женщины (?) с черточками на затылке (волосы); другая же, вырезанная из плоской гальки, изображает улыбающееся лицо мужчины с большим горбатым носом, глубокой надрезкой изображена налобная повязка (диадема?). В первом случае углубление глаз заполнено охрой¹⁵⁹.

¹⁵⁴ Менабде М. В., Кигурадзе Т. В. Археологические памятники с.Сиони. Тбилиси, 1981.

¹⁵⁵ Джавахишвили А. И. Указ, соч., с. 57—60, 62—66.

¹⁵⁶ Гогелия Д. Д. Особенности поселения Арухло I. — МАГК, VII. Тбилиси, 1979, с. 17.

¹⁵⁷ Глонти Л. И., Джавахишвили А. И., Кигурадзе Т. И. Антропоморфные фигурки Храмис Диди-Гора. — ВГМГ, 31, 1975, с. 85—97.

¹⁵⁸ Кушнарева К. Х., Чубинишвили Т. Н. Древние культуры Южного Кавказа. Л., 1970, с. 163, рис. 54; Джавахишвили Г. А. Пластические изображения человека в древней Грузии. Автореф. канд. дис. Тбилиси, 1981.

¹⁵⁹ Кушнарева К. Х., Чубинишвили Т. Н. Древние культуры. , с. 25, рис. 6.

На большую роль культа плодородия указывают также изображения женщин-рожиц в виде налепов на посуде — схематических женских фигурок со вскинутыми вверх над головой руками и широко раскинутыми ногами, между которыми находится плод человека (Арухло I, Имирис-Гора)¹⁶⁰ Таким образом, в идеологических представлениях ранних земледельцев главенствующую роль играли идеи возрождения, продолжения рода и плодородия, созвучные между собой.

Южногрузинские раннеземледельческие поселения VI—IV тыс. до н. э. относятся к одной культуре с поселениями типа Шому-Тепе того же периода на территории Западного Азербайджана и по абсолютным датировкам в основном синхронизируются с памятниками хассунской и раннехалафской культур на территории Ближнего Востока, с которыми, по имеющимся археологическим данным, они находились в контакте. Более того, высокий производительный уровень жизни раннеземледельческого населения Южной Грузии, как, впрочем, и всего Закавказья, в эпоху энеолита по своему развитию не уступает южным соседним племенам.

Эпоха энеолита Западной Грузии изучена слабее и поэтому отдельно коснуться всех вышепоставленных вопросов пока не удастся¹⁶¹.

Географическая среда Западной Грузии в целом отличается от всего Закавказья, что в определенной мере предопределяет другую топографию поселений раннеземледельческой культуры эпохи энеолита. Развитие там таких отраслей производящего хозяйства, как земледелие и в особенности скотоводство, не могло быть на том же уровне, т. к. пересеченность рельефа, влажный климат, значительная лесистость и ограниченность открытых пространств, в частности в Имерети, во многом благоприятствуют сохранению значения охоты и долгого использования пещерных стоянок для жилья (Сагварджиле — II слой, Самеле-Клде, Самерцхле-Клде — I слой, Тетри-Мгвиме — I слой, Дарквети — II—III слой, Дзудзуана — I слой, Цуцхвати, Окуми — I слой, Тетрамица).¹⁶² С другой стороны, обжитая полоса Черного моря, наоборот, характеризуется морскими промыслами и открытыми стоянками (Гуандра, Псоу, Атара и др.), часть которых в результате долгого обитания людей на одном месте превращается в искусственные холмы (Мачара и др.).

Западной Грузии близкая генетическая связь энеолита с местным неолитом дает возможность проследить и те новшества, которыми обусловлено в целом дальнейшее увеличение удельного веса производящего хозяйства. Это удастся главным образом, путем выделения каменных орудий труда, являющихся усовершенствованными типами неолитических орудий, основным материалом для которых служил кремень. По мнению Л. Д. Небиеридзе, на основании имеющихся данных из пещерных памятников Западной Грузии, следует считать, что роль скотоводства в экономической жизни населения преобладала над земледелием и что

---

¹⁶⁰ Чубинишвили Т. Н., Небиеридзе Л. Д., Пхакадзе Г. Г., Мирцхулава Г. И. Памятники раннеземледельческой культуры (VI-IV тыс. до н. э.) в зоне строительства Арахойнской оросительной системы — Археологические исследования на новостройках Грузинской ССР. Тбилиси, 1976, табл. XXV—3, 6.

¹⁶¹ Основные материалы и их рассмотрение по отдельным памятникам даны в книге Л. Д. Небиеридзе «Даркветский многослойный навес» (Тбилиси, 1978, на груз. яз.).

¹⁶² Бердзенишвили (Киладзе) Н. З. Новые памятники каменного века из Тетрамица. — Материалы к истории Грузии и Закавказья, вып. 29, Тбилиси, 1951; ее же. Многослойный археологический памятник Сагварджиле. — САНГ, 1953, т. XIV, №9; Небиеридзе Л. Д. Указ. соч.; Джавახишвили Г. К истории раннеземледельческой культуры Западного Закавказья. Автореф. канд. дис. Тбилиси, 1971; Пхакадзе Г. Указ. соч.

сохранялось большое значение охоты как источника добывания пищи. Последнее подтверждается частыми находками охотничьего оружия: наконечников копий, дротиков, стрел, геометрических микролитов. При обработке и использовании шкур диких и домашних животных употребляли найденные в больших количествах разнообразные скребки и проколки, а для разделки туш — ножевидные пластины. Среди остатков фауны определены кости домашних животных¹⁶³. На развитие ткачества указывают различные пряслица и костяные иглы (Дарквети). На ряду с этим определенное место в инвентаре пещерных энеолитических памятников занимают земледельческие орудия — каменные землекопалки и мотыги, вкладыши серпов, зернотерки, ступки, песты. Обнаруженные шлифованные топоры и тесла употреблялись при обработке дерева. Была развита обработка кости. Многочисленны находки керамики, представленной в основном сосудами серовато-розового обжига, с плоским дном и выпуклым туловом. Вместе с тем имеются тонкостенные сосуды с краснолощенной поверхностью и округлым дном.

Население пещерных памятников было знакомо с металлургическим производством, о чем говорят находки металлических предметов — шила, рыболовных крючков и стержня из Сагварджиле, а также металлических изделий, тигля и литейной формы из имеретинских пещер Самерцхле-Клде и Тетри-Мгвиме.

Мергелевые браслеты из Тетрамица свидетельствуют о развитии художественного промысла.

Открытые поселения у побережья Черного моря¹⁶⁴ (Мачара, Атара, Гуандра, Псоу) по своим составным элементам представляют однородную культуру, подобную вышерассмотренной, однако в данном случае явно определяется ведущее место земледелия и рыболовства (многочисленные находки мотых, зернотерок, вкладышей серпов, грузил для рыболовных сетей). И здесь отмечаются коренные сдвиги, начатые в эпоху неолита — непрерывное увеличение удельного веса производящего хозяйства, что и обуславливает появление металла.

Границы распространения западногрузинской энеолитической культуры доходят до Лихского хребта, в районах Сочи — Адлер — до Новороссийска. На такое широкое распространение этой культуры указывает одна группа сходной керамики (тонкостенная красно-розового лощения до блеска, с округлым дном, шаровидным туловом, низким отогнутым венчиком без ушек), которая проявляет определенную близость к керамике из поселений майкопской культуры. Этот факт дает основание для предположения о том, что

¹⁶³ Б у р ч а к - А б р а м о в и ч Н. И., Б е н д у к и д з е О. Г. К изучению фауны позвоночных раннего энеолита, найденных в пещере Самеле-Клде. — САНГ, 1969, т. 53, №2, с. 495; Б у р ч а к - А б р а м о в и ч Н. И. К изучению позвоночных пещеры Сагварджиле (Имеретия). — X научн. сессия спелеологов. Краткое содер. докладов, 1972, с. 9—13; Б е н д у к и д з е О. Г. Об остатках млекопитающих из пещеры Дзудзуана в Западной Грузии. — Пещеры Грузии, 1978, № 7, с. 72—79.

¹⁶⁴ Б ж а н и а В. В. Мачарское поселение эпохи энеолита и бронзы в Абхазии. — СА, 1966, №1; Б а р а м и д з е М. В., П х а к а д з е Г. Г. и др. Археологические разведки в Абхазской АССР. — ПАИ в 1976 г. Тбилиси. 1979.

элементы майкопской культуры формировались не только в пределах Северо-Западного Кавказа и Кубани, но и на территории Западного Закавказья, где они, быть может, появляются раньше, чем на севере¹⁶⁵.

Отсутствие фактов, касающихся домостроительства, планировки открытых поселений, данных, указывающих на социальную жизнь племени, не дают возможности коснуться вопросов развития общества, создавшего на базе местного неолита развитую раннеземледельческую культуру энеолитического времени.

Нет соответствующих достаточных данных и об абсолютной датировке, указывающих хронологические границы существования энеолитической культуры Западной Грузии¹⁶⁶, хотя можно предполагать, что она сосуществовала с энеолитической культурой Восточного Закавказья, которая предшествовала культуре куро-аракса, уже целиком охватывающей эпоху ранней бронзы.

ГЛАВА IV

ЭПОХА РАННЕЙ БРОНЗЫ

К середине IV тыс. до н. э. в аллювиальных долинах Восточной Грузии, на поселениях, имевших вид искусственных холмов, интенсивно протекавшая жизнь постепенно стала затухать и выдвинулись лесистые районы предгорья или более возвышенные зоны (до 1500 — 1700 м над уровнем моря). В этот период на Южном Кавказе начинает складываться т. н. «куро-араксская культура», первооткрывателем которой является Б. А. Куфтин¹⁶⁷. Им были выделены характерные признаки этой культуры, которую он расчленил на три хронологических комплекса и предложил именовать ее «энеолитической куро-аракской культурой III тыс. до н. э.»¹⁶⁸ Основанием для этого послужили находки массивной керамики бурого цвета в форме одноручных или двуручных сосудов с цилиндрическим горлышком и округлым корпусом, сглаженных снаружи и внутри, ангобированных жирной глиной, с мелкой трещиноватой поверхностью, обнаруженных впервые в Кикети, Дидубе, а еще раньше в глиняном городке в Игдыре, у подножья Арарата, а также повсеместные находки аналогичной и более усовершенствованной чернолощущенной керамики, засвидетельствованной во всем двуречье Куры и Аракса.

Последующие работы Б. А. Куфтина были направлены на пополнение фактическим материалом куро-аракской культуры¹⁶⁹.

50-е гг. ознаменовались значительным усилением интереса к куро-аракской культуре. Раскопки приобрели планомерный характер, были исследованы десятки новых объектов, благодаря чему уточнилась периодизация памятников, строившихся главным

---

¹⁶⁵ Литературу, касающуюся этого вопроса, см.: Н е б е р и д з е Л. Д. Указ. соч., С. 73-88.

¹⁶⁶ Существует мнение, что неолитическая культура Западной Грузии синхронизируется с культурой неолита Центрального Закавказья. (См.: Д ж а п а р и д з е О. М., Д ж а в а х и ш в и л и А. И. Древнейшее население землевладельцев на территории Грузии. Тбилиси, 1971, на груз. яз.).

¹⁶⁷ К у ф т и н Б. А. Археологические раскопки в Триалети. Тбилиси 1941

¹⁶⁸ Его же. Урартский «колумбарий» у подошвы Арарата и куро-аракский энеолит. — ВГМГ, вып. X ШВ, 1943.

¹⁶⁹ Его же. Археологические раскопки 1947 года в Цалкинском районе. Тбилиси, 1948; его же.

Археологическая маршрутная экспедиция 1945 года в Юго-Осетию и Имеретию. Тбилиси, 1949; его же. К проблеме неолита Внутренней Картли и Юго-Осетии. — ВГМГ, XIV, 1947; его же. К вопросу о выявлении памятников шумерской и протохеттской эпохи на территории Грузии. — НСООН АН СССР, №25. Тезисы докладов. Тбилиси. 1947.

образом на типологическом анализе керамики, и границы распространения этой культуры¹⁷⁰.

В этот же период происходило интенсивное накопление новых материалов по куро-араксской культуре на Северном Кавказе, в Армении, Азербайджане и за рубежом, в результате чего были намечены ее границы вне территории Южного Кавказа, доходящие на западе до Центральной Анатолии, а на юге до Иерихона и Гезера, и определены археологические и хронологические рамки.

Однако наиболее результативными оказались исследования многослойных поселений в различных частях большой территории, охваченной куро-араксской культурой, а также комплексное изучение связанных друг с другом поселений, могильников, культовых мест. Только такой подход открывал широкий путь для изучения всех сторон хозяйственной и духовной жизни древних племен, давая возможность подметить и некоторые локальные особенности этой сложной культуры. Такими узловыми комплексами для Грузии оказались Хизанаант-Гора, Квацхелеби и Амиранис-Гора¹⁷¹. Результатом исследований подобных поселений явилось новое представление о куро-араксской культуре с ее очень высоким уровнем материальной и духовной жизни племен и столь же высоким уровнем металлопроизводства. Сомнению подверглась «энеолитическая» сущность куро-араксской культуры.

Все эти факты, а также обнаружение в начале 60-х гг. под куро-аракским слоем на поселении Кюль-Тепе в Азербайджане мощного слоя со светлой, иногда расписной посудой и медными поделками, тяготеющего к энеолитическим культурам Передней Азии, послужили поводом для почти одновременного выхода ряда статей, в которых «куро-араксский энеолит» был отнесен к эпохе ранней бронзы¹⁷².

На протяжении 60-х и 70-х гг. продолжалось изучение куро-араксской культуры, результатом чего явились сотни зафиксированных памятников по всей территории Грузии и публикация множества работ с постановкой узловых вопросов истории развития общества в эпоху ранней бронзы¹⁷³.

---

¹⁷⁰ К о р и д з е Д. Л. Археологические памятники Тбилиси, I. Тбилиси, 1955; Д ж а п а р и д з е О. М. Ранний этап древней металлургии в Грузии. Тбилиси, 1955; его же. К истории грузинских племен на ранней стадии медно-бронзовой культуры. Тбилиси, 1961; его же. Культура раннеземледельческих племен на территории Грузии. — VII Международный конгресс антропологических и этнографических наук. М., 1964; П х а к а д з е Г. Г. Энеолит Квемо-Картли. Тбилиси, 1963.

¹⁷¹ Д ж а в а х и ш в и л и А. И., Г л о н т и Л. И. Урбниси, I. Археологические раскопки, произведенные в 1954—1961 гг. на селище Квацхелеби (Туления-Кохи). Тбилиси, 1962; Г л о н т и Л. И., К и к в и д з е Я. И., Д ж а в а х и ш в и л и А. И. Итоги раскопок селищ IV—III тыс. до н. э. — Баку, 1965; Г л о н т и Л., Д ж а в а х и ш в и л и А., К и к в и д з е Я., Т у ш а б р а м и ш в и л и Д. Некоторые итоги полевых работ 1964 года Урбнисской и Квирильской археологических экспедиций. — ВГМГ, вып. XXV. Тбилиси, 1968; К и к в и д з е Я. А. Памятники эпохи ранней бронзы в Урбниси. — ДПКГ, VI. Тбилиси, 1966; Ч и л а ш в и л и Л. А. Городище Урбниси. Тбилиси, 1964; Ч у б и н и ш в и л и Т. Н. Амиранис-Гора. Материалы к древнейшей истории Месхет-Джавахетии. Тбилиси, 1962; его же. Древнейшая культура в Дворежье Куры и Аракса. Тбилиси, 1965; его же. Амиранис-Гора. — Дзеглис мегобари, VI. Тбилиси, 1966; его же. Некоторые итоги раскопок Амиранис-Гора. — КСИА, вып. 106, 1966.

¹⁷² И е с с е н А. А. Кавказ и Древний Восток в IV—III тыс. до н. э. — КСИА, вып. 93, 1963; А б и б у л л а е в О. А. Некоторые итоги изучения холма Кюль-Тепе в Азербайджане. — СА, 1963, № 3; К у ш н а р е в а К. Х., Ч у б и н и ш в и л и Т. Н. Историческое значение Южного Кавказа в III тыс. до н. э. — СА, 1963, № 3; К р у п н о в Е. И. Древнейшая культура Кавказа и кавказская этническая общность. — СА, 1964, № 1.

¹⁷³ Ссылки на многие из этих работ даются в тексте.

Ранние комплексы куро-араксской культуры¹⁷⁴ в некоторых случаях характеризуются сосуществованием материалов предшествующего периода и периода ранней бронзы (Дидубе, Трелигореби, Абелия), находящихся в незначительных по мощности культурных слоях и в хозяйственных ямах¹⁷⁵

Нововозникшие поселения представлены либо вырытыми в грунте полуземлянками (Кода)¹⁷⁶ либо воздвигнутыми на горных склонах каменными жилищами, расположенными террасами (Самшвилде)¹⁷⁷ этим они резко отличаются от энеолитических домов, построенных из плосковыпуклых кирпичей, для производства которых необходимо было добывать глину в аллювиальных долинах и иметь вблизи воду в достаточном количестве. Теперь взамен искусственных холмов новые поселения, возникшие в предгорьях и горных районах, в большинстве случаев имеют облик естественно защищенных возвышенностей, в непосредственной близости от которых располагались и родовые могильники (Самшвилде).

Несмотря на довольно резкий скачок в формообразовании качественно новой куро-араксской керамики, по материалам переходного этапа от энеолита к ранней бронзе, а также на самой ранней керамике куро-араксской культуры все же удается проследить некоторую трансформацию и преемственность как по формам, так и по рельефной орнаментации керамики данной группы¹⁷⁸.

Ранние комплексы куро-араксской культуры помимо специфичной древней керамики содержат чашеобразные глиняные крышки с выступами на дне, наподобие которых встречаются в Месопотамии в эпоху Джемдет-Насра и датируются XXXIV в. до н. э.¹⁷⁹, а также глиняные культовые изделия: подставки в виде головы тельца, т. н. катушкообразные, подковообразные, модель очага с тремя внутренними выступами.

Сопутствующие им каменные орудия, которые являются продолжением энеолитических, по своему типу и характеру обработки представлены изготовленными на отщепях некоторыми видами скребков, скобелями, стамесками, ретушированными отщепами, изредка ножевидными пластинами и резцами. Новыми формами орудий являются наконечники стрел и копий, а также вкладыши серпов, изготовленные теперь уже при помощи двусторонней встречной плоской широкой ретуши, имеющие подпрямоугольную форму, часто с мелкой зубчатостью или волнистостью края. Таким же приемом двусторонней обработки изготовлены наконечники копий и стрел. Обнаружены зернотерки, ступки, каменные мотыги и топоры.

---

¹⁷⁴ Серия радиоуглеродных дат позволяет теперь представить хронологию трех этапов этой культуры в следующих границах: I этап — середина IV тыс. до н. э. — рубеж IV—III тыс. до н. э.; II этап — рубеж IV — III тыс. до н. э. — середина III тыс. до н. э.; III этап — середина III тыс. до н. э. — конец III тыс. до н. э.

¹⁷⁵ К о р и д з е Д. Л. Археологические памятники Тбилиси, I. Тбилиси, 1955; А б р а м и ш в и л и Р. М., Г о ц и р и д з е Д. М. Трельское поселение куро-араксской культуры. Археологические памятники, I. Тбилиси, 1978, с. 191—196; Ч у б и н и ш в и л и Т. Н. К древней истории Южного Кавказа, I. Тбилиси, 1871, с. 42—44.

¹⁷⁶ П х а к а д з е Г. Г. Археологические исследования в с. Кода на территории строительства птицефермы. — АИНГ, 1976, с. 45—48.

¹⁷⁷ М и р ц х у л а в а Г. И. Самшвилде. Тбилиси, 1975.

¹⁷⁸ К у ш н а р е в а К. Х., Ч у б и н и ш в и л и Т. Н. Древние культуры Южного Кавказа. Л., 1971, с. 133, 146 и др., рис. 48; ср.: К и к в и д з е Я. А. Земледелие и земледельческий культ в древней Грузии. Тбилиси, 1976, с. 51.

¹⁷⁹ К у ш н а р е в а К. Х., Ч у б и н и ш в и л и Т. Н. Древние культуры... с. 149—150, рис. 51

На большой промежуток первого этапа куро-араксской культуры лучше всего указывают обширные могильники, где представлены одиночные и семейно-коллективные погребения — склепы со значительным комплексом глиняной утвари и принесенных в жертву животных (Самшвилде, Кикети¹⁸⁰, Кода). Наряду с ними появляются и возникшие на отлете от поселений первые курганные погребения, находившиеся в зоне зимних пастбищ (Шулаверское погребение №3, погребения в Тквиави)¹⁸¹. Концом этого этапа, по-видимому, следует считать рубеж IV—III тыс. до н. э., после чего в период демографического взрыва на Кавказе отмечается повсеместное распространение куро-араксской культуры. В речных долинах и предгорьях поселения расположены сплошной цепью. Среди них появляются и довольно крупные, такие, как Хизанаант-Гора, Цихиа-Гора¹⁸², Амиранис-Гора, занимающие господствующее положение на значительной территории. Особое внимание привлекают выделенные от поселения святилища на вершине горы (Амиранис-Гора, Жинвали)¹⁸³.

С этого периода архитектурным новшеством является и тип здания — прямоугольный дом с плоским перекрытием, для строительства которого применяется камень, дерево и новая конструкция — армированная плетнем стена, причем плоская крыша на деревянной балочной системе уже опирается на центральный столб¹⁸⁴.

Судя по крупным поселениям, в жилищном комплексе встречаются служебные помещения, сени, закрома, зерновые ямы, пристройки, служившие загонем для скота, загороженные площади, находившиеся в центре поселения (Амиранис-Гора).

На некоторых поселениях (Амиранис-Гора, Квацхелеби, Цихиа-Гора) помимо центрального очага основным элементом являются глинобитные возвышенности вдоль задней стенки, служившие местом для выполнения домашних культовых обрядов. В исключительных случаях для этого служило специально выстроенное помещение с «фресковой» штукатуркой на стенах. Одна из стен представляла собой апсидообразную часть помещения (Цихиа-Гора).

---

¹⁸⁰ П х а к а д з е Г. Г. Энеолит Квемо-Картли. Тбилиси, 1963

¹⁸¹ Д ж а п а р и д з е О. М. К истории грузинских племен...; М а к а л а т и я С. И. Археологические раскопки курганных погребений в с. Тквиави.— Труды Горийского историко-этнографического музея. Тбилиси, 1943.

¹⁸² Н а д и м а ш в и л и С. И. Цихиа-Гора—Гудабертка. Гори, 1963.

¹⁸³ Ч у б и н и ш в и л и Т. Н. Амиранис-Гора. Тбилиси, 1963, с. 33, рис. 7, 13 (на груз. яз.);

Р а м и ш в и л и Р., Д ж о р б е н а д з е В. и др. Археологические изыскания в Арагвском ущелье. — ПАИ в 1974 г. Тбилиси, 1976, с. 71.

¹⁸⁴ Г л о н т и Л. И. Поселение куро-араксской культуры. Автореф. канд. дис. Тбилиси, 1970, с. 9—19; Д ж а в а х и ш в и л и А. И. Строительное дело и архитектура поселений Южного Кавказа (V—III тыс. до н. э.). Тбилиси, 1973, с. 113 — 163.

Со второго этапа эпохи ранней бронзы прослеживается подъем производительных сил, что выразилось в развитии металлургии, хозяйства и домашних промыслов.

Широкое и разностороннее применение производственного огня особенно ярко выражено в металлургии¹⁸⁵. Это время характеризуется тем, что уже в начале III тыс. до н. э., а может быть, и раньше, на Южном Кавказе существовали раздельно добывающие и обрабатывающие ветви металлургического производства. Последние представлены повсеместно. Особо следует выделить древнейшую среди литейных мастерских, открытую в раннем строительном горизонте поселения Амиранис-Гора. В ней оказалась углубленная в пол печь-горн в виде каменной ступки, в которой находилась угольная пудра (технический уголь), дающая очень высокую температуру. Здесь же обнаружен глиняный сосуд для хранения угля и, что особенно важно, конец от крупного сопла-поддувала, с помощью которого в закрытую печь для регулирования температуры нагнеталась струя воздуха.

Металлургическая медь на Южном Кавказе выплавлялась уже из окисления медно-мышьяковистых руд или получалась путем совместной плавки меди и мышьяковой руды. Продукт в результате плавки качественно отличался от самородной меди. На развитом этапе куро-араксской культуры такая продукция представлена не только разными предметами и орудиями производства (серп¹⁸⁶, топор¹⁸⁷), но и вооружением — бронзовый наконечник копья и клинок кинжала. Основная продукция в это время изготовлялась путем отливки бронзы в литейных формах. Особое значение придавалось изготовлению проушного топора, первые единичные экземпляры которого известны на раннем этапе куро-араксской культуры. Их серийное производство впоследствии обуславливалось необходимостью широкого использования поселенцами лесистых мест.

Наиболее существенным признаком куро-араксской культуры является очень специфичная чернолощенная (реже серолощенная) изящная и разнообразная по формам и назначению посуда ручной лепки, имеющая одну или две ручки и украшенная наlepным, выпукло-вогнутым или, позднее, врезным орнаментом. Появление в большом количестве такой керамики с «розовой подкладкой» характерно для второго этапа куро-араксской культуры, когда в различных регионах ее распространения выделяется несколько локальных вариантов.

На территории Грузии с востока на запад распространяется та группа своеобразной керамики, которая представлена в Кахети¹⁸⁸, Нижней и Верхней Картли, Триалети и охватывает восточную часть Западной Грузии (Чиатурский район). Для нее более всего характерны чернолощенные сосуды с красной подкладкой, цилиндрическим горлышком, переходящим в округлое туловище с узким дном; на данном этапе уже сосуществуют полусферические и округлые ручки; начиная с раннего этапа прослеживается наличие керамики на тканевой основе¹⁸⁹.

Другая группа керамики представлена в Шида-Картли (Внутренняя Картли) на южных склонах Центрального Кавказа (Хизанаант-Гора, слои Д, С¹⁹⁰, Квацхелеби, слой

¹⁸⁵ И е с с е н А. А. Кавказ и Древний Восток, с. 11 — 13; К у ш н а р е в а К. Х., Ч у б и н и ш в и л и Т. Н. Историческое значение...; А б е с а д з е Ц. Н. Производство металла в Закавказье в III тыс. до н. э. Тбилиси, 1969.

¹⁸⁶ Не исключено, что некоторые серпы применялись в качестве сасхлави—ножа для обработки виноградной лозы. (См.: Ч у б и н и ш в и л и Т. Н. Некоторые особенности древних культур Южного Кавказа и их взаимоотношения с переднеазиатскими культурами в IV—III тыс. до н. э. —Вопросы древней истории, IV. Тбилиси, 1973, с. 43).

¹⁸⁷ К о р и д з е Д. Л. Новые находки медных орудий в Квемо-Картли. — СА, М., 1958.

¹⁸⁸ Д е д а б р и ш в и л и Ш. Ш. Культура эпохи ранней бронзы Иоро-Алазанского бассейна. Автореф. канд. дис. Тбилиси, 1970.

¹⁸⁹ К о р и д з е Д. Л. Археологические памятники г. Тбилиси..., табл. III.

¹⁹⁰ К и к в и д з е Я. А. Хизанаант-Гора — поселение эпохи ранней бронзы. Тбилиси, 1972, табл. XX—XXVI.

С), а также в ранних курганах Сачхерского района, где преобладают одноручные и двуручные сосуды, здесь же иногда с отверстием в стенке туловища — трехручные сосуды, вазообразные сосуды на поддонах, а также большие миски с парными налестками, повторяющие форму более ранних мисок из Дидубе, Кикети и Тamarиси. Орнаментом украшена незначительная часть керамики.

Высокий уровень гончарного дела в эпоху ранней бронзы отличается не только многообразием керамики, но и сложной технологией получения в специальных ямах отмученной глины, из которой изготовляли и другие предметы домашнего обихода — малые и большие очаги, подставки, крышки для сосудов, пряльца, votивные предметы и мелкую скульптуру, что вместе взятое выделяет второй этап развития куро-араксской культуры от предшествующего этапа.

О демографическом взрыве носителей куро-араксской культуры данного отрезка времени свидетельствует и наличие малых и больших могильников, которые, как и поселения, сконцентрированы вдоль ущелий, предгорий и в горных районах, на плоскогорьях, в основном, на ранее необжитых местах.

Различие в погребальных сооружениях и обрядах обусловлено социальными и другими моментами и отражает сложную картину религиозных представлений, идеологии населения, создавшего эту культуру.

Ни протяжении всей эпохи ранней бронзы доминирующее место занимают индивидуальные захоронения. Большинство из них находились в составных каменных ящиках и в более редких случаях в грунтовых погребениях. На обширных могильниках встречаются также парно-семейные погребения и склепы, где зачастую даже при захоронении одного усопшего выполняются особые погребальные ритуалы. Например, в погребениях мужчин помимо оружия из металла встречаются кости принесенного в жертву крупного рогатого скота¹⁹¹.

На самих поселениях в жилых и служебных помещениях под полами отмечаются захоронения младенцев без инвентаря, что, по-видимому, связано с культом плодородия¹⁹².

Не связано с поселениями большинство курганных погребений которые расположены как на высокогорных летних¹⁹³, так и в долинах на зимних пастбищах¹⁹⁴.

Еще более значительное развитие куро-араксской культуры отмечается на последнем, завершающем этапе, когда в ее различных регионах ярче выделяются локальные варианты.

Этот же этап характеризуется тем, что в большинстве районов Восточной Грузии засвидетельствовано появление т. н. беденской изящной посуды, которая, по мнению исследователей, указывает на возникновение на этой территории новой, беденской

¹⁹¹ Ч у б и н и ш в и л и Т. Н. Амиранис-Гора..., с. 97; П и ц х е л а у р и К. Н. Древняя культура племен, населявших территорию Иоро-Алазанского бассейна, Тбилиси, 1965, с. 32—33, табл. II₂ (на груз. яз.).

¹⁹² Ч у б и н и ш в и л и Т. Н. Культура древней бронзы. — Очерки по истории Грузии, т. I. Тбилиси, 1970, с. 161—162 (на груз. яз.).

¹⁹³ К у ф т и н Б. А. Археологические раскопки..., с. 201; Ч у б и н и ш в и л и Т. Н. К древней истории..., с. 76; Д ж а п а р и д з е О. М. К этнической истории грузинских племен по данным археологии. Тбилиси, 1976, с. 110—111; Г а м б а ш и д з е О. С., К в и ж и н а д з е К. Д. Предварительный отчет Месхет-Джавахетской экспедиции. — ПАИ в 1975 г. Тбилиси, 1979, с. 26.

¹⁹⁴ П и ц х е л а у р и К. Н. Указ, соч., с. 51; Д ж а п а р и д з е О. М. Курганы эпохи бронзы. Отчет Квемо-Картлийской археологической экспедиции (1965—1971 гг.). Тбилиси, 1975, с. 137—158 (на груз. яз.).

культуры. Данная культура, судя по сопутствующей ей майкопской керамике новосвободного типа, является наиболее поздним притоком в эпоху бронзы¹⁹⁵.

Завершающий этап куро-араксской культуры засвидетельствован как на нововозникших поселениях (Кайтамаз I—II¹⁹⁶, значительная часть поселений на естественных холмах Картли¹⁹⁷ и др.), так и на старых многослойных поселениях (Амиранис-Гора, Квацхелеби, слой В), на которых представленная в отдельных регионах материальная культура характеризуется значительным своеобразием. Различие еще ярче прослеживается, по наиболее поздним курганам, в которых уже отмечаются и первые признаки имущественной дифференциации населения куро-араксской культуры. Особенно это наблюдается в курганах, где встречаются наидревнейшие деревянные колесницы-повозки (Бедени, ранние курганы Алазанской долины), а также в тех погребениях, в которых прослеживается особая забота об усопшем. Среди таковых Самгорский курган с грандиозной насыпью, под которой в деревянном срубном склепе покоился прах усопшего; Тапараванский курган с колодцеобразным глубоким погребением без инвентаря, который выделяется среди других курганов Триалети и противопоставляется кургану в Марткопи, где впервые встречаем кинжальный клинок, изготовленный из серебра¹⁹⁸.

Поздний вариант куро-араксской курганной культуры хорошо прослеживается и по ранним курганам Сачхерского района Западной Грузии, которая частично в конце III тыс. до н. э. уже входила в ареал распространения куро-араксской культуры Шида-Картли¹⁹⁹.

Для определения высокого хозяйственного уровня, который в целом отмечается в период куро-араксской культуры, важное значение имеет появление таких качественно новых земледельческих орудий, каковыми являются бронзовый серп и повсеместно находимый металлический топор, позволяющий увеличить посевную площадь, полученную за счет вырубки леса, вспашка которой производилась простейшей сохой с помощью применения тягловой силы (Квацхелеби, слой С)²⁰⁰.

Еще более значительным фактом является расположение самих поселений куро-араксской культуры в окружении довольно крупных участков земли, благоприятных для развития как неорошаемого, так и поливного земледелия. Судя по палеоэтноботаническим находкам, состав возделываемых культур довольно многообразный (*Triticum aestivum* L., *Hordeum aestivum* L., *Hordeum vulgare* L. и др.) и указывает на наличие смешанных посевов пшеницы и ячменя, а также на применение проса (*Panicum miliaceum* L.) и винограда (*Vitis vinifera* L.)²⁰¹.

Увеличение земледельческого урожая в эпоху ранней бронзы засвидетельствовано наличием значительных по количеству и объему зерновых ям на самих поселениях куро-араксской культуры, а также появлением больших сосудов, предназначенных для хранения продуктов.

¹⁹⁵ Г о б е д ж и ш в и л и Г. Ф. Беденская гробница. — Друзья памятников культуры, 12. Тбилиси, 1967 (на груз. яз.).

¹⁹⁶ Г л о н т и Л. И. Памятники куро-араксской культуры. Отчет Квемо-Картлийской археологической экспедиции (1965—1971). Тбилиси, 1976, с. 129-137 (на груз. яз.).

¹⁹⁷ Ц к и т и ш в и л и Г. Г., М у с х е л и ш в и л и Д. Л. Археологические разведки в Шида-Картли. — В сб.: Историческая география Грузии, вып. I. Тбилиси, 1960 (на груз. яз.). В данной работе впервые указывается на демографический взрыв в Шида-Картли, прослеживаемый по поселениям III тыс. до н. э.

¹⁹⁸ А в а л и ш в и л и Г., Ц е р е т е л и А. Что скрывается под курганами. — Коммунист, 1979, 12. IX (на груз. яз.).

¹⁹⁹ Д ж а п а р и д з е О. М. К истории грузинских племен..., с. 170—195.

²⁰⁰ Д ж а в а х и ш в и л и А. И., Г л о н т и Л. И. Урбниси, I

²⁰¹ Каталог палеоэтноботанических остатков см.: Л и с и ц ы н а Г. Н., П р и щ е п е н к о Л. В. Палеоэтноботанические находки Кавказа и Ближнего Востока. М., 1977.

Процесс рационального освоения хозяйственно-географической среды был связан с поиском не только новых пахотных участков, но и пастбищных угодий, способствующих возникновению и развитию в эпоху ранней бронзы пастушечьего отгонного скотоводства. Вслед за первым этапом развития культуры эпохи ранней бронзы во всем Закавказье отмечается интенсивное освоение как горных летних, так и равнинных зимних пастбищ, крайне необходимых для увеличения поголовья мелкого рогатого скота, что в свою очередь во многом способствовало широкому расселению племен—носителей куро-араксской культуры. Таким образом, в результате этих процессов повсеместно была заложена основа симбиозной земледельческо-скотоводческой культуры, дальнейшее развитие которой еще ярче прослеживается на поздних ступенях эпохи ранней бронзы и в эпоху средней бронзы, когда использование быка в качестве тягловой силы засвидетельствовано не только при земляных работах, но и в транспортных средствах.

Духовная культура племен—носителей куро-араксской культуры пока еще остается слабо изученным разделом в археологии Кавказа. Судя по имеющимся данным, она была уже достаточно развитой и сложной и полностью подчиненной идее плодородия. Это подтверждается древними культами, обрядами и верованиями, которые имели место в эпоху ранней бронзы, когда, помимо поклонения матери-земле, в период дальнейшего развития производящего хозяйства возрастает и роль божества луны и солнца. Ярким свидетельством этому служат глиняные стационарные очаги, найденные в жилых домах и сопровождаемые фаллическими, т. н. подковообразными глиняными подставками, олицетворяющими патриарха-мужчину, иногда с бычьими рогами; эти подставки, помимо утилитарного назначения, имеют культовое осмысление — они изображают оплодотворителя-мужчину, а очаг, над которым они находятся, подразумевает женское начало—землю, где и происходит размножение и рост продуктов производящего хозяйства²⁰².

В это время с развитием семьи и рода, как и в хозяйстве, мужчина занимает уже главное место и связан с культом луны и быка, на что указывают как подставки, на которых изображен молодой месяц (Кюль-Тепе II), так и зооморфная пластика, изображающая оплодотворителя быка²⁰³.

Связь мужчины и быка в идеологическом аспекте отражена и в погребальном обряде, т. к. бык приносился в жертву только при захоронении мужчины (Амиранис-Гора). Знаменательно, что в большом склепе на Амиранис-Гора, принадлежащем подростку, вместе с принесенным в жертву быком, пряслицем и бронзовым кинжальным клинком находился глиняный сосуд, на котором в одну «строчку» была нанесена пиктограмма, состоящая из девяти знаков: здесь пересекающиеся линии в квадрате

²⁰² К и к в и д з е Я. А. Земледелие.; его же. Назначение и семантика очага и очажных подставок в раннеземледельческих культурах Закавказья. — Труды ТГУ. Серия: Археология, классическая филология Византиники, №162. Тбилиси, 1975, с. 10—33 (на груз, яз.); Ч у б и н и ш в и л и Т. Н. Амиранис-Гора. — В сб.: Друзья памятников культуры. Тбилиси, 1966, №6, с.13—14 (на груз, яз.); его же. О взаимоотношении кавказской («куро-араксской») культуры с переднеазиатской культурой в III тыс. до н. э. — VII

Международный конгресс антропологических и этнографических наук. М., 1969, с. 9.

²⁰³ Ч у б и н и ш в и л и Т. Н. Там же.

вполне могут обозначать оросительные каналы, проведенные по вспаханному полю; другие же символы изображают змею, стилизованную женскую фигуру и журавля, приносимого в жертву перед алтарем²⁰⁴.

Не менее значительным представляется и большой глиняный жертвенный сосуд, который найден на священной горе Амиранис-Гора, на ее вершине, где находились родовые алтарные комплексы. На этом сосуде с лицевым орнаментом в центре изображена молодая луна-луница, от которой вверх расходятся два спиральных витка (два солнца), следующих за журавлями, улетающими в противоположном направлении друг от друга. Не исключено, что данная сюжетная композиция изображает собой космологическое представление древнего земледельца и состоит из элементов, отражающих все компоненты аграрного календаря, где главным элементом является луна, а два солнца-витка обозначают особо важные времена года — весну, когда прилетают журавли, знаменующие начало земледельческих работ, и осень, когда с отлетом журавлей завершаются полевые работы. На главенствующее положение мужчины в хозяйственной жизни этого времени указывают и находки глиняных статуэток, изображающих либо фаллических (Хизанаант-Гора), либо обожествленных мужчин облаченных в одежду на шумерийский лад (Квацхелеби).

Что же касается Западной Грузии, то памятники эпохи ранней бронзы здесь пока еще полностью не выявлены и не отделены от предшествующей культуры эпохи энеолита²⁰⁵.

В Западной Грузии исключение составляют только те поселения, курганы и ранние дольмены причерноморской полосы, которые относятся к позднему этапу эпохи ранней бронзы (середина и конец III тыс. до н. э.). Так, поселения Аргвети и большинство курганов Сачхерского района являются памятниками куро-араксской культуры, которая, судя по некоторым ранним материалам из Дабла-Гоми и Дарквети, имеет местные истоки.

Раннеземледельческая культура эпохи энеолита и ранней бронзы (IV — III тыс. до н. э.) в большинстве случаев представлена в пещерах, где культурные слои, помимо материалов самобытной местной культуры, нередко содержат и типичные комплексы северокавказской, майкопской культуры, поэтому не исключено, что керамика майкопской культуры более раннего периода могла быть распространенной и южнее Северного Кавказа, на довольно значительной территории Западной Грузии. Свидетельством этому являются данные из ранних слоев оседлоземледельческой культуры типа Самеле-Клде, где ранняя керамика майкопской культуры сопровождается материалом, характерным для эпохи энеолита²⁰⁶. Это обстоятельство является значительным фактом и потому, что наряду с этим в пещерах Чиатурского района, в соответствующих культурных слоях Самерцхле-Клде и Дзудзуана представлена по облику и более архаическая каменная индустрия, а также одна часть керамики, которая сближается с позднеэнеолитическими материалами Западной Грузии (типа Анасеули II). Из этого комплекса следует особо упомянуть кремневые нуклеусы различных архаических видов, микропластины, скребки на пластинах, наконечники стрел трех типов, наконечники копья и другие кремневые изделия; имеются так же каменные топоры, пращи, терочные камни и зернотерки. Керамика представлена горшками,

²⁰⁴ Chubinishvili T. N. South Caucasian Early Agrarian culture and its relations with cultures of Near East — In: VIII International Congress of prehistoric and protohistoric. Beograd, 1971.

²⁰⁵ Единая периодизация памятников эпохи энеолита и ранней бронзы Западной Грузии до сих пор не разработана: пока делаются первые попытки хронологизации отдельных памятников. (См.: Джапаридзе О. М. К этнической истории..., с. 169—313; Ниберидзе Л. Д. Многослойный навес Дарквети. Тбилиси, 1978).

²⁰⁶ Гушабрамишвили Д. М. Итоги работ Квирильской археологической экспедиции за 1968—1969 гг. — АЭГМГ, т. II. Тбилиси, 1971. Последнюю сводку литературы по памятникам эпохи энеолита и ранней бронзы Западной Грузии см.: Пакадзе Г. Г. Культура эпохи энеолита и ранней бронзы Западной Грузии. Тбилиси, 1979 (на груз. яз.).

мисками, жаровнями и сосудами в виде колб. Помимо них, в коллекциях из пещер Западной Грузии в большом количестве встречаются пряслица из камня и глины и скульптуры домашних животных, а так же изделия из рога и кости²⁰⁷.

Культура Самеле-Клде эпохи энеолита и ранней бронзы в общих чертах представляется более архаичной, чем соответствующие культуры Восточной Грузии: так, набор орудий указывает на смешанный характер хозяйства, в котором помимо земледелия и скотоводства значительное место занимает и охота.

Более развитый этап ранней бронзы засвидетельствован на поселениях открытого типа на побережье Черного моря (Очамчира, Мачара и Гуандра)²⁰⁸. Здесь жилища представлены круглыми и четырехугольными полуземлянками (часть их керамики по своему облику сближается с керамикой майкопской культуры) и отличаются от поселений в Колхидской низменности типа Диха-Гудзуба. Последние представляют собой многослойные поселения на искусственных холмах, в которых древнейшие, слои, вместе с окружавшими эти холмы мокрыми рвами, относятся к концу эпохи ранней бронзы.

К завершающему этапу эпохи ранней бронзы в Западной Грузии следует отнести культуру ранних дольменов и курганов, первые из которых локализуются на западе на побережье Черного моря, а вторые—на востоке в Сачхерском районе²⁰⁹.

Дольменная культура, ограниченная на юге территорией Абхазии, представляет надземные усыпальницы, составленные из больших и массивных плит, с коллективными погребениями, принадлежащими одному роду. Их инвентарь состоит из небольших по размеру керамических мисок, изготовлявшихся, по мнению Б. А. Куфтина, специально для погребально-культовых целей, бронзовых архаических клинков, височных колец в полтора оборота, а также кремневых наконечников стрел с выемчатым основанием, сходных со стрелами из поселений Очамчира, Диха-Гудзуба и др., вместе с которыми ранние абхазские дольмены могут принадлежать к одной культурной среде.

Курганные могильники, открытые в верхнем течении р. Квирила, в Сачхерском районе, по своему устройству одинаковы – основные захоронения располагались на уровне земли или подножья курганов, а в насыпи на различном уровне находились погребения членов одного рода. В этих курганах эпохи ранней бронзы представлен почти единообразный инвентарь, содержащий в основном многочисленные предметы из бронзы: вислобушные и трубчатообушные топоры, последние из которых генетически связаны с древнейшими экземплярами, кинжалы с черенком и без черенка, с металлической орнаментированной рукояткой, отлитой по восковой модели, а также разнотипные наконечники копий, височные кольца в полтора оборота, дисковидные подвески, спиральные браслеты, булавки с двойной спиралью, с украшением в виде части колесницы (т. н. Т-образные булавки) и др. Керамика Сачхерского могильника очень близка к керамике куро-араксской культуры Шида-Картли.

В заключение краткого обзора раннебронзовой культуры Западной Грузии следует отметить, что в ней скорее всего превалируют древние местные традиции, истоки которых следует искать в местных предшествующих культурах, хотя существует

---

²⁰⁷ Ж о р ж и к а ш в и л и Л. В. Каталог материалов эпохи ранней бронзы из пещер Дзудзуана и Самерцхле-Клде. Тбилиси, 1975; Д ж а в а х и ш в и л и Г. И. К истории раннеземледельческой культуры Западного Закавказья. Автореф. канд. дис. Тбилиси, 1972.

²⁰⁸ П х а к а д з е Г. Г. Культура эпохи энеолита и ранней бронзы, Ц в и н а р и я И. И. Поселение Гуандра. Тбилиси, 1978; Д ж а п а р и д з е О. М. К этнической истории, с. 171—179.

²⁰⁹ Д ж а п а р и д з е О. М. К этнической истории..., с. 180 и др.

мнение некоторых исследователей о том, что культура ранней бронзы в Западной Грузии является результатом проникновения иноязычных племен.

По вопросу об уровне общественных отношений носителей куро-араксской культуры высказано несколько мнений, большинство из которых предполагают родовой характер этого общества.

Судя по «стандартным» жилым домам куро-араксской культуры второго этапа в Грузии, в них обитала малая семья со стационарным центральным семейным очагом в доме. Эта семья объединяла два-три поколения людей²¹⁰.

А. И. Джавахишвили в эпоху ранней бронзы прослеживает процесс социального развития общества, результатом которого является образование больших патриархальных семей²¹¹.

Особо следует отметить те предположения, которые общество куро-араксцев представляют как основанную на патриархате сельскую общину, состоящую из парных семей²¹².

Изучение вопроса о становлении и последующем развитии куро-араксской культуры на Кавказе во многом зависит от правильной оценки ее взаимоотношения с предшествующим историческим этапом развития самобытной кавказской культуры, а также от решения вопроса об этногенезе племен — носителей самой куро-араксской культуры. Новооткрытая предшествовавшая энеолитическая оседло-земледельческая культура на Южном Кавказе пока еще не увязана с определенным этносом, хотя и отмечается близость в общих чертах данной культуры с оседло-земледельческими культурами северной Месопотамии, Малой Азии и Ирана, несмотря на то, что для нее не характерна свойственная последним расписная керамика²¹³.

Вместе с тем по существу самобытная энеолитическая культура Южного Кавказа уже в первой половине IV тыс. до н. э. обретает некоторые черты, которые становятся затем характерными для куро-араксской культуры эпохи ранней бронзы—это простая керамика с ручками, посуда с выделенным горлышком, налепной, выпукло-рельефный лицевой орнамент, статуэтки быков, изделия, изготовленные из медно-мышьяковистой бронзы и др.²¹⁴ Эти элементы, как нам представляется, появляются одновременно в различных регионах Кавказа²¹⁵. Именно эти факты представляются нам более значительными, чем те признаки, которые отличают друг от друга в целом комплексы памятников эпохи энеолита и ранней бронзы. Это, однако, не исключает возможности проникновения новых, например индоевропейских, племен на Кавказ²¹⁶ в эпоху становления и развития куро-араксской культуры, на что указывает наличие пожарниц, прослеживаемых по поселениям второго этапа эпохи ранней бронзы (Квацхелеби, Хизанаант Гора, Амиранис-Гора и др.).

---

²¹⁰ Ч у б и н и ш в и л и Т. Н. Древнейшая культура..., с. 79 — 80.

¹⁷⁷ Д ж а в а х и ш в и л и А. И. Строительное дело..., с. 177.

²¹² К и к в и д з е Я. А. Земледелие и земледельческий культ в древней Грузии. Тбилиси, 1976, с. 63; М и н д и а ш в и л и Г. М. К изучению социальной структуры общества куро-араксской культуры. — Мацне, 1983, № 1, с. 185—197.

²¹³ М у н ч а е в Р. М. Древнейшая культура Северо-Восточного Кавказа. — МИА СССР, №100, 1961, с. 116.

²¹⁴ Особенно это прослеживается по материалам из Кюль-Тепе 1, Техута, поселений Муганской степи, поселений Делиси, Абелия, Цопи и т. д. (См.: Ч у б и н и ш в и л и Т. Н. К древней истории..., с. 41—43, 112—113, 129 и дал.; А б р а м и ш в и л и Р. М. Поселение Делиси, с. 28—34).

²¹⁵ Ч у б и н и ш в и л и Т. Н. К древней истории..., с. 157 и др.

²¹⁶ М е л и к и ш в и л и Г. А. К вопросу о древнем населении Грузии, Кавказа и Древнего Востока. Тбилиси, 1965, с. 103—133.

Существует еще несколько различных точек зрения по этому вопросу, предполагающих проникновение пришлых племен – носителей куро-араксской культуры, на Кавказ с севера²¹⁷, с запада²¹⁸, с востока²¹⁹, с юга²²⁰.

О. М. Джапаридзе допускает, что в этот период уже зарождается общекартвельский язык-основа²²¹. Р. М. Мунчаев, основываясь на едином облике этой культуры на большой территории, высказал предположение, что куро-араксская культура могла явиться подосновой кавказского этнического субстрата и что носители этой культуры были связаны с иберийско-кавказской языковой семьей²²². Е. И. Крупнов утверждает, что в III тыс. до н. э. наблюдаются уже признаки распада более древнего общекавказского единства, причем намечающиеся к этому времени три археологические культуры – куро-араксская, северо-восточная и северо-западная — соответствуют, с его точки зрения, трем большим языковым группам²²³.

ГЛАВА V

ЭПОХА СРЕДНЕЙ БРОНЗЫ

Со второй половины III тысячелетия до н. э. в жизни закавказских племен происходят значительные изменения, вызвавшие закат развитой и мощной куро-араксской культуры. Поселения этой культуры были покинуты, жизнь в низинах затухает и более интенсивно осваиваются предгорные и горные области. Определенные сдвиги в экономической и социальной жизни, вызванные главным образом дальнейшим ростом хозяйства, развитием металлургии и отдельных ремесел, а также усилением этнокультурных контактов с древневосточным миром, способствовали общему культурному подъему, повлекшему за собой смену культур. На основе куро-араксской культуры в Восточной Грузии и в прилегающих к ней областях возникает новая, т. н. триалетская культура.

Впервые триалетская культура была выявлена благодаря археологическим раскопкам в высокогорной части Южной Грузии — Триалети, начавшимися в 1936 г. и ознаменовавшимися выдающимися открытиями, по-новому осветившими древнейшее прошлое Закавказья²²⁴. С конца 50-х гг. были предприняты новые шаги в изучении триалетской культуры и выявлен ряд интересных памятников в Восточной Грузии и за ее пределами, свидетельствующих о широком расселении триалетских племен в Восточном Закавказье.

В настоящее время не удается с полной ясностью судить о хозяйственной деятельности племен—носителей триалетской культуры, в виду однородности материала, представленного главным образом из курганных захоронений. Поселения

---

²¹⁷ Г а д ж и е в М. Г. К периодизации куро-араксской культуры на Северо-Востоке Кавказа. — X Крупновские чтения. М., 1980, с. 1—4.

²¹⁸ И е с с е н А. А. Кавказ и Древний Восток, с. II.

²¹⁹ В и р т о н - В о у н Т. Excavations in Azerbaijan, 1948. London, 1951.

²²⁰ Ч у б и н и ш в и л и Т. Н. Древнейшая культура в Двуречье Куры и Аракса. Тбилиси, 1955, с. III и дал.

²²¹ Д ж а п а р и д з е О. М. К истории грузинских племен на ранней стадии медно-бронзовой культуры. Автореф. канд. дис. Тбилиси, 1962, с. 47.

²²² М у н ч а е в Р. М. Древнейшая культура..., с. 164.

²²³ К р у п н о в Е. И. Древнейшее культурное единство Кавказа и кавказская этническая общность.

Доклад на XXVI Международном конгрессе востоковедов. М., 1963; его же. Кавказ — древнейший культурный очаг нашей родины. — МНС, Баку, 1964, с. 14; его же. Кавказ в древнейшей истории нашей страны. — ВИ, 1966, № 5.

²²⁴ К у ф т и н Б. А. Археологические раскопки в Триалети. Тбилиси, 1941, с. 78.

этой культуры встречаются крайне редко и поэтому все еще неясным остается вопрос — где именно и в каких условиях протекала жизнь этих племен²²⁵.

Существенно меняется погребальный обряд, появляются индивидуальные курганные захоронения, достигающие иногда крупных размеров. Триалетскую культуру объединяют в основном общие черты погребального обряда. В ней выделяются хронологические стадии: ранние курганы, относящиеся ко второй половине и к самому концу III тыс. до н. э., и курганы «цветущей поры» триалетской культуры, охватывающие всю первую половину II тыс. до н. э. Материалы ранних курганов свидетельствуют о преемственном развитии, о генетическом родстве с предшествующей культурой. Общие черты особенно проявляются в гончарных изделиях, сохранивших определенные признаки куро-араксской керамики. Сходство можно усмотреть и в металлических предметах. Видимо, в это время усиливаются контакты с южными областями, вызвавшие определенный взлет общего уровня культуры; наблюдается дальнейшее развитие отдельных ремесел, металлургии и гончарного производства; зарождается ювелирное дело: появляются первые предметы из драгоценных металлов, сперва сравнительно простые, а затем и высокохудожественные изделия.

В ранних курганах триалетской культуры по характеру погребального обряда и инвентарю хронологически можно выделить две группы — раннюю и несколько более позднюю. Старшая группа курганов известна лишь в Триалети, близ Тбилиси, в Марткопи и Самгори. Курганы представляли собой довольно сложное сооружение. Самгорский и Марткопский курганы имели двухслойную насыпь — сверху земляную, внутри каменную. Иногда они достигали крупных размеров. Высота насыпи большого Марткопского кургана доходила до 12,0 м, диаметр более 100 м. В центре кургана под каменной насыпью находилась погребальная камера. Она представляла собой вставленные друг в друга два сруба, сложенные из крупных дубовых стволов, прочно скрепленных в углах. Размеры внешнего сруба 11,0X10,0 м, внутреннего — 8,0X6,0, высота — 2,0 м.

Вещественные материалы из этой группы ранних курганов свидетельствуют о дальнейшем подъеме ремесленного мастерства. Первым долгом следует отметить чернолощеную керамику, среди которой преобладают крупные одноручные сосуды грушевидной формы. Несмотря на некоторое различие, эта керамика проявляет генетическое родство, преемственность с предшествующей куро-араксской глиняной посудой. Определенного подъема достигает металлургическое производство. Металлическое оружие этого времени отличается своеобразием формы, свидетельствуя о высоком мастерстве местных ремесленников. В Марткопских курганах найдены изделия из драгоценных металлов, бусы, кольца и завиток. Техника исполнения этих первых ювелирных предметов довольно высокая. Много в этих курганах сердоликовых и пастовых бус, подвесок из зубов и клыков животных, перламутровых фигурных нашивок и т. д.

Значительно лучше представлена поздняя группа ранних курганов, относящихся к т. н. беденской культуре. В эту эпоху, видимо, хорошо осваивается большая часть Восточном Грузии, как низменные, так и высокогорные области. Крайняя западная граница ее в Шида-Картли проходила чуть дальше г. Гори. Близ Карели открыто поселение Бери-Клдееби. Неподалеку от поселений вскрыто несколько курганов с типично беденской керамикой. Наиболее густо в это время заселена Южная Грузия, Квемо-Картли. В Триалети, на Цалкском и Беденском плато хорошо представлены курганы этого времени. Курганы Цалкского нагорья содержали в основном керамику. В одном из курганов вместе с серебряными височными подвесками и обручами была обнаружена золотая булава с двуволютной головкой; в другом — вместе с

---

²²⁵ Д ж а п а р и д з е О. М. Археологические раскопки в Триалети. К истории грузинских племен во II тысячелетии до н. э. Тбилиси, 1969, с. 6 (на груз. яз., резюме на рус. и англ. яз.).

металлическим оружием лежали три обшивки цилиндрической формы из тонкой золотой пластинки.

Еще более яркую картину сложного процесса, протекавшего к концу III тыс. до н. э. внутри общества, дают погребальные памятники высокогорного плато Бедени²²⁶. Большинство из них сравнительно небольших размеров. Все Беденские курганы, кроме одного, ямные, иногда с прямоугольными камерами из вертикально поставленных бревен. Глинобитный пол их покрыт войлоком, циновкой или звериными шкурами, а изредка в могильную яму ставилась деревянная четырехколесная повозка.

В Большом Беденском кургане в яме находилась прямоугольная постройка, стены которой были сложены из вертикально поставленных стволов. Из дубовых бревен состоял пол и перекрытие постройки, которое держалось в основном на двух деревянных столбах. В центральной части постройки находилось ложе с носилками и четырехколесная колесница. Здесь же лежал плохо сохранившийся костяк покойника, в честь которого, видимо, был воздвигнут курган. В северо-восточной части постройки обнаружено еще два костяка — женщины и юноши, на боку, с сильно подогнутыми ногами, возможно, сопровождающих лиц. В могилу кроме большого запаса пищи — пшеницы, каштанов, орехов, лесных фруктов и костей животных, были положены различные ткани — шерстяные, льняные, войлок, а также в большом количестве глиняная и деревянная посуда.

Богато представлен, несмотря на разграбленность кургана, металлический инвентарь, главным образом украшения — золотая двуволютная булавка, серебряные пластинки и трубки, медные булавки с дисковидной головкой и т. д. и два медных орудия — желобчатое долото и плоский топор. Особого внимания заслуживают замечательные обсидиановые и кремневые наконечники стрел, видимо, парадного назначения. Подобные стрелы в значительном количестве были найдены в кургане близ Тетри-Цқаро и в большом Алазанском кургане. Погребальный инвентарь небольших, преимущественно ямных курганов Квемо-Картли, расположенных в низменной части Марнеульской долины, состоял, главным образом, из глиняной посуды, сильно напоминающей беденскую керамику.

В эпоху беденской культуры интенсивно заселяется Алазанская долина в Кахети. Среди памятников этого времени надо выделить два огромных кургана около Цнори и один курган в с. Бакурцихе. Высота насыпи самого крупного из них 11,0 м, а диаметр — 160 м. В центральной части большого кургана, под скоплением камня находилось круглое наземное сооружение из булыжника, восточнее которого обнаружена огромная погребальная яма. В яме находилась четырехугольная постройка из вертикально поставленных деревянных стволов, перекрытая двойным бревенчатым накатом. Еще более интересен второй, сравнительно малый курган, в центре которого находилась четырехугольная яма, перекрытая бревнами в два наката. Дно ямы устлано рогожей²²⁷.

В обоих курганах находилось по несколько костяков: в большом кургане более пяти, в малом — два. В центральной части ямы малого кургана стояла четырехколесная колесница. Погребальный инвентарь обоих курганов был весьма значительным: кроме огромного количества прекрасной глиняной посуды, много серебряных и золотых изделий, бронзовых предметов, обсидиановых стрел и т. д.

Погребальные памятники беденской культуры дали интереснейший материал, по-новому осветивший сложные процессы социальных отношений внутри общества на заре становления «цветущей поры» триалетской культуры. Сравнительно богатый погребальный инвентарь Беденских и Алазанских курганов свидетельствует о дальнейшем подъеме ремесленного мастерства. Бросается в глаза художественное достоинство массовой продукции, керамики. Она, в основном, тонкостенная,

²²⁶ Г о б е д ж и ш в и л и Г. Ф. Бедени - культура курганных погребений. Тбилиси, 1981, с. 6.

²²⁷ Д е д а б р и ш в и л и Ш. Ш. Курганы Алазанской долины. Тбилиси, 1979, с. 19.

чернолощенная поверхность которой доведена до металлического блеска, изредка даже с серебристым отливом. Крупные сосуды с яйцевидным или округлым корпусом, с низкой шейкой встречаются сравнительно редко; преобладают малые формы сосудов — одноручные кувшинчики с шаровидным туловом и низким прямым горлышком, глубокие миски с двумя ушками, кружки, «биконические» сосуды и т. д. Замечательный тонкорезной геометрический узор является ведущим декором этой керамики, встречается также выпукло-вогнутый и «жемчужный» орнамент. Вполне можно было бы предположить, что эта парадная керамика специально предназначалась для погребального обряда. Однако на поселении Бери-Клдееби она представлена совместно с грубой, кухонной керамикой, что указывает на ее бытовой характер.

Наряду с керамическими изделиями появляется также деревянная посуда, главным образом треножные мискообразные сосуды, чаши, блюда, шкатулки и т. д., иногда украшенные резным орнаментом. Видимо, в это время деревообделочное мастерство достигает довольно высокого уровня, на что указывают, кроме посуды, сложные деревянные конструкции курганов, четырехколесные повозки, иногда украшенные резным геометрическим декором и т. д.

Металлические орудия и оружие этих курганов все еще повторяют формы, характерные для предыдущей культуры. Трубочатообушные топоры Тетрицкаройского и Шулаверского курганов, а также желобчатые долота, плоские топоры и т. д. напоминают формы, характерные для куро-араксской культуры. Из украшений следует отметить ракетообразные булавки, булавки с дисковидной головкой, пластинчатые бляхи и т. д. На дальнейшее развитие металлургии указывает тот факт, что, наряду с мышьяковистой бронзой, появляются первые предметы из оловянистой бронзы.

Но особого внимания заслуживают изделия из драгоценных металлов, указывающие на высокий уровень ювелирного искусства. В эпоху ранних курганов без каких-либо существенных предпосылок появляются первые предметы из драгоценных металлов, довольно высокохудожественные ювелирные изделия. Возможно, определенную роль сыграли богатые местные традиции в обработке цветных металлов. Общий подъем производства металлов способствовал, очевидно, и развитию ювелирного мастерства. Ювелиры того времени достигли довольно высокого уровня в обработке золота и серебра. В Триалетских курганах найдены три спаянные цилиндрические обкладки из тонких золотых пластинок, массивный полутораспиральный завиток из серебра, золотая булавка с двуволютной головкой, украшенная выпуклыми, в два ряда, шишечками. Подобная, но более массивная булавка обнаружена в большом Беденском кургане, такая же булавка из серебра известна из Алазанского кургана. Они напоминают форму медных двуволютных булавок, характерных для куро-араксской культуры. Несколько золотых дутых бус были найдены в Беденских и Алазанских курганах. Особо следует отметить золотую фигурку льва из Алазанского кургана. Это первый случай находки в Грузии и вообще в Закавказье скульптурного изображения животного столь раннего периода. Фигурка льва литая, передняя часть ее покрыта рельефными шишечками и линиями, в целом изготовлена на высоком техническом уровне, хотя скульптура, в особенности морда, не передает характерных черт животного, что отличает ее от древневосточных образцов и от изображений на сосудах и пластинчатых фигурках льва из Майкопского кургана. Не исключена возможность, что эта фигурка изготовлена местным мастером.

Во второй половине III тыс. до н. э. наблюдается всеобщий подъем ювелирного дела на Кавказе. Об этом первым долгом свидетельствуют замечательные курганные захоронения майкопской культуры. Пока не совсем ясны причины, вызвавшие столь резкое развитие ювелирного ремесла на Кавказе. Предпосылкой этого, вероятно, является рост активности южных влияний.

Появление огромных курганов, сооружение которых требовало значительной затраты труда, сложный погребальный обряд, богатый могильный инвентарь, и т. д.

свидетельствуют о значительных переменах, происшедших в социальных отношениях. Возросшие потребности экономически более окрепшей прослойки общества дали мощный импульс новым творческим поискам и росту различных ремесел. Весь вещественный материал ранних курганов указывает на общий подъем уровня культуры, развитие которого в конечном счете к началу II тыс. до н. э. привело к расцвету триалетской культуры.

Расцвет триалетской культуры приходится на первую половину II тыс. до н. э. Дальнейшее развитие местных традиций, а также усиление контактов с внешним миром способствовали значительному подъему этой культуры. Происходят существенные изменения в социальной структуре общества. Погребальные памятники этого времени свидетельствуют о далеко зашедшем процессе расслоения триалетского общества, о зарождении довольно мощного слоя племенной аристократии. В среде самой знати уже четко отражены иерархические отношения, где главенствующего положения, видимо, достигают предводители союза племен. Яркую картину сложившейся социальной стратификации общества раскрывают курганы высокогорной части Триалети, на Цалкинском и Зуртакетском плоскогорьях. В больших Триалетских курганах, вероятно, следует усмотреть захоронения вождей крупных племенных объединений, а в сравнительно малых погребениях — внутриплеменной аристократии²²⁸.

Триалетские курганы имеют каменную или каменно-земляную насыпь; они ямные или безямные с наземными сооружениями. Подкурганная яма, перекрытая бревенчатым накатом, имеет прямоугольную форму и достигает иногда крупных размеров²²⁹.

Из безямных курганов следует выделить несколько, высота каменной насыпи которых достигала 8,0 м. В центре насыпи сооружались просторные, сложенные насухо из плитняка прямоугольные залы, площадью до 175 кв. м, высота стен которых доходила до 7,0 м. С восточной стороны к «погребальному залу» примыкал длинный вход — дромос, длина которого достигала в одном случае 40,0 м. Залы перекрывались бревенчатым накатом, опиравшимся на деревянные столбы²³⁰. Большие курганы Триалети представляли собой довольно сложные, монументальные сооружения, позволяющие косвенно судить об уровне инженерно-строительной техники.

В Триалетских курганах почти не обнаружены остатки человеческих костей, в то время как сохранность костей животных довольно удовлетворительная. Это дает основание предположить существование обряда кремации. Вероятно, сожженный прах в дальнейшем помещался на деревянное ложе, золотые детали обшивки которого найдены в кургане. На дне могил обнаруживались кости преимущественно крупного рогатого скота. Сейчас трудно восстановить весь процесс погребального церемониала, но, видимо, это был довольно сложный ритуал, связанный со значительными затратами. Вдоль стен могил больших курганов было расставлено много крупных сосудов; все остальные предметы находились, главным образом, в центральной части, где, видимо, стояло ложе или колесница²³¹.

подавляющее большинство Триалетских курганов дошло до нас в разграбленном виде, но, несмотря на это, дало богатейший материал: много замечательных крупных сосудов, чернолощеных и расписных, предметы из дерева, изделия из драгоценных металлов, иногда тончайшей работы. Удивляет сравнительная немногочисленность бронзовых предметов, особенно орудий труда и оружия.

В Южной Грузии мощный очаг эпохи расцвета триалетской культуры был выявлен в Месхети. Здесь курганы эпохи бронзы сосредоточены преимущественно в

²²⁸ М а с с о н В. М. Древнейшие гробницы вождей на Кавказе. (Некоторые аспекты социологической интерпретации). — Кавказ и Восточная Европа в древности, М., 1973, с. 109.

²²⁹ К у ф т и н Б. А. Археологические раскопки в Триалети, с. 79.

²³⁰ Д ж а п а р и д з е О. М. Археологические раскопки в Триалети. — К истории грузинских племен во II тысячелетии до н. э. Тбилиси, 1969, с. 21.

²³¹ К у ф т и н Б. А. Археологические раскопки в Триалети, с. 83.

бассейне Артаанской Куры, на террасах и в высокогорных долинах. Все Месхетские курганы в центральной части имели погребальные камеры. Камера с дромосом обычно представляла собой цельный коридор, направленный с востока на запад и разделенный поперечной стеной из крупных валунов. Стены камер были возведены насухо из больших глыб и покоились непосредственно на грунте или же в специально вырытой яме. Камера перекрывалась огромными каменными плитами²³².

В Месхетских курганах не засвидетельствован обряд кремации. Почти все курганы содержали костяки, лежавшие преимущественно на боку с подогнутыми ногами. В одном из курганов у задней стены камеры стояло деревянное колесо от повозки, указывающее на довольно устойчивую традицию погребального обряда. Из костей животных, часто встречающихся в курганах, преобладали остатки крупного рогатого скота.

Месхетские курганы, несмотря на то, что большинство из них разграблены, дали богатейший материал, свидетельствующий о существовании довольно мощного очага триалетской культуры, с несколько отличительными чертами. Подавляющее большинство материала составляет керамика, главным образом чернолощенная на светлой или розовой подкладке. В больших курганах преобладают замечательные крупные сосуды, украшенные резным узором или наклепными элементами, напоминающие керамику Триалетских курганов. В керамике малых курганов преимущественно встречается посуда, по форме и характеру орнамента значительно отличающаяся от типично триалетской. Она все еще сохраняет определенные черты куро-араксской керамики.

В Месхетских курганах также наблюдается поразительная бедность металлического инвентаря. Найдено всего несколько бронзовых кинжальных клинков, одно втульчатое копьё, бронзовые булавы и иглы. Из золотых предметов следует отметить крупную золотую бусину, украшенную рельефными шишками.

В Месхетских курганах наблюдается довольно яркая картина социальной дифференциации общества. Большие курганы, видимо, являлись гробницами племенных вождей, более малые — представляли собой усыпальницы родовой аристократии.

В Шида-Картли, в Карталинской долине, главным образом в предгорной полосе, представлены исключительно погребальные памятники. В северной ее части, в окрестностях г. Цхинвали было вскрыто несколько могил, содержащих типично триалетскую керамику. Подобная керамика встретилась также в нескольких курганах близ с. Авневи, Приневи и т. д.²³³. Но особо следует отметить Нульский и Квасатальский могильники, состоящие главным образом из коллективных могил, не отличающихся друг от друга по погребальному обряду²³⁴. Могилы содержали до десяти костяков, лежащих непосредственно друг на друге с неустойчивой ориентировкой. Инвентарь коллективных погребений состоял из большого количества бронзовых оружия и украшений, гишеровых и сердоликовых бус, наконечников стрел, каменных грушевидных булав, керамики и т. д. Эти могильники, видимо, принадлежали отдельным родовым общинам, где коллективные могилы скорее всего представляли собой семейные усыпальницы.

В Карталинской долине памятники средней бронзы были открыты около Метехи и Гракали. Две курганные могилы были вскрыты на Самтаврском могильнике в г. Мцхета, сильно отличавшиеся по погребальному обряду от обычных грунтовых погребений. Они не содержали костяков, инвентарь состоял из сосудов грубой лепки, золотых подвесок и

---

²³² Джапаридзе О. М., Киквидзе Я. А., Авалишвили Г. Б., Церетели А. Т. Результаты работ Месхет-Джавахетской археологической экспедиции. Тбилиси, 1981, с. 19.

²³³ Куфтин Б. А. Археологическая маршрутная экспедиция в бассейны рек Лиахви, Проне, Квирилы и среднего Риони в 1951 г. — ВГМГ, т. XXX—В. Тбилиси, 1974, с. 147.

²³⁴ Куфтин Б. А. Археологическая маршрутная экспедиция в Юго-Осетию и Имеретию. Тбилиси, 1949, с. 31; Джапаридзе О. М. Квасатальский могильник эпохи бронзы в Юго-Осетии. — КСИИМК, вып. 60. М., 1966, с. 231.

бус, напоминающих триалетские образцы, бронзовых кинжальных клинков и одной длинной шпаги²³⁵. Подобная шпага была найдена недалеко от Тбилиси, в кургане Лило, совместно с типичной триалетской чернолощенной керамикой, плоскими кинжальными клинками, четырехгранным шилом, подвесками, золотыми бусами и т. д.²³⁶

Открытия последних лет в Кахети свидетельствуют об интенсивном заселении триалетскими племенами более северных областей Грузии. В плодородной долине р. Алазани у южного подножья Большого Кавказа в настоящее время выявлено, более двадцати жилых холмов населенными, судя по подъемному материалу, также в эпоху средней бронзы. Поселение Илто (пока что единственное многослойное поселение), в верхней части Алазанской долины, ярко отображает преемственное развитие культуры от ранней к средней бронзе. Поселение располагалось на массивном отроге горы, на скальных ее террасах. Раскопкам подверглись лишь нижняя терраса, давшая остатки семи помещений и свыше двадцати хозяйственных ям эпохи бронзы. Второй культурный слой содержал материал исключительно эпохи средней бронзы. Сделать заключение о типе жилищ, об их конструкции по имеющимся данным довольно трудно, но, судя по сохранившимся глинобитным полам, жилища имели прямоугольную форму; стены, возводимые, видимо, на каменном основании, представляли собой легкую деревянную конструкцию, обмазанную глиной, перекрытие помещения было плоским²³⁷.

Основную массу вещественного материала поселения Илто составляла керамика, которую следует разделить на несколько групп: кухонная и столовая посуда, сосуды для хранения пищевых запасов и т. д.²³⁸.

В бассейне р. Иори, в урочище Садуга был раскопан курган, содержащий богатый погребальный инвентарь. Под каменной насыпью была вскрыта большая яма, на дне которой находились в большом количестве кости мелкого и крупного рогатого скота, более тридцати глиняных сосудов, один бронзовый небольшой котел, много разных изделий из драгоценных металлов (штандартов, бус, подвесок и т. д.) и один уникальный для триалетской культуры бронзовый меч²³⁹.

В богатом Садугском кургане, видимо, также сталкиваемся с обрядом кремации. Судя по имеющимся в настоящее время материалам, представляется довольно вероятным, что этот обряд распространяется, главным образом, в высшем сословии триалетского общества. Видимо, обряд кремации в Закавказье проникает из Передней Азии, где он известен с довольно раннего периода. В связи с погребальным обрядом Триалетских курганов высказано предположение, что он напоминает засвидетельствованный в хеттских текстах ритуал погребения царей и что обряд кремации в Хеттском царстве и в триалетском обществе был результатом хурритского воздействия²⁴⁰.

На довольно устойчивый характер погребального обряда в триалетской культуре указывает наличие деревянных колесниц в курганах «цветущей поры», по своей конструкции почти не отличающихся от повозок ранних курганов. Скорее всего они не были предназначены для практических целей и являлись культовым экипажем. Видимо, этот обычай проникает в Закавказье с юга, где погребения с четырехколесными повозками, запряженными быками, были хорошо известны в III тыс. до н. э.²⁴¹

²³⁵ Ч у б и н и ш в и л и Т. Н. Самтаврское погребение №243. — МАГК, I. 1955, с. 20.

²³⁶ Г о г а д з е Э. М. Курганные погребения Лило. — ВГМГ, XXXII — В. Тбилиси, 1976.

²³⁷ Д е д а б р и ш в и л и Ш. Ш. Памятники эпохи ранней и средней бронзы. — ТКАЭ, I. Тбилиси, 1969, с. 39.

²³⁸ Там же.

²³⁹ П и ц х е л а у р и К. Н., Д е д а б р и ш в и л и Ш. Ш. Археологические исследования на новостройках Кахети, с. 17.

²⁴⁰ М е л и к и ш в и л и Г. А. Возникновение Хеттского царства и проблема древнейшего населения Закавказья и Малой Азии, с. 21.

²⁴¹ Д ж а п а р и д з е О. М. Археологические раскопки в Триалети в 1957—1958 гг. Тбилиси, 1960, с. 18.

В погребальном инвентаре курганов ведущее место занимает керамика, преимущественно чернолощенная на «розовой подкладке», что указывает на сохранение древних традиций, хотя форма, орнамент и качество ее в целом значительно отличаются от продукции предшествующей эпохи. Крупные сосуды, как правило, представлены двумя типами, значительно отличающимися как по форме, так и по характеру орнамента. Низкогорлые сосуды с округлым туловом, украшенные преимущественно резными линиями в виде шевронов, выпукло-вогнутым орнаментом, шишечками, рельефным декором и т. д. Большие сосуды с удлинённым, яйцевидным туловом, с высокой шейкой и с мягким отогнутым венчиком по форме и орнаменту сильно отходят от предшествующей глиняной продукции и приобретают специфические черты, характерные для керамики развитой стадии триалетской культуры. На этих сосудах, наряду с лощеным орнаментом, шишечками и т. д., появляется совершенно новый орнаментальный мотив — тонко-точечный декор в виде различных геометрических узоров.

Расписная керамика встречается, главным образом, в богатых курганах. Сравнительно часто представлена красная керамика с черной росписью. В больших курганах Цалкского плато кроме этой керамики была найдена совершенно иная группа расписных сосудов со светлой, кремовой поверхностью и чернобурой росписью. Крашеная керамика представлена, в основном, крупными сосудами²⁴². Красная керамика с черной росписью была наиболее распространенным видом в Закавказье в эпоху бронзы²⁴³.

Замечательная расписная керамика с чернобурой росписью на светло-кремовой лощеной поверхности также украшена, главным образом, шевронами с волнистыми линиями; наблюдаются и другие геометрические мотивы: ромбы, треугольники, концентрические кольца, шахматный узор и т.д. Эту керамику обычно сопоставляют с иранской и вообще с переднеазиатской светлоангобириванной расписной керамикой. Влияние, видимо, проявляется, в основном, в орнаментальных элементах росписи, сама же форма сосудов сильно напоминает чернолощенную керамику, что указывает на ее местное происхождение.

В памятниках триалетской культуры удивляет крайняя бедность медно-бронзовых изделий. Почти совершенно неизвестны бронзовые орудия труда, если не учесть втульчатого долота и плоского топора из Кироваканского кургана; из бронзовых предметов в Триалетских и Месхетских курганах встречается оружие, и то в ограниченном количестве. Сравнительно больше бронзовых изделий в рядовых коллективных погребениях Нульского и Квасатальского могильников. Наиболее распространенным видом оружия в триалетской культуре является кинжальный клинок.

Сравнительно многочисленны бронзовые втульчатые копья. В Триалетских и Месхетских курганах было найдено всего по одному копьё, почти не отличающихся друг от друга по форме; триалетское копьё имело на конце втулки серебряный ободок, месхетское — золотой. Аналогичное копьё с серебряным ободком найдено в Кироваканском кургане. В значительном количестве втульчатые копья и дротики представлены в Нульском и Квасатальском могильниках.

Мечи-рапиры, хорошо известные в настоящее время в Закавказье, — в ареале триалетской культуры. На Северном Кавказе известно лишь одно подобное оружие из Дагестана²⁴⁴. В пределах Грузии известны два меча-рапиры²⁴⁵. Несколько экземпляров известны из Армении. Все закавказские экземпляры почти одного типа: узкие, около одного метра в длину, с сильно выраженным средним ребром и коротким черенком для

²⁴² К у ф т и н Б. А. Археологические раскопки в Триалети, с. 85.

²⁴³ К у ш н а р е в а К. Х. Тазакентский могильник. — СА, 1. М., 1960, с. 144.

²⁴⁴ История Дагестана, 1, 1967, с. 63.

²⁴⁵ Ч у б и н и ш в и л и Т. Н. Самтаврское курганное погребение № 243; Г о г а д з е Э. М. Курганные погребения Лило, с. 223.

насадки рукоятки. Они по своей форме примыкают к хорошо известным в критомикенской культуре длинным мечам-рапирам, откуда они, вероятно, к концу первой половины II тыс. до н. э. проникают в Закавказье²⁴⁶. Все закавказские мечи почти не отличаются друг от друга и приобретают несколько своеобразную форму, что должно свидетельствовать о местном их производстве.

Интересную группу бронзовых оружий триалетской культуры составляют боевые топоры, представленные, главным образом, случайными находками. На территории Восточного Закавказья их известно всего пять — три в Грузии и два топора в Армении²⁴⁷. Топоры эти характеризуются шестигранным туловом и несколько косо опущенным обухом. Несколько топоров найдены и на Северном Кавказе²⁴⁸. Этот тип топора хорошо известен в Передней Азии в III тыс. до н. э. На Кавказ эта форма топора проникает, видимо, в начале II тыс. до н. э. с юга.

Чем была вызвана сравнительная редкость предметов вооружения в Триалетских курганах, остается не вполне ясным. Возможно, это действительно было связано со сравнительно мирными условиями жизни и некоторой стабилизацией политического положения в Восточном Закавказье.

Из бронзовых украшений этого времени прежде всего следует упомянуть разного рода бронзовые булавки, в основном с пирамидальной и дисковидной головками. Большую группу украшений составляют различные височные подвески.

В эпоху расцвета триалетской культуры значительного подъема достигает металлургия бронзы. На этом этапе, наряду с мышьяковистой, широко употребляется и оловянистая бронза. В Триалетских и Месхетских курганах встречаются почти исключительно металлические предметы из оловянистой бронзы. В менее богатых погребениях наблюдаются изделия как из мышьяковистой, так и из оловянистой бронзы²⁴⁹.

Особого подъема в эпоху «цветущей поры» триалетской культуры достигает ювелирное дело. Изделия из драгоценных металлов отличаются высоким мастерством исполнения, совершенством форм, свидетельствуя о высоком искусстве мастеров, чьи творческие искания, великолепный вкус и тончайшее чувство материала заложили основы традиции чеканного искусства древней Грузии. В процессе развития постепенно вырабатывается своеобразный стиль; использование инкрустации наряду с грануляцией, пунсоном, филигранью, придают триалетским изделиям самобытность, поражают своим художественным совершенством и изысканностью. Золотые и серебряные изделия отличаются разнообразием, сложностью и высоким уровнем техники обработки металла. Создается своеобразный цветной декоративный стиль. Форма и орнамент предмета подчиняются принципу пропорции «золотого сечения»²⁵⁰.

Из драгоценных украшений наиболее часто встречаются крупные сферические, полые бусы, украшенные зернью, елочным орнаментом, ломаными линиями и т. д. Булавки с шаровидной золотой головкой, инкрустированные цветными камнями, отличаются высокой техникой изготовления. Из украшений особо следует отметить ожерелье с агатовым кулоном в золотой оправе и сферическими бусами, декорированными зернью и вставными камнями.

²⁴⁶ Л о м т а т и д з е Г. А. Бронзовые кинжалы и мечи из древнейших погребений Самтаврского могильника. Тбилиси, 1974, с. 132.

²⁴⁷ Д ж а п а р и д з е О. М. Археологические раскопки в Триалети, с. 162; М а р т и р о с я н А. А. Армения в эпоху бронзы и раннего железа. Ереван, 1964, с. 60.

²⁴⁸ К о т о в и ч В. Г., К о т о в и ч В. М. Находки древних бронзовых топоров в Дагестане. — Кавказ и Восточная Европа в древности, М., 1973, с. 77.

²⁴⁹ А б е с а д з е Ц. Н. К истории медно-бронзовой металлургии триалетской культуры. — Реставрация, консервация, технология музейных экспонатов, 1. Тбилиси, с. 64.

²⁵⁰ Д ж а п а р и д з е Н. О. Ювелирное искусство эпохи бронзы в Грузии. Тбилиси, 1981, с. 83.

Особую группу составляют многочисленные навершия, «штандарты», трубочки, изготовленные из листового золота, украшенные выбитыми изнутри шишечками, елочным орнаментом и т. д.

Среди изделий из драгоценных металлов особый интерес представляют золотые и серебряные сосуды — кубки, чаши и ведерко. Гладкостенные серебряные и золотые чаши, изготовленные ковкой на вращающемся станке, поражают своими изысканными формами. С точки зрения сложности обработки и использования художественных возможностей особо следует отметить замечательный золотой кубок с двойными стенками, переходящими в низкую ажурную ножку. Внешняя сторона кубка украшена накладными волютами, обрамленными витой проволокой, вставными цветными камнями круглой формы. Этот кубок не находит прямых аналогий в переднеазиатских материалах. Сходство мотива спиральных волют с узором на большом глиняном сосуде свидетельствует скорее всего о его местном происхождении²⁵¹.

Два серебряных сосуда — ведерко и кубок из больших Триалетских курганов несомненно указывают на высокий уровень техники художественной пластической обработки металлов. На серебряном ведерке представлена ритуальная сцена охоты; выполненная низким рельефом. Наибольший интерес представляет кубок цилиндрической формы на высокой ножке, также изготовленный из цельной серебряной пластинки; он украшен двумя фризами сложной композиции, выполненной низким рельефом. На нижнем фризе изображены следующие друг за другом в один ряд девять оленей, самцов и самок. На верхнем фризе представлена ритуальная сцена — процессия из двадцати трех одинаковых мужских фигур, следующих друг за другом, с кубками в руках. В центре композиции изображена такая же мужская фигура, сидящая на троне, перед высоким алтарем на трех ножках, за спиной которой находится священное дерево — «древо жизни». В разгадке сюжета верхнего фриза кубка высказаны различные предположения. Некоторые видят в этой сцене изображение ритуального пиршества в честь божества плодородия²⁵² или торжественную мистерию жрецов, также связанную с культом божества плодородия²⁵³. Исходя из этнографических данных, было высказано мнение, что антропоморфные фигуры этой сцены представляют собой родовые божества, собравшиеся перед центральной сидящей фигурой — главным племенным божеством²⁵⁴.

Строгая ритмичность изображений церемониала, черты костюма, манера изображения фигур с звероподобными лицами и т. д. дали повод некоторым исследователям связать серебряный кубок с древнейшим искусством хеттско-малоазиатского мира²⁵⁵. Действительно, несмотря на некоторые общие черты, можно выделить и ряд отличительных признаков, свидетельствующих о местном происхождении кубка²⁵⁶. Таким образом, развитие ювелирного искусства триалетской культуры было обусловлено усилением этно-культурных контактов с древневосточным миром. Художественные изделия из драгоценных металлов, несомненно, свидетельствуют об определенном влиянии юга, но наряду с этим складывается собственный, местный стиль, указывающий на мастерство и тонкий вкус.

Высокий уровень триалетской культуры, несомненно, имел свою экономическую основу. Однако судить о хозяйственной деятельности триалетских племен в настоящее время крайне трудно, ввиду почти полного отсутствия материалов из поселений. Погребальные памятники, где сохранившийся костный материал дает определенные сведения о характере скотоводства, почти не содержат данных о земледелии. Почти

²⁵¹ К у ф т и н Б. А. Археологические раскопки в Триалети, с. 93.

²⁵² К у ф т и н Б. А. Указ. соч., с. 92.

²⁵³ А м и р а н а ш в и л и Ш. Я. История грузинского искусства. М. 1950, с. 32.

²⁵⁴ Б а р д а в е л и д з е В. В. Древнейшие религиозные верования и обрядовое графическое искусство грузинских племен. Тбилиси, 1957, с. 94.

²⁵⁵ М е л и к и ш в и л и Г. А. Возникновение Хеттского царства и проблема древнейшего населения Закавказья и Малой Азии, с. 20.

²⁵⁶ К у ф т и н Б. А. Археологические раскопки в Триалети, с. 90.

неизвестны земледельческие орудия этого времени, и о характере хозяйства приходится судить главным образом по расположению памятников. Они, по сравнению с памятниками предшествующей эпохи, представлены на сравнительно замкнутых территориях, при строгом соблюдении вертикальной зональности. В низменных областях заметна значительно меньшая плотность населения, тогда как предгорные и горные районы более интенсивно осваиваются. Причины столь резкого изменения жизненных условий, вызвавших процесс перемещения населения, остаются пока что не вполне ясными. Возможно, это было связано с определенными переменами в хозяйстве, с ростом скотоводства, с развитием металлургии и т. д., способствовавших более интенсивному освоению горной полосы, и, видимо, в основном, с кризисом примитивного земледелия. Интенсивное заселение низин в период куро-араксской культуры повлекло за собой процесс массового уничтожения лесных массивов, что не могло не отразиться на климате. Уменьшение осадков вынуждало население искать места с более умеренным климатом. При низком уровне ирригационного искусства начинается постепенное затухание жизни в низинах и перемещение центра тяжести хозяйственной жизни в определенные области Восточной Грузии, в предгорные и горные районы²⁵⁷.

В эпоху триалетской культуры интенсивно заселяются, в основном, области горной полосы, где имелись благоприятные условия для ведения главным образом земледельческого хозяйства, а также и для развития скотоводства. Поэтому интенсивно осваиваются горные долины Цалка, Зуртакети, Бедени, Ниала и т. д., в то же время незаселенным остается Джавахетское плоскогорье, климатические условия которого не столь пригодными именно для земледелия. Из низменных районов Восточной Грузии в это время заселенными остаются лишь районы Иоро-Алазанского бассейна, где при наличии искусственного орошения имелись все условия для земледелия²⁵⁸.

Костный материал, представленный главным образом из погребальных памятников, не дает возможности с полной ясностью судить о составе стада. В могилах явно преобладают кости крупного рогатого скота, хотя и остатки мелкого рогатого скота встречаются в довольно большом количестве. Очевидно, в это время значительно возрос удельный вес мелкого скота; видимо, налаживается своеобразная форма скотоводства, когда в составе стада присутствуют оба вида; одновременно развивается как придомное, так и отгонное скотоводство. Для выпаса крупного рогатого скота, мало приспособленного к постоянным передвижениям, необходимо наличие пастбищных угодий; поэтому памятники этой культуры главным образом встречаются в областях, где луговые участки сочетаются с местами, пригодными для ведения примитивного земледелия. Оседлый образ жизни триалетских племен способствовал сложению придомно-пастушеского хозяйства. Крупный рогатый скот и в эту эпоху все еще оставался основной тягловой силой.

Массовое уничтожение лесных массивов создавало благоприятные условия для разведения мелкого рогатого скота, который в эту эпоху играл существенную роль в экономике. Широкое распространение получает яйлажное скотоводство с сезонным выпасом скота на летние и зимние пастбища. Для неприхотливого к корму мелкого рогатого скота в Восточном Закавказье имелись все условия для численного его увеличения. Для летних пастбищ широко использовались высокогорные долины Триалети, Месхети, Джавахети и т. д., основная же база зимнего выпаса находилась преимущественно Квемо-Картлийской равнине. Развитие овцеводства, дающее больше прибавочного продукта, способствовало усилению имущественного неравенства внутри общества.

---

²⁵⁷ К и к в и д з е Я. А. Земледелие и земледельческий культ в древней Грузии. Тбилиси-, 1976, с. 66.

²⁵⁸ П и ц х е л а у р и К. Н. Основные проблемы истории племен Восточной Грузии в XV—VII вв. до н. э. Тбилиси, 1973, с. 52.

Триалетские племена в эпоху «цветущей поры» больших курганов широко расселились в Центральном и Юго-Восточном Закавказье. Они занимали всю Восточную Грузию и прилегающие к ней с юга области Ширак, Ташир-Дзорагет и охватывали почти всю Араратскую долину, определенные районы Восточной Анатолии и достигали Карсской области.

В настоящее время, внутри триалетской культуры не удастся с полной ясностью выделить локальные варианты. Несколько своеобразную группу составляют памятники Месхети. Месхетские курганы отличаются от Триалетских как по характеру погребального обряда, так и по составу инвентаря. Здесь не наблюдается того «варварского великолепия», которое характерно для больших Триалетских курганов. Отдельную локальную группу, видимо, составляли памятники Араратской долины, где явно преобладала крашеная керамика, красная с черной росписью.

Триалетская культура находилась в довольно близких контактах с севан-узерликской культурой²⁵⁹. Считать эти две культуры первой половины II тысячелетия до н. э. локальными вариантами единой культуры представляется не вполне правильным. Те общие черты, которые наблюдаются в этих культурах, обусловлены близкими связями, а также, вероятно, и общими истоками, идущими от куро-араксской культуры.

Причины упадка триалетской культуры и сейчас остаются все еще не вполне ясными. Возможно, одна из них связана с событиями, которые наблюдаются в это время в Передней Азии; они, естественно, могли привести к ослаблению культурных контактов с югом. С началом поздней бронзы в Закавказье в целом наблюдается некоторая культурная изоляция. Так же все еще неясным остается вопрос взаимосвязи триалетской культуры с последующими культурами Закавказья. Начинается новый, позднебронзовый этап развития, значительно отличающийся от предшествующего. Важную роль в этом процессе, вероятно, сыграли и те хозяйственные перемены, которые наблюдаются во второй половине II тыс. до н.э. Начинается повторное интенсивное освоение низменных областей, связанное с усилением поливного земледелия.

В эпоху средней бронзы значительно ослабевают сношения племен триалетской культуры с племенами Западной Грузии. В это время культура последней, развивающаяся на основе предшествующих ей традиций, не претерпела особых перемен. Что было вызвано почти полное прекращение контактов указанных двух областей Грузии — все еще остается не вполне ясным. Одна из основных причин этого, видимо, связана со своеобразием природных условий Западной Грузии, с ее характерным субтропическим климатом, не полностью соответствовавших жизненным требованиям триалетских племен.

В настоящее время о хозяйственной деятельности племен, обитавших в западной части Грузии в эпоху средней бронзы, трудно судить. По имеющимся данным, в это время начинается сравнительно интенсивное освоение Колхидской низменности, способствующее, видимо, экономическому развитию общества, что сыграло немаловажную роль в дальнейшем сложении колхидской культуры. Этому процессу, вероятно, содействовал подъем металлургии, а широкое применение металлических орудий способствовало более интенсивному наступлению на растительный покров Колхидской низменности.

Археологические раскопки в верховьях р. Риони, а также случайные находки металлических предметов свидетельствуют о довольно высоком уровне производства здесь металла в первой половине II тыс. до н. э. В высокогорной части бассейна р. Риони, около с. Геби, были засвидетельствованы древнейшие остатки рудопроизводства. В

---

²⁵⁹ К у ш н а р е в а К. Х. Новые данные о поселении Узерлик-Тепе.— МИД, № 125. М., 1965, с 84.

древних штольнях здесь найдены различные предметы, связанные с добыванием руды. Около с. Геби, в местечке Брили обнаружен могильник²⁶⁰.

Древнейшие захоронения на Брильском могильнике относятся к эпохе средней бронзы. В это время в связи с развитием скотоводства и подъемом металлургии происходит постепенное освоение высокогорных областей. Возможно, указанные древнейшие погребения принадлежали скотоводам и металлургам, впервые освоившим высокогорную область в верховьях р. Риони. Керамика в этих погребениях почти полностью отсутствует, что наводит на мысль о вероятном широком употреблении здесь деревянной посуды. В особенно большом количестве содержались предметы из металла — как оружие, так и украшения — в богатых погребениях²⁶¹.

Топоры преимущественно трубчатообушнные, среди них выделяются топоры изящной формы, украшенные изображениями бараньих голов. Эти топоры, видимо, имели ритуальное назначение; среди кинжалов преобладают оружия примитивной формы, хотя встречаются и сравнительно развитые с хорошо выраженным средним ребром. Среди втульчатых наконечников копий выделяются более изящные экземпляры, напоминающие триалетские образцы. Богато представлены в ранних могилах Брили металлические украшения.

Материалы из брильских погребений проявляют определенную близость с находками из Нульского и Квасатальского могильников Шида-Картли, а также с изделиями северокавказской культуры — Дигории и Северной Осетии. Видимо, в эту эпоху среди указанных районов Кавказа существовали довольно близкие взаимоотношения.

Впервые в этот период в Западной Грузии появляются клады металлических предметов, указывающие на определенный подъем здесь металлургии. Из ранних кладов следует упомянуть большой клад из с. Уреки²⁶² и с. Квишари²⁶³. К несколько более позднему времени принадлежат клады из Гагра, Бичвинты, Лыхны и др.²⁶⁴, состоящие из топоров, считающихся прототипами колхидского топора.

О дальнейшем подъеме металлургии эпохи средней бронзы в Западной Грузии можно судить и по составу металла. В это время применяется в основном все еще мышьяковистая медь, но появляются и предметы, изготовленные из новых сплавов — сурьмяно-мышьяковистых и оловянистых. Один из главных производственных металлургических очагов Западной Грузии в эпоху средней бронзы находился, вероятно, в верховьях р. Риони, а также, возможно, и в Абхазии. К концу этого периода развивается, по-видимому, также и Горохский металлургический центр, являвшийся в последующую эпоху уже одним из ведущих очагов колхидской культуры.

В эпоху средней бронзы Колхидская низменность густо заселена. Множество жилых холмов свидетельствует о существовании в это время здесь благоприятных условий оседлого образа жизни, длившегося в течение довольно долгого времени. На большинстве холмов жизнь, видимо, возникает приблизительно одновременно, хотя в хронологии этих холмов наблюдаются и некоторые различия. В результате исследований ряда древнейших поселений близ с. Анаклии-Дихагудзуба I и II, Носири, Курзиа, Испани, Наохвamu²⁶⁵ и т. д. получены значительные данные о сложности и своеобразии

²⁶⁰ Г о б е д ж и ш в и л и Г. Ф. Остатки древнегрузинского металлургического производства около с. Геби. — Изв. АН ГССР, 1952, т. XIII, № 3, с. 183.

²⁶¹ Археология Грузии. Тбилиси, 1958, с. 113.

²⁶² Д ж а п а р и д з е О. М. Краткий отчет об археологических разведках в Грузии в 1948 г. — КСИИМК, 1951, вып. XXXIX, с. 99.

²⁶³ Н и о р а д з е Г. К Археологические находки в с. Квишари. — СА, XI, 1949, с. 187.

²⁶⁴ К о р и д з е Д. Л. К истории колхидской культуры. Тбилиси, 1965, с. 11.

²⁶⁵ К у ф т и н Б. А. Материалы к археологии Колхиды, т. II. Тбилиси 1950, с. 151; М и к е л а д з е Т. К., Б а р а м и д з е М. В. О некоторых итогах полевых исследований в Колхидской низменности в зонах новостроек. — АИНГ, 1976, с. 96; К о р и д з е Д. Л., Г о г а д з е Э. М. Результаты полевых исследований в Колхидской низменности в зонах новостроек. — АИНГ, 1976, с. 96; К о р и д з е Д. Л.,

жизненных условий, о хозяйственной деятельности населения, о продолжительности жизни и культурной преемственности. Однако все еще неясным остается характер этих поселений. Скорее всего, они представляли собой сравнительно небольшие селения хуторного типа. Трудно судить о типе жилищ, несмотря на то, что здесь ввиду специфических условий хорошо сохранились остатки дерева. На холмах были выявлены целые системы сооружений из деревянных брусьев. Дома и хозяйственные постройки здесь возводились из дерева. На уровне древнего грунта для предохранений от сырости и грунтовых вод и для прочности основания жилищ выкладывали бревенчатый настил. По типу строительной техники и характеру планировки древнейшие сооружения различных памятников здесь почти одинаковы, и в дальнейшем они не претерпели особых изменений, что свидетельствует о существовании определенной традиционности, сложившейся в специфических условиях Колхидской низменности²⁶⁶. Дерево в богатой лесом Колхиде, с повышенными осадками и влажным климатом, занимало ведущее положение в строительном деле.

Жилые холмы Колхиды содержат богатейшие материалы, главным образом керамику. Преобладают сравнительно небольшие сосуды, среди которых выделяются горшки, кружки, кувшины и т. д. Груболепная посуда сочетается с хорошо обданными сосудами ручной выделки²⁶⁷.

Хорошо представлены на искусственных холмах каменные и костяные изделия; много зернотерок, пестиков, кремневых наконечников, серпов, стрел и т. д. Из кости встречаются главным образом проколки, лоцила и т. д. Культурные слои насыщены пищевыми остатками — как растительными, так и животными, свидетельствующими об интенсивной земледельческо-скотоводческой экономике. Весьма благоприятные условия для земледелия требовали от местного населения сравнительно меньшей затраты труда. Из костей животных в жилых холмах Колхиды преобладают остатки короткого рога быка, козы, свиньи и т. д.²⁶⁸ Почти нет костей овцы, видимо, густой растительный покров прибрежной части Колхиды не способствовал овцеводству. Здесь успешно развивались лишь козоводство, свиноводство и крупнокопытное животноводство. Исходя из состава стада, можно предположить, что в это время в низменной части Западной Грузии преобладала придомная форма скотоводства. Большую роль в жизни местного населения имело и охотничье-собирательное хозяйство, на что указывают находки многочисленных остатков диких растений и плодов.

Таким образом, в эпоху средней бронзы происходит интенсивное заселение Колхидской низменности, преимущественно Рионо-Ингурского междуречья. Процесс освоения этой области, видимо, был довольно длительным и протекал на протяжении всего II тысячелетия до н. э. В это время происходят кардинальные перемены в хозяйстве. Подсечно-огневое земледелие, характерное для областей с повышенной влажностью, в условиях более длительного сохранения присваивающих форм хозяйства, развивалось сравнительно низкими темпами; в эпоху средней бронзы оно приобретает более прогрессивные черты, широкие масштабы, создавшие в дальнейшем прочную экономическую основу возникновения колхидской культуры.

Что же происходит в эпоху средней бронзы в материковой части Колхиды — в настоящее время остается неясным. Различие в природной среде между прибрежной и внутренней областями Западной Грузии значительно влияло на хозяйственную деятельность человека. Однако ввиду почти полного отсутствия материалов из

Г о г а д з е Э. М. Результаты полевых работ, проведенных Носирской археологической экспедицией в 1969 г. — АЭГМГ, I, 1971. с. 49.

²⁶⁶ Д ж а в а х и ш в и л и А. И. Строительное дело и архитектура поселений Южного Кавказа V—III тыс. до н. э. Тбилиси, 1973, с. 196. ,

²⁶⁷ К у ф т и н Б. А. Указ, соч., с. 230; К о р и д з е Д. Л., Г о г а д з е Э. М., Д ж а в а х и ш в и л и Г. И. Результаты работ Носирской арх. экспедиции в 1970—1971 гг. — АЭГМГ, т. III, 1974, с. 69.

²⁶⁸ К у ф т и н Б. А. Указ. соч., с. 255.

предгорной и горной Колхиды, трудно судить об экономической основе и жизненных условиях в этих районах и о связях последних с низменными районами страны. Исходя из материалов Брильского могильника, можно предположить, что в это время в высокогорной части Колхиды успешно развивалось скотоводство. Найденные здесь в погребениях многочисленные бронзовые подвески в виде бараньих голов и фигурок овец указывают на определенный подъем овцеводства.

Культура жилых домов Колхидской низменности известна и севернее, в приморской части Абхазии, где она, видимо, претерпела некоторые изменения, под воздействием влияний шедших с севера, что дало повод для предположения о распространении здесь вплоть до Адлера несколько иной культуры²⁶⁹. Однако материалы из ранних поселений прибрежной Абхазии свидетельствуют о существовании на всей Колхидской низменности единой культуры с длительной хозяйственно-бытовой традицией до эпохи поздней бронзы, когда в Западной Грузии на основе предшествующей культуры складывается колхидская культура. Материалы многослойного поселения у с. Мачара подтверждают бытование этой длительной культурной преемственности²⁷⁰.

В эпоху средней бронзы в северо-западной части Закавказья продолжает существовать «дольменная культура». Дольмены этого времени отличаются крупными размерами; конструктивно и технически они более совершенны. В погребальном обряде поздних дольменов не наблюдается значительных изменений, и они, видимо, являлись родовыми усыпальницами. Однако погребальный инвентарь этих дольменов сильно отличается от материалов из ранних дольменов. Он состоит, главным образом, из многочисленных металлических украшений. Керамика поздних дольменов не претерпела особых изменений. Здесь встречаются, главным образом, те же малые формы сосудов, горшков, миниатюрных чаш, блюд и т. д.²⁷¹

В эпоху средней бронзы Западная Грузия переживает значительный экономический подъем, вызванный ростом земледельческого хозяйства, развитием более совершенной металлургии и т. д. Местное общество постепенно отходит от тех неолитических традиций, которые длительное время сохранялись в хозяйственной жизни и способствовали некоторому культурному застою. Этому же содействовал и более замкнутый образ жизни населения, не проявлявшего особых связей с внешним миром. Общий подъем культурного и экономического уровня создавал все условия для сложения яркой колхидской культуры эпохи поздней бронзы. Таким образом, Западная Грузия не оставалась в стороне от тех кардинальных преобразований, которые происходили на Кавказе во второй половине II тыс. до н. э.

ГЛАВА VI

ПОЗДНЕБРОНЗОВАЯ ЭПОХА

§ 1. ЗАПАДНОГРУЗИНСКАЯ КУЛЬТУРА

Со второй половины II тыс. до н. э. в Грузии, как и на всем Кавказе, наступает новая ступень развития общества — поздний бронзовый век. В это время почти полностью прерывается связь с традициями предшествующей эпохи, заметно изменяется

²⁶⁹ С о л о в ь е в Л. И. Новый памятник культурных связей Кавказского Причерноморья в эпоху неолита и бронзы — стоянка Воронцовской пещеры. — Тр. Абхаз. ИЯЛИ, т. XXIX. Сухуми, 1958, с. 151.

²⁷⁰ Б ж а н и я В. В. Мачарское поселение эпохи энеолита и бронзы в Абхазии. — СА, I. М., 1966, с. 123.

²⁷¹ К у ф т и н Б. А. Материалы к археологии Колхиды, т. I. Тбилиси, 1949, с. 259; Д ж а п а р и д з е О. М. Дольменная культура в Грузии. — Труды ТГУ, т. 77. Тбилиси, 1959, с. 77.

характер хозяйства и условия жизни в целом. Густо заселяется весь Кавказ — как горные и предгорные, так и низменные равнины. В отдельных регионах складываются довольно крупные культурные области, объединяющие несколько родственных культур. На Центральном и Западном Кавказе распространяются три культуры — западногрузинская, или колхидская, кобанская и прикубанская.

В западной части Грузии во второй половине II тыс. сложилась своеобразная культура, называемая колхидской. В ней выделяются две ступени развития — эпоха поздней бронзы, охватывающая почти всю вторую половину II тыс. до н. э., и период раннего железного века, закат которого приходится на конец VII в. до н. э. Эта культура возникла на основе предшествующей, где хорошо прослеживаются прототипы целого ряда ведущих орудий колхидской культуры. По-видимому, с конца эпохи средней бронзы в отдельных регионах Западной Грузии, где существовали соответствующие условия, постепенно возникают местные металлургические центры. В верховьях р. Риони начинает действовать металлургический очаг и возникают первые погребения Брильского могильника. С развитием производства металла появляются первые клады металлических предметов, среди которых первым делом следует упомянуть большой клад из с. Уреки, в котором встречаются прототипы основных орудий колхидской культуры — колхидского топора, мотыги и сегментовидного орудия.

Вероятно, основным ареалом становления колхидской культуры являлась причерноморская полоса Колхиды, главным образом юго-западная ее часть. Возникновению и дальнейшему развитию этой культуры, видимо, способствовало наличие в этой области, в частности в бассейне р. Чорохи, богатых месторождений меди. Именно из этой части Западной Грузии хорошо известны клады бронзовых предметов раннего этапа поздней бронзы²⁷².

Определенному подъему Юго-Западной Грузии содействовали ее связи с переднеазиатским миром. Интересно, что прототип колхидского топора обнаруживает определенное сходство с известными в Передней Азии топорами²⁷³. В юго-западной Колхиде возникли, очевидно, все ведущие хозяйственные орудия — топор, мотыга, сегментовидное орудие, цалди, серп и др. В богатой растительностью Колхиде топор, цалди и серп были весьма эффективными орудиями, а для обработки земли применялись мотыги разных типов. Широкое использование металлических сельскохозяйственных орудий способствовало более интенсивному освоению Колхиды, и у местного общества создавалась довольно твердая экономическая база. Наиболее интенсивного развития, видимо, достигало земледелие. В южной Колхиде сложилась именно та форма хозяйства, которая наиболее соответствовала природной обстановке.

Бронзовый топор является одним из наиболее характерных орудий колхидской культуры. Он, видимо, сложился в основном в южной части Колхиды, здесь хорошо известна переходная от прототипа к колхидскому топору форма. Встречаются три основных типа колхидского топора: 1. с клиновидным обухом, прямым туловищем и симметричным закругленным лезвием; 2. с граненым обухом и сильно асимметричным лезвием и 3. с дважды изогнутым туловищем и асимметричным лезвием. Ранние топоры сравнительно грубы, со временем форма топора постепенно совершенствуется, и в период расцвета колхидской культуры встречаются изящные, легкие топоры, нередко украшенные своеобразным орнаментом.

В южной части Колхиды возникло также характерное для колхидской культуры орудие — мотыга. Мотыга треугольной формы известна здесь еще в эпоху средней бронзы. Этот тип мотыги в других районах Колхиды пока не обнаружен. Позднее треугольная мотыга уже не встречается и вместо нее получают распространение варианты мотыг с широким лезвием. В богатой лесами Колхиде мотыга в хозяйстве

²⁷² Р а м и ш в и л и А. Т. Из истории материальной культуры Колхети-Батуми, 1974, с. 90.

²⁷³ Д ж а п а р и д з е О. М. Археологические раскопки в Триалети. К истории грузинских племен во II тысячелетии до н. э. Тбилиси, 1969, с. 50.

имела особое значение. При освоении целинных земель мотыга широко применялась для очистки местности, для первичной ручной обработки почвы, а также для разрыхления уже вспаханной земли. В предгорной и горной полосе, на крутых склонах, земля обрабатывалась вручную, мотыгой. Применялась она также в садоводстве и огородном хозяйстве. Именно поэтому начиная с эпохи поздней бронзы мотыга широко распространяется почти по всей Колхиде, там, где население занималось земледелием.

В юго-западной Колхиде должно было возникнуть еще одно характерное для колхидской культуры орудие, т. н. сегментовидное орудие, которое вместе с топором и мотыгой встречаем в ранних комплексах колхидской культуры. Это орудие также распространилось почти по всей Колхиде, за исключением ее высокогорной полосы. В северо-западной Колхиде оно встречается сравнительно редко. Возможно, это орудие применялось в подсечном земледелии преимущественно для расчистки участков от леса, удаления древесной коры, при очистке зарослей²⁷⁴.

На этой же территории Колхиды известно еще одно, особого типа, бронзовое, с клювовидным выступом, сильно напоминающее распространенное в современной этнографической действительности Западной Грузии орудие для расчистки кустарника и зарослей — цалди. Бронзовые цалди в настоящее время известны главным образом в южной части Колхиды. На юге это орудие распространилось в глубь территории Турции, где подобные орудия встречаем в кладе из Орду²⁷⁵. Вероятно, современные цалди возникли от бытовавшего еще в бронзовую эпоху орудия.

Для колхидской культуры характерно еще одно сельскохозяйственное орудие — серп, встречающийся также преимущественно в южных районах. Почти все колхидские бронзовые серпы одинаковой формы — без черешка и с отверстием для рукоятки. По типу они напоминают серпы из Шида-Картли²⁷⁶.

На юго-западной территории Колхиды встречается бронзовый плоский топор с резко выраженными плечами. Примечательно, что обломок литейной формы топора этого типа был, найден близ с. Кобулет, в поселении Намчедури²⁷⁷. Этот тип топора встречается и в более северных областях Колхиды. Плоский топор с плечиковидными выступами известен также в Восточной Грузии и Восточном Закавказье в целом. Он по своей форме проявляет определенную близость с топорами, хорошо представленными в Малой Азии в хеттскую эпоху. Очевидно, эта форма плоского топора проникает в Закавказье с юга, приобретая здесь некоторые местные особенности²⁷⁸. Плоский топор, вероятно, был связан преимущественно с обработкой дерева. В богатой лесом Колхиде, в условиях мягкого климата, в строительном деле, главным образом, употреблялось дерево. Широко применялась, видимо, и деревянная посуда.

В период поздней бронзы, к середине второй половины II тысячелетия до н. э., с юго-западной части Колхиды уже вполне сложились почти все основные типы хозяйственных орудий. Материалы этого периода известны, главным образом, из кладов, где сосредоточены преимущественно хозяйственные орудия, предметы иного назначения встречаются крайне редко. Поэтому нам сравнительно хорошо известны изделия хозяйственного назначения и мы почти не знаем, какое здесь было боевое оружие или какие употреблялись украшения и предметы туалета. Нет сомнения, что в этом регионе Колхиды, кроме колхидского топора, существовали и другие виды боевого оружия, тем более, что для колхидской культуры известны хорошо развитые типы оружия — кинжальные клинки и наконечники копий. В этой культуре немало также характерных

²⁷⁴ Ч и т а я Г. С. Мотыжная культура в Западной Грузии (Колхида) — Труды Института истории им. И. А. Джавахишвили, т. IV, вып. 2. Тбилиси, 1959, с. 157.

²⁷⁵ P r i z e w o r s k i St. Der Grottenfund von Ordu. — Archiv Orietalni, vol. №7 (1935), № 3, с. 408.

²⁷⁶ Д ж а п а р и д з е О. М. Земледельческие орудия позднебронзовой эпохи Западной Грузии. — Труды ТГУ, т. 49. Тбилиси, 1953, с. 208.

²⁷⁷ Р а м и ш в и л и А. Т. Указ. соч., с. 73.

²⁷⁸ Д ж а п а р и д з е О. М. Бронзовые топоры Западной Грузии, с. 297.

украшений и предметов, относящихся к костюму. Однако в кладах юго-западной Колхиды эти изделия встречаются крайне редко.

На ранней ступени колхидской культуры один из основных металлургических очагов находился в бассейне р. Чорохи. В этот период обработка металла стоит на довольно высоком уровне. Видимо, в это время потребность в хозяйственных орудиях была довольно значительной, что указывает на интенсификацию сельского хозяйства в этом районе Колхиды. В юго-западной Колхиде обнаружено множество кладов, т. н. «кладов литейщиков», состоящих, главным образом, из вышедших из употребления сельскохозяйственных орудий и слитков²⁷⁹. Вероятно, наряду с Чорохским металлургическим центром в южной Колхиде в это время уже существовали более мелкие очаги. Металлические орудия преимущественно изготавливались из мышьяковистой меди.

Южная часть Колхиды характеризуется влажным, субтропическим климатом. Обильная растительность в раннее время создавала человеку определенные препятствия для интенсивного ее освоения. Более широкое заселение юга Колхиды становится возможным после сложения соответствующих форм хозяйства и сельскохозяйственных орудий. Видимо, в Колхиде возникают такие формы хозяйства, которые соответствовали ее природным условиям. В эпоху поздней бронзы здесь развивается характерное для лесной полосы мотыжное земледелие. Хотя человеку приходилось вести сложную и тяжелую борьбу с лесом, и природа не оставалась в долгу и щедро вознаграждала его продуктами земледелия. Почти все бронзовые орудия были связаны с очисткой леса и обработкой земли. Мотыга здесь являлась одним из наиболее распространенных орудий²⁸⁰.

На каком уровне стояло в это время в южной Колхиде скотоводство из-за малочисленности материала, сказать затруднительно. Скотоводство носило, видимо, в основном придомный характер и главным образом разводили крупный рогатый скот. Лесные участки очищали не только для пашен, но и для покосов и пастбищ. В богатой лесом Колхиде, вероятно, успешно развивалось свиноводство, овцеводство, видимо, не играло сколько-нибудь значительной роли в хозяйстве. Лесной ландшафт не благоприятствовал разведению мелкого рогатого скота.

Таким образом, в южной Колхиде сложилась именно та форма хозяйства, которая наиболее соответствовала природной обстановке. Интенсификация сельского хозяйства содействовала постепенному развитию общества, которое к концу II тыс. до н. э., видимо, достигло значительного социального прогресса. Сложности подсечного хозяйства требовали высокой организации труда. В земледелии должна была участвовать большая часть населения, интенсивно использовались плодородные земли Колхиды и изобилие продуктов способствовало углублению имущественного и социального неравенства. К этому времени в юго-западной части Колхиды, вероятно, формируется довольно мощное объединение племен²⁸¹, которое постепенно распространяет свое влияние на всю Колхиду. В этот период колхидская культура охватывает всю Западную Грузию и прилегающие к ней области.

Первые поселения в Колхидской низменности возникают еще в предшествующую эпоху. Широкое применение металлических орудий способствовало более интенсивному освоению Колхидской низменности. Выявленные на жилых холмах мощные культурные слои свидетельствуют, что население в сложных, своеобразных условиях вело довольно интенсивную хозяйственную жизнь.

По сравнению с предшествующим периодом, облик поселений этого времени фактически не изменился; в строительной технике, планировке и типе жилищ все еще

²⁷⁹ Р а м и ш в и л и А. Т. Указ. соч., с. 104.

²⁸⁰ Ч и т а я Г. С. Указ. соч., с. 155.

²⁸¹ М е л и к и ш в и л и Г. А. К истории древней Грузии. Тбилиси, 1959, с. 186.

сохраняются старые традиции. В Колхидской низменности, в условиях влажного климата складываются особые приемы в строительстве. В богатой лесами Колхиде, в условиях повышенной влажности, лес занимал ведущее место в строительстве. Жилища и подсобные помещения строились на уровне грунта, на площадках, устроенных из деревянных балок, защищавших строение и людей от грунтовых вод и сырости. Пока трудно сказать, какими были жилища или каков был сам характер поселения. Вероятнее всего, постройки возводились из сруба, а само поселение было хуторского типа.

Наиболее мощный из культурных слоев колхидских поселений относится к эпохе поздней бронзы. Слои этого периода в большом количестве содержат обломки посуды. Керамика все еще находит много общего с посудой предшествующего времени, хотя заметно и определенное различие²⁸². В поздних слоях исчезают некоторые формы посуды. Преобладает сравнительно крупная посуда²⁸³. Керамика — черного или коричневого цвета. Встречаются горшки, кружки, банки, бадьи и др. В большинстве случаев сосуды богато орнаментированы, главным образом их верхняя часть. Ручки сосудов имеют разнообразную форму — зооморфную, коленчатую и др.²⁸⁴.

В поселениях Колхидской низменности, в слоях, периода поздней бронзы реже встречаются орудия из камня и кости. Причиной этого может быть то, что в этот период здесь широко распространяются металлические хозяйственные орудия.

В культурных слоях жилых домов в большом количестве встречаются кухонные остатки, следы растительной пищи, кости животных и др. Земледелие в Колхидской низменности в эпоху поздней бронзы становится еще более интенсивным. Широкое использование металлических орудий делало эту отрасль хозяйства еще более эффективной. Основной заботой на очищенных и пригодных для обработки земельных участках была их защита от наступающего леса. В описании Западной Грузии царевич Вахушти отмечает: «Страна эта весьма лесиста... климатом отменная... а злаки всякие прорастают отлично... Если один лишь человек труженик, имеющий только топор и мотыгу, поселится здесь, добудет он и на пропитание всей семье и заплатит дань»²⁸⁵.

Очевидно, наряду с земледелием, довольно большую роль в хозяйстве играло и скотоводство. В культурных слоях поселений в большом количестве встречаются кости крупного рогатого скота, свиньи и козы. Весьма редки остатки овцы — видно, овцеводство в хозяйстве не играло сколько-нибудь значительной роли. Лесной рельеф, видимо, препятствовал развитию этой отрасли скотоводства. В хозяйственной жизни, видно, значительное место занимали охота и собирательство. В культурных слоях во множестве встречаются остатки диких растений и кости животных²⁸⁶. Хозяйственное значение должно было иметь также пчеловодство. Следует отметить, что в южной Колхиде по сей день сохранился этнографический материал для восстановления древних форм пчеловодства²⁸⁷. Домашнее пчеловодство, кроме сугубо хозяйственного значения, должно было иметь также широкое применение в металлургии. Для изготовления бронзовых предметов широко применялся воск²⁸⁸.

Определенную роль в хозяйстве играли также огородничество и садоводство. Разнообразная форма бронзовых мотыг определялась их различным хозяйственным назначением. В кладах, обнаруженных в южной Колхиде, можно различить несколько типов мотыг. Более крупные мотыги, по-видимому, использовались преимущественно

²⁸² К о р и д з е Д. Л., Г о г а д з е Э. М. Результаты полевых работ, проведенных Носирской археологической экспедицией в 1969 г. — АЭГМГ, т. II. Тбилиси, 1971, с. 48.

²⁸³ Там же, с. 46.

²⁸⁴ М и к е л а д з е Т. К. Исследования по истории древнейшего населения Колхиды и Юго-Восточного Причерноморья. Тбилиси, 1974, с. 53.

²⁸⁵ В а х у ш т и . История Грузии. Картлис Цховреба, т. IX. Тбилиси, 1973.

²⁸⁶ К у ф т и н Б. А. Материалы к археологии Колхиды, т. II, с. 255.

²⁸⁷ Р о б а к и д з е А. Л. К истории пчеловодства. Тбилиси, 1960, с. 60.

²⁸⁸ Там же, с. 202.

для обработки земли, сравнительно небольшие же, возможно, в огородничестве и садоводстве.

Широкое освоение Колхидской низменности, планомерное использование всех ее возможностей во многом содействовало экономическому росту общества южной Колхиды. Обилие сельскохозяйственной продукции способствовало высвобождению определенной части населения из хозяйственной жизни и более активному ее переключению на другой род занятий, что, со своей стороны, вызывало постепенное развитие различных отраслей ремесла. Одна часть населения, очевидно, весьма активно включалась в металлургию. Другой отраслью, объединяющей мастеров, было плотницкое ремесло. В богатой лесом Колхиде дерево в хозяйстве занимало видное место. Наряду с металлическими земледельческими орудиями, встречаются также и столярные инструменты. Кроме бытового строительства, дерево широко применялось в изготовлении посуды, судостроительстве и др.²⁸⁹ Высокая организация труда в сельском хозяйстве, ремесле, правильное распределение избыточной продукции и ее реализация создавали прочную экономическую базу для общества.

Сравнительно мирные условия жизни, развитое хозяйство и др. безусловно способствовали росту населения. По-видимому, к концу второй половины II тыс. до н. э. численность населения значительно увеличилась. Интенсивное освоение Колхидской низменности содействовало экономическому усилению общества. К концу II тыс. до н. э. интенсивно заселяются как горные, так и низменные ее зоны. В этом процессе, видимо, ведущую роль играли южноколхидские племена, которые к этому времени достигают уже довольно высокого прогресса, и постепенно создаются условия для распада первобытнообщинного строя.

К концу II тыс. до н. э. в сферу распространения колхидской культуры попадает довольно большая часть прилегающих с юга областей Северо-Восточной Анатолии. В окрестностях г. Орду был найден клад, состоящий из колхидских топоров, цалди и плоского топора²⁹⁰. Характерные для колхидской культуры предметы были найдены в кладе из Артина, состоявшего из колхидских топоров, сегментовидного орудия, мотыги и топора с вертикальным отверстием²⁹¹. В Карсской области, у крепости Мехчисцихе был найден клад, состоящий из предметов, характерных для колхидской и восточногрузинской культур²⁹².

Широко осваиваются в этот период бассейны рр. Риони, Цхенис-Цкали, Квирилы в центральной части Колхиды. Здесь хорошо известны клады бронзовых изделий и случайные находки ведущих типов предметов колхидской культуры — топоры, мотыги, сегментовидное орудие и т. д.

В период колхидской культуры широко освоены средние течения и верховья рек Риони и Цхенис-Цкали в Рача-Лечхуми. В бассейне р. Риони, в Раче хорошо известны клады бронзовых изделий, состоящие, в основном, из хозяйственных орудий. В Рача-Лечхуми хорошо представлены колхидские топоры всех типов, мотыги, сегментовидное орудие и т. д.²⁹³ Интересен характерный для этой области плоский топор двумя зубовидными выступами по бокам²⁹⁴. Кроме Рача-Лечхуми этот тип топора известен из Сванети²⁹⁵ и Тлийского могильника в Шида-Картли²⁹⁶.

²⁸⁹ Р а м и ш в и л и А. Т. Указ, соч., с. 112.

²⁹⁰ P r i z e w o o r s k i St. Указ, соч., с. 390.

²⁹¹ Б и т е л л К. Бронзовые предметы из Артинского клада — Изв. ИЯИМК, т. II, 1938, с. 257 (на груз. яз.).

²⁹² К у ф т и н Б. А. К вопросу о древнейших корнях грузинской культуры на Кавказе по данным археологии. — ВГМГ, т. XII—В. Тбилиси, 1944, с. 327.

²⁹³ Г а м б а ш и д з е О. С. Тхморский клад. Тбилиси, 1963, с. 10 (на груз. яз., резюме на рус. яз.).

²⁹⁴ Н и о р а д з е Г. К. Археологические находки в с. Квишари. — СА, XI, М.—Л., 1949.

²⁹⁵ Ч а р т о л а н и Ш. Г. Материалы по археологии Сванети. Тбилиси, 1976, с. 14 (на груз. яз., резюме на рус. яз.).

В Рионском ущелье, вероятно, существовали благоприятные для жизни условия, что способствовало развитию местных племен и освоению ими верховьев этого ущелья. Близ с.Геби на Брильском могильнике были открыты три типа погребений, относящихся к концу II и началу I тыс. до н. э. — ямные каменные ящики и специальные погребальные площадки, где было захоронено около ста покойников²⁹⁷. На этих площадках совершалась частичная кремация покойника вместе с инвентарем. В погребениях в большом количестве представлены орудия и украшения. Из орудий встречаются топор и кинжал. Керамика представлена сравнительно редко. Материал, открытый на Брильском могильнике, имеет много общего предметами из Тлийского могильника, в Шида-Картли, а также и с северокавказской кобанской культурой. Характерные для колхидской культуры земледельческие орудия в верхней части Рионского ущелья почти, не встречаются. Здесь в высокогорной полосе основной отраслью хозяйства, очевидно, было скотоводство. В погребениях этого периода хорошо представлены бронзовые фигурки животных.

В верховьях Риони в этот период металлургия стояла на довольно высоком уровне. В окрестностях с. Геби и Урави выявлены многочисленные следы древних рудников, шахт штолен, откуда вывозились медь, сурьма, мышьяк и др. Найдены различные орудия, связанные с горнорудным делом — тяжелые каменные молоты, ступки, деревянные корыта для выноса руды, следы угля и др. Вблизи рудников осуществлялся процесс дальнейшей обработки руды²⁹⁸. Найдены остатки древних печей, обломки литейных форм и др.

С конца II тыс. до н. э. довольно мощный очаг металлургии должен был существовать также в Лечхуми, в бассейне р. Цхенис-Цкали. Правда, в Лечхуми пока еще не обнаружены следы древнего горнодобывающего производства, но в ряде случаев здесь засвидетельствованы выходы меди, которые в древности, возможно, имели определенное производственное значение²⁹⁹. Материал известен, главным образом, из кладов. Лечхумские клады состоят из хорошо сохранившихся предметов. Хорошо представлены в этих кладах колхидские топоры почти всех типов; часто встречается характерный для Рача-Лечхуми плоский топор с боковыми выступами. Известны также земледельческие орудия — мотыга и сегментовидное орудие.

В Рача-Лечхуми в период колхидской культуры, очевидно, существовал один производственный центр, где главной отраслью хозяйства было земледелие. Наблюдается довольно тесная связь с Центральным Кавказом — кобанской культурой, а также с горными регионами севера Шида-Картли. Судя по материалам Брильского могильника, в горной полосе ведущей отраслью хозяйства являлось скотоводство.

В Рача-Лечхуми хорошо представлена металлическая посуда. Это преимущественно кубки и бадьи различной формы, сосуды сравнительно больших размеров. В других областях Закавказья металлическая посуда встречается сравнительно реже. Металлическая посуда была широко распространена начале I тысячелетия до н. э. на Северном Кавказе в кобанской культуре, где также встречаются разнообразные сосуды с зооморфными ушками. Металлическая посуда с начала I тыс. широко распространяется в пределах колхидско-кобанской культуры. В Колхиде она была характерна, главным образом, для горной части — Рача-Лечхуми, и, возможно, именно в этом регионе первоначально возникли металлические сосуды. Здесь в настоящее время известны наиболее ранние формы металлической посуды, характерное для нее зооморфное ушко, видимо, заимствовано от колхидской керамики.

²⁹⁶ Т е х о в Б. В. Центральный Кавказ в XVI—X вв. до н. э. М., 1977, с.115.

²⁹⁷ Г о б е д ж и ш в и л и Г. Ф. Культура Западной Грузии. — Очерки истории Грузии, т. I. Тбилиси, 1970. с. 268 (на груз. яз.).

²⁹⁸ Г о б е д ж и ш в и л и Г. Ф. Памятники древнегрузинского горного дела и металлургии в верховьях р. Риони. — Изв. АН ГССР, 1952, т. XIII, №3, с. 186.

²⁹⁹ С а х а р о в а Л. С. Бронзовые клады из Лечхуми. Тбилиси. 1976, с. 24 (на груз. яз., резюме на рус. яз.).

Широкое распространение колхидских хозяйственных орудий содействовало подъему земледелия, а благоприятная обстановка в горных областях способствовала развитию скотоводства. Кроме того, в междуречье Риони—Цхенис-Цкали имелись все возможности для подъема собственного металлургического производства, и в период колхидской культуры здесь сложился один из мощных металлургических очагов.

С Рача-Лечхуми тесно была связана Сванети. Эта область граничила с Лечхуми и в период колхидской культуры испытывала ее влияние. Заселение Сванети, видимо, начинается с середины III тыс. до н. э. Однако интенсивное ее освоение происходит в период колхидской культуры. Хотя памятники этого периода пока исследованы сравнительно слабо, но зато хорошо представлены случайные находки³⁰⁰, среди которых преобладают колхидские топоры почти всех известных типов. Не известны пока здесь мотыга и сегментовидное орудие, если не считать одну ромбовидную мотыгу, напоминающую мотыгу из с. Джвари в Самегрело³⁰¹. В Сванети были обнаружены два серпа с сильно загнутым лезвием³⁰². Серп этого типа ни в колхидской культуре, ни в Закавказье в целом не встречается³⁰³; зато они хорошо известны на Северном Кавказе, откуда, по-видимому, это орудие распространилось в Сванети³⁰⁴. Земледелие в Сванети, в горных условиях играет сравнительно ограниченную роль.

Ведущей отраслью хозяйства в Сванети было скотоводство, однако материалы, связанные с этой отраслью хозяйства, до настоящего времени представлены весьма скудно. Для развития скотоводства в Сванети безусловно существовали все условия. Ведущее место в скотоводстве, очевидно, занимал крупный рогатый скот. Остеологический материал свидетельствует о том, что здесь в эпоху поздней бронзы была распространена малорослая порода крупного рогатого скота³⁰⁵. Значительное место занимало также разведение мелкого рогатого скота, о чем свидетельствуют обнаруженные бронзовые фигурки. Надо полагать, что в Сванети скотоводство носило смешанный характер. Летом скот выгоняли на горные пастбища, а в зимнее время он был преимущественно на ясельном питании. По-видимому, в эпоху поздней бронзы в этой горной области Колхиды существовал местный очаг металлургического производства. Здесь известны следы древнего горнорудного производства. Сейчас трудно судить об интенсивности производства металла в этом районе, но надо полагать, что оно вполне удовлетворяло собственные потребности. Колхидская культура начинает распространяться в Сванети в конце II тыс. до н. э., очевидно, главным образом через ущелье р. Цхенис-Цкали, но в дальнейшем приобретает здесь несколько своеобразный характер.

На ранней стадии позднебронзовой эпохи сравнительно густо заселена северо-западная часть Колхиды, ее приморская полоса. Здесь хорошо представлены ранние клады этой культуры и был широко распространен прототип колхидского топора. Ранние клады, обнаруженные в северо-западной части Колхиды, состояли преимущественно из колхидских топоров и их прототипов (клады из Гагра, Пицунды, Лихны, Лечкопи)³⁰⁶. Северо-западная часть Колхиды в ранний период эпохи поздней бронзы, по-видимому, отличалась определенным своеобразием. Возможно, одной из причин этого являлась физико-географическая особенность этого края, а также и то, что этот район все еще испытывал определенное влияние прикубанской культуры. По-видимому, после возникновения колхидской культуры в северо-западной части Западной Грузии развитие общества шло в несколько более замедленном темпе по сравнению с юго-западными

³⁰⁰ Ч а р т о л а н и Ш. Г. Сванети в эпоху бронзы. Автореф. канд. дис. Тбилиси, 1974, с. 13.

³⁰¹ Ег о ж е. Материалы по археологии Сванети. Тбилиси, 1976, с. 15.

³⁰² Там же.

³⁰³ Д ж а п а р и д з е О. М. Земледельческие орудия позднебронзовой эпохи Западной Грузии, с. 205.

³⁰⁴ И е с с е н А. А. Указ, соч., с. 113.

³⁰⁵ Ч а р т о л а н и Ш. Г. Сванети в эпоху бронзы, с. 21.

³⁰⁶ И е с с е н А. А. Прикубанский очаг металлургии и металлообработки в конце медно-бронзового века. — МИА, № 23, 1951.

районами. Подъем этого края Колхиды вновь наступает с рубежа II — I тыс. до н. э., в период расцвета колхидской культуры. В северо-западной Колхиде некоторые характерные для колхидской культуры хозяйственные орудия не нашли широкого распространения. В настоящее время здесь известно всего лишь несколько бронзовых мотыг³⁰⁷. Сравнительно лучше представлено сегментовидное орудие³⁰⁸, обнаруженное также в основном в районах, граничащих с Колхидской низменностью. Не найдены здесь по сей день цалди, серп и плоский топор. Очевидно, в северо-западной части Колхиды были несколько своеобразные условия для сельского хозяйства, некоторым образом препятствующие развитию подсечного земледелия. Вероятно, поэтому не получили здесь должного распространения колхидские земледельческие орудия. По-видимому, ведущей отраслью хозяйства было скотоводство. Возможно, здесь следует усмотреть определенные влияния Прикубанья, где со времени майкопской культуры скотоводство являлось основным занятием населения. По-видимому, это было одной из причин несколько замедленных здесь темпов развития колхидской культуры по сравнению с югом, где хозяйство, в основном, базировалось на земледелии.

В эпоху поздней бронзы в северо-западной Колхиде существовал местный очаг металлургического производства. В верховьях р. Кодори выявлены следы древних горных выработок³⁰⁹. Следует отметить обнаружение на Сухумской горе остатков медноплавильного производства — открыты печи и мастерская для выплавки металла³¹⁰.

С конца II и начала I тыс. до н. э. в северо-западной части Колхиды наблюдается общий подъем культуры. Материал этого времени представлен преимущественно из могильников. Клады бронзовых предметов эпохи расцвета колхидской культуры встречаются сравнительно редко. В это время здесь были известны, главным образом, два вида погребения: грунтовые могилы и кувшинные погребения. Способ погребения в глиняных сосудах в это время не встречается в других регионах колхидской культуры.

В эпоху расцвета колхидской культуры в северо-западной Колхиде широко распространяются изящные и легкие колхидские топоры с клиновидным и граненым обухом, часто украшенные графическим орнаментом. Колхидский топор в этом крае сохранился в продолжение довольно длительного времени. Известны здесь топоры с бронзовой рукояткой³¹¹. Особо следует отметить топоры из Гудаута и с. Куланурхва, на обухе которых имеются скульптурные изображения животных³¹². Кроме них в Колхиде известны еще два топора с изображением фигурок животных на обухе. Топор из Перевского клада в верховьях р. Квирила с фигуркой лежащего животного³¹³ сильно напоминает один топор с Северного Кавказа. Колхидский топор с фигуркой быка на обухе был найден в Шида-Картли, в одном из погребений Ожорского могильника³¹⁴.

В северо-западной части Колхиды сравнительно лучше, в других регионах, представлены боевые бронзовые оружия. Преимущественно известны наконечники копий и клинки кинжалов. Преобладают наконечники копий с длинной раскрытой втулкой и пламевидным или листовидным лезвием³¹⁵. Хорошо известны также бронзовые кинжалы с характерными для колхидской культуры длинным лезвием и высоким узким черенком.

³⁰⁷ Р а м и ш в и л и А. Т. Указ, соч., с. 59.

³⁰⁸ К а л а н д а д з е А. Н. Археологические памятники Сухумской горы. Сухуми, 1953, с. 22 (на груз. яз., резюме на рус. яз.).

³⁰⁹ Ч а р т о л а н и Ш. Г. Указ, соч., с. 16.

³¹⁰ К а л а н д а д з е А. Н. Указ, соч., с. 64.

³¹¹ К у ф т и н Б. А. Материалы к археологии Колхиды, т. I, с. 155.

³¹² Л у к и н А. Указ, соч., с. 49.

³¹³ К о р и д з е Л. Д. Древнейшие памятники материальной культуры Сачхерского р-на, с. 38 (на груз. яз.).

³¹⁴ Д ж а п а р и д з е О. М. Археологические раскопки в с. Ожора. — Труды ТГУ, т. 65. Тбилиси, 1957, с. 196 (на груз. яз., резюме на рус. яз.).

³¹⁵ К у ф т и н Б. А. Указ, соч., с. 140.

Большим своеобразием отличаются бронзовые украшения, хорошо представленные в погребениях. Здесь встречаются местные формы украшений, которые не нашли распространения в других областях Колхиды. Это браслеты цилиндрической формы с четырьмя ребрами³¹⁶, полые бронзовые ножные кольца³¹⁷, крупные биконические бусы³¹⁸, узкие бронзовые пояса с бляхой, с изображением звериной головы посередине. Хорошо известны здесь конические бронзовые украшения с кнопкообразной головкой или изображением парных звериных головок; иногда они завершаются цельными фигурками животных — овцы, собаки, быка, или птиц³¹⁹. Конусообразные украшения с изображением животного, кроме северо-западной Колхиды, в других частях неизвестны. Встречаются здесь также массивные гривны с закрученными концами, плоские браслеты с закругленными краями, крупные крючки с завитыми концами, фибулы и др.

С начала I тыс. до н. э. в этой части Колхиды складывается несколько своеобразный, локальный вариант колхидской культуры. В настоящее время трудно судить, чем было вызвано возникновение в этой области Колхиды локальных особенностей в культуре. Возможно, этому содействовал характер хозяйства, который был основан главным образом на скотоводстве. Внешняя среда, по всей вероятности, сильно влияла на своеобразие одежды местного населения, что нашло отражение в особенностях элементов украшений. Образованию локального варианта колхидской культуры в северо-западной части Колхиды способствовало также то, что эта область была несколько отдалена от основного центра колхидской культуры. Определенное влияние на обособленность культуры, очевидно, имели также контакты с соседними областями. Так, колхидская культура граничила с прикубанской, определенное влияние которой она безусловно испытывала.

В сферу колхидской культуры входила большая часть Месхети, непосредственно граничащая с одним из ведущих центров южной Колхиды — в бассейне Чорохи, довольно сильное влияние которого она испытывала: на территории Месхети широко распространены характерные для колхидской культуры хозяйственные орудия — топор, мотыга и сегментовидное орудие. Здесь встречаются почти все варианты колхидского топора. Надо отметить обнаруженную в с. Теловани металлическую форму для отливки колхидского топора; примечательно, что обнаруженный в с. Митарба топор подходит к литейной форме из с. Теловани³²⁰. Особо следует отметить клад из с. Уде Адыгенского р-на, состоящий из оружия и украшений, среди которых преобладают характерные для колхидской культуры предметы³²¹.

В эпоху поздней бронзы вновь возобновляются прерванные в период триалетской культуры взаимоотношения между западной и восточной частями Грузии, и, по-видимому, особая роль в этом принадлежала племенам — носителям колхидской культуры. Шида-Картли, в особенности ее северная полоса находилась под сильным воздействием колхидской культуры. После упадка триалетской культуры в Шида-Картли с раннего этапа поздней бронзы складывается своеобразная культура, подвергшаяся значительному воздействию колхидской культуры. В более глубокие районы Восточной Грузии — Кахети и Квемо-Картли — элементы колхидской культуры проникают значительно слабее. В Триалети обнаружено лишь несколько предметов, характерных для Колхиды, которые, очевидно, распространились из Шида-Картли³²².

³¹⁶ Г р а п ш М. М. Указ соч., с. 62.

³¹⁷ К у ф т и н Б. А. Указ, соч., с. 151.

³¹⁸ Там же, с. 150.

³¹⁹ К у ф т и н Б. А. Указ, соч., с. 149.

³²⁰ Н и о р а д з е Г. К. Археологические разведки в ущелье р. Куры. — ВГМГ, т. XIII—В, с. 194 (на груз. яз., резюме на англ. яз.).

³²¹ Д ж а в а х и ш в и л и А. И., Ч у б и н и ш в и л и Т. Н. Клад из с. Уде. — Сабчота Хеловнеба, 1959, №4, с. 60 (на груз. яз.).

³²² К у ф т и н Б. А. Археологические раскопки в Триалети. Тбилиси, 1941, с. 68.

В Шида-Картли, в ее центральных районах, хорошо представлены колхидские топоры. Известны также колхидские сельскохозяйственные орудия. Влияние западногрузинской культуры наблюдается также в керамике. Наиболее отчетливо это проявляется на примере глиняной посуды из ранних слоев поселения Ховле-Гора, где наряду с типичной шидакартлийской керамикой была найдена глиняная посуда, характерная для колхидской культуры³²³.

Однако наиболее сильному влиянию колхидской культуры подверглась северо-западная часть Шида-Картли, непосредственно граничащая с северо-восточной Колхидой. Здесь хорошо представлены все варианты колхидского топора, хозяйственные орудия — мотыга, сегментовидное орудие и серп. Так же, как и в Колхиде, встречаются длинные наконечники копий с раскрытыми втулками и листовидные кинжалы-клинки³²⁴. Определенное сходство замечено также в керамике. На холме Нацар-Гора, близ г. Цхинвали, в с. Зеда-Хвце и др. была найдена глиняная посуда, обнаруживающая близкое сходство с колхидской керамикой³²⁵. С наступлением эпохи поздней бронзы северная часть Шида-Картли становится основным районом, где соприкасались западногрузинская и восточногрузинская культуры.

С конца II тыс. до н. э. в Шида-Картли начинает усиливаться воздействие восточногрузинской культуры. С этого времени широко распространяются характерные для этой культуры оружия — закавказский топор, меч, кинжалы, наконечники копий с цельной втулкой и др. С этого периода наблюдается постепенное ослабление влияния колхидской культуры. В Шида-Картли хорошо представлены комплексы смешанного характера, где встречаются черты обеих культур; однако почти всегда в них преобладают элементы восточно-грузинской культуры.

В этот период в Колхиде усиливается влияние восточно-грузинской культуры. Чаще всего в колхидской культуре встречаются закавказские топоры. Восточный элемент в Колхиде представлен преимущественно в ее северо-восточной части (Рача-Лечхуми и Имерети), в районах, граничащих с Шида-Картли.

С конца II тыс. до н. э. в северной части Центрального Кавказа наблюдался значительный подъем кобанской культуры, которая постепенно проникает на южные склоны Кавказа, где она близко соприкасается с колхидской культурой. Верховья бассейнов рек Риони и Лиахви в это время были основным районом контактов этих культур. Кобанская культура, которая принадлежала преимущественно скотоводческим племенам, постепенно занимает южные склоны Кавказа. В это время, в период своего наивысшего расцвета, колхидская культура широко распространяется в горные зоны южных склонов Центрального Кавказа. Именно в этих областях происходит, в основном, сближение этих культур. По-видимому, кобанская культура подвергается сильному воздействию колхидской культуры. Колхидский топор становится одним из основных орудий этой культуры. В кобанской культуре широко распространяется характерный для колхидской культуры графический орнамент. Не проникли в кобанскую культуру земледельческие орудия, вероятно, из-за ведущей роли скотоводства в хозяйстве.

Из боевого оружия хорошо представлены в кобанской культуре кинжальные клинки, среди которых наряду с местными формами встречаются кинжалы, напоминающие колхидские экземпляры. Наконечники копья, столь характерное оружие колхидской культуры, почти не представлены в Кобане. В кобанской культуре встречаются все основные типы колхидского топора. Здесь в основном представлены легкие и изящные топоры. Наиболее распространенным вариантом является топор с

³²³ М у с х е л и ш в и л и Д. Л. Археологический материал поселения Ховле-Гора. Тбилиси, 1978, с. 87 (на груз. яз., резюме на рус. яз.).

³²⁴ Д ж а п а р и д з е О. М. Материалы позднебронзовой эпохи из Шида-Картли. — Материалы по истории материальной культуры Грузии. Тбилиси, 1966, с. 15 (на груз. яз., резюме на рус. яз.).

³²⁵ К у ф т и н Б. А. Археологическая маршрутная экспедиция..., с. 62; Г о б е д ж и ш в и л и Г. Ф. Холм Нацар-Гора близ г. Сталинири. — Мимомхилвели, 1951. т. II, с. 271.

дважды изогнутым туловом, который некоторые исследователи считают характерным для собственно кобанской культуры типом; он встречается здесь в более ранних погребениях³²⁶. Топор этого типа в Колхиде встречается сравнительно редко, преимущественно в Рача-Лечхуми. Хорошо представлены топоры этого варианта в Тлийском и Брильском могильниках. Часто топоры этого типа богато орнаментированы. Хорошо известны в кобанской культуре колхидские топоры с граненым обухом, нередко украшенные графическим орнаментом. Сравнительно реже в кобанской культуре встречаются колхидские топоры с клиновидным обухом — наиболее распространенный тип топора в Колхиде. По всей вероятности, колхидский топор проникает в кобанскую культуру с юга.

Со своей стороны, колхидская культура испытывала определенное влияние кобанской культуры. В горной зоне распространения колхидской культуры хорошо известны характерные для кобанской культуры металлические изделия, преимущественно предметы, связанные с костюмом — булавки, бляхи, разнообразные украшения, браслеты со спиральными концами, различные подвески и др.

Вероятно, из Колхиды в кобанскую культуру проникает железо, которое первоначально применялось здесь главным образом для украшения бронзовых предметов. В раннекобанских комплексах встречаются инкрустированные железом бронзовые предметы³²⁷. Рубеж II и I тыс. до н. э. являлся временем начала подлинного расцвета кобанской культуры, и бронзовая металлургия здесь достигла высокого подъема, что, вероятно, несколько задержало процесс перехода к железу³²⁸.

Племена — носители колхидской культуры, видимо, знакомятся с железом довольно рано. В ранних кладах редко, но все же встречаются первые железные орудия, имеющие уже весьма законченную форму³²⁹. Но высокий уровень бронзовой индустрии в Колхиде также препятствует широкому освоению железа. С начала первых веков I тысячелетия до н. э. постепенно начинается массовое применение железа. Хотя первые железные изделия и повторяют известные формы бронзовых предметов, но они имеют уже весьма совершенный вид. Богатые традиции в обработке металлов у колхидских племен, по-видимому, во многом облегчили переход к производству железа. Для Колхиды не характерны инкрустированные железом предметы³³⁰. В Колхиде сначала же распространяются железные изделия вполне законченной формы. В горные области Кавказа железо, по-видимому, проникает несколько позже³³¹.

В середине первой половины I тыс. до н. э. в низменных и предгорных районах Колхиды производство железа постепенно достигает довольно высокого уровня развития. В настоящее время хорошо известны остатки железоплавильных мастерских этого периода. Один из ведущих очагов производства железа, по всей видимости, существовал в юго-западной Колхиде³³².

В качестве железного сырья применяли, главным образом, магнетитовые пески прибрежной полосы юго-западной Колхиды³³³, и, вероятнее всего, производство железа в Колхиде первоначально зародилось именно в этих областях, чему, возможно, содействовали также и близкие контакты с югом. Рано проникает железо в более северные районы, во внутренние края Колхиды, где недавно были открыты остатки

³²⁶ К р у п н о в Е. И. Древняя история Северного Кавказа, с. 96; Т е х о в Б. В. Указ. соч., с. 81.

³²⁷ К р у п н о в Е. И. Указ. соч., с. 323.

³²⁸ Там же, с. 322.

³²⁹ Р а м и ш в и л и А. Т. Указ. соч., с. 22.

³³⁰ А б р а м и ш в и л и Р. М. К вопросу об освоении железа на территории Восточной Грузии. — ВГМГ. т. XXII—В, Тбилиси, 1961, с. 351 (на груз. яз., резюме на рус. яз.).

³³¹ К у ф т и н Б. А. Археологические раскопки в Триалеги, с. 72

³³² Г з е л и ш в и л и И. А. Железоплавильное дело в древней Грузии. Тбилиси, 1964, с. 52.

³³³ Х а х у т а и ш в и л и Д. А. Археологические раскопки древнеколхидского очага металлургии в ущелье Чолока-Очхамури в 1970 г. — Памятники Юго-Западной Грузии, V. Тбилиси, 1975, с. 83 (на груз. яз., резюме на рус. яз.).

железоплавильных мастерских X—IX вв. до н. э., которые, по-видимому, снабжались рудой преимущественно из горной полосы³³⁴.

В начале I тыс. колхидская культура достигает наивысшего расцвета. С этого времени наряду с бронзовой металлургией постепенно развивается железная индустрия. Бронза все еще не утратила своего ведущего положения, однако появление железа, вероятно, сыграло определенную роль в расцвете колхидской культуры. Бронзовая и железная металлургия сосуществовала здесь в течение довольно длительного времени. На ранней ступени производства железо применялось, главным образом, для изготовления боевого оружия — в хозяйстве преимущественно употреблялись бронзовые орудия. В некоторых районах Колхиды — в бассейнах рек Риони, Квирила, Цхенис-Цкали и др. бронзовая индустрия в этот период достигает наивысшего развития, обнаруженные здесь клады состоят из великолепных бронзовых предметов—клады из Окурешы, Сурмуши, Квишари, Синатле, Переви и др.

В период расцвета колхидской культуры сложился своеобразный стиль графического декора, для которого характерны геометрический и звериный орнамент. Звериный стиль отличается схематичной манерой передачи изображения и сильной стилизацией. Встречаются стилизованные изображения собаки, лошади, змеи, рыбы и др.³³⁵ В геометрическом орнаменте преобладают — спираль, ромб, крест, свастика и др.

Колхидский графический декор широко распространяется в кобанской культуре и становится одной из характерных, ее черт. Именно в эпоху расцвета колхидской культуры происходит наиболее тесное сближение этих двух культур. В данном случае мы имеем дело, по-видимому, не только с культурными связями — наблюдается идеологическая общность, возникают общие интересы у племен — носителей колхидской и кобанской культур. Этот графический декор, видимо, сложился в горных областях Колхиды, где наиболее тесно соприкасались колхидская и кобанская культуры. Возможно, характерный для колхидско-кобанской культуры звериный стиль возник там, где скотоводство в хозяйстве играло значительную роль. Наиболее распространенным мотивом было изображение собаки, которая являлась постоянным спутником пастуха³³⁶. В этот период часто встречаются также бронзовые фигурки и подвески разных животных, как домашних, так и диких, а также и птиц. Возможно, в эпоху расцвета колхидской культуры в хозяйстве роль скотоводства несколько возросла. В это время происходит процесс сближения горных и низменных областей Колхиды. С начала I тыс. до н. э. постепенно стирается грань между локальными особенностями и по всей Колхиде распространяется приблизительно однородная культура.

Единый характер колхидской культуры хорошо прослеживается в погребальном обряде в VIII—VII вв. до н. э. Почти по всей Колхиде распространяется сходный ритуал погребения. Встречаются коллективные захоронения — «погребальные площадки», где засвидетельствованы вторичные погребения покойника, с полной или частичной кремацией, нередко вместе с инвентарем. В более северных районах Колхиды подобные погребения встречаются в Цаленджихском районе — «погребальные площадки» в с. Палури³³⁷. «Погребальная площадка» была обнаружена в с. Мухурча, близ Носири³³⁸. Встречаются они также в юго-западной части Колхиды. Близ Ланчхути, в с. Нигвзиани был открыт могильник, состоящий из коллективных погребений, где встречается

³³⁴ Его же. Материалы по истории раннего этапа производства железа в северной Колхиде. — Там же, IX. Тбилиси, 1980, с. 37 (на груз. яз., резюме на рус. яз.).

³³⁵ П а н ц х а в а Л. Н. Колхидский топор с изображением оленя. — ВГМГ, т. XXIX—В, 1972, с. 55 (на груз. яз., резюме на рус. яз.).

³³⁶ Ее же. К истории художественного ремесла колхидской и кобанской культур. — Автореф. канд. дис. Тбилиси, 1975, с. 10.

³³⁷ О к р о п и р и д з е Н. И., Б а р а м и д з е М. В. Палурское «Садзвале». — МАГК, VI, 1974, с. 109 (на груз. яз., резюме на рус. яз.).

³³⁸ Г о г а д з е Э. М., П а н ц х а в а Л. Н., Д а р и с п а н а ш в и л и М. В., К о р и д з е И. Д. Результаты работ Носири-Мухурчской экспедиции за 1976—1977 гг., с. 54 (на груз. яз., резюме на рус. яз.).

кремация и вторичное захоронение покойника³³⁹. Такие же коллективные погребения были выявлены и на Урекском могильнике³⁴⁰. По-видимому, в данный период этот способ погребения распространился почти по всей Колхиде. К таким же «погребальным площадкам» следует, видимо, отнести коллективные погребения, выявленные на Брильском могильнике, где вместе с покойником сжигали также погребальный инвентарь. В Брили были известны и другие способы погребения — грунтовые захоронения и каменные ящики³⁴¹.

В Колхиде в этот период встречаются также индивидуальные могилы. В индивидуальных погребениях Урекского могильника также засвидетельствована кремация и, кроме того, нет существенной разницы в составе инвентаря³⁴². В северо-западной части Колхиды были распространены грунтовые погребения с полной или частичной кремацией покойника. Грунтовые погребения в этот период были наиболее распространенным типом в этой области. На могильнике в с. Куланурхва были вскрыты несколько таких погребений³⁴³. В северо-западной части Колхиды засвидетельствован в этот период также способ захоронения покойника в крупных глиняных сосудах.

С середины первой половины I тыс. до н. э. в Колхиде широкое распространение наряду с бронзовыми получают и железные хозяйственные орудия. Они повторяют формы бронзовых орудий. Применение железных орудий в земледелии не могло не дать осязаемого эффекта. Железная мотыга обычно крупная, с широкой рабочей частью. С этого периода начинается применение железной сохи. В период расцвета колхидской культуры, очевидно, вся Колхида, ее горная и низинная части, была заселена довольно плотно. Ввиду одностороннего характера материала, происходящего главным образом из погребений, судить о типе поселения Колхиды этого периода пока трудно, существовало ли поселение крупного, городского типа, остается неясным. Возможно, в низменной части продолжает существовать поселение хуторного типа. В предгорной полосе, которая была наиболее развитой областью Колхиды этого времени, возможно, уже возникают более крупные поселения. В низинах и в особенности в предгорной полосе существовали благоприятные условия для развития земледелия и широкое применение железных орудий могло давать осязаемый эффект. Это, со своей стороны, могло способствовать улучшению жизненных условий общества и накоплению богатства. Погребения этого времени, принадлежавшие рядовому члену общества, отличаются богатством инвентаря. В одном из погребений Куланурхва только колхидских топоров было пять. Богатыми оказались также другие погребения из северо-западной части Колхиды. Почти во всех этих погребениях оказалось по несколько предметов одного и того же назначения — топоры, наконечники копий, кинжальные клинки и др. Широко представлены, кроме того, и украшения. Обилием инвентаря отличаются коллективные погребения, распространенные в Колхиде, являющиеся, по-видимому, семейными захоронениями рядовых членов общества. В этих погребениях встречается множество боевого оружия и хозяйственных орудий, обычно редких в погребениях, украшения и др. Богатством отличаются также погребения из горной полосы.

В первой половине I тыс. до н. э. экономическое состояние Колхиды, по-видимому, было довольно прочным. Хорошо организованное сельское хозяйство было основой благосостояния страны. В этот период, по-видимому, наряду с мотыжным хозяйством начинается широкое распространение плужного земледелия, наблюдаются большие сдвиги в земледелии и значительно возрастает производительность труда.

³³⁹ Микеладзе Т. К., Барамидзе М. В. О некоторых итогах полевых исследований в Колхидской низменности в зонах новостроек. — АИНГ, 1976, с. 99.

³⁴⁰ Микеладзе Т. К., Мусхелишвили Д. Л., Хачуташвили Д. А. Итоги полевых исследований Колхидской археологической экспедиции. — ПАИ в 1977 г. Тбилиси, 1980, с. 36.

³⁴¹ Очерки истории Грузии, т. I, с. 268 (на груз. яз.).

³⁴² Микеладзе Т. К., Мусхелишвили Д. Л., Хачуташвили Д. А. Указ. соч., с. 37.

³⁴³ Трапш М. М. Указ. соч., с. 13.

Очевидно, в этот период в низменной и горной частях Колхиды повышается также и роль скотоводства в хозяйстве. Крупный рогатый скот широко применяется в земледелии как тяговая сила. Основной отраслью хозяйства в горных районах является скотоводство, однако в это время происходит сближение горных и низменных областей, чему, по всей вероятности, способствовало развитие коневодства. В этот период в колхидской культуре появляются предметы конского снаряжения — удила, псалии, бляхи и др.

Экономическую мощь Колхиды во многом обуславливал высокий уровень металлургии бронзы и железа. Мастера-ремесленники, в первую очередь металлурги, в этот период становятся ведущими членами общества. Тесная связь и начавшаяся конкуренция между этими двумя отраслями металлургии содействовали наивысшему подъему техники обработки бронзы. Мастер создает великолепные предметы из бронзы. Достаточно указать на колхидский топор, каждый тип которого отличается изяществом, утонченной формой, легкостью и т. д. Однако мастер не ограничивался лишь формой изделия и особое внимание уделял внешнему украшению предмета. Складывается своеобразный стиль графического декора. Несмотря на то, что украшение бронзового предмета было довольно сложным делом, мастер, не жалея на это времени, проявляет удивительную фантазию при разработке декора. Форма и декор предмета безусловно соответствовали потребностям общества, указывая на художественное мастерство и тонкий вкус мастера. Следует отметить, что население как низменной, так и горной частей Колхиды одинаково стремится к созданию красивых предметов и в обеих областях распространяются, в основном, изделия одного типа, украшенные одинаковым орнаментом. В первой половине I тысячелетия до н. э. в Колхиде возникло экономически довольно мощное общество.

В этот период интенсивно идет процесс сближения горных и низменных областей Колхиды, что также нашло свое отражение в культуре. В VIII—VII вв. до н. э. в период широкого освоения железа характер культуры не претерпел особых изменений, однако постепенно стирается грань между локальными особенностями, колхидская культура становится более однородной и охватывает довольно большую территорию. В этот период, очевидно, уже существовало крупное объединение западнотурецких племен. Тесные связи горной и низменной областей способствовали созданию более мощной экономической базы племен—носителей колхидской культуры, вследствие чего последовали определенные изменения в обществе. В юго-западной части Колхиды раньше, чем в других областях, сложились условия для окончательного разложения первобытнообщинного строя. Здесь, так же как в период бронзовой индустрии, существовали благоприятные условия для развития металлургии железа, которые сыграли значительную роль в развитии общества. В южной части Колхиды возникает сильная политическая единица, которая уже характеризуется определенными чертами раннеклассового государства. Сложившаяся здесь обстановка нашла отражение в письменных источниках³⁴⁴. К концу VIII и началу VII в. до н. э. наступает период постепенного заката многовековой истории колхидской культуры, на основе которой впоследствии, к середине I тыс. до н. э., сложилось Колхидское царство³⁴⁵.

§ 2. ВОСТОЧНАЯ ГРУЗИЯ В ЭПОХУ ПОЗДНЕЙ БРОНЗЫ И РАННЕГО ЖЕЛЕЗА

Археологическое изучение памятников эпохи поздней бронзы и раннего железа в Восточной Грузии, как и во всем Центральном Закавказье, началось в конце XIX столетия. Это связано с подготовительными работами к V археологическому съезду, который состоялся в Тифлисе в 1881 г. Были начаты систематические археологические

³⁴⁴ М е л и к и ш в и л и Г. А. К истории древней Грузии. Тбилиси, 1959, с. 218.

³⁴⁵ Там же, с. 236.

раскопки на могильниках Самтавро, Редкин лагерь и т. д. Результаты этих работ вызвали определенный интерес к кавказским древностям. Ф.Байерн, Ж. Морган, А. А. Бобринский, Н. Я. Марр, Е.С.Такаишвили провели раскопки на многих памятниках, собран первоклассный археологический материал, появились первые публикации³⁴⁶. Но, к сожалению, в начале XIX века этот интерес угас и раскопки древностей интересующего нас периода практически приостановились.

Планомерное научное археологическое изучение памятников эпохи поздней бронзы и раннего железа в Восточной Грузии началось с 20-х гг. нашего столетия. Оно связано с именем известного грузинского археолога Г. К. Ниорадзе. Его работы заложили основу научного изучения памятников рассматриваемого периода³⁴⁷. На более высокую ступень археологические исследования в Восточной Грузии поднялись уже в 30-х гг., когда на Самтаврском могильнике начала работать стационарная Мцхетская археологическая экспедиция, основанная И. А. Джавахишвили. Первые сотрудники этой экспедиции — А. Н. Каландадзе, Г. А. Ломтатидзе и М. Апакидзе³⁴⁸, заложили научный фундамент изучения памятников эпохи поздней бронзы и железа, создали первую научно обоснованную хронологическую схему. Впервые стал широко интерпретироваться генезис материальной культуры, сделаны попытки выделения отдельных культур и т. д.

В этот же период в фундаментальном труде А. А. Иессена глубоко и всесторонне исследованы кардинальные вопросы древней истории Кавказа по археологическим памятникам эпохи поздней бронзы и железа³⁴⁹.

В конце 30-х гг. Б. А. Куфтин по триалетским материалам предложил хронологическую схему материальной культуры всего Центрального Кавказа эпохи бронзы и железа. Им же выделены отдельные культуры и изучен их генезис³⁵⁰.

Таким образом, накопленный к 50-м гг. обширный археологический материал дал возможность составить определенное представление о древней истории Центрального Закавказья. Появились очерки, в которых подведены итоги археологического изучения всего Кавказа, в частности Грузии³⁵¹.

---

³⁴⁶ Б а й е р н Ф. О древних сооружениях на Кавказе. — Сборник сведений о Кавказе. Тифлис, 1871, т. I; В а у е р н F. Redkin Lager. — ZE, Berlin, 1882; В а у е р н F. Untersuchungen über die ältesten gräber und Schatzfunde in Kaukasien Herausgegeben und mit einem Vorwort versehen von Virchow R. ZE. Supplement. Berlin, 1885; В ы р у б о в В. Предметы древности в хранилище «Общества любителей кавказской археологии», вып. I. Тифлис, 1877; Б о б р и н с к и й А. А. ОАК за 1891 г. (раскопки у Дилижана); М а р р Н. Я. ОАК за 1894 г.; Т а к а и ш в и л и Е. С. ОАК за 1894 г.

³⁴⁷ Н и о р а д з е Г. К. Погребение из Земо-Авчала. — ВГМГ, VI. Тбилиси, 1931 (на груз. яз.); N i o r a d z e G. Den Verwahrfund von Kvemo-Sasirethi (Georgian, Rayon Kaspi), ESA, VII, Helsinki, VII, 1932; Ниорадзе Г. К. Могильник «Стекольного завода». — ПИДО, № 3. М — Л, 1934.

³⁴⁸ К а л а н д а д з е А. М. Предварительный краткий отчет полевых работ северного отряда Мцхета-Самтаврской археологической экспедиции 1938 — 1939 гг. Тбилиси, 1940 (рукопись, на груз. яз.); Л о м т а т и д з е Г. А. Предварительный краткий отчет полевых работ северного отряда Мцхета-Самтаврской археологической экспедиции, 1940. Тбилиси, 1943. (рукопись на груз. яз.); А п а к и д з е А. М. Археологические памятники Бакурцихе (канд. дис.). Тбилиси, 1940 (хранится в библиотеке ТГУ); Ломтатидзе Г. А. Бронзовые кинжалы и мечи из древнейших погребений Самтаврского могильника. Тбилиси, 1974.

³⁴⁹ И е с с е н А. А. К вопросу о древнейшей металлургии меди на Кавказе. — Известия ГАИМК, вып. 120. М. — Л., 1935; его же. Древнейшая металлургия Кавказа и ее роль в Передней Азии. — III Международный конгресс по иранскому искусству и археологии. М. — Л., 1939.

³⁵⁰ К у ф т и н Б. А. Археологические раскопки в Триалети. Тбилиси, 1941; его же. К вопросу о древнейших корнях грузинской культуры на Кавказе по данным археологии. — ВГМГ, т. XII—Б. Тбилиси, 1944; его же.

Археологическая маршрутная экспедиция 1945 года в Юго-Осетию и Имеретию. Тбилиси, 1949.

³⁵¹ П и о т р о в с к и й Б. Б. Археологическое изучение древнейшего Закавказья. — СА, 1947, № 9; его же. Археология Закавказья. Л., 1949; его же. Развитие скотоводства в древнейшем Закавказье. — СА, XXIII. М., 1955; Г о б е д ж и ш в и л и Г. Ф. Археологические раскопки в Советской Грузии. Тбилиси, 1952 (на груз. яз.); Л о м т а т и д з е Г. А. Очерки по археологии Грузии. Тбилиси, 1952 (на груз. яз.); Археология Грузии. Тбилиси, 1959 (на груз. яз.); Л е м л е й н Г. Г. Каменные бусы Самтаврского некрополя. — МИГК, Тбилиси, 1951, с. 29; К о р и д з е Д. Л. Археологические памятники Тбилиси. Тбилиси, 1955;

Но наибольших успехов изучение памятников эпохи поздней бронзы и железа в Восточной Грузии достигло после 60-х гг., когда археологические исследования, в основном, стали проводиться в связи с социалистическими новостройками края. Накоплен и издан огромный материал³⁵². Вслед за научной интерпретацией материалов потребовалось внести значительные коррективы в ранее полученные выводы как в хронологии и периодизации, так и в генезисе материальной культуры, и т. д.³⁵³ Назрела необходимость выделения новых этапов развития материальной культуры, а это, со своей стороны, потребовало значительно изменить хронологическую схему, в частности, выделить переходные ступени между разными хронологическими этапами, которые ранее не связывались между собой, и т. д.

Изучение материальной культуры эпохи поздней бронзы и железа позволило установить непрерывное развитие местной культуры и выявить древнейшие корни местных племен. Стало возможным связать локальные варианты этой культуры с этническими группами конца II и начала I тыс. до н. э. и т. д.

Таким образом, широкие археологические исследования последнего времени позволили составить определенное представление о многих проблемах древнейшей истории Восточной Грузии.

Для восстановления истории племен Восточной Грузии в эпоху поздней бронзы и раннего железа прежде всего необходимо выяснить, где и как они жили, как производили предметы своего быта и др., т. е. необходимо изучить весь цикл человеческой жизни. С этой целью исследованы многочисленные жилища, мастерские, святилища, могильники, оставленные древнейшими обитателями Восточной Грузии. В процессе изучения этих памятников выяснен характер и уровень развития земледелия, скотоводства, домашних ремесел, металлургического производства, литейного и гончарного дел и др.

Наиболее важное значение имеют результаты изучения поселений. Долгое время в Закавказье археологические изыскания страдали известной односторонностью, изучались главным образом могильники эпохи поздней бронзы и железа. В настоящее время положение существенно изменилось. Открыто большое количество естественных холмов-поселений с искусственно измененными профилями (выровненные вершины террасы, оборонительные рвы, земляные валы и др.), содержащих культурные слои, часть из которых исследована археологически.

Судя по большому количеству поселений и могильников (часто не связанных между собой), можно считать, что в эпоху поздней бронзы и раннего железа Восточная Грузия была заселена довольно плотно. Поселения всегда создавались в соответствии с

Ч у б и н и ш в и л и Т. Н. Древнейшие археологические памятники Мцхета. Тбилиси, 1957 (на груз. яз.); Т е х о в Б. В. Позднебронзовая культура Лиахвского бассейна. Сталинири, 1957; А б р а м и ш в и л и Р. М. К вопросу о датировке памятников эпохи поздней бронзы и широкого освоения железа, обнаруженных на Самтаврском могильнике. — ВГМГ, т. XIX—А и XXI—В, 1957 (на груз. яз.); А б р а м и ш в и л и Р. М. К вопросу об освоении железа на территории Восточной Грузии. — ВГМГ, т. XXIII—В. Тбилиси, 1961 (на груз. яз.).

³⁵² МДГК, т. I—VII. Тбилиси, 1955—1979; ТКАЭ, т. I—VII. Тбилиси, 1969—1184; ВГМГ, т. I—XXXVI.

Тбилиси, 1925—1982; ПАИ, Тбилиси, 1974—1984; АИНГ. Тбилиси, 1976—1982; Археологические открытия. М., 1968—1986; Сборник: Тбилиси (Археологические памятники). Тбилиси, 1978;

Х а х у т а и ш в и л и Д. А. Уплисцихе, I. Тбилиси, 1964; II, Тбилиси, 1970 (на груз. яз.);

Б а р а м и д з е М. В. Каспский могильник. — МАГК, т. IV. Тбилиси, 1965; П и ц х е л а у р и К. Н. Древняя культура племен Иоро-Алазанского бассейна. Тбилиси, 1965 (на груз. яз.); М е н а б д е М.,

Д а в л и а н и д з е Ц. Могильники Триалети. Тбилиси, 1972 (на груз. яз.); А в а л и ш в и л и

Г. Б. Квемо-Картли в первой половине I тыс. до н. э. Тбилиси, 1974 (на груз. яз.) П и ц х е л а у р и К. Н.

Основные проблемы истории племен Восточной Грузии в XV—VII вв. до н. э. Тбилиси, 1973 (на груз. яз.);

Т е х о в Б. В. Центральный Кавказ в XVI—X вв. до н. э. М., 1977; К а л а н д а д з е А. Н. Самтавро.

Археологические памятники доантичной эпохи Мцхета. Мцхета IV. Тбилиси, 1980; Мцхета V. Итоги археологических исследований, Тбилиси, 1981; Т е х о в Б. В. Глийский могильник, т. I. Тбилиси, 1980; т. II. Тбилиси, 1981; т. III. Тбилиси, 1985 и т. д.; его же. Центральный Кавказ в XVI—X вв. до н. э. М., 1977.

³⁵³ П и ц х е л а у р и К. Н. Основные проблемы истории племен Восточной Грузии в XV—VII вв. до н. э. Тбилиси, 1973 (на груз. яз.).

учетом окружающей среды. Например, в южной части Восточной Грузии, в частности в Квемо-Картли,³⁵⁴ преобладают циклопические или просто каменные сооружения. В Шида-Картли и Кахети, где население в эпоху поздней бронзы селилось на холмах, террасах или широких равнинах, создавались, главным образом, земляные оборонительные сооружения, хотя в некоторых из них встречаются и оборонительные стены из камня и сырцового кирпича.

Топография поселений в эпоху поздней бронзы и раннего железа в разных микрорайонах Восточной Грузии не одинакова.

Например, в Гаре- (Внешней) Кахети поселения эпохи ранней и средней бронзы, а также ступени эпохи поздней бронзы не укреплены и расположены на склонах гор. Но памятники конца II и первой половины I тыс. до н. э., хотя и встречаются в зоне распространения ранних поселений, чаще всего расположены на невысоких холмах и количественно значительно превосходят более ранние памятники. Иногда холм настолько мал, что на нем невозможно построить более одного или двух помещений.

В Шида-Картли иная картина — на холмах расположены поселения равней бронзы и всех этапов эпохи поздней бронзы, культурные слои эпохи средней бронзы здесь, как правило, отсутствуют. Но на равнине в нижнем течении р. Алазани искусственные холмы содержат все культурные слои, начиная от конца IV тыс. до н. э. вплоть до середины I тыс. до н. э. Объясняют такое разнообразие причинами хозяйственного, социального и политического характера одновременно³⁵⁵.

Строительная техника в отдельных микрорайонах Восточной Грузии также отличается разнообразием.

Для Шида-Картли в эпоху поздней бронзы характерны четырехугольные в плане полуземлянки. Задние стены зданий, углубленные в землю, возводились из рваного камня. Каменными были и части боковых стен, уходивших в землю. Перекрытие, очевидно, было плоским. Пол часто вымощен плоскими камнями. Жилые помещения, в основном, однокомнатные. На поселениях эпохи поздней бронзы и железа, по всей территории Шида-Картли, мы встречаем одинаковые печи для выпечки хлеба. Это безусловно является одним из показателей единства населения данной территории в эпоху поздней бронзы и железа. Значителен и тот факт, что во всех помещениях подобных селищ однотипные печи и «жертвенники» всегда расположены в одних и тех же углах.

Жилища эпохи поздней бронзы и железа в Гаре-Кахети были наземными, поэтому они сохранились хуже, чем шида-картлийские. Здесь обнаружены фундаменты небольших четырехугольных помещений из булыжника, выложенного на грязевом растворе. Стены, вероятно, строились из сырца или плетенки, обмазанной глиной. Перекрытие, очевидно, было плоским. В Гаре-Кахети ни разу не обнаружены характерные для Шида-Картли печи для выпечки хлеба. Но здесь широко распространены использовавшиеся для этой цели круглые ямы — «торне», обмазанные глиняным раствором.

---

³⁵⁴ М у с х е л и ш в и л и Д. Л. Результаты полевых работ историко-географической экспедиции Квемо-Картли (1956—1958 гг.). — СИП, т. I. Тбилиси, 1960 (на груз. яз.); Г р и г о л и я Г. К., Т а т и ш в и л и Т. И. Древнейшие памятники Квемо-Картли. — Там же; Ц к и т и ш в и л и Г. Г. Цопи (историко-географический очерк). — Там же; Б е р д з е н и ш в и л и Д. К. Историко-географические вопросы Болниса. — СИГГ, т. II. Тбилиси 1964 (на груз. яз.); Ч у б и н и ш в и л и Т. Н. Итоги полевых работ Месхет-Джавახетской археологической экспедиции за 1964 г. — ОСПАИ—XIII. Тбилиси, 1965; К у ф т и н Б. А. Археологические раскопки в Триалети. Тбилиси, 1941.

³⁵⁵ П и ц х е л а у р и К. Н. Основные проблемы..., Тбилиси, 1973; М у с х е л и ш и л и Д. Л., Ц к и т и ш в и л и Г. Г. Итоги разведывательной экспедиции 1955 г. в Шида-Картли. — СИГГ, т. I. Тбилиси, 1960 (на груз. яз.); К и к в и д з е Я. А. Орошение в древней Грузии. Тбилиси, 1963 (на груз. яз.); его же. Земледелие и земледельческий культ в древней Грузии. Тбилиси, 1976 (на груз. яз.).

На поселениях Гаре-Кахети, в отличие от шида-картлийских, не встречаются хозяйственные постройки. Строения и ямы такого назначения на поселениях находятся за пределами оборонительных рвов.

На поселениях Иоро-Алазанского бассейна зафиксированы крепостные глинобитные стены на каменном фундаменте мощностью до 3 метров, а также каменные стены с контрфорсами.

Этим исчерпываются наши знания о поселениях эпохи и поздней бронзы и железа в Восточной Грузии.

Как известно, наиболее консервативными являются обычаи, связанные с культом покойников. Исследования подтверждают, что для определенного круга населения в различные периоды характерны разные виды конструкций погребальных сооружений и разные погребальные обряды. Эти особенности можно использовать при решении таких важных исторических проблем, как происхождение археологических культур и их локальных вариантов, этногенеза их носителей и др.³⁵⁶. Материалы погребений дают возможность изучения духовной жизни человека и т. д.

В Восточной Грузии обнаружено около ста могильников эпохи поздней бронзы и раннего железа, представленных исключительно грунтовыми погребениями. Каменные ящики абсолютно не характерны для Восточной Грузии в эту эпоху. Пока они найдены лишь в пограничных районах материальной культуры, распространенной тогда на территории Восточной Грузии, точнее, на 8 могильниках — Гантиади, Дманиси, Бешташени, Чаирлари (Триалети), Маднисчала, Цопи, Санта (местечко Маралин Дереси) и Цинцаро. Памятники Квемо-Картли по типу погребений близки к памятникам Армении, где каменные ящики представляли собой наиболее распространенный тип погребальных сооружений³⁵⁷.

Лишь в виде исключения каменные ящики встречаются и во внутренних районах исследуемого края, в частности на Самтаврском могильнике.

Курганы с земляной или каменной насыпью в Восточной Грузии зафиксированы с эпохи ранней бронзы и широко распространяются с III тыс. до н. э. Этот тип захоронения характерен и для первой половины II тыс. до н. э. Грунтовых погребений этого времени известно немного.

В Восточной Грузии курганные погребения широко распространены и на ранней ступени эпохи поздней бронзы. В этом регионе позже, в эпоху раннего железа, в курганах изредка хоронили лишь знатных членов общества (Дигоми, Самтавро).

Начиная с раннего этапа эпохи поздней бронзы на могильниках Восточной Грузии преобладают грунтовые погребения. В эту эпоху над грунтовыми могилами часто возводятся небольшие каменные насыпи — отголоски прежних традиций³⁵⁸.

Таким образом, четко прослеживается генетическая связь между конструкциями погребений эпохи ранней, средней и поздней бронзы.

Для северных, окраинных районов Восточной Грузии характерны типы погребений. В горных районах современной Южной Осетии, например, в эпоху поздней бронзы были распространены каменные ящики, перекрытые каменными плитами; гробницы, сложенные сухой кладкой, погребения с каменными насыпями. Эти погребения часто являлись коллективными, костяки в них лежат на боку с согнутыми конечностями или на спине в вытянутом положении. Последний тип захоронения характерен и для территории Северного Кавказа того же периода³⁵⁹. Примечательно, что

³⁵⁶ К р у п н о в Е. И. Древняя история Северного Кавказа. М., 1960, с. 178—179, 244; А р т а м о н о в М. И. Вопросы истории скифов в советской науке. — ВДИ, 1957, №3.

³⁵⁷ М а р т и р о с я н А. А. Поселения и могильники... Ереван, 1969, с.48.

³⁵⁸ Ч у б и н и ш в и л и Т. Н. Древнейшие археологические памятники Мцхета, Тбилиси, 1957 (на груз. яз.).

³⁵⁹ Т е х о в Б. В. Позднебронзовая культура... Сталинири. 1957, с. 52; Д о л б е ж о в Ю. И. Отчет о раскопках в Горийском уезде близ с. Тли, Охудзия и Даргии. — ОАК за 1880 г. Спб., 1893, с. 105, 106;

материальная культура северных районов Восточной Грузии отличается от собственно восточногрузинской и некоторыми элементами сближается с западной, северной или северо-восточной кавказскими культурами³⁶⁰. В северной части Кахети у подножья Большого Кавказского хребта обнаружены погребения, конструктивно и по инвентарю сближающиеся с северо-восточнокавказскими³⁶¹.

Характерные для Восточной Грузии грунтовые погребения представляют собой захоронения в ямах, имеющих четырехугольную форму, иногда с закругленными углами; глубина достигает 1 м, ширина — 1 м, длина — 2 м, стены могилы отвесные.

В конструкциях грунтовых погребений встречаются незначительные различия. Некоторые из них очень редко перекрыты не бревнами, а каменными плитами. Другие могилы обложены камнями в виде кругов. Иногда в грунтовых погребениях прослеживаются следы деревянных конструкции облицовки стен деревом³⁶². Использование в погребениях деревянных конструкций было известно в Восточной Грузии с III тыс. до н. э.³⁶³ Но эта традиция широкого распространения не получила.

Изредка в могильниках эпохи поздней бронзы и раннего железа встречаются синхронные погребения разного типа, например, грунтовые погребения и каменные ящики. По-видимому, это связано с расположением данных могильников в пограничных районах с теми культурами, для которых характерны обряды захоронения в каменных ящиках; к тому же Триалети и Квемо-Картли представляли собой прекрасные пастбища, куда с древнейших времен устремлялись жители других районов, и нет ничего удивительного в том, что здесь происходило слияние различных культур.

Но существование на одном могильнике погребений разных типов можно объяснить также сменой материальных культур, указанием на имущественное неравенство и т. д.

Если в эпоху средней бронзы в погребениях Восточной Грузии предположительно существовал обряд трупосожжения, то в эпоху поздней бронзы уже господствует обряд трупоположения. О пережитках кремации, возможно, свидетельствуют остатки золы или следы кострищ в некоторых погребениях и др.

В Восточной Грузии в эпоху поздней бронзы и раннего железа покойников хоронили на левом (женщин) или на правом (мужчин) боку с согнутыми конечностями. Иногда для стабилизации позы вокруг покойника укладывали камни. В редких случаях предполагают захоронения в сидячей позе, но аргументы в пользу этого пока недостаточны³⁶⁴.

Зафиксировано около двадцати случаев погребения покойников на деревянных ложах на четырех ножках высотой 0,60—0,70 м от пола могильной ямы. В яму, вернее на ее дно, в первую очередь укладывали весь погребальный инвентарь, включая целые туши закланных животных, и только после этого устанавливали деревянное ложе на четырех ножках, на котором в скорченном положении лежал покойник. Погребение покойника на

У в а р о в а П. С. Могильники Северного Кавказа. — МАК, VIII, М., 1900, с. 2; К р у г л о в А. П. Северо-Восточный Кавказ во II—I тыс. до н. э. — МИА, 68. М., 1958, с. 52—57.

³⁶⁰ Т е х о в Б. В. Могильники эпохи поздней бронзы. — СА, 1960, № 1, с. 162—178; Т е х о в Б. В. Раскопки Тлийского могильника в 1960 г. — СА, 1963, № 1, с. 162—178.

³⁶¹ Пицхелаури К. Н. Итоги исследования памятников эпохи поздней бронзы—раннего железа. — ТКАЭ, I. Тбилиси, 1969, с. 89—95.

³⁶² Т у ш и ш в и л и Н. Н. Маднисчальский могильник. Тбилиси, 1972, с. 65—66 (на груз. яз.); А б р а м и ш в и л и Р. М., Б о х о ч а д з е А. В. К в и ж и н а д з е К. Д., М и р ц х у л а в а Г. И., Н и к о л а й ш в и л и В. В., Р а м и ш в и л и А. Т. Исследования в Дигомском ущелье. — Археологические открытия 1970 г. М., 1971, с. 69; Археология Грузии. Тбилиси, 1959, с. 92 (на груз. яз.).

³⁶³ Г о б е д ж и ш в и л и Г. Ф. Беденская гробница. — Дзеглис мегобари, 1967, № 12 (на груз. яз.); Д е д а б р и ш в и л и Ш. Ш. Курганы Алазанской долины. — ТКАЭ, II. Тбилиси, 1979.

³⁶⁴ Н и о р а д з е Г. К. Погребение из Земо-Авчала. — ВГМГ, VI. Тбилиси, 1931 (на груз. яз.); К а л а н д а д з е А. Н. Конструкция погребений и погребальный обряд на древнем могильнике Самтавро. Тбилиси, 1947 (рукопись, на груз. яз.).

деревянном ложе в Закавказье зафиксировано с первой половины II тыс. до н. э.³⁶⁵ Эта традиция в Грузии сохранялась долго, до первых веков н. э.³⁶⁶

Погребение на спине, в вытянутом положении засвидетельствовано в Восточной Грузии в эпоху поздней бронзы и железа только на двух могильниках — Мцхета и Каспи. Этот обряд захоронения характерен для скифов и других северных народов, в Закавказье же в рассматриваемый период он представляет собой исключительно редкое явление. В могильниках Восточной Грузии эпохи поздней бронзы и раннего железа встречаются и памятные погребения без человеческих костяков — кенотафы.

Обычно в могильниках эпохи поздней бронзы и железа в Восточной Грузии преобладают индивидуальные захоронения, но изредка встречаются и коллективные.

Ориентация покойников в погребениях эпохи поздней бронзы и раннего железа не подчиняется строгим закономерностям, однако в Восточной Грузии ориентировка большинства погребенных колеблется между западом и севером на всем протяжении эпохи бронзы.

В эпоху поздней бронзы и раннего железа покойников в большинстве случаев укладывали в центральной части погребения. Сопровождающий инвентарь обычно клали в изголовье, в область груди, а иногда вокруг покойника и реже — в несколько ярусов. Изредка в погребениях попадались зернотерки (у изголовья); известны случаи, когда покойник лежал на молотильной доске³⁶⁷.

Почти во всех погребениях эпохи поздней бронзы и раннего железа на территории Восточной Грузии найдены кости животных. Известны находки целых костяков мелкого и крупного рогатого скота, отдельных черепов и конечностей, иногда — того и другого.

В некоторых случаях наряду с костями домашних животных встречаются и кости диких. На Самтаврском могильнике, например, были обнаружены кости овцы, козы, свиньи, кабана, крупного рогатого скота, лошади, зайца, оленя, птиц и др. Известны находки костей собак и рыбы.

Могильники эпохи поздней бронзы и раннего железа располагаются преимущественно на ровных местах, примерно на расстоянии 200—300 м от поселения. Часто могильники тянутся вдоль берегов речек и в течение долгого времени (нескольких веков) занимают строго ограниченную территорию.

Очевидно, после погребения совершались различные ритуалы, ибо, как правило, на перекрытии погребений захоронены глиняные сосуды, аналогичные сосудам из погребений и одновременные с ними³⁶⁸.

Итак, на основании археологического материала, связанного с обрядом погребений, можно проследить целый ряд обычаев населения эпохи поздней бронзы и раннего железа. Эти данные позволяют восстановить представления человека того времени о «потусторонней жизни». Укладывая в могилу вместе с покойником многочисленные предметы домашнего обихода, оружие, пищу и т. п., люди верили в продолжение жизни в загробном мире, где все это столь же необходимо, как при жизни.

Как мы увидим ниже, именно погребальный инвентарь представляет собой ценнейший материал для исследования хронологии и выделения локальных групп материальной культуры. Типы и обряды погребений оказывают определенную помощь и

---

³⁶⁵ Х а ч а т р я н Т. С. Материальная культура древнего Артика. Ереван, 1963.

³⁶⁶ Г а г о ш и д з е Ю. Памятники эллинистического времени из Самадло, — ВГМГ, т. XXVII—В, Тбилиси, 1967, с. 71, 72, 75 (на груз. яз. с рес.резюме); А п а к и д з е А. М., Г о б е д ж и ш в и л и Г. Ф., К а л а н д а д з е А. Н., Л о м т а т и д з е Г. А. Мцхета I. Тбилиси, 1958, с. 40, 43, 67, 90, 91.

³⁶⁷ Ч у б и н и ш в и л и Т. Н. Погребение покойника на молотильной доске на Самтаврском могильнике. — САНГ, т. XIII, №1. Тбилиси, 1951 (на груз. яз.)

³⁶⁸ Ч у б и н и ш в и л и Т. Н. Древнейшие грунтовые погребения Самтаврского могильника. — КСИИМК, вып. 46. М., 1952; А в а л и ш в и л и Г. Б., С а н е б л и д з е О. Г. Археологические раскопки... 1967; А б р а м и ш в и л и , Р. М. Археологические раскопки в Лагодехском районе. ОСИИАЭ и ГКМ, I. Тбилиси, 1965 (на груз. яз.).

в изучении таких кардинальных вопросов, как генезис материальной культуры, установление границ расселения родственных племен и др.

Материалы могильников являются ценным источником для исследования социально-экономических вопросов, они позволяют судить об уровне развития скотоводства, земледелия и различных отраслей домашнего ремесла, о социальной и имущественной дифференциации внутри общества и т. д.

В могильниках так четко выделяются и датируются культурные слои соответствующих им поселений, что, даже не располагая материалами последних, можно составить предварительное мнение о топографии поселений, интенсивности их культурных слоев, хронологии и многом другом.

С начала эпохи поздней бронзы за счет внедрения новых методов изготовления продукции на более высокую ступень развития поднимаются ремесла. Делается огромный скачок в увеличении качества и количества продукции.

Изучение металлургии на том или ином этапе ее развития только на основании литейной продукции без учета всего цикла производства было бы односторонним. Однако долгое время исследователи были вынуждены изучать металлургию Восточной Грузии в эпоху поздней бронзы именно по материалам ее продукции, поскольку в этой части Грузии найдены лишь единичные литейные формы, да и то не на месте производства, а в культовых местах³⁶⁹ или на поселениях³⁷⁰. Кроме того, известно одно погребение ремесленника³⁷¹.

На сегодня в Восточной Грузии открыта лишь одна металлообрабатывающая мастерская эпохи поздней бронзы в с. Цагвери³⁷².

В последующее время на территории Восточной Грузии не встречалось больше мастерских столь раннего времени. Естественно, что на основании таких скудных данных почти невозможно составить более или менее удовлетворительное представление о самом производстве. В связи с этим чрезвычайно важное значение приобретает выявление в Квемо-Кеди (Цител-Цкаройский район) мастерской, правда гораздо более поздней, чем цагверская. Несмотря на то, что нами исследована лишь небольшая часть мастерской, можно уже более убедительно говорить о высоком уровне развития металлургического производства в Восточной Грузии в первой половине I тыс. до н. э.

Указанные комплексы различны по планировке и по количеству связанных между собой помещений. Однако все вспомогательные помещения связаны с центральным, где располагались печи, от которых сохранились днища и часть сводчатых оштукатуренных стен³⁷³.

Обнаруженные на днищах печей обломки тиглей³⁷⁴ с приставшим тонким слоем бронзы указывают на их назначение.

В результате расколов обнаружено большое количество предметов разного назначения, часть из которых бесспорно свидетельствует о металлургическом производстве — многочисленные известняковые туфогенопесчаниковые камни с

³⁶⁹ Г о б е д ж и ш в и л и Г. Ф. Холм Нацар-Гора близ г. Сталинири.— Мимомхилвели, т. П. Тбилиси, 1951, с. 254—265, табл. XVI₂, XVII₃; (на груз.яз.); Г о б е д ж и ш в и л и Г. Ф. Археологические раскопки в Советской Грузии. Тбилиси, 1952, с. 94, табл. XXXII₂ (на груз. яз.).

³⁷⁰ Археология Грузии. Тбилиси, 1959, с. 218, табл. XIX (на груз. яз.)

³⁷¹ А в а л и ш в и л и Г. Б. С а н е б л и д з е О. Г. Археологические раскопки. — Мацне, 1967, №4; А в а л и ш в и л и Г. Б. Древний очаг металлургии в Квемо-Картли. — САНГ. Тбилиси, 1968, I, №2, с.506—509.

³⁷² Древности. — Труды Московского археологического общества, XXIV.М., 1914, с. 301; И е с с е н А. А. К вопросу о древнейшей металлургии меди на Кавказе. — Известия ГАИМК, вып. 120, М.—Л. 1935, с. 140—141; Н и о р а д з е Г. К. Археологические разведки в ущелье р. Куры. — ВГМГ, т. XIII—В. Тбилиси, 1944, с. 174—178 (на груз. яз.).

³⁷³ П и ц х е л а у р и К. Н. Основные проблемы истории... Тбилиси, 1973, табл. XI (II).

³⁷⁴ Там же, табл. XIV₁.

тщательно отполированными боками или обитые пояском круглые камни для растирания руды; глиняные литейные формы, подставки различных форм; обломки муфеля и т. д.

На территории квемокедской мастерской осуществлялось несколько технологических процессов, в частности получение металла из технически обогащенной руды, а также изготовление и литье металлических предметов. По-видимому, производство снабжалось местным топливом, водой и глиной. Наиболее острым является вопрос о снабжении мастерской производственным сырьем. В настоящее время общепринято мнение, что олово, один из главных компонентов бронзы, привозилось в Закавказье из других стран. Из-за отсутствия в Шираки и его окрестностях местных руд, очевидно, и медная руда привозилась из других районов.

Древние меднорудные выработки в Восточной Грузии еще недостаточно изучены, однако уже сейчас можно предполагать, что обогащенные руды привозились в Квемо-Кеди не издалека. Вполне возможно, что их доставляли с южных склонов Кавказского хребта. Планируемые широкие разведочные работы в зоне меднорудных месторождений данного района помогут разрешить эту важную задачу³⁷⁵. По керамическому материалу, найденному в Квемо-Кеди, мастерская эта датируется серединой I тыс. до н. э.³⁷⁶

Много общего имеет с квемокедской металлургической мастерской мастерская на холме Мецамор в Армении³⁷⁷. Для четкого представления уровня развития металлургического производства в том или ином районе, о взаимоотношениях с разными странами, о местном или привозном характере готовых изделий и т. д. важно восстановить процесс литья и провести химический анализ готовой продукции.

В этой области в Грузии проведены работы большого масштаба³⁷⁸.

В настоящее время можно считать установленным, что в эпоху поздней бронзы в Картли, Месхети и Кахети употреблялась преимущественно оловянистая бронза, реже — мышьяковистая. В окрестностях Тбилиси и Триалети употребляли как оловянистую, так и мышьяковистую бронзу. В северной полосе Шида-Картли (территория современной Южной Осетии), где особенно развита бронзовая металлургия, употреблялся наиболее чистый сплав меди с оловом и гораздо реже мышьяковистая медь³⁷⁹.

Несмотря на скудость данных, можно все же говорить о том, что в эпоху поздней бронзы и раннего железа литье бронзовых предметов в Восточной Грузии производилось как в односторчатых, так и в двусторчатых формах. Для их изготовления употреблялись глина, камень и металл. В это время была широко распространена и техника литья по восковой модели методом утрачивания формы.

В эпоху поздней бронзы и раннего железа, на основе высокоразвитого металлообрабатывающего производства, в отдельных регионах Восточной Грузии в огромном количестве изготавливается отличная друг от друга бронзовая продукция. Это так называемые кахетские мечи и кинжалы, центральнозакавказские и колхидские топоры, щиты, копья разных форм, листовидные кинжалы, наконечники стрел разных видов, огромное количество украшений и т. д.

³⁷⁵ М а й с у р а д з е В. Г. И н а н и ш в и л и Г. В. Памятники производства бронзы в зоне кахетской меднорудной области.—Мацне, 1984, №3.

³⁷⁶ П и ц х е л а у р и К. Н. Основные проблемы истории... Тбилиси, 1973.

³⁷⁷ М к р т ч я н К. А., А й в а з я н С. М. Мецаморское древнейшее металлургическое сооружение. — Вопросы истории науки (Сборник статей Закавказской конференции по истории науки). Ереван, 1967, с. 248—258; Х а н з а д я н Э. В., М к р т ч я н К. А., П а р с а м я н З. С. Мецамор Ереван, 1973.

³⁷⁸ Т а в а д з е Ф. Н., С а к в а р е л и д з е Т. Н. Бронзы древней Грузии. Тбилиси, 1959; А б е с а д з е Ц. Н., Б а х т а д з е Р. А., Д в а л и Т. Н., Д ж а п а р и д з е О. М. К истории медно-бронзовой металлургии Грузии. Тбилиси, 1958 (на груз. яз.); Труды института металла и горного дела АН Грузинской ССР, т. VIII. Тбилиси, 1956; Т а в а д з е Ф. Н., С а к в а р е л и д з е Т. Н., Д в а л и И. А. Технология изготовления древних бронзовых изделий, найденных в окрестностях Тбилиси. — ВГМГ, т. XVII—А. Тбилиси, 1956 (на груз. яз.).

³⁷⁹ А б е с а д з е Ц. Н. и др. Указ. соч., с. 62, 65.

В эпоху поздней бронзы в Восточной Грузии появляются и первые железные предметы. Самые ранние из них найдены в погребении середины II тыс. до н. э., но говорить об их местном производстве пока не представляется возможным. В Восточной Грузии неизвестны мастерские интересующего нас времени для получения и обработки железа. Все мастерские, обнаруженные в Квемо-Картли, датируются не ранее феодальной эпохи, и отнесение некоторых из них к эпохе бронзы или раннего железа недопустимо.

Железное оружие (наконечники, копья, кинжалы) чаще появляется в погребениях Восточной Грузии с конца II тыс. до н. э. С начала же I тыс. до н. э. количество железных предметов настолько возрастает, что эту эпоху именуют периодом широкого освоения железа, к середине же I тыс. до н. э. бронзовое оружие полностью заменяется железным³⁸⁰.

Как известно, Восточная Грузия богата сырьем, необходимым для развития гончарного дела³⁸¹. Местное население с давних пор занималось производством керамики.

Глина широко использовалась и в эпоху поздней бронзы и раннего железа. Ее применяли для изготовления разнообразной посуды, для облицовки деревянных конструкций жилищ и вообще для строительных целей, а также для возведения печей и жертвенников. Из глины создавались многочисленные статуэтки, печати и другие обиходные предметы.

Таким образом, керамическое производство в эпоху поздней бронзы и раннего железа являлось одним из важнейших отраслей ремесла, и его продукция представляет собой один из основных компонентов определения археологических культур. Тем не менее, памятники, связанные с собственно керамическим производством, почти не изучены. В Восточной Грузии известно всего два таких памятника.

Недалеко от селения Ховле был исследован ремесленный участок гончаров³⁸², который, как предполагают, обслуживал поселение Ховле-Гора с начала I тыс. до н. э. до IV в. до н. э. На этом участке, занимавшем площадь более одного гектара, обнаружены гончарные печи трех последовательных периодов, что дало возможность проследить эволюцию типов печей в течение шести веков.

Древнейшие гончарные печи относятся к горизонтальному типу. Одна из них представляет собой помещение, наполовину углубленное в землю. При ее постройке использовался рваный камень и облицованный глиной деревянный каркас из плетенки, некогда поддерживающий свод. Для топки печи была вырыта четырехугольная яма-канал, по обеим сторонам которой на полках располагались сосуды, подготовленные для обжига. Днище печи (включая и канал) оштукатурено толстым слоем глиняного раствора, а подземные части стен выложены рваным камнем на глиняном растворе.

---

³⁸⁰ Весомый вклад в изучение этой проблемы в Грузии внес Р. М. Абрамишвили (см. его: К вопросу о датировке памятников эпохи поздней бронзы и широкого освоения железа, обнаруженных на Самтаврском могильнике. — ВГМГ, т. XIX—А, XXI—В. Тбилиси, 1957, на груз. яз., резюме на рус. яз.); К вопросу об освоении железа на территории Восточной Грузии (XIV—VI вв. до н. э.). — ВГМГ, т. XXII—В. Тбилиси, 1961 (на груз. яз., резюме на рус. яз.), хотя по этому вопросу в последующее время высказаны и другие соображения (см.: Д ж а п а р и д з е О. М. Рецензия на труд Р. М. Абрамишвили «К вопросу об освоении железа на территории Восточной Грузии». — ВГМГ, т. XXII—В, 1961; там же, т. XXII—В, 1962); А п а к и д з е А. М. Важнейшая проблема археологии Грузии. — Мацне, 1963, №12 (3) (на груз. яз.); А р е ш я н Г. Е. О раннем этапе освоения железа в Армении и на Южном Кавказе. — Историко-филологический журнал. Ереван, 1974, №2 (74); А р е ш я н Г. Е. Древнейшие центры металлургии железа в Западной Азии и Восточном Средиземноморье. — Вестник Ереванского Университета, 1974, №3.

³⁸¹ Б о ч о р и ш в и л и Л. И. Грузинская керамика, I (кахетинская). Тбилиси, 1949, с. 21 (на груз. яз.); Г о р б у н о в С. С. Глины кирпично- черепичные. — Природные ресурсы Грузинской ССР, т. II, 1959, с. 101—106.

³⁸² Х а х у т а й ш в и л и Д. А. Ремесленное производство в Ховле. Тбилиси, 1960 (рукопись на груз. яз., хранится в библиотеке ИИАЭ).

Как предполагает Д. А. Хахутайшвили, обжиг в древнейшей печи Ховле протекал следующим образом: подготовленная для обжига посуда укладывалась на полки через отверстие в своде, а канал заполнялся топливом. После этого отверстие заделывалось. Огонь разжигался в яме, расположенной в начале топочного канала, откуда он распространялся в камеру для обжига сосудов. Пока он достигал камеры, сосуды успевали согреться, что уберегало их от трещин. Получив требуемую температуру, дверцу в дымоход закрывали. В печи начинался процесс постепенного остывания, после чего отверстие в своде вскрывали и доставали готовую продукцию.

Древнейшую группу печей Ховле Д. А. Хахутайшвили датирует IX—VIII вв. до н. э., вторую — VII—VI вв. и третью — V—IV вв. до н. э.

Остатки керамической мастерской известны и в Кахети, на территории Хирского виноградарского совхоза³⁸³. Здесь на протяжении 280 м на различной глубине (от 0,25 до 2 м) при земляных работах обнаружено до 50 гончарных печей с соответствующим культурным слоем. Две из них раскопаны в центральной части участка. По конструкции и режиму работы хирские печи идентичны вышеописанной печи из Ховле³⁸⁴.

Керамика, обнаруженная в хирской печи, имеет большое сходство с глиняными изделиями квемокедской металлургической мастерской VI—V вв. до н. э. Здесь, однако, нет красноглиняной керамики, что указывает на ее более древний характер.

Основная продукция мастерской такого масштаба, вероятно, шла на продажу или обмен.

На территории Восточной Грузии известен лишь один гончарный круг из глины, найденный в III горизонте Ховле, относящийся к VI в. до н. э.³⁸⁵

Изготовление керамики на глиняном круге в Грузии предполагают еще в эпоху ранней бронзы³⁸⁶.

Большинство глиняных сосудов эпохи средней бронзы считаются изготовленными на гончарном круге. В переходный период от эпохи средней к эпохе поздней бронзы, т. е. на последнем этапе эпохи средней бронзы и в начале эпохи поздней бронзы уже бесспорно преобладает глиняная посуда, сделанная на гончарном круге.

Почти полное отсутствие среди археологических находок Восточной Грузии гончарных кругов можно объяснить тем, что в большинстве случаев они были деревянные.

Для выяснения технологии производства керамики большое значение имеет изучение продукции древних гончаров, которая дошла до нас в огромном количестве.

Обычно сосуды эпохи средней бронзы и переходного этапа от нее к эпохе поздней бронзы изготавливались из хорошо отмученной глины, т. е. мастера-гончары были хорошо знакомы с технологией очистки глины.

Ямы для очищения глины обнаружены в Восточной Грузии на поселении периода ранней бронзы в Урбниси³⁸⁷ и на территории металлургической мастерской середины I

³⁸³ П и ц х е л а у р и К. Н. Древняя культура племен Иоро-Алазанского бассейна. Тбилиси, 1965, с. 54—60 (на груз. яз.).

³⁸⁴ Там же.

³⁸⁵ М у с х е л и ш в и л и Д. Л. Археологический материал Хевле-Гора. Тбилиси, 1978 (на груз. яз.).

³⁸⁶ Г о б е д ж и ш в и л и Г. Ф. Отчет полевых работ Тетри-Цкарройской археологической экспедиции. Тбилиси, 1957 (рукопись на груз. яз., храниться в библиотеке ИИАЭ); Т у ш и ш в и л и Н. Н. Новый памятник эпохи ранней бронзы в Южной Грузии (в Квемо-Картли). Тезисы докладов, посвященных итогам полевых археологических исследований в 1970 г. в СССР (дополнительный выпуск). Тбилиси, 1971, с. 28; К в и ж и н а д з е К. Д., Ш а т б е р а ш в и л и З. Г. Отчет полевых работ за 1964 г. на II и III участках Алгетекской археологической экспедиции. — ОСПАИ, XIV. Тбилиси, 1965, с. 30—31 (на груз. яз.).

³⁸⁷ Д ж а в а х и ш в и л и А. И., Г л о н т и Л. И. Урбниси, I, вып. I. Археологические раскопки, проведенные в 1954—1961 гг. на селище Квацхелеби (Твлепия-Кохи). Тбилиси, 1962 (на груз. яз.).

³⁸⁷ М а й с у р а д з е З. П. Технология черноблестящей посуды из Самтаврского могильника. — САНГ, Тбилиси, 1952, т. XIII, № 4; М а й с у р а д з е З. П. О технике украшения черной и серой лощеной керамики из грунтовых погребений Самтаврского могильника. — САНГ. Тбилиси, 1957, т. XVIII, № 1, с. 249—256.

тыс. до н. э. в Квемо-Кеди. Очевидно, для придания большей прочности глиняным сосудам, с эпохи средней бронзы вплоть до третьей ступени эпохи поздней бронзы в тесто примешивали частицы кварца, а позднее с этой целью употребляли мелкозернистый, а иногда и крупнозернистый песок.

Наряду с сосудами, сделанными на гончарном круге, в исследуемое время встречается и лепная посуда, изготовленная так называемым ленточным способом.

Зачастую сосуды ранних ступеней поздней бронзы все еще имеют двухслойный рыхлый черепок. Внешняя поверхность у них черного обжига, а тонкий слой подкладки — светлого.

З. П. Майсурадзе специально изучил технологию изготовления черных сосудов, обнаруженных на территории Восточной Грузии. По его предположению, сформованная на круге посуда сначала высушивалась до определенной крепости, а затем обжигалась. Обжиг производился в три этапа: 1) задымление (постепенное освобождение от влажности), 2) укрепление изделия (влажность уже ликвидирована и начинается физико-химическое изменение черепка), 3) обжиг изделия при температуре 800—900°. После обжига начинался новый этап задымления для получения черного цвета. Для этого печь остужали до 400° и впускали в нее дым. После выемки остывшей готовой продукции ее покрывали воском и ложили³⁸⁸.

Орнаментация сосудов, за исключением росписи, всегда проводилась по мокрой глине до или после формовки сосуда. Глиняные сосуды Восточной Грузии эпохи поздней бронзы и раннего железа украшались с помощью разнообразных технических приемов: резьбы, штамповки, лепки, лощения, задымления и т. д. Благодаря этому создавались орнаменты в основном геометрического характера, хотя на третьей ступени развития материальной культуры эпохи поздней бронзы часто стали встречаться изображения людей и животных. Весьма интересны и последовательные изменения технологии изготовления и техники нанесения орнамента, которые прослеживаются на керамике исследуемого периода.

Обработка, формы и орнамент определенной части керамики начальных этапов ранней ступени эпохи поздней бронзы сближают ее с керамикой эпохи средней бронзы. К этой группе относятся сосуды, изготовленные из мелкозернистой глины с примесью частиц белого блестящего кварца, с рыхлым черепком, изготовленные на гончарном круге. Внешняя сторона такой посуды — черная, лощенная до зеркального блеска. Техника нанесения орнамента на эти сосуды отличается архаичностью (полировка, штамповка, резьба, изредка — роспись).

На последней ступени эпохи средней бронзы появляется, а с ранней ступени эпохи поздней бронзы все чаще встречается грубая глиняная посуда, с примесью песка в тесте, хорошо спекшимся однослойным черепком каштанового цвета. Орнамент в основном резной и тисненый.

Для территории Кахети на последующих ступенях эпохи поздней бронзы характерны сосуды каштанового и серого цвета с шероховатой поверхностью с резным орнаментом. Хотя даже на третьей ступени эпохи поздней бронзы все еще встречаются сосуды с рыхлым черепком из мелкозернистой глины, со следами полировки на черной поверхности и с орнаментом, оттиснутым штампом, но их процент уже незначителен.

Глиняные сосуды Иоро-Алазанского бассейна, относящиеся к рубежу II—I тыс. до н. э., в большинстве случаев имеют хорошо спекшийся черепок каштанового цвета, хотя внешняя и внутренняя поверхность задымлена. Это указывает на продолжение старых традиций. В то же время появляются сосуды серого обжига с грубым черепком и резным орнаментом, которые широко распространяются в первой половине I тыс. до н. э. В

³⁸⁸ М а й с у р а д з е З. П. Технология черноблестящей посуды из Самтаврского могильника. — САНГ, Тбилиси, 1952, т. XIII, № 4; М а й с у р а д з е З. П. О технике украшения черной и серой лощенной керамики из грунтовых погребений Самтаврского могильника. — САНГ. Тбилиси, 1957, т. XVIII, №1, с. 249—256.

середине указанного тысячелетия для этой области вновь становятся характерными сосуды из мелкозернистой глины с полированным орнаментом, но в отличие от ранних памятников с другой структурой черепка, качеством обжига и схемой орнамента.

В отличие от памятников Кахети глиняные сосуды Шида-Картли, начиная с третьей ступени эпохи поздней бронзы в течение всего исследуемого периода сохраняют мелкозернистый черепок и полированный орнамент, наряду с которым уже появляются резной, тисненый и рельефный орнаменты, порой подражающие архаичным мотивам.

В Восточной Грузии на памятниках исследуемого периода до последнего времени не была найдена глиняная расписная посуда. Лишь в Кахети за последнее время были выявлены украшенные такой техникой сосуды, сплошь и рядом встречающиеся в погребениях первой и второй ступени эпохи поздней бронзы. Орнамент, главным образом в виде геометрических узоров (меандры, треугольники и т. д.), нанесен после обжига, белой краской. Примечательно, что для синхронных памятников Северной Армении также характерна роспись сосудов как белой краской, так и бирюзовой, белой и красной краской (Лориберд, Артик, Лчашен).

В рассматриваемое время на территории Восточной Грузии встречаются и глазурованные сосуды. В истории культуры глазурь (полив) тесно связывают с производством стекла³⁸⁹. Глазуrowание сосудов известно в Египте, Месопотамии и Эламе с IV—III тыс. до н. э. Затем эта техника широко распространилась в Передней Азии, где глазурью покрывали и кирпичи³⁹⁰.

Древнейшими глазурованными изделиями в Грузии являются фаянсовые бусы, найденные в Триалетских курганах эпохи средней бронзы³⁹¹. Глазуrowанные сосуды обнаружены в погребениях, начиная с конца II тыс., до н. э.³⁹² Все эти сосуды представляют собой кубки на высокой ножке с одной ручкой. Поверхность их расписана желтоватой, зеленоватой и зеленовато-бирюзовой (иногда черной) краской. Зеленовато-бирюзовый фон украшен желтыми полосами и покрыт прозрачной глазурью.

В Восточной Грузии обнаружены и фрагменты глазурованных сосудов с черепком белого цвета. Два таких обломка, в частности, найдены на святилище Мели-Геле II. Поверхность одного из них окрашена желтой краской и покрыта бесцветной прозрачной глазурью, второй сосуд украшен полосами зеленовато-синеватого и желтого цвета и также покрыт глазурью³⁹³.

Древнейшие образцы глазурованной керамики обнаружены и в других районах Закавказья³⁹⁴.

Весьма существенно, что обнаруженная на территории всего Центрального Закавказья (в рамках разных материальных культур) глазурованная керамика абсолютно одинаково расписана вертикальными полосами, нанесенными желтой и зеленовато-голубой краской, что должно указывать на один и тот же источник ее происхождения. Хорошо известно, что точно так же расписанная керамика широко распространена в Ассирии с XIII по VI в. до н. э.³⁹⁵, тогда как в Закавказье, как мы увидели, она весьма редка и ее привозной характер бесспорен.

³⁸⁹ Л у к а с А. Материалы и ремесленные производства древнего Египта. М., 1958, с. 289.

³⁹⁰ Л у р ь е М., Л я п у н о в К., М а т ь е М., П и о т р о в с к и й Б., Ф л и т н е р Н. Очерки по истории техники Древнего Востока. М. — Л., 1940, с. 81, 221.

³⁹¹ К у ф т и н Б. А. Археологические раскопки в Триалети. Тбилиси, 1941, с. 100, табл. XXII.

³⁹² Там же, с. 52, 53, табл. XX; А б р а м и ш в и л и Р. М., Б о х о ч а д з е А. В., К в и ж и н а д з е К. Д.,

М и р ц х у л а в а Г. И., Н и к о л а и ш в и л и В. В., Р а м и ш в и л и А. Т. Исследования... М., 1971.

³⁹³ М а м а и а ш в и л и Н. Ф. Фаянс в средневековой Грузии. Тбилиси, 1971, с. 11 (на груз. яз.).

³⁹⁴ К у ш н а р е в а К. Х. Археологические работы 1954 г. в окрестностях сел. Ходжалы. — МИА, 67. М. — Л., 1950, с. 381—385; С п и ц ы н А. А. Археологические раскопки Э. Раслера в Елизаветпольской губернии в 1901 г. — ИАК, вып. 16; А с л а н о в Г. Н., В а и д о в Р. М., И о н е Г. И. Древний Мингечаур (эпоха энеолита и бронзы). Баку, 1959, с. 98, 112, 114, табл. XI 10, 11а, 12; П и о т р о в с к и й Б. Б. Ванское царство. М., 1960, с. 195.

³⁹⁵ L e m a n n - H a u p t C.F. - Materialien zur älteren Geschichte Armeniens und Mesopotamiens.

Данные о существовании на территории Восточной Грузии в эпоху поздней бронзы и железа других отраслей ремесла очень скудны.

На развитие обработки дерева указывает тот факт, что в строительном деле этого периода первостепенную роль играли лесоматериалы. При раскопках ряда поселений обнаружены остатки бревенчатых перекрытий жилья, а также отпечатки бревен или досок на обожженной глине. На кусках глиняной обмазки, применявшейся при строительстве стен и печей для выпечки хлеба (торне), встречаются отпечатки плетенки.

С помощью деревянных конструкций сооружались и перекрытия погребений. Остатки бревенчатых перекрытий часто встречаются в погребениях. Принято считать, что в первой половине I тыс. до н. э. употреблялась молотильная доска³⁹⁶.

В рассматриваемое время из дерева изготовлялись черенки бронзовых стрел. По-видимому, тогда же должны были существовать и деревянные луки, правда, известны лишь их изображения на бронзовых поясах и глиняных сосудах. На святилище второй половины II тыс. до н. э. около с. Шилда была найдена бронзовая имитация лука. Вероятно, из дерева делались и сосуды—гоби, чаши, тарелки и др. О существовании старых традиций такого производства свидетельствуют находки деревянных предметов в погребениях III и II тыс. до н. э.³⁹⁷.

Несмотря на то, что в Восточной Грузии не обнаружено транспортных средств эпохи поздней бронзы и раннего железа, на их существование указывают изображения арбы и большое количество глиняных колесиков, найденных на поселениях и, вероятно, принадлежавших деревянным имитациям разных транспортных средств³⁹⁸. Очевидно, они представляли собой развитые формы известных повозок Восточной Грузии конца III тыс. до н. э.³⁹⁹. Это подтверждает новейшая находка около Цители-Цкаро. Здесь, на горе Гохеби, на территории святилища начала I тыс. до н. э. найдена бронзовая модель боевой колесницы, в которую впряжены две взнузданные лошади с ярмом⁴⁰⁰. Интересно, что у колесницы вращающиеся колеса со спицами. Существенно, что на Алазанской долине, в могильнике поселения Муракеби, в погребении конца II тыс. до н. э. были обнаружены глиняные колеса со спицами, которые, очевидно, принадлежали деревянной модели колесницы.

О существовании развитого деревообрабатывающего ремесла в Восточной Грузии свидетельствуют и многочисленные бронзовые орудия для обработки дерева, обнаруженные на различных памятниках исследуемого периода (топоры, долота и др.)⁴⁰¹.

Прядение и ткацкое дело составляли одну из основных отраслей домашнего ремесла в рассматриваемое время.

Многочисленные отпечатки тканей постоянно встречаются на глиняных сосудах эпохи раннего металла. В этот период, вероятно, существовал и примитивный вертикальный ткацкий станок⁴⁰².

О развитии прядения и ткачества, в частности обработки шерсти, в эпоху поздней бронзы и железа свидетельствует большое количество глиняных, костяных и каменных пряслиц, а также отпечатков ткани, обнаруженных на бронзовых предметах.

Abh. d.K.Gesellschaft d. Wiss, zu Göttingen, Ph. Hist.KL. NE, Bd.IX₃.Berlin, 1907; Walter Andrae. Assur. Farbige Keramik. Berlin, 1923.

³⁹⁶ Ч у б и н и ш в и л и Т. Н. Древнейшие археологические памятники Тбилиси, 1957, с. 61—67.

³⁹⁷ Г о б е д ж и ш в и л и Г. Ф. Беденская гробница. — Дзеглис мегобари, 1967, №12 (на груз. яз.); К у ф т и н Б. А. Археологические раскопки в Триалети. Тбилиси, 1941; Д ж а п а р и д з е О. М. Археологические раскопки в Триалети в 1957—1958 гг. Тбилиси, 1960, с. 14, табл. XXI (на груз. яз.).

³⁹⁸ За последние несколько лет почти во всех курганных погребениях середины II тыс. до н. э. в Удабно зафиксированы отпечатки длинной узкой деревянной арбы, детали которой восстановить пока невозможно.

³⁹⁹ К у ф т и н Б. А. Археологические раскопки в Триалети. Тбилиси, 1941, табл. CVII; Д ж а п а р и д з е О. М. Археологические раскопки в Триалети в 1957—1958 гг. Тбилиси, 1960, табл. VIII—XX.

⁴⁰⁰ П и ц х е л а у р и К. Н. Восточная Грузия в конце бронзового века. Тбилиси, 1979, табл. XIII.

⁴⁰¹ АГ, с. 182—183.

⁴⁰² Д е д а б р и ш в и л и Ш. Ш. Культура эпохи ранней бронзы Иоро-Алазанского бассейна. Автореф. канд. дис. Тбилиси, 1970, с. 22.

Существование тканей разного качества подтверждается находками предметов, связанных с одеждой (булавки, фибулы и разнообразные пуговицы). В исследуемое время употреблялись как чисто шерстяные, так и льняные ткани⁴⁰³.

Значительное место среди домашних ремесел занимали выделка и обработка кожи. Кожа употреблялась для изготовления обуви, поясов, шнуров разного назначения, одежды и других предметов быта. В погребениях интересующего нас периода кожаные предметы встречаются редко. Древнейшим образцом кожаного изделия являются части тисненого флажка, обнаруженного в богатом курганном погребении первой половины II тыс. до н. э., в урочище Садуга.

В погребениях рубежа II—I тыс. до н. э. могильника Тетри-Цклеби найдены бронзовые портупей-цепи и цепи, использовавшиеся как пояса, которые закреплялись кожаными ремешками. Изображение портупей имеется на статуэтке мужчины из Мелаани⁴⁰⁴. Вероятно, на ложе крепились и пояса из бронзы рубежа II—I и начала I тыс. до н. э.

Некоторые исследователи полагают, что для обработки кожи использовались известные еще с раннего периода эпохи бронзы плоские топоры, но большинство исследователей считает их орудиями для обработки дерева⁴⁰⁵. Другими, более достоверными свидетельствами существования обработки и выделки кожи в эпоху поздней бронзы и железа на территории Восточной Грузии мы не располагаем.

На производство стекла, очевидно, указывают находки многочисленных стеклянных и глазурованных пастовых бус. Часто встречаются и позолоченные стеклянные бусы, но говорить о месте их производства мы пока не имеем возможности.

Обработка камня в течение длительного времени занимала первое место в практической деятельности человека. Однако начиная с эпохи поздней бронзы она почти полностью вытесняется металлообработкой. Тем не менее, камень остается одним из основных видов сырья, используемого человеком при изготовлении вкладышей составных серпов, зернотерок, булав и др.

С начала эпохи поздней бронзы и раннего железа вплоть до середины I тыс. до н. э. одним из основных видов украшений являлись сердоликовые бусы. В специальной литературе высказано мнение, что они производились в странах, расположенных к югу от Закавказья.⁴⁰⁶ Однако не исключено и их местное изготовление (в Кахети, например, на поселениях исследуемого периода часто встречаются обломки необработанного сердолика).

Около поселения Гареткис-Гора, на правом берегу р.Лакбе и к юго-востоку от с. Арашенда, в местечке Сасигнаго-Геле открыты мастерские по изготовлению кремневых вкладышей составных серпов. В местечке Сасигнаго-Геле мастерская, по-видимому, функционировала в течение длительного времени, так как здесь наряду с архаичными—широкими ладьевидными вкладышами с закругленной спинкой, встречались явно поздние вкладыши.

Этим исчерпываются наши знания о ремеслах, которыми занимались племена, жившие на территории Восточной Грузии в эпоху поздней бронзы и раннего железа.

В рассматриваемый нами период уровень развития сельского хозяйства в Восточной Грузии все еще определялся природными условиями. Вероятно, большая

⁴⁰³ АГ, с. 183 (на груз. яз.).

⁴⁰⁴ П и ц х е л а у р и К. Н. Древняя культура... Тбилиси, 1965, табл. XVI.

⁴⁰⁵ N i o r a d z e G. Der verwahrfund von Kvemo-Sassireti, Georgian (Rayon Kaspi), VII, Helsinki, 1932, с. 86; К о р д з е Д. Л. К вопросу классификации и генезиса плоских топоров на территории Грузии. — ВРМГ, XXVIII—В. Тбилиси, 1969, с. 27 (на груз. яз.); К у ф т и н Б. А. Урартский «колумбарий» у подошвы Арарата и куро-аракский энеолит. — ВГМГ, т. XII—В. Тбилиси, 1943, с. 33 и др.

⁴⁰⁶ Л е м л е й н Г. Г. Каменные бусы Самтаврского некрополя. — МИГК, ч. 29. Тбилиси, 1951, с. 208—209.

часть территории Восточной Грузии (горы и лесные массивы) в это время была мало пригодна для земледелия, в долинных районах Шида-Картли, Квемо-Картли, Алазанской долины и др. условия для сельского хозяйства были весьма благоприятными. Об этом может свидетельствовать то обстоятельство, что распространение некоторых локальных материальных культур эпохи поздней бронзы и раннего железа ограничено именно этими низменностями и прилегающими к ним предгорьями. Создается впечатление, что территория расселения отдельных племен или племенных групп определялась границами природных для земледелия земель.

На земледельческий характер хозяйства населения Восточной Грузии в эпоху поздней бронзы и раннего железа указывают многовековые культурные наслоения на изученных поселениях и связанные с ними многоярусные могильники, так как их происхождение связано с оседлым образом жизни, который, в свою очередь, продиктован характером хозяйства. Находки сельскохозяйственных орудий—серпов⁴⁰⁷, камней от молотильных досок⁴⁰⁸, зернотерок, являются прямым доказательством существования земледелия в Восточной Грузии. Бронзовые мотыги, обнаруженные в Шида-Картли, попадали сюда из Западной Грузии; кроме того, в Восточной Грузии были широко распространены каменные мотыги, употреблявшиеся, вероятно, после вспашки для рыхления комьев земли.

Предполагают, что в Закавказье в это время сеяли пшеницу, ячмень, гоми⁴⁰⁹. Земля обрабатывалась простейшими пахотными орудиями⁴¹⁰, при этом использовалась тягловая сила быка⁴¹¹.

Грузия издавна является одним из основных центров виноградарства⁴¹². Существуют конкретные данные, указывающие на то, что в эпоху поздней бронзы и раннего железа культура виноградной лозы была уже весьма развитой. На наш взгляд, одним из древнейших свидетельств существования в Восточной Грузии виноделия являются обнаруженные на территории святилища Мели-Геле I глиняные сосуды с прилепленными к ним мелкими сосудами, т. н. «марани», которые считаются винными

---

⁴⁰⁷ А п а к и д з е А. М. Археологические памятники Бакурцихе. Канд. дис. Тбилиси, 1940, с. 89 (на груз. яз.); К у ф т и н Б. А. Археологическая экспедиция 1945 года в Юго-Осетию и Имеретию. Тбилиси, 1949, с. 26, табл. VIII; Н и о р а д з е Г. К. Могильник «Стекольного завода». — ПИДО. М. — Л., 1934, №3, с. 69; А б р а м и ш в и л и Р. М., Б о х о ч а д з е А. В. Указ. раб., табл. XIV; Д ж а п а р и д з е О. М. Земледельческие орудия позднебронзовой эпохи Западной Грузии. — Труды ТГУ, т. 49. Тбилиси, 1953, с. 206, 208 (на груз. яз. с рус. резюме); П и ц х е л а у р и К. Н. Древняя культура... Тбилиси, 1965, табл. XXVIII.

⁴⁰⁸ Д ж а п а р и д з е О. М. К истории грузинских племен на ранней стадии медно-бронзовой культуры. Тбилиси, 1961, с. 21 (на груз. яз., резюме на рус. и англ. яз.); А б р а м и ш в и л и Р. М. Археологические раскопки... — ОСИИАЭ и ГКМ, I. Тбилиси, 1965, с. 30; Ц к и т и ш в и л и Г. Г. Цопи (историко-географический очерк). — СИАА, № 1, Тбилиси, 1964, с. 10 (на груз. яз.); М у с х е л и ш в и л и Д. Л., Ц к и т и ш в и л и Г. Г. Итоги разведывательной экспедиции 1955 г. в Шида-Картли. — СИГГ, т. 1. Тбилиси, 1960, с. 191 (на груз. яз.); Х а х у т а й ш в и л и Д. А. Уплисцихе, I. Тбилиси, 1964, т. XVI₆ (на груз. яз.).

⁴⁰⁹ А п а к и д з е А. М. Археологические памятники Бакурцихе. Тбилиси, 1940, с. 89; П и о т р о в с к и й Б. Б. Археология Закавказья. Л., 1949, с. 70—71; М е л и к и ш в и л и Г. А. О происхождении грузинского народа. Тбилиси, 1952, с. 26; М е л и к и ш в и л и Г. А. К вопросу о возникновении классового общества и государства в Грузии. Тбилиси, 1955, с. 74 (на груз. яз.); П и о т р о в с к и й Б. Б. Развитие скотоводства в древнем Закавказье. — СА, XXIII, М., 1955, с. 13; Б у н я т о в Б. А. Земледелие и скотоводство в Азербайджане в эпоху бронзы. Баку. Из-во АН АзССР, 1957, с. 73; М е л и к и ш в и л и Г. А. К истории древней Грузии. Тбилиси, АН ГССР, 1959, с. 152—193.

⁴¹⁰ Мы считаем вполне допустимой обработку земли в эпоху поздней бронзы пахотным орудием, т. к. на территории Восточной Грузии уже в эпоху ранней бронзы известна примитивная соха, изготовленная из рога оленя (см.: Д ж а в а х и ш в и л и А. И., Г л о н т и Л. И. Урбниси, I Тбилиси, 1962, с. 37—38).

⁴¹¹ М е л и к и ш в и л и Г. А. К истории древней Грузии. Тбилиси, 1959, с. 74—75; Б у н я т о в Б. А. Указ. раб., с. 72; А б и б у л а е в . Первые итоги раскопок Кюль-Тепе. Материалы по истории Азербайджана. — ГМИА АН АзССР, т. II. Баку, 1957 (на азерб. яз.).

⁴¹² Д ж а в а х и ш в и л и И. А. Экономическая история Грузии, книга II. Тбилиси, 1935, с. 603 (на груз. яз.).

питьевыми сосудами культового назначения⁴¹³. На территории Мели-Геле II встречаются и обломки крупных сосудов, вероятно, представлявшие собой небольшие «квеври» (пифосы для хранения вина).

Самые древние виноградные косточки культурных растений обнаружены на поселении эпохи средней бронзы в Узерлик-Тепе⁴¹⁴. Они найдены и на святилище третьей ступени эпохи поздней бронзы в Катнали-Хеви⁴¹⁵. В Кахети пока что самыми древними являются находки виноградных косточек в Сагареджо на памятнике IV—III вв. до н. э.⁴¹⁶

Однако для установления уровня развития общества наиболее важно выяснить формы производства земледельческого хозяйства.

Уже в эпоху ранней бронзы в районах Восточной Грузии, в благоприятных природных условиях могло существовать орошаемое земледелие. Но массовое использование оросительных систем, по-видимому, началось в эпоху поздней бронзы (хотя вполне возможно параллельное широкое развитие в это время неполивного земледелия).

О широком развитии неполивного земледелия свидетельствуют многочисленные поселения эпохи поздней бронзы и железа, открытые на Ширакской равнине и содержащие многовековые культурные напластования. В настоящее время неполивное земледелие на этой равнине не связано с большими трудностями, вполне возможно, что и прежде эта область не отставала от тех районов, где существовала возможность орошения⁴¹⁷.

Итак, в эпоху поздней бронзы вследствие использования навыков неполивного земледелия и широкого внедрения оросительных систем люди полностью освоили не только склоны гор и предгорья, но и долины.

Естественно, что создание и уход за оросительными системами могли быть под силу лишь таким большим и прочным организациям общества, как союзы родственных племен, основа которых, надо полагать, закладывалась в это время.

В эпоху поздней бронзы земледелие уже отделилось от скотоводства в Восточной Грузии, обе эти отрасли хозяйства существовали и развивались бок о бок⁴¹⁸. Развитие земледелия и скотоводства зависело в первую очередь от конкретных географических условий, но даже в тех районах, где не было орошения (Шираки) и условия, казалось бы, более благоприятны для разведения скота, преобладающую роль играло земледелие, хотя и неполивное.

Остеологический материал, обнаруженный на поселениях и могильниках Восточной Грузии эпохи поздней бронзы и раннего железа, весьма разнообразен. В горных районах преобладают кости овец, а в долинах — кости крупного рогатого скота.

Безусловно, что такое хозяйство не могли не наложить определенного отпечатка на материальную культуру. Для полукочевого скотоводства необходимо наличие как летних, так и зимних пастбищ. Восточная Грузия достаточно богата зимними пастбищами, поэтому зимние месяцы овечьи отары, вероятно, проводили вблизи основного поселения. Такой территорией являлось пространство между Шираки и Иори, в частности Элдарская равнина, которая и в настоящее время считается лучшим зимним

---

⁴¹³ Б о ч о р и ш в и л и Л. И. Грузинская керамика, I. Тбилиси, 1949, с. 214—215; Ч у б и н и ш в и л и Т. Н. Древние археологические памятники Мцхета. Тбилиси, 1957, с. 66 (на груз. яз.).

⁴¹⁴ К у ш н а р е в а К. Х. Археологические работы 1954 г. М. — Л., 1959, с. 415; ее же. Новые данные о поселении Узерлик-Тепе около Агдама — МИА, 125. М. — Л., 1965.

⁴¹⁵ К и к в и д з е Я. А. Земледелие и земледельческий культ в древней Грузии. Тбилиси, 1976, с. 98 (на груз. яз.).

⁴¹⁶ Б о х о ч а д з е А. В. Виноградарство и виноделие в древней Грузии по археологическим материалам (с древнейших времен до XII—XIII вв. н. э.). Тбилиси, Мецниереба. 1963.

⁴¹⁷ П и ц х е л а у р и К. Н. Древняя культура племен... Тбилиси, 1965, с. 47.

⁴¹⁸ Д ж а п а р и д з е О. М. Земледельческие орудия позднебронзовой эпохи Западной Грузии. — Труды ТГУ, т. 49. Тбилиси, 1953 (на груз. яз. с рус. рез.).

пастбищем. Несмотря на тщательные разведки, здесь не удалось обнаружить ни одного поселения эпохи поздней бронзы и раннего железа. По-видимому, и раньше ландшафт здесь был полупустынным, и эта территория использовалась лишь для зимних пастбищ. Аналогичным целям служили и равнины Гардабани и Марнеули⁴¹⁹. По-видимому, указанной территорией пользовались племена—носители разных материальных культур, о чем свидетельствует разнообразие обнаруженных здесь археологических памятников.

Более сложным является вопрос о летних пастбищах. На лето овец приходилось перегонять на большие расстояния, в частности в Триалети или на южные склоны Кавказского хребта. Естественно, что в этих районах могли встречаться многие племена, о чем свидетельствуют смешанные материалы разных археологических культур в Триалети (летнее пастбище) и в Квемо-Картли (зимнее пастбище).

Характер материальной культуры летних пастбищ позволяет четко определить, с какой территорией было связано то или иное племя. Например, в материальной культуре левобережья Куры — Шида-Картли преобладают материалы, характерные для северных склонов центральной части Кавказа, следовательно, население Шида-Картли использовало под летние пастбища именно эти территории. На правобережье Шида-Картли чаще встречаются материалы типа памятников Триалети и Северной Армении, что объясняется аналогичным образом.

Возможно, жители Кахети, так же как и в недавнем прошлом, перегоняли овец в Триалети. Свидетельством этого можно считать находки кахетских бронзовых меча и кинжала в пещере, расположенной на перегонной трассе.

На существование в это время продуктивного скотоводства указывают керамические материалы, среди которых очень часты глиняные маслостойки, кстати, впервые появившиеся именно с первых ступеней развития эпохи поздней бронзы.

С конца II и первой половины I тыс. до н. э. большую роль в жизни населения Иоро-Алазанского бассейна играла лошадь. Это подтверждается находками удила, модели боевой колесницы с взнузданными лошадьми, скелетов лошадей, впряженных в колесницу и т. д.

Одним из основных видов деятельности человека в рассматриваемый период являлся обмен, который приобрел особенно большое значение с эпохи поздней бронзы и раннего железа вследствие сильной дифференциации хозяйственной деятельности человека. В это время уже окончательно отделились друг от друга земледелие, скотоводство и ремесла. Высококвалифицированные специалисты стали сознательно производить такое количество продукции, которое намного превосходит собственное потребление, а это, в свою очередь, привело к интенсивному развитию обмена. На обмене стали основываться отношения не только между земледельцами, скотоводами и ремесленниками, но и между ремесленниками различных специальностей (например, металлодобывающей и металлообрабатывающей).

Расширению обмена и торговли способствовало развитие полукочевого скотоводства. Племена, населявшие Восточную Грузию в исследуемое время, имели определенные отношения с соседними не только мирными, но и воинствующими племенами. Возможно, именно в этот период появляется определенная категория людей, способствовавших упорядочению этих взаимоотношений (обмен, торговля), т. е. посредников между производителем и потребителем⁴²⁰. Таким образом, в эту эпоху обмен должен был иметь прочную основу.

В эпоху поздней бронзы и раннего железа о тесных деловых связях между племенами Восточной Грузии свидетельствует и облик их материальной культуры. То, что местные ремесленники обменивались между собой опытом, подтверждается сходством и одинаковой техникой производства металлических и глиняных изделий,

⁴¹⁹ Д ж а п а р и д з е О. М. Культура раннеземледельческих племен на территории Грузии. — В кн: VII Международный конгресс антропологических и этнографических наук. М., 1964.

⁴²⁰ П и ц е л а у р и К. Н. Древняя культура... Тбилиси, 1964. с. 80.

обнаруженных на всей исследуемой территории. Иногда эти связи настолько сильны, что под влиянием одной материальной культуры частично меняет свое лицо соседняя материальная культура.

По-видимому, контакты племен Восточной Грузии представляют собой лишь одну ступень взаимосвязи населения Закавказья того времени. Естественно, эти связи были более обширны. Например, в Шида-Картли известны материалы, типичные для Западной Грузии, Северного Кавказа, Кахети и Северной Армении. Учитывая все это, академик С. Н. Джанашиа рассматривал Шида-Картли как территорию, где различные племена обменивались между собой опытом⁴²¹.

Элементы разных культур встречаются и на территории современной Юго-Осетии, на что указывают хорошо заметные здесь характерные признаки северной, западногрузинской и шидакартлийской материальных культур. Как уже отмечалось, смешанные материалы разных культур известны в Триалети и Квемо-Картли, что объясняется своеобразием хозяйства этих областей.

Конкретные материалы, доказывающие связи Восточной Грузии с соседними племенами, весьма разнообразны⁴²².

Типично восточногрузинские материалы известны и в других, порой весьма удаленных районах⁴²³.

Есть основания предполагать существование контактов некоторых племен Закавказья, и в частности Восточной Грузии, с отдаленными народами. В закавказских памятниках эпохи поздней бронзы часто встречается раковина каури, характерная только для морей Индии. На подобные контакты должно указывать и снабжение Закавказья оловом.

Во второй половине II тыс. до н. э. на теснейшие связи племен Восточной Грузии со странами Передней Азии указывают находки, с одной стороны, ряда закавказских предметов в Северной Сирии на городище и могильнике Хама⁴²⁴, а с другой — переднеазиатских бронзовых панцирных пластинок XIV—XIII вв. до н. э., найденных в погребениях Кахети⁴²⁵.

Общение обитателей Восточной Грузии как с соседними областями, так и с более удаленными не могли существовать без стабильных дорог. Для связей с северными странами в летние месяцы, например, использовались все перевалы Большого Кавказа⁴²⁶. Постоянной дорогой, связывавшей тогда Закавказье с югом, признается ущелье р. Куры. Далее эта дорога шла по ущелью Гуджарети через Бакуриани или Табацкури в Триалети

---

⁴²¹ Джанашиа С. Н. История Грузии. Тбилиси, 1963.

⁴²² Ниорадзе Г. К. Археологические находки в Цители-Цкаро. — ВГМГ, т. XVI—В. Тбилиси, 1950 (на груз. яз., резюме на рус. яз.); Ниорадзе Г. К. Археологические разведки в ущелье Куры. — ВГМГ, т. XIII—В. Тбилиси, 1944 (на груз. яз.); Niordze G. Der Verwahrfund. Helsinki, 1932, рис. 8_{в,с}; Пичхеллаури К. Н. Древняя культура... Тбилиси, 1965, табл. XV₂; Куфтин Б. А. Археологические раскопки... Тбилиси, 1941, рис. 60; там же, рис. 59, табл. XXXVII; Техов Б. В. Бронзовые пояса Цхинвали, 1964; Пичхеллаури К. Н. Древняя культура... Тбилиси, 1965, табл. XIV₃; Куфтин Б. А. Археологические раскопки... Тбилиси, 1941, табл. XIV; там же, рис. 55.

⁴²³ Уварова П. С. Могильники Северного Кавказа. — МАК, VIII. М., 1900, с. 28, табл. XI₂; Асланов Г. Н., Ваидов Р. В., Ионе Г. И. Древний Мингечаур (эпоха энеолита и бронзы). Баку, 1959, табл. XXVIII₆; Куфтин Б. А. К вопросу о древнейших корнях грузинской культуры на Кавказе по данным археологии. — ВГМГ, т. XII—Б. Тбилиси, 1944, с. 329, рис. 22; Круглов А. П. Северо-Восточный Кавказ во II—I тыс. до н. э. — МИА, 68. М., 1958, с. 74, рис. 18; Уварова П. С. Могильники... — МАК, VIII. М., 1900, 35—39, табл. XXXVII_{1,2}.

⁴²⁴ Fugmann G. E. Nama, Foiles et recherches. Architecture des périodes préhellénistiques. Copenhagen, 1931—1938, 1958, рис. 110, 117, 120 и т. д., табл. X.

⁴²⁵ Пичхеллаури К. Н. Восточная Грузия в конце бронзового века, Тбилиси, 1979, табл. XXXII₁.

⁴²⁶ Дедабришвили Ш. Ш. Культура эпохи ранней бронзы Иоро-Алазанского бассейна. Автореф... канд. ист. наук. Тбилиси, 1970

и Северную Армению (Б. А. Куфтин, О. С. Гамбашидзе, А. А. Мартиросян). Вероятно, население Шида-Картли и Триалети использовало переходы через ущелья рр. Тана Гедзами и Кавтура⁴²⁷.

Основной магистралью, связывающей Кахети с Триалети, была и т. н. «овечья дорога» — перегон овец здесь осуществлялся до недавнего прошлого. Сейчас другие возможные пути проследить трудно, так как материальная культура ряда географических пунктов этого региона почти не различается.

Исследование большого количества археологических памятников в Восточной Грузии дает возможность составить лишь общее представление о духовной культуре местных племен XV—VII вв. до н. э. К таким памятникам в первую очередь надо отнести святилища, обнаруженные на поселениях Ваис-Цкали⁴²⁸, Нацар-Гора⁴²⁹, Ховле⁴³⁰, Катналихеви⁴³¹ и обособленные от поселения святилища Мели-Голе I, II, Мелаани, Арашенда, Гохеби и Шилда⁴³².

Древнейшее из них, примерно XV в. до н. э., обнаружено на поселении Ваис-Цкали-Чалианхеви, около с. Нукриани. Святилище это выстроено из плетенки, в плане круглое, диаметром до 3 м, в центре с алтарем.

В последующее время примерно в XV—XIII вв. до н. э. вместе с молельнями внутри жилья в Восточной Грузии появляются обособленные от поселений святилища. Каждое из них занимает территорию до 400 м². Они обычно в плане круглые и окаймляются каменной стенкой из сухой кладки. На святилище Шилда эта стенка в северной части раскрыта и устроен вход. Посередине входа в землю зарыт большой глиняный сосуд, заполненный чистодревесной золой. В центре святилища небольшая возвышенность, где инкрустацией пережженными овечьими костями и золой изображались на земле разные сцены охоты или же отдельные животные. Внутри ограды ямы или глиняные сосуды, зарытые в землю, заполнены жертвенными подношениями — вотивными бронзовыми скульптурами людей и животных, глиняными сосудами, бронзовым оружием или их иммитациями, разными украшениями и т. д. Иногда в центре этих ям стоят глиняные сосуды, заполненные чистой золой.

Существенно, что уже к концу II тысячелетия до н. э. на месте этих святилищ появляются более крупные святилища такой же планировки, меняется только назначение жертвенных предметов, девяносто процентов из них — боевое оружие.

Нужно думать, что все эти разновременные святилища связаны, главным образом, с культом плодородия, а значит, с практической деятельностью человека: земледелием, скотоводством, охотой, металлургией, войной и т. д.

Помимо святилищ весьма значительные сведения для изучения духовной культуры жителей Восточной Грузии эпохи поздней бронзы и раннего железа дают и отдельные предметы, найденные в погребениях и кладах. Таковыми являются, например, бронзовые пояса с изображением мифологических сцен и отдельных символических знаков⁴³³ и т. д.

⁴²⁷ Р а м и ш в и л и Р. М. Могильник в Камарахеви. — МАГК, т. II. Тбилиси, 1959 (на груз. яз.).

⁴²⁸ Pizchelauri K. Jungbronzezeitliche bis ältereisenzeitliche Heiligtümer in Ost-Georgien. München, 1984, с. 19—22.

⁴²⁹ Г о б е д ж и ш в и л и Г. Ф. Холм Нацар-Гора близ г. Сталинири. — В сб.: Мимомхилвели, т. II. Тбилиси, 1951 (на груз. яз.).

⁴³⁰ М у с х е л и ш в и л и Д. Л. Археологические материалы Ховле-Гора. Тбилиси, 1978, с. 10.

⁴³¹ Х а х у т а й ш в и л и Д. А. Уплисцихе, т. I. Тбилиси, 1964.

⁴³² Pizchelauri K. Jungbronzezeitliche... с. 89—92.

⁴³³ Х а л л о в Д. Бронзовые пояса обнаруженные в Азербайджане. — МАК, вып. IV. Баку, 1962;

Т е х о в Б. В. Бронзовые пояса Центрального Кавказа. — Известия Юго-Осетинского научно-исследовательского института АН ГССР, вып. VIII. Цхинвали, 1964; К а л а н д а д з е А. Н. Чабарухский и Пасанаурский клады. — I научная сессия Душетского Краеведческого музея. Тезисы докладов. Тбилиси, 1965 (на груз. яз.); У р у ш а д з е Н. Е. Бронзовые пояса из Самтаврского некрополя как памятники древнегрузинского декоративно-прикладного искусства. Автореф. на соиск. учен. ст. канд. искусств. наук. Тбилиси, 1969; Х и д а ш е л и М. Ш. Графическое искусство Центрального Закавказья в эпоху раннего

Памятники духовной культуры прекрасно иллюстрируют и социально-экономическое развитие восточногрузинских племен второй половины II тыс. до н. э. и первых веков I тыс. до н. э.

Рассматриваемый период характеризуется образованием крупных союзов родственных племен. Естественно, это в первую очередь потребовало и идеологического единства, что выразилось в появлении общего божества, в честь которого стали создавать культовые центры, общие для нескольких поселений. Весь этот процесс основан на больших социально-экономических сдвигах в жизни восточногрузинских племен.

С начала эпохи поздней бронзы особо высокого развития достигают средства производства во всех областях деятельности человека, сообразно меняются и социальные отношения в обществе, появляется имущая прослойка, подготавливается почва перехода к классовому обществу.

Постепенное изменение общественных отношений хорошо иллюстрируется и общей схемой развития материальных культур в Восточной Грузии.

Предполагают, что на основе более или менее однородной культурно-исторической общности эпохи ранней бронзы, в эпоху средней бронзы в Центральном Закавказье сформировалось несколько материальных культур, в том числе триалетская и севан-узерликская⁴³⁴.

В промежутке между ними на территории Восточной Грузии пока еще очень схематично прослеживается существование двух хронологических этапов⁴³⁵ — т. н. марткопского и беденского, материалы которых идентичны на всей территории.

В эпоху средней бронзы и на раннем этапе эпохи поздней бронзы на всей территории Восточной Грузии существовала одна материальная культура, в которой тем не менее иногда (хотя и не очень четко) проявляются локальные варианты. Выделение же ярких локальных очагов возможно лишь начиная с третьей ступени эпохи поздней бронзы.

Существенно, что зародыши вариантов археологических культур эпохи поздней бронзы прослеживаются в некоторых частях Центрального Закавказья уже в предшествующей культуре (К. Х. Кушнарева, А. А. Мартиросян и др.).

Триалетская культура занимала почти все Центральное Закавказье: часть предгорной полосы Квемо-Картли, Триалети, Шида-Картли, Кахети, Лоре (Ташир) — в Северной Армении⁴³⁶.

железа. Тбилиси, 1982 (на груз. яз.); Esayan S.A. Gurtelbleche der alteren Eisenzeit in Armenien. — Beitrage zur Allgemeinen und Vergleichenden Archaologie, Band 6, 1984. Munchen, 1985.

⁴³⁴ Джапаридзе О. М. Археологические раскопки в Триалети (к истории грузинских племен во II тыс. до н. э.). Тбилиси, 1969, с. 13 (на груз. яз. с рус. и англ. резюме); Кушнарева К. Х. К проблеме выделения археологических культур периода средней бронзы на Южном Кавказе — КСИА, 176. М., 1983.

⁴³⁵ За последнее время на основе накопления огромного археологического материала стало необходимо выделение промежуточных хронологических этапов между существующими археологическими эпохами периода бронзы. Это естественно повлекло за собой обязательную корректировку общепринятой до последнего времени хронологической системы.

Так, например, выделение марткопского и беденского хронологических этапов и помещение их в рамках III тыс. до н. э. потребовало удревнения некоторых куро-аракских комплексов.

По тем же причинам нам пришлось откорректировать и существующую к тому времени всесторонне продуманную и максимально аргументированную хронологическую схему середины и второй половины II тыс. до н. э. (См.: Абрамишвили Р. М. К вопросу о датировке...; его же. К вопросу об освоении железа...). В этом отрезке времени нами было выделено (см.: Пихелauri К. Н. Восточная Грузия в конце бронзового века...) три хронологических этапа, которые как бы являются переходными между материалами эпохи средней и поздней бронзы. Первый из них помещается в рамках среднебронзовой культуры, датируется примерно XVI—XV вв. до н. э. и является ее заключительным звеном, четвертой ступенью триалетского хронологического периода. Два остальных же этапа занимают первые века второй половины II тыс. до н. э. и являются начальными этапами (I, II) эпохи поздней бронзы. В связи с этим пришлось несколько «омолодить» те материалы, которые ранее приурочивались к этому времени. Хотя здесь же нужно отметить, что некоторые ученые (Р. М. Абрамишвили и др.) остались верны старой схеме.

Как свидетельствуют памятники, обнаруженные в последнее время в Армении, не исключено, что границы распространения триалетской культуры достигали западных районов озера Севан по линии Ереван—Гарни⁴³⁷. Более или менее однообразная материальная культура характерна приблизительно для той же территории и на первых двух этапах поздней бронзы, что безусловно указывает на ее происхождение от предыдущей триалетской культуры.

Таким образом, и на первых двух этапах эпохи поздней бронзы более или менее однородная археологическая культура охватывает почти все Центральное Закавказье, ее южная и юго-восточная границы проходят чуть севернее течения р. Аракс. К югу и юго-востоку от этих границ распространены археологические культуры, более тяготеющие к южному, иранскому миру, чем к закавказскому; северная же граница центральнозакавказской культуры достигает южных предгорий Большого Кавказского хребта, за пределами которого бытовали в корне отличные от нее т. н. кобанская и каякенто-хорочоевская северокавказские археологические культуры. На востоке граница центральнозакавказской культуры не доходит до Каспийского моря, так как здесь лежит широкое пространство солончаковых земель, большая часть которых, по-видимому, не была заселена издревле. Прибрежная же полоса от Кавказского хребта до Апшеронского полуострова, очевидно, входит в ареал северокавказской — каякенто-хорочоевской культуры. На западе граница культур Центрального Закавказья проходит почти у Сурамского хребта, по другую сторону которого была распространена мощная, т. н. западногрузинская, или колхидская, археологическая культура.

Но несмотря на то, что существование генетической связи между археологическими культурами эпохи поздней бронзы—раннего железа Центрального Закавказья не подлежит сомнению, отождествление их на протяжении всей эпохи совершенно невозможно. На третьем этапе эпохи поздней бронзы в Центральном Закавказье, на базе предшествующих, появляется значительное количество самостоятельных археологических культур, а на первой ступени освоения железа самые сильные (или передовые) из них начинают объединять более или менее сходные, родственные культуры, формируются культурно-исторические области со своеобразными археологическими материалами (напр., т. н. восточногрузинская, ганджа-карабахская или другие культуры).

Возникновение подобных объединений на рубеже II—I тыс. до н. э. соответствует развитию исторического процесса, т. к. на территории Закавказья этот период непосредственно предшествует эпохе создания государств (середина I тыс. до н. э.), именно в эту эпоху и должны были складываться прочные союзы племен, представляющие собой зародыши будущих государственных образований.

Однако в то же время в недрах этих объединений протекают и другие процессы. Все более определенный вид принимают отдельные варианты (локальные очаги) археологической культуры. Об этом свидетельствуют некоторые виды боевого оружия, отличавшиеся однородностью на третьем этапе эпохи поздней бронзы и представлявшие собой уже несколько вариантов на следующем, четвертом этапе эпохи поздней бронзы. Теперь территория их распространения не совпадает целиком с той, где существовали их протипы, и очерчиваются контуры новых вариантов культур.

Таким образом, в процессе развития в период раннего железа меняется не только общий, внешний облик археологических культур, но и границы их распространения и даже количество. Поэтому недопустимо рассматривать материалы Центрального

---

⁴³⁶ Д ж а п а р и д з е О. М. Археологические раскопки в Триалети... 1969, с. 9—13; Очерки истории Грузии, т. I, с. 219—225; К у ш н а р е в а К. Х. К проблеме... М., 1983.

⁴³⁷ Х а н з а д я н Э. В. Результаты раскопок 1949—1966 гг. Гарни IV, 1969, табл. XXVI, XL, рис. 94, 95; М н а ц а к а н я н А. О. Культура эпохи бронзы на побережье Севанского озера в Армении. — Доклады советской делегации на XXV Международном конгрессе востоковедов. М., 1960; Х а н з а д я н Э. В. Лчашенский курган №6. — КСИА, 91. М., 1962.

Закавказья, относящиеся к эпохе поздней бронзы—раннего железа, без учета конкретного времени их бытования, несмотря на то, что они часто представляют собой различные этапы развития одной и той же культуры.

Культурно-исторические области с более или менее однородным археологическим материалом, появившиеся на территории Центрального Закавказья в эпоху раннего железа, располагались приблизительно следующим образом: первый район находился в пределах большей части территории Восточной Грузии, т. е. в рамках распространения т. н. восточногрузинской археологической культуры, точнее, территории Шида-Картли и Кахети; во второй район входила юго-западная часть Азербайджана и территория к северу от озера Севан до р. Куры, т. е. в пределах распространения ганджа-карабахской (ходжалы-кедабекской) археологической культуры; в центральной и северо-западной части Армении (третий район) параллельно с местными начинают появляться материалы т. н. ганджа-карабахской культуры⁴³⁸.

В эпоху раннего железа между культурно-историческими областями, объединяющими несколько локальных групп или вариантов, существовали известные различия по конструкции погребений, погребальному обряду, по типу поселений, а также отдельных предметов и т. д.

На основании вышесказанного можно утверждать, что археологические культуры Центрального Закавказья как на третьем, так и на позднем, четвертом этапе поздней бронзы—раннего железа не были тождественными. Правда, они могли возникнуть на общей основе, но развивались совершенно независимо в изучаемый период. Эти культуры настолько не похожи друг на друга, что между ними уже гораздо больше различий, чем сходства, и общие признаки следует считать пережитками одного происхождения. Пример тому — центральнозакавказская бронзовая секира. Единый вид этих топоров на всей обширной территории Центрального Закавказья служит показателем культурно-исторического единства древнейшего населения этого региона, но тем не менее в эпоху поздней бронзы он не является признаком тождества синхронных культур, а лишь указывает на общность происхождения. При изучении данного вопроса весьма важно учитывать, что этот тип топора распространен на той же территории, где в эпоху средней бронзы существовала т. н. триалетская культура и что прототипами этих топоров считаются характерные для триалетской культуры топоры грма-геле-шамшадинского типа, бытовавшие фактически на той же территории, где встречаются центральнозакавказские топоры эпохи поздней бронзы и раннего железа.

Итак, на всем протяжении эпохи поздней бронзы—раннего железа границы отдельных культур и даже их количество стабильны. Если на первой и второй ступени эпохи поздней бронзы на всей территории Центрального Закавказья распространена однородная материальная культура, на третьей ступени на территории Восточной Грузии существовали две синхронные археологические культуры, одна из которых занимала территорию Шида-Картли, а другая — Иоро-Алазанский бассейн. Границы культуры, распространенной в Шида-Картли, очерчиваются на основании находок характерных для нее предметов следующим образом: на севере ее границей является предгорная полоса Большого Кавказского хребта, на западе — восточная часть Сурамского хребта, на востоке — р. Арагви и на юге — линия Бешташени-Маднисчала. Типичными для этой культуры на третьем этапе эпохи поздней бронзы являлись: бронзовый листовидный кинжальный клинок, бронзовый наконечник копья с кованой раскрытой втулкой, тонкопластинчатые бронзовые наконечники стрел с выемкой в основании, бронзовые булавки с закрученной головкой, наверхия булавы или посохов на основании рога оленя, глиняные сосуды с чернолощенной поверхностью, изготовленные из хорошо отмученной глины и орнаментированные радиальными лощеными полосами, и др.

⁴³⁸ Предлагаемые нами общие границы всех материальных культур эпох поздней бронзы—раннего железа Центрального и Восточного Закавказья в процессе специальных исследований могут быть уточнены. Однако на основании знакомства с литературой мы сочли возможным предположить и подобный вариант.

Несмотря на влияние Западной Грузии, материальная культура Шида-Картли все же имеет ярко выраженный своеобразный характер, что придает ей вид независимой археологической культуры и подчеркивает ее генетическую связь с предшествующей, центральнозакавказской культурой второй ступени эпохи поздней бронзы.

Однако наряду с указанными западногрузинскими элементами в этот период прослеживаются и черты, характерные для областей, расположенных к востоку от Шида-Картли. Вначале в Шида-Картли проникает готовая продукция. В дальнейшем влияние восточных материалов становится настолько заметным, что даже изменяет облик этой культуры.

Материальная культура Иоро-Алазанского бассейна, возникшая на базе предшествующей, на третьем этапе эпохи поздней бронзы уже полностью оформилась в самостоятельную археологическую культуру. Наиболее характерными для нее предметами являются: т. н. кахетский бронзовый кинжальный клинок и меч с составной рукояткой, наконечник бронзового копья с закрытой втулкой и двумя рельефными поясками на ней, глиняные сосуды с примесью песка в тесте, украшенные концентрическими резными линиями на корпусе и косыми насечками вокруг плечиков и дна, небольшие сосуды (малый процент) с чистой лощеной поверхностью, часто орнаментированные волнистой линией, заключенной между двумя параллельными полосками, а также резными треугольниками и др. (керамика обычно хорошо обожжена и отличается коричневатой, серой или черноватой поверхностью).

С рубежа II—I тыс. до н. э. сфера распространения иоро-алазанских археологических материалов частично расширяется к востоку. А в Шида-Картли начинают появляться материалы т. н. западногрузинской археологической культуры, что становится особенно заметным в эпоху широкого освоения железа. На это указывают многочисленные находки западных материалов в Шида-Картли (материал могильника Самтавро, инвентарь отдельных погребений, состав найденных здесь кладов и пр.). Если на третьей ступени эпохи поздней бронзы на территории Шида-Картли найдены единичные экземпляры предметов колхидской культуры, то с начала освоения железа они встречаются уже в значительно большем количестве. Важно, что с этого же времени западнозакавказские предметы (топоры, пряжки и пр.) начинают появляться и на территории Армении и Азербайджана, т. е. именно с этого периода во всем Центральном Закавказье заметна активность колхидских элементов.

Западный элемент в Центральном Закавказье особенно усиливается в более позднюю пору. Об этом может свидетельствовать и тот факт, что центральнозакавказские бронзовые секиры прекращают свое существование вместе с эпохой поздней бронзы, а начиная с эпохи широкого освоения железа их сменяют железные топоры, имевшие, как правило, форму западных (колхидских) топоров. Таким образом, с третьей ступени эпохи поздней бронзы на территории Иоро-Алазанского бассейна и даже к западу, до р. Арагви распространена однородная культура, для которой характерны главным образом бронзовый кахетский кинжал с составной рукояткой и два его последующих подтипа (I—III), бронзовое копье с цельной втулкой и двумя рельефными поясками на ней, глиняные сосуды, корпус которых украшен резными концентрическими линиями, днорезной спиралью, а плечики и края дна — ногтевидными насечками и т. д.

В это же время на территории Шида-Картли распространена другая, родственная кахетской, культура, которая характеризуется бронзовым листовидным кинжальным клинком, бронзовыми наконечниками копий с раскрытой втулкой, тонкопластинчатыми треугольными бронзовыми наконечниками стрел и пр. Памятники этой культуры были распространены на значительной территории: на востоке — до р. Арагви, на севере — до южной предгорной полосы Большого Кавказского хребта, на западе — до Сурамского хребта, на юге — в основном до Триалетского хребта (хотя иногда они встречаются и за этим хребтом).

При исследовании памятников этого периода мы замечаем, что элементы, характерные для материальной культуры Иоро-Алазанского бассейна, проникают и в область Шида-Картли, в основном, вверх по ущелью р. Куры, а далее — р. Лиахви и на определенном отрезке времени сосуществуют с местной культурой. Это положение существенно изменяется в конце II тыс. до н. э., когда в Шида-Картли исчезает местный тип кинжала с листовидным клинком и распространяются кинжалы и мечи, развившиеся на базе ранних типов кахетского оружия.

Примечательно, что характерные для Шида-Картли материалы рубежа II—I тыс. до н. э. распространяются на той же территории и в тех же границах, что и предшествующие им более ранние материалы. Этим еще раз подчеркивается, что памятники Шида-Картли в течение длительного времени сохраняют свою индивидуальность сначала как независимой культуры, а впоследствии как локальный вариант т. н. восточногрузинской культуры.

Локальными вариантами этой культуры рубежа II—I тыс. до н. э. нужно считать очаг Шида-Картли и три отдельных очага материальной культуры в пределах Иоро-Алазанского бассейна. Об этом свидетельствует боевое оружие (кинжал, меч), созданное на базе кахетской культуры (I—III подтипы кахетских кинжалов), характерное для всех локальных вариантов, а также ряд своеобразных элементов (керамика, оружие, украшения) этой культуры, свойственных каждому из них.

Итак, на территории Восточной Грузии третьей ступени эпохи поздней бронзы выделяются две родственные археологические культуры (в Шида-Картли, Иоро-Алазанском бассейне), на рубеже II—I тыс. до н. э. можно предполагать существование уже одной культурно-исторической области с четырьмя локальными вариантами. Таким образом, в процессе одной культурно-исторической области происходит, как мы видим, и обратный процесс — выделяются локальные варианты, распространенные на определенной территории и характеризующиеся своеобразными формами оружия.

С точки зрения социального развития общества, процесс консолидации и выделения локальных вариантов материальной культуры следует связывать с созданием единого политического объединения родственных племен, в недрах которого происходит стабилизация отдельных этнических групп.

Весьма интересно, что границы распространения локальных вариантов археологических культур Восточной Грузии рубежа II—I тыс. до н. э. совпадают с границами расселения древнейших племен, на которые указывает грузинский историк Леонтий Мровели⁴³⁹. По Д. Л. Мухелишвили, это сообщение историка должно отражать фактическое состояние племенных границ IV—III вв. до н. э.⁴⁴⁰

Здесь самым важным является то, что на территории Иоро-Алазанского бассейна как в античную и раннефеодальную эпоху, так и на рубеже II—I тыс. до н. э. существовало одинаковое разделение племенных территорий⁴⁴¹, а это, в свою очередь, должно помочь в выяснении вопроса о сущности этнического деления, происшедшего на рубеже II—I тыс. до н. э. Установлено, что со второй половины II тыс. до н. э. на территории Восточной Грузии не наблюдается сильного влияния какой-либо другой

⁴³⁹ П и ц х е л а у р и К. Н. Основные проблемы..., 1973.

⁴⁴⁰ М у с х е л и ш в и л и Д. Л. Город Уджарма. Тбилиси, 1966, с. 5—14, 19 и карта (на груз. яз.).

⁴⁴¹ Факты совпадения границ распространения археологических культур или их вариантов и расселения довольно поздних этнических групп, по материалам Северного Кавказа, давно были замечены А. А. Иессеном и Е. И. Крупновым, которые придавали важное значение этому факту при решении проблемы этнической сути археологических культур (см.: И е с с е н А. А. Прикубанский очаг металлургии и металлообработки в конце меднобронзового века. — МИА, 23. М. — Л., 1951, с. 124; К р у п н о в Е. И. Древняя история Северного Кавказа. М., 1960, с. 85).

Такие же выводы получены А. А. Спициным, так как границы распространения выделенных им материальных культур совпали со сведениями летописи о расселении славянских племен—вятичей, радимичей и т. д. (См.: С п и ц ы н А. А. Расселение древнерусских племен по археологическим данным. — Журнал Министерства народного просвещения, часть СССXXXIV. Спб., 1899).

культуры, способной приостановить ход мирного развития местной культуры⁴⁴². Очевидно, никакие нашествия не смогли уничтожить местную древнюю культуру и изменить установившиеся древние границы. Даже значительно, позже, в раннефеодальное время (во всяком случае, до VIII в.) они остаются такими же, какими были в конце II и I тыс. до н. э.

Все сказанное выше позволяет предполагать, что на этой территории с конца II тыс. до н. э. не произошло существенных изменений в границах расселения местных земледельческих племен и их этнического состава. Таким образом, у нас есть все основания связать отдельные этнические группировки Восточной Грузии с локальными группами материальной культуры эпохи поздней бронзы.

Итак, мы можем рассматривать этническую историю Восточной Грузии в непрерывном развитии начиная со второй половины II тыс. до н. э. и, наряду с этим, выделять выявленные здесь археологические культуры не только в рамках географических границ, но и в связи с определенными этническими группами, имеющими уже соответствующие конкретные названия, сохранившиеся впоследствии.

На основании всего этого уже на конкретном материале можно утверждать, что «... с середины II тыс. до н. э. население Кавказа, в частности Закавказья, имело в основном тот же этнический состав, что и впоследствии»⁴⁴³.

ГЛАВА VII

К ВОПРОСУ ОБ ЭТНИЧЕСКОЙ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ НАСЕЛЕНИЯ ДРЕВНЕЙ ГРУЗИИ. ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ ЭТНО-СОЦИАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ ГРУЗИНСКОГО НАРОДА

Вопрос об этнической принадлежности населения древней Грузии является весьма сложным. В нашем распоряжении находится довольно скудный археологический и языковой материал, который порой по-разному интерпретируется исследователями.

В современной науке, начиная уже с С. Н. Джанашиа и Б. А. Куфтина, отвергнуто широко распространенное раньше мнение, будто предки грузинских, так же как и других кавказских народов, пришли на Кавказ с юга, из Малой Азии лишь в первой половине I тыс. до н. э.⁴⁴⁴ Изучение древнегрузинских наименований растений, животных и т. д. эпохи существования общекартвельского языка-основы (III тыс. до н.э.) или грузино-занского (мегрело-чанского) единства (II тыс. до н. э.) указывает на то, что грузинские племена уже в эту эпоху жили на территории Кавказа, в частности в его горной полосе⁴⁴⁵. Наряду с ними, видимо, на территории Южного Кавказа, уже для этой эпохи нужно постулировать пребывание племен северо-западнокавказского (абхазо-адыгейские) и северо-восточнокавказского (вейнахо-дагестанские) происхождения.

⁴⁴² П и ц х е л а у р и К. Н. Основные проблемы... 1973; его же. Восточная Грузия в конце бронзового века. — ТКАЭ, III. Тбилиси, 1979.

⁴⁴³ М е л и к и ш в и л и Г. А. К вопросу о древнем населении Грузии, Кавказа и Древнего Востока. Тбилиси, 1965.

⁴⁴⁴ См.: Д ж а в а х и ш в и л и И. А. История грузинского народа. I. Тбилиси, 1928; его же. Первоначальный строй и родство грузинского и кавказских языков. Тбилиси, 1937; его же. Историко-этнологические проблемы Грузии, Кавказа и Ближнего Востока. Тбилиси, 1950 (все на груз. яз.); его же. Основные историко-этнологические проблемы истории Грузии, Кавказа и Ближнего Востока. — ВДИ, 1939, № 4.

⁴⁴⁵ См.: К л и м о в Г. А. Этимологический словарь картвельских языков. М., 1965, с. 37; там же, с. 35—36, 44, 54, 62, 84, 127, 137, 165, 168, 200, 233—234, 237, 244, 247.

Исследование древнего археологического материала Грузии и вообще Закавказья ставит вопрос о наличии уже в эпоху на этой же территории или по соседству и другого происхождения, с которыми далекие предки грузинских и других кавказских племен имели довольно тесные контакты. Речь идет о хурри-урартских, а также индоевропейских племенах. Недавно Т. В. Гамкрелидзе и В. В. Иванов выдвинули тезис о вхождении этого региона даже в ареал древнейшего очага-прародины индоевропейских племен⁴⁴⁶. С другой стороны, путем исследования знаменитой куро-араксской культуры раньше было выдвинуто положение о контактах древних картвельских племен, носителей языка-основы картвельских языков (грузинский, мегрело-чанский, сванский), с древними индоевропейскими племенами на территории Южного Закавказья и прилегающих к нему с юга областей в III тыс. до н. э.⁴⁴⁷

В означенную эпоху, в III тыс. до н. э., предполагается существование языка-основы картвельских языков, так же как языка-основы других групп кавказских языков⁴⁴⁸ (восточнокавказские, т. е. нахско-дагестанские, и западнокавказские, или абхазо-адыгейские, языки). Некоторые исследователи полагают, что эти группы кавказских языков находятся в родстве между собой, происходят от одного предка—общего языка-основы, откуда произошел путем языковой дифференциации и ряд древних (ныне мертвых) переднеазиатских языков (шумерский, протохеттский, хурритский, урартский, эламский), а также нынешний баскский язык, однако эта гипотеза а настоящее время вызывает весьма скептическое отношение к себе со стороны многих ученых и не имеет строго научного обоснования.

Исследователи начало распада единого языка-основы картвельских языков датируют началом II тыс. до н. э. В это время получило первые импульсы выделение сванского, существующее же долго и после этого картско-занское (мегрело-чанское) языковое единство распалось, по-видимому, в VIII в. до н. э.⁴⁴⁹

Следует отметить, что многие лексические инновации картского (грузинского) и мегрело-чанского, которыми они совместно отличаются от сванского, могли возникнуть лишь в эпоху после середины II тыс. до н. э. Речь идет об обозначениях технических и культурных достижений, с которыми эти племена ознакомились лишь в означенный период, а также лексических явлениях, появившихся вследствие контакта с южным хетто-хурритским миром. Для сванского чужд, но общим достоянием для картско-занского является целый ряд терминов, связанных с развитым земледелием, виноградарством, ростом в скотоводстве разведения мелкого рогатого скота, распространением коневодства и т.д. (см. картско-занские термины, связанные с земледелием, отсутствующие в сванском: ბაგა, ბეღელ-, თიბ-, თეს-, სკა, ყანა, ცელ-, ვუბაპ, ღვინო, სელ-, საწრებელ-, ფოცხ- ღერლ-/ღურღილ-, ცეხვ-; таковы и термины,

⁴⁴⁶ Г а м к р е л и д з е Т. В., И в а н о в В. В. Древняя Передняя Азия и индоевропейская проблема. Временные и ареальные характеристики общеиндоевропейского языка по лингвистическим и культурно-историческим данным — ВДИ, 1980, №3; их же. Миграции племен—носителей индоевропейских диалектов — с первоначальной территории расселения на Ближнем Востоке в исторические места их обитания в Евразии. — ВДИ, 1981, №2.

⁴⁴⁷ М е л и к и ш в и л и Г. А. Возникновение Хеттского царства и проблема древнейшего населения Закавказья и Малой Азии. — ВДИ, 1965, №1; М а ч а в а р и а н и Г. И. К типологической характеристике общекартвельского языка-основы. — ВЯ, 1966, № 1, с. 9, прим. 31.

⁴⁴⁸ К л и м о в Г. А. О лексическо-статистической теории М. Сводеша. — В сб.: Вопросы теории языка в современной зарубежной лингвистике, М. 1962, с. 239—253; Б о к а р е в Е. А. Введение в сравнительно-историческое изучение дагестанских языков. Махачкала, 1961, с. 17—18.

⁴⁴⁹ К л и м о в Г. А. Этимологический словарь картвельских языков. М., 1964, с. 35 и сл.; его же. — ВЯ, 1959, №2, с. 120; 1962, № 3, с. 151—153, Vogt H. Arménien et Caucasiqne du Sud. Norsk Tidsskrift for Sprogvidenskap, IX, Oslo, 1938, с.325 и сл.; его же. Remarques sur les noms des lieux du Caucase. Symbolae Osloenses fasc. Suppl. XI, 1943, с.176 — 184; его же. Remarques sur la préhistoire des langues kartvéliennes.—Revue de Kartvélogie, vol. XI—XII, № 36—37, 1961, с. 5—11; М е л и к и ш в и л и Г. А. К истории древней Грузии. Тбилиси, 1959, с. 98—100

обозначающие разные металлы — наименования меди, железа, серебра⁴⁵⁰, имеющие притом параллели в южных хетто-хурритских языках)⁴⁵¹

Поскольку у картско-занской группы картвельских племен наблюдаются контакты с южным переднеазиатским миром (хетты, хурри-урартийцы), она, видимо, занимала сравнительно южные области нынешней Грузии и частично территории, находившиеся еще южнее (в частности в северо-восточной Малой Азии, где впоследствии мы также находим картвельские племена). Что касается сванской группировки, ее уже во II тыс. до н. э. следует локализовать в северной части распространения грузинских племен, хотя в это время, так же как и в I тыс. до н. э., они, видимо были широко распространены не только в горной, но и в низменной частях Западной Грузии. К этому выводу приводит нас, в частности, изучение древней топонимики данного края. Давно уже известно наличие отдельных сванских названий в равнинной части Западной Грузии. Например, даже название «Ланчхути» считается сванским⁴⁵². Сванскую этимологию находят в наименованиях крупных центров — Сухуми (груз. Цхуми — ср. сванск. Цхум — ზუბოლი), Поты (Фасис античных источников)⁴⁵³. Выясняется, что широко распространенная в Западной Грузии (наряду со Сванети также в Лечхуми и других равнинных областях) топонимика с суффиксом на-иш (-ш) является сванской по происхождению⁴⁵⁴. К выводу о широком распространении сванского населения на территории Западной Грузии приводит также анализ сведений античных писателей; выясняется, в частности, что сванский элемент подразумевается, в основном, в часто упоминаемых этими писателями широко распространенных в древности в Западной Грузии племенах гениохов⁴⁵⁵.

По вопросу о распространении грузинских племен в южном направлении нельзя не привлечь материал о малоазийских мушках и табалах. Их, как известно, часто упоминают в первую очередь ассирийские надписи VIII—VII вв. до н. э. Основываясь на сходстве этих наименований с названиями грузинских племен месхов (мосхов) и иберов, не так давно широко было распространено мнение, что единственными предками грузин являются именно эти малоазийские мушки и табалы, переселившиеся в VII в. до н. э. из Малой Азии в Грузию. Ныне это мнение отвергается, однако не исключается, что в этих племенах, частично по крайней мере, мы можем усмотреть распространившиеся далеко на юго-запад отдельные грузинские племена. В значительной степени хеттизировавшись, в дальнейшем они (в частности мушки) сыграли определенную роль в возникновении восточногрузинской государственности⁴⁵⁶ (об этом речь будет идти ниже).

Необоснованные предположения о смене населения на территории Грузии (и Кавказа вообще), о переселении грузинских племен издавна выдвигались и на археологическом материале⁴⁵⁷. Б. А. Куфтин в своих работах энергично отстаивал положение о единой цепи, непрерывности развития культуры на территории Грузии (Южного Кавказа), чем отвергал мысль о сплошной замене здесь населения в

⁴⁵⁰ К л и м о в Г. А. Этимологический словарь картвельских языков. М., 1964, с. 55—56 и др.;

М е л и к и ш в и л и Г. А. К вопросу о древнейшем населении Грузии, Кавказа и Ближнего Востока. Тбилиси, 1965, с. 72.

⁴⁵¹ Там же, с. 93 и след.

⁴⁵² Д ж а н а ш и а С. Н. Труды, т. III. Тбилиси, 1959, с. 146.

⁴⁵³ М е л и к и ш в и л и Г. А. Наименование города Фасиса и вопрос об этническом составе населения древней Колхиды. — ВДИ, 1966, № 1.

⁴⁵⁴ К а л д а н и М. К. вопросу о суффиксе -иш (-ш) лечхумских географических названий. — В сб.: Вопросы структуры картвельских языков, III. Тбилиси, 1963.

⁴⁵⁵ М е л и к и ш в и л и Г. А. К истории древней Грузии; его же. К вопросу о древнейшем населении Грузии..., с. 63—68.

⁴⁵⁶ Там же, с. 18—26.

⁴⁵⁷ Об этом см.: Ч и т а я Г. С. Акад. С. Джанашиа и проблема происхождения грузинского народа. — Мимомхилвели, I, 1949, с. 2 и сл. (на груз. яз.)

древности⁴⁵⁸. О преемственности и непрерывной цепи развития свидетельствует и приведенный богатый материал в нашей книге, очерках, посвященных отдельным археологическим культурам.

Наконец, об этом же могут свидетельствовать и антропологические материалы Грузии и всего Закавказья, указывающие на присутствие здесь с древнейших времен до поздних эпох одних и тех же антропологических типов и их органическое развитие. Поскольку в обобщающих исторических работах этот вопрос до сих пор почти не освещался, считаем нужным более подробно изложить точку зрения относительно указанного вопроса видного специалиста по антропологии Кавказа М. Г. Абдушелишвили.

По мнению М. Г. Абдушелишвили, современные локальные типы Грузии образовались путем внутреннего развития местных древних антропологических типов, без чувствительного воздействия каких-либо других элементов. Таким образом, современное грузинское население является потомком древнейшего населения Западного Закавказья — создателя местной медной, бронзовой и железной культур, не говоря уже о преемственности населения более поздних эпох (античный и феодальный периоды истории), с которым непрерывное генетическое родство — вне всякого сомнения.

На территории современной Грузии можно различить пять друг от друга отличных в той или иной мере местных антропологических вариантов: 1) причерноморский, распространенный среди причерноморских аджарцев, гурийцев, мегрелов и абхазцев; 2) западногрузинский, встречающийся среди непричерноморских лечхумцев, рачинцев низменности, имеретинцев, мегрелов, гурийцев и аджарцев; 3) восточногрузинский, охватывающий в основном картлийцев и кахетинцев; 4) южногрузинский — среди месхов, джавахов и в некоторых других южных грузинских группах; и, наконец, 5) кавкасионский вариант, распространенный среди грузинских и негрузинских групп Горного Кавказа. Все пять антропологических вариантов принадлежат переднеазиатскому антропологическому типу, хотя ни один из них не представляет его классической формы (последняя встречается в некоторых южных группах ассирийцев, армян и др.). К таким классическим переднеазиатским формам ближе всего стоит южногрузинский вариант. От южногрузинского восточногрузинский вариант отличается некоторыми, характерными для кавкасионского типа, признаками, а западногрузинский, и особенно причерноморский, отличаются от переднеазиатских форм тем комплексом признаков, который сближает их с понтийским типом.

Все аборигенное население Кавказа принадлежит южной ветви большой европеидной или индосредиземноморской расы. Представители всех трех больших ветвей этой расы (индо-памирская, средиземноморско-балканская и переднеазиатская) встречаются в современном населении Кавказа, конечно, в виде местных разновидностей. Каспийский тип, который встречается в восточных азербайджанцах и восточных дагестанцах явно входит в группу индо-памирского типа; понтийский тип, характерный для населения Северо-Западного Кавказа (адыгейцы, черкесы, кабардинцы, абазинцы) принадлежит к группам средиземноморско-балканского типа; а в горном регионе Грузии, Армении и Зап. Азербайджана наиболее распространены группы переднеазиатского типа.

Выясняется, что истоки кавказского антропологического единства (кавказские формы всех трех ответвлений связаны между собой определенным комплексом морфологического сходства) происходят из глубокой древности. Чем более древним

---

⁴⁵⁸ К у ф т и н Б. А. К вопросу о древнейших корнях грузинской культуры на Кавказе по данным археологии. — ВГМГ, XII—В. Тбилиси, 1944.

является выявленный на этой территории палеоантропологический материал, тем большим является между ними морфологическое сходство⁴⁵⁹.

Конечно, вопрос о происхождении и формировании, вопрос об этногенезе того или иного народа нельзя свести к вопросу об автохтонности или переселения его на занимаемую позже им территорию. Более важным является проследить весь путь его этно-социального развития, начиная с наиболее отдаленных времен вплоть до последних ступеней.

Советская историческая наука вполне справедливо выделяет ряд типов этно-социальных общностей: племя, народность, нацию. Означенные типы в то же время олицетворяют этапы этно-социального развития того или иного коллектива людей, притом развитие и видоизменение этнических признаков (языка, культуры, этнического самосознания и др.) теснейшим образом связано с процессом социально-экономического развития данного коллектива.

Племя, народность, нация не являются только лишь этническими категориями — они представляют не только определенную этническую общность, но и социальную, для которой характерна общность общественно-политической и экономической жизни. Именно последняя выступает в качестве фактора, сохраняющего, в одном случае, или даже создающего, в другом, общность по линии сугубо этнических признаков. Именно она создает общество, т. е. систему необходимых коммуникаций, результатом чего являются создание, распространение и сохранение в пределах этой системы (resp. общества) определенной общности по языку, культуре и т. д. Без подобной общности социально-экономической и политической жизни немислимо также формирование этнического самосознания—сознания принадлежности к определенной этно-социальной общности.

Если общность общественно-экономической жизни—обязательное условие для существования наиболее ранних этно-социальных общностей (таких, как племя), она еще более существенную роль играет при формировании и сохранении более развитых видов этно-социальных общностей — народности и нации.

По сравнению с этно-социальными общностями первобытной эпохи, характерная для древности и средневековья категория — народность, является объединением большого масштаба. Кроме того, язык, культура народности несравненно более развиты, ареал их применения несравненно более широк и т. д. Однако вместе с тем народность характеризуется меньшей монолитностью, меньшей однородностью по сравнению с племенами — этно-социальными общностями первобытной эпохи. В пределах народности более слабыми являются политические и экономические связи. Поэтому и языковая, культурная общность в них далека от той однородности, которая характерна для племени. Менее монолитно и этническое самосознание. Социальная неоднородность — наличие глубокого раскола общества на господствующих и подчиненных — обуславливает меньшую этническую монолитность такого общества. При рабовладении эти разные части общества, как правило, даже по происхождению сильно отличаются друг от друга, а в феодальном обществе господствующий класс старается отмежеваться от крепостного крестьянства и этнически — старается утверждать свое инородное происхождение, да и фактически, например по языку и культуре, сильно отличается от него. Можно указать и на то, что иногда в составе крупной народности имеется немало более мелких народностей и разных этнографических групп, что также говорит о недостаточной монолитности этой категории этно-социальных общности.

---

⁴⁵⁹ Об итогах антропологического изучения Кавказа, о местном органическом развитии антропологических типов населения Кавказа см.: A b d u s h e l i s h v i l i M.G. The Genesis of the Aboriginal Population of the Caucasus in the Light of Anthropological Data.—Proceedings of VIII International Congress of Anthropological and Ethnological Sciences, vol. I, Tokyo and Kyoto, 1968.

В новое время, в силу характерной для него исключительной интенсивности экономических, политических, культурных связей, создаются еще более крупные и монолитные этно-социальные общности — нации, в которых еще более расширяется поле действия таких элементов общности, как язык и культура, и достигается значительно большая нивелировка членов общества по этим признакам.

Следовательно, для того чтобы понять сущность различия между разными категориями этно-социальных общностей, следует в полной мере учесть своеобразие той или иной эпохи, для которой характерна та или иная категория, определить как, каким образом воздействуют существующие в эту эпоху социально-экономические, политические и другие условия на процесс этнического развития, на формирование и дальнейшее развитие характерной для данной эпохи этно-социальной общности.

Изучение процесса этно-социального развития грузинского народа (resp. грузинской нации) вызывает большой интерес, поскольку мы имеем дело с народом, имеющим очень древнюю историю, прошедшим весьма сложный путь развития.

Подытоживая уже сказанное, следует отметить, что, по языковым данным, уже в III тыс. до н. э., в эпоху существования общекартвельского языкового единства, как предполагают, грузинские племена жили на Кавказе. Вместе с тем, судя по археологическим и антропологическим исследованиям последних десятилетий, на территории Грузии с древнейших времен наблюдается непрерывность культурного развития и присутствие одних и тех же антропологических типов, их органическое развитие, что исключает здесь полную смену населения и заставляет признать ведущим в течение всего этого времени элементов превалирующие и позже картвельские племена.

Конечно, в ту отдаленную эпоху население жило все еще отдельными племенами; племя составляло основную этно-социальную единицу, и, несмотря на то, что между соседними племенами было много общего по языку и культуре, самосознание этнической принадлежности вряд ли выходило за пределы собственного племени. Не только не было сознания общности этих племен в настоящем, но в значительной мере была утрачена и память об общем их происхождении. В эту эпоху ведущими были процессы языковой и вообще этнической дифференциации. Однако примерно с середины II тыс. до н. э., в связи со значительным прогрессом в развитии производительных сил, интенсивным распадом первобытнообщинного строя и образованием крупных союзов родственных племен интенсивно начинает проходить и процесс интеграции.

Образование в эпоху поздней бронзы (вторая половина II и начало I тыс. до н. э.) на территории Грузии охватывающих большие пространства ареалов однородных археологических культур является безусловным свидетельством наличия здесь крупных союзов племен и интенсификации связей между отдельными племенами и союзами племен, следовательно, значительного продвижения вперед процесса этно-социального развития населения Грузии. Как мы увидим ниже, это развитие приводит к образованию, на базе союзов родственных племен, ряда картвельских народностей, среди которых в античную эпоху особенно выдвигается картская (resp. восточногрузинская, иберийская) народность, составляющая основное ядро населения Картлийского (Восточно-Грузинского, Иберийского) царства. В силу ряда причин это последнее оказалось наиболее прочным и сильным среди грузинских политических и этнических образований. Оно не только объединило все картское население, но и распространило свое политическое и культурное влияние на ряд районов Грузии, населенных некартским элементом. Признаком его силы является, в частности, прочное подчинение себе многочисленных горцев Восточной Грузии и установление дружеских контактов с жившими по ту сторону Кавказа алано-сарматскими и северокавказскими вейнахо-дагестанскими племенами, вооруженные отряды которых правители Иберии систематически привлекали для борьбы с соседями или даже с могущественными Парфией и Римом. Более слабой оказалась в античную эпоху западно-грузинская (колхидская) государственность, сложившаяся в основном в пределах Колхидской

низменности. Об этом вполне определенное представление можно составить на основании известий античных авторов, особенно таких, как Страбон и Арриан. Западногрузинской государственности пришлось развиваться в несравненно более неблагоприятных условиях, при засилии крупных античных государств (Понтийское царство, Рим) и соседних горцев, над которыми ей не удалось установить такой прочный контроль, как это удалось сделать соседней Иберии над горцами Восточной Грузии. Колхидское царство не смогло включить в себя даже все западногрузинские (мегрело-чанские) племена — жившая в Понтийских горах ветвь этих племен осталась вне Колхидского государства, жила все еще в условиях первобытнообщинного строя и, следовательно, не вошла в сложившуюся в пределах Колхидского царства западногрузинскую народность. Малочисленность и слабость этнического ядра Колхидского государства, этническая пестрота населения Западной Грузии (здесь наряду с западногрузинским мегрело-чанским — населением жили многочисленные группы двух других ветвей грузинских племен — карты и сваны, а также абхазо-адыгейские племена), господство эллинистического Понтийского царства, а затем Рима, наличие в прибрежных районах греческих колоний, усиленно занимавшихся реэкспортом высокоразвитой к тому времени греческой культуры, — все это обусловило относительную слабость происходящего на территории Западной Грузии процесса этнической консолидации местных племен.

Временами в античную эпоху сильной Иберии удавалось распространить свое политическое господство также и на значительную часть Западной Грузии, о чем свидетельствуют как античные греко-римские источники, так и древнегрузинская историческая традиция, дошедшая до нас в своде древнегрузинских летописей «Картлис цховреба». Это еще более способствовало сближению населения Восточной и Западной Грузии. Могущество и прочность древнеиберийской государственности является важнейшим феноменом, обусловившим прочность сложившейся в ее лоне древней восточногрузинской (картской) народности, сыгравшей в дальнейшем роль консолидирующего ядра при формировании единой грузинской народности.

Конечно, прочность (монолитность) этой восточногрузинской народности, как и всякой другой, была относительной и далеко уступала характерной для нации монолитности. Это выражалось, в частности, в наличии языковых различий (диалекты!), а также различий в обычаях, верованиях и т. д., что бросалось в глаза даже античным авторам (см.: Страбон, XI, 3,3).

Новый стимул для складывания единой грузинской народности дало христианство, утвердившееся в Восточной Грузии в качестве официальной религии в IV в. Насаждение христианства силой среди горцев Восточной Грузии положило конец культурно-религиозному обособлению горцев и еще более сблизило их с населением развитых низменных районов. Картлийская церковь, наряду с внедрением христианского богослужения на грузинском языке, способствовала распространению грузинской письменности. В Западную Грузию христианство проникало с двух сторон — с запада, из Византии, и из Восточной Грузии (Картли). Правда, на первом этапе здесь утвердилась греческая церковь с богослужением на греческом языке и т. д. Однако постепенно все более и более прочными становились позиции картлийской церкви. Энергичными борцами за искоренение греческого влияния и внедрение богослужения на грузинском языке, вообще за слияние западногрузинской церкви с восточногрузинской (Мцхетский католикосат) стали сами правители Западной Грузии — возникшего в VIII в. Абхазского царства. Осуществление их политических целей (достижение независимости от Византии и присоединение восточногрузинских и южногрузинских областей) с железной необходимостью толкало их в своей культурно-религиозной политике к максимальному покровительству грузинской церкви и грузинской письменности — единственной силы, способной в данной ситуации противостоять греческому влиянию.

Правителям Западной Грузии удалось до конца довести дело объединения всей Грузии под своей гегемонией. Основным фактором, обусловившим их успех в этом деле, несомненно, явилась большая монолитность Абхазского царства, наличие более сильной центральной власти и более многочисленного слоя рядовых, еще не закрепощенных свободных производителей — по сравнению с Восточной и Южной Грузией (Картли и Тао-Кларджетское царство), где процесс феодализации был намного далеко зашедшим.

Объединение феодальной Грузии в XI—XII вв. еще более сплотило разные области Грузии. Грузинский язык отныне сделался единственным языком широких коммуникаций между жителями разных частей Грузии, языком государственным, языком церкви, литературы и искусства. Все это имело своим результатом создание общегрузинской народности, формирование самосознания принадлежности к единой грузинской народности. Конечно, это было все еще далеко не монолитное единство — население разных областей Грузии и в эту эпоху сильно отличалось одно от другого, сохранялся целый комплекс своеобразных местных обычаев, в каждодневном быту продолжали пользоваться местными языками и диалектами и т. д.

После распада единой грузинской феодальной монархии и образования ряда княжеств на территории Грузии (XIII—XVIII вв.) усилился процесс обособления, приведший к оформлению ряда грузинских этнографических групп, однако не было потеряно сознание общегрузинского единства — на территории всей Грузии создавалась единая грузинская культура, грузинский язык оставался языком коммуникаций, богослужения, языком литературы и искусства. Все время жила и идея политического единства Грузии, унаследованная от эпохи XI—XII вв.

Как известно, характерная для феодализма западноевропейского типа политическая раздробленность, с одной стороны, и сравнительно высокая централизация средневековых государственных образований Кавказа, так же как наличие более оживленных экономических связей в них, — с другой, определили значительное различие в путях их развития.

В своих основных чертах грузинский феодализм близко примыкает к феодализму западноевропейского типа, однако создание в Грузии довольно централизованной единой феодальной монархии XI—XII вв., которой удалось достичь, на первых порах во всяком случае, больших успехов в борьбе с феодальным партикуляризмом, обусловило довольно раннее образование в Грузии крупной народности, вобравшей в себя все стоящие близко друг к другу этнические группы данного региона.

Трансформация грузинского народа (народности) в нацию в результате всемогущих консолидирующих факторов новой капиталистической эпохи происходила в основном на базе достигнутого уже на этапе народности единства, на базе единой грузинской народности, сложившейся еще в средневековую эпоху, однако при этом пришлось выполнить в значительной мере и задачу полного слияния в одно целое разрозненных, за долгий период феодальной раздробленности XIII—XVIII вв. сильно обособившихся друг от друга, разных, частей единой грузинской народности.

ГЛАВА VIII

ДРЕВНЕЙШИЕ РАННЕКЛАССОВЫЕ ГОСУДАРСТВА И ПЛЕМЕННЫЕ СОЮЗЫ В ЮГО-ЗАПАДНОЙ ГРУЗИИ

После падения Митаннийской державы (XIII в. до н. э.) на обширной северной территории, ранее находившейся под ее контролем, воцарилась обстановка политической раздробленности.

В XII в. до н. э. здесь выдвинулся крупный союз племен, сложившийся на территории юго-западной части исторической Грузии. Он просуществовал в продолжение многих веков, превратившись в дальнейшем в прочное объединение и,

может быть, даже государство раннеклассового типа. Это объединение многократно упоминается в ассирийских, а затем в урартских источниках. В ассирийских источниках его название фигурирует в форме «Даиаэни» или «Даиани», в урартских источниках же упоминается в форме «Диауехи» или «Диаухи»⁴⁶⁰.

Территорию страны Диаухи надо искать в юго-западных районах исторической Грузии. К этому выводу мы приходим на основании самих ассирийских и урартских источников. По этим последним район современного города Эрзерума и верховьев р. Западного Евфрата (совр. Кара-су) представляется уже входящим в состав Диаухи. Так, например, северо-восточнее Эрзерума, между Хассан-Кала и Делибаба, у сел Язлыташ и у Зивина (также в районе Эрзерума) найдены надписи урартского царя Менуа, повествующие именно о завоевании страны Диаухи и ее «царского города» Шашилу (УКН, 36, 37). Примерно на этот же район как на местонахождение страны Даиаэни указывают и надписи Салманасара III — в 15-й год своего царствования этот ассирийский царь дошел до истока Евфрата (Кара-су) и там получил дань от прибывшего к нему царя Даиаэни Асия⁴⁶¹.

Район Эрзерума и верховьев р. Кара-су, по всей вероятности, был южной периферией страны Диаухи. Отсюда территория этой страны простиралась, по-видимому, далеко на север. В урартских источниках по соседству с Диаухи, например, упоминается страна Забаха (УКН, 127, 1), название которой сохранилось в наименовании одной из областей Южной Грузии — Джавахети (район современного города Ахалкалаки; древняя Забаха занимала территорию и к югу от этого района, вплоть до района Чалдырского озера).

Уже к концу XII в. до н. э. Диаухи (Даиаэни), очевидно, представляло значительную силу, так как мы его видим во главе крупной коалиции племен, живших к северу и западу от Ванского озера и поднявшихся на борьбу против Ассирии.

В 1112 году до н. э. (на третьем году своего царствования) ассирийский царь Тиглатпаласар I (1115—1077) предпринял крупный поход против стран Наири. Под этим названием ассирийцы обозначали земли, лежавшие к северу от Ассирии, вокруг Ванского и Урмийского озер⁴⁶².

В своей летописи Тиглатпаласар I пространно описывает этот свой поход против северных стран⁴⁶³.

Главенствующее положение Даиаэни (Диаухи) среди этого объединения стран Наири ясно видно из надписи Тиглатпаласара; лишь царь Даиаэни назван по имени среди царей Наири. Одержав победу над коалицией «царей Наири», ассирийский царь всех этих царей, захваченных им в плен, «прощает» на месте, получает от них заложников, налагает на них дань и, заставив дать клятву покорности, отпускает в свои страны. Лишь Сиени, царя Даиаэни, Тиглатпаласар, скованного, ведет в Ассирию и только там, решив, по-видимому, что для интересов Ассирии полезнее будет отпустить его в свою страну, освобождает Сиени, заставив дать клятву в покорности. На основании этих показаний Тиглатпаласара не раз была высказана мысль, что в этом объединении племен Наири главенствующее положение, по-видимому, принадлежало царю Даиаэни. Такого положения же Даиаэни добилось несомненно благодаря своему превосходству над остальными «странами» Наири в военно-политическом и экономическом отношениях. Все это заставляет думать, что в это время Даиаэни (Диаухи) являлось одним из значительных, возможно, даже самым значительным политическим образованием в обширной области Наири.

В данной надписи Тиглатпаласара I можно усмотреть также указание на распространение влияния Даиаэни и на более северные, причерноморские, области. Уже

⁴⁶⁰ Наири-Урарту, с. 58; УКН, 36, 127, 1; 128 A 1; 128 B I.

⁴⁶¹ «Надпись на быках», стк. 102—107 (Beiträge zur Assyriologie..., VI, I с. 148—150; ARAB, I, §§ 660—662).

⁴⁶² Наири-Урарту, с. 13—20.

⁴⁶³ Тиглатпаласар I. Надпись на призме, столб, IV, стк. 43—столб. V, стк. 32.

после сообщения о битве с «23 царями Наири» и об одержанной над ними победе царь Тиглатпаласар говорит, что он 60 царей вместе с теми, которые пришли им на помощь, преследовал своим дротиком «до Верхнего моря». Встает вопрос, в каком отношении находятся эти «60 царей Наири», а также «пришедшие им на помощь (цари Наири)» с перечисленными раньше 23 царями Наири. По-видимому, в надписи речь идет о столкновении с тремя разными группировками: с войском «23 стран Наири» и с двумя другими напавшими на ассирийское войско уже после одержанной им победы над первой группировкой — «60 царями Наири», а также «пришедшими им на помощь (царями Наири)», очевидно, они шли на помощь первой группировке по ее призыву, но не успели к решающей битве.

Откуда же были эти последние две группировки «царей Наири»? Тиглатпаласар говорит, что он преследовал их своим дротиком до «Верхнего моря», т. е., очевидно, до их исходного пункта, откуда пришли эти цари Наири. Поэтому важное значение для нас приобретает определение того, какое же море подразумевается под «Верхним морем» в надписи Тиглатпаласара I.

Исследование этого вопроса привело нас к выводу, что под «Верхним морем» подразумевается Черное море, и, следовательно, здесь речь идет о территории Юго-Восточного Причерноморья, и что мы здесь имеем древнейшие сведения о племенах исторической Колхиды. К этому заключению нас приводит сопоставление многочисленных надписей Тиглатпаласара I, повествующих об его завоеваниях в странах Наири⁴⁶⁴.

Население Юго-Восточного Причерноморья в это время жило в условиях родового строя. Наглядным свидетельством этого является упоминание «60 царей», а также других «царей» этой области, напавших на ассирийское войско во время северного похода Тиглатпаласара I в 1112 г. до н. э. Отсюда видно, что здесь, среди племен Колхиды в это время не было даже прочного союза племен. Свое влияние на эту область распространило лежавшее несколько южнее крупное объединение Даиаэни (Диаухи). Вероятно, этим надо объяснить и то, что на помощь подвергшемуся нападению со стороны ассирийцев Даиаэни и его соседям направилось войско многих причерноморских племен.

И тем не менее здесь заметно появление первых признаков слагающегося союза племен: кратковременно, то с оборонительной, то с наступательной целью создаются большие объединения живших здесь колхских племен. Вначале это были лишь простые коалиции племен, не имевшие общего правления, единого вождя и т. д., но затем такие объединения приобрели, несомненно, более прочный характер.

В этих местах имелись хорошие природные условия для развития ряда отраслей хозяйства, в особенности скотоводства и металлургии. Этот край богат залежами руды разных металлов, в частности меди и железа.

Судя по более поздним данным, последующее развитие здесь пошло быстрыми темпами. Близость к древневосточным культурным областям и интенсивные сношения с ними также способствовали этому. Одной из причин создания прочного союза колхских племен, возможно, была необходимость защиты от своих сильных соседей, в первую очередь, конечно, от крупного соседнего объединения Диаухи.

В урартских надписях VIII в. до н. э. перед нами уже выступает сильное, объединенное под властью одного «царя», «Колхидское царство» (урартийцы называли его «страной Кулха», т. е. Колха; клинопись, как известно, не была в состоянии передать гласное «о» особым знаком и для этого пользовалась знаками для «у»). Под его ударом происходит разгром сильного «царства Диаухи».

В знаменитом древнегреческом сказании об аргонавтах нашел отражение факт существования сильного колхидского объединения. Впервые греки близко

---

⁴⁶⁴ Наири-Урарту, с. 25 и др.

познакомились с Юго-Восточным и Восточным Причерноморьем, по всей вероятности, в эпоху могущества здесь этого объединения колхских племен. Именно поэтому произошло распространение греками названия этого объединения на всю обширную область Юго-Восточного и Восточного Причерноморья, и так, вероятно, образовалось общее собирательное наименование этой области — «Колхида».

Все это говорит о том, что непрочное объединение племен Колхиды, которое мы встречаем в конце XII в. до н. э., скоро переросло в могучий союз племен, распространивший свое влияние на обширные земли Юго-Восточного и Восточного Причерноморья. Это, между прочим, в сильной мере способствовало интенсивному обмену культурными достижениями между населявшими этот край племенами и подготовило почву для возникновения на рубеже II—I тыс. до н. э., в период т. н. поздней бронзы, крупной области однородной материальной культуры, охватывавшей территорию почти всей современной Западной Грузии, а также значительную часть Юго-Восточного Причерноморья.

После конца XII в. до н. э. вплоть до IX—VIII вв. до н. э. в письменных источниках ничего не известно об объединениях племен Юго-Западной Грузии — Диаухи или Кулха. Однако, несомненно, за все это время указанные объединения продолжали существовать и еще более усилились. Умалчивание о них источников, в частности ассирийских царских надписей, является вполне понятным. Вскоре после могущественного Тиглатпаласара I (1115—1077) Ассирия слабеет и в продолжение нескольких столетий ей приходится вести тяжелые оборонительные войны против арамейских племен. В эту эпоху ассирийские цари лишены возможности осуществлять активную политику по отношению к таким далеким странам, какими являлись Даиаэни (Диаухи) или Колхида (Кулха). В IX веке же, когда Ассирия выходит из продолжавшегося несколько столетий периода упадка, приобретает большое могущество и начинает крупные походы против северных племен, в ассирийских источниках вновь появляются сведения о стране Даиаэни и эта последняя все еще кажется значительным политическим образованием в области Наири. В то же время появляются сведения об этой стране и в возникшей к этому времени урартской письменности, в которой с самого начала Даиани (Диаухи) выступает в качестве крупной политической единицы. Несколько позже, в середине VIII в., когда находившаяся между Урарту и Колхидой Даиаэни была разгромлена и эти страны сделались непосредственными соседями друг друга, в урартских надписях появляется и сильная Колхида («Кулха», как называют ее урартийцы). Таким образом, отсутствие упоминания в источниках XI—X вв. этих объединений имеет свои причины и не может свидетельствовать о распаде в первые века I тыс. до н. э. вышеназванных объединений племен Юго-Западной Грузии.

Первые века I тыс. до н. э. на Ближнем Востоке являются «периодом малых государств». Распалась единая Египетская держава. Ослабевшая Вавилония влачила жалкое существование. Были разгромлены могучие государства — Митанни (в Верхней Месопотамии) и Хеттское царство (в Малой Азии). Отсутствие поблизости крупных государств также благоприятствовало усилению сравнительно малых объединений, в том числе, вероятно, и объединений Даиаэни (Диаухи) и Колхиды (Кулха).

Однако в IX в. до н. э. на территории, примыкающей к Закавказью с юга, произошли крупные изменения. Ассирия обрела большое могущество и развернула наступательные войны против своих соседей. Вскоре еще ближе к Закавказью сложилось другое могучее государство — Урарту.

По своей этнической принадлежности урартийцы стояли близко к хурритам, населению государства Митанни. Языки хурритский и урартский являются близкородственными друг другу языками. Урартские племена с древнейших времен жили на обширной территории вокруг Ванского озера. В северном направлении они были распространены (или распространились) на большом расстоянии от Ванского озера, возможно, вплоть до долины среднего течения Аракса — Араратской долины.

Возникшее в IX в. до н. э. Урартское царство охватывало обширную территорию вокруг Ванского озера. Столицей его стал город Тушпа (нынешний гор. Ван на юго-восточном побережье Ванского озера). В конце IX в. и в первой половине VIII в. до н. э. правители Урарту (Ишпуини, Менуа, Аргишти I, Сардури II) развернули серию успешных наступательных войн, в результате которых значительно увеличили территорию своего государства.

Урартское царство в эту эпоху овладело значительной частью Северной Месопотамии и Приурмийского района, распространило свою политическую гегемонию на земли, лежащие к югу от Ванского озера, и на Северную Сирию.

Цари Урарту овладели также значительной территорией на севере вплоть до Араратской долины и района Севанского озера включительно. В этих районах урартийцы построили много крепостей — своих опорных пунктов, превратив эти места в провинцию своего государства. Уже Аргишти I построил на Араратской долине две крупные крепости: Аргишти-хинили (на северном, левом берегу р. Аракса, у совр. сел. Армавир) и Ирпуни (Эрибуни) (на холме Арин-берд на окраине совр. Еревана). Позже, в первой половине VII в. до н. э. урартийцы на другой окраине совр. Еревана построили еще одну значительную крепость Тайшебаини (совр. Кармир-блур). Раскопки урартских крепостей на холмах Кармир-блур и Арин-берд, проведенные советскими археологами, дали блестящие результаты и намного обогатили наши знания об этом могущественном древневосточном государстве, сыгравшем большую роль в жизни древнейшего населения Закавказья.

В превращенной в свою провинцию, в составную часть своего государства, Араратской долине урартийцы развернули большие строительные и ирригационные работы — устраивали царские (государственные) хозяйства и т. д. Покоренное население облагалось налогами и принуждалось участвовать в строительном-ирригационных работах и военных походах.

Наряду с территорией, включенной в состав Урартского государства, многие другие области Южного Закавказья превратились в объект урартских опустошительных походов. Вторжения урартийцев несли уничтожение и разорение жившим здесь племенам. Одержав победу, урартийцы угоняли отсюда много пленных (часть которых превращали затем в своих рабов), увозили огромную добычу (главным образом скот и металлы), налагали на население дань и т. д.

Возникновение по соседству такого сильного государства осложнило положение Диаухи (Даиаэни). В лице Урарту у Даиаэни появился опаснейший враг. Ввиду этого правители Даиаэни изменили свое отношение к старому врагу северных народов — Ассирии, решив опереться на нее в борьбе против нового грозного врага. По-видимому результатом этого является событие, происшедшее у истока р. Евфрат (Западный Евфрат, совр. Кара-су), на 15-м году правления ассирийского царя Салманасара III (859—824).

В «Надписи на быках» (стк. 102—107) Салманасар III говорит: «В 15-й год своего царствования я направился на страну Наири. У истока реки Тигр, на скалистом месте горы, у места выхода (воды) я сделал изображение моей царской особы (и) славу моего могущества, мои героические дела на нем я написал. (Затем) вышел я в ущелье страны Тунубини; города Араме урартийца до (самого) истока реки Евфрат я разгромил, разрушил, предал огню. Дойдя до истока Евфрата, я совершил жертвоприношения моим богам; оружие (бога) Ашшура в нем (т. е. в источнике. — Г. М.) омыл. Асия, царь страны Даиаэни, обхватил мои ноги, дань и приношения, коней получил я от него. Изображение моей царской особы я сделал (и) поставил посреди его города»⁴⁶⁵.

Таким образом, в 845 г. до н. э. Салманасар III, достигнув истока Западного Евфрата, после разгрома им городов царя Урарту Араме, встречает здесь явившегося перед ним с приношением царя Даиаэни Асия. Потомок того Сиени, который при

⁴⁶⁵ ARAB, I, §§ 660—662; АВИИУ, №31.

Тиглатпаласаре I возглавлял борьбу северных племен (племен Наири) против Ассирии, в это время без боя (у Салманасара ничего не сказано о военном столкновении с войском Даиаэни) покоряется ассирийцам, сам является к царю Ассирии и преподносит ему приношения. Вполне вероятно, что к этому принудил вовсе не страх перед ассирийцами, а стремление заручиться их поддержкой против нового, близкого и опасного врага — Урарту. Возможно, искать союзника в лице Ассирии принуждала Даиаэни и угроза с севера, со стороны сильного объединения колхских племен — царства Колхиды. Царь Диаухи, вероятно, намеревался играть роль союзника и опоры Ассирии на севере и с ее помощью противостоять своим более близким и поэтому более опасным соседям (Колхида, Урарту).

Однако ориентация на Ассирию оказалась для Даиаэни (Диаухи) бесперспективной. В конце IX и в первой половине VIII в. до н. э. усилившееся Урартское царство не только преграждало путь Ассирии к столь северным областям, как Даиаэни, но и теснило ее намного южнее. Царям Даиаэни приходится, полагаясь главным образом на свои собственные силы, вести тяжелую борьбу с Урарту. Ослабевшая Ассирия была не в состоянии чем-нибудь помочь Даиаэни (Диаухи). Однако в борьбе с Урарту у Диаухи оказалось много союзников среди племен Южного Закавказья, как и Диаухи, оказавшихся под ударами урартийцев. В силу этого Диаухи становится центром, вокруг которого группируются племена Южного Закавказья в их борьбе против урартской экспансии. Естественно поэтому, что цари Урарту стремятся в первую очередь к разгрому этого сильного объединения.

О походе против Диаухи повествуется уже в надписях урартского царя Менуа (конец IX в. и начало VIII в. до н.э.). В надписи, высеченной на скале около селения Язлыташ, расположенного между Хассан-Кала и Делибаба, в районе города Эрзерум мы читаем:

«Бог Халди выступил (в поход) со своим оружием (?) против Диаухи, могущественной страны. Халди могуч, оружие (?) бога Халди — могучее. Могуществом бога Халди выступил (в поход) Менуа сын Ишпуини; предшествовал (?) (ему) бог Халди.

Менуа говорит: завоевал я страну Диауехи, в бою я завоевал город Шашилу, царский город. Страну я сжег, крепости (разрушил ?). Дошел (?) я до страны Шешети, (до) города Зуа. Города Утуахан... Менуа говорит: Утупурши. царь Диауехи, явился передо мной, обнял (мои) ноги, ниц повергся; я отнесся (?) (к нему) милостиво (?), пощадил я (его) под условием (выплаты) дани; дал он мне золото (и) серебро, дал дань. Тех пленников, (?) (которые) возвратились (к нему), он вернул полностью...

Менуа говорит:.... двух царей я оттуда удалил — (царя) страны Балтулхи и (царя) страны города Халдириулхи; (какие только были) в стране укрепленные цитадели, я (их) оттуда отторгнул...

Менуа говорит: кто эту надпись уничтожит, кто (ее) разобьет, что кого-нибудь заставит совершить эти (дела), кто другой скажет: «Я совершил (все это)», — пусть уничтожат боги Халди, Тейшеба, Шивини, (все) боги его под солнцем...» (УКН,36).

В районе же Эрзерума, в селении Зивин открыты фрагменты надписи на каменной стеле (УКН, 37), в которой, несомненно, речь шла о походе против Диаухи, так как упоминается завоевание города Шашилу, названного в вышеприведенной надписи «царским городом» Диаухи.

Интересно отметить, что царь Менуа говорит о своем походе против «могущественной страны Диауехи». Это единственный случай в урартских надписях, когда вражеская страна упоминается столь возвеличивающим эпитетом. Несомненно поэтому, что Диаухи в это время было все еще крупным единением.

Как видно из вышеприведенной надписи царя Менуа, во время своего похода урартийцы опустошили страну Диаухи («страну сожгли (и) крепости (разрушили)»). Царь Диаухи Утупурши был вынужден явиться перед урартским царем, «обнял (его) ноги, ниц повергся», Он преподнес ему дань, в которой особо отмечаются золото и

серебро, Менуа говори , что он наложил на Утупурши дань. Однако урартийцы этим не ограничились. Они принялись за массовое уничтожение диаухийских крепостей. Вероятно, это и подразумевается, когда в надписи Менуа говорится: «(какие только были) в стране укрепленные цитадели, я (их) оттуда отторгнул (вырвал?)».

В надписи речь идет также об удалении «двух царей» — «царя» страны племени Балту и «царя» страны города Халдири. Очевидно, речь идет о вождах отдельных племен, находившихся в сфере влияния Диаухи.

Менуа предпринял и другие шаги для усиления своих позиций в борьбе против Диаухи. Этой цели, несомненно, служило построение им крепостей у южных границ Диаухи или же на самой территории Диаухи, завоеванной и отторгнутой урартийцами. Об этом свидетельствуют две надписи царя Менуа, найденные у Эрзерума, в которых речь идет о постройке в этих местах урартским царем «величественной крепости» (УКН, 68, 69).

Поход против царя Диаухи Утупурши, о котором повествует надпись Менуа из Язлыташа (УКН, 36), вероятно, произошел в конце царствования Менуа. Об этом может свидетельствовать тот факт, что Утупурши упоминается еще в надписях преемника Менуа — у Аргишти I (УКН, 128 А I).

В первый раз этот урартский царь столкнулся с Диаухи уже в начале своего царствования—пространно это событие описывается в тексте летописи на камнях из церкви Сурб-Сахак (УКН, 128 В 1).

При Аргишти I урартийцы все больше берут ориентацию на непосредственное присоединение территории Диаухи к своей стране. В вышеназванной надписи, например, говорится, что урартский царь отторгнул от Диаухи три области и присоединил их к своей стране. Здесь же сказано, что Аргишти оскотил четырех «царей» — «царей» племени Шашки, Ардаракихи, Балтулхи и Кабилухи. Вместо них урартский царь назначил своих — «правителей областей», т. е. превратил эту область в провинцию своего царства. Речь, по-видимому, идет о территории племен, находившихся до этого в подчинении у царей Диаухи.

Несмотря на поражения в борьбе с Урарту, Диаухи и при Аргишти I все еще являлась крупной величиной. В борьбе с Урарту она пользуется поддержкой других объединений племен Южного Закавказья. Аргишти I среди тех «царей», которые «пришли на помощь диаухийскому царю» называет «царей» Луша, Катарза, Эриахи, Гулутахи, Уитерухи, Апуни, Игани и т. д. Эти племена или группы племен жили в районе Чалдырского озера (Игани), совр. г. Лениакана (Эриахи и др.), в Араратской долине (Гулутахи и др.) и многократно упоминаются в урартских надписях. Урартийцы и против них неоднократно устраивали опустошительные походы.

То, что Диаухи в это время была крупной, богатой страной, показывают приведенные в урартских надписях данные о добыче и пленных, захваченных урартийцами в Диаухи, а также о дани, наложенной ими на царя Диаухи. Во время одного похода урартийцы захватили в Диаухи 28 519 пленных, 4426 коней, 10 478 голов крупного и 73 770 голов мелкого рогатого скота. Победенный царь Диаухи преподнес урартскому царю Аргишти 41 мину чистого (?) золота (мина урартийцев равнялась примерно 505 г⁴⁶⁶). 37 мин серебра, несколько десятков тысяч мин меди, 1000 верховых коней, 300 голов крупного и несколько десятков тысяч голов мелкого рогатого скота. В виде же ежегодной дани Аргишти налагает на царя Диаухи обязательство посылать урартийцам определенное количество золота, 10 000 мин меди, а также быков, 100 коров, 500 овец и 300 верховых коней (УКН, 128 В 1).

По этим данным урартских источников хорошо видно, что в Диаухи особо развитыми были скотоводство и обработка металлов.

---

⁴⁶⁶ П и а т р о в с к и й Б.Б.Истории и культура Урарту,1944,с.201-202.

В приношениях и дани царя Диаухи почетное место занимали металлы — медь, золото и серебро. Территория древнего Диаухи была очень богата залежами руд многих металлов. Здесь находился, в частности, древний и очень сильный очаг металлургии меди. Эта область и в античное время славилась обработкой металлов. К Диаухи царей Урарту влекло, вероятно, в первую очередь богатство этой области металлами, и походы урартийцев преследовали целью захват этого богатого соседнего металлургического района.

Приведенные данные свидетельствуют также о высоком развитии скотоводства в Диаухи. Территория этой страны, имеющая преимущественно горный рельеф, представляет прекрасные природные условия для развития скотоводства, главным образом овцеводства. В добыче и дани из Диаухи ясно видно также количественное превосходство мелкого рогатого скота над крупным рогатым скотом. Наряду с этим можно думать, что в Диаухи было высокоразвито и коневодство. В приношении диаухийского царя упоминается 100 верховых коней, а в ежегодной дани, наложенной урартийцами на Диаухи, фигурируют 300 коней. Кроме того, можно обратить внимание на то, что в надписях Менуа и Аргишти I, повествующих о походах в Диаухи, фигурирует ряд одинаковых выражений, в которых упоминаются диаухийские кони и в связи с ними «воины» (УКН, 36 стк. 19—23; 128 В 1, стк. 25—26). Хотя эти выражения и не поддаются точному переводу⁴⁶⁷, но можно думать, что речь идет о предназначении коней, доставляемых из Диаухи, для урартского войска; в пользу этого говорит также уже приведенный выше факт, когда ассирийскому царю Салманасару III (859—824), находящемуся в походе против Урарту, у истоков Западного Евфрата, т. е. у границ Диаухи, царь последней Асия также доставляет коней. Кроме коней Салманасар в полученной от царя Асия дани не называет больше ничего. Может быть, и в этом случае диаухийские кони предназначались для находящегося в походе ассирийского войска. Все это, безусловно, можно считать признаками высокого развития в Диаухи коневодства.

Указание на широкое развитие скотоводства у населения этой страны можно найти и в древнегреческих источниках. Об этом говорят сведения Ксенофонта (конец V в. до н. э.) о таохах—потомках населения древней Диаухи⁴⁶⁸.

За неимением соответствующих данных трудно судить о том, какого рода объединением являлась Диаухи. Судя по некоторым косвенным данным, ее трудно считать простым союзом племен. Она, вполне возможно, была уже государственным образованием раннеклассового типа. Высокий уровень производительных сил среди ведущего населения этой страны не вызывает сомнения. Вышеприведенные сведения о развитии в Диаухи металлургии и скотоводства, об обилии драгоценных металлов и т. д. свидетельствуют об этом. Многие значит и тот факт, что перед нами прочное, просуществовавшее на протяжении нескольких столетий крупное объединение, находящееся вблизи крупных древневосточных государственных образований и имевшее с ними интенсивные сношения. Во главе этого крупного объединения мы все время находим одного человека — «царя»; ассирийские и урартские источники постоянно говорят о том или ином «царе страны Диаухи (Даиаэни)» (Сиени, Асия, Утупурши), а не о «царях». Правители соседних держав всегда имеют дело именно с этими царями Диаухи, как с лицами, осуществлявшими суверенную власть в своей стране. Перед нами вовсе не та картина, которую мы видим по хеттским источникам, например, в стране Хайаса и в соседних с ней областях, когда суверенитет осуществляли не только «цари» (вожди), но и «старейшины» и просто «люди» этой страны, с которыми хетты даже заключали государственные договоры. Видно, что в Диаухи развитие пошло дальше ступени «военной демократии», на которой стояло население этой области, соседних районов Закавказья и северо-восточной окраины Малой Азии еще в середине II тыс. до н. э., в эпоху существования Митаннийского и Хеттского государств.

⁴⁶⁷ УКН, 36, прим. 5; 128 В I, прим. 20.

⁴⁶⁸ Xenophon. Anabasis, IV, 4, 18; 6,5; 7, 1—2; V, 5, 17.

Однако развитие так далеко продвинулось, несомненно, лишь в ведущей, господствовавшей части населения Диаухи. Правители Диаухи, по всей вероятности, подчинили много соседних племен, обратив их в своих данников. Население этих соседних районов, на которые распространялась политическая гегемония царей Диаухи, видимо, продолжало жить в условиях разлагающегося родового строя. Обращает на себя внимание, например, что урартский царь Аргишти I, действуя на территории Диаухи, оскопил «царей» четырех племен: Шашки, Ардаракихи, Балтулхи и Кабилухи (УКН, 128 В 1). Так как урартский царь называет их «царями», то надо думать, что они были вождями этих племен, а не «правителями областей» — должностными лицами диаухийских царей. В последнем случае в урартской надписи их обозначили бы специальной идеограммой «областена начальника» — правителя области.

С этой точки зрения обращает внимание также распространенный на территории Диаухи тип поселения. Судя по урартским надписям, для живущего в этом районе населения было характерно в основном два типа поселений — укрепленные поселения и раскинувшиеся вокруг них небольшие, лишенные всяких оборонительных сооружений, населенные пункты. Первые в урартских надписях именуется «крепостями» (É GAL), вторые же — «городами», «поселениями» (URU). Интересно выявляющееся количественное соотношение этих двух видов поселений. Урартский царь Аргишти I в одной части территории Диаухи захватывает 105 «крепостей» и 453 «города» (УКН, 128 В 1). В соседней с Диаухи области Иганиехи (район Чалдырского озера) преемник царя Аргишти I Сардури II «за один день захватывает 35 «крепостей» и 200 городов» (УКН, 155 F). Судя по этим данным, примерно 5-6 неукрепленных мелких поселений приходится на одно укрепленное поселение. При этом все эти поселения находились близко друг от друга — иначе нельзя представить себе захват за один день «35 крепостей и 200 городов». Если в «городах» мы имеем дело с небольшими поселениями сельского типа, содержащими лишь жилые, хозяйственные, а может быть, и культовые сооружения, то «крепости», вероятно, явились весьма слабо укрепленными пунктами. По всей видимости, в них можно видеть скорее всего обнесенные стеной места, т. е. циклопические крепости, остатки которых дошли до нас на территории Южного Закавказья, в частности Южной Грузии⁴⁶⁹. Такие укрепленные пункты представляли собой места укрытия для населения (и его имущества, главным образом скота) во время нападения малочисленных и слабо вооруженных врагов. Войскам крупных соседних держав (Ассирия, Урарту) эти укрепления, конечно, не могли оказывать серьезного сопротивления. Поэтому ясно, что подобные маломощные укрепления могли быть распространенным типом поселения лишь в условиях родового строя, когда небольшие родо-племенные объединения вели постоянные войны между собой. Наличие такого типа поселений и в районе Диаухи указывает также на то, что под влиянием этого объединения находились и многие такие области, где население все еще жило в условиях родового строя.

Несомненно, в Диаухи существовали не только такие небольшие циклопические крепости. Правители Диаухи, располагавшие соответствующими возможностями, вероятно, строили на территории своей страны и большие крепости, имевшие много сложных оборонительных сооружений. К сожалению, территория древнего Диаухи в археологическом отношении остается малоизученной, что не позволяет подойти ближе к решению как этого, так и многих других вопросов истории данного значительного политического образования Южного Закавказья.

---

⁴⁶⁹ Мещанинов И. И. Циклопические сооружения Закавказья. — Известия ГАИМК, XII (1—2), вып. 4—7; его же. Восточное Закавказье времен халдских завоеваний. — ВДИ. 1937, №1; Пятровский Б. Б., Гюзальян Л. Т. Крепости Армении доурартского и урартского времени. — Проблемы истории материальной культуры, 1933. №5—6; Меликсетбек Л. М. Мегалитическая культура в Грузии, 1939, с. 43 и след. (на груз. яз.) и др.

В IX—VIII вв. до н. э. по соседству с Диаухи жило немало племен или племенных групп, сохранивших свою независимость от правителей Диаухи и от других соседних крупных объединений; им тоже пришлось вести тяжелую борьбу против урартских завоевателей. Названия некоторых из них, как название «Диаухи», позднее сохранились на территории Юго-Западной Грузии. Очевидно, эти племена и позднее играли значительную роль в исторической жизни населения Юго-Западной Грузии и в происходящих здесь этногенетических процессах, ведущих к сложению древнегрузинской народности. Речь идет об упоминаемых в урартских источниках племенах: 1) Катарза, название которого сохранилось в названии «лежащей у Мосхийских гор» области Котарзене (Клавдий Птолемей) и перевала из Самцхе в Аджара Годердз, а также, в наименовании населения древнегрузинской области Кларджети — кларджов; 2) Витеру(хи) (Уитеру), название которого сохранилось в наименовании племени бизеров (βύζηρες), упоминаемых античными источниками на Черноморском побережье, южнее устья р. Чорохи, а также в названии древне-грузинской области Одзрхе; 3) Иганиехи, потомки которых позднее, в античную эпоху, возможно, были известны под названием гениохов, живших в прибрежных и внутренних районах Южной Грузии; 4) Забаха, название которого сохранилось в названии одной из областей Южной Грузии — Джавахети.

***

В первые века I тыс. до н. э. южнее Колхидского объединения находилось крупное объединение Диаухи. Можно предполагать, что интересы этих двух крупных объединений много раз сталкивались между собой; вероятно, нередко были и военные столкновения между ними. Именно в многовековой вражде и соперничестве нужно искать объяснение тому обстоятельству, что когда с IX в. до н. э. Диаухи стало объектом сильного натиска со стороны Урарту, правители Колхиды ничего не сделали, чтобы помочь своему соседу в защите от урартийцев. Это тем более симптоматично, что, как мы видели выше, Диаухи в его борьбе против Урарту оказывали помощь многие крупные объединения племен Южного Закавказья: Луша, Катарза, Эриахи, Гулутахи, Витерухи, Иганиехи и др. (УКН, 128, В 1). Среди них не видно «царей» Колхиды, или, как ее называли урартийцы, «Кулха». Правители последней, вероятно, наоборот, искали удобный случай, чтобы нанести удар по ослабевшему Диаухи.

До царствования Сардури II (764—735 гг. до н. э.) в урартских надписях ничего не слышно о Кулха. Вероятно, они до этого непосредственно не соприкасались, были отделены друг от друга территорией Диаухи и других враждебных как Урарту, так и Кулха объединений. При Сардури II урартийцы впервые столкнулись с крупным северным политическим образованием Кулха (Колхида), притом не потому, что военные действия были перенесены ими в более северные районы, а потому, что сама Кулха продвинулась на юг, разгромила находившееся между нею и Урарту когда-то могучее, а к этому времени значительно ослабевшее объединение Диаухи и захватила его северные области. Отныне Кулха и Урарту сделались непосредственными соседями друг друга и столкновение между этими двумя могучими политическими образованиями стало неминуемым.

Из летописи Сардури II мы узнаем о двух походах урартийцев против Кулха. В описании одного из этих походов царь Сардури говорит: «...выступил я (в поход) против страны Кулха. Величием бога Халди Хахани, царя страны Хушалхи (вместе с его) народом я отуда увел в плен, угнал (и) поселил в моей стране» (УКН, 155, С, стк. I сл.).

На этой территории (область Хушани-Хушалхи) действовал уже предшественник царя Сардури — Аргишти I. Однако в то время эта область подчинялась, очевидно, правителям Диаухи, сейчас же она рассматривалась входящей в состав Кулха, так как действовать на ее территории считалось походом в страну Кулха. Ясно, что в этом случае

речь шла о южной периферии этой страны, о территории, лишь недавно вошедшей в ее состав. «Царь страны Кулха» в связи с этими событиями даже не упоминается.

Однако в следующий раз урартийцы, видно, проникли дальше на север, в глубь территории Кулха. В описании этих событий в летописи Сардури II мы читаем: «...Сардури говорит: выступил я (в поход) против страны Кулха; страну я (завоевал ?); город Илдамуша, город царский, [ ], царя страны Кулха(хали), укрепленный, в бою я завоевал, (его) население я сжег; наместника страны Кулха, который был там, я умертвил. Железную печать я изготовил, надпись я установил в городе Илдамуша; крепости, города сжег (и) разрушил, страну разорил, мужчин (и) женщин угнал». Затем говорится о походе против Витерухи, происшедшем в том же году, а в конце описания, подытоживая деяния в данном году царствования, сказано: «Сардури говорит: (Вот) каком подвиг я совершил: 8100 отроков я увел, 9110 женщин угнал я, всего 17200 человек, одних я умертвил, других живыми увел, 1500 коней я угнал, (а также) 17300 голов крупного рогатого скота, 31600 голов мелкого рогатого скота. Сардури говорит: для бога Халди я эти подвиги за один год совершил (УКН, 155, D, стк. 1—44).

В последнем случае урартийцы, несомненно, действуют на собственно колхидской территории, захватывая один из царских городов Кулха — город Илдамуша. Идеограмма «царского города» в клинописи ставилась не только перед «столицей», ею могли обозначаться и другие значительные центры данной страны. Илдамуша и являлся, вероятно, одним из таких центров. Он, вероятно, лежал не так уж далеко на севере, на большом расстоянии от прибрежной полосы, так как в противном случае можно думать, что так или иначе в надписи Сардури имелось бы упоминание о Великом Северном море. Политический центр Кулха, его столица — резиденция «царя страны Кулха», помещалась, вероятно, далеко отсюда. Находясь здесь, урартский царь уже знает имя колхского царя (оно в надписи повреждено), однако сам царь не фигурирует в происшедших здесь событиях: по всей видимости, он не успел прийти на помощь подвергшемуся нападению урартийцев городу Илдамуша.

Видимо, в сказании об аргонавтах отразилось воспоминание о Колхиде именно этого периода. В этом сказании центр Колхиды вполне определенно помещается на р. Фасисе (совр. р. Риони в Западной Грузии, впадающая в море у г. Поти). Однако мы сильно сомневаемся, что в рассматриваемую нами эпоху политический центр Кулха (Колхиды) на самом деле мог бы находиться так далеко на севере. Маловероятно, что правители столь далекой области могли бы играть такую значительную роль в достигаемом для урартского войска районе, имея здесь «царские города» и т. д., которые урартийцами приходилось брать с большим напряжением сил, «в бою». Помещение политического центра древней (мифической) Колхиды на р. Риони является, несомненно, продуктом позднего осмысления, когда этот центр на самом деле переместился сюда. Раньше он должен был находиться намного южнее, в Юго-Восточному Причерноморье, близко от древневосточных государств (Урарту и т. д.). Вместе с тем, органическая связь между представлениями о Колхиде и о реке Фасисе говорит о том, что этот древнейший центр Колхиды надо все же искать на какой-то большой реке Восточного или Юго-Восточного Причерноморья. Если это не может быть р. Риони, то остается думать, что это, вероятно, другая большая река этой области — Чорохи, впадающая в море недалеко (южнее) от совр. Батуми. Древнюю столицу Кулха, видимо, и нужно искать в приморской полосе, в нижнем или среднем течении р. Чорохи. В топонимике и этнонимике этой области сохранились названия, связанные с названием «Фасис» (область Басиани, племена фасианов и т. д.). По-видимому, «Фасис» и являлся древнейшим названием р. Чорохи. На р. Риони это название, очевидно, было перенесено позднее.

Урартские надписи содержат очень мало данных для суждения о хозяйственной жизни и социальном строе населения древней Кулха. В надписи, повествующей о втором походе против Кулха (УКН, 155, D), приведены, правда, цифры захваченной добычи

(1500 коней, 17 300 голов крупного рогатого скота и 13 600 голов мелкого рогатого скота), но они являются итоговыми за целый год, когда, наряду с Кулха, имел место также поход и против страны Витерухи (вероятно, соседней с Кулха области). Поэтому трудно сказать, какая часть из этой добычи была захвачена в Кулха и какая в Витерухи.

По всей вероятности, Кулха являлась значительным очагом металлургии, в частности металлургии железа. Жившие здесь племена в античности, как известно, были знамениты этим. Кроме того, выше мы уже привели сообщение урартского царя Сардури, который в «царском городе» страны Кулха Илдамуша заставил приготовить для себя «железную печать» и поставил надпись в этом же городе (УКН, 155, D, 11—12). Это единственное упоминание железа в урартских текстах относится к середине VIII в. до н. э. Железная печать в честь одержанных им побед, несомненно, была сделана для Сардури в городе Илдамуша местными мастерами, очевидно, славившимися своим искусством в этом деле. Мы склонны и здесь видеть свидетельство о развитии металлургии железа в древней Колхиде (Кулха).

Древняя Колхида, «царство Кулха» урартских надписей, несомненно, являлась таким же прочным и сильным политическим образованием, каким являлась соседняя с ней Диаухи. Как и Диаухи, Кулха вряд ли можно считать простым союзом племен. Вероятно, к VIII в. до н. э., по крайней мере, оно было уже государственным образованием раннеклассового типа. С этой точки зрения весьма симптоматичным кажется нам сообщение урартского царя Сардури II о том, что он в «царском городе» страны Кулха Илдамуша «irdi (наместника) страны Кулха умертвил».

Конечно, трудно сказать, насколько полную аналогию можно провести между урартскими «irdi» и «irdi страны Кулха», но, судя по характеру Колхидского объединения, как оно нам представляется, допустимость подобной аналогии не кажется нам исключенной. Это говорит о том, что Кулха — государственное образование.

Конечно, если древняя Кулха и была уже государственным образованием, на столь высокой ступени развития, надо думать, стояло лишь ведущее население этого крупного политического образования. На обширной территории Юго-Восточного и Восточного Причерноморья, на которую распространялась его политическая гегемония, население, поднявшееся на уровень раннеклассового общества, составляло небольшой островок в окружающем его море племен, все еще живущих в условиях первобытнообщинного строя. Характерно, что урартский царь Сардури II, предприняв поход против Кулха, на территории последней пленил «Хахани, царя страны Хушалхи (вместе с его) народом» и поселил их в своей стране (УКН, 155, С, стк. 1—5). Несомненно, речь идет здесь не о «правителе области» царя страны Кулха (в таком случае писец употребил бы идеограмму «правитель области»), а о вожде («царе») отдельного племени, находившемся в подчинении у царя Кулха. Вероятно, лишь поэтому то, что было сделано против него и его племени, рассматривалось урартийцами как «поход против страны Кулха». Такое же положение, как об этом говорилось выше, наблюдается и в соседней с Кулха Диаухи.

***

После Сардури II (764—735) в урартских надписях больше уже ничего не говорится о стране Кулха, о столкновении с ней. Вполне возможно, что таких

столкновений и не было, так как вскоре как у Урарту, так и у Кулха появились более грозные враги в лице вторгшихся с севера скифо-киммерийцев и старые соперники — Кулха и Урарту, стали союзниками (фактическими, во всяком случае) в борьбе с этой грозной силой. В судьбе Кулха киммерийское вторжение в 20-х гг. VIII в. до н. э., как нам кажется, должно было иметь роковое значение.

ГЛАВА IX

СКИФО-КИММЕРИЙСКИЕ ВТОРЖЕНИЯ. РАЗГРОМ ЮЖНО-КОЛХИДСКОГО ЦАРСТВА

Скифами и киммерийцами древние греки называли население обширной территории к северу от Главного Кавказского хребта — Северного Кавказа и южнорусских степей.

Эти названия обыкновенно имели собирательное значение и в таком случае не обозначали этнически однородного населения. В горной цепи Большого Кавказа издавна жили абхазо-адыгейские (на западе), бацбийско-кистинские (в центре) и дагестанские (на востоке) племена. Судя по археологическим данным, это население по своей материальной культуре было тесно связано с населением Южного Кавказа.

Однако в этих краях, наряду с северокавказскими племенами, жили также племена другого происхождения. В Прикубанье и Крыму, например, жили киммерийские племена (в узком смысле), родственные, очевидно, иранским или, возможно, фракийским племенам. В первой половине I тыс. до н. э. происходит процесс интенсивного проникновения с востока на Северный Кавказ и в южнорусские степи новых ираноязычных племен, именуемых скифами. Так первоначально, по-видимому, назывались племена, обитавшие к востоку от нижнего течения Волги и лишь затем проникшие на ее западный берег и на Северный Кавказ.

Впоследствии термины «скифы» и «киммерийцы» приобрели собирательное значение и обозначали (так же, как позднее и термин «сарматы») жившие в этих краях как ирано-язычные племена, так и население, говорившее на кавказских языках.

Значительная часть скифо-киммерийских племен вела кочевую жизнь и занималась главным образом скотоводством. У них очень сильно было развито коневодство. Конница этих воинственных кочевников, обладавшая большой подвижностью, представляла могучую силу, способную смести все на своем пути. Вторгшееся на юг киммерийское войско, например, состояло сплошь из конницы и владело незнакомой до того времени на Древнем Востоке конно-стрелковой тактикой.

Вторжение в богатые южные области для этих кочевников являлось весьма заманчивым.

И вот во второй половине VIII в. до н. э. с севера, из южнорусских степей и с Северного Кавказа, начались крупные скифо-киммерийские вторжения на юг. Особую силу этим вторжениям придавало, очевидно, то обстоятельство, что к скифам и киммерийцам примкнули многие племена, жившие на Кавказе и в более южных областях (Малой Азии и др.), до этого терпевшие много притеснений со стороны своих могучих соседей — крупных древневосточных государств⁴⁷⁰.

Вторжения северных кочевников в южные области (Закавказье и Ближний Восток) произошли несколькими потоками.

В 30-х или 20-х гг. VIII в. до н. э. в Переднюю Азию вторглись значительные массы киммерийцев, а несколько позже другим путем произошло уже вторжение скифских племен. Киммерийцы вторглись по т. н. Меотидо-Колхидской дороге,

⁴⁷⁰ Всемирная история, 1, 1955, с. 528 и след.

тянувшейся вдоль восточного побережья Азовского и Черного морей, скифы же шли вдоль западного побережья Каспийского моря, через Дербентский проход⁴⁷¹. Об этом мы имеем довольно красноречивые свидетельства древнегреческих авторов, в частности Геродота (1, 103—104, IV, 12).

Однако, исходя хотя бы из археологического материала, наряду с указанными выше дорогами, следует также и перевалы Большого Кавказа (Дарьяльское ущелье и др.) признать теми артериями, по которым происходило проникновение северных кочевников на юг⁴⁷².

Древнейшие сведения о вторжении киммерийцев сохранились в ассирийских письмах эпохи Саргона II (722—705). В разведывательных донесениях ассирийскому царскому двору речь идет о крупных поражениях, которым подверглись урартийцы со стороны киммерийцев⁴⁷³.

Урартское войско, выступившее против киммерийцев, подверглось тяжелому разгрому еще до 715 г. до н. э.⁴⁷⁴ и, по-видимому, где-то в районе страны Гурианиа. Эту последнюю исследователи склонны отождествлять с упоминаемой в летописи урартского царя Сардури II страной Куриани (УКН, 155, F 6), которая находилась близ Чалдырского озера, возможно, в верховьях Куры, с названием которой ее наименование обнаруживает близость⁴⁷⁵.

Прежде чем достигнуть этого района, вторгшиеся киммерийцы, несомненно, должны были пройти через территорию Кулха (Колхиды). Они же проникли именно по этой дороге, вдоль Восточного побережья Черного моря. Трудно сомневаться в том, что первый сокрушительный удар был нанесен киммерийцами именно царству Кулха, которое и было разгромлено под их ударами. Характерно, что, как нам известно из древнегреческих источников, киммерийцы подвергли разгрому Юго-Восточное Причерноморье, в частности недавно основанные здесь греческие колонии (например, Синоп)⁴⁷⁶.

Вторгшиеся киммерийцы осели, вероятно, не только в северо-восточной части Малой Азии, но и значительно севернее, во многих местах Южного Закавказья. Вероятно, киммерийское племя треров дало название горному хребту и области в Южной Грузии — Триалети («Трел» древнеармянских источников).

Однако разгромом Кулха (Южно-Колхидского царства) воспользовались, вероятно, и древние соседи этого сильного политического образования, терпевшие раньше, несомненно, много притеснений от его правителей. Эти племена начали проникать на территорию, находившуюся до этого под контролем правителей Колхидского царства. Этим можно объяснить, например, то, что племена Витерухи, которые мы находим в IX—VIII вв. где-то вблизи района нынешнего Ленинакана, позже оказываются далеко отсюда, в прибрежной полосе. Вероятно, это бизеры (βύζηρες) греческих источников, упоминаемые на Черноморском побережье, южнее устья Чорохи, а также частично (см. у Страбона) и в горах Северо-Анатолийского хребта. Они же дали, по всей вероятности, название древнегрузинской области «Одзрхе»—*ოდზრჯე* (древнейшее

⁴⁷¹ М а н а н д я н Я. А. О некоторых проблемах истории древней Армении и Закавказья. Ереван, 1944, с. 43 и след.

⁴⁷² К р у п н о в Е. И. О походах скифов через Кавказ. — В сб.: Вопросы скифо-сарматской археологии (по материалам конференции ИИМК АН СССР, 1952). М., 1954, с. 186—194.

⁴⁷³ Д ъ я к о н о в И. М. АВИИУ, №50 (10) (в публикации ассирийской царской корреспонденции *Harper-a—Assyrian and babylonian letters belonging to the collection of the British Museum*), и *Waterman-a—Royal correspondence of the Assyrian Empire*), N 197).

⁴⁷⁴ Наири-Урарту, с. 278—281; Б а р а м и д з е А. А. К вопросу о датировке проникновения киммерийцев в Переднюю Азию. — САНГ, 1955, т. XVI, №8.

⁴⁷⁵ П и о т р о в с к и й Б. Б. История и культура Урарту, с. 295.

⁴⁷⁶ М а к с и м о в а М. И. Античные города Юго-Восточного Причерноморья, 1956, с. 37 и др. Хотя этот разгром произошел, может быть, не в период первого киммерийского вторжения, а во время последующих набегов осевших в Малой Азии (Каппадокии) киммерийцев (об этом см. ниже).

название области Самцхе). Продвинувшись на северо-запад, на древнеколхидскую территорию, оказываются также упоминаемые в урартских источниках вблизи района Лениакана племена Катарза, название которых позднее всплывает в названии области Котарзена, лежащей у Мосхийских гор и перевала Годердз (перевал от Самцхе в Аджара). Не исключено также, что на северо-запад проникли и племена иганиехов, живших в урартскую эпоху в районе Чалдырского озера. Исследователи, как об этом уже говорилось выше, связывают их с гениохами, упоминаемыми античными источниками в Юго-Восточном Причерноморье.

Ведущее население Южно-Колхидского царства в эту трудную для него эпоху, вероятно, частично было истреблено, а частично вытеснено в соседние районы. Этнически оно, видимо, было западногрузинского происхождения. Проникновение на его территорию других племен, по-видимому, вбило клин в территорию сплошного распространения западногрузинских (мегрело-чанских) племен, изолировав друг от друга две основные их группировки: группу племен, жившую в Юго-Восточном Причерноморье, от группы племен, жившей в Восточном Причерноморье (современная Западная Грузия). Впоследствии в обоих этих районах сложились новые объединения, о которых у нас речь будет идти ниже.

***

Вторгшиеся с севера племена, наряду с Малой Азией и некоторыми другими южными областями (например, область Манейского царства в Приурминском районе и др.), осели, несомненно, во многих местах Закавказья. Об этом говорят некоторые данные древней топонимики. Название области Триалети, по-видимому, находится в связи с названием киммерийского племени треров. Можно назвать и другие подобные примеры. В древнегреческих и древнеармянских источниках одна из областей Восточной Грузии — Квемо-Картли носит название „Γωυαρησιή” (арм. «Гугарк»). По мнению академика А. Г. Шанидзе⁴⁷⁷, в данном названии можно выделить западногрузинский (мегрело-чанский) суффикс происхождения человека «ар-и» (соответствующий восточногрузинскому «-ели»). В оставшемся в качестве корня «гог» можно усмотреть название скифов «гог». Библейские комментаторы (в частности уже Иосиф Флавий) в библейских названиях «Гог» и «Магог» склонны видеть скифов. Наличие в качестве названия Квемо-Картли наименования скифов может указывать на происшедший здесь факт поселения скифских племен и установления ими в определенный период своей политической гегемонии на данной территории. Это тем более вероятно, что подобное положение налично, по-видимому, и в соседней (с востока) области Сакашене. Согласно Страбону, в одной из северных областей Армении поселились саки (скифы), по имени которых данная область начала называться «Сакашене» (XI, 29, 4).

В письменных источниках у нас, к сожалению, нет данных о более северных районах Закавказья, в частности Грузии. Однако некоторые из вторгшихся с севера племен осели, по всей вероятности, и в этих районах.

Следует указать на факт наличия в материальной культуре Грузии и Закавказья в этот период скифских элементов, что должно указывать на интенсивные связи в эту эпоху населения Закавказья со скифами и киммерийцами, а также, возможно, и на наличие отдельных групп скифо-киммерийцев на территории Закавказья.

В материальной культуре Закавказья конца VII—VI в. н. э., наряду с местным и древневосточным, ясно выделяется и скифский элемент⁴⁷⁸. Памятники скифской культуры — предметы вооружения (типичные для раннескифской культуры железные акинаки, бронзовые и железные наконечники стрел и железные боевые топоры), части

⁴⁷⁷ Ш а н и д з е А. Г. Два чано-мингрельских суффикса в грузинском и армянском языках. — Записки Восточного Отделения Императорского Русского Археологического общества, т. XXIII, 1916, с. 365—372.

⁴⁷⁸ П и о т р о в с к и й Б. Б. Археология Закавказья, с. 115, 129.

конской сбруи (удила и псалии) и произведения искусства звериного стиля — обнаружены во многих разных пунктах на территории Восточной и Западной Грузии⁴⁷⁹. В Восточной Грузии скифские предметы фиксированы на Самтаврском могильнике⁴⁸⁰, в погребениях Тлийского могильника⁴⁸¹, в Дванском некрополе⁴⁸² в погребении из селения Цицамури, на поселении Могрили-Гора, в святилище из Меланни⁴⁸³, на поселениях в Дигоми и Ховле⁴⁸⁴.

В Западной Грузии скифские элементы засвидетельствованы в погребениях Куланурхского некрополя⁴⁸⁵, на могильнике Гуад-Иху⁴⁸⁶, в пос. Колхида⁴⁸⁷, на Красномаяцком могильнике⁴⁸⁸, в погребениях Брили⁴⁸⁹, Мерхеули, Нигвзиани, Палури⁴⁹⁰ и др.

В Армении скифские предметы найдены при раскопках урартской крепости на Кармир-Блуре (окраина Еревана), а также в северных районах Армении, в том числе в районе Севанского озера. На территории Азербайджана скифские предметы, относящиеся к более поздней эпохе, V в. до н. э., найдены в большом количестве при раскопках в Мингечауре. Здесь были найдены, например, круглые бронзовые зеркала с ручками, украшенными фигурками животных, бронзовые браслеты с концами в виде оскаленных головок хищников с длинными ушами, а также большое количество скифских наконечников стрел. Исследователи здесь видят даже захоронения самих скифов⁴⁹¹.

Киммеро-скифские вторжения сыграли большую роль в жизни населения Закавказья и Ближнего Востока. Вторгшиеся племена наводили ужас на местное население, подвергая опустошению целые области. Они прошли Малую Азию, достигнув ее западных границ, вторглись в Сирию и Палестину и подошли к границам Египта. Ценой большого напряжения сил правителям крупных древневосточных государств (Египта, Ассирии, Урарту) удалось сдержать их натиск и спасти свои государства от полного разгрома. Скифы и киммерийцы осели в разных местах Закавказья и Ближнего Востока и еще долгое время играли значительную роль в политической жизни этих областей.

Нельзя полагать, что уже в начальный период своих вторжений скифы и киммерийцы вели вооруженную борьбу с населением всего Закавказья и Ближнего Востока. Несомненно, многие, преимущественно более слабые объединения, терпевшие

---

⁴⁷⁹ Подробно о материале скифского типа, найденного на территории Грузии, см.: П и р ц х а л а в а М. С. К вопросу о распространении памятников скифской культуры в материальной культуре древней Грузии. — В сб.: Вопросы археологии Грузии. Тбилиси, 1978, с. 31—52 (на груз. яз., резюме на рус. яз.).

⁴⁸⁰ А б р а м и ш в и л и Р. М. К вопросу об освоении железа на территории Восточной Грузии. — ВГМГ, т. XXII—В, 1961 (на груз. яз.).

⁴⁸¹ Т е х о в Б. В. Скифы и Центральный Кавказ в VII—VI вв. до н. э. М., 1980.

⁴⁸² М а к а л а т и я С. И. Раскопки Дванского некрополя. — СА, 1949, XI.

⁴⁸³ Полевые археологические исследования в Грузии в 1969 г. Тбилиси, 1971.

⁴⁸⁴ М у с х е л и ш в и л и Д. Л. Археологический материал поселения Ховле-Гора. Тбилиси, 1978, с. 101 (на груз. яз., резюме на рус. яз.).

⁴⁸⁵ Т р а п ш М. М. Труды, I. Сухуми, 1970.

⁴⁸⁶ Т р а п ш М. М. Труды, II. Сухуми, 1969.

⁴⁸⁷ Там же, I, с. 195—197.

⁴⁸⁸ Там же, II, с. 181.

⁴⁸⁹ Г о б е д ж и ш в и л и Г. Ф. Археологические раскопки в Советской Грузии. Тбилиси, 1952, табл. XLIII—XLVI (на груз. яз.).

⁴⁹⁰ Б а р а м и д з е М. Б. Мерхеульский могильник, с. 79, табл. VI—VIII (на груз. яз., резюме на рус. и англ. яз.).

⁴⁹¹ П и о т р о в с к и й Б. Б. Указ, соч., с. 119—120. Раскопки в Мингечауре дали вообще исключительно ценный материал по истории материальной культуры не только данного района, но и Закавказья вообще. Результатам этих раскопок посвящено много исследований, значительная часть которых опубликована в сборнике «Материальная культура Азербайджана» (т. I. 1949 и сл.).

притеснения от своих могучих соседей, даже присоединялись к скифо-киммерийцам, намереваясь с их помощью добиться успехов в борьбе со своими соседями.

Можно думать также, что эффективная борьба скифов и киммерийцев против крупных древневосточных государств в значительной степени была бы невозможна при враждебном отношении к ним со стороны населения Закавказья.

Однако наступательный порыв вторгшихся племен вскоре иссяк. Правда, они и после этого играли значительную роль в событиях на Ближнем Востоке, но главным образом как союзники или наемные войска правителей крупных древневосточных государственных образований.

***

То, что мы наблюдаем со скифами и киммерийцами, действовавшими на территории, примыкавшей с юга к Закавказью, несомненно, произошло и с теми скифо-киммерийскими племенами, которые обосновались на территории самого Закавказья. Не будучи особенно многочисленными, а также стоя на сравнительно более низкой ступени культурного и общественного развития, осевшие здесь скифо-киммерийцы вскоре должны были попасть под влияние местных политических объединений и в конце концов слиться, ассимилироваться с местным населением. Однако бурная эпоха скифо-киммерийских вторжений и связанных с ними других потрясений не могла пройти бесследно и для населения Закавказья, в частности, Грузии. Стали более интенсивными связи как с севером (Северный Кавказ, Северное Причерноморье и т. д.), так и с южными районами (Малая Азия, Урарту, Иран). Сопровождающее этот процесс проникновение сильного потока соседних культур не могло в конечном счете не отразиться благоприятно на процессе развития культуры населения Закавказья, в том числе и Грузии.

Кроме того, скифо-киммерийские вторжения способствовали изменению политической обстановки и в Закавказье, вызвав разгром одних объединений (например, Кулха — Южно-Колхидского царства) и способствуя выдвижению других.

Бурная эпоха с постоянными войнами, в условиях довольно высокого уровня развития производительных сил и производственных отношений, переходящих в некоторых случаях уже в раннеклассовый строй, не могла также не способствовать дальнейшему обострению борьбы между отдельными объединениями кавказских племен и образованию в процессе этой борьбы новых крупных и прочных политических единиц, стоящих на грани государственности или же представлявших собой уже раннеклассовые государственные образования.

ГЛАВА X

ИЗМЕНЕНИЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ОБСТАНОВКИ В ГРУЗИИ И СОСЕДНИХ СТРАНАХ В VII—VI вв. до н. э. МИДИЯ, ПЕРСИДСКАЯ ДЕРЖАВА И ОБЪЕДИНЕНИЯ ГРУЗИНСКИХ ПЛЕМЕН

К концу VII в. до н. э. на территории, примыкающей к Грузии и вообще Закавказью с юга, гегемония перешла к Мидийской державе.

Мидийское царство сложилось в северо-западной части Ирана, на территории, примыкающей к Закавказью с юго-востока. В основном это была территория современного Южного (Иранского) Азербайджана⁴⁹².

Ставшее могущественным Мидийское царство, заключив союз с Вавилонией, в конце VII в. разгромило Ассирию, а в начале VI в. и Урарту. Датой окончательной ликвидации независимости Урарту можно признать примерно 590 г. до н. э.⁴⁹³ Урарту, по крайней мере его центральные районы были включены в состав Мидийской державы.

Нельзя полагать, что закавказские племена, терпевшие столь долго тяжелое ярмо урартского господства, оставались индифферентными при агонии Урарту. Скорее всего нужно думать, что они приняли активное участие в разгроме Урартской державы, в частности в падении урартской власти в северных районах Урарту (Южное Закавказье).

Распространение политической гегемонии картских племен («сасперы»-иберы?) на отдельные районы, входившие раньше в состав Урарту и населенные, возможно, урартскими же племенами, подготовило почву для ассимиляции части урартских племен с картскими племенами. Ряд красноречивых примеров из лексики грузинского языка является свидетельством того, что с грузинскими племенами на самом деле смешался определенный поток урартийцев и других племен Южного Закавказья⁴⁹⁴.

Процесс усиления крупных восточногрузинских и армянских объединений, сложившихся в бурную эпоху киммеро-скифских вторжений и падения могущественных древневосточных государств, сильно затормозился после того, как на смену довольно непрочному Мидийскому государству пришла могущественная Персидская держава Ахеменидов.

Последняя возникла в середине VI в. до н. э. в южной части Ирана (Персиде). Персы являлись одним из иранских племен. Во главе Персидской державы стал в качестве правящей династии знатный род Ахеменидов, в результате чего эта держава известна и под названием Ахеменидского царства. Первым представителем династии Ахеменидов был царь Кир, возглавлявший Персидскую державу с середины VI в. до 529 г., когда он пал в битве с племенами массагетов, живших в Закаспийской области.

Население Грузии, жившие южнее грузинские племена, как и армянские, попали в ту или иную зависимость от Ахеменидов.

Согласно Геродоту, сасперы вместе с матиенами и алародиями составили 18-й округ (сатрапию) Персидской империи. Им было назначено платить (ежегодно) 200 талантов серебра. Племена же Юго-Восточного Причерноморья образовали отдельную, девятнадцатую сатрапию — округ: «Мосхам, тибаренам, макронам, моссиникам и марам было предписано (платить ежегодно) 300 талантов серебра, это девятнадцатый округ» (Геродот, III, 94). Геродот и в отношении всех других сатрапий указывает количество дани в талантах серебра. Однако это вовсе не значит, что дань на самом деле выплачивалась в серебряных монетах или вообще драгоценными металлами. Несомненно, что преобладающая часть доставлялась в виде разнообразных натуральных

⁴⁹² К истории Мидии см.: Дьяконов И. М. История Мидии. М. — Л., 1956; Алиев И. Г. Мидия — древнейшее государство на территории Азербайджана. — В кн.: Очерки по древней истории Азербайджана. Баку, 1956; его же. История Мидии. Баку, 1960.

⁴⁹³ Дьяконов И. М. Последние годы Урартского государства по ассиро-вавилонским источникам. — ВДИ, 1951, №2; ср.: Меликишивили Г. А. Наири-Урарту, с. 319.

⁴⁹⁴ Сванидзе А. Материалы по истории алародийских племен, с. 40—41. Наличие в грузинских выражениях явно урартских слов (ivgi, tag(a)i, agi) в сочетании с именем бога Алале, неизвестного в пантеоне центрального Урарту, указывает на то, что с грузинскими племенами ассимилировались именно урартийцы, жившие на северной окраине распространения урартских племен (Южное Закавказье)

приношений. Перевод стоимости этих приношений в таланты серебра принадлежит самому Геродоту или его источнику. Нельзя не отметить также и то, что состав плательщиков дани, так же как характер и объем дани, в течение времени претерпели много изменений⁴⁹⁵.

Судя по составу вышеназванных двух сатрапий, Юго-Восточное Причерноморье и территория Южной Грузии непосредственно были включены в состав Персидской державы Ахеменидов. Однако Ахеменидам, по-видимому, не удалось непосредственно включить в состав своего государства население более северных районов Грузии (совр. Восточная и Западная Грузия). С этой точки зрения заслуживает внимания сообщение Плутарха о том, что «иберы (т. е. население Восточной Грузии. — Г. М.) не покорялись ни мидянам, ни персам, избежали даже и македонского владычества»⁴⁹⁶. Возможно, в некоторой зависимости от Ахеменидов находилось и население совр. Восточной Грузии, хотя оно и не подчинялось непосредственно персидской администрации. В отношении же Западной Грузии мы имеем свидетельство того же Геродота о том, что колхи (у Геродота в данном случае — это население южной и центральной части современной Западной Грузии) не входили ни в одну из сатрапий: «...колхи, — говорит Геродот, — обложили себя (добровольными) приношениями, а также и соседи их до Кавказского хребта (ибо до этого хребта простирается владычество персов, а страны к северу от Кавказа и не думают о персах); итак, они (колхи. — Г. М.) еще и до нашего времени в каждый пятый год доставляли дары, которыми себя обложили: сто мальчиков и сто девочек» (III, 97).

На развалинах Южно-Колхидского царства (Кулха), на территории совр. Западной Грузии в VII—VI вв. до н. э. сложилось крупное политическое образование — Колхидское царство. Соседние картские (восточногрузинские) племена называли эту область Эгриси по этническому наименованию ее населения (эгров, или мегров, — мегрелов). Население этой области позднее рассматривало себя преемником древних колхов. Может быть, и сообщение писателя III в. до н. э. Аполлония Родосского о кирбах («записи их отцов», которые хранились у тогдашних колхов) также является свидетельством наличия преемственности между позднеколхидским и древнеколхидским (Кулха) царствами. Перенесение греками сказаний о древней (Южной) Колхиде на позднюю (находящуюся в бассейне р. Риони) Колхиду (цикл сказаний об аргонавтах), а также, как нам кажется, и самого названия «Фасис» с р. Чорохи на р. Риони тоже может указывать на эту преемственность. В сообщениях древнегреческого историка Геродота (V в. до н. э.) речь идет именно об этом, сложившемся на территории Западной Грузии, политическом образовании колхов. Говоря о нем, Геродот, несомненно, подразумевает одно определенное политическое образование — ведь оно взяло на себя единое обязательство по отношению к Ахеменидской державе — посылать «каждый пятый год» сто мальчиков и сто девочек.

По сведениям Геродота можно определить и границы этого Колхидского политического образования. Почти все Юго-Восточное Причерноморье входило в 19-ю сатрапию Персидской державы (тибарены, моссиники, макроны, мосхи, мары), колхи же, т. е. Колхидское политическое образование — современник Ахеменидской державы, находились вне этой сатрапии, следовательно, севернее ее территории. Если область упоминаемых среди племен, входящих в 19-ю сатрапию, мосхов

⁴⁹⁵ Altheim F. und Stiehl R. Ein asifische Staat. Feodalismus unter den Sassaniden und ihren Nachbarn, Bd.I. Wiesbaden, 1954, c.157 —160.

⁴⁹⁶ Пл у т а р х . Помпей, XXXIV.

подразумевает ту же область, которая имеется в виду в более поздних античных источниках (например, у Страбона) в качестве «страны мосхов», то это примерно средневековая грузинская Месхети — Южная Грузия. Однако это нам кажется маловероятным. Скорее всего, здесь речь идет о населении северной Каппадокии, части территории малоазийских мушков, так как в войске ахеменидского царя Ксеркса, вторгшегося в Грецию, мосхи и тибарены (племена жившие в районе севр. Орду) были объединены под одним начальством. Таким образом, основываясь лишь на упоминании мосхов, трудно судить о северных пределах 19-й сатрапии. Однако можно воспользоваться другими данными: так, например, как известно, макроны, входящие в эту сатрапию, по античным источникам, локализируются в районе Трапезунда, а также и восточнее от него по Черноморскому побережью. Можно указать и на то, что непосредственно южнее устья р. Чорохи жили племена бизеров, в которых можно видеть племена витеров урартской эпохи, проникшие сюда с востока после разгрома древнего Кулха и занявшие часть его территории; а Одзрахе древнегрузинских источников, которой дали наименование эти племена, простиралась «от Тасискари до Сперского моря (Черное море)» (КЦ, 9). Вряд ли эти старые враги колхских племен могли подразумеваться под геродотовскими «колхами». Наконец, можно указать на тот бесспорный факт, что в узком значении название «колхи» в античности обнимало территорию, простиравшуюся на юге лишь до устья р. Чорохи.

Таким образом, современное Ахеменидам Колхидское политическое образование находилось к северу от устья р. Чорохи. В северном направлении его территория, очевидно, не доходила до Кавказского хребта, так как Геродот говорит о колхах и об «их соседях до Кавказского хребта», обложивших себя «добровольными приношениями» по отношению к Ахеменидам. Тот же Геродот северный предел распространения колхского владычества усматривает где-то в районе р. Риони (Фасис), так как говорит, что «от озера Меотиды до реки Фасиса и владений колхов тридцать дней пути...» (I, 104). Конечно, перед нами весьма общее выражение и оно никак не подразумевает, что северная граница владений колхов находилась на самом Фасисе. Это невероятно и потому, что здесь находились все основные центры данного политического образования.

Судя по древнегреческим источникам (поздние варианты сказания об аргонавтах и др.), политический центр этого колхидского объединения находился на р. Риони (Фасис). Здесь, на среднем и нижнем течении Риони, как мы увидим ниже, по археологическим данным, находились и экономически наиболее развитые районы страны. В связи с этим можно указать также на сообщение автора конца V в. до н. э. Ксенофонта — полководца армии греческих наемников, о том, что в его войске, стоящем в г. Котиоре (совр. Орду), некоторые подняли вопрос о походе к Фасису морским путем и

овладении страной фасианов⁴⁹⁷. «В то время, — прибавляет Ксенофонт, — там царствовал потомок Ээта» (Xenoph., Anab., V, 6, 36 и сл.). Таким образом, царство потомков легендарной Колхиды Ксенофонт и его спутникам представляется лежащим на р. Фасисе (совр. р. Риони).

Кроме тех «добровольных приношений» Ахеменидам, о которых говорит Геродот в связи с колхами, эти последние, очевидно, приняли на себя также обязательство выставлять в случае надобности вспомогательные войска. Об этом говорит сообщение того же Геродота о народах, участвовавших в известном походе персидского царя Ксеркса против Греции в 480 г. до н. э. Среди участников персидского войска Геродот называет и колхов: «Мары, — говорит Геродот, — имели на головах туземные плетеные шлемы и (вооружены были) небольшими кожаными щитами и дротиками. Колхи на головах (носили) деревянные шлемы и имели небольшие сыромятные щиты и короткие копья, а кроме того ножи. Над марами и колхами начальствовал Фарандат, сын Теаспия» (VII. 79).

Еще во времена Геродота (484—425) колхи выполняли свои обязательства по отношению к правителям державы Ахеменидов: «Они еще и до нашего времени, — говорит Геродот, — в каждый пятый год доставляли дары, которыми себя обложили: сто мальчиков и сто девочек» (III, 97). Однако, по сведениям Ксенофонта, прошедшего по Южной Колхиде в 401 г. до н. э., выясняется, что от зависимости по отношению к Ахеменидам освободились многие жившие намного южнее колхов племена. В это время, по словам Ксенофонта, «кардухи, халибы, халдеи, макроны, колхи, моссиники, койты и тибарены не были подчинены (персидскому) царю» (Anab., кн. VII, гл. 7, § 25). Правда, здесь прямо говорится, что «колхи» не подчинялись царю, однако под «колхами» здесь, как и в других местах ксенофоновского «Анабасиса», вероятно, подразумевается население района г. Трапезунда, а не политическое образование, существовавшее в то время на территории совр. Западной Грузии. Это последнее, как мы видели выше, Ксенофонт упоминает под названием «фасианов». Но и тот факт, что от персидского царя освободились племена кардухов, халдов, тибаренов, макронов, моссиников и др., жившие южнее колхов, ближе к центрам Ахеменидской державы, заставляет нас предполагать, что и колхи, должно быть, стали свободными от тех обязательств, которые они несли по отношению к Ахеменидам. Это была тяжелая пора в жизни Персидской державы, период внутренних неурядиц, ожесточенной борьбы за престол между членами царской семьи и т. д. Вскоре, однако, положение несколько стабилизировалось и Ахеменидам, возможно, удалось восстановить свою власть над многими вышеперечисленными племенами Юго-Восточного Причерноморья. Добились ли они восстановления своих позиций и в отношении Колхиды — трудно сказать. Если принять во внимание, что по сравнению с геродотовским периодом (V в.) в IV в. Ахеменидская держава вообще представляла собой более слабое государство и вела упорную борьбу за сохранение своих владений даже в Малой Азии, то вполне вероятно, что зависимость Колхиды от Персии сильно ослабла или же, возможно, полностью прекратилась.

ГЛАВА XI

КОЛХИДА В VI—IV вв. до н. э.

В письменных источниках мы, к сожалению, находим исключительно мало материала по истории этого значительного политического образования—Колхиды, современника Персидской державы Ахеменидов. Однако скудность данных письменных источников частично компенсируется наличием ценного археологического материала из

⁴⁹⁷ В древнегреческих источниках это название часто встречается в качестве синонима названия «колхи».

Западной Грузии этого периода, позволяющего судить о многих вопросах социально-экономической жизни населения интересующей нас области.

В Колхидской низменности, в границах которой в основном существовало данное политическое образование, ведущей отраслью хозяйства, как и прежде, было земледелие. Основные земледельческие орудия, так же как и боевое оружие, в Колхиде этого времени изготавливались из железа, что сильно повысило производительность труда и способствовало развитию хозяйственной жизни. В земледелии в это время, по всей вероятности, пользовались железным плугом, что, несомненно, способствовало значительному прогрессу полеводства.

Г. Ф. Гобеджишвили при археологических раскопках 1952 г. в Сванети обратил внимание на железный лемех, который был открыт местными жителями вместе с некоторыми предметами, имеющими параллель в материалах Брильского могильника (горная Рача) IV в. до н. э. Железный лемех примерно этой же эпохи был обнаружен М. М. Траншем в Абхазии. Несомненно, это обстоятельство подразумевает наличие железного плуга и в низменной, стоящей на более высокой ступени развития части древней Колхиды. За последние годы участились находки сельскохозяйственных орудий и в погребениях. Особенно примечательны открытия в целом ряде погребений VII—VI вв. до н. э. сс. Нигвзиани и Уреки железных мотыг (иногда несколько десятков в каждом погребении) и, что особенно важно, железных лемехов или лемехообразных орудий⁴⁹⁸.

Исследователи также обращают внимание и на встречающиеся изображения быка,пряженного в ярмо, что кажется косвенным указанием на наличие в Западной Грузии пахотного орудия, для которого в качестве тягловой силы широко использовались быки (наблюдения Н. В. Хоштария).

Часто в связи с этим вопросом указывают также на упоминание в сказании об аргонавтах стального плуга, применяемого в Колхиде. Хотя вовсе не обязательно, конечно, во всех деталях этого сказания усматривать отображение реальной обстановки в Колхиде, однако употребление пахотного орудия в Колхиде в античную эпоху бесспорно, хотя бы потому, что в это время в греко-римском мире, с которым население Колхиды посредством греческих колоний Восточного Причерноморья находилось в интенсивных сношениях, везде применялся в земледелии плуг, который хорошо известен и из соседнего с Колхидой Боспорского государства⁴⁹⁹. Но, как было сказано выше, есть все основания полагать, что пахотное орудие в Грузии, в частности в ее западной части, применялось намного раньше и должно было появиться на местной же почве. Свидетельство этого можно найти и в этнографическом материале, показывающем исключительное своеобразие и древность пахотных орудий во многих районах Грузии⁵⁰⁰.

Кроме зерновых в Западной Грузии этой эпохи большую роль в сельском хозяйстве играли такие культуры, как лен и конопля. Еще более развивается садоводство и виноградарство. Свидетельство развития последнего можно усмотреть в распространении в Западной Грузии больших глиняных сосудов-пифосов для хранения вина и др. сельскохозяйственных продуктов⁵⁰¹.

Наряду с земледелием дальнейшее развитие получает и скотоводство. Как и прежде, оно остается ведущим в хозяйстве населения горных районов, хотя занимает почетное место и в среде жителей равнины. В горных районах большое значение имело разведение мелкого рогатого скота, в равнине же больше культивировалось разведение

⁴⁹⁸ М и к е л а д з е Т. К., Б а р а м и д з е М. Б. Колхский могильник VII—VI вв. до н. э. — КСИА, вып. 151, 1977, с. 36—38, рис. 3; М и к е л а д з е Т. К. О некоторых результатах археологических исследований в зонах новостроек Колхидской низменности. — АИНГ, II, 1982, с. 83—85.

⁴⁹⁹ А р ц и х о в с к и й А. В. Основы археологии, 1954, с. 139.

⁵⁰⁰ Ч и т а я Г. С. Земледельческие системы и пахотные орудия Грузии. — В кн.: Вопросы этнографии Кавказа, 1952, с. 99 и сл.

⁵⁰¹ Л о р д к и п а н и д з е Г. А. Колхида в VI—II вв. до н. э. Тбилиси. 1978, с. 97.

крупного рогатого скота, развивалось также и свиноводство. Несомненно, как в горных районах, так и в равнине было известно пчеловодство⁵⁰².

Археологические материалы из раскопок поселения и могильников (особенно богатых погребений в Вани) свидетельствуют о развитии профессиональных ремесел, в первую очередь гончарного, златокузнечества, обработки металла и т. д.⁵⁰³ Важное место занимает и обработка льна, которой Колхида была известна во всем античном мире. Колхидский лен наряду с высококачественной египетской льняной тканью славился, в тогдaшнем мире, Геродот (II, 105) указывает на то, что лен и изделия из него являлись объектом экспорта из Колхиды. Страбон при описании Колхиды говорит, что страна эта «производит также в изобилии лен, пеньку, воск и смолу. Производство льна приобрело даже известность; его вывозили в чужие земли» (XI, 2, 17). Другие, более конкретные сведения античных авторов подтверждают данные о развитии в исторической Колхиде обработки льна. Так, Ксенофонт говорит, что халибы, населявшие территорию Южной Колхиды, «носили льняные панцири, доходившие до нижней части живота, а вместо чешуек панциря они пользовались сучеными, туго переплетенными веревками» (Anab., кн. IV, гл. VII, § 15).

Об обработке льна в Колхиде имеются и археологические данные. Согласно указанию Н. В. Хоштариа, на территории Колхиды мы имеем остатки льна с начала I тыс. до н. э. К VII в. до н. э. относятся остатки льняной ткани из с. Уреки (Махарадзевский р-н). Отпечатки льна имеются также на небольших сосудах VIII—VI вв. до н. э. Остатки льна сохранились на одной «колхидке» из клада монет, открытого в Даблагоми (V—IV вв. до н. э.), на чашах IV в. до н. э. из женского погребения в Вани и т. д. Распространение тонкой ткани в Колхиде предполагает наличие здесь уже довольно сложного прядильного станка.

Лен применялся не только для одежды, но и в рыболовстве для рыболовных сетей, а также, по-видимому, и для приготовления корабельных парусов. Свидетельства античных авторов позволяют предполагать развитие в Колхиде кораблестроения и мореходства. Колхида, по словам Страбона, «богата всем (нужным) для кораблестроения; лес она и сама производит в большом количестве и получает по рекам...» (XI, 2, 17). Тот же Страбон, говоря о включении Колхиды в состав Понтийского царства при Митридате VI, отмечает, что «отсюда (т. е. из Колхиды) шла царю главнейшая помощь для (организации) его морских сил» (XI, 2, 18). Можно вспомнить также многократно повторяющиеся в античных источниках сведения о колонизационной деятельности колхов.

Все вышесказанное говорит о высоком развитии в Колхиде целого ряда ремесел (обработка металлов, в том числе ювелирное дело, керамическое производство, обработка льна, обработка дерева, кораблестроение и т. д.). Столь высокое развитие ремесла, углубление общественного разделения труда вызывало в свою очередь развитие торгового обмена. Этому в немалой степени способствовало также возникновение греческих колоний на восточном побережье Черного моря.

Колонизация, как известно, играла большую роль в истории Древней Греции. Это явление было обусловлено, в первую очередь, конечно, факторами внутреннего развития древнегреческого общества. Однако учреждение колоний греками в том или ином месте вовсе не было случайным, и с этой точки

---

⁵⁰² Р о б а к и д з е А. И. Происхождение пчеловодства и его место в хозяйственном быту грузинского народа. Автореф. докт. дис. Тбилиси, 1956, с. 15, 24, 33 и др.

⁵⁰³ Подробнее см.: Л о р д к и п а н и д з е О. Д. Древняя Колхида. Тбилиси, 1979, с. 74—102.

зрения, и местные условия во многом определяли пути развития греческой колонизации.

О наличии греческих городов-колоний на территории Колхиды свидетельствуют греко-римские источники, которые на восточном берегу Черного моря упоминают три эллинских поселения: Фасис (локализуемый в районе нынешнего портового города Поты), Гиенос (близ совр. Очамчире) и Диоскурия (которая, по мнению большинства исследователей, погружена на дно Сухумской бухты)⁵⁰⁴.

Греческие колонии в Восточном Причерноморье возникли, очевидно, несколько позже, чем в Юго-Восточном. Обыкновенно считается, что самая значительная из древнегреческих колоний Восточного Причерноморья, Фасис (совр. Поти)⁵⁰⁵, была основана в VI в. до н. э. выходцами из греческого города на западном побережье Малой Азии—Милета. Во всяком случае фактом является существование здесь уже в V в. греческого поселения. Об этом говорит находка круглой серебряной пиалы в Зубовском хуторе на Кубани с надписью: «Я принадлежу Аполлону-Предводителю, что в Фасисе» (Ἀπόλλωνος Ἡγεμόνος εἰς τὸν Φάσι)⁵⁰⁶. По палеографическим (тоц вм. τουμ=τουεμ) и диалектическим (ионич. форма Φάσι) признакам ее относят к концу V или к началу IV в. до н. э. Из надписи выясняется, что этот предмет принадлежал существовавшему в Фасисе святилищу бога Аполлона. М. Ростовцев полагал, что эта чаша оказалась на Кубани в результате набега здешнего населения на Фасис и ограбления им святилища Аполлона-Предводителя в Фасисе⁵⁰⁷.

Наряду с «эллинским городом» Фасисом уже у Скилака Кариандского, т. е. в сочинении IV в. до н. э., упоминаются Диоскурия (совр. Сухуми) и Гиен (у устья р. Мокви, около совр. Очамчире), город эллинский («Азия», 81). Следует отметить, что найденный в Сухуми мраморный барельеф⁵⁰⁸, на основании анализа данного на нем изображения, датируется исследователями последней четвертью V в. до н. э.⁵⁰⁹

Несколько позднее упоминается также значительная греческая колония на месте совр. Бичвинты (Пицунда), называвшаяся Питиунтом. Может быть, она возникла позднее IV в. до н. э., так как упоминание о ней отсутствует у Скилака Кариандского.

Ввиду чрезвычайной скудости данных письменных источников, почти полного отсутствия эпиграфических памятников и того, что еще не открыты наиболее известные греческие города Фасис и Диоскурия, все еще дискуссионными остаются многие проблемы истории греческой колонизации Колхиды, как, например, время и условия их возникновения, внутренняя социально-экономическая структура и политический статус, взаимоотношения с окружающим местным населением. В настоящее время исследователи все больше приходят к выводу о преобладающей торговой функции греческих поселений в Колхиде⁵¹⁰.

Греческие поселения сыграли весьма важную роль в развитии торгово-экономических связей греческого мира с Колхидой. Регулярное поступление греческих

⁵⁰⁴ Подробный обзор источников о греческих поселениях на Колхидском побережье Черного моря и проблемы их локализации см.: И н а д з е М. М. Причерноморские города древней Колхиды. Тбилиси, 1968; Л о р д к и п а н и д з е О. Д. Древняя Колхида, с. 106—152; И н а д з е М. П. Греческая колонизация Восточного Причерноморья. Тбилиси, 1982 (на груз. яз.).

⁵⁰⁵ См. обстоятельное исследование М. Д. Бердзнишвили. К локализации города Фасиса. — Труды ТГУ, т. XXIII, 1942; его же. К истории города Фасиса. Тбилиси, 1969 (на груз. яз.).

⁵⁰⁶ Известия имп. археологич. комиссии, вып. I, 1901, с. 94—103; К а у х ч и ш в и л и Т. С. Греческие надписи Грузии. Тбилиси, 1951, с. XI.

⁵⁰⁷ Р о с т о в ц е в М. И. Скифия и Боспор. Л., 1925, с. 571.

⁵⁰⁸ Т р а п ш М. М. Мраморный барельеф из Сухуми. — ВДИ, 1954, № 1, с. 164.

⁵⁰⁹ Л о р д к и п а н и д з е О. Д. Сухумская стела. — СА, 1968, № 1, с. 166—176; P f u h p E., M ö b i u s H. Die ostgriechischen Grabreliefs, Mainz am Rhein, 1977, 1, № 65, с. 28—29.

⁵¹⁰ Подр. см. сборники: Проблемы греческой колонизации Северного и Восточного Причерноморья. Цхалтубо, 1977; Тбилиси, 1979; Демографическая ситуация в Причерноморье в период великой греческой колонизации. Цхалтубо, 1979; Тбилиси, 1981; Dialogues d'histoire ancienne, 6, Besancon, 1980, с. 7—27.

товаров (преимущественно высокосортных вин и оливкового масла, доставляемых в амфорах, художественной керамики и предметов роскоши) начинается уже, по крайней мере, с середины VI в. до н. э. На раннем этапе торговых сношений греков с Колхидой более активную роль играют восточно-греческие центры, но с последней четверти VI в. до н. э. начинается постепенное проникновение и аттического импорта. С начала V в. до н. э. замечается некоторое ослабление торговых связей, вызванных, по-видимому, греко-персидскими войнами, но уже с середины V в. до н. э. начинается новый подъем греческой торговли с Колхидой, в которой доминирующее положение занимают Афины и ее союзники (Хиос, Фасос)⁵¹¹.

Интенсивными были торговые сношения и с Северным Причерноморьем, о чем свидетельствуют уже довольно многочисленные находки колхидской керамики VI—IV вв. до н. э. (пифосы, лутерии), а также серебрянных монет «колхидок» при раскопках городов Пантикапея, Нимфея, Мирмекия и др. В этой связи следует упомянуть также находку в Пантикапее глиняного светильника VI в. до н. э., на котором сохранились граффити с именем Колχος, т. е. Колх. Этнокон «Колх» упоминается в качестве собственного имени в боспорских надписях IV в. до н. э.⁵¹²

Греки-колонисты находились в интенсивных сношениях с местным населением, которое снабжало их как товарами, предназначенными для экспорта, так и продуктами питания, необходимыми для жизни населения этих городов. От местной знати получали эти колонии также и рабов (захваченных в войне с соседями военнопленных), которые потом посылались в метрополию или же в другие греческие колонии. Рабы вообще являлись одним из основных пунктов экспорта из греческих колоний. Рабовладельческая Греция, так же как и сами колонии, чрезвычайно нуждалась в рабской силе. В античных источниках встречается упоминание рабов — колхов. Так, в списке некоего метека Кефисидора, который был составлен афинскими судебными исполнителями в 415—414 гг., упоминается раб колх (χόλχος), который оценивается в 153 драхмы⁵¹³. Интересным является также надпись на т. н. берлинской чернофигурной обильно орнаментированной гидрии — глиняном сосуде, найденном в Аттике. Датируется она второй половиной VI в. до н. э. На ней имеется надпись: «сделал меня колх» (χόλχος μ'εποίησεν). Имеется и другая надпись на найденной в Афинах амфоре: «Эвкситий сделал (меня), а колх расписал» (Εὐξίθε[ο]ς ἐποίησεν [Κ]όλχος γε[γραφε]σεν)⁵¹⁴. Б. Н. Граков считает колха, сделавшего вышеназванную гидрию, рабом колхского происхождения, жившим в Аттике; он же обращает внимание на одну надгробную надпись из Афин, упоминающую некую колхидянку (χόλχος) Εὐφροσύνη.⁵¹⁵

Посредством греческих колоний греки ввозили в Западную Грузию, в основном, предметы роскоши: драгоценную чернолаковую и другую посуду, вино, оливковое масло и т. д. Разные фрагменты чернолаковой посуды и амфор обнаружены в большом количестве как в прибрежных городах (Диоскурия, Гиен), так и в поселениях городского типа внутренней Колхиды (Вани, Даблагоми) и т. д. Потребителем этих импортных

⁵¹¹ Подр. см.: Л о р д к и п а н и д з е О. Д. Древняя Колхида, с. 154—180 (там же лит.).

⁵¹² Подр. см.: Л о р д к и п а н и д з е О. Д. К вопросу о связях Колхиды с Северным Причерноморьем в VI—IV вв. до н. э. — В сб.: История и культура античного мира. М., 1977, с. 112—115.

⁵¹³ Г р а к о в Б. Н. Материалы по истории Скифии в греческих надписях. — ВДИ, 1939, № 3, с. 290.

Новую публикацию надписи см.: *Nespegia*, 1953, XXII, 4, с. 242 (I, 44).

⁵¹⁴ К а у х ч и ш в и л и Т. С. Греческие надписи Грузии, с. XII.

⁵¹⁵ Г р а к о в Б. Н. Указ. соч., с. 290.

предметов роскоши была, в основном, аристократическая верхушка колхидского общества.

Греческие колонии Восточного Причерноморья, так же как и другие греческие колонии и метрополия, являлись частью рабовладельческого мира. В них несомненно широко применялся рабский труд. Правда, в отношении восточнопричерноморских греческих городов у нас нет каких-либо конкретных сведений, но нам известно, как широко применялся рабский труд в соседних северопричерноморских греческих городах. Здесь, в т. н. Боспорском царстве часто вспыхивали и крупные восстания рабов. Можно думать, что много было рабов и в греческих прибрежных городах Колхиды. Они отправлялись отсюда, как было сказано выше, и за пределы Колхиды.

Нам хорошо известно, какую значительную роль играли греческие колонии Северного Причерноморья в политической жизни окружающей их области. Эти города образовали политический союз, который в скором времени перерос в т. н. Боспорское царство со столицей в городе Пантикапее. В V— II вв. до н. э. там правила династия Спартокидов, которые до III в. до н. э. именовались архонтами Пантикапея и царями местных покоренных племен. Затем произошло слияние этих двух титулов. Этнически население Боспорского царства было смешанным: кроме греков в него входили скифы, сарматы, синды, меоты и т. д. Рабовладельческая знать Боспорского царства состояла не только из греков, но и из местной племенной аристократии, в культурном отношении сильно эллинизированной.

Известно, что греческие колонии играли также большую роль в политической жизни Юго-Восточного Причерноморья, образовав и здесь политический союз во главе с Синопой.

У нас нет никаких данных о том, что такую же роль сыграли в истории Восточного Причерноморья существовавшие здесь греческие города. Обстановка тут, в Колхидской низменности, несомненно, была иной, чем в Северном или даже Юго-Восточном Причерноморье. По уровню социально-экономического и культурного развития население Колхидской низменности стояло на довольно высокой ступени. В связи с этим здесь далеко зашел и процесс политической и этнической консолидации населения⁵¹⁶. Существовавшее в этом регионе крупное местное политическое образование полностью покорить и включить в состав своего государства в качестве одной из его провинций не удалось даже могучим Ахеменидам. Поэтому естественно, что возникшие в это время в данной местности греческие города Восточного Причерноморья не могли играть значительной самостоятельной роли в политической жизни страны. Сами эти греческие колонии, видно, подпали под политическое влияние существовавшего здесь местного колхидского политического образования и являлись его крупными торговыми центрами. Но как таковые они, несомненно, сыграли большую роль в социально-экономической жизни древней Колхиды, способствуя развитию торговли и товарного производства, а также сопутствующих им социальных явлений (углубление имущественной дифференциации, разложение сельской общины и т. д.).

---

⁵¹⁶ В этом отношении население этой части Колхиды представляет разительный контраст по сравнению с населением Южной Колхиды (Юго-Восточное Причерноморье), а также северных горных районов Колхиды.

Наряду с прибрежными греческими или греко-местными городами, в Колхиде, в ее внутренних районах, на базе развития профессионального ремесла и углубления общественного разделения труда на основе все увеличивающейся как внутренней, так и внешней торговли, возникли поселения городского типа — значительные торгово-ремесленные центры. В большинстве своем они, очевидно, были расположены по торговой магистрали р. Риони (Фасис).

Свидетельство существования различия между поселениями сельского и городского типов Б. А. Куфтин видел хотя бы в факте неравномерного деления ремесленных изделий и ввозимых в Колхиду импортных товаров. Археологический материал, добытый в Вани (районный центр на среднем течении р. Риони)⁵¹⁷ и Даблагоми (Самтредский р-н), показал, что в этих местах⁵¹⁸, по-видимому, уже в раннеантичную эпоху существовали поселения городского типа. В них налицо концентрация продукции ремесла, наличие профессиональных ремесленников и ремесленных мастерских.

Несомненно, еще более крупным городским центром была столица этого большого политического образования, находившаяся также по течению р. Риони. В античных источниках столица древней Колхиды именуется Айей. Обращает на себя внимание сообщение Скилака Кариандского, писателя IV в. до н. э., о том, что за гелонами, южнее от них, живут колхи и находятся города «Диоскурия и Гиен, город эллинский, и Гиен-река, Херобий-река, Хорс-река, Харий-река, Фасис-река, и Фасис, город эллинский, вверх по реке 180 стадий (т. е. несколько больше тридцати км) плавания до большого варварского города, откуда была Медея, здесь Рио-река; затем Исис-река, Разбойничья река, Апсар-река» (Азия, § 81). Высказывалось предположение, что древняя столица Колхиды находилась в совр. Нокалакеви (недалеко от совр. Миха Цкакая), в «Археополисе» византийских источников, само название которого («старый город») наводит на мысль о существовании здесь древнего колхидского центра. В этом месте в 30-х годах производились археологические раскопки, выявившие остатки сооружений византийского, позднеантичного и римского периодов⁵¹⁹, а ведущиеся в настоящее время раскопки обнаружили слои и более раннего периода⁵²⁰.

Река Фасис (среднее и нижнее течение р. Риони), на которой лежали все основные торгово-ремесленные и политические центры Колхиды этого периода, уже в это время представляла крупную торговую магистраль, по которой импортные греческие товары проникали в глубь страны. Вероятно, именно по этой дороге попали чернолаковая греческая керамика и другие импортные товары в Вани и Даблагоми, где они и были найдены в результате произведенных здесь археологических раскопок⁵²¹, а также многие иноземные предметы (египетские скарабеи—каменные жуки ритуального назначения, употреблявшиеся здесь уже в качестве украшения, финикийские бусы из цветного стекла, а также посуда для душистой жидкости, чернолаковая керамика и другие) в верхнем течении р. Риони, в горной Раче (найжены во время раскопок Г. Ф. Гобеджишвили на Брильском могильнике у с. Геби)⁵²². Несколько позже, в

⁵¹⁷ Результаты археологич. исследований Вани см. в сб.: Вани. Археологические раскопки. Тбилиси, т. I, 1979; II, 1976; III, 1977; IV, 1979; V, 1981; VI, 1982; VII, 1983.

⁵¹⁸ Куфтин Б. А. Материалы к археологии Колхиды, II, с. 146.

⁵¹⁹ Каучишвили С. Г. Сведения византийских писателей о Грузии, т. III, 1936, с. 318—319.

⁵²⁰ См. сб.: Нокалакеви-Археополис (Археологические раскопки 1973—1977 гг.). Тбилиси, 1981 (на груз. яз., резюме на рус. яз.).

⁵²¹ Куфтин Б. А. Материалы к археологии Колхиды, II, с. 4 и след.

⁵²² Гобеджишвили Г. Ф. Указ. соч., с. 104—106.

раннеэллинистическую эпоху, как об этом подробнее будет сказано ниже, на среднем и нижнем течении р. Риони проходил последний этап большой международной торгово-транспортной дороги, шедшей из Индии по среднеазиатским рекам и Каспийскому морю, Азербайджану (древней Албании) и Восточной Грузии (Иберии), через Сурамский перевал и р. Фасис, достигающей восточнопричерноморских греческих городов, в частности Фасиса (совр. Поты). По фасисской торговой дороге еще в раннеантичную эпоху греческие товары проникали и в соседнюю Восточную Грузию. Об этом говорит открытие во время раскопок раннеантичного комплекса в с. Ховле (близ ж.-д. станции Гракали) фрагментов греческой керамики.

Несомненно, интенсивными должны были быть торговые связи также и с греческими городами Юго-Восточного Причерноморья.

Об интенсивности торговых связей населения Колхиды с внешним миром говорят также находки на территории Западной Грузии очень ранних монет других черноморских областей и Эгейского бассейна. Так, в Вани еще в 1895 году был найден золотой статер с острова Самос VI в. до н. э.⁵²³ В Западной Грузии открыты также пантикапейские и синопские (клад, содержащий их, был найден в Кобулету)⁵²⁴ монеты, афинские тетрадрахмы и т. д.

О высоком развитии в Западной Грузии той эпохи товарного производства и торговли безусловно говорит факт интенсивного обращения здесь монет местной чеканки, т. н. «колхидок».

Развитие производительных сил, прогресс во всех областях хозяйства (земледелие, ремесло), развитие товарного хозяйства и интенсивного обращения монет, несомненно, вызывали усиленное разложение сельской общины, обогащение одной небольшой части общинников и обнищание другой части их. Археологический материал из Западной Грузии этого периода показывает углубление имущественного различия среди населения этой области. Во многих местах Западной Грузии выявлены, с одной стороны, богатые, а с другой — бедные погребения и другие признаки социально-экономической дифференциации. Как отмечает Б. А. Куфтин, факт резко выраженной имущественной дифференциации в Западной Грузии в эту эпоху налицо даже в поселениях сельского типа⁵²⁵. Что касается поселений городского типа, то перед нами здесь, несомненно, весьма яркий материал, свидетельствующий об углублении этого явления. Наряду с погребениями со скудным погребальным инвентарем, мы здесь (напр. в Вани) встречаем исключительно богатые погребения с драгоценными высокохудожественными предметами, дорогими украшениями и импортными предметами роскоши⁵²⁶, свидетельствующими, что перед нами погребения представителей аристократической верхушки общества, которая пользовалась всеми благами жизни и имела доступ к роскоши. Как было отмечено выше, именно эта верхушка и была основным потребителем местных или импортных предметов роскоши.

Археологические раскопки даже в горных северных областях Колхиды дают материал о наличии имущественной дифференциации среди населения этой области. Так, явно отличаются друг от друга в материале этой эпохи богатые и бедные погребения на Бсирцхском могильнике в Абхазии (раскопки М. М. Трапша), на Брильском могильнике в горной Раче (раскопки Г. Ф. Гобеджишвили)⁵²⁷ и т. д.

⁵²³ См. у Н. В. Хоштария в сб.: Мимомхшшели. I, с. 303.

⁵²⁴ Г о л е н к о К. В. Кобулетский клад серебряных монет середины IV в. до н. э. (предварительное сообщение). — СА, 1955, XXVII.

⁵²⁵ К у ф т и н Б. А. Материалы к археологии Колхиды. II, с. 145.

⁵²⁶ Подр. см. сб.: Вани, I, с. 112—117, 208—239.

⁵²⁷ Г о б е д ж и ш в и л и Г. Ф. Указ. соч., с. 139—140.ы

Сравнительно высокий уровень развития производительных сил и концентрация богатства в руках аристократической верхушки создавали все условия для использования этой верхушкой рабского труда. Колхидская правящая верхушка, зная, была основным поставщиком рабов греческим колониям. Несомненно, эта верхушка колхидского общества и сама пользовалась рабским трудом. Рабами были в основном военнопленные, захватываемые в постоянных стычках с соседними (в основном горными) племенами.

Наряду с рабами, колхидская знать, несомненно, эксплуатировала также и свободных и полусвободных земледельцев своей страны. Эти последние все еще составляли преобладающую часть населения и были объединены в сельские общины. Масса общинников все более и более дифференцировалась на богатых и бедных. Большим влиянием пользовались в стране, вероятно, и служители культа — жрецы.

Колхидское царство, существовавшее в VI—IV вв. до н. э. в Западной Грузии политическое образование, являлось раннеклассовым государством. Это было сравнительно неразвитое классовое общество, в котором еще весьма сильны были пережитки первобытнообщинных отношений, количество рабов и ареал их использования был очень ограниченным и основными производителями материальных ценностей представлялись все еще объединенные в сельские (территориальные) общины свободные и полусвободные общинники.

Однако и Южно-Колхидское царство (Кулха), и Колхидское царство VI—III вв. до н. э. являлись сравнительно небольшими островами среди окружающего их населения, стоявшего на более низкой ступени общественного развития, населения, все еще жившего в условиях родового строя. Таково было положение в соседних областях как Южной Колхиды (Юго-Восточное Причерноморье), так и Северной Колхиды.

Население Северной Колхиды, поскольку можно судить по добытым здесь археологическим материалам (раскопки в Абхазской ССР, в горной Раче и т. д.), в культурном отношении сильно тяготело к Колхидской низменности, хотя имело тесные связи и с населением прилегающих областей Северного Кавказа. Главным образом, посредством Колхидского царства оно было втянуто в торговые связи даже с внешним миром. Об этом говорит хотя бы открытие на Брильском могильнике (Рача) египетских скарабеев и греческих импортных товаров, дошедших до этих мест, как было сказано выше, по Рионской торговой магистрали.

То, что среди жителей Северной Колхиды в это время господствовал родовой строй, ясно из того факта, что и несколько столетий спустя это население, как можно судить по весьма красноречивым свидетельствам античных авторов, в частности

Страбона, все еще жило в условиях первобытнообщинных отношений.

То же можно сказать и о значительной части населения Юго-Восточного Причерноморья в период существования Ахеменидской державы, хотя здесь мы встречаемся, вероятно, с большой неравномерностью культурного и общественного развития разных частей населения данной области. Ценные сведения о населении этого края содержит «Анабасис» Ксенофонта, прошедшего через эти места со своим войском в конце V в. до н. э. Направляясь с юга к Черноморскому побережью, его войско сделало семь переходов (50 парасангов, т. е. примерно 250 км) по территории халибов (халдовчанов). Речь идет о населении, жившем к югу от течения г. Арпас (Чорохи), так как, пройдя через территорию халибов, греки достигли течения этой реки, где она имела ширину в 4 плетра (т. е. 12 м) (IV, 7, 18). Начиная с этих халибов, греки уже постоянно шли по территории разных западногрузинских племен.

Достигнув р. Арпас (Чорохи), греки затем прошли в восемь переходов 40 парасангов по стране скифинов и достигли «большого, богатого и многолюдного города» Гюмниас (IV, 7, 18—19). И здесь эллины шли по территории западно-грузинских (чанских) племен, так как скифины, судя по их названию, были западногрузинскими племенами⁵²⁸.

«Правитель этой страны» дал эллинам проводника, который вел их в дальнейшем по территории враждебных его стране (скифинам) племен, побуждая греков жечь и разрушать их страну. На пятый день он привел эллинов к горе Фехес, откуда уже было видно море. Тогда эллины отпустили вожака домой, подарив ему из общественного имущества коня, серебряную чашу, персидскую одежду и 10 дариков, но он преимущественно просил перстней и набрал их много у солдат» (IV, 7, 27). Дальше путь шел по территории макронов — племени также, безусловно, западногрузинского происхождения⁵²⁹.

Макроны заключили договор, продали им продовольствие и вели их в течение трех дней по своей стране. Затем греки подошли к территории «колхов», жителей трапезундского района. Несомненно, и здесь речь идет о западногрузинском (мегрело-чанском) населении, и «колхи» вовсе не было их самоназванием. Просто греки стали называть их так, следуя, очевидно, терминологии своих сородичей — трапезундцев. Все эти «халибы», «скифины», «соседи и враги скифинов», «макроны», «колхи» были этнически одного и того же происхождения, но, несомненно, входили в различные, часто враждовавшие друг с другом, союзы племен. Принимая во внимание пройденный греками путь, можно судить также о величине территории этих племенных союзов. Конечно, не под всеми племенными названиями у Ксенофонта можно подразумевать единые союзы племен. Так обстоит дело, например, с халибами и колхами. Однако в ряде других случаев это бесспорно. К примеру, скифины, несомненно, образовали одно единое объединение, так как у Ксенофонта речь идет о «правителе этой страны». Греки шли по территории этих скифинов более восьми дней (восемь переходов; 80 парасангов, т. е. более 300 км) до их города Гюмниас, а затем еще некоторое время до границ враждебного им скифинского объединения. То же можно сказать о соседях скифинов, враждовавших с ними, против которых возбуждал эллинов проводник — скифин. По их территории эллины шли в течение нескольких дней. С таким же определенным

⁵²⁸ См.: М е л и к ш в и л и Г. А. История древней Грузии. Тбилиси, 1959, с. 80—81.

⁵²⁹ Ксенофонт передает весьма интересный эпизод о переговорах греческого воина, по происхождению макрона, с его соотечественниками. «В это время, — говорит он, — к Ксенофонту подошел пельтаст, по его словам, некогда бывший рабом в Афинах, и сказал, что он знает язык этих людей». «Я думаю, — сказал он, — что это моя родина и я хотел бы с ними переговорить, если тому нет препятствий». «Никаких препятствий нет, — сказал Ксенофонт, — переговоры с ними и сперва узнай, кто они такие». На его вопрос они ответили: «Макроны» и т. д. (IV, 8, 4—7).

объединением имеем мы дело в «макронах». Договорившись с эллинами на границе их области, они вели их в течение трех дней по контролируемой ими территории. Ниже мы увидим, что у моссиников, живших на побережье западнее Керасунта, мы находим два больших союза племен. Территорию этих двух объединений моссиников эллины прошли в восемь переходов и т. д. Судя по этим данным, существовавшие здесь союзы племен охватывали порой довольно обширную территорию.

Трудно судить о политических образованиях, существовавших у западногрузинского населения Трапезундского района, которое Ксенофонт, пользуясь, очевидно, терминологией своих соплеменников — трапезундцев, именует «колхами». По признаку взаимоотношений с греками-колонистами Трапезунда население этой области делилось на две части. Жители равнины, прилегающей к Трапезунду, находились в дружеских и, вероятно, самых тесных сношениях с трапезундцами. Когда греки-наемники достигли Трапезунда, жители этого города встретили их хорошо «и в знак гостеприимства послали им дары: быков, ячмень и вино. Они также содействовали и при заключении договоров с соседними колхами, жившими по большей части на равнине, и от тех тоже прибыли дары гостеприимства в виде рогатого скота» (IV, 8, 23—24). Однако с живущим более отдаленно, в горах, населением трапезундцы находились во враждебных отношениях. Территория враждебно настроенного к трапезундцам населения находилась, очевидно, в некоторых направлениях довольно близко от города, так как в начале своего пребывания в Трапезунде греки-наемники совершали вылазки из города с целью захвата продовольствия и в тот же день возвращались в лагерь (т. е. в Трапезунд) (V, 2, 1). Однако эти вылазки для греков не всегда кончались безнаказанно. «В течение этого времени, — говорит Ксенофонт, — эллины ходили за добычей, одни успешно, другие нет. Клеайнет повел собственный и другой лох против недоступного укрепленного поселения и погиб вместе со многими другими из его отряда» (V, 1, 17). Все же вскоре настало время, «когда уже больше нельзя было достать продовольствия с расчетом в тот же день вернуться в лагерь» (V, 2, 1). Тогда грекам пришлось подумать о том, чтобы устроить экспедицию в более отдаленные места. Однако они были вынуждены разделить войско на две части, оставив половину для охраны лагеря. «Дело в том, — говорит Ксенофонт, — что колхи, изгнанные из собственных домов, собрались в большом числе на горах и оттуда неотступно следили за эллинами» (V, 2, 1). Трапезундцы решили воспользоваться присутствием греческого войска для наказания своих врагов, жителей соседних горных районов, совершавших частые набеги на Трапезунд. Проводники-трапезундцы «не повели эллинов туда, где легко было достать продовольствие, так как люди, жившие там, были их друзьями. Но они с готовностью повели их на дрилов, которые причиняли им много хлопот, в местность гористую и малодоступную, против самого воинственного из припонтийских племен» (V, 2, 2).

Ксенофонт подробно описывает столкновение с дрилами, от которых эллинское войско в конце концов спаслось с большим трудом (*Anab.*, кн. V, гл. 2).

И здесь греки столкнулись, вероятно, с одним на западно-грузинских (мегрело-чанских) племен, живших в горах Северо-Анатолийского хребта к югу от Трапезунда. Флавий Арриан, совершивший плавание вдоль Черноморского побережья Колхиды в 131 г. н. э., перечисляя племена, мимо которых проплыли они и его спутники, говорит: «...с трапезундцами, как говорит и Ксенофонт, граничат колхи. Тот народ, который, по его словам, отличается наибольшей воинственностью и непримиримой враждой к трапезундцам, он называет дрилами, а по моему мнению, это — санны (т. е. чаны, одно из западногрузинских племен. — Г. М.); они и до сих пор очень воинственны, непримиримые враги трапезундцев и живут в укрепленных местечках; народ этот не имеет царей и с давнего времени обязан платить дань римлянам, но, благодаря разбойничеству, они платят взносы не аккуратно; впрочем, теперь, бог даст, они будут аккуратны, или мы выгоним их (из страны)» (*Arr.*, *Periplus*, § 15).

Население соседнего с Трапезундом греческого города Керасунта находилось, вероятно, в таких же взаимоотношениях с окружающим его местным населением, каковыми были взаимоотношения трапезундцев с их соседями. Правда, Ксенофонт ничего не говорит о врагах керасунтцев, но из его рассказа видно, что с населением близлежащей области керасунтцы находились в очень тесных и дружеских отношениях. «Существуют, — говорит Ксенофонт, — варварские поселения в горах, дружественные керасунтцам, откуда жители спускались и продавали нам убойный скот и кое-что другое из своего имущества». Сами греки тоже ходили отсюда «в ближайшее поселение, делали там закупки и возвращались обратно» (V, 7, 13).

Однако группа греков во главе с Клеаретом решила разграбить это дружественное керасунтцам поселение. «Созвав тех, кого ему удалось уговорить, он повел их на поселение. Но еще в пути их застало утро, жители собрались и стали бросать камни и стрелять с укреплений, убили Клеарета и многих других, и только немногие добежали до Керасунта» (V, 7, 16). «После этого, как рассказывают керасунтцы, из этого поселения прибыло трое старейшин с намерением выступить» на общем собрании греков-наемников, но основная часть их к этому времени уже отбыла из Керасунта в западном направлении. Тогда эти старейшины из соседнего с Керасунтом поселения обратились к керасунтцам и начали жаловаться на наемников. Керасунтцы уверяли их, что нападение на них совершила небольшая кучка греков, без ведома остальных. Старейшины все же собрались догнать основные силы греков. Тогда находившиеся в Керасунте греки-наемники, принимавшие участие в нападении на поселение, побили камнями этих трех старейшин, посланцев подвергнувшегося нападению поселения.

Это событие, очевидно, очень взволновало керасунтцев, которые опасались осложнения взаимоотношений с местным населением (V, 7, 20 сл.). Обстановка настолько накалилась, что Ксенофонт говорил своему войску: «...побившие послов камнями достигли того, что вам (т. е. грекам-наемникам) теперь, единственным из всех эллинов, нельзя спокойно явиться в Керасунт, если вы придете туда без охраны» (V, 7, 30).

К западу от Керасунта греки шли уже по территории моссиников, Здесь было два крупных союза племен, враждовавших друг с другом. Греки воспользовались этим и заручились поддержкой одной группировки моссиников против другой, более сильной.

Если верить Ксенофону, борьба между вышеназванными двумя группировками шла будто из-за главного города (Метрополиса), где находился и их акрополь, так как считалось, что «владеющие акрополем являются тем самым и господами всех моссиников, а передавали, будто теперешние его обладатели (т. е. та группировка моссиников, которая заняла враждебную позицию по отношению к грекам. — Г. М.) владели им не по праву, но пользовались преимуществом, захватив силой это общее достояние» (V, 4, 15).

Греки, совместно с их местными союзниками, взяли этот главный город моссиников со многими имевшимися здесь укреплениями. Здесь «эллины при грабеже укрепленных мест нашли в домах запасы хлеба, заготовленного, по словам моссиников, с прошлого года по заветам отцов, а новый хлеб — по большей части полба — лежал у них в стебле. В амфорах была обнаружена солонина из мяса дельфинов и в различных сосудах дельфинья ворвань, которую моссиники употребляют так же, как эллины оливковое масло. На крышах лежало много плоских каштанов без поперечных стенок. Моссиники употребляли их в большом количестве в пищу, отваривая их и выпекая из них хлеба. Встретилось и вино, которое в несмешанном виде показалось кислым и горьким, но разбавленное водой, имело приятный запах и вкус» (V, 4, 27—29).

В стране моссиников много было укрепленных мест. Значительная часть их была очень слабо укреплена. «Все легко доступные, укрепленные места сторонников враждебных эллинам моссиников, — говорит Ксенофонт. — при походе эллинов либо оставались жителями, либо добровольно сдавались. А большая часть укрепленных мест была именно такова. Они отстояли друг от друга стадиев на 80 (стадий — 117 м), одни больше, другие меньше. Жители их перекликаются между собой, и крик слышен от одного города до другого, — до такой степени эта страна изобилует возвышенностями и глубокими ущельями» (V, 4, 30—31).

Из этого видно, что у моссиников было развито земледелие, в том числе виноградарство, было широко развито также рыболовство и обработка продуктов рыболовства. Они занимались, очевидно, и обработкой металлов, в частности железа. В вооружении моссиников Ксенофонт называет, между прочим, и железные секиры (V, 4, 13), а на крайнем западе территории моссиников греки, очевидно, встретили людей, занятых обработкой железа. Ксенофонт называет здесь немногочисленных и подвластных моссиникам халибов, живущих преимущественно добыванием и обработкой железа (V, 5, 1). Наименование «халибов» эти моссиники у Ксенофонта получили, несомненно, по укоренившемуся среди греков представлению о протонтийских халибах — «изобретателях железа». Моссиники, видно, имели довольно тесные торговые сношения с греческими городами, притом не только с ближайшим к ним Керасунтом, но и более отдаленным Трапезундом. Ксенофонт упоминает бывшего с его войском трапезундца Тимесития, который был проксеном моссиников, т. е. заведовал отношениями с ними. Он знал их язык и от имени греков-наемников вел переговоры с ними (V, 4, 2 сл.).

В свете всего этого к явному непониманию нужно отнести некоторые сообщения Ксенофонта о моссиниках, в которых они изображаются в качестве не то сумасшедших, не то совершенно диких людей. Так, «при проходе через страну дружественных моссиников, — говорит Ксенофонт, — эллинам показали откормленных сыновей богатых родителей, упитанных вареными (каштанами, изнеженных, чрезвычайно белых и почти одинаковых в вышину и в ширину; спины их размалеваны, а спереди они сплошь покрыты татуированными цветами. Они хотели на виду у всех сойтись с гетерами, которых вели с собой эллины, ибо таков у них обычай. Все, как женщины, так и мужчины, у них белы. Эллины, совершившие поход, говорили о моссиниках, что это самый варварский из всех народов, через земли которых они проходили, и наиболее чуждый эллинским обычаям. Ибо они делали на людях то, что другие совершают только наедине, а наедине вели себя так, как другие ведут себя на людях: разговаривали и смеялись сами с собой и плясали где попало, словно показывая свое искусство другим» (V, 4, 32—34). Возможно, как полагают некоторые исследователи, эллины ошибочно обобщили какие-то культовые действия моссиников или же отдельные случаи и сочли их за повседневные их обычаи.

Таковыми же странными являются сообщения о «царях» моссиников. Когда греки взяли «главный город» (Метрополис) моссиников, то, по словам Ксенофонта, «их царь, который пребывал в деревянной башне, построенной на самом высоком месте города, причем моссиники кормят его на общественный счет, пока он сидит там под охраной, не захотел покинуть ее, так же как и тот (царь), который находился в прежде взятом укреплении, и оба сгорели там вместе с деревянными башнями» (V, 4, 26). Очевидно, таких «царей» у моссиников было довольно много, скорее всего, как полагают некоторые исследователи, здесь речь идет о жрецах, служителях культа, а не о племенных вождях («царях»)⁵³⁰.

После моссиников, идя по побережью на запад, эллины в течение двух дней шли по стране тибаренов. «Страна тибаренов,— по словам Ксенофонта,— гораздо более

⁵³⁰ Максимова М. И. Указ. соч., с. 140—141.

плоская, и в ней есть расположенные у моря не очень сильно защищенные поселения» (V, 5, 2). Приняв подарки от тибаренов, греки прошли по их стране как стране дружественной и достигли греческого прибрежного города Котиоры — «колонии Синопы в стране тибаренов» (совр. город Орду на Черноморском побережье Турции) (V, 5, 3).

Сведения Ксенофонта о населении Юго-Восточного Причерноморья не дают нам более или менее полного представления о жизни живших здесь племен. Сообщаемые о них сведения фрагментарны. Рассматриваемые племена в повествовании Ксенофонта появляются лишь в той мере, в какой они имели соприкосновение с греками, шедшими по их территории и задавшимися целью ограбить их, захватить нужное им продовольствие, а также другие ценности, чтобы не пришлось с пустыми руками возвратиться на родину. Однако, даже вовсе не думая о том, чтобы описать те племена и народности, с которыми греки соприкасались во время своего похода, Ксенофонт все же сообщает много интересного о них. Много узнаем мы об их вооружении, одежде, некоторых их обычаях. По его материалам можно судить и о хозяйстве этого населения (скотоводстве, земледелии, рыболовстве, ремеслах, в том числе обработке металлов и т. д.).

Труднее судить о политической и социальной жизни этого населения. Ксенофонт мало что сообщает в этом отношении. Судя по его сведениям, население Юго-Восточного Причерноморья в это время было свободно от всякой зависимости в отношении Ахеменидов (Anab., V, 5, 17—18; VII, 8, 25). Как об этом уже говорилось выше, здесь существовали крупные союзы племен, которые порой враждовали между собой. Можно назвать, например, вражду двух крупных объединений скифинов, а также двух таких же объединений моссиников (см. выше). Борьба между ними, видимо, была столь ожесточенной, что они охотно пользовались даже войсками иноземцев для нанесения удара своим противникам.

Нельзя также пройти мимо того факта, что, по описанию Ксенофонта, почти вся территория была покрыта бесчисленным количеством укреплений. «Таохи жили в неприступных, укрепленных местах, куда были снесены и все их запасы» (IV, 7, 1). Соседние с ними халибы (= халды) также «жили в укрепленных местах, и продовольствие у них было собрано там же» (IV, 7, 17). И у живших южнее Трапезунда дрилов Ксенофонт встречает укрепленные пункты (V, 2, 3 сл.). Моссиники же не подчинялись эллинам, «полагаясь на неприступность своих укрепленных мест» (V, 4, 2). И в стране тибаренов у моря были укрепленные поселения (V, 5, 2). Однако преобладающая часть этих укрепленных пунктов-крепостей, видно, не представляла ничего серьезного. Описывая взятие одного из укрепленных пунктов таохов, Ксенофонт отмечает, что это не было городом и здесь даже не было домов (IV, 7, 2). Очевидно, речь идет об огражденном на возвышенности крепостной стеной месте. Главной трудностью при взятии этой крепости являлось то, как добраться до нее под ливнем камней, бросаемых укрывшимися в ней таохами. Сама крепость, очевидно, ничего из себя не представляла. Дрилы же при приближении греков «принялись жечь все те укрепленные поселения, которые, по их мнению, могли быть захвачены, а сами уходили» (V, 2, 3). При прохождении через страну моссиников, Ксенофонт говорит, что «все легко доступные

укрепленные места сторонников враждебных эллинам моссиников при походе эллинов либо оставлялись жителями, либо добровольно сдавались. А большая часть укрепленных мест была именно такова» (V, 4, 30—31). В стране тибаренов же греки находят на побережье «не очень сильно защищенные поселения», которые настолько возбуждают их аппетит, что они даже думают отвергнуть присланные им тибаренами дары и напасть на них (V, 5, 2).

Конечно, не все укрепления в этой области были столь незначительными. Ксенофонт описывает существовавшие здесь некоторые довольно сильно укрепленные пункты. В таком случае у него специально указывается, что в крепости имелся акрополь. Так было, например, в «главном городе» дрилов, где «город» с акрополем был окружен глубоким рвом. Перед «главным городом» (Μητροπόλις) моссиников находилось еще одно укрепление и т.д.

Однако такие сильно укрепленные пункты все же встречались довольно редко. Массовое же распространение в качестве основного типа населенных пунктов слабозащищенных укреплений указывает на то, что население здесь все еще жило в условиях характерной для первобытнообщинного строя политической раздробленности, когда отдельные родоплеменные объединения вели постоянные войны между собой. Такие слабоукрепленные пункты, представлявшие, как правило, обнесенные крепостной стеной (часто типа циклопической кладки) места, лишь изредка имевшие внутри этой ограды еще и акрополь, мюлли служить эффективными оборонительными сооружениями лишь при нападении малочисленных и слабо вооруженных врагов.

Конечно, жившее на всем протяжении этой огромной области население вовсе не находилось на одинаковой ступени социально-экономического развития. В горах Северо-Анатолийского хребта население все еще существовало, вероятно, в условиях слабо дифференцированного родового общества. Так было не только в данную эпоху, но и намного позднее, что видно из ряда красноречивых сообщений более поздних авторов (Страбон, Арриан, Помпоний Мела) о чанах и других здешних племенах, о которых нам придется говорить ниже. В равнинах развитие, как правило, было уже далеко зашедшим в сторону разложения родового строя и образования классового общества.

Выше мы пришли к выводу, что ведущее население существовавших еще раньше в этих краях крупных политических образований Диаухи и Кулха (Колхида), возможно, уже поднялось на ступень раннеклассового общества, однако оно было окружено населением, безусловно все еще жившим в условиях первобытнообщинного строя. С тех пор произошло много событий: киммеро-скифские вторжения, падение старых политических образований, передвижения племен, в том числе проникновение сюда горских племен, частично уничтоживших и частично вытеснивших отсюда старое население этих областей и т. д. Однако общая картина, по-видимому, осталась той же. Значительная часть населения все еще жила в условиях более или

менее разложившегося родового строя, в то время как население некоторых областей, вышедшее из рамок родо-племенной структуры, включалось в качестве органической составной части в Персидскую державу и вполне приспособилось к условиям жизни империи. Стоявшие во главе таких областей правители, будь то персы или представители местной знати, являлись не родо-племенными вождями, а носителями государственной власти.

Признаком того, что в некоторых местах интересующей нас области, в частности на территории к югу от Северо-Анатолийского хребта, в бассейне р. Чорохи, население находилось на довольно высокой ступени общественного развития, исследователи обычно считают весьма любопытный факт упоминания Ксенофонтом в области скифинов «многолюдного, большого и богатого города» (πόλις οἰχονμένη καὶ μεγάλη καὶ εὐδαίμων) Гюмниас (IV, 7, 19), в то время как Трапезунд, например, тот же Ксенофонт именуется лишь «многолюдным городом» (πόλις οἰχονμένη) (IV, 8, 22), а Керасунт и Котиору — просто «городами» (πόλις) (V, 3, 2; V, 5, 1)⁵³¹. Интересно, что в связи со скифами и городом Гюмниас у Ксенофонта фигурирует и «правитель этой страны» (δ τῆς χώρας ἄρχων) (IV, 7, 19).

Если проследить за терминологией Ксенофонта, станет ясным, что эпитеты «многолюдный», «большой», «богатый» употребляются им на всем протяжении сочинения при характеристике встречавшихся в пути городов. Многократно дается характеристика «многолюдный» (I: 2, 10; 2, 11; 2, 13; 2, 14;), «большой и многолюдный» (I, 2, 23; II, 4, 13), «большой и богатый» (I: 4, 1; 4, II; 5, 10; 11: 5, 28), самой высокой является довольно редко встречающаяся характеристика «многолюдный, большой, богатый» (I, 2, 6; I, 2, 20; ср. I, 2, 7).

***

В дальнейшем, в первой половине IV в. до н. э., персам, возможно, удалось частично восстановить свои позиции в Юго-Восточном Причерноморье. В Малой Азии в эту эпоху все еще сидели персидские сатрапы и население выполняло традиционные обязательства в отношении Ахеменидов (платило дань, поставляло людей в персидское войско). На это может указывать и факт восстановления власти Персии над греческими городами Юго-Восточного Причерноморья (Синоп, Амис) в эту эпоху⁵³². Однако в дальнейшем Ахеменидам приходится вести тяжелую борьбу для того, чтобы удержать в покорности Малую Азию. Отдельные персидские сатрапы часто поднимают восстания против центральной власти, стремясь сделаться независимыми. В конце царствования Артаксеркса II (405—359) от Ахеменидов отпали почти все западные сатрапы, в том числе Оронт — сатрап Армении, Ариобарзан — один из малоазийских правителей, киликийцы, пасидийцы и ликийцы. Во главе восстания стоял сатрап Каппадокии Датам. Царствование Артаксеркса III (359—338) прошло в упорной борьбе с восставшими областями, в том числе и малоазийскими провинциями ахеменидской державы.

В пределах царства Ахеменидов быстрыми темпами шел процесс социально-экономической дифференциации и классового образования в среде местного населения. Это особенно касается жителей равнинных областей. В среде жившего в горах Юго-Восточного Причерноморья населения узы родо-племенного строя были еще очень крепки, и этот строй здесь просуществовал в продолжение многих последующих

⁵³¹ На это обстоятельство обратил внимание Т. К. Микеладзе в своей работе «Анабасис» Ксенофонта» (Тбилиси, 1967, с. 52—59); ср.: М а к с и м о в а М. И. Античные города Юго-Восточного Причерноморья, с. 129 к след.

⁵³² Там же, с. 102.

столетий. После падения Персидской державы Ахеменидов в 30-х гг. IV в. до н. э. под натиском греко-македонских армий Александра Македонского произошел серьезный сдвиг в жизни населения Юго-Восточного Причерноморья. Вскоре вблизи этой области сложился ряд эллинистических государств (Понт, армянские царства и т. д.), греческие города Юго-Восточного Причерноморья и соседних областей начали играть все более и более значительную роль в политической жизни этого края и т. д. В этих условиях местное население равнинных областей Юго-Восточного Причерноморья было в полной мере вовлечено в водоворот политической и социально-экономической жизни и стало органической составной частью общества образовавшихся здесь эллинистических государств. В этих условиях, как об этом подробнее говорится у нас в другом месте, интенсивно проходил и процесс этнического смешения коренного населения Юго-Восточного Причерноморья с другими этническими элементами, входящими в состав этих государств. Однако горным племенам удалось сохранить как свой социальный строй, так и свою племенную самобытность.

ГЛАВА XII

ОБРАЗОВАНИЕ КАРТЛИЙСКОГО (ИБЕРИЙСКОГО) ГОСУДАРСТВА

Картские (восточногрузинские) племена жили восточнее западногрузинских (мегрело-чанских) племен. Северная группировка картских племен, так же как и северная ветвь западногрузинского населения (население Колхидского царства), очевидно, не была покорена Ахеменидами. В отношении населения современной Восточной Грузии, именуемого в античном мире иберами, мы имеем указание Плутарха, что оно не было подвластно персам, так же как и их предшественникам — мидийцам. Однако Ахемениды, как об этом говорилось выше, подчинили и включили в состав своего государства южную группировку восточногрузинских племен — сасперов, которые вместе с матиенами и алародиями входили в 18-ю сатрапию (округ) Персидской державы и платили дань в размере «200 талантов серебра». Из перечисленных племен сасперы, вероятно, жили севернее всех. К югу от них жили матиены (вероятно, жившее к западу и северо-западу от оз. Ван хурритское население; название матиенов исследователи сближают с названием Митанни — крупнейшего политического образования хурритов) и алародии (очевидно, сохранившееся к северу от оз. Ван урартское население).

Судя по данным, сообщаемым Ксенофонтom, под персидским владычеством оставались в конце V в. до н. э. лишь некоторые южные области, занимаемые картскими племенами. Северные районы картских племен были свободными или, по крайней мере, к этому времени освободились от зависимости по отношению к персам. Пограничная линия между «персидской Картли» и «свободной Картли» проходила в это время где-то на территории исторического Тао. В названии этой древнегрузинской области сохранилось название таохов и еще более древнее название Диаухи (Диаохи), крупного политического образования, многократно упоминаемого в ассирийских и урартских источниках XII—VIII вв. до н. э.

Население, по крайней мере, пограничных с персидской провинцией «Западной Армении» картских областей, несомненно, посредством ожесточенной борьбы добилось свободы и независимости. Об исключительном свободолюбии этого населения говорит и Ксенофонт, раскрывающий перед нами потрясающую картину самоотверженной борьбы свободных от персидского владычества таохов с вторгшимися в их область греками.

Вступив на территорию этих таохов, грекам не удалось захватить что-нибудь, так как «таохи жили в неприступных, укрепленных местах, куда были снесены и все их запасы» (IV, 4, 1). Однако, так как продовольствие иссякло, греки решили напасть на одно, очевидно, сравнительно незначительное укрепление таохов. Это было обнесенное

оградой место на обрывистом со всех сторон возвышении, внутри которого не было домов. Оно было крепостью, в которой укрывалось население в случае нападения врагов. В это укрепление и собрались, спасаясь от греков, таохи вместе со своим многочисленным скотом. Они были очень малочисленны и почти не вооружены. К тому же греки, очевидно, напали на них внезапно. «Перед нами, — говорит военачальник греков, — только эта вот немногочисленная кучка людей, и из них только двое или трое имеют при себе оружие» (IV, 7, 5).

Основным оружием укrywшихся внутри укрепления таохов были, очевидно, камни, которые они бросали на осаждавших. Ценою огромного напряжения грекам удалось ворваться в укрепленное место таохов. «Тогда, — говорит Ксенофонт, — грекам открылось страшное зрелище. Женщины бросали детей вниз и затем кидались за ними сами, и мужчины поступали таким же образом. Лохаг Эней из Стимфалы увидел какого-то бегущего, по-видимому, с намерением броситься вниз человека, одетого в красивую одежду, схватил его, желая ему помешать, но тот потянул его за собой, и оба они полетели вниз со скалы и погибли. Здесь было захвачено очень мало людей, но много рогатого скота, ослов и овец» (IV, 7, 13—14).

***

За неимением данных трудно сказать, как в дальнейшем развивались взаимоотношения картских племен с державой Ахеменидов. Можно думать, что в первой половине IV в. до н. э. правители Персии, если и не расширили свои владения в сторону западногрузинских племен Юго-Восточного Причерноморья и картских племен Южной Грузии, то, во всяком случае, сохранили позиции, занимаемые ими в южных грузинских областях в эпоху Ксенофонта.

Могучая Персидская держава Ахеменидов просуществовала более двух столетий, с середины VI в. до н. э. до 30-х гг. IV в. до н. э. Она была мировой державой, включая в себя значительную часть цивилизованных стран того времени. Кроме Персии и Мидии в государство Ахеменидов входили Месопотамия, Малая Азия, Сирия и Палестина, Египет и т. д. Создание такой огромной империи в сильной степени способствовало развитию торгово-экономических связей между странами, входившими в нее. Центральная власть, как известно, провела ряд мероприятий, направленных на сплочение разных частей империи. Можно упомянуть строительство дорог, устройство «гостиниц» и сторожевых постов на этих дорогах, хорошую постановку дела связи и сигнализации и т. д. Была упорядочена монетная система. Чеканились золотые, серебряные и медные монеты. Чеканка золотой монеты была привилегией центральной власти. Право чеканки серебряной монеты имели сатрапии, а входящие в сатрапии отдельные области имели право чеканки медной монеты.

Включение в водоворот международной торговли, оживление обмена и денежного обращения способствовали ускорению процесса общественного развития в среде не только тех грузинских племен, которые входили в состав Ахеменидской державы, но и тех, которые жили по соседству с ней.

Развитие производительных сил, углубление общественного разделения труда и оживление торгового обмена обусловили углубление имущественной и социальной дифференциации. Археологический материал из Восточной Грузии «ахеменидской эпохи» (VI—IV вв. до н. э.) со всей очевидностью показывает нам наличие резкого имущественного неравенства среди населения Грузии и концентрацию богатства в руках аристократической верхушки общества. При археологических раскопках и в результате случайных находок во многих местах Восточной Грузии обнаружены могилы представителей местной знати, погребенных с царским великолепием.

В этом отношении наше внимание обращается, в первую очередь, на материал из богатого погребения, открытого в 1908 г. в с. Садзегури, в Ксанском ущелье (совр. Ленингорский район Груз. ССР). Обыкновенно этот материал ошибочно называется

Ахалгорийским кладом, хотя уже Я. И. Смирнов правильно определил его как инвентарь из богатого женского погребения⁵³³. Ахалгорийский клад содержит много замечательных ювелирных изделий. Особенно много здесь разных украшений из золота и драгоценных камней (художественно выполненные золотые шейные гривны, браслеты, перстни, серьги, ожерелья, височные украшения, бляшки, бусы и т. д.). Замечательными являются также серебряная посуда, бронзовые украшения, части конского снаряжения (удила и др.) и т. д. Каждый предмет здесь является прекрасным изделием ювелирного искусства. Если бы этот клад являлся погребальным инвентарем не одного, а нескольких человек, то и тогда мы были бы в праве считать погребенных здесь лиц знатными членами общества, резко выделявшимися по своему имущественному и общественному положению из среды остальных членов общества⁵³⁴. Еще большее значение приобретает этот материал в свете того обстоятельства, что на том же могильнике, на котором был найден этот клад, археологическая экспедиция Института истории АН Груз. ССР обнаружила в 1945 году много бедных, почти ничего не содержащих погребений⁵³⁵.

К инвентарю Ахалгорийского клада близко стоит археологический материал, обнаруженный в некоторых других пунктах Восточной Грузии. Это можно сказать, например, в отношении открытого в 1940 году у с. Цинцкаро (в ущелье р. Алгети) погребального инвентаря⁵³⁶.

Материал из с. Цинцкаро также относится, очевидно, к женскому погребению. «Погребение близ с. Цинцкаро на р. Алгети, — отмечает Б. А. Куфтин, — даже в том неполном виде, в каком оно дошло пока до нас, дает чрезвычайно характерную картину культурной жизни Триалети в ахеменидскую эпоху. Мы встречаемся в это время здесь, как и в средней долине Куры (в Ксанском ущелье), с значительной дифференциацией населения и выделившейся местной знатью, погребаемой часто с царским великолепием⁵³⁷.

К Ахалгорийскому кладу и погребальному инвентарю, из с. Цинцкаро довольно близко стоит также, по-видимому, синхронный с ним материал из с. Казбеги (украшения и посуда из серебра, меди и бронзы, золотые серьги и т. д.)⁵³⁸.

Углубление имущественной дифференциации общества ясно видно и на материале знаменитого Самтаврского могильника (в Мцхета). Очень отчетливо наблюдается различие между богатыми, содержащими в большом количестве драгоценный погребальный инвентарь, погребениями и бедными могилами с весьма скудным инвентарем.

Однако в «ахеменидокую эпоху» Мцхета, по всей вероятности, не была центром какого-либо крупного союза племен. Правда, как было отмечено выше, на Самтаврском могильнике можно выделить группу богатых, резко отличных от рядовых, погребений, но здесь в эту эпоху мы все же не встречаем такие великолепные захоронения вождей крупных объединений или членов их семей, какие мы имеем в других местах Восточной Грузии (Ахалгорийский клад, богатое погребение из с. Цинцкаро и т. д.).

Богатые погребения Самтавро исследователи считают местами захоронения родовых старейшин или знаменитых воинов, остальные же считаются погребениями рядовых членов общества.

---

⁵³³ С м и р н о в Я. И. Ахалгорийский клад. Тбилиси, 1934. (Имеется также немецкое издание: S m i r n o v J. I. Der Schatz von Achalgori. Tiflis, 1934).

⁵³⁴ Г о б е д ж и ш в и л и Г. Ф. Археологические раскопки в Советской Грузии. Тбилиси, 1952, с. 112 (на груз. яз).

⁵³⁵ См.: там же, с. 112.

⁵³⁶ К у ф т и н Б. А. Археологические раскопки в Триалети, I. Тбилиси, 1941, с. 35.

⁵³⁷ К у ф т и н Б. А. Указ, соч., с. 40.

⁵³⁸ Ф и л и м о н о в Г. Д. О доисторической культуре Осетии. — Изв. Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии, т. XXXI, приложение. М., 1878; T a l l g r e n А. М. The Kasbek trefsure. — Eur. Sept. Ant. Helsinki, 1930.

То, что Мцхета в эту эпоху не играла значительной роли в политической жизни населения Восточной Грузии, следует, как будто, и из древнегрузинской исторической традиции, дошедшей до нас в сборнике «Мокцевай Картлисай».

Характерно, что в качестве древнейших центров на территории Шида-Картли эта традиция называет, с одной стороны, Саркине (около с. Дзегви) с его крепостью Цихе-Диди и, с другой стороны, Каспи, Урбниси и Уплисцихе.

Таким образом, в районе Мцхета, согласно этой традиции, Саркине являлся более значительным поселением, чем собственно Мцхета. Наряду с ними наиболее значительные центры на территории Шида-Картли были расположены в районе совр. Каспи — Урбниси (Каспи, Урбниси, Уплисцихе).

В связи с этим следует отметить, что в этом районе (Урбниси, Уплисцихе, Гори и т. д.) сохранилось много остатков сооружений античной эпохи. В Уплисцихе, в частности, мы имеем замечательный комплекс высеченных в скале сооружений. Изучая этот комплекс, исследователи приходят к выводу, что наскальные сооружения здесь относятся к очень древнему периоду. Характерно, что «Мокцевай Картлисай» известно строительство Армазцихе, Мцхета и т. д., но она знает лишь о реставрационных работах в Уплисцихе, произведенных уже в I в. до н. э. (при царе Аршаке II) (ср. археологические свидетельства)⁵³⁹. В связи с этим, можно отметить также и то, что в районе Уплисцихе, в с. Ховле, было проведено археологическое обследование весьма интересного комплекса оборонительных, жилых и хозяйственных сооружений раннеантичной эпохи. Обращают на себя внимание многочисленные точки соприкосновения с материальной культурой более южных областей, открытие впервые на территории Восточной Грузии греческих импортных керамических изделий, подтверждающих наличие торговых сношений с греческими городами Западной Грузии и т. д., что свидетельствует о существовании здесь значительного центра в раннеантичную эпоху.

Следует думать, что происходящая безусловно в это время борьба между отдельными крупными объединениями картских племен протекала под знаком преимущества более южных (скорее всего существовавших на территории Самцхе-Одзрхе) картских объединений, добившихся в конце концов сплочения картских племен Шида-Картли (Зена-Сопели), Земо- и Квемо-Картли.

То, что это была эпоха постоянных войн, показывает исключительное обилие боевого оружия в погребениях этого времени из Восточной Грузии (данные Самтаврского могильника во Мцхета).

Эта борьба между отдельными картскими (восточногрузинскими) объединениями происходила в условиях высокого уровня развития производительных сил, при наличии глубокой имущественной и социальной дифференциации внутри картских племен и существования сильного слоя военно-родовой знати. Это обуславливало превращение образовавшегося в процессе этой борьбы крупного объединения в государственное образование. Развитие шло к созданию Картлийского (Восточно-Грузинского, Иберийского) государства.

В борьбе, развернувшейся между отдельными картскими объединениями и приведшей к образованию крупного Картлийского царства, активную роль, очевидно, играл проникший на эту территорию малоазиатско-месхский элемент. Этим надо объяснить и то, что во главе официального пантеона божества Картлийского царства мы находим богов с хеттско-малоазиатскими именами (главный бог — бог Луны Армаз, бог Заден).

Однако содержание того процесса, в результате которого происходило формирование Картлийского царства, вовсе не исчерпывалось борьбой между

---

⁵³⁹ С 1957 г. в Уплисцихе ведутся археологические раскопки, выявившие остатки грандиозных крепостных стен, возведенных характерной для античной Картли кладкой. (См.: Х а х у т а й ш в и л и Д. А. Уплисцихе античной эпохи по новым материалам. — САНГ, 1958, т. XXI, №3; его же. Уплисцихе, I. Тбилиси, 1964 (на груз. яз.).

отдельными объединениями картских племен. На течение этого процесса большое влияние оказывала также и борьба с крупными соседними державами, стремящимися к подчинению этих племен.

Ахеменидам, как мы видели выше, удалось подчинить себе южнокартское население. Они, несомненно, стремились также к покорению и северокартских объединений. Персы наступали на население Восточной Грузии, очевидно, не только с юга, со стороны исторического Месхети, но и с востока, со стороны Восточного Закавказья. Борьба против персидских завоевателей, несомненно, играла роль консолидирующего фактора и способствовала созданию крупных объединений северокартских племен.

Южнокартскими областями Ахемениды, вероятно, управляли частично руками местной знати. Последняя должна была быть также их опорой в стремлении расширить свои владения за счет завоевания более северных картских (восточно-грузинских) районов. После же крушения Персидской державы эта южнокартская знать, все еще опиравшаяся на иноземную силу, предприняла более решительные шаги к овладению северокартскими областями и в первое время достигла в этом направлении, по видимому, больших успехов.

***

Древнегрузинское предание, засвидетельствованное в исторической хронике «Мокцевай Картлисай», «первым царем во Мцхета» называет сына царя страны Ариан-Картли Азо, а возникновение Картлийского царства со столицей Мцхета связывает с легендарным походом Александра Македонского в Картли.

В хронике в связи с этим сказано: «Когда царь Александр обратил в бегство потомков сыновей Лота и оттеснил их в полунощную страну, он нашел свирепые племена бунтурков, осевших по течению реки Куры, в четырех городах и их предместьях. (Он нашел) город Саркине, Каспи, Урбниси и Одзрахе и крепости их: большую крепость Саркине, Уплисхихе — крепость Каспскую, (крепости) Урбнисскую и Одзрахскую. И удивлялся Александр, узнав, что они (бунтурки) были потомками иевусеев, ели всякую полоть, не было у них могил, пожирали мертвых... И царь, не будучи в силах бороться с ними, удалился.

В то время пришли выселенные халдейцами воинственные племена хоннов. Они испросили у владыки бунтурков место, под (условием платить) дань, и поселились в Занави. И владели они им (Занави), за который платили «харки» (подать), поэтому называется он Херки.

Спустя несколько времени прибыл Александр, царь всего мира, разрушил эти три города и крепости и поразил хоннов оружием. Только с городом Саркине он воевал одиннадцать месяцев: он расположился с западной стороны (от него), насадил виноградники, провел оросительный канал из (реки) Ксани и поставил людей смотреть за каналом; и от «стат» канала это место называется Настагиси.

Потом Александр взял Саркине: сами (бунтурки) оставили его и удалились.

И царь Александр держал при себе Азо, сына царя Ариан-Картли; он дал ему во владение Мцхета и, назначив ему границами Эрети, Эгриецкали, Сомхитию и Црольскую гору, ушел.

Между тем, этот Азо отправился к отцу своему в Ариан-Картли, привел (оттуда) восемь домов и десять домов сородичей (своих) и поселился в старой Мцхета, имея при себе богами идолов — Гац и Га.

И этот Азо, сын царя ариан-картвелов, был первым царем во Мцхета, и умер он.

После него царем стал Фарнаваз. Он воздвиг большой идол на выступе горы и дал ему имя Армаз; возвел стену со стороны реки, и называется (это укрепление) Армазом»⁵⁴⁰.

В наименовании Ариан-Картли нам наиболее естественным кажется объяснение непонятого эпитета «Ариан» как «персидский»; в таком случае название «Ариан-Картли» должно означать «Персидскую Картли» (от древнеперсидского *ariyana* «арийский», т. е. «персидский»?) (ср. засвидетельствованные в древних источниках названия «Персидская Армения», «армено-халибы» и т. д.).

Такое наименование получили, по-видимому, в древнегрузинской традиции южнокартские области, прочно входившие в состав Ахеменидской империи и даже после крушения ее следующие во многих отношениях традиции персидской государственности (что, между прочим, можно сказать и о соседнем Понтийском царстве и других политических образованиях, возникших на развалинах Ахеменидской державы). Уже на заре своего возникновения восточногрузинская государственность выявляет очень сильные элементы персидской государственности (в правящей династии доминируют персидские имена, в частности имена, встречающиеся среди малоазийских наместников персидских царей: Фарнаваз, Митридат и др.) В государственной и социальной сфере начинает превалировать персидская терминология: правители области — *пихахши*, социальные категории «мона» (иранск. *manīya* = «слуга», «раб») и др., вообще устройство государства «по образцу царства Персидского», как об этом говорит древнегрузинская летопись, и т. д. Все это говорит о том, что возникновение восточногрузинской государственности происходило под сильным влиянием традиций персидской государственности.

Это вполне согласуется с той ролью, которую сыграли, согласно древней армяно-грузинской традиции⁵⁴¹, в возникновении Картлийского государства южные политические образования, сложившиеся на развалинах Персидской державы и во многом продолжавшие традиции последней (Понт, Ариан-Картли). В свете этого упомянутое историческое предание приобретает для нас некоторую правдоподобность.

Предание это до нас дошло, очевидно, в неполном виде и с искажениями. Однако нельзя сомневаться в том, что перед нами вовсе не плод позднего творчества, а на самом деле отзвук древнего предания. Обращает на себе внимание в древнегрузинском варианте этого предания наличие ряда реалий и деталей: упоминание древних центров Шида-Картли и Месхети (Саркине, Уплисцихе, Каспи, Одзрахе и др.), предание о поселении в районе Мцхета каких-то пришельцев, упоминание об Ариан-Картли, о приходе во Мцхета Азо вместе с определенным количеством («домами») своих сородичей, сведения о древних божествах Гац и Га и т. д. Все это убеждает нас в том, что перед нами, очевидно, на самом деле древнее предание, дошедшее до нас не в своем первоначальном виде.

В сборнике древнегрузинских летописей «Картлис цховреба» сказание об Азо дошло в сильно переработанном виде, необходимость чего диктовалась, с одной стороны, явным противоречием сказания (содержавшегося в «Мокцевай») общей концепции автора начальной части «Картлис цховреба» и, с другой стороны, тем, что в этом сочинении к сказанию об Азо присоединено другое сказание о Фарнавазе — первом местном царе, основоположнике династии Фарнавазианов.

Согласно «Мокцевай Картлисай», основателем Мцхетского царства был Азо, а непосредственными предками картвелов являются приведенные им из Ариан-Картли роды («сахли») ариан-картвелов. Согласно Шатбердской рукописи, их было

---

⁵⁴⁰ Перевод, в основном, по Е. С. Такайшвили (Сборник материалов, для описания местностей и племен Кавказа, вып. 28, 1900, с. 1—11). — САНГ, 1948, IX, №9—10, с. 618—619. К грузинскому тексту см. в его же издании: Описание рукописей Общества распространения грамотности среди грузинского населения, том II, вып. 4, с. 708—709.

⁵⁴¹ См.: М е л и к и ш в и л и Г. А. К истории древней Грузии, с. 277—279.

восемнадцать: «восемь домов [кого? возможно, имеется пропуск] и десять домов сородичей». Однако в некоторых вариантах этого памятника, возможно, стояли другие числа. Автор новой редакции «Жития св. Нино» — Арсен Бери (XII в.) говорит, что Азо (у него: Азове) привел из Ариан-Картли тысячу домов «мдабиой, уплисай» (простолюдин) и десять домов «мтавартаган» (княжеских). Здесь же прямо говорится, что «мы, картвелы, являемся потомками этих, вышедших из Ариан-Картли (переселенцев)»⁵⁴². Это подчеркивается также и в Шатбердской рукописи «Мокцевай Картлисай»; описывая идола, стоящего на Армазской горе, Нино говорит об идолах Гац и Га, «которые были божествами ваших (= картвелов) отцов (= предков) из Ариан-Картли» (Описание, 752). Царь Мириан, обращаясь к Нино называет тех же Гац и Га «древними божествами наших отцов (предков)» (Описание, 769). Таким образом, «Мокцевай» рассматривает население Картли — картвелов прямыми потомками переселившихся из Ариан-Картли родов («домов»). До этого переселения в Картли жили звероподобные «бунтурки», гунны (хонны) и т. д.

Составители «Картлис цховреба», несомненно, имели перед собой это предание в «Мокцевай Картлисай», которым они вообще очень широко пользовались. Однако предание это не могло быть полностью использовано ими. Ведь у автора начальной части «Картлис цховреба» имеется определенная концепция о происхождении картвелов, исходящая из библейской схемы: картвелы происходят от своего родоначальника, потомка Ноя Картлоса, который вместе с родоначальниками других кавказских народов — таргамосианцев, в глубокой древности пришел и поселился на Кавказе. Его старшим сыном был Мцхетос — эпоним столицы Картли Мцхета. Итак, и картвелы жили в Картли издревле, и Мцхета существовала с древнейших времен. Поэтому была неприемлема мысль о переселении прямых предков картвелов из Ариан-Картли. В самом деле, в «Картлис цховреба» мы не находим упоминания об Ариан-Картли. Однако все, что не так явно противоречило вышеприведенной концепции автора «Картлис цховреба», все же было заимствовано из означенного предания «Мокцевай Картлисай». Правда, звероподобное население Картли здесь называется «картвелами», но несколько ниже поясняется, что это те, «которых мы называем бунтурками и кивчаками» (КЦ, с. 17). Притом отмечается, что при приходе своем в Картли Александр Македонский уничтожил этих чужеземцев, живших на территории Картли, а «картлосианов» оставил, дав им правителем Азо (Азона).

Таким образом, из предания «Мокцевай» был заимствован также и Азо. Но, так как, по концепции автора, он не мог происходить из какой-либо Картли, Азо превратился в македонца, ставленника «греков» и т. д. «Картлис цховреба» сохранила отклик и на то сообщение, что вместе с Азо в Картли пришли его сородичи, но если, по «Мокцевай», это ариан-картвелы, то, согласно «Картлис цховреба», это сто тысяч «римлян» (КЦ, с. 18). В дальнейшем часть этих «римлян» отпала от Азо и перешла на сторону Фарнаваза. От них и происходят «азнауры» (дворяне) (КЦ, с. 25).

В рассказе о возникновении Картлийского царства «Картлис цховреба» основывается, главным образом, на сказаниях о Фарнавазе — родоначальнике царской династии. Фарнаваза в качестве второго царя во Мцхета знает и историческая традиция, сохранившаяся в «Мокцевай Картлисай», однако последней, очевидно, ничего не известно о том резком противопоставлении между Азо и Фарнавазом, которое налицо в «Картлис цховреба». Поэтому более правдоподобным кажется предположение, что первоначально сказания об Азо и Фарнавазе существовали отдельно друг от друга. Может быть, они даже варианты одного и того же сказания о возникновении Картлийского царства. В «Картлис цховреба» эти предания соединены явно в поздней литературной редакции. Возможно, это дело рук самого автора начальной части «Картлис цховреба», однако в этом не может быть полной уверенности. Не исключено,

⁵⁴² См. означенное сочинение в издании П. Карбелашвили, Тбилиси, 1902, с. 46—47.

что уже древнейшее сказание о происхождении картвелов и их государств содержало в себе все те мотивы, которые впоследствии развились в виде отдельных сказаний. Это были, вероятно, сказания о переселении картвелов с их первоначальной родины (из какой-то другой «Картли»), сказание о сложении Картлийского царства в борьбе с иноземцами (соседние южные державы: Понт и др., а также жившие в Картли отдельные скифо-сарматские племена и т. д.), сказание об основателе династии Фарнавазе и др. Постепенно эти сказания претерпели много изменений, в том числе, вероятно, и делились на ряд отдельных сказаний, а затем снова смешивались друг с другом. В сказания входили новые моменты также из иноземной исторической и эпической традиции: из сказаний об аргонавтах (имя Азо — Язон?), из сказаний об Александре Македонском, может быть, также об основателе династии понтийских митридатидов («Митридат» Моисея Хоренского), даже из предания о деянии Навуходоносора, изгнавшего евреев с их родины («иверийцы, отведенные в плен Навуходоносором» — Моисей Хоренский, II, 8) и т. д. Таким образом, сказания об Азо и Фарнавазе, о происхождении картвелов и их государства, как они дошли до нас в «Мокцевай Картлисай» и «Картлис цховреба», несомненно, имеют очень длинную историю, притом на них лежит печать не только народного творчества, но и многократной литературной, книжной редакции. Критерием того, насколько верно отражена в дошедшем до нас виде этих сказаний историческая действительность, является то, что можно заключить по другим материалам, а также путем анализа отдельных элементов этих сказаний, затронутых в них вопросов.

В «Картлис цховреба» Азо обрисован как чужестранец, завоеватель, опирающийся на «греков», т. е. войска правителей соседнего Понтийского государства. Он подчинился «Бизантиосу, царю Сабердзнети (Греции)» (КЦ, с. 20). Обосновавшись во Мцхета, Азо как будто подчинил себе не только Картли от Эрети и р. Бердуджи (р. Дебеда) до Сперского моря, но и Западную Грузию (Эгриси), а также наложил дань на население горного Кавказа — «осетин, леков и хазар». Азо притеснял местное население и даже издал приказ убивать всех грузин («картвелов»), у которых найдут оружие. Однако так же плохо относился он и к своим сородичам — «римлянам» (= грекам), и часть их впоследствии, когда против него восстал Фарнаваз, отпала от него и примкнула к последнему. Одним словом, Азо в этой версии рисуется как кровавый властелин, наложивший тяжелое ярмо своего господства на население Картли.

Ему и противопоставляется Фарнаваз, поднявший восстание против него и освободивший Картли от господства иноземных завоевателей. Фарнаваз, согласно этому преданию, был племянником некоего Самара, бывшего мамасахлисом (старейшиной) города Мцхета в то время, когда сюда якобы пришел Александр Македонский. Как Самар, так и его брат, отец Фарнаваза, были убиты при нашествии Александра. Тогда Фарнавазу было три года и мать увезла его на север, горный Кавказ. Возмужав, Фарнаваз вернулся во Мцхета и сблизился с Азо, который высоко оценил его как охотника. Однажды во время охоты Фарнаваз наткнулся на клад драгоценностей. Тогда он послал своего раба к Куджи, правителю Эгриси (Западная Грузия), и, сообщив ему о кладе, предложил совместно выступить против Азо. С большой радостью согласился Куджи принять Фарнаваза и использовать найденный им клад для увеличения числа своих войск. Явившемуся к нему Фарнавазу Куджи добровольно подчинился, так как последний был потомком родоначальников Картли: «Ты владыка наш, а я твой раб (слуга)», — сказал он Фарнавазу (КП, с. 22).

Фарнаваз и Куджи привлекли в создаваемую против Азо коалицию осетин и леков, которые с большой радостью оказали им помощь, так как хотели освободиться от дани, наложенной на них Азо. Из Эгриси союзное войско направилось против Азо. Тогда «все картвелы» отложились от Азо. От него отпала даже часть его собственного воинства, тысяча отборных воинов «римлян» (= греков), и Азо был вынужден бежать из Мцхета, которая с ее четырьмя крепостями была занята Фарнавазом и его союзниками. Они завладели также «всей Картли», за исключением приморской области Южной

Грузии — Кларджети, где укрылся Азо. Здесь он получил подкрепление из «Сабердзнети» (т. е. из Понта). Фарнаваз, со своей стороны, заручился поддержкой Селевкидов. Он послал послов с большими дарами «к Антиоху, царю Асурастана», прося его оказать помощь в борьбе с «греками» (т. е. войсками Понта) и обещая свою покорность. Антиох внял его просьбе, послал ему царский венец, а своим эриставам (наместникам) в Армении отдал приказ оказать помощь Фарнавазу.

В следующем году в решительной битве победил снова Фарнаваз, Азо погиб в бою. Фарнаваз совершил набег на Андзиадзору, «границу Сабердзнети» (Понта) и вернулся через область Эклеци (греч. Акилисена) в Кларджети, а оттуда — во Мцхета с большой добычей.

Затем речь идет о внутренней деятельности Фарнаваза: устроил он свое царство «наподобие Персидского царства», разделил свои владения на отдельные округа — саэристао, во главе которых поставил «эриставов», а над центральной областью (Шида-Картли) — спасета. Укрепил он столицу свою Мцхета и все другие города и крепости Картли, воздвиг на Армазской горе (раньше она называлась Картли) идола бога Армази и т. д. Перешедшим на его сторону воинам Азо всячески покровительствовал и послал их в разные места своего царства. Они стали называться «азнаурами» («Картлис цховреба» производит этот социальный термин от имени Азо). Весной и осенью Фарнаваз жил в столице, зиму проводил в Гачиани, а лето — в Цунда. Порой он появлялся также и в Эгриси и Кларджети и устраивал дела их жителей. Когда воцарился Фарнаваз, ему было 27 лет и царствовал он в продолжение 65 лет. «И этот Фарнаваз, — заключает «Картлис цховреба», — был первым царем в Картли из племени Картлоса. Он распространил язык грузинский и больше уж не говорили в Картли на ином языке, кроме грузинского. И создал он грузинскую письменность, и умер Фарнаваз, и похоронили его перед идолом Армази» (КЦ, с. 26).

Сказание о Фарнавазе, дошедшее до нас в летописи «Картлис цховреба», как об этом уже говорилось выше, также нельзя целиком отнести за счет позднего вымысла. Представление о Фарнавазе как об основоположнике царствующей в Картли династии, несомненно, существовало издавна. Свидетельством этого служит хотя бы упоминание у армянского историка IV в. Фавстоса Бузанда представителей картлийского царского дома «Фарнавазианов»⁵⁴³.

Но если существовало представление о Фарнавазе как об основоположнике царской династии, естественно, должны были существовать также и разные предания о нем. Конечно, в дошедшей до нас форме сказание о Фарнавазе сильно отличается от этих древних сказаний о нем, однако оно должно быть основано именно на них. Наряду со многими сказочными моментами, повесть «Картлис цховреба» о Фарнавазе содержит также много конкретных указаний, в том числе относительно территории, на которой разворачивались военные действия (Кларджети, Андзиадзор, Эклеци). Здесь же правильно отражена международная обстановка того времени: (в частности первой половины III в. до н. э.) — резкое противопоставление интересов Селевкидского царства и Понта, а также значительная активность Селевкидов в столь северных областях и т. д. Это убеждает нас в том, что сообщения древнегрузинской традиции о Фарнавазе нельзя целиком отнести к сфере легенды.

Данные об Азо и Фарнавазе в древнегрузинских и в древнеармянских источниках, связывающие возникновение Картлийского царства с натиском эллинистических государственных образований Малой Азии или пользующихся их поддержкой южнокартских объединений, хорошо согласуются со всем ходом исторического процесса в этих краях, как он представляется нам по имеющимся в нашем распоряжении материалам.

---

⁵⁴³ Ф а в с т о с Б у з а н д . История Армении. Ереван, 1953, с. 126—163.

По имеющимся в нашем распоряжении несколько более поздним сведениям (например, сообщения Страбона, восходящие в определенной своей части к 40-м — 30-м гг. II в. до н. э., может быть, и более ранней эпохе), перед нами уже сравнительно столь развитая государственность в Картли⁵⁴⁴, что, несомненно, до этого она должна была пройти довольно длинный путь развития. Поэтому сообщение древнегрузинской традиции о возникновении Картлийского царства (Картлийского государства) на рубеже IV—III вв. до н. э. должно соответствовать действительности.

Возникшее к этому времени Картлийское царство, как и Колхидское царство, о котором мы говорили выше, было раннеклассовым государством, для которого характерным является наличие сильных пережитков первобытнообщинного строя. Преобладающую часть непосредственных производителей при этом строе все еще составляют свободные или полусвободные земледельцы, объединенные в сельские (территориальные) общины. Наряду с рабами (количество которых не особенно велико и сфера их использования довольно ограничена), со стороны привилегированных слоев общества (царский род, военно-служилая знать, жречество), объектом эксплуатации являлась также и масса этих свободных и полусвободных общинников. Конкретно о формах социально-экономических отношений в Грузии, в частности в древней Картли, нам еще придется говорить ниже.

***

Центром возникшего на рубеже IV—III вв. до н. э. Картлийского царства стал район Мцхета с царской резиденцией на горе Армази. Это совр. гора Багинети на правом берегу водохранилища Земо-Авчальской ГЭС. Согласно древнегрузинской хронике «Мокцевай Картлисай», крупные строительные работы на горе Армази велись первыми царями династии Фарнавазианов: строились фортификационные сооружения (крепостные стены, акрополь), воздвигались культовые сооружения (идолы — вероятно, святилища, храмы). «Фарнаваз, — читаем мы здесь, — воздвиг большой идол на выступе горы и дал ему имя Армази. После него царем стал Саурмаг. Он воздвиг на дороге идол Айнину и стал строиться в Армази. После него царствовал Мирван. Он воздвиг впереди над дорожкой (идол) Данину и достроил Армази. И царствовал Фарнаджом. Он воздвиг идол Заден на горе и выстроил (крепость) (Заден). (Начал он строительство города Нелкари)⁵⁴⁵. И царствовал Арс(ок), который окружил город стенами. И царствовал Ар(та)к, который построил в Армази внутреннюю крепость (акрополь)...»⁵⁴⁶ Следующие за ним цари уже начинают строиться на левом берегу, во Мцхета.

На горе Армази (Багинети) в 40-х гг. нашего столетия были проведены крупные археологические раскопки, выявившие остатки грандиозных фортификационных, дворцовых и других сооружений. Древнейший слой этих сооружений относится к III в. до н. э.⁵⁴⁷

Наряду с Армазихе в районе Большой Мцхета (Диди-Мцхета) были сооружены и другие крупные крепости. «Мокцевай Картлисай», как мы видели выше, кроме Армази, среди объектов строительства при первых Фарнавазианах называет лишь крепость (и идол-святилище) Заден. В отношении четвертого Фарнавазиана, царя Фарнаджона, здесь сказано: «И царствовал Фарнаджом. Он воздвиг идол Заден на горе и выстроил (крепость) (Заден)». Правомерность предложенных Е. С. Такайшвили восстановлений подтверждается текстом другого древнегрузинского исторического источника «Картлис цховреба», в котором говорится: «Этот царь Фарнаджом увеличил постройки городов и

⁵⁴⁴ Б о л т у н о в а А. И. Описание Иберии в «Географии» Страбона, XI, 3, 1—6. — ВДИ, 1947, №4, с. 160.

⁵⁴⁵ Восстанавливается нами по «Картлис цховреба», в котором это сообщение, несомненно, взято из «Мокцевай...» (см.: М е л и к и ш в и л и Г. А. К истории древней Грузии. Введение, § 3).

⁵⁴⁶ См. у Такайшвили Е. С. — СМОМПК, с. 10—12.

⁵⁴⁷ А п а к и д з е А. М. К вопросу о локализации Армазихе. — Труды ИИАЭ, 1958, т. IV, вып. I, с. 94 и след. (на груз. яз.).

крепостей; воздвиг он крепость Заден, и сделал идол по имени Заден и водрузил (его) на Задени» (КЦ, с. 29).

Уже в глубокой древности считалось, что идол бога Задени стоял на горе Зедазени (там, где впоследствии был построен Зедазенский монастырь — на левом берегу реки Арагви, к северу-востоку от Мцхета). Это мнение находит свое выражение в многочисленных памятниках древнегрузинской литературы, повествующих о деяниях Иоана Зедазенского и других сирийских подвижников, причем названная гора именуется Зеда-Задени (Верхний Задени)⁵⁴⁸ или даже просто — Задени⁵⁴⁹. Вахушти Багратиони на Зедазенской горе помещает как идола Задени, так и крепость (Задени): «На гребне этой горы, — говорит Вахушти, — построил четвертый царь Фарнаджом крепость, обозревающую Арагви, Мухрани, Херки, Мцхета и Тбилиси, и там воздвиг идол Задени, и поэтому гора эта стала называться Зеда-Задени (Верхний Задени)»⁵⁵⁰.

Через Мцхета проходили дороги, связывающие Картли с соседними странами, а также международный торговый путь, идущий из Индии к черноморским греческим городам.

Нельзя не обратить внимание на скудность информации, предоставляемой античными авторами об этом пути. Имеющиеся в нашем распоряжении сведения восходят, в основном, к двум источникам: 1) сообщению Патрокла — правителя южнокаспийских областей при Селевке I и Антиохе I и 2) данным, исходящим от участников помпеевского похода; причем среди последних встречаются и сообщения, известным образом противоречащие сведениям о существовании этого пути (Феофан Митиленский). Страбон, как и Плиний, свои сообщения о данной дороге черпает из тех же источников. Во всяком случае, характерно, что сведения Страбона противоречивы⁵⁵¹. Кроме того, говоря об этом торговом пути, он ссылается на источник трехвековой давности (Патрокл). Все это делает вероятным предположение о том, что если и существовал данный торговый путь, то он не использовался интенсивно, во всяком случае в позднеэллинистическую эпоху. Может быть, его использование падает, главным образом, на позднеахеменидский и раннеэллинистический периоды.

ГЛАВА XIII

III в. до н. э. — ЭПОХА МОГУЩЕСТВА КАРТЛИЙСКОГО ЦАРСТВА

Судя по древнегрузинской традиции, Картлийское царство уже при своем возникновении, в правление царя Фарнаваза, включало в себя довольно большую территорию. «Картлис цховреба» рассказывает, будто Фарнаваз разделил территорию своего царства на восемь административных округов. Семь из них были «саэристао» (эриставства), так как во главе их стояли «эристави»: 1) Аргвети—прилегающая к Восточной Грузии в районе Лихского хребта область Западной Грузии; 2) Кахети; 3) Гардабани — область от р. Бердуджи (совр. Дебеда) до Тбилиси и Гачиани; 4) Ташир и Абоц; 5) Джавахети, Кола и Артаани; 6) Самцхе и Аджара, 7) Кларджети. Восьмую административную единицу составляла центральная область — Шида-Картли «от Тбилиси и Арагви до Тасискари и оз. Параван». Во главе этой области стоял «спаспет» — главнокомандующий. Как отдельное «саэристао» Картлийского царства «Картлис

⁵⁴⁸ А б у л а д з е И. В. Древние редакции житий сирийских подвижников в Грузии. Тбилиси, 1955, с. 26, 84, 111.

⁵⁴⁹ КЦ, I, с. 112, 208.

⁵⁵⁰ В а х у ш т и . Описание царства Грузинского (География Грузии). Тбилиси, 1941, с. 93.

⁵⁵¹ Я м п о л ь с к и й З. И. К изучению древнего пути из Каспийского моря по реке Куре через Грузию к Черному морю. — Труды ИИАЭ, II, 1956, с. 164; ср.: Г о з а л и ш в и л и Г. К. О древнем торговом пути в Закавказье. — Там же.

цховреба» называет и Эгриси (т. е. территорию Колхидского царства) во главе с Куджи, союзником Фарнаваза в его борьбе против Азо.

Таким образом, согласно летописи, власть Фарнаваза распространялась на территории почти всей Восточной (Шида-Картли, Квемо-Картли, Кахети), Западной (Аргвети, Эгриси, Аджара) и Южной Грузии (Самцхе, Джавахети, Кола, Артаани, Кларджети). Иной раз деятельность Фарнаваза выходит и за пределы этой территории: в борьбе с Азо его войска совершают набег на Андзиадзор и Эклеци (античная Акилисена, область на Евфрате, примыкающая с севера к области Софена). В этой же борьбе в числе его союзников оказываются горцы Восточного Закавказья и Северного Кавказа («овсни» и «лекни»), что предполагает распространение влияния Картлийского царства и на эти области. В этом аспекте заслуживает внимания сообщение о том, что Фарнаваз женился на женщине из дурдзуков, одного из племен Большого Кавказа.

Однако нельзя сказать, что все эти сведения отражают обстановку III в. до н. э. — начального периода существования Картлийского царства. Скорее всего они (например, деление на отдельные территориальные единицы) являются отражением административного деления и состава Картлийского царства (в частности, в периоды его могущества) в античную эпоху вообще.

Однако в нашем распоряжении имеются некоторые данные, судя по которым можно утверждать, что III в. до н. э. является периодом могущества Картлийского (Иберийского) царства. Из этих данных следует назвать, в первую очередь, сообщение Страбона о том, что «Армения, первоначально имевшая небольшие размеры, была увеличена Артаксием и Зариадрием, которые сначала были полководцами Антиоха Великого, а впоследствии, после его поражения, сделавшись царями — один в Софене, Акисене, Одомантиде и некоторых других (областях), а другой — в окрестностях Артаксат, — расширили (Армению), отрезав себе части (земель) у окрестных народов, а именно у иберов — склоны Париадра, Хордзена и Гогарену, лежащую по ту сторону Кира...» (XI, 14, 5).

Основание армянских царств Артаксием и Зариадрием, о котором идет речь в вышеприведенном сообщении Страбона, произошло в 190 г. до н. э. Таким образом, до этого (следовательно, именно в III в. до н. э.) «склоны Париадра, Хордзена и Гогарена» принадлежали «иберам». В Гогарене исследователи обыкновенно усматривают территорию исторического Квемо-Картли; Хордзена — территория, лежащая западнее от нее, очевидно, значительная часть исторической Земо-Картли (Месхети)⁵⁵². Горную цепь Париадра же почти все исследователи связывают с поздним Пархалом — территорией в горной цепи, раскинувшейся севернее Саталы и Байбурга и идущей параллельно морскому берегу в направлении от Шебин-Караисара к устью р. Чорохи. Согласно Н. Адонцу, нагорье Париадра включает в себя такие южные области, как Тао и Спер (район совр. города Испир)⁵⁵³. Еще более южные области видел в Хордзене и «склонах Париадра» С. Н. Джанашиа⁵⁵⁴. Можно указать также на сообщение писателя II в. до н. э. Аполлодора, передаваемое Страбоном, что иберов от армян отделяет р. Аракс (Страбон, I, 3, 21). Однако в данном случае не все ясно: возможно, под р. Аракс в этом случае подразумевается не среднее, а верхнее течение этой реки, где в периоды могущества Иберии на самом деле можно представить себе соприкосновение владений Иберийского царства с армянскими землями. Однако если это сообщение, подразумевает среднее течение Аракса, то оно должно отражать, по-видимому, ту древнюю обстановку, когда политическая власть восточногрузинских объединений распространилась так далеко на юг.

---

⁵⁵² К а к а б а д з е С. Н. Вопросы генезиса грузинской государственности. — Саисторио моамбе, 1924, I, с. 18 и след. (на груз. яз.).

⁵⁵³ А д о н ц Н. Армения в эпоху Юстиниана. Спб., 1908, с. 62, 395.

⁵⁵⁴ В Хордзене он усматривал, например, районы Гюмушханэ и Байберда (см.: Д ж а н а ш и а С. Н. Труды, II, с. 98 и др., на груз. яз.).

Таким образом, судя по вышерассмотренному материалу, в III в. до н. э. территория иберов распространялась в южном (юго-западном) направлении на весьма далекое расстояние. В этом отношении сообщения «Картлис цховреба» о южных пределах территории Мцхетского царства при Фарнавазе находят полное подтверждение. В свете сказанного упоминание в грузинской летописи Эклеци (Акилисены) и Андзиадзора в качестве пограничных с Картли областей кажется весьма реальным. Вполне понятна при этом и та активная роль, которую играло царство Фарнаваза в своих взаимоотношениях с Понтийским царством и царством Селевкидов. Так что и эти данные «Картлис цховреба» находят подтверждение в свете сообщений греко-римских источников.

Сведения Страбона о принадлежности столь южных областей «иберам» в эпоху, предшествующую основанию армянских царств, мы вправе толковать как распространение на данной территории власти Картлийского (Иберийского, Мцхетского) царства. Наименование «Иберия» в античном мире, очевидно, с самого начала, прокладывает себе путь в смысле названия определенного политического образования. Это, в частности, с полным правом можно утверждать в отношении употребления данного термина у Страбона. Последний говорит об Иберии и иберах, скорее всего, в смысле определенного политического образования и его жителей, а не в смысле культурно-этнической общности. Свидетельством этого может служить известное место из описания Иберии, где Страбон делает резкое различие между иберами, населяющими равнину, и иберами — жителями горной части страны.

Страбон явно проводит различие между иберами по культурно-этническому признаку, однако это не мешает ему рассматривать их всех в качестве «иберов», т. е. как население, входящее в состав одного и того же политического образования — Иберии.

Подтверждение иноземными источниками сообщений древнегрузинской традиции о южных пределах территории Картлийского (Иберийского) царства в III в. до н. э.: заставляет нас с большим доверием отнести также и к другим сведениям грузинских источников, утверждающим широкое распространение власти мцхетских царей и в иных направлениях (Кахети, горные области Восточной Грузии и прилегающей части Северо-Кавказского нагорья, Западная Грузия).

Взаимоотношения с соседними горскими племенами как вообще, так и в особенности в первый период истории Картлийского царства, играли большую роль в жизни этого государственного образования. Очевидно, без решительных успехов в этом направлении картлийская государственность не была бы в состоянии сохранить себя и сыграть ту большую роль, которую она играла в дальнейшем. Не является случайным, что в древнегрузинской исторической традиции взаимоотношениям с горцами больше всего места уделяется именно при описании этого периода. Смело можно сказать, что в это время данный мотив превалирует над всеми другими.

Окружающие Картли воинственные горские племена представляли серьезную угрозу для самого существования Картлийского государства. Речь шла не только о племенах, населявших южные или северные склоны прилегающей к Восточной Грузии части Большого Кавказа, но и о многочисленных кочевых племенах, живших на обширных пространствах северокавказских и южнорусских степей и всегда готовых вторгнуться в богатые южные области и опустошить их.

Однако эту страшную стихию горцев и кочевников можно было не только обезвредить, но и подчинить себе и использовать в своих целях. И на самом деле, сильному Картлийскому государству удалось, очевидно, распространить свое влияние на соседние горские племена, включить их в свой состав и осуществить прочный контроль над перевалами Большого Кавказа (Дарьяльское ущелье и т. д.). Контроль над этими перевалами всегда играл очень большую роль не только для Картлийского царства, но и для крупных соседних государств, в том числе — Армении, Ирана, могущественного Рима. Последние в высшей степени были заинтересованы в том, чтобы закрыть доступ в

их владения северным кочевникам, часто предпринимавшим опустошительные набеги на южные страны. Тот, в руках которого находился контроль над перевалами, приобретал в значительной мере также и возможность контролирования этих вторжений. Имея возможность не допустить проникновения на юг крупных масс северных племен, Картлийское царство в то же время получало в свои руки очень сильное оружие против своих южных соседей. Оно всегда могло войти в соглашение с горцами и северными кочевниками, пропустить их на юг и совместно с ними опустошить территорию своих соперников. В дальнейшем, как мы увидим ниже, правители Картли на самом деле прибегали к этому своему оружию. Соседние государства, в том числе даже могущественный Рим, хорошо знали об этой возможности правителей Картли (Иберии) и были вынуждены считаться с нею.

Как было сказано выше, Картлийскому государству, очевидно, уже в начальный период своего существования удалось завоевать прочные позиции в этом направлении, о чем можно судить не только по сообщениям древнегрузинских источников, но также и по античным, греко-римским материалам. Характерно, например, что термин «Иберия» в античной литературе с самого начала прокладывает себе путь как название одного единого политического образования, обнимавшего, наряду с населением низменности, значительную часть соседних горцев, сильно отличных во многих отношениях от ведущего населения Картлийского царства — жителей низменности. Однако для иностранцев эти две группы сильно различающегося друг от друга населения все же составляли одно целое, назывались иберами, несомненно, по признаку их вхождения в состав одного политического образования — Иберийского (Картлийского) царства. Красноречивым свидетельством этого являются слова знаменитого древнегреческого историка и географа Страбона об иберах и Иберии: «Равнину (Иберии), — говорит он, — населяют те из иберов, которые более занимаются земледелием и склонны к мирной жизни, снаряжаясь по-армянски и по-мидийски, а горную (часть) занимает воинственное большинство, в образе жизни сходное со скифами и сарматами, с которыми они находятся и в соседстве, и в родстве, впрочем, они занимаются и земледелием и в случае какой-нибудь тревоги набирают много десятков тысяч (воинов) как из своей среды, так и из тех (народов)» (XI, 3, 3). Таким образом, горная Иберия имела, очевидно, большой удельный вес в царстве. Она могла выставить в случае надобности «много десятков тысяч (воинов)» как из своей среды, так и их соседних скифо-сарматских племен. Видно, Страбону хорошо были известны военные возможности иберийских царей в этом отношении. Низменные области Картли представляли, по сведениям того же Страбона, не особенно большие контингенты войск. Говоря о соседних с иберами албанах (население совр. Азербайджана и части Дагестана), Страбон отмечает: «Войска они представляют больше, чем иберы: они (албаны. — Г. М.) вооружают шестьдесят тысяч пехоты и двадцать две тысячи всадников, — с каковыми силами вступили в борьбу с Помпеем. В войнах с внешними (врагами) им помогают кочевники, как и иберам, по тем же причинам: впрочем, иной раз (кочевники) нападают и на жителей, так что даже мешают им обрабатывать землю» (XI, 4, 5).

С тем, что говорит Страбон о взаимоотношениях (правителей) Иберии с горцами и северными кочевниками, хорошо согласуются сведения древнегрузинских источников, в частности «Картлис цховреба».

Пользуясь, возможно, более поздней номенклатурой, «Картлис цховреба» при повествовании о древнейших событиях в качестве северных соседей грузин (скорее всего картов) называет леков, дурдзуков, дидойцев, а несколько позже также и двалов и т. д.⁵⁵⁵

---

⁵⁵⁵ С древнейших же времен упоминает «Картлис цховреба» и «осетин», которые названы потомками скифов (= хазар). Не исключено, что в это время население Картли соприкасалось также с ираноязычными сарматскими племенами Сев. Кавказа; в IV в. до н. э. эти последние особенно активизируются — начинается их проникновение на запад от р. Дона (Z g u s t a L. Die Personennamen griechischer Städte der nördlichen Schwarzmeerküste, Praha, 1955, с. 27 и след.). Вероятно, усилился их натиск и в южном

Это были племена, говорившие на языках бацбийско-кистинской (дурдзуки, двалы) или дагестанской (леки, дидойцы) группы кавказских языков. Границу между этими двумя группами племен «Картлис цховреба» проводит по реке Тереку. Восточнее, вплоть до самого Каспийского моря, жили «леки», а к западу — «кавказиани» («кавказцы»), среди которых в качестве наиболее выдающихся «Картлис цховреба» называет дурдзуков (КЦ, с. 5—6, 11). Племена бацбийско-кистинской группы занимали центральную часть Главного Кавказского хребта. Западнее от них уже тогда, несомненно, жили племена абхазо-адыгейской группы. Однако симптоматично, что в повествовании о древнем периоде грузинские источники их не упоминают, не знают ничего о них. Это обстоятельство находит объяснение в том, что речь идет о тех северокавказских племенах, которые соприкасались с восточногрузинским элементом и его политическим образованием в древнейший период. В сообщениях, относящихся к более поздней эпохе, начинают фигурировать также и абхазо-адыгейские племена (например, джики упоминаются в событиях II половины I в. н. э.) (КЦ, с. 45).

На наличие северокавказских племен в горной части Восточной Грузии указывает, как известно, и анализ древней топонимики этих областей. Конечно, из этого вовсе не следует, что в горной части не было также и грузинского населения. Исторически с древнейших времен засвидетельствовано постоянно происходящее проникновение северных племен на юг. И жившие в горной Иберии северокавказские родо-племенные коллективы, возможно, и оказались здесь в результате такого проникновения с севера, хотя, вероятно, это не было результатом преднамеренного переселения, предпринятого Саурмагом или каким-либо другим царем из династии Фарнавазианов, как уверяет нас «Картлис цховреба».

Древнегрузинские источники, как было сказано выше, при изложении событий раннего периода истории Картлийского царства, большое внимание уделяют взаимоотношениям правителей Картли с соседними горскими племенами. По утверждению «Картлис цховреба», в борьбе за изгнание Азо Фарнавазу помогало население Северного Кавказа. Фарнаваз, по этой же традиции, женился на женщине из племен дурдзуков (КЦ, с. 25), а сестру свою выдал замуж за «царя осетин» (КЦ, с. 24). Его преемник Саурмаг с помощью дурдзуков возвращает себе престол, после чего переселяет «половину племени всех кавказианов» и поселяет их на южной стороне Кавказского хребта — в Мтиулети («от Дидоеи до Суанети»), некоторых же из них он относит к числу знати (КЦ, с. 26—27).

Однако при изложении событий правления следующего царя из династии Фарнавазианов — Мириана, «Картлис цховреба» уже дает пример иных отношений между горцами и Картли: дурдзуки на этот раз предпринимают поход против владений царей Картли и к ним присоединяются жившие в Чарталети «кавказиани». Они совместно опустошают Кахети и Базалети. Выступив в поход против вторгшихся с севера племен и их южных союзников, Мириан, со своей стороны, громит страну дурдзуков (Дурдзукети) и Чартали (КЦ, с. 27—28).

Горцы Восточной Грузии, жившие все еще отдельными родо-племенными коллективами, несли ряд обязательств по отношению к центральной власти, которая, несомненно, требовала от них уплаты дани, а также несения воинской службы (выставления вспомогательных отрядов и, главное, защиты горных проходов). Правда, в стратегическом отношении в наиболее важных пунктах строились, несомненно, крепости, в которых располагались царские гарнизоны. Одна такая крепость, очевидно, охраняла проход через Дарьяльское ущелье. Как грузинские, так и армянские источники, например, при изложении событий I в. н. э. говорят о заключении захваченного в плен армянского царевича в Дарьяльскую крепость (КЦ, с. 49: Моисей Хоренский, II, 53).

направлении. Наличие среди имен первых Фарнавазианов «северо-иранского» имени Саурмаг также может свидетельствовать о соприкосновении с сарматским миром (см.: А н д р о н и к а ш в и л и М. К. Очерки по ирано-грузинским взаимоотношениям, I. Тбилиси, 1966, с. 130—131, на груз. яз.).

Во внутреннюю жизнь горцев центральная власть, вероятно, мало вмешивалась, и они в этом отношении были почти полностью самостоятельны. Можно думать, что горцы очень остро реагировали на всякое посягательство на их самостоятельность в социальной или культурно-религиозной жизни. Об этом красноречиво говорят более поздние факты, связанные с попытками правителей Картли распространить христианство среди горцев. Однако и на притеснения иного порядка (дань и другие тяжелые обязательства) горцы, вероятно, часто отвечали восстаниями и выступлениями против царя. Выше мы видели, как при царе Мириане I горцы («кавказиани»), жившие в Чартали, присоединились к вторгшимся дурдзукам и разграбили некоторые области Картлийского царства (Кахети, Базалети). Центральная власть, надо думать, жестоко расправлялась с непокорными горцами. В результате карательных экспедиций против них не только опустошались их области, но и уводилось в плен большое число жителей, которым была предназначена тяжелая участь рабов.

***

Уже на заре существования восточногрузинской государственности в состав Картлийского царства входили также западные области древней Албании. Продвижению Картлийского царства в этом направлении способствовало то обстоятельство, что по уровню своего социально-экономического развития население этих областей несколько отставало от ведущего населения Картлийского царства. Жившие восточнее от Картли албанские племена все еще находились в условиях первобытнообщинного строя и сильной политической раздробленности⁵⁵⁶. Страбон, пользуясь, очевидно, материалами участников похода римского полководца Помпея в Албанию, говорит, что «ныне над всеми (албанами. — Г. М.) царствует один (царь), а прежде каждый народец с особым наречием имел своего царя; наречий же у них двадцать шесть вследствие отсутствия частых сношений одних с другими» (XI, 4, 6.). Таким образом, к середине I в. до н. э. образование крупного союза албанских племен было лишь недавно происшедшим событием. До этого на данной территории царила большая политическая раздробленность: существовало несколько десятков племенных объединений.

Для изучения абланского общества III—I вв. до н. э. важное значение имеет исследование памятников т. н. ялойлу-тепинской культуры⁵⁵⁷. Как выясняется, в границах распространения данной культуры находились западные области совр. Азербайджана, а также прилегающая к нему часть Восточной Грузии. Судя по этим памятникам, общество, которому принадлежала эта культура, все еще жило в условиях первобытнообщинного строя, хотя и находящегося уже на грани своего разложения. Археологический материал ярко показывает, в частности, наличие глубокого имущественного и социального расслоения албанского общества⁵⁵⁸.

Судя также по известному Страбоновскому описанию Албании, следует сказать, что в последние века до н. э. албаны еще не поднялись на ступень классового общества. «Албаны, — говорит Страбон, — более склонны к пастушескому образу жизни и ближе к типу кочевников, за исключением того, что они не дики, а вследствие этого и воинственны (лишь) в умеренной степени» (XI, 4, 1). В земледелии употреблялся, очевидно, не железный, а деревянный плуг (XI, 4, 3). «Люди здесь, — продолжает Страбон, — также отличаются и высоким ростом, но простодушны и чужды торгашеских наклонностей; они по большей части не употребляют даже монет и не знают счета

⁵⁵⁶ Т р е в е р К. М. Очерки по истории и культуре Кавказской Албании. IV в. до н. э. — VII в. н. э. М. — Л., 1959, с. 61, 87; Г о л у б к и н а Т. И. Материалы к истории албанских племен Кавказа по данным кувшинных погребений Азербайджана. Автореф. канд. дис., Тбилиси, 1962, с. 20.

⁵⁵⁷ Памятникам ялойлутепинской культуры посвящено исследование О. Ш. Исми-заде «Ялойлутепинская культура» (Баку, 1956, там же см. подробную библиографию вопроса).

⁵⁵⁸ И с м и - з а д е О. Ш. Указ. соч., с. 88—89; ср. : Л е в и а т о в В. И. Азербайджан с V в. до н. э. по III в. н. э. — Изв. АН Азерб. ССР, 1950, № 1, с. 80 и др.

дольше сотни, а производят мену товарами. И к остальным житейским потребностям они относятся беспечно: не знают ни точных мер, ни весов, и (одинаково) беззаботны в деле войны, гражданского устройства и земледелия» (XI, 4, 4) Особенно интересным следует признать следующее сообщение Страбона, в котором можно усмотреть указание на отсутствие частной собственности у албанов: «Албаны, — говорит Страбон — весьма уважают старость не только своих родителей, но и посторонних; об умерших же заботиться и даже вспоминать (считается) грехом; однако они зарывают вместе с покойниками их имущество и поэтому живут в бедности, не имея ничего отцовского» (XI, 4, 8).

У Страбона находим мы интересное сообщение о находящемся вблизи Иберии албанском святилище Луны, на основании которого некоторые исследователи (например, акад. С. Н. Джанашиа) делают вывод о существовании храмовых хозяйств как в Албании, так и в Иберии, но мы сильно сомневаемся в том, чтобы здесь было налицо вполне сложившееся, существовавшее отдельно от общинной собственности, храмовое хозяйство. Скорее всего земельные владения храма являлись лишь формой общинного землевладения, когда земля общины рассматривалась как земля бога, храма. В вышеуказанном месте у Страбона об этом говорится следующее: «В качестве богов чтут они (албаны. — Г. М.) Солнце, Зевса и Луну, в особенности же Луну. Есть и святилище ее недалеко от Иберии. Жрецом служит наиболее уважаемое после царя лицо, стоящее во главе управления священной землей, обширной и хорошо населенной, а также во главе служителей храма, из которых многие вдохновляются и пророчествуют...» (XI, 4, 7).

Таким образом, развитие у албанских племен в означенный период не пошло еще дальше союзов племен, в то время как соседи албанов — карты и армяне — опередили их, создав в III—II вв. до н. э. в непосредственном соседстве с албанскими племенами, сильные государственные образования которые отныне стали играть важную роль в жизни албанских племен. Пограничные районы Албании вошли в состав Картлийского и Армянского государств. В частности, можно думать, что уже в III в. до н. э. территория Эрети (восточная часть совр. Кахети), по крайней мере частично, все еще населенная албанскими племенами, вошла в состав Картлийского государства. В «Картлис цховреба» мы имеем заимствованное из недошедшей до нас части «Мокцевай Картлисай» конкретное указание на то, что царь Фарнаджом (первая половина II в. до н. э.) начал строить крепость Некреси на северо-восточной окраине Кахети (КЦ, с. 29). Известное сообщение Страбона о том, что в области Камбисене (груз. Камбечовани — совр. Кизики), входившей в I в. до н. э. в состав Армении, соприкасались между собой албаны, иберы и армяне, также безусловно указывает на нахождение этой области в предшествующую усилению армянских царств эпоху в составе Иберии (Картли). Несомненно, сильная в III в. до н. э. Картли не оставила бы вне своих границ области с картским (иберским) населением, а появление иберов в этих краях после этого, в эпоху армянской гегемонии (II в. и первая половина I в. до н. э.), вряд ли можно предположить. В этот период Картли потеряла контроль над южными районами Эрети, однако северные районы ее, видимо, все время оставались в составе Картли. Это можно заключить по продолжавшемуся строительству города Некреси.

ГЛАВА XIV

ВЗАИМООТНОШЕНИЯ КАРТЛИ С СЕЛЕВКИДАМИ. УХУДШЕНИЕ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОЙ ОБСТАНОВКИ ДЛЯ КАРТЛИЙСКОГО ЦАРСТВА В НАЧАЛЕ II в. до н. э. ВЗАИМООТНОШЕНИЯ С АРМЕНИЕЙ И ПАРФИЕЙ ВО II—I вв. до н. э.

Грузинская традиция подчеркивает наличие дружеских отношений между первыми Фарнавазианами и правителями Селевкидского государства. Фарнавазу в его борьбе против Азо и «греков» помогал «царь Асурастана Антиох» и в продолжение всего своего царствования Фарнаваз «служил ему» (КЦ, с. 27). То же говорится и о третьем царе из династии Фарнавазианов — Мириане I (КЦ, с. 28).

«Картлис Цховреба» в этом случае, вероятно, не грешит против исторической правды. Выдвинутые далеко на юг границы Картлийского царства в III в. до н. э. делают правдоподобным наличие непосредственных политических связей между Селевкидами и правителями Картли. Армянские земли в этот период входили в состав Селевкидского государства, и поэтому владения Селевкидов и Фарнавазианов должны были непосредственно соприкасаться друг с другом. Однако Селевкиды не были столь сильны, чтобы задаться целью покорить и непосредственно включить в состав своего государства земли этого далекого северного царства. Это обуславливало наличие между ними дружеских союзнических отношений. С целью обеспечения безопасности своих северных владений Селевкиды были заинтересованы в сохранении и поддержании подобных отношений с Картли. С другой же стороны, и Картли в немалой степени нуждалась в поддержке своего могучего южного соседа в борьбе с другими, более близкими и опасными для нее, соседними политическими образованиями (Понт и т. д.).

Однако уже в III в. до н. э. начался процесс распада огромного государства Селевкидов. Из этого государства постепенно начали выделяться отдельные страны и области, в которых образовались новые независимые государства эллинистического типа. В середине III в. до н. э. от Селевкидов отпали среднеазиатские области (Бактрия и др.). Примерно в то же время в Парфии (первоначально это была область к юго-востоку от Каспийского моря) произошло восстание местной знати против греко-македонского господства. Около 247 г. до н. э. вождь восставших провозгласил себя царем и принял имя Аршака. В дальнейшем за правящей династией Парфянского царства утвердилось название династии Аршакидов. Селевкиды не раз пытались восстановить свои позиции в этом районе, но это им уже не удавалось. Правда, Бактрийское, или, как его обычно называют, Греко-Бактрийское царство во II в. до н. э. сильно ослабело и наконец пало под ударами кочевых племен, но Парфия все более усиливалась и к концу II в. до н. э. превратилась в могущественную переднеазиатскую державу.

С другой стороны, на владения Селевкидов с запада надвигалась грозная сила — становившийся все более и более могущественным Рим. В начале III в. до н. э. борьба между Римом и Селевкидами приняла открытый характер. Военные столкновения селевкидского царя Антиоха III с римлянами начались в Греции, однако вскоре ареной борьбы стала Малая Азия. В 190 г. до н. э. при Магнесии войска Антиоха III потерпели жестокое поражение от римлян. Антиох в 188 г. был вынужден заключить мир с римлянами, согласно которому он отказывался от своих владений, находившихся к северу от Тавра. Это поражение Селевкидов еще более усилило процесс распада Селевкидской державы. Ряд бывших селевкидских наместников поспешили объявить себя независимыми. В частности, так возникли в непосредственной близости от территории Картлийского царства и других грузинских объединений первые самостоятельные армянские государства, значительно расширившие вскоре свои владения за счет территории соседних народов. «Говорят, — отмечает Страбон, — что Армения, первоначально имевшая небольшие размеры, была увеличена Артаксием и Зариадрием, которые сначала были полководцами Антиоха Великого, а впоследствии, после его поражения, сделавшись царями — один в Софене, Акисене, Одомантиде и некоторых других (областях), а другой — в окрестностях Артаксат, — расширили (Армению), отрезав себе части (земель) у окрестных народов, а именно у мидян — Каспиану, Фавнитиду и Басоропеду, у иберов — склоны Парладра, Хорзену и Гогарену, лежащую по ту сторону Кира, у халибов и моссиников — Каренитиду и Ксерксену,

которые граничат с Малой Арменией или даже составляют ее части, у катаонов — Акилисену и область по Антитавру, у сирийцев — Таронитиду...» (XI, 14, 5).

Конечно, нельзя считать, что такое расширение границ армянских государств произошло внезапно, сразу же после того, как селевкидские наместники Артаксий (Арташес) и Зариандр (Зарех) стали независимыми правителями. Это произошло, несомненно, постепенно, на протяжении II в. и первой половины I в. до н. э. Особенно сильным стало то армянское государственное образование, во главе которого стал Артаксий — Арташес I (189—161). Столицей этого армянского государства был город Арташат на среднем течении Аракса, недалеко (южнее) от совр. Еревана.

Под натиском возникших в начале II в. до н. э. самостоятельных армянских государств Картлийское царство и другие грузинские объединения, как видно из сообщения Страбона, потеряли ряд своих областей. Картли (Иберия), в частности, лишилась «Хордзены, Гогарены и склонов Париадра», т. е. значительной части своих южных владений.

Под натиском Армении Картли потеряла ряд своих позиций, очевидно, и в восточных (юго-восточных) областях, в направлении древней Албании. Камбисена (груз. Камбечовани) сделалась провинцией Армянского царства. «Хорзена и Камбисена, — говорит Страбон, — самые северные и наиболее покрываемые снегом (области Армении), примыкающие к Кавказским горам, Иберии и Колхиде» (XI, 14, 4). Говоря об Албании, тот же Страбон отмечает, что на южной стороне Албании находится «Армения, в которой много равнин, но много и гор, как, например, в Камбисене, в которой армяне соприкасаются с иберами и с албанами» (XI, 4, 1). Выше мы уже отметили, что в предшествующую эпоху (III в. до н. э.) и эту область также нужно предполагать в составе Иберии; она была присоединена к Армении, по всей вероятности, в ту же эпоху армянского могущества.

Г Л А В А XV

НАСЕЛЕНИЕ ЮГО-ВОСТОЧНОГО И ВОСТОЧНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ В III—I вв. до н. э.

§ 1. ЮГО-ВОСТОЧНОЕ ПРИЧЕРНОМОРЬЕ

Возникшие в начале II в. до н. э. армянские государства подчинили себе часть западногрузинских племен, живших в Юго-Восточном Причерноморье. Страбон, как мы видели выше, отмечает, что возникшие в начале II в. до н. э. самостоятельные армянские государства «отрезали себе части (земель) у окрестных народов». Среди них он называет Каренитиду и Ксерксену, «которые граничат с Малой Арменией или даже составляют ее части». Эти земли и отрезали армяне «у халибов и моссиников» (XI, 14, 5). Данные области упоминает и Плиний (NH, V, 93). Каренитида (ср. арм. Карин, груз. Карнукалаки — совр. Эрзерум) лежала на Верхнем Евфрате, Ксерксена же (та же Дердзена, арм. Дерджан), находилась западнее Каренитиды, По Плинию, Евфрат (совр. Кара-су) вытекает из Каренитиды и проходит затем через Дердзену...

В другом месте своего труда Страбон также указывает на включение западногрузинских областей Юго-Восточного Причерноморья в состав армянских государств во II в. до н. э. «Над окрестностями Фарнакии и Трапезунда, — говорит Страбон, — живут тибарены и халдеи до Малой Армении. Последняя — страна достаточна плодородная. Ею, как и Софеной, всегда владели (собственные) династы, то бывшие в дружбе с прочими армянами, то действовавшие самостоятельно. Они имели под своей властью и халдеев, и тибаренов, так что их владычество простиралось до

Трапезунда и Фарнакии. Митридат Эвпатор, усилившись, стал владыкой и Колхиды, и всех этих (местностей), которые уступил ему Антипатр, сын Сизиса (один из правителей Малой Армении. — Г. М.)...» (XII, 3, 28).

Трудно сказать, простиралось ли на самом деле владычество правителей Малой Армении «до Трапезунда и Фарнакии», однако нельзя сомневаться в том, что правители этой страны включили в свое царство ряд территорий с западно-грузинским населением, («халды» — «халибы», «моссиники», «тибарены»). И в эту эпоху Малая Армения, очевидно, преемница персидской сатрапии «Западной Армении» ксенофоновского времени, по этническому составу своего населения, как и ее предшественница, не была чисто армянской страной, хотя политически ведущим здесь, возможно, был именно армянский элемент. Это было одно из эллинистических политических образований. В среде вошедшего в состав этого государства западногрузинского населения (в низменных районах, по крайней мере), несомненно, происходил интенсивный процесс эллинизации и арменизации. Это, видимо, подтверждается известным замечанием Страбона, что в отторгнутых армянами у соседних племен областях «говорят (теперь) на одном языке» (т. е. на армянском). Последний стал здесь языком государственным... С этим же процессом, возможно, нужно связать появление т. н. армено-халибов (упоминаются у Плиния: NH, VI, 11 —12, 29). Тут, возможно, речь идет о вошедшем еще во II в. до н. э. в состав «Малой Армении» западногрузинском населении.

Однако вскоре, на рубеже II—I вв. до н. э., многие западногрузинские области, находившиеся в составе Малой Армении, перешли в руки Понтийского царства. Еще до этого Понт, несомненно, овладел рядом других районов, населенных, западногрузинскими племенами. Уже в первой половине III в. до н. э. правители Понта приступили к завоеванию прибрежных районов Юго-Восточного Причерноморья. В середине III в. до н. э. Амис уже находился в сфере влияния Понта. Нумизматические данные, например, указывают, по крайней мере, на частичное контролирование монетного дела Амиса царями Понта. Главный греческий полис Юго-Восточного Причерноморья Синопа еще долго сохраняла свою независимость. В первый раз правители Понта напали на нее лишь в 220 г. до н. э., но это нападение не принесло им успеха. Однако уже в 183 г. до н. э. царь Понта Фарнак I захватил и включил в границы своего государства и Синопу⁵⁵⁹. Впоследствии Синопа и Амис стали главными городскими центрами Понтийского царства. Вместе с тем, почти вся Пафлагония вошла в состав Понта. Вскоре после захвата Синопы Фарнак I основал на побережье между Котиорой и Керасунтом на месте совр. Герасуна новый город — Фарнакию. Трапезунд тоже перешел в руки Фарнака, но, как полагают исследователи, возможно, что этот район Фарнак уступил своему союзнику царю Малой Армении — Митридату⁵⁶⁰. В составе Малой Армении этот город находился в течение нескольких десятилетий, вплоть до эпохи могучего Митридата VI Эвпатора (111—63). «Малая Армения», как полагают исследователи, фактически представляла собой зависимое от Понта царство⁵⁶¹.

В составе эллинистических государств прибрежные греческие города начали играть несравненно более активную роль и окружающее их местное население еще интенсивнее вовлекалось в водоворот городской и вообще политической и экономической жизни государства. Эти условия, несомненно, способствовали ускорению процесса слияния местного и греческого этнических элементов, процесса эллинизации местного населения. Характерно, что Страбон, рассказывая о Фарнакии, говорит, что она была построена на территории халдов — халибов, однако не проводит никакого различия в производственной деятельности жителей самой Фарнакии и окружающего ее местного

⁵⁵⁹ М а к с и м о в а М. И. Античные города Юго-Восточного Причерноморья, 1956, с. 178—179.

⁵⁶⁰ Там же, с. 192.

⁵⁶¹ Всемирная история, I, 1955, с. 323. Возможно, данное политическое образование является прямым наследником геродотовской «XVIII сатрапии», провинции «Западная Армения» ксенофоновского «Анабасиса» и, наконец, «Ариан-Картли» древнегрузинской исторической традиции.

населения⁵⁶². Фарнакия, говорит Страбон, получает от моря благосостояние посредством ловли пеламид, а на суше владеет «рудниками, ныне только железными, а прежде и серебряными. В этих местах морской берег вообще чрезвычайно узок: (над морем) сразу поднимаются горы, изобилующие рудниками и лесами, а возделываются (лишь) немногие места. Средства к жизни рудокопам доставляются рудниками, а поморянам — ловлей рыбы, в особенности тунцов и дельфинов. Эти последние, следуя за стадами рыб, (именно) мелких тунцов, самок тунцов и самих пеламид, тучнеют и легко ловятся вследствие того, что слишком близко подходят к берегу. Одни жители Фарнакии ловят дельфинов на приманку, режут на куски и употребляют большое количество их жира на всякие (потребности)» (XII, 3, 19).

Таким образом, следует полагать, что местное население в низменных районах все более и более ассимилировалось с эллинским элементом. Свою племенную самобытность крепко сохраняли лишь жившие в горных областях Юго-Восточного Причерноморья западнотурецкие племена, среди которых начали выдвигаться воинственные племена санов (чанов)⁵⁶³. Вдали от водоворота кипучей жизни эллинистических городов и эллинистического общества Понтийского царства эти западнотурецкие племена твердо хранили и свой социально-экономический (первобытнообщинный) строй, что собственно и обуславливало для них возможность сохранения и своей племенной самобытности. Красноречивые свидетельства об этом местном населении гористой части Юго-Восточного Причерноморья находим мы также у Страбона: «Выше Трапезунда и Фарнакии, — говорит он, — живут тибарены, халдеи и санны, которых прежде называли макронами, и (лежит) Малая Армения; близко к этим местам живут также аппаиты, прежние керкиты. Через эти места проходит Скидис, очень крутая гора, соединяющаяся с Мосхийскими горами, что выше Колхиды, и заселенная на вершинах гептакометами, и Париадр, тянущийся от местности у Сидены и Фемискиры до Малой Армении и образующий восточный край Понта. Все жители этих гор крайне дики, но гептакометы превосходят (в этом отношении) прочих. Некоторые живут даже на деревьях или в башенках, почему древние называли их моссиниками от названия (таких) башен — моссинов. Питаются они звериным мясом и орехами, нападают и на путешественников, спускаясь с горных вершин. Гептакометы истребили три помпеевых отряда, проходивших через (эту) горную страну; они поставили на дорогах чаши разведенного одуряющего меда, который вытекает из древесных ветвей, (а потом), напав на людей, напившихся (этого меда) и потерявших сознание, легко перебили их. Некоторые из этих варваров назывались также бизерами» (XII, 3, 18).

§ 2. ЦЕНТРАЛЬНЫЕ РАЙОНЫ КОЛХИДЫ

Выше мы видели, что в центральной части Колхиды в эпоху Ахеменидов существовало независимое Колхидское царство. Согласно древнегрузинской традиции (которая данное политическое образование упоминает под названием «Эгриси»), после возникновения Картлийского государства (начало III в. до н. э.) Колхидское царство подпало под власть Картли. По утверждению «Картлис цховреба», в Западной Грузии находились два административных округа Картли — «саэристао». Один из них охватывал Аргвети, область Западной Грузии, прилегающую к Восточной Грузии в районе Сурамского перевала, а другой (Самцхе и Аджара) — южные районы центральной Колхиды. То, что названные области в первые века нашей эры на самом

⁵⁶² М а к с и м о в а М. И. Указ. соч., с. 195.

⁵⁶³ М. И. Максимова полагает, что после Ксенофонта в этой области произошел ряд передвижений местных племен (см. указ. соч., с. 194 и след.). Однако, если глубже разобраться в предлагаемых античными источниками для этой области племенных названиях, вряд ли найдется основание для таких предположений.

деле входили в состав Картлийского царства, неоспоримо по данным античных источников, а также по археологическим и эпиграфическим находкам в самой Аргвети. Об этом подробнее нам придется говорить ниже. Другой вопрос, насколько это оправдано в отношении и первого периода существования Картлийского царства, но это вполне вероятно, исходя из факта могущества Картлийского царства в III в. до н. э. Возможно, оно подчинило себе также и собственно Эгрисское (Колхидское) царство. Однако уже с начала II в. до н. э., когда территория Картлийского царства под натиском правителей Армении сильно уменьшается и Картли слабеет, господство Фарнавазианов над прибрежными районами Западной Грузии (по крайней мере, если оно и существовало раньше) должно было прекратиться. Аргвети, возможно, и в эту эпоху входила в состав Картлийского государства.

После потери Картлийским царством во II в. до н. э. ряда своих позиций, в том числе и в прибрежной полосе Восточного и Юго-Восточного Причерноморья, можно думать, что более интенсивными стали связи прибрежных районов центральной Колхиды с эллинистическими центрами Юго-Восточного Причерноморья и прилегающих к нему областей. На рубеже II—I вв. до н. э. дело дошло до непосредственного включения Колхиды в состав Понтийского государства. Этому, очевидно, предшествовало ослабление власти правителей Колхиды и наступление соседних горских племен. Говоря о Колхиде, Страбон отмечает: «Какою славою пользовалась в древности эта страна, показывают мифы, повествующие о походе Язона, дошедшего даже до Мидии, и о предшествующем (ему) походе Фрикса. Следовавшие затем цари, владея разделенной на провинции страной, не имели особенной силы. Когда же особенно усилился Митридат Эвпатор, страна перешла под его власть; в качестве наместника и правителя страны всегда посылался кто-нибудь из его друзей. В числе их был и Моаферн, дядя нашей матери с отцовской стороны. Отсюда шла царю главнейшая помощь для (организации) его морских сил...» (XI, 2, 18).

Царь Понта Митридат VI Эвпатор (111—63 гг. до н. э.), как известно, создал крупное государство, в которое были включены не только Юго-Восточное и Восточное Причерноморье (Колхида), но и территория Северного Причерноморья (Боспорское царство). Для этого ему пришлось вести ряд войн против населения этих областей. Например, согласно сообщению Аппиана (Митридатовы войны, 64), еще в 83 г. до н. э. он «воевал с отпавшими колхами и боспорцами». После подавления этого восстания правителем Колхиды Митридат назначил своего сына, также носившего имя Митридата. Однако отец последнего вскоре заподозрил его в измене и, «призвав его к себе, заключил в золотые оковы и немного спустя казнил его...». Правителем Боспора Митридат назначил другого своего сына Махара, царствовавшего там с 79 г. по 65 г. до н. э., когда он был отстранен Митридатом и заменен его братом Фарнаком.

Колхида, как видно из вышеприведенного сообщения Страбона, выполняла ряд обязательств по отношению к правителям Понта. В частности, из Колхиды «шла царю главнейшая помощь для (организации) его морских сил». «Страна эта, — замечает тот же Страбон, — богата и плодами, кроме меда (который по большей части горьковат на вкус), и всем (нужным) для кораблестроения: лес она и сама производит в большом количестве и получает по рекам, производит также в изобилии лен, пеньку, воск и смолу. Производство льна приобрело даже известность: его вывозили в чужие земли...» (XI, 2, 17). Страбон в центральной Колхиде специально упоминает город Фасис (совр. Потти)— «торговый порт колхов, имеющий перед собою с одной стороны реку, с другой—озеро (Палиастоми. — Г. М.), с третьей — море». Фасис, по его словам, судоходен вверх до крепости Сарапанов (совр. Шорапани). Таким образом, рекой Фасис древние греки называли, очевидно, р. Квирилу и затем, после ее слияния с р. Риони, среднее и нижнее течение этой реки. Фасис, по словам Страбона, через ущелье у крепости Сарапанис, «сделавшийся вследствие извилин (русла) проходимым при помощи ста двадцати мостов, бурно и стремительно несется в Колхиду, бороздя эти местности в дождливую

пору множеством потоков; он берет начало в лежащих над (Иберей) горах, пополняясь многими ключами, а в равнинах принимает в себя и другие реки, в том числе Главк и Гипп (= р. Верхний Риони и Цхенисцкали.— Г. М.). Сделавшись полноводным, и судоходным, он впадает в Понт и имеет при себе город того же имени и неподалеку озеро» (XI, 3, 4). Река Фасис и в это время, несомненно, оставалась крупной торговой магистралью, так же как и город Фасис был крупнейшим торговым центром Восточного Причерноморья. Упоминание его в качестве «торгового порта колхов» исследователи считают признаком того, что к этому времени Фасис в значительной мере находился в руках местного населения и был тесно связан с остальной Колхидой. Через Фасис велась, очевидно, активная внешняя торговля.

Археологические материалы свидетельствуют о широком ввозе черно- и краснолаковой керамики, «мечарских» чаш и др. изделий малоазийских ремесленных центров, главным образом Пергама, Самоса, а также Александрии. В большом количестве найдены обломки родосских, гераклеийских, косских, книдских и др. амфор.

В III—I вв. до н. э. доминирующее положение в торговле с Колхидой принадлежит все-таки Синопе: обломки синопских амфор (свидетельствующих о ввозе синопского оливкового масла), лутериев, черепиц найдены повсеместно как в прибрежных поселенных, так и во внутренних областях Колхиды⁵⁶⁴.

Симптоматично, что Страбон специально обращает внимание на морскую дорогу из Фасиса в Амис и Синоп: «Отсюда (т. е. из города Фасиса. — Г. М.), — говорит он, — до Амиса и Синопы три или даже два дня (пути), так как (по пути) и берега и устья рек мягки (не суровы)» (XI, 2, 17). В этом нельзя не усмотреть указание на наличие интенсивной связи по морскому пути между Фасисом и эллинскими городами Юго-Восточного Причерноморья.

Господство правителей Понта во всех районах исторической Колхиды вовсе не носило одинакового характера. Если в Юго-Восточном Причерноморье и низменной, приморской, части центральной Колхиды они, нужно думать, прочно обосновались и прибрежные города Юго-Восточного и Восточного Причерноморья стали их опорными пунктами, то в горных внутренних районах центральной и северной (совр. Абхазия, Сванети) Колхиды власть Понта носила, несомненно эфемерный характер. Жившие здесь племена, в основном, были независимыми и вряд ли выполняли какие-либо обязательства по отношению к правителям Понта, что вполне определенно можно заключить хотя бы из сообщения античных авторов, описывающих прохождение через эти места Митридата Эвпатора, направлявшегося после своего поражения в борьбе с римлянами (Помпеем) на север, в Боспорское царство. Об этом специально у нас речь будет идти ниже, при рассмотрении обстановки в северной Колхиде.

---

⁵⁶⁴ Л о р д к и п а н и д з е О. Д. Древняя Колхида, с. 193 и след. (там же указ. лит.).

Не исключено, что территория Аргвети, т. е. прилегающей к Восточной Грузии области Западной Грузии, и в это время находилась в составе Картлийского царства.

Установление господства Понтийской державы над прибрежными районами Восточного Причерноморья должно было иметь серьезные последствия для дальнейших судеб населения этой области. Связанное с этим упразднение остатков местной государственности и замена ее довольно слабой и поверхностной иноземной администрацией (подобная обстановка сохранилась и позднее, после поражения Понта и установления здесь римского владычества) открыли дорогу широкому проникновению горцев в Колхидскую низменность. Горские племена начинают играть все более и более активную роль. Это обстоятельство, как мы увидим ниже, ясно выступает перед нами в южной и северной Колхиде. Несомненно, тот же процесс происходил и в центральной Колхиде. В конечном счете это привело к возникновению в прибрежной части южной, центральной и северной Колхиды ряда новых раннеклассовых политических образований.

§ 3. СЕВЕРНЫЕ РАЙОНЫ КОЛХИДЫ

Античные источники проводят резкое различие между мирным населением прибрежной полосы и соседними воинственными горскими племенами в северной части Колхиды, на территории совр. Абхазской АССР, и дальше на север, вдоль Черноморского побережья. В числе первых античная традиция называет племена керкетов, которые, судя по Артемидору (II—I вв. до н. э.), занимали территорию примерно от совр. Новороссийска вплоть до совр. Туапсе. Дальше на юг, вдоль побережья, вплоть до района совр. Сочи тот же автор называет ахейцев, отсюда до района совр. Сухуми — гениохов. В начале I в. до н. э., как выясняется, произошло вторжение джиков, которые заняли территорию древних керкетов.

Античная традиция резко противопоставляет керкетов (возможно, древнее, оседлое население приморской полосы) джикам, ахейцам и гениохам, воинственным горским племенам абхазского и северокавказского побережья Черного моря. Если о керкетах говорится, что это справедливый и добрый народ, весьма искусный в мореходстве (Аноним V в., § 65), что на их побережье имеются пристани и селения (Страбон, XI, 2, 14), что у них работники носят свой товар до тех пор, пока кто-нибудь не купит его (Плутарх) и т. д., то джики, гениохи и ахейцы античными авторами рисуются полудикими племенами, занимающимися морским разбоем. Интересно, что подчеркивается враждебность их (например, ахейцев) к керкетам (у Анонима V в., например, сказано, что ахейцы «многочисленны и находятся во вражде с керкетами», § 65). Страбон отмечает, что побережье «ахеев, зигов (т. е. джиков) и гениохов» по большей части не имеет гаваней, и его обитатели «живут морским разбоем, для чего имеют небольшие, узкие и легкие ладьи, вмещающие около двадцати пяти человек и редко могущие принять тридцать; эллины называют их камарами... Выходя в море на своих камарах и нападая то на грузовые суда, то на какую-нибудь местность или даже город, они господствуют на море. Случается, что им содействуют и владетели Боспора, предоставляя им стоянки, покупку, провианта и продажу награбленного. Возвращаясь в родные места, они, за неимением стоянок, взваливают (свои) камары на плечи и уносят в леса, в которых и живут, обрабатывая скудную почву; а когда наступит время плавания, они снова сносят (камары на берег). Так же поступают они и в чужой стране, где имеют знакомые лесистые местности: скрыв в них камары, они сами бродят пешком днем и ночью с целью захвата людей в рабство; то, что удастся им захватить, они охотно возвращают за выкуп, по отплытии извещая потерпевших. В местностях, где есть (самостоятельные) правители, обижаемые еще находят некоторую помощь со стороны

(своих) вождей, нередко они в свою очередь нападают (на пиратов) и захватывают камары вместе с людьми; (области) же, подчиненные римлянам, более беспомощны вследствие нерадения посылаемых (ими правителей)» (XI, 2, 12). В другом месте Страбон отмечает, что «в Азии наше побережье все подчинено им (римлянам. — Г. М.), если не брать в расчет земель ахейцев, зигов и гениохов, ведущих разбойническую и кочевую жизнь в тесных и скудных местностях» (XVII, 3, 24).

Из этого красноречивого описания следует, что речь, по всей вероятности, идет о племенах, стоявших на стадии «военной демократии», когда грабительские войны становятся особенно необходимыми. Греческие прибрежные города и даже правители Боспора являлись, очевидно, покупателями захваченных этими горцами у соседей добычи и пленных, которых они, как отмечает Страбон, «охотно уступали за выкуп», а также, несомненно, и продавали, так как сами, вероятно, мало нуждались в рабской силе.

Конечно, иногда эти племена нападали и на греческие города. Плиний (23-24 — 79 г. н. э.), например, отмечает, что богатейший город Питиунт разграблен гениохами (NH, VI, 16). Диоскурия, очевидно, тоже подверглась подобному разгрому, так как тот же Плиний говорит о ее «запустении» (NH VI, 15).

Занятие пиратством у племен северной Колхиды и соседних областей находит параллель в широко распространенном в эллинистическую, а затем и римскую эпоху пиратстве Восточного Средиземноморья вообще. Выясняется, что основным поставщиком кадров пиратов является разлагающееся или разложившееся родовое общество отсталых племен⁵⁶⁵.

У них, к I в. до н. э. сложились, очевидно, довольно крупные союзы племен. «Они, — говорит Страбон, — находятся под властью так называемых скиптродержцев («скептухов»), которые, в свою очередь, подчинены тиранам или царям. Так, например, у гениохов было четыре царя, когда Митридат Эвпатор, во время бегства из отеческой (земли) на Боспор, проходил через их страну» (XI, 2, 13). «Цари» гениохов являлись, вероятно, вождями союзов племен, а «скептухи» — отдельных племен. Таким образом, выясняется, что у гениохов во время бегства Митридата было четыре союза племен. Скорее всего в гениохах мы должны видеть сванские племена, хотя в этом не может быть полной уверенности. Возможно и то, что под данным расплывчатым и грецизированным названием подразумеваются этнически разные племена⁵⁶⁶.

И вне отождествления гениохов со сванами, по другим указаниям греко-римских и византийских источников ясно выступает факт широкого распространения сванских племен на территории Северной Колхиды. Сваны в то время жили, несомненно, недалеко от Диоскурии (совр. Сухуми), так как они, по словам Страбона, «господствовали над Диоскурией». Интересно отметить, что по уровню социально-экономического развития сваны в это время также стояли на ступени «военной демократии». Их общественный строй характеризуется всеми присущими ему признаками (вождь, совет племени и т. д.). Недалеко (от Диоскурии. — Г. М.), — говорит Страбон, — живут и соаны (= сваны)... пожалуй, даже первые (из местных народов) по силе и могуществу. По крайней мере, они господствуют над Диоскурией. У них есть царь и совет из трехсот мужей, а войско они набирают, как говорят, даже в двести тысяч, ибо все население отличается воинственностью, (хотя бы и) не (было) в строю» (XI, 2, 19). Как справедливо отмечал акад. С. Н. Джанашиа, нельзя сомневаться в том, что сваны в это время жили в условиях

⁵⁶⁵ Л е н ц м а н Я. А. К вопросу об источниках эллинистического пиратства. — ВДИ, 1946, № 4, с. 219—228.

⁵⁶⁶ М е л и к и ш в и л и Г. А. К истории древней Грузии. Введение, §5.

родового строя. Их «царь» — это племенной вождь, а совет — собрание родовых старейшин и т. д. Акад. С. Н. Джанашиа указывал при этом, что эти сведения о сванах относятся к эпохе не позднее I половины I в. до н. э., но, может быть, они еще древнее на целое столетие или даже полтора столетия⁵⁶⁷.

Сообщение Страбона, что у сванов «все население отличается воинственностью» и потому они могут выставить войско в двести тысяч человек, также указывает на господство родового строя, когда нет различия между народом и войском, хотя вполне вероятно, что сообщение Страбона о численности выставляемого сванами войска является сильно преувеличенным. В данном случае под названием «сванов» Страбон, вероятно, описывает один из сванских союзов племен. Аналогичными союзами племен могли быть и другие соседние гениохийские объединения, о которых упоминает Страбон.

То, что в этой области царила характерная для родового строя политическая раздробленность, очень ярко выступает также и по сообщениям античных авторов, в первую очередь того же Страбона о Диоскурии. Этот город, согласно Страбону, служил «общим торговым центром для народов, живущих выше нее и поблизости. Сюда сходятся, говорят, семьдесят народностей, а по словам других (писателей), нисколько по заботящихся об истине, — даже триста, все они говорят на разных языках, так как живут разбросанно, не вступая между собою в сношения, вследствие самолюбия и дикости. Большая часть их (принадлежит) к сарматскому племени, и все они (называются) кавказцами» (XI, 2, 16). Это сообщение впоследствии повторяется и другими античными авторами.

Таким образом, по сведениям античных источников довольно ясно выступает тот факт, что население Северной Колхиды жило в условиях разлагающегося родового строя.

По тем же материалам очень ярко наблюдается также факт засилия горских племен, о котором мы уже говорили выше. Падение местной колхидской государственности создало здесь довольно неустойчивое положение. Ни правители Понта, ни пришедшие им на смену римляне не были в состоянии защитить оседлое земледельческое население низменности от набегов горцев. Об этом говорит даже Страбон, жалуясь на «нерадение посылаемых (сюда римлянами их правителей)» (XI, 2, 12). Имеет место также проникновение из северокавказских степей новых масс (джики и т. д.) Это, со своей стороны, вызывает другие передвижения племен. Таким образом, на территории почти всей области исторической Колхиды происходят крупные изменения — горцы ведут наступление на население равнины. Эти бурно протекавшие в I в. до н. э. и I в. н. э. события, как было отмечено выше, подготовили почву для возникновения в Колхиде новых раннеклассовых государственных образований, о которых у нас речь будет идти ниже.

Г Л А В А XVI

РАЗВИТИЕ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ В КАРТЛИЙСКОМ ЦАРСТВЕ В ЭЛЛИНИСТИЧЕСКУЮ ЭПОХУ

Мы исключительно мало осведомлены по вопросам внутренней социально-экономической жизни Картлийского царства в эллинистическую эпоху. Археологические раскопки в Мцхета и в других пунктах Картли дали чрезвычайно богатый материал (в том числе и эпиграфические памятники), относящийся к первым векам н. э. Однако

---

⁵⁶⁷ Д ж а н а ш и а С. Н. Труды, II, с. 117—118 (на груз. яз.).

материал предшествующей эпохи (III—I в. до н. э.), если не принять во внимание выявление остатков архитектурных памятников того времени (строения на Армазцхе — Багинети, в древней Севсаморе и т. д.), очень мало увеличился в результате этих раскопок. Тем не менее, существующий в отношении археологического материала пробел частично восполняют сведения знаменитого древнегрузинского географа Страбона об Иберии, относящиеся именно к этой (эллинистической) эпохе. Здесь, в первую очередь, указывается на резкое различие, существовавшее между населением горных областей Иберии и населением равнины. «Равнину (Иберии. — Г. М.), — читаем мы в этом месте у Страбона, — населяют те из иберов, которые более занимаются земледелием и склонны к мирной жизни, снаряжаясь по-армянски и по-мидийски, а горную часть занимает воинственное большинство, в образе жизни сходное со скифами и сарматами, с которыми они находятся и в соседстве и в родстве; впрочем, они занимаются и земледелием и в случае какой-нибудь тревоги набирают много десятков тысяч (воинов), как из своей среды, так и из тех (народов)» (XI, 3, 3). В конце же своего описания Иберии Страбон отмечает: «Жители страны делятся также на четыре рода (*γένος*): один из них (считающийся первым) — тот, из которого ставят царей, (выбирая ближайшего) по родству (с прежним царем) и старейшего по летам; второе (за ним лицо) творит суд и предводительствует войском; второй род составляют жрецы, которые ведут также спорные дела с соседями; к третьему роду относятся воины и земледельцы, к четвертому — простонародье (*λαοί*), которое служит рабами у царей («царские рабы» — *οἱ βασιλικοὶ δοῦλοί*), и доставляет все необходимое для жизни. Имущество у них — общее по родственным объединениям; заведует и распоряжается им в каждом (родственном объединении) старейший. Таковы иберы и их страна» (XI, 3, 6).

Симптоматично, что здесь земледельческое мирное население равнины сближается с армянами и мидийцами, а скотоводческое воинственное население горной Иберии — со скифами и сарматами. Из страбоновского сообщения ясно, что речь идет, прежде всего, о различии в уровне общественного и культурного развития. На равнине Иберии жило общество, сходное с армянским и мидийским, находившимся уже в условиях классового строя. В то же время горцы в этом отношении близко стояли к скифам и сарматам, которые у античных авторов систематически наделяются признаками, характерными для первобытнообщинного строя.

В сообщении Страбона о социальной структуре иберийского общества имеются два бросающихся в глаза пробела. Так, в нем не упомянуты, в частности, «торговцы и ремесленники», несомненно, в значительном количестве имевшиеся в тогдашней Иберии. Существование городов — торгово-ремесленных центров, безусловно подразумевает наличие такого слоя. Сам Страбон при описании Иберии подчеркивает, что «Иберия прекрасно заселена в большей части городами и хуторами, так что там встречаются и черепичные кровли, и согласное с правилами зодческого искусства устройство жилищ, и рынки, и другие общественные здания» (XI, 3, 1). Возможно, уже в это время города Иберии имели довольно пестрый этнический состав населения, столь характерный для городов эллинистического Востока. Судя по древнегрузинским источникам, первые еврейские колонии торговцев и ремесленников в городах Иберии появились уже в эллинистическую эпоху. Можно не придавать особого значения сообщению «Картлис цховреба», согласно которому появление евреев в Картли связывается сперва со взятием Иерусалима вавилонским царем Навуходоносором (586 г. до н. э.) (КЦ, с. 15—16), а затем (второго их потока) со взятием Иерусалима Веспасианом в 70 г. н. э. (КЦ, с. 44). Здесь мы имеем дело с вполне понятным стремлением связать появление еврейских колонистов в Картли с этими выдающимися событиями в жизни еврейского народа. Однако в древнегрузинской хронике «Мокцевай Картлисай», в которую проникли сочинения, вышедшие из рук людей, принадлежавших к еврейской колонии во Мцхета (Абиатар, его дочь Сидония), мы находим другое, более конкретное указание. В Челишском варианте этой хронике Абиатару, еврейскому

священнослужителю, князь Васпураканский говорит, что прошло ‘ჳ ‘ჳ (т. е. 503) года с тех пор, как «отцы (= предки) наши пришли сюда»⁵⁶⁸. Так как разговор этот происходит в 334 г., то, следовательно, появление предков мцхетских евреев в Картли надо датировать 169 г. до н. э.

Другой пробел в сообщении Страбона состоит в отсутствии упоминания рабов, впрочем, это вполне понятно, поскольку рабы не считались членами иберийского общества⁵⁶⁹. Как было отмечено выше, археологические раскопки последних, десятилетий выявили, между прочим, остатки грандиозных фортификационных и др. сооружений эллинистической эпохи (в Армазцихе — Багинети, Севсаморе — Цицамури, Уплисцихе и т. д.). Мы видели также, что и грузинские источники (в частности «Мокцевай Картлисай») указывают на развертывание первыми иберийскими царями из династии Фарнавазианов крупных строительных работ в районе столицы: постройка «крепости (бога) Армази», «крепости бога Задени» (Севсаморы), работы во Мцхета и т. д. Сооружение таких грандиозных укреплений, дворцов и т. д., как полагают исследователи, стало возможным именно благодаря наличию дешевой рабочей силы — рабов, широко используемых, в первую очередь, именно в строительстве и других тяжелых работах⁵⁷⁰.

Мы говорили о пробелах, которые имеются в сообщении Страбона о социальном составе населения Иберии. Однако пояснения требуют, конечно, и те социальные слои этого общества, которые названы в его вышеприведенном сообщении. Их, как уже указывалось, четыре: 1) те, из которых ставят царей, 2) жрецы, 3) земледельцы и воины, 4) «лаои» — «царские рабы».

Как мы видим, кроме рабов, не упоминаемых Страбоном, в Иберии слой непосредственных производителей делился на две, резко отличные друг от друга части. Одну часть представляли свободные земледельцы, из которых в случае необходимости набиралось войско, другую же — слой зависимых от государственной, царской, власти земледельцев, которые, очевидно, сидели на царских землях и несли ряд повинностей по отношению к царю, государству. Они, как говорит Страбон, были «царскими рабами» и «доставляли все необходимое для жизни». Жили они, как и все остальные иберы, по общинам и имели общинную собственность, управляемую старейшинами.

«Лаои», которым обозначает Страбон этот слой иберийского общества, был широко распространенным социальным термином на эллинистическом Востоке, в частности в Малой Азии. Сам Страбон по происхождению был из Малой Азии, поэтому естественно, называя определенный слой иберийского общества «лаоями», он прежде всего представлял себе более близких ему малоазийских «лаои». В Малой Азии, так же как и на эллинистическом Востоке, вообще основную массу эксплуатируемого населения составляли именно «лаои» — полунезависимые общинники. Их нельзя считать ни рабами, ни крепостными. Нельзя их считать также и колонами. Они были лично свободными земледельцами, прикрепленными, однако, к общине и обрабатывавшими земли царя, знати, храмов, городов и военных колонистов. При этом они платили денежные или натуральные налоги и выполняли разные другие повинности. Термин «лаои» следует переводить как «мужики», «люди», «люди»⁵⁷¹.

Однако, судя даже по сообщению самого Страбона, можно сказать, что иберийские «лаои» не во всех отношениях походили на малоазийских «лаои». Если в Малой Азии такие зависимые общинники сидели не только на царских землях, но и на

⁵⁶⁸ Т а к а й ш в и л и Е. С. — В кн.: Описание рукописей Общества распространения грамотности среди грузинского населения, т. II, с. 732 (на груз. яз.).

⁵⁶⁹ Б о л т у н о в а А. И. Возникновение классового общества и государственной власти в Иберии. — ВДИ, 1956, № 2, с. 42.

⁵⁷⁰ Х а х у т а й ш в и л и Д. А. Уплисцихе античной эпохи в свете новодобытых материалов. — САНГ, 1958, т. XXI, №3, с. 373—374.

⁵⁷¹ Р а н о в и ч А. Б. Эллинизм и его историческая роль, 1950, с. 155—156 и др.; см. также: Б о л т у н о в а А. И. Указ, соч. — ВДИ, 1956, №2. с. 40—41.

принадлежавших храмам, городам и т. д., то в Иберии они были только лишь «царскими рабами», т. е., очевидно, сидели на царских (государственных) землях⁵⁷².

Однако, наряду с «лаои», имелся еще и другой слой непосредственных производителей. Это были свободные земледельцы, объединенные, очевидно, в сельские (территориальные) общины. В то же время они были воинами, выступавшими по призыву царя в поход, видимо, со своим вооружением. Население Иберии, ее ведущей части, резко отличалось в этом отношении от горцев Восточной или Западной Грузии, а также, вероятно, и от соседних албанов. В отношении сванов Страбон, например, говорит, что «войско они набирают, как говорят, даже в двести тысяч, ибо все население отличается воинственностью, (хотя бы и) не (было) в строю» (XI, 2, 19). В отношении горцев Иберии у него отмечается, что они в случае какой-нибудь тревоги набирают много десятков тысяч (воинов) как из своей среды, так и из тех (= соседних скифов и сарматов)» (XI, 3, 3). Даже албаны могли выставить более многочисленное войско. «Войска, — говорит Страбон, — они (албаны. — Г. М.) выставляют больше, чем иберы: они вооружают шестьдесят тысяч пехоты и двадцать две тысячи, всадников» (XI, 4, 5). Из всего этого становится ясным, что иберы, видимо, «были менее воинственны», т. е. они уже вышли из того (первобытнообщинного) строя, когда поголовно все свободное население выступало на войну. Население городских торгово-ремесленных центров, очевидно, отошло от этого дела. Об этом может свидетельствовать, по мнению некоторых исследователей, например, тот факт, что на Самтаврском могильнике (во Мцхета) примерно с III в. до н. э. появляется новый тип погребений — т. н. кувшинные погребения, в погребальном инвентаре которых, в отличие от захоронений предшествующей эпохи, наблюдается почти полное отсутствие предметов вооружения. С. Н. Джанашиа считал это обстоятельство одним из признаков того, что Мцхета к этому времени уже стала городом и что ее жители из воинственных земледельцев превратились в более мирных горожан⁵⁷³. Конечно, вовсе нельзя сказать, что население этого участка столицы, пользующееся данным могильником в эту эпоху, принадлежало обязательно к торгово-ремесленному сословию. Многие из них вполне могли быть земледельцами. Население городов древней Иберии, так же как и городов всего эллинистического Востока вообще, наряду с торгово-ремесленной деятельностью, занималось и земледелием⁵⁷⁴.

Возникновение в древнейшую эпоху социального слоя «лаои», состоявшего из членов подчиненных и эксплуатируемых общин, следует связать с борьбой отдельных объединений за политическое господство. В связи с этим надо, вероятно, учесть также факт определенного передвижения населения на территории Восточной Грузии, в частности, проникновение с юга (юго-запада) месхско-малоазийского элемента и т. д. В древнегрузинской традиций, как мы видели, довольно туманно, но вполне определенно отразился факт участия разных элементов в возникновении Картлийского государства и картской народности. Кроме прямых сообщений о завоевании Шида-Картли правителями Ариан-Картли и переселении из Ариан-Картли определенной массы населения (имеется указание даже на количество переселявшихся «домов»), яркое свидетельство этого содержат также сообщения о древнегрузинском языческом пантеоне божеств. Согласно древнегрузинской исторической традиции, верховными богами царства были Армази и Задени. Но были еще боги Гац и Га, которые уже в «Мокцевай Картлисай» определены как «древние боги отцов (= предков) наших»⁵⁷⁵. «Картлис цховреба» повторяет эти слова

⁵⁷² Л о р д к и п а н и д з е О. Д. К вопросу о царском землевладении в Иберии античной эпохи. — САНГ, 1958, т. XXI, № 6.

⁵⁷³ Л о м т а т и д з е Г. А. Археологические раскопки в Мцхета. Тбилиси, 1955, с. 59 (на груз. яз).

⁵⁷⁴ Л о р д к и п а н и д з е О. Д. Ремесленное производство и торговля в Мцхета в I—III вв. н. э. (К изучению экономики городов Иберии античного периода). — Труды ТГУ, т. 65, 1957.

⁵⁷⁵ См. в издании грузинского текста (Описание...), с. 769; в русском переводе Е. С. Такашвили: СМОМПК, с. 84.

(см. с. 106). В обоих памятниках Гац и Га изображены как божества далеких предков, переселившихся из Ариан-Картли⁵⁷⁶. Мы уже говорили о том, что Армази и Задени носят, безусловно, хеттско-малоазийские имена и названия эти проникли в Картли вместе с мушками — месхами, носителями хеттско-малоазийских культурно-религиозных традиций. То, что названия эти восторжествовали в официальном царском пантеоне (их именами стали называться два самых крупных города — крепости столицы — «крепость бога Армази» — Армазцихе, и «крепость бога Задени» — Севсамора; в том числе сама царская резиденция Армазцихе), безусловно, должно указывать на ведущую роль проникших сюда потомков, малоазийских мушков-месхов в образовании Картлийского царства. Поэтому, исходя из противопоставления Армази-Задени паре Гац-Га, следует признать, что последние (а не Армази и Задени) были местными божествами.

Все это убеждает нас в том, что на заре существования Картлийского государства на самом деле имелись условия для возникновения путем завоеваний зависимых от царской власти и военной знати общин, членами которых и являются те «лаои» — «царские рабы», о которых говорит Страбон. Как полагает С. Н. Джанашиа, данный социальный слой среди населения Картли, возможно, носил название «глехни»⁵⁷⁷.

В противовес массе зависимых общинников вполне понятным становится наличие также слоя «воинов», являвшихся в то же время свободными земледельцами, единственной обязанностью которых была, возможно, воинская служба — выступление в поход со своим собственным вооружением. На первом этапе они, может быть, были освобождены от других государственных повинностей. Как справедливо указывают исследователи, местным грузинским названием данного социального слоя, вероятно, было «эри», одинаково обозначающее в древнегрузинском как «народ», так и «войско».

Немало сложных вопросов встает перед нами также и в связи с двумя первыми «родами» иберийского общества. Взять хотя бы «второй род» — жрецов, которые, по словам Страбона, «пекутся также о правовых отношениях с соседями». Обычно это сообщение Страбона понимается в том смысле, что дела внешних сношений Иберийского царства находились в руках жречества⁵⁷⁸. Исследователи стараются разными предположениями преодолеть противоречие между этим сообщением Страбона и сведениями других античных источников, откуда видно, что дело внешних сношений являлось прерогативой царской власти, а никак не жрецов. Жрецы вообще, как следует из сообщения Страбона, даже не принадлежали к той привилегированной среде, откуда выходили цари («первый род»). Верховный жрец в Иберии вовсе не являлся «вторым после царя лицом», как это было, судя по сообщению того же Страбона, например, в соседней Албании, а также в Каппадокии и других областях.

Жреческое сословие представляется нам довольно многочисленным. Трудно понять, как осуществляли жрецы Иберии внешние сношения и на каком основании могла оказаться такая привилегия в их руках. Однако более естественным кажется нам предположение о том, что у Страбона, в связи с жрецами, речь идет вовсе не о внешних сношениях, а о взаимоотношениях внутри государства между отдельными коллективами. В отношении соседней Албании у Страбона жрец, выступает в качестве главы обширного храмового хозяйства, но существу являвшегося, как нам кажется, общинным

⁵⁷⁶ Описание..., с. 709, 752; ср.: КЦ, с. 20 и др.

⁵⁷⁷ Джанашиа С. Н. Труды, II, 1952, с. 166—167.

⁵⁷⁸ См., например: Болтунова А. И. Указ. соч. — ВДИ, 1947, №4; с.55. Так же почти у всех исследователей.

хозяйством. В Иберии жрецы также выступают, вероятно, в качестве представителей отдельных коллективов (можно думать, также родовых или сельских, территориальных общин) в их взаимоотношениях со своими соседями. Скорее всего, следует допустить, что источником этого сообщения Страбона о жрецах является информация «соседей» иберийцев; в этом случае иберийские жрецы, которые «пекутся о правовых отношениях с соседями» и решают спорные дела с ними, нам представляются как люди, стоящие во главе иберийских пограничных общин, защищавшие интересы своих общин во взаимоотношениях с соседними (в данном случае иноплеменными) общинами. Это дает нам возможность заключить, что во главе этих общин как в пограничных областях, так и, естественно, во внутренних районах страны стояли служители культа, жрецы местных божеств, осуществлявшие, наряду с культовыми функциями, также и другие функции главы общины (управление хозяйством, взаимоотношения с соседними коллективами и т. д.). В связи с этим нельзя не привести аналогию из этнографической действительности грузинских горцев, у которых мы находим священнослужителей и старейшин («хуцеси», «хевисбери»), сосредоточивших в своих руках местную светскую и духовную власть. Там же улавливаются весьма любопытные пережитки культа местной теократической власти⁵⁷⁹.

Была ли подобная теократическая организация характерна лишь для «эри» — «третьего рода» населения страбоновой Иберии, или также и для членов покоренных общин — «лаои», трудно сказать.

Из данной выше интерпретации сообщений Страбона о социальной структуре иберийского общества ясно видно, что мы имеем дело с раннеклассовым обществом, в котором еще очень сильны пережитки первобытнообщинного строя. Часто исследователи эти сообщения Страбона используют для характеристики иберийского общества на протяжении всей античной эпохи вообще. Но вряд ли это правильно. Данные сведения Страбона, по мнению А. Н. Болтуновой, восходят к 40-м—30-м гг. II в. до н. э. Вполне возможно, что они отражают еще более древние порядки. О. Д. Лордкипанидзе утверждает, что эти сведения, возможно, восходят даже к Патроклу (начало III в. до н. э.) через Эратосфена. Этим источником Страбон, как известно, широко пользуется при описании Кавказа (например, торгового пути из Индии через Закавказье) и т. д.⁵⁸⁰.

Недоразвитость Иберийского государства в эллинистическую эпоху можно, усмотреть и на примере «первого рода» страбоновской Иберии, той самой категории людей, из которой, согласно Страбону, «ставили царей (выбирая ближайшего) по родству (с прежним царем), и старейшего по летам; второе (за ним лицо) творит суд и предводительствует войском» (XI, 3, 6).

Отчетливо выявляющийся как по иноземным, так и по местным источникам факт большого удельного веса в царстве (даже в более позднюю эпоху, в первые века н. э.) «второго после царя лица», как правило, брата царя, говорит о примитивности государственной организации, когда царская династия, царский род смотрит на царство как на свое коллективное, родовое владение. Не исключено и то, что на заре картлийской государственности царский престол на самом деле переходил в царском роде по старшинству.

Так, по-нашему, выглядит социальная структура иберийского (картлийского) общества в эллинистическую эпоху (скорее всего на ее ранних этапах). В дальнейшем развитие, несомненно, пошло в сторону углубления классовой дифференциации, выразившейся, с одной стороны, в выделении в основном из «эри» (слой земледельцев воинов) военнотрудовой знати, а, с другой, в определенной нивелировке массы «лаои» и

⁵⁷⁹ Бардавелидзе В. В. Древнейшие религиозные верования и обрядовое графическое искусство грузинских племен. Тб., 1957, с. 31—36 (на груз. яз.).

⁵⁸⁰ Лордкипанидзе О. Д. Сообщение Страбона о первом генеозе населения Иберии. — САНГ, 1957, т. XVIII, № 3.

рядовых земледельцев-воинов. Общины рядовых земледельцев-воинов постепенно превращались в такие же зависимые от царской власти объединения, каковыми были общины «лаоев». Наряду с воинской повинностью, они начали нести и другие государственные обязательства (налоги, участие в общественных — строительных, ирригационных и т. д. — работах) так же, как «лаои». «Лаои» же, вероятно, начали привлекаться и к участию в военных походах. Одновременно с этим, возможно, происходил процесс выделения храмового землевладения из общинного и образование крупных храмовых хозяйств, использующих, главным образом, труд зависимого от них земледельческого населения. Происходил также интенсивный процесс роста городов и торгово-ремесленного населения. Конечно, за неимением источников мы не в состоянии проследить во всех деталях происходящий в Иберии процесс дальнейшего развития социально-экономических отношений. Однако ниже мы постараемся, по имеющимся в нашем распоряжении материалам, обрисовать картину социально-экономических отношений в древней Иберии в первые века н. э., в эпоху, далеко ушедшую от того слаборазвитого классового общества, которое рисуется нам по сообщению Страбона.

ГЛАВА XVII

РИМСКИЕ ЗАВОЕВАТЕЛЬНЫЕ ПОХОДЫ В ИБЕРИЮ И КОЛХИДУ. ВЗАИМООТНОШЕНИЯ КОЛХИДЫ И ИБЕРИИ С РИМОМ И СОСЕДНИМИ СТРАНАМИ В СЕРЕДИНЕ И ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ I В. ДО Н. Э.

В начале I в. до н. э. на южных границах Грузии события начали развиваться бурно. В первую очередь это выразилось в небывалом росте могущества Понтийского царства, а также в усилении соседней Армянской державы.

Завоевания Понта и Армении не могли не вызвать резкого противодействия со стороны Рима. Как мы видели выше, уже в начале II в. до н. э. Рим в борьбе с Селевкидами за овладение этими областями добился значительных успехов и отныне считал их сферой своего политического влияния. Митридат, играя на антиримских настроениях и в ряде случаев прибегая также к социальной демагогии с целью привлечения на свою сторону низших слоев населения, вначале сумел возглавить борьбу азиатских народов против Рима и изгнать римлян из Малой Азии. В одно время ему удалось захватить даже Грецию. Однако деспотия понтийского правителя оказалась ничуть не лучше римского владычества, что вскоре восстановило против Митридата очень многих в самой Малой Азии и других завоеванных областях. Римляне, выставившие против Митридата крупные воинские силы, несколько раз одерживали победу над ним. Однако последний снова начинал борьбу против Рима. В 73 г. до н. э. он начал новую, третью по счету, войну с Римом. Римские войска под командованием Лукулла одержали ряд побед над Митридатом. Затем Лукулл вторгся во владения союзника Митридата — армянского царя Тиграна II. В 69 г. до н. э. римляне после длительной осады взяли один из крупных центров Армянской державы — город Тигранакерт, основанный Тиграном II (к северу от р. Тигра, на месте нынешн. г. Фаркин)⁵⁸¹. В защите Тигранакерта принимали участие «множество албанов и их соседей иберов» (Плутарх. Лукулл, XXVI). В 68 г. до н. э. римляне двинулись на город Арташат — столицу Армении (среднее течение р. Аракса). Армянский царь предпринял попытку остановить войска римлян, направлявшиеся на Арташат (Артаксата греко-римских источников). И здесь Плутарх называет иберов в составе армянского войска, защищавшего подступы к столице Армении. «Было выстроено против (Лукулла), —

---

⁵⁸¹ М а н а н д я н Я. А. Тигран Второй и Рим. Ереван, 1943, с. 64—66.

говорит Плутарх, — множество всадников и отборных отрядов, а перед ними — мардские конные стрелки и иберские копьеносцы, на которых Тигран полагался больше, чем на всех других наемников, вследствие их воинственности» (см. его: Лукулл, XXXI). Из сообщения Плутарха как будто вытекает, что воевавшие под начальством Тиграна иберские копьеносцы были наемниками армянского царя. Что касается иберов и албанов, принимавших участие в боях за Тигранакерт, не совсем ясно, за кого принимает их Плутарх, однако, судя по контексту, скорее всего они рассмотрены в качестве контингентов из зависимых от Тиграна стран, «Собрались, — говорит Плутарх, — поголовным ополчением армяне и гордиены, явились цари с поголовным ополчением мидян и адиабенов, пришло от моря, что при Вавилоне (Персидской залив), много арабов, и от Каспийского моря — множество албанов и их соседей иберов, прибыло также не малое количество из независимых племен, живущих по Араксу, из расположения или из-за даров..» (там же, XXVI). Наличие некоторой политической зависимости Иберии или Албании от находящийся при Тигране II в зените своего могущества Армении, конечно, не исключено. Однако, помогая армянам в борьбе с вторгшимися в их страну римлянами, иберы и албаны прежде всего защищали свои собственные страны, так как угроза вторжения римлян нависла и над ними.

Лукуллу, одержавшему победу над Тиграном, все же удалось дойти до Арташата. Наступавшая зима и недовольство войска принудили его отступить на запад.

В 66 г. до н. э. продолжение войны против Митридата и Тиграна было поручено Гнею Помпею, которому были предоставлены неограниченные полномочия в восточных провинциях. Силы Митридата Эвпатора к этому времени были в значительной мере исчерпаны, и после столкновения с Помпеем в Малой Армении, закончившимся полным его разгромом, Митридат поспешно оставил территорию Понта и бежал в Колхиду. Здесь он остановился в Диоскурии. Он все еще не оставлял надежду на продолжение борьбы с римлянами. Однако в данное время он почти не располагал никакими возможностями для этого. Были потеряны не только Понти его другие южные владения, но также и Северное Причерноморье, Боспорское царство, находившееся во власти восставшего против него его сына Махара. Впоследствии Митридат, после зимовки в Диоскурии, заключив союз с меотскими племенами, захватил Боспорское царство. Отсюда он намеревался предпринять поход с севера, через придунайские области, в Италию, однако в 63 г. до н. э., во время восстания, поднятого против него его сыном Фарнаком, погиб, покончив жизнь самоубийством.

После своего бегства в Колхиду, в 66 г. до н. э. Митридат, как уже говорилось, не располагал никакими реальными возможностями для продолжения сопротивления. Поэтому Помпей военные действия развернул уже против Армении. Положение Тиграна II осложнилось тем, что против него выступил его сын Тигран, пытавшийся сперва при помощи парфянского царя Фраата, а затем римлян и Помпея отнять престол у отца. В таких условиях Тигран II счел наиболее разумным сдаться римлянам, подошедшим к его столице — городу Арташат. В Арташате в 66 г. до н. э. был заключен мирный договор, согласно которому Тигран II потерял многие присоединенные им раньше к своему царству области и должен был выплатить шесть тысяч талантов контрибуции. Вместе с тем он объявлялся «другом и союзником римского народа», что в данной обстановке было равносильно признанию политической зависимости от Рима.

Однако римляне, завоевав Армению, не сочли свою миссию выполненной. Они начали готовиться к завоеванию закавказских стран — Албании, Иберии и Колхиды. Нельзя думать, что причиной данного похода было только лишь преследование Митридата или, идя в поход против этих закавказских областей, Помпей стремился лишь к увеличению, своей славы, простому расширению пределов римских завоеваний, захвату добычи, пленных и т. д. Несомненно, римляне должны были иметь также и другие особые интересы в Закавказье. Для них должно было быть ясным исключительное стратегическое значение Закавказья как барьера против северных кочевников. К этому

следует добавить и то, что Закавказье представляло важную артерию для связи с Северным Причерноморьем, особенно влекущим римлян как богатейший источник добывания рабов⁵⁸². Закавказье привлекало римлян также и с точки зрения его использования в качестве торгово-транзитной дороги, связывающей Средиземноморье со странами Средней Азии, Индии и далекого Китая. Им, несомненно, хорошо были известны сведения авторов эллинистической эпохи (Патрокла, Аристобула, Эратосфена и др.) о торгово-транзитной дороге, идущей из Индии через Среднюю Азию, Каспийское море, Албанию, Иберию и Колхиду к греческим приморским городам Восточного Причерноморья. Тот факт, что Помпей во время своего похода в закавказские страны в значительной мере шел именно по данному пути, может указывать на заинтересованность римлян этой торгово-транзитной дорогой. Перспектива развертывания торговли по ней становилась особенно заманчивой в связи с усилением Парфянской державы, раздвигавшей порой свои границы вплоть до Индии, с одной стороны, и до Евфрата, с другой, и в период враждебных отношений с Римом закрывавшей южные торгово-транзитные дороги из Индии и Китая в средиземноморские страны⁵⁸³.

***

Весной 65 г. до н. э. римские войска направились в Иберию, где тогда царствовал Артаг (некоторые античные источники называют его Артоком). Вероятно, нападение иберо-албанского войска на римское войско в конце 66 г. до н. э. показало римлянам, что было бы опасно при походе в Колхиду иметь в тылу враждебную, непокоренную Иберию. Поэтому, несмотря на заключенный между римлянами и иберо-албанами после столкновения 66 г. мир, Помпей решил вторгнуться сперва в Иберию и лишь после ее завоевания продолжить свой путь в сторону Колхиды. Акад. Я. А. Манандян считает, что вторжение произошло через Боржомское ущелье⁵⁸⁴, однако, учитывая подчеркиваемую античными авторами внезапность нападения римлян на столицу Иберии (Dio, XXXVII, 1), можно отдать предпочтение путям, идущим в Иберию прямо с юга, из Армении (ср.: Strabo, XI, 3, 5). Возможно, основные силы иберов, ожидая нового вторжения римлян в земли исторической Месхети, в это время были сосредоточены в юго-западных областях Иберии.

У Плутарха имеются краткие сведения об этом походе римлян в Иберию. «Помпею, — говорит Плутарх, — удалось в большой битве нанести им (т. е. иберам) такое поражение, что девять тысяч было убито и более десяти тысяч взято в плен. (Таким образом), Помпей открыл себе путь в Колхиду; у Фасиса встретил его Сервилий с эскадрой, охранявшей Понт» (Помпей, XXXIV).

Более подробное описание военных операций, развернутых римлянами в Иберии, встречаем мы у Кассия Диона⁵⁸⁵. «... В следующем году, в консульство Луция Котты и Луция Торквата (65 г. до н. э.), — говорит Дион, — он (Помпей) воевал как с албанами, так и с иберами. С последними он вынужден был вступить в борьбу раньше (чем с албанами) и против (всякого) ожидания. Живут они (= иберы) по обеим сторонам Кирна (р. Кура), гранича, с одной стороны, с албанами, а с другой — с армянами. Царь их Арток, боясь, чтобы (Помпей) не обратился и против него, послал к нему посольство под предлогом (выражения) дружбы, а (в то же время) стал готовиться напасть на него среди мира и потому неожиданно. Однако Помпей проведал и об этом и первый вторгся в его область прежде, чем он успел достаточно приготовиться и занять крайне трудный

⁵⁸² Джанашиа С. Н. Труды, II, с. 17 и др. (на груз. яз.).

⁵⁸³ Саникидзе Л. Д. Понтийское царство. Тбилиси, 1956, с. 193—194 (на груз. яз.).

⁵⁸⁴ Манандян Я. А. Круговой путь Помпея в Закавказье. — ВДИ, 1939, №4, и др.

⁵⁸⁵ О вторжении римлян в Иберию см. также: Strabo, XI, 3, 5; App., Mithr., 103. .

проход. (Помпей) успел дойти до (самого) города, называвшегося Акрополем, прежде чем Арток узнал об его приближении. Этот город лежал у самого ущелья. С одной стороны... тянулся Кавказ: здесь (город) был укреплен для защиты от вторжений. Испуганный Арток вовсе не имел времени изготавиться к бою; перейдя через реку, он сжег мост, а гарнизон укрепления, видя его бегство и притом потерпев поражение в бою, сдался (Помпею). Овладев таким образом проходами, Помпей поставил в них стражу и, выдвинувшись оттуда, по корил всю (область) по сую сторону реки» (Римская история, XXXVII, 1).

«Акрополь», о взятии которого речь идет здесь, являлся, несомненно, крепостью Армазцихе, укрепленной частью столицы Иберии на берегу Куры (гора Багинети на правом берегу нынешн. Загэсского водохранилища). У других античных авторов в наименовании этого пункта мы встречаемся с передачей грузинского Армазцихе («Крепость (бога) Армази»). Страбон, например, называет его Гармозикой (^сΑρμωζική), Клавдий Птолемей (Г)армактикой (^сΑρμάκτιχα вар. ^сΑρμάχτιχα) и т. д. Интересно отметить, что наименование крепостных сооружений иберийской столицы Акрополем у Кассия Диона также является, вероятно, передачей местного грузинского названия «Шида-Цихе»⁵⁸⁶. «Шида-Цихе» в переводе и есть «внутренняя крепость» («акрополь»)⁵⁸⁷.

Взятием цитадели столицы Иберии — Армазцихе, война с иберами вовсе не закончилась. Царь Арток (Артаг), перешедший на левый берег Куры, готов был заключить мир с римлянами, однако Помпей, очевидно, стремился к полной победе и старался захватить в плен самого царя. Артаг, над которым нависла угроза быть проведенным в Риме при триумфальном шествии римского полководца — его победы теля, старался всячески избегнуть пленения. Иберы в то же время оказывали героическое сопротивление вторгшимся в их страну римлянам.

После захвата Армазцихе (Гармозики) Помпей, как говорит Кассий Дион, собирался уже перейти через Куру, когда «Арток посылает к нему (послов), прося мира, и обещал добровольно (построить) ему мост и доставить провиант. Он исполнил и то, и другое, намереваясь подчиниться, но когда увидел, что (Помпей) переправился, то в испуге бежал к (реке) Пелору⁵⁸⁸, текущему также в его владениях: кому он мог помешать переправиться, того (самого он) привлек (против себя) и бежал. Увидев это, Помпей пустился за ним в погоню, догнал и разбил, прежде чем стрелки его успели сделать свое дело. (Помпей) бросился на них и в одну минуту опрокинул. После этого Арток, перейдя через Пелор и предав пламени мост и на этой реке, бросился бежать, а из воинов его одни погибли в бою, другие — при переправе вброд через реку. Многие, однако, рассеялись по лесам и несколько дней держались, пуская стрелы с деревьев, которые (там) очень высоки, но потом, когда деревья были срублены, также погибли. Тогда Арток снова вошел в сношения с Помпеем и прислал ему дары. Когда же Помпей принял дары того, чтобы Арток, надеясь на перемирие, не ушел куда-нибудь дальше, но даровать ему мир не соглашался иначе, как (под условием), что Арток предварительно пришлет ему своих детей в заложники, то последний медлил некоторое время, пока римляне (воспользовавшись тем), что Пелор летом сделался проходимым в этом месте, не переправились через него без труда, в особенности при отсутствии всякой помехи. Тут

⁵⁸⁶ См.: Описание..., с. 709.

⁵⁸⁷ См. в переводе Е. С. Такайшвили: СМОМПК, с. 12.

⁵⁸⁸ Вероятно, подразумевается какая-то река в районе столицы Мцхета. Возможно, Артаг бежал в сторону Севсаморы (крепость (бога) Задени) и Пелор — это р. Арагви. Ср. упоминание этой крепости у Страбона, опирающегося, несомненно, на информацию участников помпеевского похода в Иберию (см. его: XI, 3, 5).

же (Арток) прислал (своих) детей Помпею и вслед за тем заключил договор» (Римская история, XXXVII, 2). По сообщению Плутарха» Помпей, в качестве даров от иберийского царя получил «ложе, стол и трон, все из золота» (Помпей, XXXVI).

Из Иберии римляне перешли в Колхиду, несомненно, через кратчайшую дорогу — Сурамский перевал (находясь в Иберии, Помпей «узнал, что (река) Фасис недалеко и решил вдоль нее спуститься в Колхиду». — Кассий Дион. *Op. cit.*, XXXVII, 3). Здесь ему, очевидно, пришлось идти по территории разных объединенных; единой власти после падения господства (причем в отношении, по крайней мере, внутренних районов Колхиды, с самого начала эфемерного) правителей Понта, в этих местах не было. Кассий Дион говорит, что Помпеи («идя вдоль р. Фасиса») «прошел (через земли) колхов и их соседей, действуя то убеждением, то страхом» (там же). Так он достиг города Фасиса, где его встретил Публий Сервилий с эскадрой, охранявшей Понт (Плутарх. Помпей, XXXIV). В центральной части Колхиды Помпею так же, несомненно, пришлось силой оружия прокладывать себе путь. Об этом свидетельствует упоминание среди участников его триумфа в Риме одного из колхских вождей Олтака, именуемого «скиптроносцем (скептухом) колхов» (*App. Mithr.*, 117). «Скептух колхов Олтак» упоминается среди наиболее знатных участников помпеевского триумфа в Риме. Здесь же, между прочим, упоминаются также «три предводителя (*ἡγεμόν*) иберов и два — албанов». Описывая триумфальное шествие Помпея, Аппиан говорит: «Впереди же самого Помпея шли все те, которые были сановниками, детьми или военачальниками побежденных царей, одни будучи пленниками, другие, данные в заложничество, до 324 (человек). Тут были и сын Тиграна Тигран, и пять (сыновей) Митридата: Артаферн, Кир, Оксатр, Дарий и Ксеркс, и его дочери Орсабарида и Евпатра. Шел и скиптроносец колхов Олтак и иудейский царь Аристокбул, и правители киликийцев, и царственные женщины скифов, и три предводителя иберов и два — албанов, и Менандр из Лаодикеи, бывший гиппархом Митридата» (там же).

В Фасисе Помпей, очевидно, закончил свой поход в Колхиду. Перспектива борьбы с воинственными племенами Северной Колхиды и соседних северокавказских областей была столь мрачной, что Помпей не считал возможным дальнейшее преследование Митридата, в это время уже находившегося в Боспоре, где он, изгнав своего мятежного сына Махара, захватил в свои руки власть. «Узнав здесь (в Колхиде), — говорит Кассий Дион, — что путь по материке идет через (земли) многих неизвестных и воинственных племен, а морской (путь еще) затруднительнее вследствие отсутствия гаваней в (этой) стране и (суровости) ее обитателей, приказал флоту сторожить Митридата, чтобы и его самого не допускать никуда выплыть и отрезать ему подвоз провианта, а сам обратился против албанов, но не кратчайшим путем, а через Армению, чтобы захватить их врасплох и посредством этой уловки, кроме перемирия» (Римск. история, XXXVII, 3). Таким образом, из Колхиды (из города Фасиса) Помпей направился в Албанию «не кратчайшим путем», который шел через Иберию, а через Армению⁵⁸⁹. Одержав победу над албанскими войсками, Помпей заключил с албанами мир. Вероятно, как царь Иберии, так и стоявший во главе союза албанских племен Ор(о)йс были объявлены «друзьями и союзниками римлян», т. е. зависимыми от Рима правителями.

***

Таким образом, в результате походов римлян Армения, Албания и Иберия оказались в политической зависимости от Рима. При этом Армения потеряла значительную часть присоединенных ею при Тигране II земель и была значительно ослаблена.

---

⁵⁸⁹ О маршруте этого похода в Албанию см. в вышеуказанных работах Я. А. Манандяна.

Аристарха, поставленного Помпеем, согласно Арриану (и некоторым другим античным авторам), правителем Колхиды, Евтропий именует «царем», однако он, несомненно, не рассматривался таковым, поскольку на дошедшей до нас монете с его надписью он не называет себя «царем Колхиды». Эти монеты представляют собой прекрасно и художественно выполненные драхмы, на лицевой стороне которых изображена безбородая человеческая голова с густыми, вьющимися волосами, увенчанная короной, а на оборотной — сидящая (на троне?) богиня, обращенная вправо, с наясным атрибутом в руках. На монете имеется надпись *Αρισταρχου του επ Κολχιδου*. Ниже названия страны помещены буквы Β Ι, обозначающие дату — 12-й год правления Аристарха, соответствующий 52/51 г. до н. э. По одному экземпляру таких монет хранится в Ленинградском Эрмитаже, Парижском Cabinet des Médailles и в Смирне⁵⁹⁰.

Судя по тому, что Трапезундская область входила в состав владений Дейотара, а воинственные племена Северной Колхиды вряд ли подчинялись кому-либо, следует прийти к заключению, что Аристарх был правителем именно центральной части Колхиды. Его резиденцией был, вероятно, один из прибрежных городов Восточного Причерноморья, может быть, крупнейший из них — Фасис. Судя по близости чеканенной его именем монеты к более ранним местным колхидским монетам, следует признать, что преемственность древних местных традиций ощущалась даже при господстве поставленных Римом правителей.

Колхида после Аристарха больше уже не представляла собой отдельной единицы даже в качестве римской провинции. Можно думать, что здесь в основном в результате засилья горских воинственных племен положение довольно ослабло, что, должно быть, являлось одной из причин того, что Колхида перестала быть отдельной провинцией. На рубеже I в. до н. э. — I в. н. э. она числилась в составе римской провинции Понта. В конце I в. до н. э., при Августе, Колхида, в частности, входила во владения понтийского царя Полемона (I) (Strabo, XI, 2, 18). В 14 г. до н. э. Август направил его на борьбу против Скрибония, захватившего после Фарнака престол Боспора. Полемон овладел Боспором и правил там вплоть до 8 г. до н. э., когда был убит в борьбе с местными племенами.

После Полемона I Колхидой, как отмечает Страбон, правила «супруга его Пифодорида, царствующая и над кохами, Трапезундом, Фарнакией и живущими выше ее варварами» (XI, 2, 18). В другом месте Страбон среди владений Пифодориды называет также земли тибаренов и халдеев (XII, 3, 29). Таким образом, в начале н. э., когда писалось сочинение Страбона, под ее властью находилось все Юго-Восточное и Восточное Причерноморье.

***

Поход Помпея в Иберию (65 г. до н. э.) не привел к установлению прочного господства римлян в Восточной Грузии. Правда, в первое время после этого правители Иберии, вероятно, признавали верховную власть Рима, однако изменившиеся вскоре обстоятельства помогли им вести борьбу за освобождение и от подобной зависимости. Осложнение внутривосточной обстановки в Риме, с одной стороны, и развертывание борьбы между Римом и Парфией, с другой, были факторами, способствовавшими осуществлению этих стремлений правителей Иберии.

I в. до н. э. является периодом кризиса республики в Риме. Восстания рабов и ожесточенная борьба между разными сословиями свободного населения крайне обострили внутривосточную обстановку в государстве. В политической жизни большую роль стала играть профессиональная армия. Начали появляться облеченные исключительно широкими полномочиями полководцы, независимые по отношению к гражданским органам власти и постепенно сосредоточившие в своих руках верховную

---

⁵⁹⁰К а п а н а д з е Д. Г. Грузинская нумизматика. М., 1955, с. 42. Эрмитажный экземпляр драхмы Аристарха найден под Сухуми (см.: Г о л е н к о К. В. — ВДИ, .1951, №4, с. 202).

власть в государстве. Великое восстание рабов под руководством Спартака (73—71 гг. до н. э.) со всей остротой поставило вопрос о военной диктатуре, эффективнее защищавшей интересы рабовладельцев. Однако гибель республики происходила в обстановке ожесточенной борьбы между разными группировками, римского общества, а также различными военачальниками, стремившимися сосредоточить в своих руках всю полноту власти.

Положение на далекой восточной окраине завоеванных римлянами земель, в составе которых находилась и Иберия, в этот период также было довольно неустойчивым. Большое значение имела решительная победа, одержанная парфянами, над римскими войсками, вторгшимися в их владения под начальством Марка Лициния Красса. В битве возле города Карры (53 г. до н. э.) римские войска были почти полностью истреблены. Погиб также сам Красс, один из членов «первого триумvirата» (Помпей, Цезарь, Красс). Считается, что эта победа парфян приостановила дальнейшее продвижение римлян на Восток и установила продержавшуюся почти вплоть до падения Аршакидской династии в Парфии (начало III в. н. э.) систему политического равновесия между Римом и Парфией. Вторая половина I в. до н. э. была временем наибольшего могущества Парфянского царства, которое превратилось в опаснейшего соперника Рима. Центр этой держа вы постепенно переместился на запад. Столицей Парфии стал сначала город Экбатаны, а затем (с середины I в. н. э.) — Ктесифон, возникший близ крупного эллинистического центра — Селевкии на Тигре.

Этим основательно были подорваны римские позиции на востоке, в частности в Армении. При создавшейся в середине I века до н. э. ситуации Армения считала менее опасной для своей независимости сравнительно более слабую и нуждающуюся в ее помощи в борьбе против Рима Парфию. Поэтому при вторжении войск Марка Лициния Красса Армения фактически была союзницей Парфии. В дальнейшем этот союз был закреплен браком парфянского царевича с сестрой армянского царя. Парфяне совместно с армянскими войсками попытались развить достигнутый в борьбе с Римом успех. Обострение внутривосточного положения в Риме в сильной степени способствовало этому. В 40 г. до н. э. благодаря успешным военным действиям Парфии и ее союзников — армян, Сирия, Палестина и почти вся Малая Азия оказались в руках парфян. Однако вскоре римляне нанесли ряд поражений парфянам. В 36 г. до н. э. против Парфии выступил сам Марк Антоний — один из триумvirов. Армения и на этот раз была на стороне Парфии. Поход Антония на Парфию окончился неудачно, и Антоний в значительной мере склонен был обвинять в этом именно армян.

Во время всех этих событий, 50-х — 30-х гг. I в. до н. э., правители Иберии, так же как и соседней Албании, по всей вероятности, полностью освободились от всякой зависимости по отношению к Риму. Мы видели, что Рим в это время не был в состоянии справиться даже с более близкой к нему Арменией. Тем более у него не было сил для подчинения себе северных соседей Армении — иберов и албанов.

Сообщение Страбона о разграблении в 40-х гг. I в. до н. э. «богатого святилища Левкотеи» в стране мосхов боспорским царем Фарнаком, а затем Митридатом Пергамским, которому Цезарь отдал царство Фарнака, имеет прямое отношение к Иберии, так как речь идет об исконно иберийских землях. Правда, «страна мосхов» к этому времени лишь частично находилась под властью правителей Иберии, а другими ее частями владели Колхида и Армения (Strabo, XI, 2, 17—18), т. е. Понт и его преемник Рим (обладатели Колхиды), и Армянское царство, отторгнувшее в предшествующий период южно-иберские земли. Как Фарнак, так и Митридат Пергамский, оказавшиеся в этих местах в процессе борьбы за «принадлежащие им» колхидские земли, столкнулись здесь, вероятно, именно с Иберией, (которая в эту бурную эпоху, несомненно, должна была со своей стороны сделать попытку вернуть себе отторгнутые от нее «в стране мосхов» земли. У античных авторов данное сообщение является фактически единственным намеком на очаг сопротивления, встреченный Фарнаком и Митридатом

Пергамским, во время своих походов в Колхиду. Не случайно, что этот очаг находился в древних иберийских землях. Здесь речь идет, как нам кажется, именно о столкновениях с Иберией.

Тот факт, что Иберия борется как с Фарнаком, врагом Рима, так и Митридатом Пергамским, ставленником Рима, указывает, что действия Иберии в это время вполне самостоятельны и не обусловлены какой-либо зависимостью от Рима.

Наконец, то обстоятельство, что во время парфянского похода Марка Антония 36 г. до н. э. Иберия и Албания, подобно Армении, также находились первоначально во враждебном римлянам лагере или, по крайней мере, держались в стороне от развернувшейся борьбы между Римом и Парфией, указывает на отсутствие зависимости от Рима.

Готовясь к этому своему походу на Парфию, Марк Антоний задался целью предварительно заручиться поддержкой Армении, Албании и Иберии, а также лиц, настроенных против царя в самой Парфии. Однако, по крайней мере, в отношении Иберии и Албании, без применения силы этой цели, вероятно, нельзя было достичь. Поэтому против этих стран были посланы римские отряды под начальством одного из полководцев Марка Антония — Публия Канидия Красса. В Иберии в это время царем был Фарнаваз (II). «Зимой в консульство Геллия и Нервы (36 г. до н. э.), — читаем, мы у Диона, — Публий Кандий Красс, предприняв поход против здешних иберов, победил в бою царя их Фарнабаза, привлек его к союзу и, вторгнувшись вместе с ним в соседнюю Албанию, победил албанов и царя из Зобера и обошелся с ними подобным же образом» (XLIX, 24). Этими (союзами), заключает Дион, возгордился (ободрился) Антоний. Интересно, что в дальнейшем у Диона, когда речь идет о неудачах похода Антония против Парфии, в качестве одной из причин этого указывается на то, что армянский царь не пришел ему на помощь (Dio, XLIX, 25—26). Какова была позиция правителей Иберии и Албании во время военных действий, трудно сказать, так как у Диона ничего не сказано об этом. Однако само, отмеченное Дионом, обстоятельство, что Антоний гордился заключением, в начале своего похода, союза с царями иберов и албанов и то, что в дальнейшем этот автор ничего не говорит об изменении позиции этих последних, как будто можно понять в том смысле, что иберы и албаны, в отличие от армян, остались верными союзу с Антонием.

Несомненно, и после парфянского похода Антония (36 г. до н. э.) иберы и албаны остались фактически вполне независимыми от римлян. Об этом можно судить по положению соседней Армении, более доступной римлянам для завоевания. Правда, римлянам удалось на короткий срок завоевать Армению, однако вскоре стоявшие здесь римские войска были перебиты и страна снова стала независимой от Рима. Правда, к концу 20-х гг. I в. до н. э. римлянам снова удалось превратить Армению в зависимое от них царство, однако и в дальнейшем правители Армении не раз восставали против римлян. Последним приходилось постоянно прибегать к вооруженному вмешательству, чтобы защитить свои позиции. Владение Арменией имело для Рима первостепенное значение в целях сдерживания натиска своего главного соперника — Парфии, угрожавшей всем восточным владениям Рима вообще. Кроме стратегического, Армения представляла интерес и в экономическом отношении: через ее территорию проходили главные торгово-транзитные дороги, соединявшие Восток с Западом.

После похода Публия Канидия Красса (36 г. до н. э.) римляне, очевидно, больше не вторгались в Иберию. Можно обратить внимание на известное сообщение Страбона, когда он, описывая походы в Иберию, добавляет, что «этими входами воспользовался раньше Помпей, направившись из Армении, а после того Канидий» (XI, 3, 5). Очевидно. Страбону, писавшему в первые десятилетия I в. н. э., при правлении Августа и Тиберия, не было известно о других вторжениях римлян в Иберию.

Выше мы видели, что римлянам с большим трудом удавалось держать в покорности Армению. Тем более, они, видимо, были не в состоянии покорить северных

соседей армян — иберов и албанов. В свете этого полное отсутствие сообщений о римских походах в эти области в последние десятилетия I в. до н. э. никак нельзя объяснить тем, что Риму удалось прочно установить свое господство в этих странах. Наоборот, в этом следует видеть подтверждение мысли о полной независимости иберов и албанов от Рима в последние десятилетия I в. н. э.

Возможно, уже в это время сложились основы тех новых, базирующихся на добровольном союзе, взаимоотношений между Римом и Иберией, которые столь рельефно выступают перед нами несколько позже, в I—II вв. н. э. Эти новые взаимоотношения были основаны на совпадении интересов. Рим, будучи не в состоянии добиться силой оружия прочного господства над Иберией, вполне удовлетворился тем, чтобы иметь в ее лице надежного союзника, могущего сыграть весьма значительную роль в борьбе Рима с Парфией и за контроль над Арменией. Удельный вес Иберии в этой борьбе сильно увеличивал находящийся в ее руках контроль над горными проходами Большого Кавказа, в силу чего от нее в значительной мере зависела заманчивая возможность использования воинственных отрядов северных кочевников в войне Рима против Парфии.

С другой стороны, союз с Римом также сулил большие перспективы для Иберии, стремившейся к распространению своей власти в южном направлении, в сторону Армении, и предшествующий период сильно теснившей Иберию. При господстве в Армении, в частности в среде армянской знати, пропарфянских настроений (в Армении проримские настроения были сильны лишь на крайнем западе страны), союз с Парфией не представлял ничего заманчивого для правителей Иберии. При создавшейся ситуации Иберия справедливо считала Парфию и пропарфянскую Армению более опасной для себя, чем Рим.

В свете установления таких союзнических отношений между Римом и Иберией симптоматично сообщение римского императора Августа в его «Деяниях» (*Res Gestae Divi Augusti*, 31, 1), когда он, подытоживая в конце своего правления собственные деяния, отмечает: «Нашу дружбу просили через послов бастарны, скифы и цари сарматов, живущих по сю сторону реки Танаиса и за ней, а также цари албанов, иберов и медов». Наряду с тем, что данное сообщение вообще предполагает наличие дружеских отношений во времена Августа между Римом, с одной стороны, и Иберией и Албанией, с другой, здесь интересно упоминание царей иберов и албанов в одном ряду с «царем медов», т. е. дружественной при Августе по отношению к Риму Мидии-Атропатены, правителям которой Август в самом начале I в. н. э. отдал даже покоренную римлянами Армению.

ГЛАВА XVIII

УСИЛЕНИЕ КАРТЛИЙСКОГО ЦАРСТВА (ИБЕРИИ)

В I—II вв. н. э.

В I—II вв. н. э. Картлийское государство значительно укрепляется. К сожалению, мы сравнительно хорошо информированы лишь относительно внешних условий, способствовавших такому усилению Картли (Иберии). Как мы уже видели выше, очень скоро после вторжения римлян в Иберию (65 г. до н. э.) на горизонте появились признаки коренного улучшения внешнеполитической обстановки Иберии. Это нашло свое выражение в ослаблении опасного южного соседа — Армянского царства, с одной стороны, и в развертывании продолжительной и трудной для обеих сторон борьбы между Римом и Парфией, с другой. Установление дружеских отношений с аланами⁵⁹¹,

---

⁵⁹¹ Это был крупный союз племен, образовавшийся во главе с ирано-язычными аланскими племенами (потомками их являются осетины). Наряду с кочевниками в этот союз входили и отдельные оседлые

занимавшими уже в I в. н. э. обширные степи между Азовским и Каспийским морями, также в немалой степени способствовало укреплению позиций Картлийского царства. Выход Иберии на широкую арену международной жизни, расширение ее границ и приток в результате успешных войн богатства и большой массы военнопленных-рабов благоприятно влияли со своей стороны на развитие экономической жизни внутри страны, на дальнейшее развитие производительных сил, а также вызвали быстрый прогресс в развитии общественных отношений. Памятники материальной культуры и эпиграфики, выявленные в результате геологических раскопок на территории древней Картли, красноречиво свидетельствуют о быстром подъеме социально-экономической жизни. К сожалению, мы лишены возможности шаг за шагом проследить за этим прогрессом в социально-экономической жизни древней Картли, в то время как сравнительно многочисленные данные греко-римских, древнеармянских и древнегрузинских источников позволяют воссоздать довольно рельефную картину последовательного укрепления внешнеполитических позиций Картлийского государства.

Уже в конце I в. до н. э. и в начале I в. н. э., как уже отмечалось, сложились новые, основанные на добровольном союзе, взаимоотношения между Римом и Иберией, обусловленные международной обстановкой этого времени и взаимной заинтересованностью обеих сторон в этом союзе.

Римские источники, относящиеся уже к первым десятилетиям I в. н. э. Иберию, так же как и соседнюю с ней Албанию, упоминают в качестве союзников Рима. Император Август, среди царей, которые «просили дружбу римлян через послов», называет царей иберов и албанов. Тацит же, рассказывая о расположении римских легионов в 23 г. н. э., отмечает, что на огромном пространстве от Сирии до Евфрата находились четыре легиона, охранявшие от внешних врагов иберского, албанского и других царей, находившихся под римским покровительством (Tacitus C. Annales, IV, 5).

Правители Иберии постарались, вероятно, максимально использовать благоприятные внешние условия для укрепления своего царства, и в первую очередь расширения его границ. В этом направлении они, видно, достигли столь больших успехов, что в 30-х гг. I в. н. э. уже добиваются не только присоединения к своему царству отдельных южных областей, находившихся перед этим в составе Армянского царства, но делают попытки завладеть всей Арменией вообще. В сообщениях римских источников, главным образом Тацита и Диона, перед нами раскрывается рельефная картина этой борьбы и вполне определенно вырисовываются позиции отдельных ее участников.

В начале царствования Тиберия (14—37) римляне отдали Армению сыну понтийского царя Полемона — Зенону, который и царствовал в Армении в 18—34 гг. под именем Арташеса. Однако после его смерти парфяне попытались овладеть Арменией. Царь Парфии Артабан III (13—38) воцарил в Армении своего сына Аршака. В 35 г. н. э. Тиберий, по просьбе восставшей против своего царя парфянской знати, для занятия престола в Парфии послал принадлежавшего к парфянскому царскому роду Тиридата. Задуманная операция должна была осуществиться при содействии иберов, царю которых, Митридату, было обещано Армянское царство для одного из его сыновей (Dio, LVIII 26, 1—4). Согласно Тациту, иберы к своему походу на Армению привлекли также албанов и сарматов. Вторгшимися в Армению войсками командовал сын иберийского царя Митридата Фарсман, вскоре, после смерти отца воцарившийся в Иберии. Тацит (возможно, по ошибке) при описании событий 35 г. уже называет его царем Иберии. Целью похода иберов было изгнание парфян из Армении и воцарение там Митридата — иберийского царевича, брата Фарсмана. «Найденные (иберами. — Г. М.) подкупатели, —

племена. Преобладающая часть местного населения здесь находилась на стадии разлагавшегося первобытнообщинного строя.

говорит Тацит, — большою (суммою) золота побуждают служителей Аршака (воцарившегося в Армении парфянского царевича. — Г. М.) к злодеянию. Вместе (с тем) иберы большими полчищами врываются в Армению и овладевают городом Артаксатой (столицей Армении на Араксе.— Г. М.). Артабан (царь Парфии. — Г. М.), узнав об этом, снаряжает, для отмщения (своего) сына Орода, дает (ему) парфянские войска и посылает (людей) для вербовки наемников. С другой стороны, Фарасман присоединяет албанов и призывает сарматов, скептухи которых, получив дары с обеих сторон, по обычаю своего племени помогали и тем, и другим. Но иберы, владея местностью, быстро впускают сарматов Каспийской дорогой⁵⁹² против армениев, а те, которые шли на помощь парфянам, были останавливаемы без труда, так как неприятель запер другие проходы, а единственный, оставшийся между морем и концом Албанских гор (Дербентский проход. — Г. М.), был непроходим в летнее время... Между тем Фарасман, усиленный вспомогательным войском, стал вызывать на битву Орода, не имевшего союзников, и, видя, что он уклоняется, наступал на него, подъезжал к лагерю, мешал фуражировке и даже нередко опоясывал (его лагерь) постами на манер осады. Наконец, парфяне, не выносившие оскорблений, окружили царя и стали требовать битвы. Единственная сила их (заклучалась) в коннице, Фарасман (же) был силен и пехотой; ибо иберы и албаны, жившие в гористых местностях, больше привыкли к суровости (жизненных условий) и выносливости... Когда войска с обеих сторон были поставлены в боевой порядок, парфянский вождь говорил (своим) о владычестве над Востоком, об известности Арсакидов, противопоставляя бесславных иберов с наемными войсками. Фарасман (указывал своим на то), что они (доселе были) свободны от господства парфян и, что чем больше будут их стремления, тем больше славы получают они в случае победы или бесчестия и опасности, если повернут тыл; вместе с тем он указывал на грозный строй своих и на расшитые золотом полчища медов (говоря, что) здесь мужи, а там добыча. Впрочем, у сарматов (имеет значение) не один голос вождя: они все подстрекают друг друга не допускать в битве (метания) стрел, а предупредить (врага смелым) натиском и (вступить) врукопашную. Сражение представляло разнообразные картины: парфяне, привыкшие одинаково искусно преследовать (неприятеля) или бежать (от него), рассыпали свои эскадроны и искали простора для своих ударов, а сарматы, оставив луки, которыми они не могли действовать так далеко, (как парфяне), бросались на них с пиками и мечами: то наступают и отступают попеременно, как это бывает в конном сражении, то сомкнутые ряды (пехоты) гонят друг друга натиском тел и ударами оружия. Уже албаны и иберы начали хватать и сбивать (с коней своих противников) и делали исход битвы сомнительным для неприятелей, которых сверху (поражали) всадники, а вблизи ранами пехотинцы. Среди этого Фарасман и Ород поощряли храбрых и поддерживали колеблющихся; узнав друг друга по одежде, они с криком бросают копья и мчатся друг на друга; Фарасман, наскакывая с большей пылкостью, ранил (противника) сквозь шлем, но не мог повторить (удара), так как конь пронес его мимо и (в то же время) храбрейшие телохранители прикрыли раненого. Однако принятый на веру ложный слух о смерти (Орода) испугал парфян, и они уступили победу» (Тас. Ann, VI, 33—35).

Таким образом, парфяне были изгнаны из Армении, где воцарился Митридат — «сын Митридата иберского и брат следующего за ним иберского царя Фарсмана» (Dio, LVIII, 26, 4). Однако самому Тиридату, посланному Тиберием в Парфию для занятия престола «недолго пришлось сидеть на престоле: Артабан призвал на помощь скифов и без труда изгнал его» (Dio, LVIII, 26, 3). Однако Артабану, царю Парфии, и в Армении не удалось восстановить свои позиции. «Вскоре Артабан, — говорит Тацит, — со всеми силами (своего) царства выступил для отмщения. Иберы, знакомые с местностью, вели войну лучше (Артабана), но он все-таки не отступил бы, если бы Вителлин (римский полководец. — Г. М.), стянув легионы и пустив слух о своем намерении вторгнуться в

⁵⁹² Так, вероятно, по ошибке, именуется у Тацита путь с Северного Кавказа в Грузию через Дарьяльское ущелье и по ущелью р. Арагвы.

Месопотамию, не внушил ему опасения войны с римлянами. Тогда Армения была оставлена Артабаном»... (Тас. Ann., VI, 36).

Однако вскоре, при правлении Гая Калигулы (37— 41 г.), Митридат, воцарившийся в Армении в 35 г., был вызван в Рим и заключен в оковы (Dio, LX, 8; Тас. Ann., XI, 8; ср.: L. Annaei Senecae, Dialogorum, liber IX, XI, 12). В дошедших до нас римских источниках⁵⁹³ мы не находим никаких сведений о том, в чем провинился Митридат по отношению к Риму. Однако поскольку выясняется, что после ухода Митридата Арменией завладели парфяне⁵⁹⁴, то причину наказания Митридата скорее всего надо искать в занятой им позиции по отношению к очередному натиску Парфии, с которой, вероятно, он и стал заигрывать. Это должно было укрепить его позиции внутри страны, привлечь на его сторону пропарфянски настроенную армянскую знать. Кроме того, ориентация на Парфию в данной обстановке была для него единственной дорогой к освобождению от двойной зависимости (от Иберии и от Рима). То, что он не особенно был склонен подчиниться брату Фарсману, явствует из дальнейших событий. Однако и в этом случае он выражал не только свои собственные интересы, но и интересы армянской знати вообще. Возможно, Митридат старался стать выразителем интересов армянской знати не только во внешней политике, но и внутри страны, в противовес интересам эксплуатируемой части населения. Характерно в этом отношении сообщение Тацита о том, что, когда в дальнейшем, вновь воцарившись в Армении, он был свергнут вторгшимися в Армению иберийскими войсками и захвачен в плен, «тотчас чернь, которой тяжело жилось в его царствование, стала осыпать его бранью и побоями...» (Ann., XII, 47).

Римляне, несомненно, хорошо видели стремление правителей Иберии полностью завладеть Арменией. Фактически борьба за овладение Арменией шла уже между тремя державами: Римом, Парфией и Иберией. Последняя, как видно хотя бы из событий 35 г. н. э., была в состоянии без непосредственной помощи римлян одержать верх над Парфией. Правда, правители Иберии старались всячески замаскировать свои подлинные намерения по отношению к Армении. Они не чувствовали себя столь сильными, чтобы открыто выступить против Рима и старались, используя в своих интересах римско-парфянские противоречия, под видом отвоевания Армении у парфян, в качестве союзников Рима, прибрать ее в свои руки. В Риме, несомненно, опасались возросшей мощи Иберии и не могли допустить полного господства Иберии над Арменией. Митридата римляне, видно, сочли подходящей фигурой в качестве царя Армении ввиду его решимости не подчиняться брату Фарсману — царю Иберии. Поэтому сменивший Гая Калигулу римский император Клавдий (41—54) отпустил Митридата для занятия вновь армянского престола (Dio, LX, 8). На этот раз Митридат был водворен на армянский престол, по-видимому, в основном римскими войсками, хотя в этом как будто приняли участие и иберы. В 47 г. н. э., воспользовавшись внутренними неурядицами в Парфии, Митридат захватил Армению. «Причем, — отмечает Тацит, — сила римского войска была употреблена на уничтожение горных укреплений, а иберское войско одновременно рыскало по равнинам. Впрочем, армяне и не оказали сопротивления после поражения (парфянского) начальника Демонакта, который отважился на сражение. Небольшое промедление причинил царь Малой Армении Котис, к которому обратились некоторые из вельмож; но потом он был удержан письмом Кесаря (т. е. Клавдия), и все подчинилось Митридату...» (Тас. Ann., XI, 9).

Через несколько лет (51 г. н. э.) царь Иберии Фарсман перешел к открытой борьбе со своим братом — царем Армении Митридатом. Тацит прямо заявляет, что речь шла о желании Фарсмана овладеть Армянским царством (Ann., XII, 47). Однако Фарсман не

⁵⁹³ Возможно, об этом подробно говорилось в недошедших до нас книгах «Анналов» Тацита, обнимавших события правления Гая Калигулы (37—41) и начала правления Клавдия (41—54).

⁵⁹⁴ М о м м з е н Т. История Рима. т. V, 1949, с. 344, прим. 1.

хотел придать этой борьбе характер выступления против Рима. Наоборот, он, вероятно, старался представить свои действия в виде борьбы за римские же интересы, в измене которым он и обвинял Митридата. «Фарсман, — говорит Тацит, — придумал повод к войне (с Митридатом), именно, что когда он во время войны с албанским царем звал римлян на помощь, то брат воспротивился (этому), и за такую обиду он идет отомстить ему разорением (там же, 45). Можно думать, что уже с этого времени Албания берет ориентацию на Парфию. До этого мы находим Иберию и Албанию всегда в одном лагере (борьба против Помпея в 66 г. до н. э., вторжение иберов в Армению совместно с албанскими войсками в 35 г. н.э. для изгнания из Армении парфян), выступающими с одинаковой внешнеполитической ориентацией (см. вышеприведенные сообщения Диона, Августа и Тацита). Все это делает несомненным предположение, что Албания в эту эпоху находилась под политическим влиянием соседней Иберии, если не в прямой зависимости от нее⁵⁹⁵. Иберия Фарсмана, стремящаяся к овладению даже Арменией, вне всякого сомнения, стремилась к полному господству и над Албанией. Сильная Иберия сделалась в эту эпоху главной опасностью для независимости Албании. Борьба здесь, как и в битве за Армению, приобрела характер открытых военных столкновений. Об одном из них, как мы видели выше, говорит Тацит. Что иберский царь в этой «войне с албанским царем» требовал помощи от римлян, должно указывать на то, что он, по крайней мере, старался и эти свои действия выдавать за защиту римских интересов против «изменника» — албанского царя. Возможно, и в самом деле, при создавшейся обстановке, когда Рим не хотел и не мог выступить против своего главного союзника в этом районе — Иберии, и защитить Албанию от нее, правители последней наилучшим для себя начали считать ориентацию на Парфию. Однако царь Армении Митридат, вероятно, убедил римлян, что царь Иберии Фарсман вел войну с Албанией, главным образом, за расширение границ своего царства, а не за римские интересы. Римляне, мало заинтересованные в таком усилении Иберии, естественно воздержались от оказания помощи Фарсману.

Римские источники (Тацит) рисуют нам Фарсмана не только как храброго военачальника (см. рассказ о его победе над парфянскими войсками в 35 г.), но и как искусного дипломата. Так, готовясь к вторжению в Армению, Фарсман послал своего сына Радамиста к Митридату. Радамист, явившийся к Митридату «под предлогом ссоры с отцом», был принят Митридатом очень ласково, однако Радамист «начинает совращать к измене армянских вельмож». Затем, «возвратившись под предлогом примирения к отцу, (Радамист) сообщает, что им сделано все, чего можно было достигнуть интригой, а остальное надо довершить оружием... (Фарсман) представил сыну большое войско. Последний загнал Митридата, испуганного внезапным вторжением и выбитого с равнин, в крепость Горней (Gorneae), защищаемую местоположением и (римским) гарнизоном...» (Ann., XII, 45). Во время осады Горнея (Гарни), командующий местным римским гарнизоном. центурион Касперий, явился к иберийскому царю Фарсману «и потребовал, чтобы иберы сняли осаду (Горнея). Фарсман открыто давал ему уклончивые и нередко довольно мягкие ответы (а между тем тайно послал гонцов побудить Радамиста каким угодно способом ускорить осаду» (там же, 46). Начальник римского гарнизона в Гарни Поллион, подкупленный Радамистом, «тайным подкупом побуждает солдат требовать мира и грозит, что они оставят охрану (крепости)». Ввиду этого Митридат был вынужден сдать крепость. Явившись для переговоров к Радамисту, он, по приказанию иберского царя, со всей его семьей был умерщвлен. «Желание (овладеть) (Армянским) царством (оказалось) у него (у Фарсмана) сильнее любви к брату...», говорит Тацит (там же, 47).

Военачальники стоящих в соседних странах (Сирии, Каппадокии) римских войск постарались «возвратить Армению (Риму)» (так же, 49). Однако это им не удалось. Окончательно они отказались от этой затеи после того, как парфянский царь Вологес (Валарш) I (51—80) задумал воспользоваться создавшимся положением и завладеть

---

⁵⁹⁵ Ср.: Всемирная история, II. М., 1956, с. 691.

Арменией. «Вологес, — говорит Тацит, — полагая, что представился случай вторгнуться в Армению, которой владели его предки, а (теперь) завладел путем преступления чужой царь, стал стягивать войска и готовился посадить на (армянский) престол своего брата Тиридата... При вступлении парфян иберы были прогнаны без боя и города армян Артаксата и Тигранокерта приняли его. Но потом жестокая зима или недостаточная заготовка провианта и порожденная обеими причинами моровая болезнь заставили Вологеса оставить начатое. В оставленную Армению снова вторгся Радамист, еще более жестокий, чем прежде, как к изменникам, готовым при удобном случае (снова) возмутиться» (Ann., XII, 50). Радамист, видно, снова овладел Арменией, но армянская знать подняла против него восстание. Восставшие окружили царский дворец, и Радамист был вынужден спастись бегством и помчался «к иберам, в отцовское царство» (там же, 51). В Армении воцарился брат парфянского царя Тиридат. По-видимому, иберийцы и Радамист и после этого сделали не одну попытку вновь завладеть Арменией, но под натиском парфян и Тиридата были вынуждены всякий раз оставлять ее (ср.: Tac. Ann., XIII, 6).

Занятием Армении парфянами и воцарением в ней брата парфянского царя Тиридата обстановка в этом районе сильно ухудшилась как для Рима, так и для Иберии. Это вновь сблизило их. Фарсман в переговорах с римлянами, видимо, старался в некоторой мере отмежеваться от антиримских действий Радамиста в Армении. Характерны в этом отношении слова Тацита, что Фарсман умертвил своего сына Радамиста как изменника, «чтобы доказать нам (т.е. римлянам) свою преданность» (Ann., XIII, 37). На самом деле Радамист был умерщвлен, вероятно, за попытку отнять престол у отца или, во всяком случае, по обвинению в этом. На эту мысль наводят слова того же Тацита об отношениях Радамиста со своим отцом Фарсманом и царицей — его мачехой (хотя это и сказано им в отношении периода, предшествовавшего армянским походам Радамиста).

В 58 г., когда в Риме правителем был уже Нерон (54—68) и на восток был послан Гней Домиций Корбулон, иберы были среди союзников римлян (Tac. Ann., XIII, 37; см. также XIV, 23). Корбулону удалось изгнать Тиридата из Армении, овладеть ее главными городами Арташатам и Тигранакертом и т. д. Союзники римлян получали (в 60 г. н. э.) «прилегающие к их владениям части Армении». Среди них Тацит называет в первую очередь царя Иберии Фарсмана, а затем Полемона — царя Понта, Аристобула — царя Малой Армении и Антиоха — царя Коммагены (Ann., XIV, 26).

Вскоре парфяне вновь заняли Армению, а Тиридат — армянский престол. После ряда столкновений в 63 г. между Парфией и Римом было заключено соглашение, согласно которому устанавливалась двойная зависимость Армении. Она становилась уделом младшей линии парфянского царского дома и фактически зависимым от Парфии государством. Однако формально царь Армении считался вассалом римлян и от них должен был получить царскую корону. Зависимость от Рима становилась чисто формальной. Армения фактически перешла в руки парфян⁵⁹⁶.

Вполне возможно, одной из причин заключения между Римом и Парфией соглашения об Армении являлась вставшая во весь рост перед ними как результат событий 30—50-х гг. угроза со стороны Иберии и ее грозных союзников — аланов и других северных племен. Эта угроза оставалась реальной и в дальнейшем, на протяжении всей второй половины I в. н. э. Поэтому не случайно, что крупных трений между Римом и Парфией, по-видимому, не было как при Нероне, так и при следующих за ним трех императорах из дома Флавиев: Веспасиане (69—79), Тите (79—81) и Домициане (81—96). При Тиридате I (63—80) и его преемнике Санатруке (конец I в. — начало II в.)

⁵⁹⁶ М о м м з е н Т. История Рима, т. V, 1949, с. 355. По вопросу об источниках и историографии восточной политики Рима в правление Нерона ценные работы опубликованы О. В. Кудрявцевым (см. его: Восточная политика Римской империи в начале правления Нерона. — ВДИ, 1950, № I; Источники, Корнелия Тацита и Кассия Диона по истории походов Карбулона в Армению. — ВДИ, 1954, №2).

Армения тоже находилась, в основном, в дружеских отношениях с обеими ее могущественными соседями и смогла в значительной мере залечить раны, полученные в течение предшествующей ожесточенной борьбы, развернувшейся между Римом, Парфией и Иберией за овладение Арменией.

Укрепление Армянского царства и заключение мира между Римом и Парфией, надо думать, в значительной мере ослабили позиции Иберии. Во второй половине I в. борьба между Иберией и Арменией весьма обострилась, она шла в основном за южно-иберские области, находившиеся в предшествующую эпоху то в составе Армянского царства, то в составе Иберии. Иберы, в этой борьбе, как и раньше, старались привлечь на свою сторону северных кочевников — аланов. Аланы, пропущенные иберами через их территорию, уже в 60-х гг. I в. сильно беспокоили владения как Парфии, так и Рима. Поэтому Нерон в самом конце своего правления (68 г.) задумал большой поход против аланов. Это входило также и в интересы парфян, и они всячески поощряли устройство подобной экспедиции. Однако ни при Нероне, ни при Веспасиане (69—79) не удалось осуществить такую экспедицию. Аланы же, наоборот, не раз вторгались в Армению и соседние области. Особенно грандиозным было вторжение их в начале 70-х гг. Сведения об этом событии сохранились у Иосифа Флавия, а также в древнеармянских и древнегрузинских источниках.

«...Племя аланов, — говорит Иосиф Флавий, — есть (часть) скифов, живущая вокруг Танаиса и Меотийского озера. В это время, замыслив вторгнуться с целью грабежа в Мидию и еще дальше нее, они вступили в переговоры с царем гирканов, ибо он владел проходом, который царь Александр запер железными воротами. И когда тот открыл им доступ, (аланы), напав огромной массой на ничего не подозревавших мидян, стали опустошать многолюдную и наполненную всяким скотом страну, причем никто не осмеливался им противиться, ибо и царствующий в этой стране Пакор, убежав от страха в неприступные места, отступился от всего остального и лишь с трудом выкупил сотней талантов жену и наложниц, попавших в плен. И так, производя грабеж с большою легкостью и без сопротивления, (они) дошли до Армении, все опустошая. Царем Армении был Тиридат, который, выйдя к ним навстречу и дав битву, едва не попался живым в плен во время самого боя; именно, некто издал набросил ему на шею аркан и готовился (уже) притянуть его, если бы он не успел убежать, перерубив мечом веревку. Аланы, еще более рассвирепевшие вследствие битвы, опустошили страну и возвратились домой с большим количеством пленных и другой добычи из обоих царств» (Bel. Jud., VII, 74).

Как полагают исследователи, в упоминаемом здесь «царе гирканов», по соглашению с которым и вторглись аланы в Мидию — Атропатену, и Армению, скорее всего нужно усмотреть иберийского царя, в руках которого находился главный проход из Северного Кавказа. Именно этим путем и пользовались преимущественно северные кочевники в своих вторжениях на юг (Дарьяльское ущелье)⁵⁹⁷.

Этим царем Картли, вероятно, был Митридат, сын предыдущего царя Фарсмана. В открытой в 1940 г. в Армазисхевском некрополе картлийских питиахшей 14-строчной арамейской надписи питиахша Шарагаса, сына Зеваха, как полагает акад. Г. В. Церетели, вероятно, и упоминается этот самый Митридат — «Митридат царь великий, сын Фарсмана, царя великого». В надписи речь идет о победах, одержанных иберами, упоминается Армения и т. д.⁵⁹⁸

⁵⁹⁷ М а н а н д я н Я. А. О местонахождении Caspia via и Caspiae portae. — Исторические записки, 1948, 25, с. 60—70; И н а д з е М. П. Взаимоотношения Иберии и Рима в первой половине II в. н. э. — Труды ИИАЭ, 1955, I, с. 317 (на груз. яз.).

⁵⁹⁸ Ц е р е т е л и Г. В. Армазская билингва. — Известия ИЯИМК АН Груз. ССР, 1943, т. XIII, с. 42 и сл.; его же. Надпись из Армази времени грузинского царя Митридата. — Тезисы X сессии Отд. общ. наук АН Груз. ССР; ср.: А п а к и д з е А. М., Г о б е д ж и ш в и л и Г. Ф., К а л а н д а д з е А. Н., Л о м т а т и д з е Г. А. Мцхета. Итоги арх. исследований, I. Тбилиси, 1958, с. 62.

Выше отмеченная операция, видимо, значительно укрепила позиции Митридата как внутри своего царства, так и во внешних сношениях. Парфия, под фактическим контролем которой находились разгромленные иберо-аланскими войсками Мидия — Атропатена, и Армения, ставила перед Веспасианом вопрос о защите от аланов⁵⁹⁹. Рим, со своей стороны, предпринял шаги к укреплению дружбы с правителем Иберии. Свидетельством этого может служить «укрепление (крепостных) стен» армазской крепости римлянами царю иберов Митридату, «другу Цезаря и другу римлян», о чем говорит датируемая 75 г. греческая надпись Веспасиана, Тита и Димициана, найденная в 1867 г. на правом берегу Куры, около нынешнего железнодорожного моста у станции ЗАГЭС⁶⁰⁰.

В первой половине II в., очевидно, происходит дальнейшее укрепление Картлийского царства. Судя по его внешнеполитическим успехам, это период наивысшего могущества Картли. Особенно могущественной кажется Картли при Фарсмани II (30—50-е гг. II в), сменившем царствовавшего в начале II в. Митридата III. Не случайно, что в грузинской традиции он стал называться возвеличивающимся эпитетом «Квели» («Доблестный»), («Мокцевай Картлисай», «Картлис цховреба») и в народе надолго сохранились сказания о нем (они нашли отражение в «Картлис цховреба»).

То, что нам известно о распространении территории Картлийского царства в эту эпоху в некоторых направлениях, свидетельствует о большом объеме государства Фарсмана II.

В юго-западном направлении территория Картлийского царства выходила на побережье Черного моря, в районе устья р. Чорохи. Флавий Арриан, правитель Каппадокии при императоре Адриане в 131—137 гг., предпринявший в 131 г. инспекционную поездку вдоль Колхидского побережья Черного моря, отмечает, что к востоку от Трапезунда находилось «царство махелон и гениох» во главе с Анхиалом, дальше, на севере жили зидриты, которые «были подвластны (царю Иберии) Фарману» (Arr. Periplus Ponti Euxini, § 15), за зидритами вдоль побережья жили лазы. Здесь же Арриан дает указание, что дворец Анхиала (правителя махелон и гениох) находился на р. Пританисе, а эта река — совсем недалеко (северо-восточнее, на расстоянии 40 стадий, т. е. 7—8 км) от Афин (совр. Атина между Трапезундом и Батуми, на турецком побережье). Аноним V в. местонахождение зидритов определяет от р. Апсара (Чорохи) до р. Архабиса (устье р. Архаве-су у совр. Архаве). Трудно сказать, на чем основана эта локализация, хотя и, по Арриану, естественно предположить распространение территории «махелон и гениох» примерно до этого района (ведь центр этого царства находился восточнее Атины). Отсюда начиналась территория подвластных Иберии зидритов. Она тянулась, вероятно, вдоль побережья на несколько десятков километров вплоть, до устья р. Аптар (Чорохи), где находился соименный город Апсар, принадлежащий уже римлянам (здесь, согласно Арриану, стоял римский гарнизон).

В эпоху усиления Картлийского государства в I—II вв. в его состав входили, несомненно, также и восточные, прилегавшие к Иберии, районы Колхиды⁶⁰¹. Согласно «Картлис цховреба», Аргвети, область, прилегавшая к Восточной Грузии в районе Сурамского хребта, являлась одним из военно-административных округов Картлийского царства — саэристао (КЦ, 24). Археологические открытия на этой территории подтверждают это сообщение грузинской летописи.

⁵⁹⁹ S u e t o n i u s . Vitae Caesarum, VIII, 2 ; ср. : G u t s c h m i d t A. Geschichte, Irans und seine Nachbarländer..., Tübingen, 1888, с. 133-134; И н а д з е М. П. Указ, соч., с. 319.

⁶⁰⁰ К а у х ч и ш в и л и Т. С. Греческие надписи Грузии. Тбилиси, 1951, с. 234 и след. (на груз, яз.); Ц е р е т е л и Г. В. Греческая надпись из Мцхета эпохи Веспасиана. Тбилиси, 1958 (в этих же работах см. указание на имеющуюся вокруг надписи обширную литературу).

⁶⁰¹ В это время здесь мы имеем дело, по-видимому, в основном, с картским населением.

В с. Бори (в 7—8 км юго-восточнее Шорапани) открыты драгоценные предметы из погребального инвентаря⁶⁰², стоящие очень близко к погребальному инвентарю из Армазисхевского некрополя близ Мцхета (родовой усыпальницы питиахшей — высших должностных лиц Иберии). Особенно интересным является находка серебряной чаши, весьма схожей с серебряной чашей, найденной в гробнице питиахша Берсумы в Армази с изображением коня перед жертвенником и надписью, выполненной письмом, близко стоявшим к применяемой в Иберии разновидностью арамейского письма (т. н. армазским), в которой упоминается «Бузмир, питиахш благой»⁶⁰³. Вероятнее всего, что он должностное лицо иберийского царя⁶⁰⁴.

В 3 км к западу от Бори (в 7 км от Зестафони), в с. Клдеети, в 1941—1942 гг. были исследованы богатые погребения, также близко стоящие по своему инвентарю к погребениям Армазисхеви. Этому археологическому материалу из Клдеети посвящено обстоятельное исследование Г. А. Ломтатидзе «Некрополь II в. н. э. в Клдеети». Материал из Клдеети очень близко стоит и к вышеупомянутому погребальному инвентарю из Бори. Правда, клдеетские находки значительно уступают в богатстве, пышности и величии мцхетским (армазисхевским, багинетским). В этом отношении находки в Бори ближе стоят к инвентарю армазисхевских и багинетских гробниц. Здесь имеется также надпись, упоминавшая «питиахша». Поэтому, если Бори можно считать резиденцией высшего сановника — наместника иберийского царя, то в Клдеети, как полагает Г. А. Ломтатидзе, мы, по всей вероятности, имеем дело с погребениями «знатных и состоятельных лиц менее высокого ранга»⁶⁰⁵, знатных воинов — всадников. Обращает на себя внимание тот факт, что столь многочисленных разнообразных предметов вооружения, как в Клдеети, не было найдено ни в одном из могильников античной Грузии, кроме Бори⁶⁰⁶.

Вышеотмеченная исключительная близость археологического материала из исторической Аргвети (Бори, Клдеети) с материалом из столицы Иберии Мцхета-Армази, открытие надписи питиахша Бузмира в Бори и т. д. должно служить подтверждением сообщений древнегрузинских источников о наличии в этой области Западной Грузии одного из военно-административных округов — сапитиахшо (саэристао) Картлийского царства. В период могущества Картлийского царства (I—II вв. же являются, именно таким периодом), несомненно, как Бори, так и Клдеети входили в состав этого саэристао Картлийского царства.

Характерно, что предметы материальной культуры, близко стоявшие к предметам первых веков н. э., открытым в столице Иберии, обнаружены и во многих других пунктах Западной Грузии. Так, исследователи указывают на материал из Саргвешви (недалеко от Клдеети⁶⁰⁷), из Уреки (на Черноморском побережье, недалеко от устья р. Супса), где в инвентаре богатого погребения III—IV вв. н. э. выделяются, наряду со специфично-колхидскими памятниками, также и предметы, сильно схожие с иберийскими — в

⁶⁰² П р и д и к Е. Новые кавказские клады. — Материалы по археологии России, т. 34, 1914;

Т а к а й ш в и л и Е. — Изв. Кавказск. Отд. Моск. Археологического общества, вып. I. Тбилиси, с. 90—91. С м и р н о в Я. Восточное серебро. Спб., 1909, с. 7; А п а к и д з е А. М. Новые археологические материалы из с. Бори. — ВГМГ, XII—В, Тбилиси, 1944; Ц к и т и ш в и л и Г. Г. К вопросу об иберийском питиахшате в Залихской Грузии. — Труды ИИАЭ, 1955. I, с. 303 и след. (на груз. яз.).

⁶⁰³ Б о р и с о в А. Сообщения Гос. Эрмитажа, 1947. IV, с. 8. и сл.; А м и р а н а ш в и л и Ш. Я. История груз. искусства, I, 1944, с. 118 (на груз. яз.): Ц е р е т е л и Г. В. — ВДИ, 1948, №2, с. 53 и след.; его же. — Эпиграфика Востока, II, 1948. Менее правдоподобно понимание надписи, как «Спаси, Митра, доброго питиахша!» (см.: A l t h e i m F. Literatur und Gesellschaft im Ausgehenden Altertum, II, Halle, 1950, с. 48 и след.; A l t h e i m F. und S t i e h l R. Supplementum aramaicum. Bacen-Baden, 1957, с. 88 и след.). Сама надпись датируется серединой III в. н. э. (см.: A l t h e i m F. Указ, соч., с. 49 и др.).

⁶⁰⁴ Ц к и т и ш в и л и Г. Г. Указ. соч.

⁶⁰⁵ Л о м т а т и д з е Г. А. Некрополь II в. н. э. в Клдеети. Тбилиси, 1957, с. 183 и след., 188—189, 200—201 (на груз. яз.).

⁶⁰⁶ Там же, с. 196.

⁶⁰⁷ T s c h u b i n a s c h w i l i G. Der Fund von Sargweschi.—Известия КИАИ, т. III, 1925.

первую очередь мцхетскими — памятниками⁶⁰⁸ и т. д.⁶⁰⁹ На этом основании С. Н. Джанашиа и затем ряд других исследователей ставят вопрос о господстве в первых веках нашей эры на территории Грузии единой местной культуры⁶¹⁰. Однако речь идет здесь, в основном, о предметах, употребляемых местной знатью. Наряду с интенсивной связью с Римом, это единство в значительной мере нужно считать следствием прочной политической гегемонии Картлийского царства. Она давала знать о себе, вероятно, не только в тех областях Западной Грузии, которые непосредственно входили в состав этого царства (южные и восточные районы), но и в других ее районах. Особенно сильное воздействие восточногрузинской государственности имело место, вероятно, при образовании и дальнейшем развитии Лазского государства.

К сожалению, мы не в состоянии в полной мере осветить ту роль, которую играло в эту эпоху Картлийское царство в Западной Грузии. Но даже по тому, что нам известно из письменных источников и археологического материала того времени, можно утверждать, что эта роль была, очевидно, очень значительной.

***

При царствовании в Картли Фарсмана II, о котором у нас идет речь в настоящее время, позиции Картлийского царства в Западной Грузии должны были быть особенно сильными. Иберия господствовала в восточных горных областях Колхиды, и ей удалось присоединить к себе даже определенную часть прибрежной полосы Колхиды (к югу от устья р. Чорохи). Этим римские владения в Колхиде были расчленены на две изолированные друг от друга части. По всему видно, что Картлийское царство уже открыто начало выступать против Рима и стремилось вытеснить его из соседних областей. При этом Картли вовсе не искала поддержки у старого соперника Рима — Парфии, ибо чувствовала себя способной противостоять одновременно и Парфии, и Риму. Правители Картли при этом опирались на грозную силу — союз с аланами и другими северными племенами.

В 134 (?) г. Фарсман II, как сообщает Кассий Дион⁶¹¹, организовал крупное вторжение аланов на парфянские и римские владения. Аланы обрушились на Албанию и Мидию, а также на Армению и Каппадокию. Царь Парфии Вологес II (105—147) был вынужден откупиться от аланов «дарами». Римский же наместник Каппадокии Флавий Арриан развернул военные приготовления для выступления против них. По словам Диона, устрешенные этим, аланы прекратили войну.

Очевидно, на всем протяжении правления Адриана (117—138) взаимоотношения между Иберией и Римом оставались довольно напряженными. Адриан, по сообщению его биографа Элия Спартиана⁶¹², всячески старался улучшить эти отношения, но Фарсман держался независимо и не шел на это. Говоря о прибытии в Каппадокию Адриана, Элий Спартиан отмечает, что «когда (здесь) к нему прибыли некоторые цари, он обошелся с ними так, что тем, кто не пожелал прибыть, пришлось в этом раскаяться. Поступил он так, главным образом, из-за Фарсмана, который высокомерно пренебрег его приглашением» (*Vita Hadr.*, XIII, 9). В другом месте Элий Спартиан говорит, что «в албанах и иберах он имел верных друзей, так как их царей он щедро одарил, хотя они и отказались прибыть к нему» (XXI, 13). Возможно, «албаны» здесь (как в ряде случаев и у

⁶⁰⁸ А п а к и д з е А. М. Археологические памятники позднеантичной эпохи из Уреки (на груз. яз.). — ВГМГ, XIV—V, 1947, с. 123—124.

⁶⁰⁹ Л о м т а т и д з е Г. А. Некрополь II века н. э. в Клдеети, с. 202 (на груз. яз.).

⁶¹⁰ См. статью С. Н. Джанашиа в зестафонской районной газете «Ленинели», 1941, 5. XII, №72; ср.: История Грузии, I, 1946, с. 71 (на груз. яз.); Л о м т а т и д з е Г. А. Указ. соч., с. 188, 202; ср.: Г о б е д ж и ш в и л и Г. Ф. Археологические раскопки в Советской Грузии, 1952, с. 142—143 (на груз. яз.).

⁶¹¹ Ср.: И н а д з е М. П. Указ. соч., с. 322.

⁶¹² *Scriptores Historiae Augustae*, I; Э л и й С п а р т и а н. Жизнеописание Адриана, — ВДИ, 1957, № 1, с. 257 и след.

других авторов) ошибочно названы вместо «аланов». Наконец, о Фарсмани II у Элия Спартиана речь идет еще в одном месте его сочинения. «Адриан, — говорит он, — оказывал большое уважение многим царям, у многих покупал мир; за это некоторые относились к нему с презрением. Многим он дал непомерные подарки, но самые большие — царю иберов, которому, сверх великолепных даров, он подарил еще слона и когорту в пятьдесят человек. Получив от Фарсмана огромные подарки, и в их, числе также золоченые хламиды, он — в насмешку над его дарами — выпустил на арену триста преступников в золоченых хламидах» (XVII, 10—12).

По всей вероятности, после того как Фарсман отказался явиться к Адриану, последний был вынужден прибегнуть к обмену послами. Настоятельная необходимость защиты от аланских вторжений требовала этого. Вполне возможно, что послом Адриана был именно Флавий Арриан, римский наместник в Каппадокии — правитель областей, непосредственно примыкавших к владениям иберийского царя. На эту мысль наводит нас свидетельство византийского историка Иоанна Лида (VI в.) о том, что Флавий Арриан, правитель Каппадокии, посетил Кавказ и ознакомился с проходами (Ioannes Lydus. De Magistratibus, 3, 53)⁶¹³. Учитывая напряженность, существовавшую между Римом и Иберией, Арриан мог бы попасть в Иберию лишь в качестве посланца императора с дипломатической миссией. Те дары, которые были вручены Адрианом Фарсману, вероятно, были преподнесены именно Аррианом.

Посольство Арриана, видимо, окончилось безуспешно для Рима, о чем может свидетельствовать раздражение Адриана, выразившееся в вышеотмеченной насмешке над ответными дарами иберийского царя (Vita Hadr., XVII, 12).

В период правления следующего римского императора — Антонина Пия (138—161), взаимоотношения между Римом и Иберией несколько улучшились, видимо, благодаря дальнейшим уступкам со стороны Рима и признанию им территориальных претензий Иберии. На иберийском царском престоле и в это время сидел Фарсман II.

Фарсман, отказывавшийся явиться к Адриану, при Антонине Пие с большой свитой посетил Рим, где ему была устроена исключительно торжественная встреча. «Когда Фарсман Иберийский с супругой прибыл в Рим, — говорит Дион, — (Антонин Пий) увеличил (его) владение, позволил принести жертву в Капитолии, поставил его конную статую и в храме Беллоны и смотрел на военные упражнения самого (Фарсмана), его сына и других знатнейших иберов» (Dio, Epitome, LXIX, 15, 3)⁶¹⁴. Биограф Антонина Пия — Юлий Капитолин⁶¹⁵ также упоминает об этом событии среди достопримечательных событий, происходивших во времена Пия. Царь Фарсман, — говорит он, — прибыл к Антонину в Рим и проявил к нему больше уважения, чем к Адриану» (Vita Pii IX).

Об этом же факте сообщает нам опубликованный Н. Nesselhauf-ом в 1958 году в итальянском журнале «Athenaeum» (Nuova Serie, vol. XXXVI, fasc. III) неизвестный до того фрагмент латинской надписи на мраморной плите из Остии (гавань древнего города Рима, у устья р. Тибр).

В вышеприведенном сообщении Диона наиболее важным является указание, что Антонин Пий увеличил (расширил) владение (царство) Фарсмана (*τὴν τε ἀρχὴν ἐπέυξησε*). Вероятно, римский император признал новые границы Иберии, в которые Фарсманом был включен также ряд областей, находившихся до этого под римским господством.

⁶¹³ См.: М о м з е н Т. История Рима, V, 1949, с. 365, прим. 5.

⁶¹⁴ Dio's Roman History, VIII (в серии: Loeb Classical Library), с. 470-471. Ср.: М о м з е н Т. Указ. соч., с. 365, прим. 4; И н а д з е М. П. Указ. соч., с. 322 и след.; см. также статью А. Г. Гамкрелидзе в журн. «Дискари», 1959, с. 139 (на груз. яз.)

⁶¹⁵ Scriptores Historiae Augustae, III; Ю л и й К а п и т о л и н . Антонин Пий. — ВДИ, 1957, №2, с. 246 и след.

Одной из таких областей, возможно, была и область на Черноморском побережье, о которой у нас речь шла выше.

В это же время, очевидно, произошли осложнения в отношениях Иберии с Парфией (очередное вторжение аланов?). Царь Парфии Вологес (II: 105—147? или III: 148—192) был вынужден отправить специальное посольство в Рим с жалобой на Фарсмана (Dio, LXIX, 15, 2)⁶¹⁶.

После этого мы как по грузинским, так и по иноземным источникам почти ничего конкретного не можем сказать о политической истории Картли в конце II и в начале III в. н. э., вплоть до правления царя Амазаспа — современника одного из первых Сасанидов — Шапура I (242—272). Однако, учитывая то, что в это время внешнеполитическая обстановка Картли мало изменилась — чувствительно ослабевший к концу II в. Рим не был в состоянии вести наступление на Картли, а аршакидская Парфия переживала период упадка и слабости, — надо думать, что Картлийское царство являлось довольно сильным государством, успешно защищая свои выдвинувшиеся во многих направлениях границы.

ГЛАВА XIX

НАСЕЛЕНИЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ КОЛХИДЫ В ПЕРВЫЕ ВЕКА Н. Э. ВОЗНИКНОВЕНИЕ И УКРЕПЛЕНИЕ ЛАЗСКОГО ЦАРСТВА

Как мы видели выше, завоеванная римлянами Колхида после кратковременного существования в качестве отдельной административной единицы (при Аристархе: 65—47 гг.) в административном отношении надолго связалась с вассальным по отношению к римлянам царством Понта. В последние десятилетия I в. до н. э. здесь правил Полемон I, после его смерти (8 г. до н. э.) воцарилась его жена Пифодорида. Ее владения значительно расширились, когда она вышла замуж за Архелая — царя Каппадокии и Малой Армении. В «Великой Армении» римляне посадили на престол сына Полемона I — Зенона, который правил там в 18—34 гг. н. э. под именем Арташеса. Однако уже при Тиберии (14—37) Рим непосредственно присоединил к себе значительную часть восточных областей Малой Азии. В 17 г. н. э. так были присоединены Каппадокия, Коммагена и др. области⁶¹⁷. Однако в дальнейшем некоторые из них вновь превратились в вассальные царства. В 38 г. н. э. Рим передал Понтийское царство (следовательно, и Колхиду) внуку Полемона I и Пифодориды — Полемону II. На короткий срок он стал даже царем Боспора. В Малой Армении воцарился его брат — Котис.

В возникшей при Нероне войне римлян с парфянами (походы Корбулона) правители восточной части Малой Азии, как и Иберии, активно помогали римлянам. Город Трапезунд, превратившийся при Полемоне в главный порт Понтийского царства, являлся основным очагом снабжения армии Корбулона (Тас. Ann., XIII, 39). В 60 г., после одержанных римлянами побед, пограничные области Армении были отданы союзникам Рима — царю Фарсману I, царю Понта Полемону II, царю Малой Армении Аристобулу и Антиоху Коммагенскому (Тас. Ann., XIV, 26). Однако вскоре, в 63 г., тот же Нерон упразднил Понтийское царство и превратил его в римскую провинцию. Несколько позже (72 г.) той же участи подверглась и соседняя Малая Армения.

⁶¹⁶ Это сообщение Диона, очевидно, относится к периоду правления Пия, так же как и следующий за ним (LXIX, 15, 3), ошибочно относимый некоторыми исследователями к эпохе Адриана (см.: Dio's Roman History. Указ. изд. т. VIII, с. 453, прим. I).

⁶¹⁷ М о м з е н Т. История Рима, V, 1949, с. 341; М а к с и м о в а М. И. Античные города Юго-Восточного Причерноморья, 1956, с. 308 прим. 4.

Трапезунд превратился отныне в опорный пункт римского могущества в этой части Причерноморья.

Стоявшие в городе отдельные царские вспомогательные отряды были реорганизованы в римскую когорту, а их солдаты, пожалованные римским гражданством, стали носить знамена и оружие по римскому образцу (Tac. Hist., III, 47). Тогда же, вероятно, и получил Трапезунд статус «свободного города». Под таким названием упоминает его уже Плиний, писавший в 70-х гг. I в. ((NH, VI, 11). Об этом свидетельствует также и тот факт, что дата превращения Понта в провинцию берется исходной датой эры города на местных монетах, выпуск которых возобновился при Траяне⁶¹⁸.

Считается, что вместе с Понтом такой же участи подверглась и связанная с ним Колхида⁶¹⁹. На самом деле, в прибрежных городах Восточного Причерноморья, как и в Понте, появились римские гарнизоны; эти города превратились также в опорные пункты для действующего в этом районе римского военно-морского флота. Симптоматичны в этом отношении слова Иосифа Флавия из его «Иудейской войны» (конец I в. н.э.): «Зачем говорить о гениохах и колхах, о племени тавров, боспорцах и живущих вокруг Понта и Меотиды народах, которые раньше не признавали даже и собственного владыки, а теперь держатся в подчинении тремя тысячами гоплитов, и сорок военных кораблей поддерживают мир на несудоходном прежде и суровом море» (Bel. Jud., II, 16, 4).

Однако, учитывая весь комплекс наблюдаемых в Колхиде в эту эпоху явлений, нельзя не признать, что развитие здесь неминуемо шло в сторону ослабления, а не укрепления римского господства. Обстановка на территории Колхиды была исключительно сложной.

Уже на протяжении I в. до н. э., еще при Митридатe VI Эвпаторе, в Колхиде произошли глубокие изменения. Падение местной государственности и установление поверхностного господства Понта широко открыло дорогу в низменную часть Колхиды, в ее прибрежную полосу окружающей стихии горцев, живших в условиях разлагавшегося родового строя. Исключительно красноречивая картина натиска горцев на прибрежную полосу рисуется нам по сообщениям Страбона в отношении Северной Колхиды и соседних областей Северного Кавказа. Об этом мы уже говорили выше, при рассмотрении истории Колхиды в предшествующую (эллинистическую) эпоху. Мы видели, что в этом районе под натиском джиков происходит вытеснение из прибрежной полосы древнего мирного оседлого населения — «керкетов». На всем протяжении от Диоскурии (Сухуми) до района совр. Геленджика и Новороссийска устанавливается безраздельное господство воинственных горцев, занимавшихся морским разбоем. Они в источниках именуется джиками, гениохами и ахейцами. Здесь существовали крупные союзы этих племен. Во время бегства Митридата в Боспор через эту территорию (66—65 гг. до н. э.) у гениохов, например, было «четыре царя», т. е. имелись четыре союза племен, «царям» (вождям) которых подчинялись, со своей стороны, «скептухи» (т. е. вожди отдельных племен) (Strabo, XI, 2, 13).

Страбон много говорит о морском пиратстве этих племен. С целью грабежа и захвата в плен людей нападали они не только на суда, но и на местности и даже города (Strabo, XI, 2, 12). Как правители Боспора, так и греческие города Восточного Причерноморья охотно приобретали у них награбленное и покупали пленных, но иногда сами эти города были объектами их нападения. Характерно, что Плиний (23/24—79гг.н.э.), отражая более поздние события (I в. н. э.), отмечает, что богатейший город Пителия «разграблен гениохами» (NH, VI, 16). Он же говорит о «запустении» Диоскурии (NH, VI, 15).

⁶¹⁸ Максимова М. И. Указ. соч., с. 360—361.

⁶¹⁹ Амيرانашвили А. И. Иберия и римская экспансия в Азии. — ВДИ, 1938, №2, с. 171; ее же. Восстание Аникета. — ВДИ, 1939, №2, с. 65.

Уже Страбон связывал это засилье горцев со слабостью государственной власти в этом районе. «В местностях, где имеются (самостоятельные) правители, — говорит Страбон, — обижаемые еще находят некоторую помощь со стороны (своих) вождей... (области) же, подчиненные римлянам, более беспомощны, вследствие нерадения посылаемых (ими правителей)» (XI, 2, 12). «В Азии наше побережье, — отмечает он, — все подчинено им (римлянам — Г. М.), если не брать в расчет земель ахейцев, зигов и гениохов, ведущих разбойническую и кочевую жизнь в тесных и скудных местностях» (XVII, 3, 24).

Несомненно, эти самые племена наступали и на центральную Колхиду, вытесняя из ряда ее районов древнее местное население. Так, вероятно, оказались в прибрежной полосе в I в. н. э. саниги (в районе Диоскурии), абазги (к югу от нее) и апшилы (еще южнее). Все они раньше, несомненно, находились в составе той грозной стихии, которая под названием джиков, ахейцев и гениохов, по сообщениям Страбона, господствовала в Северной Колхиде и соседних областях. Благоприятную обстановку для наступления горцев на Центральную Колхиду создало также и ослабление (уже со II н до н. э.) соседнего Иберийского царства, с древнейших времен стремившегося к овладению этой областью. В эту эпоху Иберия лишь пыталась сохранить крайне восточные, пограничные с нею районы Колхиды.

Другим очагом наступления на Центральную Колхиду стали, несомненно, горные области Юго-Восточного Причерноморья, населенные жившими в условиях разлагающегося родового строя воинственными племенами. Красноречивую характеристику их мы находим также у Страбона (см. выше). Как указывалось выше, это были в основном западнотурецкие (чанские) племена. Развернувшиеся в этом районе в I в. до н. э. бурные события (эпоха Митридата, вторжения римлян и т. д.) вовлекли в свой водоворот и эти племена. Даже бедоносная армия Помпея потерпела серьезный урон от них. При прохождении через эту область жившие в горах Скидиса гептакометы истребили три помпеевых отряда (Strabo, XII, 3, 18). В это время, несомненно, происходит консолидация горцев Юго-Восточного Причерноморья, начинают складываться крупные союзы племен и т. д. После падения Понтийского царства и установления римского владычества государственная власть в этой области, так же как и в Центральной Колхиде, еще более ослабла. Это широко открыло дорогу для наступления горцев Юго-Восточного Причерноморья. Здесь, как и в Северной Колхиде, Рим или его ставленники, правители Птолемеевского Понта, были не в состоянии одолеть эти воинственные племена. Первые, по всей вероятности, предпочитали не вступать в бесперспективную войну с последними и старались наладить дружеские взаимоотношения с ними.

При таких условиях происходит интенсивный процесс наступления горцев на равнину. Ряд чанских и других племен проникает в прибрежную полосу Юго-Восточного и Восточного Причерноморья. На территории к востоку от Трапезунда активную роль начинают играть, наряду с жившими здесь с древнейших времен макронами (также, вероятно, чанское племя), племена гениохов, проникшие, вероятно, из внутренних районов Юго-Восточного Причерноморья (потомки засвидетельствованных еще урартскими источниками иганиохов?). К северо-востоку от них появляются племена зидритов, а еще дальше на север, в прибрежных районах Центральной Колхиды — лазы. Последние, вероятно, были чанским племенем и также проникли сюда из Юго-Восточного Причерноморья. Подтверждение этого, нам кажется, можно найти в древней этно-топонимике данного района. Обращает на себя внимание, что почти все названия крупных племенных объединений, засвидетельствованные надписями в этом районе, находят параллели в более поздней этно- и топонимике: Диаохи — таохи; Кулха — колхи; Витерухи — *βυζήρες* — Одзр(а)хе; Катарза — Котарзена, Годерз, кларджи; Забаха — джавахи; Иганиехи — гениехи, Эриахи — эры и т. д. Однако название одной из крупнейших областей — Луша, как будто вовсе не находит отражения в более поздней

топо- и этнонимике. Возможно, как полагают исследователи, именно в данном названии можно видеть племенное название лазов. Урартское luša произносилось, очевидно, как losa. Чередование «а» и «о» являлось, вероятно, характерным для языков этой области (ср. урарт. Katarza — поздн. Kotarz(ene)). Поэтому можно допустить существование параллельной формы losa в виде «las(a)». Конечное «а» как здесь, так и в наименованиях Qulha, Katarza и т. д., возможно, возникшая на урартской почве форма локатива. Превращение локативных форм в исходную форму тех или иных названий, как известно, нередкое явление.

Под натиском проникших с юга лазов древнее население этой области — эгры (мегрелы) — было оттеснено, вероятно, во внутренние области Западной Грузии⁶²⁰.

Очень интересны, в связи с этим, сообщения Плиния и Клавдия Птолемея. Говоря о Трапезунде, Плиний называет племя «саннов (Sannogum) гениохов»; отмечая же, что в 140 000 шагов от Трапезунда находится река Абсар (Чорохи) с соименной крепостью при устье, добавляет, что «в этой местности за горами лежит Иберия, по берегу (же живут) гениохи, ампревты⁶²¹, лазы...»⁶²² (NH, VI, 12). В «Географическом руководстве» Клавдия Птолемея (II в. н. э.), являвшемся компендием, составленным из разновременных данных, говорится, что «приморскую часть Колхиды населяют лазы, вышележащие (местности же) — манралы — народы, живущие в стране Экретике» (гл. 9, § I)⁶²³. Последние два названия, безусловно, восходят к племенному наименованию мегрелов (margali > manrali, название их страны Эгриси > Экретике) — одного из западногрузинских (мегрело-чанских) племен.

Таким образом, почти на всем протяжении прибрежной полосы Юго-Восточного и Восточного Причерноморья появляются новые племена, проникшие сюда частично из горных областей Юго-Восточного Причерноморья. Они и захватывают постепенно гегемонию в Юго-Восточном и Восточном Причерноморье, на территории исторической Колхиды. Слившись с земледельческим населением прибрежной полосы, весьма близко, в ряде случаев, стоявшим к ним этнически⁶²⁴, они становятся во главе новых крупных политических образований («царства» махелонов и гениохов, лазов, апшилов, абазгов и санигов). Подтверждение мысли о двух путях проникновения горцев в прибрежные области Восточного Причерноморья мы склонны усмотреть и в том, что, если засвидетельствованные Аррианом (131 г.) имена правителей абазгов и санигов являются «североиранскими» (сарматскими) (Ресмаг, Сладаг)⁶²⁵, то правитель лазов (Маласса) носит имя явно другого облика, по своему окончанию, кстати, перекликающееся с именем «древнеколхидского царя [ ]са (правитель «царства махелонов и гениохов» (Анхиал) носит греческое, а правитель апшилов (Юлиан) — римское имя).

Судя по римским источникам, уже в середине I в. н. э. некоторые из этих новых объединений начинают играть активную роль в политической жизни Колхиды и соседних областей.

Вначале Рим не оставлял попыток полностью подчинить население Колхиды, наложить на него дань и другие обязанности. Одна такая попытка, вероятно, была сделана вслед за превращением племоновского Понта в римскую провинцию (63 г. н.

⁶²⁰ Кислинг предполагает наличие натиска, главным образом, с севера (см. статью «Heniochi», RE, VIII). Западногрузинское племя лазов он считал керкетским племенем, проникшим в Центр. Колхиду с Северокавказского побережья Черного моря (где Аррианом засвидетельствован пункт «Старая Лазика») под натиском джиков.

⁶²¹ Вероятно, соответствует «зидритам» Флавия Арриана (см. ниже).

⁶²² Лазы впервые упоминаются Плинием.

⁶²³ К сведениям Птолемея о Грузии см.: Л о м о у р и Н. Ю. Клавдий Птолемей. «Географическое руководство». — Известия о Грузии. — МИГК, вып. 32, 1955, с. 39—65 (на груз. яз.).

⁶²⁴ Это, в частности, безусловно в отношении лазов и их соседей из внутренних районов Западной Грузии — мегрелов.

⁶²⁵ См.; Z g u s t a L. Указ. соч., с. 93, 123—124, 147 и др.

э.). Однако усиление римского ига, вызвало, очевидно, общее недовольство и вскоре вылилось в открытое восстание.

Мы и на этот раз являемся свидетелями возросшей активности местных объединений Колхиды. Это обстоятельство налицо в связи со вспыхнувшим в 69 г. крупным восстанием в Понте, известном под названием восстания Аникета. Сведения о нем находим мы в «Истории» Тацита (III, 47 — 48).

Недовольство населения Колхиды, очевидно, постарались использовать в своих целях некоторые представители военно-служивой знати упраздненного римлянами Понтийского царства. Во главе их стал Аникет — «бывший некогда начальником царского флота, вольноотпущенник Полемона (II, понтийского царя), пользовавшийся прежде большой силой и досадовавший на перемену, вследствие которой царство превратилось в провинцию». Воспользовавшись внутренними осложнениями в империи (борьба Вителлия и Веспасиана за императорскую власть), Аникет «привлек на свою сторону племена, живущие у Понта, и, прельстив всякую гель надеждой на добычу», «во главе довольно значительной шайки внезапно ворвался в Трапезунд». Там была перебита римская когорта, Аникет овладел городом и поджег стоявшие там суда. Из дальнейшего повествования Тацита явно следует, что основной контингент отрядов Аникета составляли местные жители⁶²⁶: «Варвары, — говорит Тацит, — горделиво разъезжали по (морю); быстро построив суда, называемые камарами⁶²⁷, с высокими боками и широким дном, сплоченным без медных или железных связей. При бурном море они, соответственно подъему волн, увеличивают верхи судов досками, пока они не закроются наподобие кровли. Так (эти суда) и колышутся среди волн, имея с одинаковых сторон одинаковые косы и переменные весла, так что (для них) безразлично и безопасно причаливать той или иной стороной» (Tac. Hist., III, 47).

Сам Аникет, хотя и носил греческое имя («Непобедимый»), вполне возможно, по происхождению был из какого-либо местного племени, обитавшего на Черноморском побережье⁶²⁸. Ведь, согласно Тациту, он был когда-то рабом понтийского царя Полемона II. Тацит его называет «варваром» и т. д.⁶²⁹

Господствовавший в то время в восточных провинциях империи Веспасиан послал военные отряды против Аникета, во главе которых стоял Вирдий Гемин. «Последний, напав на расстроенного и рассеянного в погоне за добычей неприятеля, загнал его на корабли. Затем... он в устье реки Хоба нагоняет Аникета (считавшего себя) в безопасности под прикрытием царя седохезов, которого он склонил к союзу деньгами и дарами. И (действительно), сначала царь защищал просителя угрозами и оружием; но, когда ему выставили (на выбор) награду за выдачу или войну, он, по свойственному варварам вероломству, условился погубить Аникета и выдал перебежчиков. Так был положен конец войне с рабами»⁶³⁰ (Tac. Hist., III, 48).

Судя по действию «царя седохезов», у которого нашел в первое время приют побежденный Аникет, чувствуется, что население Восточного Причерноморья, хотя, возможно, и не принимало непосредственного участия в войне с римлянами, но и не отличалось покорностью по отношению к ним и держало себя независимо. Лишь

⁶²⁶ Болтунова (Амиранашвили) А. И. Восстание Аникета. — ВДИ, 1939, № 2, с. 62.

⁶²⁷ Этот самый тип небольших судов описывает Страбон, когда он говорит о морском разбое североколхидских племен (Strabo, XI, 2, 12).

⁶²⁸ Болтунова А. И. Указ. соч., с. 58.

⁶²⁹ Некоторые исследователи, основываясь на словах Тацита об участии в восстании Аникета прельстившейся на добычу бедноты, полагают, что к Аникету примкнули также обездоленные низы греческого населения Трапезунда, солидаризовавшиеся с местным населением в их ненависти к римским захватчикам и их пособникам — богатой верхушке города (см.: Макасова М. И. Античные города Юго-Восточного Причерноморья, с. 393 и след.).

⁶³⁰ Наименование «рабской войны» обусловлено, вероятно, лишь тем, что во главе восстания стоял человек рабского и негреческого происхождения (ср.: Болтунова А. И. Указ. соч., с. 62).

угрозами и обещанием награды удалось римлянам склонить «царя» седохозов к выдаче нашедших у него убежище восставших.

Седохозы занимали территорию у реки Хоби. Естественнее всего было бы идентифицировать эту реку с совр. р. Хоби, которая впадает в Черное море севернее г. Поти (древн. Фасис)⁶³¹. Однако ряд исследователей, основываясь на более точных указаниях «Перипла» Флавия Арриана, отождествляют р. Хоби с совр. р. Ингури (севернее Хоби)⁶³².

Седохозы, вероятно, одно из лазских племен. Вскоре, в начале II в., мы находим эту территорию в составе единого лазского объединения (см. ниже), которое еще не существовало в рассматриваемую эпоху.

Восстание Аникета, должно быть, показало Риму несбыточность стремлений полностью подчинить себе местное население Юго-Восточного и Восточного Причерноморья. Теперь для Рима становится очевидным, что и в Колхиде, как ранее в Иберии, ему фактически придется довольствоваться установлением союзнических отношений. Поэтому не случайно, что при Траяне (98—117 гг.) Колхида начинает фигурировать в одном контексте с Иберией. В связи с войной с парфянами ((114—116 гг.) у Евтропия сказано, что Траян «Армению, которую заняли было парфяне, отнял назад... Албанам он дал царя, а царей иберов, савроматов, боспорцев, арабов, осдроенов и колхов принял в подданство» (Eutrop. Brev., VIII, 3). Привлечение на свою сторону правителей сложившихся в Колхиде новых политических образований становится для Рима первоочередной задачей в связи с усилением натиска Картлийского царства (Иберии), стремившегося включить в свой состав и Зап. Грузию. Иберии удалось подчинить себе одно из политических образований Зап. Грузии — зидритов, живших на Черноморском побережье, к югу от устья р. Чорохи. Должно быть, сильному натиску подвергались также и лазы, обитавшие в прибрежных районах, к северу от устья Чорохи. Это толкало верхушку лазов на соглашение с Римом. Уже при Траяне (если не раньше) между Римом и сложившимися в Юго-Восточном и Восточном Причерноморье политическими образованиями оформились те отношения, о которых мы узнаем из известного письма Флавия Арриана (императорского наместника в Каппадокии) к императору Адриану (117—138). Как говорилось выше, это письмо является результатом инспекционной поездки Арриана в 131 г. (?)⁶³³ вдоль юго-восточного и восточного побережья Черного моря по прибрежным городам, в которых стояли римские гарнизоны (Трапезунд, Апсар, Фасис, Диоскурия-Себастополис).

В своем письме императору Адриану (131 г.?) Арриан пишет, что «рядом с саннами (чанами), жившими в районе Трапезунда, живут махелоны⁶³⁴ и гениохи: у них царь Анхиал. С макронами и гениохами граничат зидриты, они подвластны Фарсману (царю Иберии. — Г. М.), рядом с зидритами — лазы; царем у лазов Маласса, получивший свою власть от тебя (т. е. Адриана. — Г. М.). За лазами следуют апсилы; у них царь Юлиан, получивший царство от твоего отца (Траяна. — Г. М.). С апсидами граничат абаски; у абасков царь Ресмаг; этот также получил свою власть от тебя. Рядом с абасками — саниги, в земле которых лежит Себастополис (Диоскурия, совр. Сухуми. — Г. М.); царь санигов Спадаг получил царство от тебя» (Arr. Periplus, § 15).

⁶³¹ Так у С. Н. Джанашиа (Тубал-Табали. Тибарени. Ибери. — Известия ИЯИМК Груз. ФАН СССР, т. I, 1937, с. 202, на груз. яз); у А. И. Болтуновой (указ. соч., с. 63). Ср. уже: Б р у н К. Черноморье. — Сборник исследований по исторической географии Южной России, часть II, 1880, с. 250.

⁶³² И в а щ е н к о М. М. К вопросу о местонахождении Диоскурии древних. — Известия Абхазского научного общества, 1926, вып. 4, с. 97; Е л ь н и ц к и й Л. А. Из исторической географии древней Колхиды. — ВДИ, 1938, №2, с. 314—315; Л о м о у р и Н. Ю. Из исторической географии древней Колхиды. — ВДИ, 1957, №4, с. 100—101.

⁶³³ Ср: S c h w a r t z . Flavius Arrianus, RE, I, 1896, стб. 1231—1232.

⁶³⁴ Так в рукописях, а также у Анонима V в. (§ 49—51), повторяющего текст Арриана (см.: M ü l l e r С. Fragmenta Historicorum Graecorum, V, 1870). Издатели чтение «махелоны» исправляют на «макроны».

Таким образом, в 30-х гг. II в. н. э. на всем протяжении Черноморского побережья от Трапезунда до Диоскурии-Себастополиса (совр. Сухуми) существовало шесть разных объединений. Самым южным из них было находившееся к востоку от Трапезунда «Царство махелонов (макронов..?) и гениохов», во главе которого в то время стоял «царь Анхиал». Аноним V в. местонахождение «махелонов и гениохов» определяет между реками Архабисом (совр. Архаве-су) и Офиунтом (Офис) (Анон., § 42), который, по Арриану (§ 8), находился к востоку от Трапезунда на расстоянии 270 стадиев⁶³⁵ (т. е. примерно 48 км). Трудно сказать, насколько точно отражает это сообщение Анонима обстановку II в. Однако то, что местонахождение этого объединения нужно искать примерно в этом районе, следует из сообщения Арриана, что центр этого политического образования («дворец Анхиала» — царя махелонов и гениохов) находился на р. Пританисе, которая «отстоит от Афин (совр. Атина) (в восточном направлении. — Г. М.) на сорок стадиев», т. е. на 7—8 км (Арг., 8). Таким образом, судя по этим данным, территория «Царства махелонов и гениохов» охватывала морское побережье в районе совр. Ризе и Атины.

Дальше, на север, по побережью шла территория зидритов. Они, по Анониму, жили от р. Архабиса (Архаве-су) до р. Апсара (Чорохи).

Превратив Полемоновский Понт в свою провинцию, Риму не удалось сделать то же самое и в отношении Колхиды. На всем протяжении от Трапезунда до Диоскурии, как мы видели, сложился целый ряд местных политических образований и Рим был вынужден довольствоваться признанием их правителями верховной власти римского императора. Правители эти были, несомненно, местного происхождения. Об этом свидетельствуют хотя бы их имена, а «получение власти» от того или иного императора предполагает, вероятно, лишь формальное утверждение их прав Римом. В чем выражалась основная зависимость от Рима, трудно сказать. Скорее всего, в это время она не выходила за рамки дипломатических или военных сфер. У нас нет оснований полагать, что в обязательства этих правителей входила также выплата дани. Римляне не могли добиться этого даже от живших к югу от Трапезунда горцев — чанов. На них горько жалуется Арриан в том же «Перипле»: «С трапезундцами, — отмечает он, — как говорит и Ксенофонт, граничат колхи. Тот народ, который, по его словам, отличается наибольшей воинственностью и непримиримой враждой к трапезундцам, он называет дрилами, а по моему мнению, это — санны (т. е. чаны. — Г. М.); они и до сих пор очень воинственны, непримиримые враги трапезундцев и живут в укрепленных местечках; народ этот не имеет царей и с давнего времени обязан платить дань римлянам, но, благодаря разбойничеству, они платят взносы неаккуратно; впрочем, теперь, бог даст, они будут аккуратны или мы выгоним их (из страны)» (§ 15).

«Рядом с ними, — продолжает Арриан, — живут махелоны и гениохи; у них царь Анхиал» (там же). Этнически население этого «царства», по всей вероятности, принадлежало тем же чанам. Характерно, что, по словам Плиния (23-24—79), «не доходя Трапезунда по берегу — река Пиксит, а за ней племя саннов (Sannorum) гениохов» (NH, VI, 12). Реку Пиксит Арриан называет совсем недалеко от того места, где находился центр царства махелонов и гениохов: «Отплыв от Афин (совр. Атина. — Г. М.), — говорит Арриан, — мы миновали (реку) Пританис, на которой находится дворец Анхиала (царя махелонов и гениохов. — Г. М.); эта (река) отстоит от Афин на сорок стадиев. За Пританисом следует река Пиксит; между ними девяносто стадиев. От Пиксита до Архабия (совр. Архаве) также девяносто, а от Архабия до Апсара (Чорохи) — шестьдесят» (§ 8). Таким образом, «махелоны и гениохи» являлись, по всей вероятности, теми же «чанскими» или «халдскими» (в широком значении этого термина) племенами (западногрузинское население Юго-Восточного Причерноморья). Поэтому

⁶³⁵ «Стадий» Арриана равен в среднем 177,4 м. N i s s e n Н. Griechische und römische Metrologie. — Handbuch der klassischen Altertumswissenschaft, т. I, с. 854—857 (см.; Л о м о у р и Н. Ю. Из исторической географии древней Колхиды. — ВДИ, 1957, № 4, с. 97).

исследователи с полным правом рассматривают название «махелонов» в качестве варианта названия «макронов», с древнейших времен упоминавшихся в этой области (макроны, по словам Страбона, те же санны, т. е. чаны). Поскольку название «макроны» (вар. «махелонов») обозначает, вероятно, западногрузинское население прибрежной низменной полосы Юго-Восточного Причерноморья, то в «гениохах» и нужно усмотреть часть горцев Юго-Восточного Причерноморья, во главе которых, вероятно, и образовалось на рубеже I в. до н. э. — I в. н. э. данное крупное объединение, включившее в свой состав также и местное, однородное с ним этнически, население низменной приморской полосы («макроны»).

Таким образом, путем захвата гегемонии одной частью чанов—горцев, над низменными районами Юго-Восточного Причерноморья, к востоку от Трапезунда и слияния их с чанским населением низменности происходит образование царства махелонов и гениохов.

Такое же слияние горцев и населения равнины происходит, несомненно, и на соседней территории Восточного Причерноморья (Центральной Колхиды), где опять-таки чанское племя лазов, т. е. часть горцев Юго-Восточного Причерноморья, захватывает гегемонию и становится во главе крупного объединения — Лазского царства, и здесь происходит слияние лазов с почти однородными с ними этнически эграми (мегрелами) — древнейшим населением этой области; жившим уже давно в условиях классового общества. Это проникновение в западногрузинское население значительной массы горских племен, среди которых очень сильны были традиции родового строя, конечно, оказало большое влияние на социальную структуру западногрузинского общества в сторону укрепления слоя «эри» (пользуясь «восточногрузинской» социальной терминологией), т. е. слоя свободных общинников — воинов, что, в свою очередь, обусловило возникновение здесь крупного и сильного политического образования, обеспечило возможность для дальнейших его успехов. Если у римлян данное политическое образование стало именоваться «Царством лазов» (по имени племен лазов, которые и возглавили это объединение), то население Картлийского царства продолжало именовать его старым названием «Эгриси», по имени жившего здесь с древнейших времен западногрузинского (эгрского, мегрельского) населения, с которым в скором времени, вероятно, полностью смешались этнически почти однородные с ними лазы.

Сложившееся путем сложного процесса «варваризации» — взаимодействия «военно-демократического» строя лазов и раннеклассового строя эгрского населения, лазское общество, несомненно, так же как и общество соседнего объединения «махелонов и гениохов», представляло собой раннеклассовое общество; означенный процесс в тех исторических условиях в конечном счете способствовал быстрому продвижению вперед на путях феодализации.

Трудно сказать, являлись ли образовавшиеся севернее лазского объединения «царства» апшилов, абазгов, санигов также раннеклассовыми государственными образованиями или это были находящиеся на стадии «военной демократии» союзы племен. В этих местах (район Диоскурии-Сухуми и дальше по побережью, на север с «лежащими выше них» горными областями) мы не можем предполагать столь сильного взаимодействия горцев и развитого в социальном отношении населения равнины, как это имело место в центральных и южных областях Колхиды. Здесь преобладание горцев было полным. Местное население сравнительно мало соприкасалось с развитыми государствами того времени. Внутреннее развитие в этих скудных горных областях не могло идти быстрыми темпами. Поэтому мы более склонны к тому, чтобы считать эти объединения Северной Колхиды союзами племен с сильными зачатками

государственности, а стоявших во главе них царей» — вождями этих племенных объединений⁶³⁶.

***

Процесс так называемой «варваризации» Юго-Восточного и Восточного Причерноморья (массовое проникновение стоящих на ступени «военной демократии» горских племен в Колхидскую низменность и другие прибрежные районы Колхиды, натиск стоявших на той же ступени развития северокавказских племен и т. д., захват ими политической гегемонии в Колхиде и образование новых союзов племен и раннеклассовых государств во главе с ними) оказал сильное влияние также и на прибрежные города.

В силу вышеотмеченных обстоятельств эти города в значительной мере потеряли значение крупных торговых центров. Вследствие ослабления государственной власти во весь рост встал вопрос о взаимоотношениях с появившимися по соседству воинствующими племенами. Власть как понтийских царей, так и Рима в Колхиде была довольно слабой и не могла защитить города от натиска горцев.

В Юго-Восточном Причерноморье условия для развития прибрежных городов были более устойчивыми. Государственная власть здесь была более сильна и лучше могла защищаться от вторжения воинственных горных племен. Более чувствительны были здесь последствия тех постоянных войн, которые вели сперва цари Понта, а затем Рим. Однако активизация горцев чувствовалась и здесь. Это особенно касается крайних восточных районов этой области, где находился Трапезунд. Арриан жалуется на воинственных чанов, которые разбойничают» и являются «непримиримыми врагами трапезундцев». В своем письме к Адриану он даже угрожал, что «выгонит их (из страны)» (§ 15).

В дальнейшем, на протяжении второй половины II в. и в III в. положение в Колхиде развивалось в том же направлении. Римляне не были в состоянии контролировать положение внутри Колхиды, однако стремились сохранить свои опорные пункты — прибрежные города — крепости, что обеспечивало им хотя бы номинальную зависимость от них правителей, существовавших на территории Колхиды политических образований.

Как известно, в первой половине III в. в Северное Причерноморье начинают проникать германские племена готов. Рим не мог эффективно защищать свои позиции. Для Рима III в. н. э. был периодом обострения внутривосточной обстановки, ожесточенной борьбы между отдельными социальными группировками и гражданских войн. Положение осложнялось непрерывными, порой неудачными, войнами, которые приходилось вести империи против усилившегося Персидского государства Сасанидов и с наступавшими зарейнскими и задунайскими племенами. Это обусловило ослабление римских позиций в Северном и Восточном Причерноморье. В 40-х гг. III в. римские гарнизоны были выведены из Боспорского царства. После этого власть в Боспоре захватили антиримские элементы (возможно, выходцы из местной «варварской» среды), которые предоставили в распоряжение готов боспорский флот для их набегов на кавказское, малоазийское и греческое побережье Черного моря.

О таких набеггах готов (именуемых им «скифами») на колхидское побережье в середине III в. сообщает нам историк Зосиме (автор второй половины V в.) в своей «Новой Истории». Скифы, по его словам, «опустошили области до Каппадокии, Питиунта и Эфеса» (I, 28). В 253 г. правители Боспора «предоставили скифам проход

---

⁶³⁶ Основываясь на словах Арриана, что цари лазов, апшилов, абазгов и санигов «получили власть» от римских императоров (Траяна и Адриана), Н Джанашиа считает, что, следовательно, мы имеем дело с настоящими царями, суверенными правителями, а не вождями родо-племенных объединений (см.: его же. Труды, II, с. 309). Однако, как говорилось выше, в этом «получении власти» нужно видеть лишь утверждение императором (точнее, признание им), а никак не то, что эти «цари» в действительности правили в силу «получения власти» от императоров.

через Боспор в Азию, переправив их на их собственных судах, которые они взяли обратно и возвратились домой. Когда скифы стали опустошать все (что было) на пути, жители побережья Понта удалились в глубь страны, в лучшие укрепления, а варвары прежде всего напали на Пителиунт, окруженный огромной стеной и имевший весьма удобную гавань. Когда Сукессиан, стоявший во главе местного (римского. — Г. М.) гарнизона, вступил с бывшими там силами и прогнал варваров, то скифы, опасаясь, чтобы гарнизоны других укреплений, узнав (об этом) и соединившись с пителиунтским отрядом, не уничтожили их окончательно⁶³⁷, захватили какие могли суда и с величайшей опасностью удалились домой, потеряв под Пителиунтом многих из своих. Жители (побережья) эвксинского Понта, спасенные, как мы рассказали, искусными действиями Сукессиана, надеялись, что скифы, отбитые сказанным способом, никогда больше не (осмелятся) переправиться. Но, когда Валериан⁶³⁸ отозвал Сукессиана, дал ему должность при дворе и вместе с ним занялся делами Антиохии и ее заселением, скифы снова взяли у боспорцев суда и переправились (Азию). Удержав суда и не позволив боспорцам, как прежде, возвратиться с ними домой, они пристали вблизи Фазиса, где, как говорят, было построено святилище Фасианской Артемиды и дворец Ээта. Сделав безуспешную попытку взять святилище, они пошли прямо на Пителиунт; без малейшего затруднения взяв (это) укрепление и вырезав бывший в нем гарнизон, они двинулись дальше. Раздобыв большое количество судов и воспользовавшись для плавания пленными, умевшими грести, они при тихой погоде, простоявшей почти все лето, подступили с моря к Трапезунду, большому и многолюдному городу, имевшему, кроме местных солдат, десять тысяч других. Начав осаду, они даже во сне не надеялись взять (силой) город, обнесенный двумя стенами, но, узнав, что солдаты преданы лени и пьянству, не всходят даже на стену и не упускают ни одного случая понежиться и попировать, они приставили к стене в доступном месте заранее приготовленные для этого бревна и, небольшими кучками взобравшись по ним ночью, взяли город; одни из солдат, пораженные внезапным и неожиданным нападением, бежали из города через другие ворота, а другие были перебиты неприятелями. Взяв город таким образом, варвары овладели бесчисленным множеством сокровищ и пленных; ибо почти все окрестные жители собрались в этот город как в безопасное убежище. Истребив храмы и жилища и (вообще) все, что служило украшению или увеличению (города), а затем опустошив и (всю) его область, варвары возвратились на родину с огромным количеством кораблей» (I, 31—33).

Местное население Колхиды, должно быть, вместе с римскими гарнизонами активно боролось против вторгшихся в их страну готов. Об этом свидетельствует эпизод взятия Трапезунда, где собрались «почти все окрестные жители», и опустошение готами всей Трапезундской области. Кроме того, Зосиме ничего не говорит, с кем имели дело во время этого набега готы в Фасисе, где, очевидно, их постигла явная неудача — они не смогли взять «святилище» (?) и пошли на Пителиунт. Очевидно, они были изгнаны из этих мест. Возможно, мы не ошибемся, если в неудачах готов в районе Фасиса (при их успехах в Пителиунте и Трапезунде) усмотрим свидетельство возросшей мощи существовавшего в данном районе Лазского царства, несомненно, активно выступившего (вместе с римским гарнизоном Фасиса?) против готов.

Эти события, возможно, привели к фактическому падению римского господства в Восточном Причерноморье.

Правда, при Клавдии II (268—270) римляне нанесли тяжелое поражение племенам готского союза и угроза готских вторжений была устранена, но опасность с севера, очевидно, продолжала существовать. У Константина Багрянородного (X в.) мы находим интересное сообщение о том, что при правлении Диоклетиана (284—305) полководец

⁶³⁷ Очевидно, римский гарнизон стоял в это время не только в Пителиунте, но и в других пунктах Колхиды (Диоскурия, Фасис, Апсар); о Фасисе и Трапезунде см. выше.

⁶³⁸ Римский император в 253—260 гг.

боспорцев Совромат собрал живших у Меотийского озера сарматов и выступил в поход «против римлян». Сперва он завоевал страну лазов, воевал с жителями этой страны и достиг реки Галиса (в Малой Азии). Однако вскоре Савромат был вынужден возвратиться в Боспор (*De administrando imperio*, гл. 53).

В конце III в. н. э. центр Римской империи постепенно перемещается на Восток, в связи с чем наблюдается некоторое укрепление римской мощи в восточных провинциях. Возможно, в первой половине IV в. римские гарнизоны вновь стояли в прибрежных городах Центральной и Северной Колхиды.

По сообщению византийских авторов, в частности Менандра, автора (второй половины VI в. (см. Фрагм. XI), к концу IV в. устанавливается факт усиления Лазского царства, выразившегося в подчинении им сванов⁶³⁹. С. Н. Джанашиа считает, что Рим, ввиду тех осложнений, которые он переживал во второй половине IV в. (неудачные войны с Персией и т.д.), был вынужден согласиться на это и не мог помешать усилению Лазского царства. В это же время лазы, по его мнению, вероятно, подчинили себе и другие соседние племена — апшилов, абазгов и т. д.⁶⁴⁰

Однако усиление Лазского царства и распространение его власти на всей территории Западной Грузии скорее всего надо рассматривать как длительный процесс. Уже во второй половине I в. н. э., как мы видели, на территории Колхиды сложился ряд крупных политических образований и Рим был вынужден признать власть их правителей над контролируемой ими территорией. Среди них был также «царь лазов».

Плиний (23-24—79) лазов знает как жителей прибрежной полосы у устья Чорохи. Так же и по Птолемию (II в.), лазы населяли «приморскую часть Колхиды», «вышележащие (местности Колхиды же населяли) — манралы — народы, живущие в стране Экректике». Мы уже говорили о том, что в качестве последних речь идет об этнически почти однородном с лазами мегрельском населении. Первым шагом на пути усиления лазов должно было быть включение в состав лазского объединения этого мегрельского населения, живущего во внутренних районах Колхиды. Это произошло, вероятно, очень рано, на протяжении I—II вв. н. э. Более поздние авторы на территории Западной Грузии не обнаруживают отличных от лазов каких-либо манралов, или экректикийцев. Для римлян — византийцев, здесь живут одни лазы, для населения Картли же — мегрелы, население Эгриси. Путем слияния лазов с древнейшим населением Колхиды — эгрисцами (мегрелами), и сложилось раннеклассовое государство лазов, обнимающее обширные плодородные районы Колхиды с имевшим богатые традиции земледельческим населением. Это обусловило быстрое выдвижение Лазского царства среди других политических образований Зап. Грузии. Вероятно, уже во II в. лазы оттеснили на север выдвинувшихся на юг горцев (апшилов, абазгов, возможно, также и некоторые сванские племена). У более поздних авторов северная этнографическая граница лазов доходит почти до района Диоскурии — Себастополиса.

Дальнейшее усиление лазов, вероятно, тесно было связано не только с ослаблением Рима, но и с ослаблением Иберии, оказавшейся под ударами сасанидского Ирана (см. ниже). В научной литературе часто этот важный факт оставлен почти без всякого внимания при изучении вопросов о возникновении и усилении Лазского (Эгрисского) царства.

⁶³⁹ Джанашиа С. Н. Труды, II, с. 315—317 (на груз. яз.).

⁶⁴⁰ Римские послы при переговорах с царем Хосровом представляют список тех лазских царей, которые утверждали «предводителей сванов»; таково было положение по их словам, начиная с царя римлян Феодосия и царя персов Уарана вплоть до царя римлян Леона (I) (457—474) и персидского царя Пероза (457—484). Было два Феодосия (I—379—395 и II — 409—450) и два Уарана (Бахрама) (IV — 389—399 и V — 420—439). Поэтому подчинение лазами сванов должно было произойти в 389—395 или 420—439 гг. (См.: Каучишвили С. Г. Указ. соч., III, с. 225, прим. 1). Однако, учитывая стремление римских послов подчеркнуть права лазских царей на владение страной сванов, скорее всего предпочтение надо отдать более ранней дате (389—395 гг.).

Мы видели выше, что позиции Картлийского царства в Западной Грузии в первой половине II в. н. э. были довольно сильными. В его состав, в качестве отдельного саэристао, непосредственно входила часть территории Западной Грузии — Аргвети (область, примыкающая к Восточной Грузии в районе Сурамского хребта). В то же время Картли овладела и определенной частью прибрежной полосы к югу от устья р. Чорохи. Продвижение Картли ущемляло позиции Рима, результатом чего и была напряженность отношений, существовавшая между ними при Адриане. Возможно, именно этим объясняется наличие в 30-х гг. II в., во время инспекционной поездки Арриана, несравненно более сильного контингента римских войск в Апсаре, у границ иберийских владений (пять когорт — половина легиона), чем в других прибрежных городах Колхиды (в Фасисе, например, стояли всего лишь 400 воинов). Подобно тому, как было подчинено объединение зидритов, Картли стремилась, несомненно, к подчинению и Лазского царства. В такой обстановке правители лазов и римляне становились естественными союзниками. Этот союз, вероятно, сыграл значительную роль сперва в противодействии попыткам сильной Картли подчинить себе Западную Грузию полностью, а затем, после ослабления Картли — в ликвидации власти правителей Картли над восточными районами Колхиды и включении этих районов в состав Лазского царства. Ведь в VI в., во время известных войн между персами и византийцами, граница Лазики доходила до самого Сурамского хребта и Шорапани являлся пограничной крепостью лазов. Крепость Шорапани (Сарапанис), как и соседняя крепость Сканда, по словам Прокопия, была построена лазами с большими лишениями (Bel. Goth., VIII, 13).

Картли также была вытеснена из прибрежной полосы у устья р. Чорохи, и эта территория, частично по крайней мере, отошла к Лазскому царству.

Рим нуждался в сильном Лазском царстве в качестве союзника и для борьбы против северных кочевников, которые уже с III в. н. э. представляли исключительно большую угрозу для империи. Выше мы говорили о борьбе с готскими вторжениями. В IV в. появляются еще более сильные враги в лице гуннов. В 70-х гг. IV в. гунны вторглись на территорию Боспорского царства и уничтожили его. Гунны шли с востока, и до этого они разгромили аланские объединения. Нашествие их характеризовалось особой жестокостью. Оседлое аланское население в значительной части было перебито, кочевые племена же влились в состав гуннского союза. Только в предгорьях Кавказа и к югу от течения Терека сохранилось аланское население, потомками которого и являются нынешние осетины.

Таким образом, взаимоотношения с Восточно-Римской империей (Византией) опирались на добровольный союз⁶⁴¹. Распространение политического влияния Лазики на соседние племена апшилов, абазгов, сванов, на территории которых находились проходы с севера, могло существенно облегчить защиту этих проходов. Поэтому Рим, очевидно, ничего не имел против такого распространения власти лазских царей, ввиду чего нет необходимости рассматривать этот процесс как направленный против Рима и считать его происшедшим в период внутренних или внешних осложнений Римской империи.

Когда конкретно произошло подчинение Лазике апшилов или абазгов, нам не известно. Согласно Прокопию, они являются «давнишними подданными лазов» (Bel. Goth., VIII, 3, 10). Зависимость абазгов, во всяком случае к VI в., была несколько иной, чем подчинение апшилов. У абазгов были собственные два князя, один в западной, другой же — в восточной части их страны (там же, VIII, 3). Территория же апшилов, очевидно, непосредственно была включена в состав Лазского царства: здесь, по видимому, стояли лазские гарнизоны (Bel. Goth., VIII, 10). Лазы подчинили себе также соседнее с апшилами (с северо-востока у совр. Цебельды) сванское объединение мисимиан.

---

⁶⁴¹ Позже положение изменилось: в 20-х гг. VI в., когда война римлян с персами развернулась уже на территории Западной Грузии, здесь появились, римские (византийские) войска.

Были подчинены также «сваны», т. е. самое крупное объединение сванских племен. Благодаря вышеуказанному сообщению Менандра (Фрагм. XI), мы можем датировать это событие концом IV в. Начиная с 389—395 гг. (см. выше), как видно из сообщения Менандра, «предводитель» («правитель»)⁶⁴² сванов утверждался лазским царем. Сваны посылали лазам и дань — мед, кожи, выполняли, вероятно, также военную повинность по охране проходов и т. д. Такие же обязательства по отношению к лазам, по всей видимости, несли и другие подчинившиеся им племена Северной Колхиды⁶⁴³ Кроме вышеназванных, среди объединений горцев Северной Колхиды, находящихся в подчинении у лазских царей, византийскими авторами упоминается также Скюумиа (Proc. Bel. Goth., VIII, 2), очевидно, еще одно сванское объединение (это название со сванским префиксом «ле» сохранилось в названии одной из горных областей Западной Грузии — Лечхуми⁶⁴⁴).

***

Правда, у нас нет оснований образование столь крупного политического объединения, обнимавшего всю территорию Западной Грузии, рассматривать происшедшим в конце IV в. и связывать его с существовавшими в то время внешнеполитическими и др. осложнениями Римской империи, но вполне вероятно, что именно в это время и наступил период наивысшего могущества Лазского царства. Подчинение живших в труднодоступных местах Северной Колхиды сванов, наложение на них дани и т. д. было труднейшей задачей и может служить показателем могущества Лазского царства. Поэтому и прекращение зависимости сванов от лазов, происшедшее в 457—474 гг.⁶⁴⁵, является признаком ослабления Лазского царства.

Таким образом, следует думать, что период от конца IV в. до 60—70-х гг. V в. является временем наивысшего могущества Лазского царства. Вероятно, обстановку именно этого времени отражает характеристика, даваемая Прокопием Кесарийским взаимоотношениям между Римом и лазами. Формальная зависимость все еще существовала — при смене царя правитель Рима посылал новому лазскому царю знаки власти, но Лазское царство не платило дани римлянам, не выставляло войска для участия в их военных экспедициях. Оно своими силами обеспечивало защиту проходов, чтобы не допустить вторжения гуннов, что, однако, тоже никак нельзя рассматривать как обязательство по отношению к Риму, ибо это в первую очередь входило в интересы самой Лазии (Bel. Pers., II, 15). На собственно лазской территории, в том числе в прибрежных городах, давно уже не стояли римские войска. Прокопию известно лишь о той далекой эпохе, когда римские гарнизоны стояли на всем побережье «от Трапезунда до страны сагинов» (т. е. санигов), однако из них лишь в Себастополесе и Питиунте сохранились они (Bel. Goth., VIII, 3)⁶⁴⁶. Апсар в значительной степени лежал в развалинах (там же, VIII, 2). Фасис тоже, несомненно, давно перестал быть римской крепостью. В период могущества лазов, очевидно, он возродился в качестве торгового и культурного центра. У византийских авторов, в частности у того же Прокопия, много говорится о внешней морской торговле лазов (Bel. Pers., II, 15, 28). Эта торговля осуществлялась, вероятно, как и прежде, главным образом через Фасис. Здесь же, в IV в., по свидетельству Фемистия, существовала высшая риторическая школа, пользующаяся

⁶⁴² Менандр называет его то «δ Σουανίας ἡγεμὸν», то «δ Σουανίας ἀρχὸν»

⁶⁴³ Д ж а н а ш и а С. Н. Труды, II, с. 318—319 (на груз. яз.).

⁶⁴⁴ К а у х ч и ш в и л и С. Г. Сведения византийских писателей о Грузии, т. II, с. 96, прим. 2 (на груз. яз.).

⁶⁴⁵ По словам Менандра, при царе римлян Леоне I (457—474) и персидском царе Перозе (457—484). (См.: К а у х ч и ш в и л и С. Г. Указ. соч., т. III, 1936, с. 225, прим. 1).

⁶⁴⁶ В «Новеллах» Юстиниана, кроме воздвигнутой самим Юстинианом Петры (в районе Батуми), на побережье называются также Себастополис и Питиунт — «скорее крепости, чем города». Свида (IV в.) упоминает Питиунт под названием «местечка» (πολίχμιον). (См.: К а у х ч и ш в и л и С. Г. Указ. соч.. IV₂, 321).

такой славой, что наряду с лазами в ней получали образование выходцы из восточных провинций Римской империи (*Λογοί*, XXVII).

Однако главные политические центры Лазского царства находились во внутренних районах. Столица, именуемая византийскими авторами «Древним городом» (*Αρχαίόπολις*), лежала в 17 км к северо-востоку от нынешнего г. Цхакая. Древнегрузинские источники называют ее Цихе-Годжи. Здесь, на территории современного Нокалакеви были произведены археологические раскопки, выявившие остатки сооружений византийского и позднеантичного периодов⁶⁴⁷. Они возобновились недавно и привели ко многим новым открытиям⁶⁴⁸. Крупным центром Лазики была крепость Родополис⁶⁴⁹ (груз. Вардцихе, в 12 км к югу от Кутаиси), на месте самого Кутаиси были значительные поселения и крепости, на границе с Картли — крепости Сканда и Сарапанис⁶⁵⁰. Значительной была крепость Телепис (у слияния рр. Риони и Цхенисцкали)⁶⁵¹ и т. д.

Начало ослабления Лазского царства, датируемое 60—70-ми годами V в. (см. выше), нам кажется, находится в связи с усилением Картлийского царства при Вахтанге Горгасале. В «Жизнеописании Вахтанга», вошедшем в свод древне-грузинских летописей «Картлис цховреба», мы находим много конкретных сведений об успехах правителя Картли в Эгриси (Западная Грузия). Говорится, в частности, об успешной военной экспедиции царя Вахтанга в Западную Грузию, о захвате всех крепостей вплоть до Цихе-Годжи и т. д. При этом в качестве обстоятельств, благоприятствующих этим предприятиям Вахтанга, называется и то, что «царь греков Леон Великий» из-за войны с персами не был в состоянии воспрепятствовать этому (КЦ, 157). Не только талантливый полководец, но и искусный политик и дипломат царь Вахтанг в своей борьбе за восстановление потерянных позиций Картлийского царства в Западной Грузии искусно пользовался греко-персидскими противоречиями, выступая в качестве союзника то Персии, то Византии. Выступая в роли союзника персов, Вахтангу удалось отвоевать многие области Картлийского царства как в восточных районах Западной Грузии, так и на юго-западе, в исторической Месхети. Среди областеначальников (эриставов) Вахтанга Горгасала «Картлис цховреба» называет эриставов Кларджети, Цунды и Одзрхе (в Месхети), а также Эгри и Суанети, Маргви и Такуери (КЦ, 185). Можно думать, что Аргвети вновь вошла в состав Картли. То, что Сванети отпала от Рима (Византии) и Лазики в эту эпоху — при Леоне I (457—474), мы узнаем из вышеприведенного сообщения Менандра. По-видимому, она вошла при этом в состав Картлийского царства.

Правда, византийские авторы VI в. хранят гробовое молчание о владениях Картли в Западной Грузии. Им об этом будто ничего не известно, в то время как они исключительно хорошо осведомлены о господстве Лазского царства над племенами Западной Грузии (апшилы, абазги, сваны) и даже над иберами. Но это и понятно: свое право на господство в Западной Грузии они основывают именно на правах своего подданного — лазского царя, в то время как факты, свидетельствующие о владениях находящейся в подчинении Ирана Картли в Западной Грузии были им крайне нежелательны, так как обосновывали бы притязания персов на Западную Грузию.

⁶⁴⁷ Информацию см. в журнале «Forschungen und Fortschritt», 1931, № 27, с. 354—355; Каухчишвили С. Г. Указ. соч., с. 318—320.

⁶⁴⁸ Нокалакеви-Археополис. Археологические раскопки 1973—1977 гг. Тбилиси, 1981; 3 а к а р а я П. П., Л о м о у р и Н. Ю., Л е к в и н а д з е В. А., Г в и н ч и д з е Г. О. Цихегоджи-Нокалакеви. Тбилиси, 1984.

⁶⁴⁹ К а у х ч и ш в и л и С. Г. Указ. соч., III, с. 308—311; Д ж а п а р и д з е В. М. Археологическое изучение городища Вардцихе. — В сб.: Археологические памятники феодальной Грузии, II. Тбилиси, 1974, с. 84—105; его же. Вардцихское городище. Автореф. канд. дис. Тбилиси, 1984.

⁶⁵⁰ К а у х ч и ш в и л и С. Г. Указ. соч., III, с. 301 и след.; Ц к и т и ш в и л и Г. Г. К вопросу о Шорапанском «эриставстве» античной эпохи. — Сборник по исторической географии Грузии, т. II. Тбилиси, 1964, с. 71—106.

⁶⁵¹ К а у х ч и ш в и л и С. Г. Указ. соч., с. 38, прим. 2.

Впрочем, в глазах византийцев проникновение Карли в Западную Грузию в IV—V вв., возможно, на (самом деле выглядело в качестве иранского проникновения, так как Картли при этом большей частью выступала в качестве союзника Персии.

ГЛАВА XX

КАРТЛИЙСКОЕ ЦАРСТВО В III в. н. э.

В III в. н. э. во внешнем окружении Картли произошли серьезные перемены. Важнейшей из них явилось возникновение сильной державы Сасанидов, пришедшей на смену слабому Парфянскому государству, представлявшему фактически объединение многих полу самостоятельных царств. В этом объединении верховная власть парфянской династии Аршакидов к этому времени сделалась в значительной степени номинальной. Непрерывные войны с могущественным Римом, а также внутренние неурядицы подорвали мощь Парфии. Воспользовавшись этим, правители юго-западной части Иранского плоскогорья (Персиды) — знатный род Сасанидов — захватили гегемонию в Иране. Сасанид Ардашир нанес сокрушительное поражение последнему аршакидскому царю Артабану V (224 г.) и в 226 г. был объявлен царем. Этот Ардашир (I) считается основоположником новой, Сасанидской, династии правителей Ирана.

Сасанидский Иран был более сильным и централизованным государством, чем Аршакидская Парфия. Значительно более самостоятельными и самобытными были устремления Сасанидов в области культуры. Вместо сохранения эллинистических тенденций аршакидских правителей в области религии и культуры Сасаниды выступали как бы продолжателями традиций ахеменидской эпохи. Исключительно большую роль начинает играть при них древний зороастризм, который окончательно сложился в качестве воинствующей религии именно в эту эпоху. Вместе с тем происходит усиление храмов и зороастрийского жречества. Верховный жрец уже при первых Сасанидах делается одним из главнейших вельмож в государстве.

Уже первые представители Сасанидской династии развернули интенсивные наступательные войны как в западном, так и в восточном направлениях. Ардаширу I (226—241) удалось захватить почти все области, входившие раньше в состав Парфянской державы, за исключением Мидии-Атропатены (Южный Азербайджан) и Армении. Еще более успешными были войны его преемника — Шапура I (242—272). Последний совершил несколько успешных походов против римлян и нанес им ряд поражений. Во время одной из таких войн в 260 г. ему удалось захватить в плен самого римского императора Валериана. Армения, которая и в эту эпоху оставалась главным объектом борьбы между Римом и Ираном, вновь была включена в состав Иранского государства. Сасанидам подчинилась, как мы уже видели, также значительная часть Юго-Восточного Причерноморья — «царство махелон и гениохов».

В своей надписи Ka'ba-i-Zardošt Шапур I перечисляет вельмож своей империи и делит их на три группы: 1) те, которые получили власть еще при Папаке, отце Ардашира I, основоположника Сасанидской державы, 2) те, которые получили власть при Ардашире I и, наконец, 3) сановники, которые получили власть при Шапуре I. Именно среди последних и упоминается «Амазасп, царь Иберии»⁶⁵².

Вполне вероятно, что при первых Сасанидах установились дружеские взаимоотношения между Ираном и Картли. Иран все еще вел борьбу за овладение более южными странами (Атропатеной, Арменией, Сирией). Непосредственная угроза иранского владычества над Иберией еще не нависла. Правители Картли в силу создавшихся условий, вероятно, считали для себя более выгодным выступить в качестве

⁶⁵² Sprengling M. Third century Iran. Sapor and Kartir. Chicago, 1953, с.9, 12, 76; Honigmann E. et Maricq A. Res Gestae Divi Saporis, 1953, с.17.

союзника сасанидского Ирана против Рима. Само то положение, которое, согласно надписи Ka'ba-i-Zardošt, занимал в Сасанидской империи царь Иберии Амазасп красноречиво свидетельствует о том, что речь идет вовсе не о побежденном силою оружия правителе завоеванной страны. Амазасп выступает как один из высших вельмож империи, занимающий высокое место в иерархии при сасанидском дворе. В перечислении высших сановников державы, получивших власть при нем, Шапур I упоминает «Амазаспа, царя Иберии» четвертым—после царя Адиабены, царя Кирмана и Денаки—царицы «Nešān dastkirt Sāpūr». После Амазаспа идут царевич, представители влиятельнейших родов Сасанидской державы — Суренов и Каренов, питиахши и хазарапеты, сатрапы и другие высшие сановники царства. Для всех, в том числе и для иберийского царя Амазаспа, Шапур устанавливает определенные жертвоприношения. Сказанное подтверждает, что в лице Амазаспа мы имеем дело не с покоренным силою оружия правителем вражеской страны, а с одним из влиятельнейших союзников иранского царя⁶⁵³.

И в III в., в частности, при Амазаспе, Картли являлась фактически самостоятельным и сильным государством. Память об Амазаспе как о могучем правителе ярко сохранилась в грузинской исторической традиции. В своде древнегрузинских исторических сочинений — «Картлис цховреба», имеется предание об Амазаспе как о человеке могучем и великане, наподобие Фарсмана Квели, т. е. того знаменитого Фарсмана II, с которым ничего не мог поделаться даже находившийся на вершине своего могущества Рим. В «Картлис цховреба» имеется пространный рассказ о борьбе Амазаспа с вторгшимися в Картли «осетинами». В битве на подступах к столице Мцхета Амазасп одерживает победу над ними, изгоняет их из Картли, а затем сам совершает поход на «Осети» и разоряет ее (КЦ, с. 55—57). С III в., как известно, участились набеги кочевников — аланов, в Закавказье. Один из таких аланских набегов имеется, очевидно, в виду в рассказе грузинской летописи о борьбе картлийского царя Амазаспа с вторгшимися в Картли «осетинами».

***

В дальнейшем, уже в начале IV в. положение Картли сильно ухудшилось. С одной стороны, перемещение центра Римской империи на восток приводит к усилению римских (византийских) позиций в этой области, а с другой, эта эпоха характеризуется новым интенсивным натиском Сасанидской державы, особенно усилившейся при царе Шапуре II (310—379). Ослабевшая Картли уже не в состоянии собственными силами защитить свою самостоятельность перед лицом этих своих грозных соседей. Она вынуждена сделать решительный выбор в пользу одной из соперничающих великих держав, чтобы с ее помощью противостоять другой, представляющей на данном этапе наибольшую угрозу для нее. Главная опасность политической самостоятельности Картли и самобытности его населения в эту эпоху исходит от Сасанидского Ирана. Поэтому правители Картли решительно берут ориентацию на Восточно-Римскую империю. В значительной мере результатом этой внешнеполитической ориентации явилось принятие Иберией, как и соседней Арменией, христианства в качестве официальной религии в начале IV в., вскоре после того как оно стало государственной религией Восточно-Римской империи. Конечно, это важное явление в жизни древней Картли в немалой степени было обусловлено также и внутренними причинами и теснейшим образом связано с развитием раннефеодальных социально-экономических отношений в стране.

ГЛАВА XXI

---

⁶⁵³ Юлий Капитолин (Valeriani, Duo, 7) иберов называет среди тех народов, которые после пленения Валериана «не приняли писем Сапора, но написали римским вождям, обещая помощь для освобождения Валериана из плена». Если верить этому сообщению, следует полагать, что в своих сношениях с Римом Амазасп, в это время во всяком случае, еще не выступал открыто в качестве союзника Шапура. Однако, судя по надписи Ka'ba-i-Zardošt, он очень скоро после этого признал верховную власть сасанидского царя.

ВОПРОСЫ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО СТРОЯ И ГОСУДАРСТВЕННОГО УСТРОЙСТВА КАРТЛИ В ПЕРВЫХ ВЕКАХ н. э.

§ 1. ХОЗЯЙСТВО. ОБЩИНА И ХРАМ. КРУПНОЕ ЧАСТНОЕ И ЦАРСКОЕ ЗЕМЛЕВЛАДЕНИЕ. РАБЫ

В первые века н. э. социально-экономические отношения в Картли, несомненно, получили дальнейшее развитие и социально-экономическая структура общества претерпела много серьезных изменений. В эту эпоху Картли интенсивно включилась в водоворот бурной международной жизни того периода. Исключительно тесными стали взаимоотношения с Римом, Парфией и соседними крупными политическими образованиями (Арменией, Албанией, Мидией-Атропатеной, политическими образованиями восточной части Малой Азии, Западной Грузии, Северного Кавказа и т. д.). В I—II вв. н. э. Картли превратилась в крупное государство, претендующее на политическую гегемонию в Закавказье и в прилегающих к нему областях. Ее правители вели самостоятельно или с помощью своих северо-кавказских союзников (аланы и др.) успешные войны, благодаря которым в страну поступало большое количество добычи и пленных. Все это не могло не оказать серьезного воздействия на социально-экономическое развитие Картли.

Несомненно, это была эпоха дальнейшего оживления экономической жизни страны. Археологический материал особенно хорошо иллюстрирует нам высокое развитие торговли и ремесла в Картли в эту эпоху; сравнительно незначительными являются имеющиеся в нашем распоряжении данные о таких важных отраслях хозяйства, как земледелие и скотоводство.

Несколько более многочисленны материалы, указывающие на развитие в Картли (как и в других областях Грузии) рассматриваемой эпохи таких интенсивных отраслей сельского хозяйства, какими являются виноградарство и виноделие. В Армазисхеви, между усыпальницей питиахшей (высших сановников картлийских царей), баней и дворцовым комплексом было найдено более пятидесяти больших сосудов, предназначенных для хранения вина в земле («квеври»). Перед нами остатки винного погреба («марани»). В одном из таких сосудов, открытых в Багинети (Армазсихе), был обнаружен осадок, оказавшийся, как показал анализ, винным осадком. Существовавший в Армазисхеви винный погреб занимал площадь примерно 45х 90 кв. м. Все это указывает на наличие в районе столицы виноградарства. Археологический материал, свидетельствующий о развитии виноградарства, имеется и из других районов Картлийского царства — из Аргвети; Бори, Клдеети), Алазанской долины (с. Архилоскало) и т. д.

О развитии скотоводства говорит дошедший до нас остеологический материал этой же эпохи, а также наличие многочисленных изображений животных (крупный и мелкий рогатый скот), то в виде отдельных статуэток, то на разных предметах. О широком распространении коневодства свидетельствует наличие конских погребений, а также изображений коней на культовых предметах и т. д., в чем нашло выражение существование культа коня в древней Картли.

Особенно сильно, как и раньше, было развито, очевидно, овцеводство. Как и прежде, здесь применялся отгонный способ содержания овец с использованием естественных пастбищных угодий в виде альпийских лугов высокогорья и пастбищ равнин. Из района столицы — Мцхета, мелкий рогатый скот на лето угонялся, например, на высокогорные пастбища Южной Грузии — в Джавахети. Так, описывая события начала IV в. н. э., «Житие св. Нино» передает следующие характерные детали о встрече Нино с мцхетскими пастухами у озера Паравани. «На четвертый месяц, — повествуется здесь устами Нино, — отправилась я к Джавахетским горам, чтобы узнать, по какую сторону находится Мцхета. Пришла я к тем горам и достигла большого озера, имеющего исток и

называемого Паравна». Здесь Нино встретила пастухов, почитающих своих богов — Армаза и Задена. Нино спросила одного из них, откуда они. И он ответил: «Из селения (селений?) Эларбины, Сапурцле и Киндзари, из рабата великого города Мцхета, где боги господствуют и цари царствуют» .

В этой же древнегрузинской хронике («Мокцевай Картлисай») следует обратить внимание на указание о проводимых в Картли ирригационных работах, в чем нельзя не усмотреть свидетельство высокого развития земледелия в стране (в низменных районах во всяком случае). Сохранившееся в хронике предание говорит о проведении канала («ру») из р. Ксани еще в дофарнавазианской Картли . При описании событий IV в. н. э. «Мокцевай Картлисай» упоминает также о прорытии канала царем Картли Трдатом и т. д.

Резкое различие по ведущемуся типу хозяйства, наблюдаемое, по сообщениям Страбона, между низменными и горными районами Картли в более ранний период, оставалось в силе, несомненно, и в рассматриваемую нами эпоху. В горных областях страны ведущим было скотоводство, население низменности же занималось, в основном, земледелием.

***

Среди земледельческого населения равнины, как мы видели выше, в предшествующую, эллинистическую эпоху различаются два основных слоя: 1) «эри» — свободные земледельцы, объединенные, вероятно, в сельские (территориальные) общины и в то же время составлявшие основное ядро войска (народного ополчения) и 2) «глехни» — «лаои», «царские рабы» — население поработанных царской властью общин. По социальному статусу к последним следует отнести, очевидно, также и посаженных на царские земли переселенцев.

Основной слой земледельческого населения на протяжении всей истории древней Картли, несомненно, составляли свободные земледельцы, являвшиеся, согласно известному описанию Страбона (XI, 3, 6), также и воинами. Исследователи вполне резонно считают, что этот слой картлийского общества назывался «эри». Этот термин в древне-грузинском обозначает как «народ», так и «войско». Правда, изначально он соответствовал понятию «все население» (в целом), но в условиях классового общества из него постепенно стали исключаться, с одной стороны, верхние слои, а с другой, эксплуатируемые низы общества.

В изучаемый нами период основным наименованием поселения сельского типа — «деревни» было «даба».

Однако с IX—X вв. преобладающим для обозначения «деревни» становится уже другой термин — «сопели» (ՕԻ×ÄĖĖ), встречающийся в более древних памятниках, в основном, в значении «страны».

Нам представляется, что «сопели» являлось, должно быть, наименованием древнейших территориальных объединений картских племен. Поскольку имеется основание, как мы видели выше, предположить, что для древнейшего картлийского общества было характерно наличие общин (сперва родовых, затем переросших в территориальные) храмового типа, то в «сопели» можно видеть наименование именно подобных общин. Эти последние могли быть порой очень большими, порой же крохотными объединениями.

От терминов «сопели» и «даба» образованы термины «мсоплио» (ԻՕԻ×ĖĖԻ) и «мдабио» (ԻÄÄÄĖԻ) (вар. «мдабури», «мдабори», «мдабиори»), обозначающие тех, кто живет в «сопели» или «даба», т. е. сельского жителя. Однако уже в очень древних грузинских письменных памятниках, в раннефеодальную эпоху, эти термины употребляются в качестве терминов социальных, обозначающих людей, стоящих на низкой ступени общественной иерархии. «Мдабури» могло выступить и в качестве обозначения члена городских племенно-религиозных общин. Это значит, что он означал не просто «сельского жителя», но осмысливался в то же время как «член (сельской) общины», «общинник» вообще. Термин «мквидри» — («коренной житель») мог развить значения

полноправного наследника и полноправного члена общества лишь на том основании, что эти привилегии первоначально были связаны с фактом коренного жительствова, что выражалось, несомненно, не только в продолжительном (на протяжении одного или нескольких поколений) проживании человека в том или ином месте, но и в обладании последним определенным (недвижимым) имуществом (земля, дом и т. д.). Это давало ему право быть «мквидри» того или иного пункта. По происхождению перед нами, несомненно, обозначение полноправного члена общины. Употребление же его в древнегрузинской литературе явно в таком значении (царь Мириан обещает «пленнице» (ткуэ) Нино сделать ее «мквидри» города Мцхета; пост католикоса захватывают два дома «мцхетских мквидри»; церковь строят «тбилисские мквидри» — они уже выступают в этом случае зачинателями и проводниками совместных мероприятий; а позже «мквидри самепосни» («мквидри царства») активно выступают при решении вопросов наследования царского престола и т. д.) еще более убеждает нас в правильности мысли о признании «мквидри» в качестве обозначения полноправных членов как сельских, так и городских общин.

Конечно, территориальные (сельские и городские) общины античной Картли не являлись коллективами людей, объединенных общностью имущества и т. д. Земля давно была разделена между отдельными семьями, переделов ее не было, и община, вероятно, уже не была в состоянии эффективно контролировать земельный фонд, формально все еще считавшийся общинным. Судя по более поздней номенклатуре, земельный надел, находившийся в распоряжении отдельных семей общинников (по-видимому, это были преимущественно большесемейные общины), — «сахли», назывался, вероятно, «пудзе» (×ÖPĀ). Слово «сахли» в это время вряд ли обозначало территориальную общину. От его значения «большесемейной общины» естественным кажется развившееся в феодальную эпоху у «сахли» обозначение отдельных феодальных родов. Поэтому «мамасахлиси» (отец (глава) «сахли») в это время мог быть преимущественно главой большесемейной общины.

Конечно, не исключено, что термин «мамасахлиси» в глубокой древности, в эпоху господства первобытнообщинных отношений, по крайней мере, среди одной части картских племен, на самом деле обозначал родовых старейшин, так же как и «сахли» означал «род», но вместе с процессом перерастания родовой общины в сельскую (территориальную) общину, произошло, очевидно, сужение понятий «сахли» и «мамасахлиси», превращение их в обозначение сохранившихся внутри сельской общины большесемейных общин и их глав. По происхождению картлийская община являлась, вероятно, храмовой общиной. Подтверждение этого мы находим, с одной стороны, в сообщении Страбона о жрецах, занимающихся урегулированием отношений с соседями (т. е., как нам кажется, выступающих представителями общины в ее взаимоотношениях с соседними общинами), и, с другой, материалом (вскрытым и проанализированным В. В. Бардавелидзе) о пережитках храмовой общины и храмового землевладения у горцев Восточной Грузии .

Важнейшим фактором, сравнительно мало затронувшим области свободных горных общин, но сильно действовавшим в низменности, являлось быстрое развитие царского и крупного частновладельческого землевладения (о котором мы специально будем говорить ниже). Это, несомненно, серьезно ограничивало позицию общинного землевладения вообще. Однако фактическое превращение общинных земель в полную собственность общинников также подрывало позиции храмов, вокруг которых и концентрировалось раньше, по-видимому, общинное землевладение. В распоряжении храмов постепенно оставался лишь определенный, неделимый фонд общинной земли. Параллельно этому происходило, очевидно, сужение круга храмового персонала, т. е. людей, имеющих право пользования этой землей, а остававшаяся у храмов часть общинной земли превращалась фактически в собственность жрецов, в собственно храмовое хозяйство.

Несмотря на то, что община всем этим была сильно подорвана, все же существование определенного неделимого фонда земли, то ли храмовых поместий, то ли общинных пастбищ, совместное пользование водой для орошения, коллективная ответственность (фискальная и др.) перед государством, наличие определенного самоуправления и органов такого самоуправления, необходимость коллективного отправления культов — все это сохраняло общину и не позволяло ей окончательно исчезнуть.

При этом следует отметить, что, исключая даже горные области, население которых по уровню своего социально-экономического развития существенно отставало от населения низменности, даже в самой низменности, в ведущих областях Картлийского царства, развитие храмового землевладения и храмового хозяйства, по-видимому, не везде происходило одинаково. Некоторые крупные храмы и священнослужители ведущих культов, очевидно, не только сохранили свои позиции, но еще более укрепили их, став обладателями крупных земельных угодий, все более и более увеличивавшихся путем царских пожертвований и т. д. О наличии в древней Картли подобных крупных храмовых хозяйств можно судить по известному сообщению Страбона о «богатом храме Левкотеи» (очевидно, богини солнца) в стране мосхов.

«В стране мосхов, — говорит Страбон, — находится святилище Левкотеи, построенное Фриксом, и его прорицалище, где не приносят в жертву баранов; некогда оно было богато, но на нашей памяти было разграблено Фарнаком (сыном Митридата Эвпатора, царем Боспора) и несколько позже Митридатом Пергамским; а когда страна опустошена, то, по словам Эврипида, «страдают божества и не хотят почтенья» (XI, 2, 17).

Разграбление этого храма могучими правителями Понта и Боспора указывает на то, что речь, несомненно, идет не (только) о разграблении самого храма и хранящихся в нем ценностей, а скорее всей области, принадлежавшей храму. Это подтверждается также словами Страбона, которыми он характеризует свершившееся: «страна опустошена». Правда, у нас нет никаких данных, чтобы судить о характере крупного храмового объединения богини Левкотеи в стране мосхов, однако, учитывая общий уровень развития населения данной области, следует думать, что данное храмовое объединение имело много общего с храмовыми объединениями восточной Малой Азии и Армении. Это было, вероятно, сильно дифференцированное в классовом отношении общество, в котором теократическая верхушка и полноправная храмовая община эксплуатировали население зависимых деревень, а также рабов. Однако мы сомневаемся, что все это можно распространить и на храмовое объединение лунного божества Западной Албании, оказавшееся в скором времени в составе Картлийского государства. Албанское общество той эпохи, к которой восходят сведения Страбона об этой стране, несомненно, представляло собой слабо дифференцированное общество, еще не совсем вышедшее из рамок первобытнообщинного строя. Поэтому механическое перенесение на него порядков, существующих в это время в храмовых объединениях сравнительно высокоразвитых в социально-экономическом отношении областей Малой Азии и Армении, не представляется возможным. Албанское храмовое объединение в это время, вероятно, представляло собой слабо дифференцированную храмовую общину, основное население которой составляли свободные общинники — полноправные держатели храмовых земель. На этот раз, скорее всего, именно они и подразумеваются под теми «иеродулами», которыми, так же как и «обширной и хорошо населенной землей» храма, управлял здешний верховный жрец (Strabo, XI, 4, 7). Наличие здесь рабов в качестве земледельцев вряд ли можно предположить. Известно, что некоторые исследователи (например, М. И. Ростовцев) склонны в «иеродулах» видеть все население того или иного храмового объединения. Если это мнение и вызывает возражения в отношении развитых храмовых объединений, то, по крайней мере, в отношении существовавших в условиях господства первобытнообщинного или слаборазвитого раннеклассового строя храмовых объединений вполне можно ожидать у античных авторов употребление термина

«иеродулы» для обозначения членов храмовых общин — свободных земледельцев, входящих в данное храмовое объединение.

В подтверждение вышесказанного можно указать на аналогию с храмовыми объединениями горцев Вост. Грузии (исследование В. В. Бардавелидзе). Каждый член хевсурской общины рассматривался как «кма» (ქმა) своего общинного Джвари (ჯვარი), т.е. святилища, а вся община в целом как его «сакмо» (საკმო). В соответствии с этим в Хевсурети было столько «сакмо», сколько и общин. Вместе с этим каждая община и каждый член общины носил теофорное имя, в котором засвидетельствованы слова „საკმო“ («сакмо») и «ქმა» («кма»). Правда, „ქმა“ («крепостной крестьянин») является социальным термином, характерным для феодальной Грузии. Античной Грузии были неизвестны ни сам институт, ни это название, однако В. В. Бардавелидзе справедливо ставит вопрос об употреблении данного термина в вышеотмеченных случаях, скорее всего, в значении «раба». Здесь мы имеем, несомненно, дело с заимствованием из феодальной среды термина для обозначения понятия беспредельно подчиненного (по отношению к божеству и его святилищу) человека. Этот институт сопоставляется также с засвидетельствованным в низменной части Грузии в феодальную эпоху институтом «сакдрисшвилни» или «хатисшвилни» («дети святилища (храма)»). Как мы отметили выше, это крупное храмовое объединение, находившееся, по всей видимости, на территории совр. Кахети (в среднем течении р. Алазани), в первые века н. э. вошло в состав Картлийского государства. Нам кажется, что и в этот период храмовое объединение в значительной мере сохранило свои позиции. Признаком этого мы склонны считать наблюдаемый несколько позже, в IV—VIII вв. факт особенной прочности царского землевладения в этом районе. Кахети предстает перед нами как царский домен. С этим можно связать и то обстоятельство, что Кахети превращается в значительный политический центр царства, происходит выдвижение города Уджарма и т. д. Возможно, мы имеем дело с резким усилением позиции царской власти и царского землевладения, последовавшим за разгромом языческих храмов и жречества в начале IV в. в связи с принятием христианства в Картли.

Что касается внутреннего развития этой, как и других подобных храмовых общин, имевшихся в Картли, то оно, несомненно, шло к упрочению господствующего положения жреческой верхушки, эксплуатирующей зависимое от нее население сельских общин, входивших в то или иное храмовое объединение. Наряду с этим имелись земли, оставшиеся в непосредственном владении храма, превратившиеся фактически в полную собственность верхушки храмового объединения. Они могли обрабатываться рабами, выдавались в качестве наделов для обработки на определенных условиях или же обрабатывались в порядке трудовой повинности членами зависимых от храма общин. Так шло развитие в крупных храмовых общинах. В более мелких храмовых общинах святилище и священнослужители не смогли завоевать особых позиций в землевладении. В лучшем случае за жрецом сохранялись права религиозного и гражданского главы общины («хуци», «хуцеси» у горцев Вост. Грузии). Неделимый земельный фонд общины (храма) — *ager publicus* или вовсе не существовал, или был очень незначительным. Все обязанности (налоги, общественные работы, воинская повинность) выполнялись общиной по отношению к царской власти. Это была фактически «царская община» — „საკმოსი დაბა“ («сакеупо даба»), как она упоминается в более поздних грузинских источниках, хотя социальный статус жившего здесь населения сильно отличался от статуса населения собственно царских земель. Впрочем, от некоторых обязанностей, в частности воинской, не были свободны и общинники, сидевшие на землях крупных храмовых объединений. Конечно, они выполняли и все другие обязательства, но, вероятно, непосредственно только в отношении данного святилища.

Наряду с общинным и храмовым землевладением, о котором речь шла выше, а также царским землевладением, о котором мы будем говорить ниже, в древней Картли существовало также крупное частное землевладение. Это были, в основном, земли

представителей царского рода и военно-служилой знати, выделяемые за службу и т. д. из общинного или из царского земельного фонда. Эту же категорию земель образовали и приобретенные путем купли-продажи земельные участки.

В древнегрузинском мы встречаемся с наличием терминов, обозначающих как в Картли, так и в соседних странах частновладельческие хозяйства. Притом, как в этих странах, так и в Картли налицо противопоставление «агараки», т. е. частновладельческих поместий, — «сопели», «даба» («деревня»), т. е. общине.

«Деревни» могли быть общинами поработанных земледельцев — «глехи», и в таком случае, надо думать, «агараки» обрабатывались данными «глехами». В другом случае к обработке подобных частновладельческих хозяйств крупных сановников или храмов в порядке трудовой повинности могли привлекаться и свободные общинники. Наконец, «агараки» могли обрабатываться либо посаженными на землю рабами, либо обездоленными общинниками, бедняками-чужеземцами и т. д. Эти последние привлекались на условиях аренды, кабальные условия которой не должны подлежать сомнению.

В дальнейшем, в процессе феодализации, подобные крупные, находившиеся вне общины, частновладельческие хозяйства как в Грузии, так и в Армении превратились в небольшие селения, группировавшиеся вокруг крупного поселения, в основном городского, как места сосредоточения крупных земледельцев — высшей знати. В таком значении этот термин и дошел до наших дней («дача» и т. п.). По социальному статусу в эту позднюю эпоху сидевшее в агараках население — то же феодальное крестьянство — не отличалось от населения «деревни». Однако сохранилось различие относительно объема: по сравнению с «деревней», «агараки» было, как правило, небольшим поместьем.

Ясным указанием на наличие в древней Картли царского землевладения является известное сообщение Страбона о существовании в Иберии слоя «царских рабов» (βασιλικαὶ δοῦλοι, — οἱ λαοί, которые доставляли все необходимое для жизни «царскому роду» Иберии. Ясно, что земли, обрабатываемые этими «λαοί», рассматривались в качестве «царской земли» (χώρα βασιλική по терминологии эллинистического Востока). Об этом сообщении Страбона мы подробно говорили выше при рассмотрении вопросов социально-экономической истории древней Картли в эллинистическую эпоху. Было отмечено, что одну из категорий земледельческого населения в Картли того времени образовали эти «лаои» — «царские рабы», называвшиеся, возможно, «глехни», в лице которых мы имеем дело с населением поработанных царской властью общин, к которым по своему социальному статусу, очевидно, относились также и посаженные на царских землях переселенцы.

Бурная эпоха I—II вв., несомненно, поставила в порядок дня широкое привлечение и членов этих общин к военной службе, в силу чего происходила определенная нивелировка в положении «эри» и «глехи». При этом оба этих общественных слоя захватываются интенсивным процессом социальной и имущественной дифференциации, ведущей к образованию, с одной стороны, военного сословия, постепенно отходящего от непосредственного земледельческого труда (будущие «азнауры»), а с другой стороны, к сложению, в основном, уже однородного слоя сельских общинников — непосредственных производителей, все более и более отстранявшихся от военного дела («цврили эри»).

Конечно, возвышение происходило в основном из среды бывших свободных земледельческих общин и несравненно в меньшей мере из общин «глехи» («лаои»). В античной Картли, несомненно, все время сохранялся определенный слой поработанных земледельцев, свидетельством чего можно считать наличие термина «глехи», обозначавшего именно эту категорию земледельцев. Из употребления «глехи» в древних письменных источниках ясно, что речь идет о земледельцах, обрабатывавших чужую землю и выполнявших ряд повинностей по отношению к владельцу земли (подать, а также, возможно, и другие повинности).

Возможно, институт иберийских «лаои»-«глехи» как по своему происхождению, так и по содержанию следует сопоставить не только с малоазийскими «лаои», но, вероятно, в еще большей степени и институтом «илотов» древней Лаконики .

Другую часть держателей царских земель составляли «тадзреулни».

Термин «тадзари» (ՏԱԶԱՐԻ) в древнегрузинском значит, наряду с «храмом» (дом (божий)), также и «дворец». В таком значении употребляется этот термин, например, в одном из древнейших памятников грузинской литературы «Мученичество Шушаник» .

Термин «тадзреули» образован от этого самого термина и буквально означает «дворцовый». По своему значению, так же как и по содержанию, он вполне соответствует древнеармянским «востаникам». Последние были свободными землевладельцами, жившими на царских землях («востан»). Однако, земли на *ხორა* *ვაძილხი* были даны им только в условное наследственное владение; собственником этих земель оставался царь. Востаники были тесно связаны с царской властью и составляли основную часть царской конницы. Даже в марзпанский период нахарарское войско противопоставляется войску, набранному из востаников .

Во многих отношениях близким древнеармянским «востаникам» социальным слоем предстает перед нами слой картлийских «тадзреулни». Исследователи сближают их с категорией «мсахурни» и считают людьми, выполняющими какую-то службу по отношению к «тадзари» — дворцу . Скорее всего, это была воинская повинность . Судя по древнеармянским востаникам, следует думать, что именно из их числа комплектовались «царские полки» — дружины, и «тадзреули» являлись членами таких дружин . Вероятно, они выполняли (особенно в раннюю эпоху) и другие обязательства по отношению ко дворцу.

Когда образовался слой военно-феодальной знати — «азнауры», «тадзреулни» в общественной иерархии оказались ниже их. Ведь они были лишь условными владельцами царских земель. Грузинские источники царю Арчилу (VIII в.) приписывают важную реформу. Согласно «Картлис цховреба», он прибыл в Кахети (она, как указывалось выше, была царским доменом) и всем своим тадзреулам отдал Кахети, и сделал их азнаурами. Отныне это была лишь бывшая царская земля, а военная служба обуславливала владение ими полей, деревень и т. д. Это были уже «ленные землевладельцы», в каковых, в связи с процессом феодализации, превратились и древнеармянские востаники .

Социальный слой тадзреулов в древней Картли формировался, вероятно, в основном из рядов обнищавших общинников — «цврили эри». Однако частично этот слой комплектовался также и из среды вольноотпущенников — бывших рабов, привлеченных к военной службе в царских отрядах, и т. д .

«Мона» является наиболее распространенным и общим обозначением «раба» в древнегрузинском. В древних грузинских и армянских переводах Библии в соответствии с груз. «мона» чаще всего фигурирует арм.(арм), являвшееся также наиболее общим обозначением понятия «раба» в древнеармянском .

Термином такого же характера, как «мона» («раб»), является в древнегрузинском «мхевали» — «рабыня». В параллельных армянских памятниках этот термин обыкновенно соответствует армянскому (арм) (см., напр., Исход. гл. 20, §10, 17 и др.). «Мона» и «мхевали» противопоставляется термин «упали» — «господин». Характерно, что термин «тавис-упали» — «свободный», буквально значит «господин самого себя», т. е. тот, кто не имеет кого-либо другого «господином» («упали»). От «упали» образован также термин «уплеба», употреблявшийся в древнейших памятниках в значении «господствовать», «править» (в дальнейшем «право» и т. д.) . На наличие в древней Картли термина «упали» в качестве термина, обозначающего определенный институт, указывает наименование в арамейской надписи из Армази питиахшем Шарагасом своего отца «упали» (господином) — *gbwnyn* .

В сельском хозяйстве применение рабского или полурабского труда, несомненно, происходило все же в довольно ограниченных масштабах. Здесь господствовал труд свободных земледельцев — общинников. Иначе обстояло дело, безусловно, в таких областях деятельности, как строительство или ремесла. Весьма симптоматичным являются слова древнеармянского историка Фавстоса Бузанда (V в.), которые он вложил в уста албанского царя Урнаира. При описании событий IV в., рассказывая о войне между армяно-греческими и албано-персидскими войсками, Фавстос Бузанд говорит следующее: «Но когда персидские войска пошли походом на армян, то с ними был также и албанский царь Урнаир со своим отрядом. Албанский царь вступил в разговор с теми, кто находился при нем и сказал: «Ныне же я вас предупреждаю, чтобы помнили, что когда мы заберем в плен греческие войска, то многих из них надо оставить в живых, мы их свяжем и отведем в Албанию, и заставим их работать как гончаров, каменотесов и кладчиков для наших городов, дворцов и других нужд». В этом ясно можно видеть факт использования в древней Албании труда рабов — военнопленных, в строительстве и ремесле. Но если это говорится о соседней с Иберией стране, которая по уровню своего развития несколько отставала от Иберии, то, несомненно, то же можно сказать и об Иберии.

Памятники материальной культуры — остатки оборонительных, дворцовых и др. сооружений, дошедшие до нас из древней Картли, поражают своей монументальностью. Для постройки крепостной стены Армазцихе, например, надо было выполнить исключительно трудоемкую работу. Это было под силу лишь тем, в распоряжении которых находились большие массы дешевой рабочей силы. Таковыми же в эту эпоху могли быть и рабы.

Древнегрузинская историческая традиция сохранила нам сведения о крупных строительных и ирригационных работах, проводимых царями древней Картли: согласно исторической хронике «Мокцевай Картлисай» с III в. до н. э. по I в. н. э. царями велись крупные строительные или реставрационные работы в Армазцихе, «городе бога Задени» (Севсамора), Мцхета, Некреси, Уплисцихе .

Наряду со строительством и ремеслом рабы в древней Картли, несомненно, широко привлекались к работе в качестве домашней челяди, слуг.

Основным источником добывания рабов была война. Военнопленные и их потомки составляли, несомненно, основной контингент рабов в древней Картли. То, что введущиеся картлийскими царями многочисленными войнами преследовали между прочим, и эту цель — захват рабов — военнопленных, нашло отражение и в древнегрузинской исторической традиции, а именно, при изложении истории древней Картли не раз отмечается захват картлийскими царями пленных.

В связи с тем обстоятельством, что пленные составляли основную массу рабов, можно ожидать, что сам термин «ткуэ»—(ტყუა) — «пленный» стал синонимом «раба» и часто употреблялся в таком значении. Симпатичным кажется нам в этом отношении многократное употребление данного термина в древнегрузинских источниках в отношении Нино —«просветительницы грузин».

В том, что в этой традиции общественное положение Нино определяется термином «ткуе», мы склонны видеть широкое распространение в древней Картли этого термина в качестве обозначения некоренного элемента — рабов, чужестранцев. В вышеприведенных местах из грузинских источников этот термин фигурирует рядом с терминами «уцхо» и «мцири» (чужестранец, находившийся вне общины человек) и, подобно терминам мона-мхевали, резко противопоставляется термину «господин» (в данном случае: «госпожа» — «дедопали»: пришла Нино как «ткуе», но сделалась затем «дедопали»).

Употребление термина, обозначающего «пленного» в смысле «раб», как известно, часто встречается в древнем мире.

Наряду с «глехи», «мона»-«мхевали» и «ткуэ» в древней Картли, несомненно, существовали и другие обозначения людей, находившихся в рабском состоянии или приближающихся по своему положению к ним (напр., «кирти» для обозначения особо тяжелой формы рабства).

«Мона» и «мхевали» могли иметь не только цари, представители знати и т. д., но и зажиточные слои рядовых свободных. Из памятника VI в. — «Мученичество Евстафия Мцхетского», например, видно, что у мцхетского ремесленника Евстафия имелись свои мона-мхевали. Груз., термин «мона» — «раб», «слуга», исследователи уже давно сближают с древнеперсидским *manu* (от *manu* = «жилище», «дом»), который обыкновенно понимался как «домашний раб».

Интересным является также вопрос о происхождении женского двойника термина «мона». Таковым (самым общим и распространенным термином для обозначения «рабыни») является термин «мхевали» (მხეველი). Корень этого слова вскрывается в женских окончаниях фамильных названий, засвидетельствованных в Западной Грузии — в Гурии, Квемо-Имерети и Самегрело. Так,

женские формы

гурийск. Ломтати-пхе (ლომთათი-პხე-*á*)

мегрел. Куча-хе (კუჩა-ხე-*á*)

мегрел. Джинори-хе (ჯინორი-ხე-*á*) мужские формы

Ломтатидзе

Кучаа←Куча-ва

Джинориа

По аналогии с мужскими формами (с «дзе» — «сын») в «пхе» («хе») следует признать обозначение «дочь» — «женщина». Мегрельское «хе», как полагает А. С. Чикобава, должно быть, является упрощением «пхе». Это последнее же без труда связывается с восточногрузинским (картским) «мхевали», которое образовано характерным для грузинского суффиксом «-ал(и)»: «мхев-али». В «мхе//хе», очевидно, недостает конечного «в» этого корня. А. С. Чикобава оставляет открытым вопрос — является ли означенное мхев//пхе//хе принадлежностью картвельских языков или заимствовано из иноязычной среды.

Из сказанного явствует, в каком направлении следует искать происхождение грузинского термина «мхевали» — «рабыня». Во всяком случае для собственно картской (восточногрузинской) языковой среды корень «мхев» (пхе//хе), очевидно, является заимствованием из той среды, откуда чаще всего доставлялись в древности рабыни.

Наличие этого корня в своем первоначальном (?) значении («женщина», дочь?) как будто уводит нас на запад, в Западную Грузию, причем в самом западногрузинском этот термин также может быть заимствованием из другой языковой среды.

С другой стороны, если за этим корнем признать первоначальное значение «дочь», то это также уводит нас в далекую эпоху патриархального рабства, когда, подобно домашним рабам «сахлис цули» («сын дома»), и рабыни могли рассматриваться «дочерьми (дома)».

§ 2. ГОРОДА. ТОРГОВО-РЕМЕСЛЕННОЕ НАСЕЛЕНИЕ ГОРОДОВ

В качестве крупных центров — «городов» в древней Картли, древнегрузинская историческая традиция (сохранившаяся в «Мокцевай Картлисай») упоминает: Мцхета, Каспи, Уплисцихе, Урбниси, Одзрахе (на месте совр. курорта Абастумани), Некреси (в Кахети). В «Картлис цховреба», кроме того, в качестве крупных центров Картлийского царства — центров отдельных военно-административных округов-саэристао или крепостей, назван ряд других пунктов, например, Цунда, Рустави, Самшвилде, Хунани,

«города Кахети», Шорапани и Димна, в картлийской провинции Западной Грузии— Аргвети, и много других. Однако лишь на основании сравнительно более поздних грузинских источников мы не можем без колебания признать все эти пункты городскими центрами античной Иберии. Решительное слово в этом принадлежит археологическому исследованию, которое пока что проведено лишь в немногих пунктах. Если оставить в стороне столицу Мцхета, о которой как о значительном городе мы располагаем сравнительно обильным материалом как в письменных источниках, так и по археологическим данным, систематические раскопки проведены лишь в Урбниси, Уплисцихе и Рустави. Раскопки в Рустави не дали материала античной эпохи, но выявили много памятников предшествующего (поздняя бронза) и последующего (раннефеодальная эпоха, IV в. н. э. и сл.) периодов. Возможно, это не случайно и следует полагать, что выдвижение Рустави как городского центра происходит именно в IV в. Раскопки в Урбниси (между Гори и Хашури), наоборот, выявили памятники (в том числе много сооружений) позднеантичной и раннефеодальной эпохи и подтвердили сведения письменных источников о наличии здесь крупного поселения городского типа. Факт наличия замечательного творения древнегрузинской архитектуры — на скальном городо-крепости Уплисцихе (в нескольких километрах от Гори), так же как и проведенные за последнее время здесь раскопки, выявившие остатки грандиозных сооружений античной эпохи, подтверждают сообщения древнегрузинских источников о наличии в этом месте одного из крупных городских центров античной Картли.

Первыми веками н. э. датируется открытое в с. Дзалиса (к северу от Мцхета) довольно обширное городище, идентифицированное с городом Дзалиси, упомянутым Клавдием Птолемеем в его «Географическом руководстве» (§ 10, 3). Уже открыты археологическими раскопками дворцовые и общественные сооружения; улицы, мощенные керамическими плитами; баки с гипокаустической системой отопления и мозаичными полами; храм с великолепной мозаикой, на которой, изображены Дионис и Ариадна с другими мифологическими персонажами.

Исходя из данных древнегрузинских исторических источников, считается, что одним из крупных городских центров был также город Каспи, локализуемый на месте нынешнего Каспи — крупного поселения городского типа, примерно в 50 км к северо-западу от Тбилиси.

Города античной Картли являлись в первую очередь торгово-ремесленными и в ряде случаев также военно-административными, военно-стратегическими центрами. В условиях сравнительно малоразвитого общества города часто возникали именно вблизи крупных военно-административных центров. Однако, конечно, не все крупные крепости превращались в города, т. е. в крупные торгово-ремесленные центры. Хорошего стратегического положения для этого, несомненно, было недостаточно. Наряду с фактором экономического развития того или иного района страны, которым во многом было обусловлено выдвижение тех или иных городских центров, следует указать также на роль торговли и торговых путей. Не случайно наиболее значительные городские центры древней Картли были расположены по течению р. Куры являвшейся в то время крупной торговой магистралью (подобно Фасису-Риони в Западной Грузии. Местные торгово-ремесленные центры — города Зап. Грузии, как мы видели выше, имелись, главным образом, именно на этой торговой магистрали).

Исключительно выгодное положение в этом отношении занимала Мцхета, и это, вероятно, сыграло немалую роль в ее выдвижении. Она, как уже говорилось выше, лежала на перекрестке дорог, идущих из многих соседних областей (из Армении, Албании, Колхиды, из стран северных кочевников — Северного Кавказа). По нижнему и среднему течению р. Куры проходил также международный торговый путь, идущий из Индии к черноморским городам Колхиды (см. выше).

Главные торговые пути на территории Грузии в древности проходили там же, где и ныне проходят основные магистрали, соединяющие разные части Грузии, а также

связывающие ее с соседними областями. Это обстоятельство подтверждается изучением данных известной римской дорожной карты, т. н. Tabula Peutingeriana, составленной во второй половине IV в. римским географом Касторием, сопоставляемых с данными «Космографии» Равенского анонима (VII в.). Правда, эти памятники принадлежат к более позднему времени, но общепризнано, что они в значительной мере основываются на более древних материалах (I—II вв. н. э.). В советской литературе данные Tabula Peutingeriana, относящиеся к торговым путям Закавказья, тщательно были изучены Я. А. Манандяном и С. Т. Еремянном. Этим данным, относящимся к торговым путям на территории собственно Грузии посвящена работа Н. Ю. Ломоури. Для изучения этих данных Tabula Peutingeriana и «Космографии» Равенского анонима большое значение имели исследования К. Миллера, Томашека, И. Маркварта и др.

Торговые пути, проходившие по территории Грузии, имели огромное значение. Благодаря им древняя Картли в первые века н. э. была связана с основными международными путями, идущими с востока на запад. Но не только эти пути связывали Картли с основными международными торговыми магистралями, проходящими через территорию исторической Армении. В эту эпоху границы Картлийского государства были далеко выдвинутыми, в частности в юго-западном направлении. Через Самцхе и Джавахети, несомненно, шли дороги идущие не только на юго-восток, в сторону Арташата, но и на юго-запад, в области Кларджети, Тао и др. В этой связи следует назвать факт упоминания уже Птолемеем (II в.) среди иберийских поселений Артаниссы (поздний Артанудж), превратившейся в раннефеодальную эпоху в важнейший торговый и политический центр). Несомненно, и по этим дорогам в первые века н. э. Картли связывалась с южными торговыми центрами.

В первые века н. э. торговля между востоком и западом стала очень интенсивной. Индийские и китайские товары широким потоком шли на запад. Крупные торговые центры Армении, Сирии, Северной Месопотамии и Малой Азии широко были вовлечены в эту торговлю. Имеются даже сведения о торговле индийскими и вавилонскими товарами, которую вели жившие на далеком севере сираки и аорсы. Эти последние, согласно Страбону, «вели караванную торговлю и перевозили на верблюдах вьюки индийских и вавилонских товаров, получая их со стороны армян и мидийцев. Вследствие их зажиточности одежда их была покрыта золотыми украшениями, Аорсы жили близ Танаиса, а сираки около реки Ахардеона, которая, вытекая из Кавказских гор, впадает в Меотидское озеро» (Strabo, XI, 5, 8). Акад. Я. А. Манандян склонен эти торговые сношения аорсов и сираков с Вавилонией и Индией предположить, главным образом, через Арташат и по Меотидо-Колхидской магистрали. Через города Колхиды, в частности Фасис и Диоскурию, по его мнению, проходил караванный международный путь из Индии и Вавилонии через Армению и Меотиду.

Однако нам кажется, что у Я. А. Манандяна не нашла должного отражения роль, которую, несомненно, играло в первые века н. э. сильное Картлийское царство в международной торговле. Хотя бы в периоды политических осложнений в Армении и ожесточенной борьбы Рима с Парфией, которые, как известно, в это время неоднократно имели место, вполне допустимо использование в качестве торговой магистрали, связывающей Восток с Западом, северного пути из Индии к черноморским портам Колхиды, проходящего через Албанию и Иберию. Кроме того, в условиях засилья горцем и постепенного превращения прибрежных городов Колхиды в римские крепости, международная торговля по Меотидо-Колхидской дороге должна была в значительной степени сократиться. В это же время, вероятно, значительную роль стали играть торговые города Картли. Наличие, в основном, дружеских взаимоотношений Картли с крупными северокавказскими объединениями аланов и других племен в эту эпоху также предполагает, что Картли являлась связующим звеном северо-кавказских областей с южными торговыми центрами. Тем более, сами картлийские города были, несомненно, очень тесно связаны с ними. Правда, мы не располагаем соответствующими сведениями

в письменных памятниках той эпохи, однако в несколько более поздних источниках на этот счет имеются заслуживающие внимания сведения. Так, Прокопий Кесарийский (I пол. VI в.) о Двине, возникшем на северных окраинах древнего Арташата, говорит, что сюда ввозились товары из Индии, из соседней Иберии и почти от всех народов подвластных персам и даже римлянам (Bel. Pers., II, 25) Можно думать, что попытки царей Картли в I—II вв. н. э. распространить, свое влияние и на Армению в немалой степени были обусловлены стремлением к установлению своего контроля над крупными торговыми путями, проходящими через Армению.

Однако самое яркое свидетельство вовлечения Картли в первые века н. э. в водоворот международной торговли, мы можем почерпнуть из археологического материала .

Об этом свидетельствуют в первую очередь нумизматические находки на территории Картли, относящиеся к I—II вв. н. э. Именно о большой роли внешней торговли свидетельствует факт обращения в древней Картли наиболее распространенных в тогдешнем мире и международной торговле того времени монет и чеканка местных подражаний им. В эллинистическую эпоху в Картли такую роль, по-видимому, играли подражания золотым статерам Александра Македонского, в первые века н. э. же в Картли широкое распространение получили серебряные римские и парфянские монеты, в частности наиболее распространенные в мировой торговле того времени денарии Августа и драхмы Готарза и местные подражания им.

О широком вовлечении Картли в мировую торговлю того времени говорит также наличие большого количества импортных товаров в археологическом материале I—III вв. из Картли. Преобладающая часть этих товаров, представляющая собой предметы роскоши, была предназначена для зажиточных слоев населения (серебряная и стеклянная посуда, украшения и т.д.) .

За неимением соответствующего материала очень трудно судить о предметах экспорта из Картли. Особенно значительным был экспорт картлийских товаров, вероятно, в соседние страны, в том числе в горные области. Интенсивным был товарообмен, несомненно, и между отдельными частями самого Картлийского царства. Интересно, что, согласно «Мокцевай Картлисай», в Мцхета устраивались большие ярмарки, на которых собирался народ со всех концов Картли. В «Житии Св.Нино» рассказывается, что Нино по прибытии в Картли провела месяц в Урбниси, в еврейском квартале. Тогда, «в один день сильная и несметная толпа двинулась из этого города и отправилась в большой город Мцхета, резиденцию великих царей для торговли и поклонения Армази, богу своему» . Затем устами Нино рассказывается о большом религиозном празднике в Мцхета-Армази. Видно, таким большим праздникам и сопутствовали ярмарки, конечно, не только в Мцхета, но и в других религиозных центрах страны.

Города древней Картли, наряду с торговыми центрами, были также и центрами ремесла. Археологический материал I-III вв., добытый при раскопках древнекартлийских городов (в первую очередь Мцхета), говорит о высоком развитии древней Картли ряда ремесел. Широкий размах производства строительных материалов заставляет исследователей предполагать наличие крупных царских мастерских, в которых в значительных размерах использовался рабский труд. Выявлены очаги местного стеклянного производства (Мцхета, Урбниси). Широко развитым было металлообрабатывающее производство, имевшее здесь древние традиции. Один из центров металлообрабатывающего производства имелся и в Большой Мцхета в виде одного из ее кварталов — Саркине (букв. «Железный район», напротив нынешн. с. Дзегви, на левом берегу Куры). Произведенные здесь с 1954 года раскопки выявили очень яркие следы металлообрабатывающего производства .

Ювелирное ремесло в античной Картли достигло, по всей видимости, исключительно высокого развития. Высокохудожественные золотые предметы, открытые в Мцхета (Армазисхеви и др.), а также в других местах Картлийского царства, отражают художественные вкусы местного населения, специфичны и, несомненно, являются

продукцией грузинского ювелирного ремесла, органически развивавшегося на местной почве, на своих многовековых традициях .

Большое количество ремесленников было занято, несомненно, на собственно строительных работах. Наряду с рабами в строительных работах принимали участие, вероятно, также и свободные ремесленники.

Большой размах имело, несомненно, ткацкое дело. Страна могла гордиться своими тканями. Симптоматично в этом отношении сообщение Элия Спартиана, что Фарсман II, царь Картли, послал римскому императору Адриану «огромные дары, и в том числе украшенные золотом плащи». Впоследствии Адриан, очевидно, разгневанный антиримской деятельностью Фарсмана, задумал осмеять эти дары; он послал на арену триста преступников в этих плащах .

Как и раньше, очень широкий размах имело в стране керамическое производство. Однако наблюдается любопытное обстоятельство: продукция мцхетских гончаров античной эпохи по разнообразию форм и красоте заметно уступает изделиям позднебронзовой эпохи. Исследователи склонны объяснить это факт искать в выдвигании на первый план серебряной, бронзовой и стеклянной посуды . Ее потребителями были, в основном, зажиточные слои общества. Глиняной же посудой пользовался простой народ. При этом дальнейшее углубление общественного разделения труда, сосредоточение ремесла, в том числе и гончарного, преимущественно в городах, потребовало увеличения массового производства дешевой глиняной посуды. В ущерб количеству стало страдать качество . Находки керамических сосудов, совершенно аналогичных мцхетским и по глине, и по формам, в с. Земо-Авчала, Дигоми, Дампало, Ничбиси показывают, что изделия мцхетских гончаров сбывались и за пределами Мцхета, в прилегающих к городу сельских областях .

Города древней Картли, наряду с торгово-ремесленными центрами, были и укрепленными пунктами, в каждом из которых имелась своя крепость, а в крупнейших из них даже целая система крепостей, защищавшая город. Столицу Мцхета защищали, например, две крупные крепости — Армазцихе и крепость бога Задени (Севсамора), а также, вероятно, ряд других, менее значительных фортификационных сооружений. Цитадель («цихе») во второстепенных городах служила, вероятно, также и резиденцией главы местной администрации («цихистави» или «эристави»). По-иному, очевидно, обстояло дело в столице. Здесь основные дворцовые сооружения, царские сады («самотхэ») и т. п. в первые века н. э. находились уже не в цитадели Армазцихе, а на противоположном берегу Куры, в Мцхета . В столице жило также много представителей высшей картлийской знати. Резиденцией некоторых из них (в первую очередь, вероятно, главнокомандующего — спаспета, возглавлявшего, согласно «Картлис цховреба», всю царскую администрацию) была Армазцихе. Обычно это были члены царского рода. Об этом свидетельствует открытие богатого погребения типа мавзолея на Багинетской горе. Усадьбы представителей знати, по-видимому, находились далеко друг от друга. Так, один из знатнейших родов древней Иберии имел резиденцию в Армазисхеви, в нескольких километрах от цитадели — Армазцихе, и царской резиденции в Мцхета. В этом месте, как известно, в 1937—1946 гг. велись крупные археологические раскопки, выявившие остатки дворцовых сооружений, бани, винного погреба и родовую усыпальницу живших здесь картлийских вельмож и членов их семейств. Можно предполагать, что в Большой Мцхета и во многих других местах имелись подобные усадьбы знатнейших родов древней Иберии. Более мелкие представители иберийской знати, сосредоточенные в своих «больших домах», группировались, вероятно, вокруг царской резиденции, а также вблизи усадеб высших сановников Картли . Именно в этом, возможно, и следует видеть объяснение факту обнаружения богатых погребений указанной эпохи в разных, порой отстоявших друг от друга на большом расстоянии, местах древней столицы Картли .

В эту эпоху в городах Картли, так же как и в городах Армении и других соседних стран, очень сильным был иноземный элемент. Этими иностранцами являлись, главным образом, евреи, арамейцы (сирийцы), частично греки и т. д. Известно, что правители Армении, в частности Тигран II, прибегали даже к массовому переселению из завоеванных городов эллинистического Востока (Иудеи, Финикии, Сирии) эллинизированного населения для заселения ими вновь основанных или уже существовавших городов Армении .

Вообще характерной особенностью армянских городов первых столетий н. э. было преобладание занимавшегося торговлей и ремеслом еврейского и сирийского населения . О присутствии в городах древней Картли иноземного элемента мы также располагаем красноречивыми данными. Судя по «Житию св. Нино», еврейские колонии существовали в городах Урбниси и Мцхета. В Урбниси Нино провела месяц в «(еврейском святилище» («Багини Уриата» — ԱՂԱԷԻԷ ձՕՕԷԱԷՆ) . Согласно этому памятнику, в Мцхета тоже имелась очень сильная еврейская колония. В рассказе об обращении Картли в христианство активно фигурирует ряд представителей мцхетской еврейской колонии (Абиатар, который до принятия христианства являлся священнослужителем в «еврейском багине (святилище)» в Мцхета , его дочь Сидония и др.).

Евреи, жившие в нееврейских городах, образовали, как известно, замкнутые еврейские общины. Так было и в соседней Армении. Между прочим, и вышеприведенное сообщение Фавстоса Бузанда, резко дифференцировавшего население городов Армении на евреев и неевреев («армян»), подразумевает, что эти этнические элементы жили отдельно друг от друга . То же подтверждается и в отношении Картли. В «Картлис цховреба» среди кварталов («убани») Большой Мцхета специально называется «Занави, еврейский квартал» (ԶԱՆԱՎԷ, ՕՂԱԷԻԷ ՕՕԷԱԷՆ) (КЦ, 17—18). В «Картлис цховреба» упоминается такой квартал («Убани уриата») и в городе Урбниси (КЦ, 88 прим.). Топонимике древней Картли не чуждо это наименование и в других случаях.

Существовали целые села под названием «Уриатубани» («Еврейский квартал»).

Существование святилищ («багини») в еврейских колониях в Урбниси, Мцхета и т. д. также свидетельствует, что евреи образовали здесь замкнутые религиозно-этнические общины. Характерно в этом отношении также одно сообщение «Мокцевай Картлисай», по которому можно заключить, что еврейская община в Мцхета веками хранила свою историческую традицию, традицию местной еврейской колонии. Князь Васпураканский, обращаясь к мцхетскому еврею Абиатару, говорит, что «×Á (= 503) года прошло с тех пор, как отцы (= предки) наши пришли сюда (в Мцхета, Картли)». В этой же беседе Абиатар, со своей стороны, говорит, что прошло 334 года с тех пор, как бог уже не покровительствует Израилю . Подразумевается, несомненно, мученическая смерть Христа, вина за которую падала на евреев. Учитывая то обстоятельство, что даты от рождества Христа в «Мокцевай» фигурируют в качестве дат от смерти Христа, можно вычислить и время основания мцхетской еврейской колонии: 334 г. н. э. — 503 года = 169 г. до н. э. — так датировала местная еврейская традиция основание своей колонии .

О наличии еврейской общины в Картли, в частности в Мцхета, мы узнаем также из древнегрузинского памятника «Мученичество Евстафия Мцхетского» .

Открытие в Мцхета еврейских надгробных памятников — эпитафий , частично, может быть, и факт составления в I — II вв. в Картли надписей на арамейском языке, могут также свидетельствовать о наличии еврейского и сирийского элемента среди населения городов древней Картли. Симптоматично также известное сообщение «Картлис цховреба», что в древней Картли говорили, кроме грузинского, еще на пяти других языках: армянском, хазарском (североиранские диалекты?), ассирийском («асурули» — т. е. сирийском, арамейском), еврейском и греческом (КЦ, 16).

Подобно религиозно-этническим общинам иноземцев, местное коренное население городов Картли, несомненно, тоже образовало самоуправляющую общину.

Полноправные члены этой городской общины считались «мквидрни». Царь Мириан,

например, в качестве вознаграждения обещает пленнице Нино обогатить ее, сделать ее «мквидри (города) Мцхета и слугой бога Армази» .

Если в древности городскую общину объединяло поклонение языческой религии, то после принятия христианства это была уже христианская община. Симптоматично сообщение «Мокцевай Картлисай», в котором при изложении событий VI в. говорится, что «мквидрни» Тбилиси приступили к строительству большой церкви; половину этой работы взял на себя «весь эри» (т. е. рядовые члены городской общины), половину же — «эриставы». В объединении «всего (городского) эри (народа)» для строительства церкви также можно усмотреть признаки общинного объединения городского населения. Община совместно выполняла все, необходимые для нее самой, работы. В то же время она, несомненно, несла коллективную ответственность перед царской властью, государством (выплата налогов, выполнение общественных работ, возможно, также и воинская повинность).

Город имел, несомненно, и свою «знать». «Городскую знать» могли образовать зажиточные граждане — торговцы и владельцы ремесленных мастерских. Вероятно, именно из их среды и формировался, как правило, круг главарей городских общин («тавкацеби», «кацни мтаварни»). В числе этой знати, могли быть также и поставленные царем во главе городской администрации лица. Судя по более поздним аналогиям, возможно, что царские чиновники, стоявшие во главе управления как сельских, так и городских поселений в качестве представителей государственной власти, назывались «мамасахлиси».

Трудно также судить, существовало ли в древней Картли, по аналогии с областями с очень развитой городской жизнью городское землевладение как одна из специфических форм землевладения . То, что городское население наряду с торговлей и ремеслом занималось также земледелием и скотоводством, не вызывает никаких сомнений. Можно указать хотя бы на распространение в Мцхета обычая захоронения в больших винных сосудах — «квеври». Некоторые из них носят даже следы использования в хозяйстве (винные осадки), в других — обнаружены «лзовые ножи» — орудия труда виноградарей, и т. д. Следует также вспомнить о пастухах из Мцхетского рабата, пригнавших скот на летние высокогорные пастбища Джавахети («Житие Св. Нино»). При раскопках в Урбниси обнаружены следы водостока, предназначавшегося для орошения и т. д. Таким образом, одна часть населения города имела, вероятно, земельные участки и обрабатывала их своим трудом или же трудом рабов (своей домашней челяди).

Не подлежит сомнению и то, что вокруг городов находились земледельческие поселения — деревни. Экономически эти поселения, несомненно, были тесно связаны с городом, однако каков был статус этих деревень и их жителей — трудно сказать. Это могли быть поселения земледельцев, сидевших на царской или храмовой земле (в Мцхета, в частности, надо допустить наличие больших владений храмов Армази и Задени), или поместья, принадлежавшие тем или иным представителям высшей картлийской знати. Наконец, они могли быть и свободными земледельческими общинами. Однако трудно сказать, рассматривались ли примыкавшие к городу земли в качестве «городских земель» и находились ли они в ведении города как самоуправляющейся общины и т. п. Аналогия с развитыми малоазийскими и др. городами в этом деле мало что может сказать нам. Как было указано выше, не может быть уверенности в том, что городская жизнь в древней Картли достигла столь высокого уровня развития, что картлийские города стали самоуправляющимися полисами. По всей видимости, города древней Картли, являясь в значительной мере военно-административными и военно-стратегическими центрами, в сильной степени подчинялись царской администрации, которая в значительной степени ограничивала общинное самоуправление городского населения .

§ 3. ГОСУДАРСТВЕННЫЙ СТРОЙ. ЦАРСКИЙ РОД И ВОЕННО-СЛУЖИЛАЯ ЗНАТЬ—ГОСПОДСТВУЮЩИЕ СЛОИ НАСЕЛЕНИЯ КАРТЛИ

Во главе Картлийского государства стоял царь («мепе»). В арамейских и греческих надписях I—II вв. н. э. из Армази он носит титул «великого царя». В «Мокцевай Картлисай» Мцхета упоминается как резиденция «великих царей» (Описание..., II, 728). В рассматриваемую эпоху мы имеем ряд ясных указаний источников о порядке престолонаследия в Картли. Из них следует, что престол переходил от отца к (старшему) сыну. Так, царствовавший в 30—60-х гг. I в. Фарсман I был сыном царя Митридата (I) (Dio, LVIII 26, 1—4). В 70-х гг. того же столетия на царском престоле мы видим Митридата, сына царя Фарсмана (I) (греческая надпись из Мцхета эпохи Веспасиана, 14-строчная арамейская надпись из Армази). В греческой надписи, датируемой 114—115 гг. н. э. упоминается сын царя Амазасп, брат царствовавшего тогда в Картли царя Митридата (III). Последний, таким образом, также унаследовал престол своего отца и т. д.

Судя по греко-римским источникам этого периода, картлийский царь предстает перед нами в качестве монарха, в руках которого находилась полнота власти во всех сферах государственной деятельности. У Кассия Диона, Корнелия Тацита и др. античных авторов (идет ли речь о дипломатической или военной активности Картли) на первом плане все время выступает фигура царя. Вся государственная администрация подчиняется царю. Высшие сановники Картли (питиахши, эпитроп) называются сановниками того или иного царя Картли и т. д.

В древней Картли имелся, очевидно, институт «второго (после царя) лица». По определению Страбона, в первом роде Иберии второе (после царя) лицо (δ δευτερος) «творит суд и предводительствует войском» (XI, 3, 6). С этим перекликаются сообщения древнегрузинских источников («Картлис цховреба»), согласно которым в древней Картли во главе администрации стоял «спаспет» (главнокомандующий). Он был вторым после царя лицом (“ $\dot{\text{U}}\dot{\text{A}}\dot{\text{I}}\dot{\text{A}}\dot{\text{I}}\dot{\text{I}}\dot{\text{A}}\dot{\text{A}}\dot{\text{A}}\dot{\text{A}}\dot{\text{B}}\dot{\text{E}}\dot{\text{I}}\dot{\text{A}}\dot{\text{U}}\dot{\text{A}}\dot{\text{I}}\dot{\text{A}}\times\dot{\text{E}}\dot{\text{O}}\dot{\text{A}}$ ”), главой над всеми эриставами (военачальниками и областеначальниками) и правителем центральной области государства — Шида-Картли (КЦ, 24—25). И в других древне-грузинских памятниках встречаем мы упоминание спаспета, являвшегося после царя главным управителем царства Картлийского.

В греко-арамейской надписи из Армази упоминается существовавшая при картлийском царском дворе должность дворюправителя». В арамейском тексте муж Серафиты, которой посвящена данная эпитафия, Иодманган называется «могучим и одержавшим много побед дворюправителем (rb trbs) царя Хсефарнуга». В то же время говорится, что Иодманган был сыном Агриппы, дворюправителя (rb trbs) царя Фарсмана. Поскольку арамейское rb trbs является точной передачей засвидетельствованного уже в древнегрузинских переводах Ветхого и Нового Завета термина «эзоис модзгвари» ($\dot{\text{A}}\dot{\text{E}}\dot{\text{I}}\dot{\text{O}}\dot{\text{I}}\dot{\text{P}}\dot{\text{U}}\dot{\text{O}}\dot{\text{A}}\dot{\text{O}}\dot{\text{E}}$) то, следовательно, нам известно и местное, грузинское, наименование этой высокой должности.

Термин этот имеет значение «управляющего» и управителя чьим-либо «двором» («эзо»). Так, в древних редакциях грузинского "Четвероглава (Матв. 20, 8) «сахлис упали» (господин дома), «мамасахлиси» (глава дома) повелевает своему «эзоис модзгвари» выдать плату работникам, поставленным на работу в его винограднике („ $\dot{\text{O}}\dot{\text{A}}\dot{\text{U}}\dot{\text{O}}\dot{\text{O}}\dot{\text{P}}\dot{\text{A}}\dot{\text{I}}\dot{\text{E}}$ ”). При определении функций «эзоис модзгвари» древней Картли и его места в государственной иерархии мы вынуждены исходить, в основном, из аналогии с

соседними странами, а также из некоторых косвенных данных местных источников и терминологического анализа. Судя по всему этому, «эзоис модзгвари» (хазарапет, эпитроп) ведал, по-видимому, государственными доходами (сбор «царской подати» — «харки сámeупо», как его называет «Картлис цховреба» — КЦ, 25), стоял во главе царского хозяйства, ведал другими делами царского двора и т. д. То, что в армазской билингве дворорууправитель — эпитроп царя Хсефарнуга Йодманган, называется «могущественным и завоевавшим много побед», конечно, еще не значит, что командование войсками входило в его функции как «эзоис модзгвари». Участие в походах (конечно, на командных постах), несомненно, входило в обязанности всех картлийских сановников, все они являлись «эриставами» («военачальниками») в широком смысле этого слова. Впрочем, «дворорууправитель» Картли мог иметь и непосредственное отношение к военному делу, руководя отрядами царской охраны или же ополчением, выставляемым населением, сидевшим на царских землях («тадзреулни» и т. д.).

Согласно древнегрузинской традиции, на первом месте в государстве находилось военное ведомство, во главе которого стоял «спаспет» — «второе лицо в царстве». В древнегрузинском он назывался, вероятно, «эрисмтавари» («глава эри (народ-войско)») или «эрисмтаварт-эрисмтавари» («эрисмтавари эрисмтаваров»). То, что он, согласно грузинским источникам, выступает и главой областеначальников, также понятно, так как административно-территориальное деление Картли основывалось на принципе организации войска. Об этом говорит тот факт, что областеначальники носили титул «военачальника» («эрисмтавари»/«эристави»).

Акад. С. Н. Джанашиа впервые высказал мысль о том, что иранский термин «питиахш», который встречается в греко-арамейско-пехлевийских надписях из Картли I—III вв. н.э. в качестве обозначения сановников картлийских царей, по-видимому, соответствует этому грузинскому термину.

«Эриставов» в древней Картли было, несомненно, несколько. «Картлис цховреба» обыкновенно называет то восемь, то девять «эриставов» (КЦ, 24, 185). Это были областеначальники, правители крупных областей. Встает вопрос, назывались ли они и у себя в стране наряду с «эриставами» также и «питиахшами» или этот иноземный титул употреблялся для их обозначения лишь в иноязычной среде, в надписях на других языках. Наличие в соседней Армении этого титула в качестве обозначения самых высших по рангу правителей некоторых крупных областей, а также употребление его в грузинских источниках (правда, несколько более поздней эпохи) говорит как будто о том, что термин этот имелся и в грузинском языке и употреблялся в качестве обозначения высших грузинских сановников.

В интересующую же нас эпоху «питиахшами» назывались (в основном, видимо, в иноязычной среде) наместники — правители крупных областей древней Картли — (эрисмтавары). Однако трудно решить, все ли областеначальники древней Картли носили этот почетный титул. Скорее всего, он принадлежал наиболее могущественным из них. То, что лица, стоявшие во главе отдельных административно-территориальных единиц Картли назывались «эриставами» («эрисмтаварами»), как указывалось выше, говорит о том, что определяющим моментом при этом делении была организация войска.

«Эристави» (глава войска) руководил набором воинов в своей области и выступал на войну во главе их. Картлийские «эриставы» соответствуют армянским «нахарарам» (этим последним словом и передается часто данный грузинский термин в армянском переводе «Картлис цховреба»). Интересно, что эти административно-территориальные образования Армении, так же как, например, соседней Каппадокии, античные авторы обозначали довольно близко стоящим к грузинскому «эристави» — «саэристао» термином (στρατηγία) (от στρατηγός «полководец» и др.).

Так же как и в соседней Армении, «стратегии» (саэристао) Картлийского царства обыкновенно представляли собой исторически сложившиеся территориальные единицы,

Возможно, существовала должность собирателя подати. В древнегрузинском переводе Ветхого и Нового Завета, во всяком случае, неоднократно упоминается термин, обозначающий «собирателя подати» — «мезуере» (IÄÆÖÄÖÄ), вариантом которого иногда выступает описательное «харкис момхдели» (áÀÒÊÊÓ ÌÏáÄÄËË) . Наряду с воинской повинностью и выплатой налогов население Картли выполняло, вероятно, также и трудовую повинность. Конечно, не в такой мере, как в великих ирригационных обществах древнего Востока, но все же и в древней Картли государство выполняло определенные функции по организации хозяйства. Большой удельный вес царского хозяйства уже говорит в пользу этого. В древнегрузинской хронике «Мокцевай Картлисай» мы находим сведения о проведении оросительных каналов теми или иными правителями . Конечно, кроме ирригационных работ велись также и другие общественные работы. К ним, вероятно, привлекались наряду с рабами и свободные общинники. В древнегрузинском переводе Библии выполнение свободными людьми государственной трудовой повинности обозначается также термином «харки» (III книга царей, гл. V, § 13), а надсмотрщики, старейшины, при этих работах названы как «ухуцесни», «зедамдгомелни» (там же, гл. III, § 2; гл. V, § 16) и, наконец, сами работники именуются «эрни мокмедни сакмисата» (гл. III, § 2), «мокмедни сакмисата» (гл. V, § 16). Среди картлийской аристократии в качестве определенного высшего слоя выделялись сепецули (ÓÄ×Ä-ßÖËË) — люди, принадлежавшие к царскому роду. Об этом может свидетельствовать употребление этого термина даже в соседней Армении. Моисей Хорейский говорит об иберийских сепецулах как о людях царского происхождения, которые, подобно первым армянским «востаникам» («коренной востан» — буностан), входили в царские полки («гунд») и за службу получали в наследственное владение деревни и поместья (дастакерты) (кн. II, гл. 7). Свидетельство наличия в древней Картли определенной социальной прослойки сепецулов можно усмотреть также в сообщении другого древнеармянского историка Фавстоса Бузанда, который при описании событий IV в. говорит о репрессиях вторгшегося в Картли армянского полководца Мушега по отношению к «Фарнавазианам», «нахарарам» и «азатам» . Таким образом, здесь среди привилегированной части населения различаются три разных слоя: 1) люди, принадлежавшие к царской династии Фарнавазианов, т. е. те же сепецулы, 2) высший слой военнотрудовой знати — эриставы (нахарары) и 3) военное сословие — сложившийся к этому времени слой свободных землевладельцев воинов — азнауры (азаты).

Конечно, постепенно термины «сепэ» и «сепецули» претерпели некоторые семантические изменения. В значительной мере это было обусловлено, очевидно, изменением реальной обстановки. Если причину первоначального столь яркого выделения слоя сепецулов мы должны искать в той глубокой древности, когда страбоновский «первый (царский) род». Иберии в силу недоразвитости государства смотрел на царство, главным образом, как на свою родовую собственность, то со временем, в связи с выдвиганием сильного слоя военнотрудовой знати (комплектовавшейся наряду с представителями царского рода также и из не принадлежавших к этому роду лиц), проведение резкого различия по происхождению от царского или нецарского рода постепенно отошло на задний план. Многие боковые ветви царской фамилии занимали в государстве, вероятно, более приниженное положение, чем роды нецарского происхождения, сделавшие своей привилегией ту или иную высокую должность в государстве. Поэтому термин «сепецули», продолжая существовать и в своем старом значении, иногда стал применяться, очевидно, просто для обозначения высшего слоя картлийской аристократии. Судя по древнегрузинским и древнеармянским источникам, в переходный к феодальному строю период IV—VI вв. в стране, видимо, фигурировал целый ряд терминов, употреблявшихся в качестве синонимов для общего обозначения высшего слоя картлийской знати. В таком значении, например, мы встречаем употребление терминов: «эриставни» (арм. «нахарары»), «мтаварни» (арм.

«ишханы»), «мамасахлисни» (арм. «танутеры»), «питиахшни» «сепецулни», «азнаурни дид-дидни», «царчинебулни» (ср. $\rho\rho\omega\tau\omega\nu$ Ἰβήρων у Кассия Диона — Ер. LXIX, 15) и т. д.

Члены царского рода («сепецули») занимали в царстве высокие государственные посты. Мы уже видели выше, что «второе лицо» в государстве — главнокомандующий (спаспет), был членом царского рода, лицом, обычно очень близко стоявшим по родству к царю. Сепецулы занимали, несомненно, также ряд других высоких должностей, в том числе и должности царских наместников — областеначальников. Характерно в этом отношении сообщение историка царя Вахтанга Горгасала о сепецуле Бивритиани. Если в описании событий начала царствования Вахтанга он упоминается просто как «сепецули» (КЦ, 156), то впоследствии фигурирует уже в качестве эристава Одзрхе (КЦ, 185, 204 — ср. 189, 200). Сепецулы занимали, несомненно, и другие посты. Кроме того, значительная часть их, судя по вышеуказанному сообщению Моисея Хоренского (II, 7), входила в царские дружины (постоянное царское войско), занимая в них, должно быть, командные посты.

Как и в соседних Иране и Армении, в Картли, несомненно, очень рано наметилась тенденция превращения тех или иных высоких государственных должностей в привилегию отдельных знатных родов, будь они царского или нецарского происхождения. Красноречивым свидетельством этого является засвидетельствованный греко-арамейской билингвой из Армази факт: сын двороуправителя царя Фарсмана II Публикия Агриппы Иодманган также получил пост двороуправителя при преемнике Фарсмана II — царе Хсефарнуге.

Археологический материал I—III вв. н. э. из столицы Мцхета (Армазисхеви, Багинети и т. д.), а также из других пунктов Картлийского царства (Бори, Клдеети и др.) со всей очевидностью показывает богатство, в котором жила картлийская знать. В погребении картлийских вельмож и членов их семей привлекает внимание обилие драгоценных вещей как местного, так и иноземного производства. Знать исключительно широко пользовалась иноземными предметами роскоши (серебряная посуда, украшения и т. д.).

Дошедшие до нас остатки дворцовых сооружений армазисхевских питиахшей, замечательная, устроенная по всем правилам тогдашнего времени баня, открытые здесь остатки огромного винного погреба, великолепные дворцовые сооружения на горе Багинети, огромные мавзолеи в Армазцихе и у жел.-дор. станции Мцхета дополняют картину роскоши, в которой, судя по погребальному инвентарю, жила высшая знать Картли.

Картлийская знать пользовалась наиболее распространенными в тогдашнем мире системами письма: греческим, арамейским. Она, несомненно, хорошо была знакома с высокоразвитой эллинской культурой. Как и в соседней Армении, вероятно, и в Картли игрались пьесы эллинских, а также, может быть, и местных авторов. В наскальном комплексе Уплисцихе некоторые исследователи, как известно, склонны усмотреть сооружения, предназначенные для театральных представлений. Военные упражнения, спортивные состязания и игры также заполняли повседневную жизнь картлийской знати. Даже императорский Рим, как сообщает Кассий Дион, с восхищением смотрел на «военные упражнения (Фарсмана II), сына и других знатнейших иберов» (Ер. LXIX, 15). Тацит же, говоря о царевиче Радамисте, отмечает, что это был «замечательный телесной силой, наученный отечественным искусствам и пользовавшийся большой известностью у соседей» (Ann., XII, 44).

У античной Иберии были тесные экономические и культурные связи не только с Ираном и Арменией, но и с малоазийскими политическими образованиями, Римом и т. д. У нее были очень интенсивные связи и с северными своими соседями — Боспорским царством и скифо-сармато-аланскими объединениями Северного Кавказа.

Мы уже знаем, какую выдающуюся роль в военной политике картлийских царей играли союзнические отношения с северокавказскими аланскими объединениями, а еще раньше

— с сарматскими союзами племен. Мы пришли к выводу, что эти союзнические отношения, вероятно, не исчерпывались лишь привлечением северокавказских племен к военным операциям, ибо в постоянном царском войске Картли нужно предполагать, очевидно, наличие аланских военных отрядов; и из числа иноземцев, разумеется, выдвигались нередко «царчинебулни», вливавшиеся в состав местной знати. Несомненно, очень частыми были браки между представителями царской фамилии и высшей знати Картли, с одной стороны, и военно-родовой аристократии кавказских горцев и алано-сарматских объединений, с другой. Сведения об этом, как мы видели, сохранились и в грузинской исторической традиции, хотя, главным образом, в отношении эпохи первых Фарнавазианов.

Результатом такого интенсивного контакта с сармато-аланским миром следует рассматривать, видимо, обилие сармато-аланских имен среди представителей картлийской знати (царского рода, военнотрудовой знати). Североиранский (скифский и сармато-аланский) имеет царские имена Саурмаг и Хсефарнуг, на севере находит аналогию также имя картлийского царя Картама. Впрочем, согласно грузинской традиции, имя это принесено в Картли из Западной Грузии эгрисским царевичем (в Западной Грузии мы также часто сталкиваемся с именами знатных лиц северного, чаще всего скифо-сармато-аланского происхождения); к североиранским именам примыкают также имя царевича Радамиста, имена высших картлийских сановников (питиахши, двороуправители) и членов их семей — Аспаруг, Зевах, Иодманган и т. д. Конечно, в некоторых случаях предложенные исследователями этимологии отмеченных выше имен являются спорными и в дальнейшем, возможно, и не подтвердятся, однако нельзя все же сомневаться в факте распространения имен североиранского облика среди представителей картлийской знати.

Археологический материал раскрывает перед нами рельефную картину имущественного неравенства в среде населения Картли той эпохи. Если погребения крупных картлийских сановников, военачальников и т. д., а также членов их семей свидетельствуют о царском великолепии и богатстве, в котором жила знать, то наряду с ними мы находим принадлежащие к той эпохе погребения людей среднего достатка, малоимущих и, наконец, очевидно, совершенно бедных. Погребения этого рода часто сопутствуют богатым погребениям. Ниже великолепного мавзолея, у жел.-дор. станции Мцхета, на террасах расположены довольно бедные по погребальному инвентарю захоронения. У Армазисхеви богатые погребения примыкают почти непосредственно к дворцовому комплексу, а синхроничные с ними бедные погребения расположены несколько в стороне от них. Встречаются могилы, в которых весь погребальный инвентарь исчерпывается дешевыми бусами и несколькими простыми глиняными сосудами. На знаменитом Самтаврском могильнике и на территории самой Мцхета можно различить погребения почти всех вышеуказанных категорий.

Первые века н. э. являются периодом бурного общественного развития в Картли. Усиление Картлийского государства, ведение успешных наступательных войн, преследующих целью не только увеличение территории государства, но и захват пленных и добычи, неодинаково влияли на разные слои населения. Для представителей привилегированных слоев населения, занимающих командные посты в войске и государственном аппарате, они служили источником дальнейшего обогащения и упрочения их и без того высокого положения. Однако на плечи рядовых общинников (земледельцев-воинов), особенно на более малоимущих среди них, все это ложилось тяжелым бременем. Длительный отрыв от хозяйства отрицательно влиял на их имущественное положение. Львиная доля добычи и пленных попадала в руки знати, а то незначительное, что оставалось для рядовых воинов, не могло возместить ущерб, наносимый хозяйству уже самим отрывом от него основного работника. Кроме того, С.

Н. Джанашиа справедливо обратил внимание на фактор усложнения вооружения воина в эту эпоху. На первый план выступает тяжеловооруженный всадник, целиком облаченный в тяжелые воинские доспехи. Не случайно Кассий Дион, упоминая об упражнениях знатных иберов во главе с царем Фарсманом II и его сыном, говорит, что император смотрел их упражнения *ἐν δπλοῖς* (Ep. LXIX, 15) — «в оружии» (скорее всего: «в тяжелом оружии» — подразумеваются щит, панцирь, копьё; от последнего образовано, кстати, *δπλίτης* — «тяжеловооруженный воин») . В усложненной обстановке первых веков н. э. во все

возрастающем количестве требовались люди, специализировавшиеся на военном деле. Совмещать труд земледельца с обязанностями, воина (что было столь характерно для страбоновской Иберии — Картли эллинистического периода) становилось все более и более трудным. Кроме того, в условиях углубления дифференциации внутри общины, усиления одной части общинников и обнищания другой, для многих из членов общины закрывалась дорога к участию в военных походах из-за неспособности приобрести для себя соответствующее вооружение, которое, как и прежде, несомненно, являлось достоянием и собственностью каждого воина. Обедневшие общинники в лучшем случае могли привлекаться в качестве легковооруженной пехоты, не игравшей уже решающей роли в военных действиях и поэтому, как мы отметили выше, получавшей незначительную долю захваченной на войне добычи и пленных.

В таких условиях участие в походах все больше становилось привилегией лишь зажиточных общинников, постепенно превращавшихся в военное сословие профессиональных воинов-всадников. Они имели возможность приобрести коня и соответствующее вооружение, иметь рабов для обработки своего земельного надела или привлекать к этому обедневших общинников, бедняков — чужеземцев (мцири) и т. д. Этим же путем им открывалась дорога для дальнейшего продвижения вперед, они включались в постоянные царские военные отряды, из их числа назначались царские чиновники, они получали в виде вознаграждения за службу определенную долю добычи и пленных, а часто и земельные наделы.

В то же время основная масса малоимущих общинников постепенно все более и более отстранялась от военного дела с трудом справлялась с обработкой своего небольшого надела, защищаясь от постоянно висевшей над ней угрозы обнищания.

Так шел процесс дифференциации свободных общинников — «эри» (народ-войско), процесс выделения из них военного сословия — азнауров, и обнищания остальной, более многочисленной части их, для обозначения которой появился даже особый термин «цврили эри» («мелкий люд»).

Слово «азнауры» постепенно становилось наиболее общим обозначением привилегированного сословия. Эриставы представляли верхний слой азнауров. Азнауры — великие или низшие — полностью отстранились от производительного труда. Зная, захватившая в свои руки значительную часть земельного фонда страны, брала ориентацию на обработку своих земель руками обедневших общинников, отдавая им землю в аренду под условием выплаты определенной доли урожая и т. д. Чтобы повысить производительность труда, а следовательно, и свои доходы, азнауры давали небольшие земельные участки также и своим рабам под условием выполнения такого же (однако по своим размерам, очевидно, более тяжелого) обязательства. Тот же процесс происходил на царских землях. Порабощенные земледельцы — «глехи», все более делались самостоятельно хозяйствующими земледельцами, правда, все еще на кабальных условиях. С другой стороны, в поисках опоры в борьбе против возрастающей мощи знати, власть была вынуждена раздать остальную часть земель обедневшим общинникам или бывшим рабам — вольноотпущенникам, на условиях либо выплаты доли урожая, либо военной службы («тадзреули»). Таким образом возникал слой крепостных крестьян. В это время они еще не составляли преобладающей части земледельческого населения. Большая часть земледельцев напрягала все усилия, чтобы защитить себя и сохранить

землю. Община все еще существовала, но теперь она подчинялась не только царской власти и выполняла ряд обязательств по отношению к ней, но все более и более попадала в зависимость от местных областеначальников или правителей меньшего ранга, а также от соседних крупных землевладельцев. Последние старались поставить общину себе на службу, наложить руки на общинные пастбища, оросительную систему и т. д. и превратить земледельцев, все еще остававшихся свободными, в таких же зависимых, какими становились посаженные на их собственные земли бывшие рабы и обедневшие, потерявшие землю и орудия труда, земледельцы. Таким образом, сельская община превращалась в феодально-зависимую общину.

Великие азнауры — эриставы, старались стать самостоятельными в управлении тех округов, над которыми они в свое время были поставлены царской властью. Они стремились превратить свои должности (областеначальника и т.д.) в наследственные не только фактически, но и формально, дабы царь в будущем не смог лишить их (или их потомство) этих привилегий. Таким образом, знать стремилась больше не делиться с царской властью благами, получаемыми от эксплуатации населения своего округа. Ввиду всего этого взаимоотношения между знатью и царской властью сильно обострились. Царская власть пыталась опереться на «цврили эри», оставшийся все еще свободным слой земледельцев, которому со стороны феодализирующейся знати грозила опасность превращения в крепостное крестьянство. В борьбе против царской власти картлийской знати часто помогали крупные иностранные державы (Иран, Рим, Византия), которых более устраивала раздробленная на отдельные мелкие княжества Картли, чем объединенная под властью одного царя страна. Впоследствии союз картлийских азнауров и этих держав, как известно, добился упразднения царской власти в Картли (VI в.).

ГЛАВА XXII

КУЛЬТУРА ГРУЗИИ В АНТИЧНУЮ ЭПОХУ

§ 1. ИБЕРИЯ

1. Языческий пантеон Картли античного периода

При обзоре древнейших верований грузинских племен стало очевидным, что они так же обожествляли и почитали природные силы и явления, как и другие народности. Как выясняется, «своих долевых» богов имели отдельные общины и роды, горы, ущелья, поля, деревья, дома и т. д. Между тем, народные предания и богатые этнографические материалы явствуют, что у грузин были также общие большие (старшие) боги и племенные и межплеменные божества⁶⁵⁴. Так, например, предками грузин во времена раннеклассового общества наиболее почитались в качестве общегрузинских божеств небесные светила — луна, солнце, звезды⁶⁵⁵.

На сегодня следует считать установленным, что в то время во главе грузинского астрального пантеона стояла троица (самеули). Первым (старшим) в самеули был верховный бог; второй была богиня Солнце или женщина-солнце (мзекали), третьим — Квириа. Верховный бог, или бог порядка, — Мориге, стоял во главе пантеона и самеули. Он являлся богом-луной, т. е. богом-мужчиной.

---

⁶⁵⁴ Ср.: История Грузии. Под ред. С. Н. Джанашиа. Тбилиси, 1946, с.95; Джанашиа С. Н. К абхазской форме названия верховного божества.— Труды, III. Тбилиси, 1959, с. 127; Бардавелидзе В. В. Древнейшие религиозные верования и обрядовое графическое искусство грузинских племен. Тбилиси, 1957, с. 2.

⁶⁵⁵ История Грузии. Под ред. С. Н. Джанашиа, с. 95.

К античному времени, в частности, когда наблюдается дальнейшее усиление консолидации грузинских племен, нет основания предполагать какие-либо изменения в грузинском языческом пантеоне. Однако последующие сдвиги в социальной жизни, образование классов и государства, имевшие место в середине I тыс. до н. э., дальнейшее развитие городской жизни, перемещение еще одной волны грузинских племен — мушков, к северо-востоку, естественно, должны были вызвать некоторые инновации в сфере верований вообще и в главенствующей троице (самеули) грузинского языческого пантеона в частности.

Как видно из письменных исторических источников, новизна проявилась, главным образом, в проникновении в Картли нового имени верховного бога — бога-луны (бога Мориге), Арма-Армази. Традиция увязывает культ Армази с деятельностью царя Фарнаваза.

Выясняется, что хетское название луны и луны-бога было *Armas*, которое является производным от корня *Arma*⁶⁵⁶. Из этого корня производятся, очевидно, и многие другие имена (*Armati*, *Armatallis*, *Armatašaš* и т. д.)⁶⁵⁷. Таким образом, появляется возможность предположить в середине I тыс. до н. э. наличие имени божества, которое является производным от названия *Armas*. Таковым могло быть распространенное в грузинском языке название *Армас*, из которого происходит общепринятое *Армази* и производное отсюда название места *Армазисцихе* — *Армазцихе* (*Армасцихе*)⁶⁵⁸.

Рассмотренный материал дает основание увязать имя верховного божества, бога-луны *Армази* грузинского языческого пантеона, с хеттскими именами луны и бога-луны *Арма* и тем самым с хеттско-малоазийским миром, а именно с хеттско-неситской (или с хеттско-лувийской культурой).

Установлено, что и другое переднеазиатское имя древнейшего божества сохранилось в названии древнегрузинского идола *Аинина*, которое впоследствии превратилось в национальное имя грузинских женщин — *Нино*, *Нана*⁶⁵⁹. Такая же картина наблюдается и в случае имен *Дари* и *Тароси*. Они также увязываются с хеттско-малоазийским миром. В частности, этимологию слова *tarū/o* мы находим в хеттской лексике⁶⁶⁰. Почти с таким же случаем имеем дело и в отношении грузинского «вешани». Это слово связывают с хурритским «вишайшап» — «вишашап» — именем одного из обще хурритских божеств⁶⁶¹, и распространение его в грузинском и армянском языках объясняют ассимиляцией грузинами и армянами одной части племен хурритского происхождения⁶⁶².

Если вернуться к вопросу о распространении *Арма-Армази*, легче объяснить возможность проникновения в Картли хеттско-малоазийского имени бога луны. *Арма-Армази* и в свете вышесказанного не представляет какое-нибудь особое исключение.

Появление хеттско-малоазийского имени божества луны было связано, по-видимому, с перемещением к северо-востоку и расселением в некоторых общинах юго-западной и восточной Грузии одного из древнейших грузинских племен — мушков

⁶⁵⁶ Ср.: Болтунова А. И. К вопросу об Армази. — ВДИ, 1949, №2, с. 237, там же соответствующая литература; Меликишвили Г. А. К истории древней Грузии. Тбилиси, 1959, с. 229; его же. Наир-Урарту. Тбилиси, 1954, с. 420—421; Григолиа К. Новая история Грузии. Тбилиси, 1954, с. 71 (на груз. яз.); Пакидзе А. М. Города и городская жизнь в древней Грузии. Тбилиси, 1963, I, с. 176—178 (на груз. яз.), там же соответствующая литература.

⁶⁵⁷ Ср.: Болтунова А. И. Указ. соч., с. 237; Пакидзе А. М. Указ. соч., с. 178.

⁶⁵⁸ Пакидзе А. М. Указ. соч., с. 178.

⁶⁵⁹ Джанашиа С. Н. Тубал-табал, тибарен, ибер. — Труды, III. Тбилиси, 1959, с. 193 (на груз. яз.); ср.: Пакидзе А. М. Указ. соч., с. 176.

⁶⁶⁰ Джанашиа С. Н. К вопросу о языке и истории хеттов. — Труды, 1959, III, с. 204; Гиоргадзе Г. Г. К вопросу о локализации и языковой структуре каскских этнических и географических названий. — Переднеазиатский сборник. М., 1963, I, с. 205—206; Пакидзе А. М. Указ. соч., с. 176.

⁶⁶¹ Меликишвили Г. А. Наир-Урарту. Тбилиси, 1954, с. 113—115.

⁶⁶² Там же, с. 114.

(месхов)⁶⁶³. В связи с проникновением этого этнического потока в район слияния рр. Куры и Арагви и объявлением столицей существовавшего там города Картли было распространено, по-видимому, новое имя официального божества — Арма. Это должно было произойти в V—IV вв. до н. э. Новизна, если можно так выразиться, проявилась в замене имени бога-мужчины, бога-луны грузин, именем бога-мужчины, бога-луны того грузинского племени, которое стало господствовавшим племенем в царстве Картли. Этим и следует, по-видимому, объяснить то, что признание главой грузинского языческого пантеона Арма-Армази не вызвало существенных изменений. Думается, что именно поэтому данное имя было приемлемо для грузин и столицы и северной части царства. Ведь они, так же как и мушки (месхи), почитали как луну как верховное божество-мужчину, и с его официальным объявлением главой языческого пантеона вновь образованного царства было связано, надо полагать, признание хеттско-переднеазиатского имени луны и бога-луны — Арма-Армас. Таким образом, случилось то, что произошло позже, когда христианство изгнало Армази из грузинского пантеона, на самом же деле изгнало имя божества — Армази, почитание же луны как верховного бога порядка (Мориге) надолго сохранилось у грузинского народа, но уже в лице святого Георгия, занявшего в воззрениях грузинского народа место древнего главного божества луны⁶⁶⁴.

В главах, посвященных предантичному времени, было показано, что Грузия — страна древнейшего земледелия и поэтому данная отрасль хозяйства здесь уже около семи тысяч лет тому назад глубоко проникла в сферу культа. Так же рано в предмет культа превращаются изображения быка, который по грузинской традиции считался основоположником земледелия. Его изображения в ранних эпохах изготовлялись из глины⁶⁶⁵, в более поздние же времена — из бронзы⁶⁶⁶.

Для интересующего нас вопроса имеет значение и то, что культовые изображения быка часто имеют форму полумесяца. Таковыми следует признать рогообразные формы очагов или похожие на них украшения эпохи энеолита — ранней бронзы, найденные на Цхинвальском Нацар-Гора (Зольный холм)⁶⁶⁷, в Месхети (Хизабавра?)⁶⁶⁸, близ Урбниси на Твлепия-Кохи⁶⁶⁹ и т. д. Особое внимание привлекает в этом отношении форма 34-й буквы «хари» грузинского алфавита. Помимо того, что название данной буквы соответствует грузинскому названию быка, ее форма передает очертания бычьих рогов и ее можно принять также за символ полумесяца⁶⁷⁰.

Ознакомление с указанным материалом убеждает нас в том, что культовые предметы земледелия все больше походят на изображения полумесяца. Таким образом, как по содержанию, так и по форме кажется закономерным перерастание древнейшего грузинского земледельческого культа в культ бога-мужчины, луны, а затем — в культ святого Георгия. На основании этого т. н. ритуальные изображения быка надо принять за символ божества луны, таким образом, можно предположить, что широко распространенное и господствующее в античной Грузии божество луны (Арма-Армази, затем святой Георгий) имело традицию примерно семитысячелетней давности.

Из малоазийского мира в верхнюю и внутреннюю Картли мушки-месхи принесли имя и другого божества — Задена. Поэтому кажется естественным упоминание

⁶⁶³ М е л и к и ш в и л и Г. А. Указ. соч., с. 420; А п а к и д з е А. М. Указ. соч., с. 176.

⁶⁶⁴ Д ж а в а х и ш в и л и И. А. История грузинского народа, 1960, I, с. 50 (на груз. яз.).

⁶⁶⁵ Ч у б и н и ш в и л и Т. Н. Гора Амирани. Тбилиси, 1963, табл. XI, 3.

⁶⁶⁶ Ч у б и н и ш в и л и Т. Н. Древнейшие археологические памятники Мцхета. Тбилиси, 1957, с. 107;

Г о б е д ж и ш в и л и Г. Ф. Сталинирская Нацар-Гора, с. 270.

⁶⁶⁷ Г о б е д ж и ш в и л и Г. Ф. Сталинирская Нацар-Гора (Зольный холм). — Мимомхилвели. Тбилиси, 1951, II, с. 255—270, табл. XIV, 2 (на груз. яз.).

⁶⁶⁸ Ч у б и н и ш в и л и Т. Н., Т а т и ш в и л и Т. Н., Г а м б а ш и д з е О. С. Археологические разведки южных районов Грузии (Месхет-Джавахети) в 1953—1955 гг. — СА, 1957, №4, с. 126, рис. 77.

⁶⁶⁹ Г л о н т и Л., Д ж а в а х и ш в и л и А. Урбниси (I) (на груз. яз.).

⁶⁷⁰ Д ж а в а х и ш в и л и И. А. Грузинская палеография. Тбилиси, 1949, с. 230, рис. 217.

Задена вместе с Арма и помещение Арма и Задена во главе грузинского языческого пантеона античного времени. Характерным является и то, что пришедшие в район слияния Куры и Арагви месхи воздвигали в честь главнейших божеств пантеона мощные города-крепости: Армазцихе (крепость Армази) и крепость Задена. Традиция приписывает строительство крепости Задени Парнаджому — сыну царя Мириана.

Арма и Заден и их города-крепости, грандиозные развалины которых обнаружены в Багинети и Цицамури, были, по-видимому, основной опорой той грузинской этнической группы, которая господствовала в Картли в V—III вв. до н. э. и в последующие времена⁶⁷¹.

О большом значении Задена и широком распространении его культа свидетельствуют сообщения грузинских исторических источников. В этой связи привлекает внимание то место «Жития Иоанна Зедазенского», где указано, что Иоанн поднялся на высокую гору, которую называли Зеда-Задени⁶⁷². Нетрудно предположить, что из упомянутого Зеда-Задени получилось современное название местности Зедазени⁶⁷³.

Имя Заден проглядывает и в других грузинских географических названиях, например, в названии с. Заден-Гора, где апостол Андрей, по сведениям Леонтия Мровели, пройдя Железный крест и ущелье Одзрхе и достигнув пределов Самцхе, остановился на отдых⁶⁷⁴. В упомянутой местности «пространным реестром вилайэта Гюрджистан» также засвидетельствовано с. Задени. Согласно сведениям этого источника, оно было довольно большим селением, насчитывавшим 20 домов⁶⁷⁵. Немаловажным обстоятельством следует считать и то, что Заден упоминается и в народном стихотворении. Село Задени известно и в 1860 году⁶⁷⁶. Таким образом, нетрудно проследить историю данного села, тем более, если учесть результаты археологических исследований последних лет в окрестностях с. Заден-Гора. Имеется в виду, в частности, находка маленькой бронзовой скульптуры быка с маской, которая, как считают, принимала участие в ритуальных церемониях⁶⁷⁷. Не исключена возможность, что название месхетского Заден-Гора (с. Задени) хронологически несколько предшествовало появлению в окрестностях Мцхета названия Задени или Зеда-Задени. Надо думать, что мушки-месхи во время их перемещения к северо-востоку оставили в Самцхе определенные следы.

Таким образом, о Задени, кроме сказанного царем Мирианом, сохранились значительные сведения письменных источников и не менее значительные грузинские названия, которые привлекают внимание с археологической точки зрения.

На основании всего сказанного следует предположить, что среди главенствующих богов языческого пантеона античного времени вместе с Арма был и Заден. Таким образом, появились новые данные, на основании которых можно предположить, что еще на заре грузинской государственности, да и в последующие времена верховными божествами языческого пантеона были Армази и Задени; тем самым подтверждаются

⁶⁷¹ Ср.: М е л и к и ш в и л и Г. А. К истории древней Грузии. Тбилиси, 1959, с. 317;

М е л и к и ш в и л и Г. А. К вопросу о древнейшем населении Грузии, Кавказа и Ближнего Востока. Тбилиси, 1965, с. 88 (на груз.яз.).

⁶⁷² КЦ, I, с. 29; ср.: Д ж а в а х и ш в и л и И. А. История грузинского народа, I. Тбилиси, 1960, с. 110.

⁶⁷³ А п а к и д з е А. М. Мцхета—древняя столица Картлийского царства. Тбилиси, 1959, с. 59;

М е л и к и ш в и л и Г. А. К истории древней Грузии, с. 285; А п а к и д з е А. М. Города и городская жизнь в древней Грузии, I, с. 197 (на груз. яз.).

⁶⁷⁴ К Ц, I, с. 39.

⁶⁷⁵ Д ж и к и я С. С. Пространный реестр вилайэта Гюрджистан. Кн. III. Тбилиси, 1958, с. 173; ср.:

Х а з а р а д з е Н. В. Некоторые вопросы древнейшей истории Фригии. — Кавказско-Ближневосточный сборник, II. Тбилиси, 1962, с. 49.

⁶⁷⁶ Д ж и к и я С. С. Указ. соч., с. 173.

⁶⁷⁷ Ч у б и н и ш в и л и Т. Н., Г а т и ш в и л и Т. И., Г а м б а ш и д з е О. С. Указ. соч., с. 116—127.

сведения древнегрузинских исторических источников о том, что верховными божествами грузинского царства считались Арма и Заден⁶⁷⁸.

В грузинском языческом пантеоне античного времени, кроме Арма и Задена, были и другие боги. Автор «Жития святой Нины» после описания изображения Армази (Арма) отмечает: «По правую его сторону стоял человек из золота и имя его было Гацци, налево же от него стоял человек из серебра и имя его было Гайм, и они были богами народа Картли». Автор «Обращения Картли» передает, что Азо из страны его отца Ариан-Картли «привел восемь домов и десять домов пестунов и обосновался в старой Мцхета, принеся с собой идолов в качестве богов своих Гацци и Гайма»⁶⁷⁹.

Таким образом, если автор «Жития святой Нины» богов Гацци и Гайма принял за грузинские национальные божества, то «Обращение Картли» считало их привнесенными из Ариан-Картли, т. е. богами Ариан-Картли. Именно это подразумевается, по-видимому, в словах царя Мириана, обращенных к святой Нине: «... старые боги отцов наших, Гацци и Гайм, они были верой для людей»⁶⁸⁰.

Попытка увязки этих двух богов с Азо имеется и в «Житии святой Нины»: «Азоном начато идолопоклонение и им созданы два идола из серебра: Гацци и Гайм»⁶⁸¹. Самым важным в данном сообщении является то, что авторы «Обращения Картли» и «Жития святой Нины» считают Гацци и Га древнейшими божествами грузин. В то же время по грузинской исторической традиции Гацци и Га относятся к той ветви грузин, которая своим первоначальным местом жительства, своей родиной считала Ариан-Картли⁶⁸².

Таким образом, во главе грузинского языческого пантеона стояли божества Армази, Задени, Гацци и Га⁶⁸³.

Леонтием Мровели, как и в «Обращении Картли», упоминаются еще два божества. Одно из них — Айнину, по словам автора «Обращения Картли», воздвиг царь Саурмаг, а второе — Данину — царь Мирван⁶⁸⁴. Согласно же Леонтию Мровели, царь Саурмаг «создал двух идолов — Айнину и Данину, и воздвиг их на Мцхетской дороге»⁶⁸⁵.

Как видно, традиция считала их главными божествами пантеона. Они привлекают внимание постольку, поскольку также носят переднеазиатские имена.

Грузинские племена с древнейших времен обожествляли и солнце—солнце-женщину.

Наличие культа солнца в Грузии подтверждается и археологическими материалами античного времени. К таковым относится инвентарь богатых погребений

⁶⁷⁸ Ср.: М е л и к и ш в и л и Г. А. К истории древней Грузии, с. 316.

⁶⁷⁹ Хроники, I. 1892, с. 12; Д ж а н а ш и а С. Н. Древнейшее национальное сообщество о первом месте жительства грузин в свете истории Ближнего Востока. — Сообщ. ИЯИМК. Тбилиси, 1940, V—VI, с. 642, 644, 653; М е л и к и ш в и л и Г. А. К истории древней Грузии, с. 39, 316, 317.

⁶⁸⁰ Описание..., II, с. 752; Д ж а н а ш и а С. Н. Указ. соч., с. 647; М е л и к и ш в и л и Г. А. Указ. соч., с. 316—317.

⁶⁸¹ КЦ, I, 1955, с. 20.

⁶⁸² М е л и к и ш в и л и Г. А. К истории древней Грузии, с. 277—280.

⁶⁸³ Имя этого древнейшего местного божества употребляется не всегда одинаково. Например, в шатбердском списке «Жития св. Нины», на 434-й странице т. н. «Шатбердского сборника» явно видно, что в древней рукописи было написано «Га», форма же «Гайм», как это показал С. Н. Д ж а н а ш и а, принадлежит обновителю текста. В шатбердском списке вообще форма «Га» употребляется трижды (ср.: Джанашиа С. Н. Указ. соч. — Сообщ. ИЯИМК, 1940, V—VI, с. 647). Это наблюдение С. Н. Джанашиа указывает на то, что древнейшей формой названия следует признать «Га». Она не может быть опровергнута и на основании челишского списка, где в одном случае имеем названия божеств в виде Гацци и Гацай, а в двух других случаях — Гацци и Гаца (ср.: Д ж а н а ш и а С. Н. Указ. соч. с. 647; Описание..., II, с. 252, 761, 769). Об именах богов Гацци и Га более подробно см.: Д ж а в а х и ш в и л и И. А. История грузинского народа, I. Тбилиси, 1960, с. 100—101; Марр Н. Я. Боги языческой Грузии, с. 21—23.

⁶⁸⁴ Д ж а в а х и ш в и л и И. А. История грузинского народа I, с. 101; М а р р Н. Я. Боги языческой Грузии, с. 9.

⁶⁸⁵ КЦ, I, с. 27; ср.: Д ж а в а х и ш в и л и И. А. Указ. раб., с. 101.

Вани и Садзегури, в особенности же изображения пары лошадей. Важным является то, что эти блестящие образцы златокузнеческого искусства считаются частями парадного убранства, что делает очевидным их культовое назначение.

В позднеантичное время среди памятников такого же порядка следует назвать серебряные чаши, обнаруженные в Бори⁶⁸⁶ и Мцхета (Армазисхеви)⁶⁸⁷, на внутренней стороне днища которых изображены жертвенник и стоящая перед ним лошадь с поднятой ногой. Как известно, лошадь обычно жертвовали солнцу, божеству солнца⁶⁸⁸. Сцена, изображенная на днищах чаш из Бори и Армазисхеви, относится к позднеантичному периоду и поэтому их можно было увязать с Митрой, т. е. с сасанидским богом солнца, с их официальным божеством и тем самым допустить возможность распространения в Грузии культа Митры, но солнце как богиня-мать стояло во главе грузинского языческого пантеона и в дохристианское время. Следует учесть также, что на ранней ступени именно солнце было главным божеством, богиней-матерью⁶⁸⁹.

Почитание с древнейших времен собственного культа солнца и древнейшая традиция обожествления этого светила создавали условия для распространения в Грузии, усвоенного персами от древнейшего коренного населения Передней Азии, культа божества солнца, божества Митры. Это следует рассматривать и оценить как одну из сторон общей тенденции — влияния ахеменидского мира. Близкие связи с ахеменидским миром, развитые торговые сношения, культурная близость и участие грузин в создании ахеменидской культуры и памятников искусства должны были привести и к распространению культа Митры⁶⁹⁰.

Характерно, что распространение культа Митры протекало безболезненно, тогда как маздеанство не привилось в Грузии. Это произошло, надо полагать, потому, что для культа Митры здесь готова была почва (традиция собственного культа солнца), в то время как маздеанство оказалось чуждым для грузинской культуры.

Великий культ бога солнца, первоначально верховного бога, следует отнести к тому времени, когда земледелие стало главнейшим источником существования общества. Впоследствии, в результате дальнейшего развития этой отрасли хозяйства значение бога солнца — бога матери, должно было возрасти. Показателем этого следует считать и то, что грузины издревле божились солнцем (ср. выражение: «чемма мзем», «клянусь моим солнцем») и то, что в грузинском языке хорошо сохранились выражения восхваления и почитания матери, женщины (богини) вообще. Иллюстрацией к сказанному служат такие композиты, как «деда-мица» («мать-земля»), деда-эна («мать-речь», «родная речь»), «да-дзма» («сетра-брат»), «кал-важи» («девушка-юноша»), цол-кмари («жена-муж»), «деда-калаки» («мать-город», «столица»); «деда-бодзи» («мать-столб») и т. д. В приведенных примерах явно видно предпочтение, которое с древнейших времен отдавалось родной речью грузинского народа матери (женщине). Эта мать — древнейшее божество грузинского народа; в то же время божество земледельцев, связанное с землей божество. Эту точку зрения точно отображают пшавско-хевсурские выражения — «адгилис деда» («мать места»), или «мицис-деда» («мать земли»), или же — «дедамица» («мать-земля»)⁶⁹¹. Ведь то, что сейчас называется «деда-мица» (вселенная, мир), в древнегрузинском языке называлось «квекана» (страна), слово же «дедамица» (мать-земля) имело особое значение и означало божество земли — «мать земли»⁶⁹².

⁶⁸⁶ П р и д и к Е. Новые кавказские клады. — МАР, 1914, 34, с. 94 — 110.

⁶⁸⁷ А п а к и д з е А. М., Г о б е д ж и ш в и л и Г. Ф., К а л а н д а д з е А. Н., Л о м т а т и д з е Г. А. Мцхета, I, 1955, табл. LVII.

⁶⁸⁸ А м и р а н а ш в и л и Ш. Я. История грузинского искусства. М., 1950, с. 83.

⁶⁸⁹ Его же. Две серебряные чаши из раскопок в Армази (Грузия). — ВДИ, 1950, №1.

⁶⁹⁰ А м и р а н а ш в и л и Ш. Я. Древнейший образец грузинской рельефной скульптуры. — Изв. музея Грузии, XII — В. Тбилиси, 1944, с. 118 (на груз. яз.).

⁶⁹¹ Д ж а в а х и ш в и л и И. А. История грузинского народа, I, 1960, с. 92.

⁶⁹² Там же.

Характер грузинского язычества античного времени дает основание предполагать существование больших праздников в честь национального пантеона. Об одном из таких праздников рассказывает автор «Жития святой Нины».

Празднество, по словам этой летописи, начиналось так: утром, в древней столице царства — Мцхета, раздались «звуки криков и фанфар, вышло так много народу, как полевые цветы, послышался страшный шум ликования, выход царя еще не свершился». Эта возвышенная тональность как будто с самого начала определяет торжественный уровень церемониала; национальные боги грузин сразу же напоминают народу всю свою мощь; начинается величественное празднество. После этого, как только настало время, началось бегство и скрывание в убежищах всего люда, от испуга все побежали в свои укрытия. Из приведенных цитат видно, что вторая часть празднества представляет собой бегство и прятанье испуганного народа в укрытиях. После этого в наступившей тишине вышла царица Нана и постепенно начал возвращаться народ. И украсили все улицы разными украшениями и листьями. И начал народ восхвалять царя. Так была подготовлена третья ступень празднества: празднично был украшен город, царица вышла к народу, а народ восхваляет царя. «Тогда вышел царь Мириан со столь страшным видом, что на нем нельзя было остановить взор». Изумленной этим зрелищем святой Нине сообщили, что «бог богов Армаз призвал, и нет кроме него другого идола». Святая Нина идет посмотреть на Армази, и «заполнились горы знаменами и народом, как поля цветами»⁶⁹³.

Как видим, культовый ритуал в столице принимает грандиозный характер; ступени церемониала, развиваясь все выше, выполняются с заранее определенной логической последовательностью. В исторических источниках, конечно, не сохранилось описание тысячи мелочей, связанных с подготовкой к празднеству и с течением празднества, в том числе с его финалом, но те сведения, которые имеются, хорошо объясняют, почему грузинский народ подобные празднества назвал «дгесасцаули» (дословно «чудо-день»).

Праздничное украшение столицы и постановка празднества, надо полагать, было обязанностью старейшины художников столицы. Само появление этой должности в Мцхета — явление характерное и, как выясняется, понятное.

Богатый этнографический материал дает основание предполагать, что у каждого бога, креста, молельни были свои празднества, невзирая на то, на какой ступени высокого грузинского пантеона стояли они или на какой территории распространялось влияние того или иного бога, креста, молельни и т.д.⁶⁹⁴.

Из сохранившихся до наших дней празднеств самым грандиозным является «мцхетоба», праздник Мцхета, по своему происхождению, без сомнения, языческий праздник, праздник осени, обилия, урожая и плодородия, т. е. праздник матери-земли — древнейшего грузинского земледельца, олицетворение которой, быть может, представляет обнаруженная в VI погребении Армазисхеви высокая, полукруглая скульптура богини обилия и плодородия, точную аналогию которой не знает античная торевтика⁶⁹⁵.

Описанное в «Житии святой Нины» празднество, по-видимому, связано с «мцхетоба». Не случайно, что в канун «армазоба» пришли в Мцхета горожане из Урбниси: «Тогда в один из дней двинулось из города (Урбниси) множество людей, ушедших в большой царский город Мцхета для торговли потребными предметами и для жертвоприношения Армазу, богу ихнему»⁶⁹⁶.

⁶⁹³ КЦ, I, с. 88—89.

⁶⁹⁴ Бардавелидзе В. В. Древнейшие религиозные верования и обрядовое графическое искусство грузинских племен. Тбилиси, 1957, там же соответствующая литература.

⁶⁹⁵ Апакидзе А. М., Гобеджишвили Г. Ф., Каландадзе А. Н., Ломтатидзе Г. А. Мцхета, I, табл. VIII; Апакидзе А. М. Города ..., табл. XXXV, 1—2.

⁶⁹⁶ КЦ, I, с. 88.

2. Типы погребений и погребальный обряд в Грузии античного периода

Культ покойника прослеживается в Грузии на всем протяжении античного времени. В этом периоде он распространен, можно сказать, не менее, чем в предыдущие периоды, и несравненно более, чем в христианскую эпоху.

В Грузии античного времени встречаются погребения разного типа: грунтовые, каменные, кувшинные, черепичные, погребения типа мавзолея, саркофаги, погребения, составленные из кирпича и глиняных плит. Перечисленные здесь виды погребений относятся к разному времени, а некоторые из них характерны лишь для античной эпохи. Так, например, грунтовые и каменные погребения встречаются как в течение всего античного времени, так и в предшествующем и последующем периодах, кувшинные погребения — в VI — I вв. до н. э. черепичные — в I в. до н. э. — III в. н. э., каменные саркофаги — в I — II вв. н. э., а погребения, составленные из кирпича и глиняных плит, — в I — III вв. н. э.

Отмеченное выше не означает, что погребения того или другого вида в течение столетий строились одинаково. Изменения часто бывают довольно разительными, хотя строение погребения обычно остается прежним. Например, в случае грунтовых погребений замечается изменение ширины и длины ямы. Кроме этого, большая часть грунтовых погребений перекрыта одним или несколькими камнями, есть и такие, которые перекрыты бревнами и каменной насыпью. Такая же картина наблюдается и в каменных погребениях. В V—II вв. до н. э. строились сравнительно короткие погребения, а глыбы не обрабатывались. Позже, в I—II вв. н. э., каменные погребения сооружались из больших и тщательно тесаных каменных досок, а для знати делались цельнотесаные каменные саркофаги и строились «дворцы» (ср. погребения типа мавзолея).

Рассмотренные грунтовые и каменные погребения отличаются обычно обилием инвентаря. Они одинаково отражают изменение в инвентаре и одинаково используются для погребения как широкими слоями общества, так и знатью. Каменное погребение цинцаройского властителя ущелья внешне ничем не отличается от современных ему бедных погребений Триалети—Нижнего Картли. Ничего не сохранилось и о выделяющихся особенностях погребений Садзегури-Канчаети; своим строением не удивили раскопщиков и погребения Степанцминда.

В характеристике ранней группы интересных и богатых погребений античного времени заслуживает внимание материал, сохранившийся из случайно обнаруженного в с. Цинцаро каменного погребения⁶⁹⁷, а именно: накладки на губы и глаза покойника, кольца, браслеты, бляхи, булавки, треножник светильника, удила, псалии, серебряные сосуды и стеклянная чаша. Кольца цинцаройского погребения и изображения на их камнях почти точно повторяют кольца и изображения на их камнях фантастических животных и грифонов из богатого погребения, найденного в с. Садзегури, в ущелье р. Ксани.

Даже такой неполный инвентарь довольно ясно указывает на особое значение цинцаройского погребения и воспроизводит предельно характерную картину культурной жизни Триалети того времени. В Цинцаро, т. е. в Алгетской долине⁶⁹⁸, так же как в Ксанском ущелье, проявляется довольно осязаемая социальная дифференциация — выделен круг местной знати, одна из представительниц которого похоронена с такими же царскими почестями, какие засвидетельствованы в Садзегури и Вани⁶⁹⁹. С точки зрения истории культуры примечательно и то, что накладки для глаз и рта считаются

⁶⁹⁷ К у ф т и н Б. А. Археологические раскопки в Триалети. Тбилиси, 1941, с. 34, 41.

⁶⁹⁸ Там же, с. 35; С м и р н о в Я. И. Ахалгорийский клад. Тбилиси, 1934, с. 54.

⁶⁹⁹ К у ф т и н Б. А. Указ. соч., с. 40; Х о ш т а р и я Н. В. Археологические раскопки в Вани. — Кавказско-Ближневосточный сборник, II. Тбилиси, 1962, с. 68 и др.

местной продукцией. Проявлением местной традиции считают также обряд покрытия глаз и рта прозрачно-тонкими пластинами. В этом обряде видят элементы, которые находят определенную связь не с персидским обрядом, а с традициями Западной Месопотамии, Сирии, Кипрского мира и крито-микенской культуры⁷⁰⁰.

Для воссоздания культурной жизни горной Грузии того времени большое значение придают обычно памятникам до - и раннеантичного периода, которые были обнаружены в Степанцминда, главным образом в 1877—1879 гг. (т. н. Казбегский клад).

Мы имеем все основания думать, что в Степанцминда было разграблено несколько погребений разного времени и среди них погребения предводителей провинции (хеви-ущелья) или ее знати. Из-за особенностей условий открытия этих погребений выделение погребальных комплексов невозможно. Однако среди нескольких сотен предметов, которые относятся в основном к середине I тыс. до н. э., удастся выделить более ранние и сравнительно поздние изделия. Таким образом, можно приблизительно представить имущественное и общественное положение предводителя и значимость его должности в управляемой им «стране» (провинции).

В археологическом материале из Степанцминда имеются золотые, серебряные, бронзовые, железные предметы, а также изделия из стеклянного состава; среди них: золотые кольца — подвески, серьги, штампованные изображения всадников, бусы, бусы-подвески, височные украшения, позолоченные стеклянные бусы, серебряная чаша с надписью, серьга, бронзовые скульптуры, колокольчики-бубенчики, фибулы, ножны, браслеты, височные украшения, чеканные листовые фрагменты поясов, бронзовый четырехглавый жезл, флягообразные кувшинчики и котел (ситула), украшения уздечек и седла, бубенчики со скульптурами, части штандартов знамени, скульптурные головы баранов с закругленными рогами, круглые и плоские малые скульптуры оленя, лошади, быка, собак и людей, скульптурные изображения туров, всадников, культовых сцен, фрагменты железных кинжалов и ножей, стеклянные бусы разной формы и цвета, стеклянные глазчатые бусы с масками и т. д.⁷⁰¹

Таким образом, не должно вызывать сомнения, что захороненный в середине I тыс. в Степанцминда вельможа был обладателем большого богатства. С другой стороны, во многих отношениях совершенно очевидно проявляется утонченное искусство и вкус золотых дел мастеров того времени и чрезвычайное развитие этой отрасли художественного ремесла.

К археологическому материалу из Степанцминда по времени близко стоит погребальный инвентарь владык Ксанского ущелья, уже полстолетия привлекающий внимание высокохудожественными изделиями. Рассмотрение памятников раннеантичной культуры обычно начинают с обзора инвентаря богатых погребений Садзегури.

Основная часть памятников, обнаруженных в 1908 году в Садзегури, состоит из золотых и серебряных украшений и сосудов. Среди них следует отметить большие золотые кольца, пояс, выкованный из широких листов, лобные украшения, подвески, бляхи, височные подвески (скульптурные изображения парных коней), золотые кольца, на печатях которых выгравированы распространенные в середине I тыс. до н. э. такие

⁷⁰⁰ К у ф т и н Б. А. Указ. соч., с. 41.

⁷⁰¹ Ф и л и м о н о в Г. Д. О доисторической культуре в Осетии. — Изв. ОЛЕАЭ, XXXI (приложение). М., 1878; В а у е р н Fr. Untersuchungen über die ältästen Gräber und Schatzfunde in Kaukasien. — ZIE, 1885, VII; У в а р о в а П. С. Могильники Северного Кавказа. — МАК, М., 1900, VIII; У в а р о в а П. С. Коллекции Кавказского музея. V; Археология, 1902; К р у п н о в Е. И. Древняя история Северного Кавказа. М., 1960, с. 29, 39, 214, 237, 334; Т а л л г е н А. М. Caucasian monuments. The Kazbek Treasure.— ESA, V. Helsinki, 1930, с. 109—182, там же литература; А м и р а н а ш в и л и Ш. Я. История грузинского искусства. Тбилиси, 1944, с. 60-82 (на груз. яз.); Г о б е д ж и ш в и л и Г. Ф. Памятники эпохи развитого железа в верховьях р. Риони. — Археология Грузии. Тбилиси, 1959, с. 202—206 (на груз. яз.); Ц и т л а н а д з е Л. Г. К некоторым вопросам Казбегского клада. — Материалы к археологии Грузии и Кавказа. Тбилиси, 1963, IV, с. 39—58 (на груз. яз.).

сюжеты (фантастические животные-грифоны?), какие встречаются на кольцах из Цинцкаро и из окрестностей Сухуми.

Одна часть золотых украшений представляет собой конскую парадную сбрую. Серебро представлено сложноукрашенной посудой: чашами с углублениями по бокам, кувшинчиками и их частями; всего в этом комплексе сохранилось до ста предметов⁷⁰².

Ксанское ущелье известно и другими памятниками раннеантичной эпохи. К таковым, например, относится случайно обнаруженный в 1960 г. в с. Канчаети богатый погребальный инвентарь, из которого сохранилось 79 предметов, в том числе 33 серебряных, 31 бронзовое и 13 железных изделий. Золотые вещи (кольца с печатями, чаша и др.) утеряны. Из сохранившихся предметов привлекают внимание: накладки для рта и глаз покойников, части конской сбруи, браслеты с вогнутым корпусом, а также схожие с ахалгорийскими кольца-печати, на камнях которых изображены стилизованный конь, всадник-копьемосец и другие сюжеты, а также бронзовый ажурный штандарт, лунообразная ажурная пластина, маленькая скульптура барана, колокольчики, части железного клинка, топор, наконечники копий, и т. д. Следует отметить и глубокую серебряную чашу с боковыми углублениями внутри, которым, подобно ахалгорийской (серебряной) и цинцкаройской (стеклянной) чашам, соответствуют наружные выпуклости⁷⁰³.

Наряду с ахалгорийским материалом инвентарь богатых погребений, обнаруженных в с. Канчаети, близ устья р. Ксани, составляет ясное представление о хозяйственном развитии Ксанской долины и о значении торгового пути, пролежавшего по ущелью этой реки⁷⁰⁴. Если знать Брильское нагорье владела хотя бы одним отрезком перевального пути, который проходил по ущельям Риони-Зонхитура, и господствовала в Брильской провинции, алгетский правитель, по-видимому, был владыкой Алгетского края, степанцминдский предводитель господствовал над Хеви и над торговой дорогой на Терском участке, а похороненные в богатых погребениях Ахалгори-Канчаети вельможи, быть может, в свое время владели Дзегвской провинцией (Садзегури) и соответствующими торговыми путями.

Заслуживающее внимание обстоятельство можно усмотреть и по материалам распространенных в VI—I вв. до н. э. кувшинных погребений. Как было отмечено, кувшинные погребения в определенное время сосуществуют с поздними грунтовыми погребениями и их погребальный инвентарь почти полностью совпадает с инвентарем последних. И использованные под погребения кувшины лежат на боку, и покойник уложен в них в скорченном виде, также на боку. Скорченное положение покойника является отзвуком обряда захоронения, характерного для грунтовых и каменных погребений, и в то же время отвечает размерам и форме кувшина.

Распространение в Грузии кувшинных погребений совпадает с временем проникновения мушков (месхов) в Мцхетскую округу. Так что это явление (распространение кувшинных погребений) можно увязать с той волной миграции месхов, за которым последовало внедрение в Мцхета культа Арма-Армази и Задена. В данном случае следует учесть также значение развития виноградарства-виноделия, и вопрос возникновения и распространения кувшинных погребений надо решать в связи с тем значением, которое приобретает эта отрасль в той или иной стране. Археологический материал, открытый на территории Колхиды и Иберии, дает основание предположить, что эта отрасль хозяйства особого развития достигла в до- и раннеэллинистическом

⁷⁰² Т а к а й ш в и л и Е. С. Археологические путешествия, разыскания и заметки. — Изв. Тбилиси, 1915, IV, с. 239—245; С м и р н о в Я. И. Ахалгорийский клад. — КОИМАО. Тбилиси, 1934.

⁷⁰³ Г а г о ш и д з е Ю. М. Памятники раннеантичного времени с Ксанского ущелья. Тбилиси, 1964, с. 12—13, 15 и след., табл. X—XV (на груз. яз.). Ю. М. Гагошидзе в 1969 г. обнаружил в Самадло чашу с подобными углублениями.

⁷⁰⁴ Г а г о ш и д з е Ю. М. Раннеантичное погребение из Ксани. — XI научная сессия Гос. музея Грузии им. акад. С. Н. Джанашиа. Тезисы докладов. Тбилиси, 1963, с. 7 (на груз. яз.).

периоде. Это предположение подтверждается хронологической последовательностью распространения кувшинных погребений с VI—V вв. до н. э. в Колхиде, в III—I вв. в Картли и со II в. до н. э. до I—III вв. в Азербайджане.

С I в. до н. э. по I в. н. э. распространены черепичные погребения. Для сооружения этих погребений используется черепица двух видов: плоская черепица с загнутыми боками (типа солена) и желобчатая черепица (типа калиптера). В черепичных погребениях I в. до н. э. покойники лежат в скорченном виде, а позже навзничь, в вытянутой позе. Черепичные погребения напоминают маленький дом, часть из них имеет четыре стены, часть же — шесть. Крыши у этих «домов» плоские или двускатные.

Черепичные погребения обычно богатые, хотя встречаются погребения и со скудным инвентарем. Они отличаются наличием стеклянных и бронзовых сосудов, что является новшеством и признаком богатства. Это усиливается случаями обнаружения драгоценных украшений (например, золотых листов диадемы, колец и др.).

В черепичных погребениях засвидетельствованы и парные захоронения. Как правило, покойник лежит навзничь в вытянутой позе, головой к западу. Следовательно, в черепичных погребениях впервые проявляется новшество: покойника хоронят не в скорченной, а в вытянутой позе. Эти изменения в погребальном обряде вполне очевидны, т. к. в черепичных погребениях I в. н. э. покойники, согласно старой традиции, оказались в скорченной позе на боку. Таким образом, выясняется, что эта особенность погребального обряда независима от строения и формы погребальных сооружений. Это заключение в данном случае иллюстрировано на примере черепичных погребений, однако раньше аналогичная картина была замечена и в случае каменных могил⁷⁰⁵.

Для Грузии античного периода наиболее характерными, были каменные погребения, так же как для Грузии предантичного времени грунтовые могилы. Каменные погребения бывают разные; каменные погребения, составленные из больших плоских каменных глыб или плит, цельновысеченные саркофаги, склепы типа мавзолея и погребения, построенные из мелкодробленых камней.

Среди перечисленных погребений встречаются погребения, принадлежащие придворным или членам царской семьи, вельможам и членам семей вельмож, знати, а также бедным слоям населения. Предназначенные для разных социальных слоев населения погребения отличаются друг от друга как по инвентарю, так и по строению. В этом отношении особенно отчетливо выделяются погребения бедных.

Составленные из больших и плоских каменных глыб или плит, погребения имеют довольно простую конструкцию. Из более или менее хорошо тесанных глыб известняка или песчаника сооружалось продолговатое четырехугольное строение, которое перекрывалось грубо тесаными глыбами. Каждая из четырех стен такого погребения, в большинстве случаев, составлялась из одного камня, а крыша из трех (редко из четырех) плит, которые почти всегда меньшего размера, чем стенные плиты.

Качество обработки каменных глыб или плит погребений и способы их сооружения, как правило, однородны, хотя в построении отдельных погребений нетрудно заметить и особое усердие. Точная теска краев каменных плит для их подгонки, чистая обработка их поверхностей, замазка, известковым раствором углов погребения, устройство железных креплений на плитах перекрытия и т. д. характерны для богатых погребений.

Днища каменных погребений в редких случаях покрыты плоской черепицей, кирпичом, керамическими или каменными плитами. Погребения, имеющие такие полы, обычно также богаты.

Погребения, построенные из каменных плит, по конструкциям перекрытия можно разделить на погребения с плоским и двускатным перекрытием. У большинства

⁷⁰⁵ Мцхета, I, с. 6—20, 89—92; А п а к и д з е А. М. Указ. соч., с. 94.

каменных погребений перекрытие плоское⁷⁰⁶. В данной группе встречаются т. н. семейные погребения, изучение которых показывает, что в них покойники погребались в разное время. В таких случаях костяк погребенного ранее покойника оказывается оттесненным к стенке, видимо, умершего раньше с самого начала помещали к стене, сохраняя тем самым место для других.

Цельновысеченные каменные погребения-саркофаги в Грузии обнаружены в небольшом количестве: пять — в Мцхета, одно — в Дигоми и несколько — в Вани⁷⁰⁷.

Погребения-саркофаги состоят из двух частей. Нижняя часть представляет собой высеченный из цельной каменной глыбы четырехугольный, параллелопипедообразный, довольно высокий ящик, который как с наружной стороны, так и с внутренней тщательно обработан. Это основная часть погребения, в которую помещали покойника и укладывали предназначенные для погребения вещи. Эти части погребения по размерам несколько отличаются. И объем саркофагов заметно меньше, чем погребений, составленных из плит.

Сравнительно малые размеры цельновысеченных погребений не являются результатом каких-то особенностей погребального обряда. Незначительные размеры внутренней площади обусловлены размерами той каменной глыбы, из которой должны были высечь саркофаг. Отколоть большую глыбу камня было трудно, а транспортировка ее опасна. Саркофаги имели малые размеры и в тех случаях, когда они предназначались для двух покойников. Таким является, например, VI погребение — саркофаг Армазисхеви. Этим объясняется случай помещения в багинетских и армазисhevских погребениях частей разобранного ложа или сидений⁷⁰⁸.

Таким образом, укладка ложа и сидений в разобранном виде в саркофагах и богатых погребениях Багинети и Армазисхеви объясняется малыми размерами самих погребений, а не магическим значением церемонии разборки этих вещей, наподобие нарочно разбитых сосудов, которые, как полагают, клали в погребения не для того, чтобы их использовали покойники в «потусторонней жизни»⁷⁰⁹.

По форме перекрытия цельновысеченные погребения-саркофаги также делятся на две группы: погребения с двускатным перекрытием и погребения с плоскими крышами.

Как выясняется, в цельно высеченных погребениях-саркофагах хоронили представителей правящих кругов царства и членов их семей. Право на такой вывод дают багинетский саркофаг, в котором были похоронены царь или царская дочь, и шестое и седьмое погребения Армазисхеви, в которых были похоронены дочери (в одной из них, по-видимому, Серафита) питахшей. В этом отношении примечательны малочисленность саркофагов и богатство обнаруженного в них инвентаря.

В соответствующем месте речь идет о том, что погребения, построенные из каменных плит, и саркофаги, так же как и черепичные погребения, являются характерными для античной эпохи памятниками зодчества, малыми формами монументальной архитектуры того времени. Это касается в особенности погребений типа мавзолея. Такие погребения в Грузии не были известны до последнего времени. В настоящее время в Мцхета имеются три таких погребения: одно — в Багинети, другое —

⁷⁰⁶ А п а к и д з е А. М., Г о б е д ж и ш в и л и Г. Ф., К а л а н д а д з е А. Н., Л о м т а т и д з е Г. А. Археологические памятники Армазисхеви. — Мцхета. I. Тбилиси, 1955; А п а к и д з е А. М. Города и городская жизнь в древней Грузии, I, с. 98 (на груз. яз.).

⁷⁰⁷ С р.: К а к а б а д з е С. Гор. Мцхета — гор. Армази. — Саисторио кребули. Тбилиси, 1928, III, с. 7 (на груз. яз.); с р.: Мцхета, I, с. 16; Х о ш т а р и я Н. В. Археологические раскопки в с. Вани в 1947 г. — Мимомхилвели. Тбилиси, 1948, I, с. 300 (на груз. яз.); П у т у р и д з е Р. В. Археологические памятники Западной Грузии позднеантичного времени. — МАГК, II, с. 69 (на груз. яз.).

⁷⁰⁸ С р.: Мцхета, I, с. 65, рис. 34, табл. XV.

⁷⁰⁹ А п а к и д з е А. М. Города и городская жизнь в древней Грузии, с. 102.

в трехстах метрах к востоку от железно-дорожной станции Мцхета и третье — в Армазисхеви⁷¹⁰.

Основание багинетской усыпальницы вставлено в скалу. Для того скала была выровнена, а потом высечена в форме усыпальницы. На подготовленной таким образом почве была построена усыпальница. Сохранившаяся часть дает представление и о плане сооружения. Становится очевидным, что усыпальница состояла из передней части и погребальной катеры. Основная катера квадратной формы, а передняя часть продолговатая, которая в восточной части имела высеченный в скале трехступенчатый узкий вход.

Пол основной катеры усыпальницы тщательно утрамбован. Он состоит из трех слоев: известкового, песчаного и известкового раствора, в котором перемешан толченый кирпич или черепица. Толщина устланного подобным образом пола достигает 4 см.

Обнаруженные в погребении маленькие обломки серебряных и стеклянных сосудов, золотые килиты, полудрагоценные камни, их золотые оправы и обрывки златоткани относятся к I—III вв. н. э. На первые века до новой эры указывает и строительная техника, в частности употребление железных скоб. Железные крепления багинетской усыпальницы надо приурочить к рубежу древней и новой эры. Это время станет более близким к нашему времени, если учесть наличие железных креплений на багинетском саркофаге (150—160 гг. н. э.), на погребении питиахша Берсумы (III в. н. э.) и на пятом погребении Армазисхеви (около II—III вв. н. э.). Все это говорит о том, что временем постройки багинетской усыпальницы следует считать I—II вв. н. э.

О распространенных в те времена усыпальницах типа мавзолея в специальной литературе имеется множество заслуживающих внимания сведений. К примеру, можно назвать раскопанный в Ольвии в августе 1901 г. склеп Еврисивия и Ареты⁷¹¹.

Подробное сравнение багинетской и ольвийской усыпальниц показывает, что первая из них строилась с несравненно большим усердием и тщательностью, чем вторая. Наряду с общими чертами у багинетской усыпальницы есть и отличительные элементы (квадры багинетской усыпальницы более правильной формы, известковый раствор более высокого качества, внешняя сторона стен лучше обработана, квадры связаны между собой железными скобами и т. д.), указывающие на большое мастерство зодчих и строителей этой усыпальницы, на высокий уровень строительного искусства вообще, что хорошо перекликается с местными строительными традициями раннеантичного времени.

Вторая мцхетская усыпальница представляет собой одну катеру. Она построена из больших квадров песчаника. Из таких же камней выполнена часть полукруглого перекрытия усыпальницы. Стены склепа и полукруглый свод внутри оштукатурены известковым раствором, с примесью толченого кирпича или черепицы, что придает раствору красноватый цвет. Восточный фасад усыпальницы, по-видимому, в течение длительного времени был на виду, на что указывает тщательная обработка этой части склепа. Эта сторона усыпальницы отделана желтоватыми квадрями песчаника разного размера. Она воздвигнута на низком одноступенчатом цоколе и заканчивается фронтоном. У фасада края неравномерны, т. к. боковые стены в сторону фронтона постепенно ступенчато сужаются. Посередине фасадной части имеется дверь с низким порогом и четко профилированными краями. С обеих сторон двери наличествуют продольные нашивки, которые соответствуют очертанию свода. Привлекает внимание и способ крепления карнизов фронтона: с обеих сторон нижний угол и квадрат, расположенный под тимпаном фронтона, высечены из одного и того же большого камня. Так что эти угловые камни сбоку укрепляют среднюю часть фронтона.

⁷¹⁰ Л о м т а т и д з е Г., Ц и ц и ш в и л и И. Вновь обнаруженная усыпальница в Мцхета. — САНГ, 1951, т. XII, №10, с. 641; А п а к и д з е А. М. Города и городская жизнь в древней Грузии, I, с. 28, рис. 66; с. 104—108, рис. 72—76.

⁷¹¹ Ф а р м а к о в с к и й Б. В. Склеп Еврисивия и Ареты в Ольвии. — ИАК, 1902, вып. 3, с. 1—20; подробнее см.: А п а к и д з е А. М. Указ. соч., с. 106—109.

Усыпальница перекрыта мцхетской желобчатой и плоской черепицей с загнутыми боками. Крыша выходит далеко за пределы стен. На полукруглом своде черепица уложена на известковом растворе, а за пределами стен она лежала на рейках⁷¹². Перед усыпальницей имеется довольно большая площадь (9X5м). Это погребение и перекрытием уподобили известным в то время жилым или царским и общественным сооружениям. Следует предположить, что усыпальница была построена при жизни ее владельца (так же, как склеп Еврисивия и Ареты в Ольвии) и, естественно, вначале она не была засыпана землей. То, что для Картли такой обычай не был чужд, это хорошо видно и из сведений исторических источников. Так, например, после обращения царя Мириана «на двадцать пятом году скончался его сын Рев, зять армянского царя Трдата, от кого получил царствование при его жизни. И похоронили [его] в усыпальнице, которая была построена самим Ревом»⁷¹³.

Одну группу погребений, построенных из каменных плит, и цельновысеченные погребения — саркофаги, в основном по обнаруженному в них материалу, мы сочли могилами, принадлежащими правящим кругам царства. То же самое надо сказать и об усыпальницах типа мавзолея; их также следует причислить к погребениям богатейших и высочайших вельмож. Показателем богатства является характер самого сооружения; привлекает внимание не только грандиозность плана, а использование характерных для государственных сооружений квадров, чистота и тщательность кладки, применение особых железных креплений, которые приварены в специальных пазах свинцом, специально сооруженное перекрытие, использование в перекрытии черепицы, столь характерного для государственных и общественных зданий элемента⁷¹⁴ и оштукатуренность внутренней поверхности стен смесью розового цвета. Редкость погребений данного типа, сооружение усыпальниц на видном месте, общий характер обнаруженного в них инвентаря — также прямой показатель богатства. Этот вывод подтверждается и тем обстоятельством, что багинетская усыпальница найдена в акрополе древней столицы, т. е. там, где была царская резиденция и ожидалось наличие царских гробниц. Такая же картина засвидетельствована в Ольвии. И Еврисивий и Арета по происхождению принадлежали к древним, богатым и знатным родам⁷¹⁵. Для такой знати было делом чести сооружение при жизни и довольно быстро усыпальниц типа мавзолея.

Таким образом, в Ольвии усыпальницы такого типа считаются принадлежностью богатых; грузинский археологический материал в этом отношении не представляет исключения.

Богатые погребения раннеантичного времени, кроме ванских, внешне не очень-то выделялись. В позднеантичную эпоху (т. е. I—II вв. н. э.) для представителей знати строились усыпальницы типа мавзолея, изготовлялись цельновысеченные саркофаги, в которых вместе с покойниками были захоронены соответствующие богатые высокохудожественные предметы. Над некоторыми погребениями воздвигались надгробья (стелы) с надписями. В качестве иллюстрации сказанному можно назвать материалы нескольких погребений эриставов в Армазисхеви, багинетского саркофага, а также погребений Згудери, Ахмета, Эрцойской долины и т. д.

Первое погребение армазисхевских эриставов (вельмож, предводителей области), в котором был похоронен, по-видимому, эристави Джавах Младший (Джавахи сын Аспаврука), выделяется и внешне и по составу инвентаря. В погребении было обнаружено: эриставское золотое кольцо-печатка, на камне которой изображен бюст

⁷¹² Ср.: Л о м т а т и д з е Г. А., Ц и ц и ш в и л и И. Н. Вновь обнаруженная усыпальница в Мцхета, с. 642.

⁷¹³ КЦ, I, с. 129

⁷¹⁴ С т р а б о н . География. XI, 3, 1; подробнее см.: А п а к и д з е А. М. Города и городская жизнь в древней Грузии, I, с. 104 — 109.

⁷¹⁵ Ф а р м а к о в с к и й В. В. Склеп Еврисивия и Ареты в Ольвии. — ИАК, 1902, вып. 3, с. 18; Л а т ы ш е в В. В. Надписи, найденные в 1901г. — ИАК, 1902, вып. 3, с. 56.

мужчины с круговой, негативной греческой надписью — эристав Аспаврук⁷¹⁶, золотой пояс, на камне одной из блях которого имеется портретное изображение молодых женщины и мужчины с интимной надписью; «Джаваха жизнь моя — Карпак»⁷¹⁷, инкрустированная драгоценными камнями золотая диадема⁷¹⁸, кинжал, ножны которого выкованы из толстого листового золота и украшены разноцветными камнями. На конце ножен припаян древнейший образец грузинской перегородчатой змали с цветным изображением головы барана или теленка. К этой группе относится также ожерелье, составленное из круглых и подковообразных подвесок, украшенных драгоценными камнями и цветной глазурью, которое обнаруживает большое сходство с золотыми бусами и серебряными булавками из VII и XXVI курганов Триалети, датируемыми первой половиной II тыс. до н. э.⁷¹⁹ и иллюстрирующими технику зерни—этой древнейшей традиции грузинского златокузнечного искусства.

Такова одна группа вещей — инсигнии, знаков эриставской власти из погребения эристава Джаваха. Богатство и преимущественное положение эриставов хорошо отражает и эта группа вещей. Но, кроме них, в погребении Джаваха были обнаружены: золотые браслеты, килиты, златотканная накидка, золотые и серебряные монеты, серебряные сосуды для вина, двуушные сосуды, орнаментированные обкладки ложа и т. д.⁷²⁰.

Археологические раскопки показали, что погребение Джаваха не является исключением. Такая же картина наблюдается в погребениях и других эриставов (например, Берсумы), членов их семей (в погребениях женщин, детей). И в погребении Берсумы были обнаружены инкрустированный цветными камнями железный кинжал с золотой рукояткой, кольцо, диадема, серьги, звенящие подвески, килиты, златоткань, золотые и серебряные монеты, большая серебряная чаша, на которой были уложены кости человека и на днище которой была выведена пунктирная надпись — «Я царь Флавий Даде подарил эриставу Берсуме», серебряные чаши, на которых изображены конь с поднятой перед алтарем ногой и позолоченный орел, серебряные обкладки орнаментированных ножек ложа и т. д.⁷²¹.

Несмотря на то, что шестое погребение (саркофаг) Армазисхеви принадлежит женщине, быть может, супруге эристава, оно оказалось самым богатым. В этом погребении были обнаружены: золотое ажурное ожерелье с инкрустированным драгоценными камнями кулоном, диадема, две пары браслетов, пара наручных украшений, пара ножных колец, 9 колец (на камне одного из них высечена титловая надпись «Джаваха»), камень другого кольца, кажется, алмаз), три пары серег, медальон, подвеска в виде скульптуры кабана, коробки для амулетов (в одном из них лежали 8 тоненьких лентообразных пластинок с арамейскими надписями магического содержания), множество килитов, подвески-бубенчики и много др. Так же много было в погребении серебра: серебряная чаша, на днище которой припаяно горельефное изображение молодой женщины и богини изобилия, на левой руке лежит рог тура, полный гроздьями винограда, колосьями пшеницы и яблоками, на плече накинута козья шкура. Рог, накидка, диадема и грудь богини позолочены; чаша, на днище которой припаян бюст мужчины, патера с изображениями павлинов и с ручкой в виде головы

⁷¹⁶ Подробнее см.: Мцхета I, с. 23—24; А п а к и д з е А. М. Города и городская жизнь в древней Грузии, I, с. 111—113.

⁷¹⁷ Подробнее см.: Мцхета, I, с. 23—24; А п а к и д з е А. М. Города и городская жизнь в древней Грузии, I, с. 25.

⁷¹⁸ Мцхета, I, с. 28.

⁷¹⁹ К у ф т и н Б. А. Археологические раскопки в Триалети. Тбилиси, 1941, рис. 97, табл. XCIII—XCVII, с. 92—94.

⁷²⁰ Подробнее см.: Мцхета, I, с. 22—40, табл. I, II, XXXV—XLV.

⁷²¹ Там же, с. 46—59, рис. 22—30, табл. III, I—VIII.

барана, канделябр, обкладки орнаментированных ножек ложа, агатовое блюдо, стеклянные сосуды, золотые и серебряные монеты, словом, более тысячи предметов⁷²².

В седьмом погребении было меньше вещей, хотя найдены были уникальные украшения: ожерелье с аметистовым изображением бараньей головы, на медальоне которого, на золотой цепочке, подвешен флакон; пара пряжек, напоминающих птиц с раскрытыми крыльями, инкрустированных драгоценными камнями, бирюзой и покрытых зернью; диадема, пара браслетов, шесть колец (на камне одного из них изображена сцена гибели актеона), инталии и камея, остатки златоткани, золотые и серебряные монеты, серебряная чаша, украшенная изображениями гроздей и листьев винограда и граната, кувшины и множество мелких вещей.

Такая же картина наблюдается и во втором погребении в котором среди множества вещей были обнаружены чудесное ожерелье и широкий браслет, на центральном, большем камне которого изображена Афина Паллада⁷²³.

Так же пышно похоронен и ребенок эриставов. В качестве иллюстрации можно назвать маленькое погребение в Армзисхеви⁷²⁴.

С царской пышностью была похоронена дочь царя Иберии в саркофаге в скальном проходе Багинети. Это погребение почти до краев было заполнено золотыми и серебряными вещами. Здесь были найдены: золотые браслеты с изображениями на двуслойных камнях, золотые кольца, серьги, пояс, златоткань с золотыми килитами и множество золотых мелких украшений. По количеству и изысканности серебряных изделий с багинетским саркофагом не может сравниться ни одно до настоящего времени найденное погребение. В этом погребении были: винные кувшины, чаша, украшенная изображениями виноградных гроздьев, большая чаша с позолоченной портретной медалью, кубок с каннелюрованной ножкой, блюдо, украшенное знаками зодиака, кубок, украшенный рельефными изображениями сцен охоты, двуушная кружка и множество других богато украшенных изделий торевтики, на днищах большинства которых нанесены арамейские надписи. Арамейская пунктирная надпись на ручке серебряной ложки гласит, что ложка царская. Надпись читается так: звмлк — «царя».

Больше всего впечатляют четыре одинаковые серебряные обкладки резных ножек ложа. Они представляют собой вырезанную из орехового дерева стилизованную скульптуру слона-орла, которая заканчивается скульптурой головой орла. Все это с большим искусством обложено довольно толстой серебряной пластиной.

ОПИСАНИЕ ЧЕРНО-БЕЛЫХ ИЛЛЮСТАЦИЙ

1. Ручные рубила, ранний, средний ашель.
2. Ручные рубила, средний ашель.
3. Разнообразные орудия с различных памятников.
4. Различные орудия.
5. Различные орудия.
6. Костяные и роговые орудия среднего этапа верхнего палеолита
7. Костяные изделия, верхний палеолит.
8. Пос. Одиши, земледельческие орудия-макролиты.
9. Западная Грузия. Неолитические поселения, земледельческие орудия и керамика
10. Поселение Арухло I. Остатки жилых и хозяйственных сырцовых помещений II и III строительных горизонтов.
11. Поселение Арухло I. Реконструкция сохи из оленьего рога (верхние строительные горизонты).
12. Поселение Арухло I. Орудия труда из камня, кости и рога.

⁷²² Там же, с. 65—82.

⁷²³ Подробнее см.: Мцхета, I, с. 84—96.

⁷²⁴ Там же, с. 98—102.

13. Поселение Арухло I. Орудия труда из кости и рога.
14. Поселение, Шулаверис-Гора. Глиняная женская статуэтка
15. Поселение Арухло I. Головка человека из гальки.
16. Глиняная посуда из Дидубе и Кикети
17. Глиняная посуда из Кода.
18. Самшвилде. Могильник, погребение после вскрытия.
19. Самшвилде. Обсидиановый инвентарь.
20. Поселение Хизанаант-Гора, слой E. Керамические изделия
21. Амиранис-Гора. I строительный горизонт, керамические изделия из могильника
22. Амиранис-Гора. I строительный горизонт, керамический сосуд на могильника
23. Амиранис-Гора. I строительный горизонт, керамическая очажная подставка.
24. Амиранис-Гора. I строительный горизонт, бронзовый серп.
25. Амиранис-Гора. I строительный горизонт, глиняная скульптура быка из алтарного комплекса.
26. Поселение Квацхелеби, слой C. Остатки жилого помещения с очагом в центре.
27. Квацхелеби, слой C. Соха из рога оленя.
28. Квацхелеби, слой C. Глиняные сосуды.
29. Квацхелеби, слой C. Глиняные сосуды.
30. Квацхелеби, слой C. Глиняные крышки для посуды и фрагмент глиняного сосуда.
31. Квацхелеби, слой C. Глиняная скульптура быка.
32. Сачхере. Кинжальные клинки из курганных могильников(металл).
33. Сачхере. Штык и кинжал из курганных могильников.
34. Сачхере. Медные тесла и золото из курганных могильников.
35. Сачхере. Топоры из курганных могильников.
36. Сачхере. Булавки из курганных могильников.
37. Бронзовая подвеска XIV—XIII вв. до н. э. Могильник Певреби.
38. Бронзовая подвеска XIV—XIII вв. до н. э. Могильник Певреби.
39. Бронзовые украшения. XIV—XIII вв. до н. э. Певреби.
40. Бронзовые украшения XIV—XIII вв. до н. э. Святылище Шилда.
41. Глиняный сосуд. XIV—XIII вв. до н. э. Могильник Самтавро.
42. Глиняный сосуд. XIV—XIII вв. до н. э. Тбилиси.
43. Глиняная маслобойка. XIV—XIII вв. до н. э. Самтавро.
44. Глиняный кубок. Конец II тыс. до н. э. Триалети.
45. Листовидный кинжал. Конец II тыс. до н. э.
46. Бронзовый цельнолитый меч «кахетского» типа. Конец II — I пол. I тыс. до н. э.
47. Бронзовая рукоятка железного меча, I пол. I тыс. до н. э. Самтавро
48. Глиняный сосуд II тыс. до н. э. Самтавро.
49. Глиняный сосуд, конец II тыс. до н.э.
50. Глиняный сосуд, I пол. I тыс. до н.э. Самтавро.
51. Бронзовая модель боевой колесницы. I пол. I тыс. до н.э. Святылище Гохеби.
52. Бронзовая скульптура обнаженного мужчины. I пол. I тыс. до н.э. Святылище в г. Мелаани.
53. Бронзовая скульптура воина. I пол. I тыс. до. н.э.
54. Бронзовая скульптура обнаженного мужчины. I пол. I тыс. до н.э. С. Качрети.
55. Бронзовый гравированный пояс. VIII—VII вв. до н.э. Сагареджо.
56. Глазурованный сосуд. Конец II тыс. до н.э. Самтавро.
57. Бронзовый кинжал. XV в. до н.э. Земо-Бодбе.
58. Бронзовый кинжал. XIII—XII вв. до н. э. Святылище Шилда.
59. Бронзовый наконечник копья. XIV—XIII вв. до н.э. Святылище Шилда.
60. Бронзовая рукоятка листовидного кинжального клинка XIV— XIII вв. до н.э. Святылище Шилда.

61. Бронзовый наконечник копья. I пол. I тыс. до н. э. Сагареджо.
62. Бронзовые наконечники стрел. I пол. I тыс. до н.э. Святилище Малаани.
63. Бронзовые серпы. XIV—XIII вв. до н.э. Святилище Шилда.
64. Бронзовые наконечники копий. XIV—XIII вв. до н.э. Святилище Шилда.
65. Бронзовые наконечники копий. XIV—XIII вв. до н.э. Святилище Шилда.
66. Бронзовый топор центрально-закавказского типа. XIV—XIII вв. до н.э. Святилище Шилда.
67. Бронзовый наконечник копья с шипами на втулке. XIV—XIII вв. до н. э. Святилище Шилда.
68. Бронзовый топор центрально-закавказского типа. XIV—XIII вв. до н. э. Святилище Шилда.
69. Бронзовый кинжал. XIV—XIII вв. до н. э. Святилище Шилда.
70. Бронзовый наконечник копья с гравировкой на втулке. XIV—XIII вв. до н.э. Святилище Шилда.
71. Бронзовый наконечник копья с рельефным изображением змеи. XIV—XIII вв. до н. э. Святилище Шилда.
72. Плоские топоры, эпоха поздней бронзы—раннего железа.
73. Сегментовидные орудия поздней бронзы—раннего железа.
74. Бронзовые мотыги колхидской культуры.
75. Бронзовые мотыги эпохи поздней бронзы—раннего железа.
76. Колхидский бронзовый топор. Чабарухский клад.
77. Колхидские бронзовые топоры. Чабарухский клад.
78. Колхидские бронзовые топоры. Чабарухский клад.
79. Колхидские бронзовые топоры. Чабарухский клад.
80. Колхидский топор с изображением всадников. VII в. до н. э. Сулори.
81. Колхидский топор. Пасанаурский клад.
82. Бронзовый сосуд. Чабарухский клад.
83. Бронзовый сосуд. Пасанаурский клад.
84. Дугообразные фибулы. Пасанаурский клад.
85. Предметы из Пасанаурского клада (сборная таблица).
86. Глиняная фигурка оленя. VIII—VII вв. до н. э. Вани.
87. Золотая диадема. V в. до н. э. Вани.
88. Золотая серьга. V в. до н. э. Вани.
89. Золотая серьга. V в. до н. э. Вани.
90. Золотая диадема. I половина IV в. до н.э. Вани.
91. Золотые серьги. I половина IV в. до н.э. Вани.
92. Золотые серьги. I половина IV в. до н. э. Вани.
93. Золотые серьги. I половина IV в. до н. э. Вани.
94. Деталь серебряного ритона. V—IV вв. до н. э. Мтисdziри.
95. Часть городских ворот и привратного святилища, постамент для статуи. III—I вв. до н. э. Вани.
96. Мостовая, лощенная булыжником. III—I вв. до н.э. Вани.
97. Развалины круглого храма. III—II вв. до н. э. Вани.
98. Ступеньки монументального алтаря. III—II вв. до н. э. Вани.
99. Золотые украшения и слиток. Рубеж IV—III вв. до н. э. Вани.
100. Золотые серьги. Рубеж IV—III вв. до н. э. Вани.
101. Золотые украшения и монета сиракузского тирана Гиерона II (275—216 гг. до н. э.), Вани.
102. Деталь золотого ожерелья. III в. до н. э. Вани.
103. Золотые монеты. IV в. до н. э. Золотая пирамидальная подвеска; ожерелье из золотых, сердоликовых бус и золотой подвески. I пол. III в. до н. э. Вани.
104. Серебряная ложка. III в. до н. э. Вани.

105. Серебряная пиала. III в. до н. э. Вани.
106. Инталия с изображением сфинкса. Стекло. III в. до н. э. Вани.
107. Бронзовые статуэтки с золотыми украшениями. III в. до н. э. Вани.
108. Бронзовая статуэтка богини Ники. II в. до н. э. Вани.
109. Серебряные статуэтки. II-I вв. до н. э. Вани.
110. Серебряный медальон. II-I вв. до н. э. Вани.
111. Фрагмент бронзовой статуи. II-I вв. до н. э. Вани.
112. Фрагмент бронзовой статуи. II-I вв. до н. э. Вани.
113. Львиная голова. Известняк. III-II вв. до н. э. Вани.
114. Фрагмент фриза. Известняк. II в. до н. э. Вани.
115. Акротерий. Известняк. II-I вв. до н. э.
116. Антефикс. Глина. II-I вв. до н. э. Вани.
117. Капитель IV-III вв. до н. э. Цихиа-Гора.
118. Деталь строения. II-I вв. до н. э. Мцхета-Багинети.
119. Терракотовая маска II в. до н. э. Саркине.
120. Железная статуэтка. II-III вв. н. э. Мцхета — Каренис-хеви.
121. Терракотовая статуя. II в. до н. э. Саркине.
122. Терракотовая маска. II в. до н. э. Саркине.

Богатство этого погребения, а также наличие в нем золотых штандартов знамени дают убедительное основание отнести саркофаг к царскому двору, тем более, что он обнаружен в царской резиденции, в акрополе Мцхета. На это указывает и упомянутая выше надпись⁷²⁵. Естественно, такое положение наблюдается не только в Мцхета. Богатые погребения обнаружены в разных общинах, ущельях и провинциях Грузии.

Такую же картину раскрывает позднеантичный могильник в Згудери, который был обнаружен в 1964 г. на левом берегу р. Дзама (Карельский район). Заслуживает внимания, что в ущелье р. Дзама были найдены богатые грунтовые погребения. В этом отношении в Згудери, как будто, сохраняют раннеантичный обряд или же поступают так, как в I—III вв. н. э. в Западной Грузии (Бори, Клдеети, Хаиши Уреки, Квашхети и др.). Так же как в Мцхета, и в Згудери выделяется очаг богатых погребений. В одном из згудерских погребений были обнаружены золотые кольца, браслеты, серьги, ожерелье, украшенное камеей, золотые и серебряные монеты, серебряные, бронзовые и стеклянные сосуды, бронзовые ритуальные кадила и другие культовые предметы. Примечательно, что на серебряных сосудах Згудери имеются также арамейские надписи⁷²⁶.

Богатые погребения Згудери также следует отнести ко II—III в. н. э. и их надо считать погребениями знати Дзамского ущелья, быть может, предводителей данной провинции. Как видно, предводители этой провинции в позднеантичное время жили с соответствующей роскошью и старались во всем приравняться к представителям других провинций, равным им по рангу.

В с. Бори близ Шорапани в течение многих лет находили отдельные предметы позднеантичного времени. В конце концов выяснилось, что там был еще один очаг богатых погребений разряда эриставских гробниц. Вещи из Бори настолько похожи на армазисхевские, что иной раз трудно их различить. Таковыми являются, например, изображение лошади с поднятой ногой перед алтарем на днище серебряной чаши, серебряные обкладки резных ножек ложа, серебряные винные кувшины, ложки и т. д.⁷²⁷.

⁷²⁵ А п а к и д з е А. М. Города и городская жизнь в древней Грузии, I, табл. XXXVIII—XLII.

⁷²⁶ Н е м с а д з е Г. Предварительный отчет полевых работ в 1964—65 гг. Згудерского отряда Урбнисской историко-археологической экспедиции. — Тезисы XIII сессии Гос. музея Грузии. Тбилиси, 1965, с. 3—4.

⁷²⁷ Подробнее см.: П р и д и к Е. Новые кавказские клады. — МАР. М., 1914, 34.

Особого внимания заслуживает серебряная большая чаша с арамейской, (армазской) надписью: «Добрый эристав Бузмир»⁷²⁸. Характерна и судьба этой надписи; ее расшифровка стала возможна только после прочтения двуязычной надписи, найденной в Армазисхеви⁷²⁹.

Борийскую и клдеетскую группу богатых погребений позднеантичного времени пополняет блестящими образцами торевтики данной эпохи и инвентарь богатого погребения в Саргвешах, в котором выделяется серебряный кубок, украшенный четырьмя медальонами с изображениями вельмож Сасанидского царства⁷³⁰. Из золотых вещей Саргвеша сохранились три кольца, браслеты, бусы-подвески и большие кольца-подвески. В Саргвешах найдены также серебряные ложки⁷³¹, хорошо известные из находок в Бори, Мцхета, Армази и Багинети.

Очаг богатых погребений был открыт в 1941—1942 гг. в с. Клдеети (Зестафонский район). Золотыми украшениями, серебряными сосудами, стеклянными, бронзовыми и железными украшениями и предметами, железным оружием Клдеетский богатый могильник свободно можно поставить рядом с инвентарем эриставских и царских погребений Мцхета-Армази-Багинети. Уникальным выглядит инкрустированная камнями и покрытая зернью золотая пряжка с портретной геммой, основная часть которой — золотая овальная пластина — имеет вокруг 13 равных и почти одинаковых выступов. Все тринадцать выступов украшены миндалевидными альмандинами. Оправы альмандинов и кромки выступов обведены зернью. Посередине, в большой оправе с высокими краями сидит сердолик, на котором высечено портретное изображение «клдеетского эристава»⁷³². Это мужчина средних лет с бородой и усами, мягким, разумным и волевым выражением, головной убор которого напоминает западногрузинский башлык⁷³³.

Царский облик «клдеетского эристава» наводит на мысль признать в нем одного из представителей верховной власти Эгриси. Основанием для этого может послужить и золотой пояс и богатый погребальный инвентарь, который находит общее как с колхидским, так и картлийским кругом златочеканного искусства.

3. Строительное искусство и памятники зодчества

О грузинском зодчестве античной эпохи раньше можно было составить представление лишь на основании сведений письменных источников. И в самом деле, в грузинских, греко-римских и византийских источниках имеется множество сведений, на основании которых можно воссоздать общий уровень развития строительного искусства и архитектуры Грузии античной эпохи. Составить же более конкретное представление о городской архитектуре Грузии античного времени удастся преимущественно по археологическим памятникам.

Если о городской архитектуре будем судить по сохранившимся сооружениям, в первую очередь привлекут внимание фортификационные, т. е. крепостные, строения,

⁷²⁸ Ц е р е т е л и Г. В. Армазская билингва. — Известия ИЯИМК, 1941, XIII, с. 108.

⁷²⁹ Подробнее см.: Мцхета, I, с. 56; А п а к и д з е А. М. Города и городская жизнь в древней Грузии, I, с. 153.

⁷³⁰ Подробнее см: ИКИАИ. Тбилиси, 1925, III; А п а к и д з е А. М. Города и городская жизнь в древней Грузии, I, табл. XIV, 2, XV, 1—4.

⁷³¹ T s c h u b i n a s c h w i l i G. Der Fund von Sargweshi.—ИКИАИ. Тбилиси, 1925, т. III, с. 83, 65, табл. I и II.

⁷³² Б е р д з е н и ш в и л и Н. А., Д ж а в а х и ш в и л и И. А., Д ж а н а ш и а С. Н. История Грузии. Тбилиси, 1946, с. 100 (на груз. яз.); Л о м т а т и д з е Г. А. Клдеетский могильник. Тбилиси. 1957, с. 29 (на груз. яз.).

⁷³³ Подробнее см.: Л о м т а т и д з е Г. А. Клдеетский могильник. Там же литература.

обнаруженные в Мцхета (Армазцихе, Цицамури, собственно Мцхета, Саркине-Саване), Уплисцихе, Гори, Урбниси и в некоторых других местах. К этой группе сооружений относятся крепостные стены и укрепления, башни и расположенные между ними устои.

На ранней ступени интересующего нас времени, т. е. в VI—III вв. до н. э., городские крепостные сооружения построены без применения известкового раствора. Нижняя часть крепостных стен, башен и устоев выложена из каменных квадров⁷³⁴. Обычно первый, нижний ряд каменных квадров уложен в специально вынудой в скале выемке. Последующие же ряды перевязаны между собой скобами. Такая картина наблюдается в Армазцихе, Цицамури, Уплисцихе, Горисцихе, Вани и т. д. Скоба деревянная засвидетельствована в Армазцихе. Цицамури, железная — в Вани, Армазцихе. Употреблялась двоякая деревянная скоба: одна горизонтально укрепляла квадры одного ряда, вторая же использовалась для укрепления между собой верхнего и нижнего рядов (Цицамури)⁷³⁵. У железных скоб оба конца загнуты и они отличаются друг от друга только размерами. Их особенностью следует считать то, что концы железных скоб нуждаются в укреплении свинцом в специальных пазах⁷³⁶. Так укреплены скобами фундамент ванских ворот, армазхисхевские и багинетские саркофаги, фундамент усыпальницы типа мавзолея.

На таких тщательно заложенных и укрепленных фундаментах и на нижней части вообще воздвигали из сырца крепостные стены, башни и устои (Армазцихе, Цицамури-Гора, Горисцихе, Уплисцихе, Вани и др.).

Таким образом, на ранней (древнейшей) ступени строительства оборонительных сооружений городов Грузии античного времени крепостные стены, башни и устои воздвигались на фундаментах каменных квадров. Это является до III в. до н. э. единственным видом крепостных сооружений как в Восточной, так и в Западной Грузии.

Таким же способом строились храмы, дворцы, ворота и другие сооружения общественного или культового назначения. Так построены колонный зал Армазцихе, ванский храм и ворота, строения разного назначения в акрополях Армазцихе и Вани.

Из-за того, что сооружения, построенные описанным способом, раньше всех были обнаружены, раскопаны и изучены в Мцхета, а именно в Армазцихе. его называют Армазцихе I. Армазцихе I подразумевает распространенную в VI—III вв. до н. э., связанную между собой скобами кладку квадров без известкового раствора, уложенную в сделанных в скалах специальных выемках, верхнюю часть которой составляет стена из сырцового кирпича. Армазцихе I подразумевает также не только определенный способ строительного искусства, но и определенный хронологический отрезок. Имеется в виду ранняя ступень городского строительства Грузии античного времени — VI—III вв. до н. э.⁷³⁷

Памятники ранней ступени лучше всех сохранились на территории Картли, а именно в Большой Мцхета (Армазцихе, Цицамури, Саркине, Армазисхеви и др.). Обстановка в Западной Грузии в основном представляется по Ванскому городищу и по ахеменидской капители Саирхе.

Особую архитектурную группу ранней ступени городского строительства Грузии составляет одна, ранняя часть высеченных в скале помещений в Уплисцихе. Как предполагают, в Уплисцихе выделяются высеченные в скале комплексы доэллинистического периода (VI—IV вв. до н. э.), при расчистке которых не был обнаружен более поздний материал⁷³⁸.

⁷³⁴ А п а к и д з е А. М. Города и городская жизнь в древней Грузии, I, с. 180—182;

Х а х у т а й ш в и л и Д. А. Уплисцихе, I, с. 56—60.

⁷³⁵ А п а к и д з е А. М. Указ. соч., с. 191.

⁷³⁶ Там же, с. 192—193.

⁷³⁷ А п а к и д з е А. М. Города и городская жизнь в древней Грузии, I, с. 25.

⁷³⁸ Х а х у т а й ш в и л и Д. А. Уплисцихе, I, с. 60—62.

Естественно, на ранней ступени следует предполагать наличие и деревянных построек. Относительно этих сооружений, как было показано в письменных источниках, сохранилось множество сведений. Кроме этого, в обработке потолка одного из высеченных в скале залов в Уплисцихе некоторые исследователи видят явное подражание древесно-балочному перекрытию. По их мнению, в разделении, в частности, потолка, сдвоенными круглыми балками, будто несомненно проявляются традиции деревянных конструкций и, не имея никаких функций, они повторяются в камне в качестве декоративного элемента⁷³⁹. Другого археологического материала для воссоздания уровня деревянной архитектуры почти не существует, т. к. ни один жилой холм Колхидской низменности, в котором имеются деревянные сооружения, до конца не раскопан, выявлены лишь отдельные части срубных строений (Наохваму⁷⁴⁰, Сакоркио⁷⁴¹).

Уже на древней ступени, в особенности же в IV—III вв. до н. э., постройки (гражданские, культовые, крепостные) были покрыты черепицей. Так, например, следы черепичных крыш явно проглядывают в Большой Мцхета, Уплисцихе, Урбниси, Гори. В покрытии зданий использовалась черепица двух видов: плоская черепица с загнутыми боками (типа солена) и желобчатая (типа калиптера). Черепица изготовлялась в местных мастерских и довольно хорошо.

В Восточной Грузии использовалась мцхетская черепица. Установлен оригинальный способ ее изготовления: на керамическом кругу делали трубу, которая до обжига продольно резалась на две ровные части, на каждой из которых приделывался выступ⁷⁴².

С III в. до н. э. в городской архитектуре Грузии наблюдается большой перелом. Начинает распространяться известковый раствор, который с этого времени становится характерной особенностью городского строительства. Распространение известкового раствора приурочивается к этому времени и грузинскими письменными источниками. В «Картлис Цховреба», при описании деятельности царя Ардама, сказано, что он окружил Мцхета оградой на известковом растворе и что «до этого в Картли не было известно известковое дело»⁷⁴³.

В свое время царевич Теймураз, по поводу данного сообщения летописи, высказал заслуживающее внимание положение, согласно которому известковый раствор был известен до Ардама, использовался и до него, но «Ардам познакомил всю Иберию, как строить крепости и крепостные сооружения на известковом растворе, и поэтому древние грузинские летописцы приписывали ему введение известкового раствора»⁷⁴⁴.

Таким образом, по мнению царевича Теймураза, в деятельности Ардама главное не введение в строительство известкового раствора, а распространение его по всей Иберии, т. е. создание нового этапа в развитии строительного искусства Грузии античного времени. Новейшие археологические открытия подтверждают наличие применения известкового раствора уже в III в. до н. э., независимо от того, заслуга в этом новшестве приписывается Ардаму или нет. Вместе с тем, это новая ступень в городском строительстве Грузии античной эпохи, которая в корне отчетливо выделяется не только в тех городах и крепостях, в которых сохранились характерные для первой ступени памятники, но и на других объектах. Так, например, после II в. до н. э. следы применения

⁷³⁹ Ц и ц и ш в и л и И. Н. История грузинской архитектуры. Тбилиси, 1955, с. 26—27 (на груз. яз.);

А м и р а н а ш в и л и Ш. Я. История грузинского искусства, 1944, с. 125 (на груз. яз.).

⁷⁴⁰ Н и о р а д з е Г. К. Археологические раскопки в Колхиде. — Известия ИЯИМК, 1941, X. с. 335 (на груз. яз.); К у ф т и н Б. А. Материалы к археологии Колхиды, 1950, II, с. 171 и след.

⁷⁴¹ М и к е л а д з е Т. К. ОСПАИ, 1964, с. 24—25 (на груз. яз.); Л о р д к и п а н и д з е О. Д. Античный мир и древняя Колхида, 1966, с. 49—50, 65.

⁷⁴² Подробнее см.: А п а к и д з е А. М. Города и городская жизнь в древней Грузии, I, с. 44—47.

⁷⁴³ КЦ, I, с. 13.

⁷⁴⁴ Царевич Теймураз. История. 1848, с. 75 (на груз. яз.); подробнее см.: А п а к и д з е А. М. Города и городская жизнь в древней Грузии, I, с. 23 и след.

известкового раствора обнаружены в Мцхета (Армазцихе, Саркине, Цицамури, Армазисхеви) позже, в т. н. позднеантичной эпохе, к названным городищам следует причислить Уджарма.

В это время известковый раствор одинаково применяется в строительстве крепостных, гражданских и культовых сооружений и в большинстве случаев на этом растворе построены памятники городской архитектуры Грузии второй ступени античной эпохи. Это, конечно, не означало полного забвения ранних традиций. И на этом этапе имеются случаи применения каменных квадров, но они используются уже для внешней отделки зданий. Строительное искусство того времени, наряду с известковым раствором, усвоило и постепенно стало широко использовать отделку каменными квадрами строившихся на известковом растворе сооружений. В качестве иллюстрации к сказанному можно указать на развалины дворца в резиденции армазских эриставов — на т. н. здание с порогом или на сооружения Саркине, которые уже в III в. до н. э. были украшены резными капителями колонн, полуколоннами и другими сложными и тщательно выполненными архитектурными деталями. Уровень развития строительного искусства данной ступени наиболее четко воссоздают т. н. памятники малого зодчества — погребения, усыпальницы типа мавзолея, обнаруженные в Мцхета (Армазисхеви, Багинети, Самтавро, окрестности Мцхетского вокзала). Одно из таких погребений, а именно у старого моста в Мцхета, относится к I в. н. э. и является наиболее четким образцом зодчества своего времени: в строительстве усыпальницы были использованы и каменные квадры (являющиеся отзвуком древней строительной традиции) и известковый раствор. Усыпальница внутри была оштукатурена известковым раствором, а с внешней стороны облицована каменными квадрами. Свод усыпальницы также был уложен на известковом растворе, на нем было сооружено двускатное перекрытие с черепичной крышей⁷⁴⁵. Более или менее подобная картина наблюдается в Армазисхеви, Багинети, Самтавро и т. д.

Сохранение в нетронутом виде сооружения двухтысячелетней давности является редким случаем вообще и единственным в Грузии.

В этом сооружении сохранена и конструкция двускатной крыши. Распространение двускатных крыш и раньше предполагалось. Конструктивный замысел расположения на оси колонного зала Багинети шести колонн заключался и в том, что над залом должно было быть сооружено двускатное перекрытие. Двускатные крыши имели цельновысеченные саркофаги Багинети, Армазисхеви и Мцхета. Было раскопано довольно много каменных и черепичных погребений с двускатным перекрытием. И бани Армазисхеви и Багинети имели двускатные крыши. Примечательно, что на серебряной чаше из багинетского саркофага и на головках некоторых булавок из Самтавро и Армазисхеви изображены дома с двускатным перекрытием. Золотой башенный дом из Хаиши ведь тоже имеет двускатную крышу и т. д.

Было известно, конечно, о распространении двускатного перекрытия и в соседних странах, а в особенности в греко-римском мире, но все это могло послужить лишь основанием для предположения, хотя и убедительного, которое вытекало бы не только из изучения параллельных памятников, а из конструктивных признаков обнаруженных в Грузии сооружений, чему придается решающее значение в определении вида перекрытия.

Именно обнаружение усыпальницы с двускатным перекрытием и черепичной крышей сразу и без сомнения внесло ясность в вопрос перекрытия одной из главнейших групп архитектурных памятников Грузии античного периода, и стала очевидной правильность предположения, высказанного на основании косвенных данных.

---

⁷⁴⁵ Л о м т а т и д з е Г. А., Ц и ц и ш в и л и И. Н. Вновь открытая усыпальница в Мцхета. — Известия АН Грузинской ССР, 1951, XII, № 10, с. 641 и след.; А п а к и д з е А. М. Города и городская жизнь в древней Грузии, с. 107—109.

Археологические памятники показали, что градостроители Грузии античного времени соответствующее внимание уделяли санитарно-гигиеническим учреждениям. Установлено, что в позднеантичном периоде строились, и бани и проводились водопроводы. Во Мцхета, в двух местах найдены бани, которые имели связь с резиденциями царя и эриставов и относились к позднеантичному времени. Одна из них была частью дворцового комплекса армазисхевских эриставов, другая же — багинетская, принадлежала, по-видимому, царскому двору. Эти бани принципиально однородны и характерны для римской эпохи. Бани такого типа были широко распространены в Риме и Малой Азии. Несмотря на общее сильное повреждение, хорошо отличаются отдельные части бань, раздевальная комната, отопительное отделение, горячая, теплая и прохладная бани и сравнительно хорошо сохранившаяся отопительная система на первом этаже, которая имеет облик калорифера, собранное здесь, между колоннами, расположенными под полами перечисленных банных отделений, тепло отапливало и пол бани, и стены верхнего этажа, проникая наверх по соответствующим каналам. Сохранились и эти каналы, и водопроводные сооружения. Как было отмечено, к армазисхевской бане очень близко стоит и баня Бичвинты. Здесь хорошо сохранены два канализационных канала, по которым вода сливалась в городской коллектор.

С позднеантичными банями, естественно, связаны и водопроводы. При раскопках бани в Армазисхеви было обнаружено несколько фрагментов составленного из керамических труб водопровода, который был проведен из Армазского ущелья. Фрагменты открытого и закрытого водопровода позднеантичного периода и более ранние были обнаружены и в Багинети, водопроводные трубы II—I вв. до н. э. были найдены в 1961 г. на Ванском городище⁷⁴⁶.

4. Образцы скульптуры античной эпохи

Архитектурные фрагменты Саркине и Надарбазеви, Армазисхеви, Мцхета и Багинети дают основание предполагать наличие в украшении храмов и дворцов не только капителей с ионийским ордером, каннелюрованными колоннами, резными карнизами и полуколоннами, но и рельефами и круглой скульптурой. Не исключена возможность обнаружения образцов круглой скульптуры в Саркине, Армазской крепости, Надарбазеви, в Большой Мцхета, а также в Уплисцихе. Следует учесть также довольно частые находки образцов малой скульптуры раннеантичного времени. Таковы, например, обнаруженные в Мцхета на Самтаврском поле малые скульптуры леопарда с поднятой передней лапой и повернутой налево головой и вздыбленного тура, норовящего совершить прыжок.

Особую группу малой скульптуры составляют фигуры всадника из Лечхуми⁷⁴⁷ и Степанцминда⁷⁴⁸, золотых коней из Садзегури⁷⁴⁹, а в особенности золотая скульптура маленького божества, найденного на Баргикариа около с. Дзегви⁷⁵⁰.

В резиденции эриставов в Армазисхеви было найдено несколько образцов мраморной круглой скульптуры: а) обломок скульптуры из белого мелкозернистого мрамора, которая изображала, по-видимому, обнаженную молодую женщину, у которой одна нога была переложена на другую; сохранилось изображение сдвоенных бедер до колен; б) обломок белого мелкозернистого мрамора, представляющего изображение пухлой правой ладони ребенка, обломаны и пальцы; в) обломок мелкозернистого белого

⁷⁴⁶ Л о р д к и п а н и д з е О. Д. Античный мир и древняя Колхида, с. 143.

⁷⁴⁷ Г о б е д ж и ш в и л и Г. Ф. Памятники эпохи раннего железа в верховьях Риони. — Археология Грузии. Тбилиси, 1959, табл. XIV, 5, с. 195 (на груз. яз.).

⁷⁴⁸ Ц и т л а н д з е Л. Г. К некоторым вопросам Казбегского клада. — МАГК, 1963, IV, с. 39—58 (на груз. яз.).

⁷⁴⁹ С м и р н о в Я. И. Ахалгорийский клад. Тбилиси, 1934.

⁷⁵⁰ Мцхета, I. Тбилиси, 1955, с. 4.

мрамора, который представляет руку молодой женщины, согнутую в локте и наискосок переломанную выше запястья⁷⁵¹. Все три фрагмента, а в особенности второй, блестящей работы, указывают на высокое мастерство автора. Надо полагать, что скульптуры из белого мрамора были завезены из римского мира для украшения дворцов и храмов. К сожалению, фрагменты скульптур так малы, что об их происхождении нет оснований говорить более конкретно. Достоверно нельзя говорить и о том, кого изображали эти скульптуры, являлись ли они портретными изображениями или изображали божество или мифологических персонажей. Единственное, что можно сказать убедительно, это то, что в позднеантичном периоде резиденцию армазисхевских эриставов украшали блестящие образцы круглой мраморной скульптуры, которые являлись такими же высокохудожественными произведениями, какими было большинство найденных в эриставских погребениях золотых и серебряных предметов, а в частности серебряные скульптуры (бюст мужчины, горельеф женщины с рогом, ножки ложа из багинетского саркофага, «играющий и поющий юноша» из усыпальницы типа мавзолея Мцхета) или высеченное из драгоценного камня полукруглое изображение головы барана⁷⁵².

А если учесть и то, что было сказано о скульптурных изображениях Армаза, Задена, Гаима и Га при характеристике божеств грузинского языческого пантеона, то можно составить довольно полное представление вообще об образцах распространенной в Грузии античного времени круглой скульптуры.

Эта малочисленная группа найденной в Грузии круглой скульптуры довольно красноречиво освещает высокую культуру населения городов Грузии и взаимоотношений Грузии с греко-римским миром.

5. Металлопроизводство. Обработка железа в античной Грузии

В железных предметах Грузии античной эпохи нашли свое отражение взаимоотношения, традиционно характерные для грузинских племен доантичного времени, имевших развитую железную индустрию, с племенами, населявшими современные Азербайджан и Армению, с одной стороны, и с населением северных склонов Кавказа — с другой. Таким образом, не прерывалась взаимосвязь, которая отчетливо отразилась в археологических памятниках эпохи поздней бронзы и раннего железа. Продолжение указанного традиционного сближения в доантичной и античной эпохах выразилось и в том, что, наряду с памятниками местной культуры эпохи железа, наблюдается наличие предметов, выполненных в северокавказской (нескифской) и древневосточной (в первую очередь, естественно, в урартской) традициях. Таковыми являются т. н. «железные акинаки», согнутые садовые ножи и др., которые могли попасть в Грузию в результате тесных взаимоотношений с соседними племенами, хотя могли быть и местными изделиями.

Поток этих двух культур не во всех общинах античной Грузии чувствуется с одинаковой силой. Например, в нагорьях Западной Грузии найдены железные топоры, которые почти точно повторяют колхидские бронзовые топоры. Таковыми являются топоры с молотообразным обухом и прямые топоры с клинообразным обухом, которые следует считать прямыми преемниками колхидских бронзовых топоров начала I тыс. до н. э. Такая тенденция наблюдается и в археологическом материале Восточной Грузии. Уже с начала I тыс. здесь распространены железные клинки, которые представляют повторения бронзовых заостренных клинков. Железные наконечники копий также по своей форме почти не отличаются от бронзовых⁷⁵³. Все это дает основание утверждать,

⁷⁵¹ Там же, с. 178—179.

⁷⁵² Мцхета, I. Тбилиси, 1955, с. 179, табл. СХ, 1—3.

⁷⁵³ Археология Грузии. Тбилиси, 1959, с. 174—175, 190—206, 252.

что металлургия железа Грузии античного времени является продолжением доантичной традиции, которая создавалась на местной базе металлопроизводства⁷⁵⁴.

При таких обстоятельствах, как отмечалось выше, если даже и встречаются железные предметы, характерные для северокавказского и урартского миров, то их проникновение надо считать результатом традиционных взаимоотношений, а не показателем того, что в Грузию в доантичном и античном периоде завозились лишь готовые изделия. В этом отношении особое значение приобретает то обстоятельство, что, несмотря на новшества, связанные с технологией обработки железа, металлисты упорно стараются повторить в железе формы бронзовых изделий. Это является показателем мощи и твердости местных традиций металлопроизводства. Грузинский металлист знает преимущества нового металла (железа), и он выделяет из него орудия и оружие, но не забывает старинные формы и старается придать железным изделиям форму бронзовых. Подтверждением этой мысли служит обильный археологический материал из Самтавро, Геби, Сухумской горы, Сванети, Нижней Картли.

Если письменные источники сохранили заслуживающие внимание сведения о высоком уровне обработки железа у грузинских племен юго-западной Грузии, то новейшие археологические открытия ясно показывают высокий уровень металлопроизводства и в Картли, и в Западной Грузии.

Значительный очаг производства железа в Картли в античном периоде находился в западной части Большой Мцхета, в том районе города, который в древнейших грузинских источниках назывался Саркине, т. е. «место производства железа»⁷⁵⁵. Результаты археологических раскопок показали, что название этого района древней столицы соответствует деятельности его населения. Это производственный район Мцхета, железных мастерских, расположенных на Грдзели-Миндори, где раскопаны развалины наполовину вставленных в землю печей, в которых выплавлялось железо. Здесь же было зафиксировано большое количество шлака, а в печах железная болванка, полученное из нее разного рода железо. Выясняется, что орудия из этого железа делались в двух пунктах района Саркине: в современном Грдзели-Миндори и в Саване.

Раскопки одной из мастерских показали, что в разных ее частях выплавляли железо, свинец и медь.

Были обнаружены керамические сосуды (обломки тиглей) для плавки металла, златокузнечный штамп и разные инструменты, указывающие на возможность наличия на Грдзели-Миндори мастерских золотых дел мастеров.

Печи для выплавки железа, а в особенности свинца, кажутся оставленными внезапно. На это указывают осадки железного шлака на полу железоплавильной печи и выплавленный чистый свинец на дне печи. Последний, как показал химический анализ, содержал 99,86% свинца⁷⁵⁶.

Продукция мастерских района Саркине многообразна. Здесь были обнаружены железные хозяйственные и боевые топоры, заготовки орудия для обработки камня, разные железные орудия и инструменты, лопата с железной ручкой для чистки печей, у которой дополнительно была, по-видимому, и деревянная ручка. Там же находилась груда между собой сплавленных и поэтому деформированных железных наконечников — стрел, насчитывающих несколько сот единиц, и бронзовые предметы, среди которых выделялись инструменты золотых дел мастера.

Добытый раскопками материал показывает, что в мастерских Саркине осуществлялись выплавка металла из железной руды, переработка железной болванки и получение ковкого железа, вырезка из него кусков и молотов, обрезка железа сообразно предмету, предназначенному дляковки, или резка железа, ковка и закалка самой вещи.

---

⁷⁵⁴ Там же, с. 181—182.

⁷⁵⁵ Подробнее см.: А п а к и д з е А. М. Города и городская жизнь в древней Грузии, с. 206 и след.

⁷⁵⁶ Подробнее см.: А п а к и д з е А. М. Города и городская жизнь в древней Грузии, с. 212.

Таким образом, здесь выполняется полный металлургический цикл (от выплавки руды доковки и закалки предмета).

Все это, естественно, не должно было происходить в одной мастерской, хотя, как известно, в грузинском быту засвидетельствованы и такие случаи. Установлено, что обработка-плавка «сырого металла» происходила в кузнечной хижине. Там же осуществлялась повторная плавка выплавленного железа.

Специальное здание, предназначенное для обработки железа новейшими исследованиями не засвидетельствовано. Эту функцию выполняла кузнечная хижина⁷⁵⁷. Во время раскопок мастерской и в отбросах самой печи в большом количестве находили обломки известняка, большую часть которых составляли уже использованные в строительстве квадры или более или менее профилированные архитектурные детали.

Следует думать, что обломки известняка являются компонентом («плавень»), участвовавшим в процессе выплавки из руды металла.

Во время рассмотрения вопросов, касающихся архитектуры и строительства, нами было отмечено, что обнаруженные при раскопках железообрабатывающих мастерских на Грдзели-Миндори квадры и резные фрагменты (полуколонны, капитель ионийского ордера, карнизы и др.) эллинистического времени следует отнести к обильно украшенному резными деталями малому, культового назначения, сооружению. В таком случае получилась бы естественная картина наличия культового места «людей железа» (металлистов). Таким образом, у района металлостов древней столицы Саркине оказалось бы свое культовое место (сооружение), быть может, на месте Шиомгвимской лавры или в ее окрестностях. Для такого предположения основанием служит также использование античных архитектурных фрагментов в строительстве комплексов Шиомгвимского монастыря. Обработка железной болванки и операции для получения нужного предмета в мастерских Саркине проводились предельно тщательно, чего нельзя сказать о процессе плавки железа. Это ясно видно из результатов химического анализа железных изделий. Оказалось, что наконечники стрел «клада» содержали 85% железа, а листовое железо — 88%. Наряду с высококачественностью железа наблюдается низкий уровень плавки металла из железной руды, если об этом судить по шлакам железа, в которых содержалось 52—65% железа⁷⁵⁸.

Саркине античного времени должен был снабжать железными изделиями не только Мцхета, но и другие области страны. Хотя в античном периоде не только Мцхета была известна производством железных орудий и оружия. Значительную роль в этом отношении должна была выполнять Нижняя Картли. Археологические раскопки показывают, что в саркинетах Нижней Картли сохранились и остатки маленьких печей доантичного времени, и развалины мастерских больших масштабов, и грандиозные выработки железной руды феодальной эпохи⁷⁵⁹. Пробел, который наблюдается в отношении античного времени, следует объяснить тем, что мастерские данного периода пока не найдены из-за несовершенства изыскательских археологических работ. С другой стороны, в столь богатом железной рудой крае и в известной железными мастерскими и древнейшими железными изделиями общине совершенно естественно допустить наличие производства соответствующего масштаба.

б. Стекольное производство

---

⁷⁵⁷Р е х в и а ш в и л и Н. Кузнечное дело в Раче. Тбилиси, 1953, с. 61. В этой книге детально рассмотрены соответствующий этнографический материал, специальные термины и литература. Ср.: А п а к и д з е А. М. Указ. соч., с. 208—210.

⁷⁵⁸А п а к и д з е А. М. Города и городская жизнь, с. 212.

⁷⁵⁹Г з е л и ш в и л и И. А. Железоплавильное дело в древней Грузии. Тбилиси, 1964.

Археологические находки свидетельствуют, что стекольное дело является древнейшей отраслью ремесленного производства Грузии. Стекланные бусы здесь изготовлялись еще пять тысяч лет тому назад. Эти древнейшие изделия непрозрачны из-за нахождения в земле в течение тысячелетий, бусы изменили цвет, выветрились и постарели, однако сохранили все химические компоненты стекла последующего времени⁷⁶⁰.

Среди археологических находок уже давно привлекают внимание высокий, тонкий флакон VI—V вв. до н. э. и стеклянная чаша того же времени, которая, наподобие ахалгорийских серебряных чаш, украшена глубокими углублениями. Общим обликом эта чаша походит очень на серебряную чашу, обнаруженную в Даблагоми, хотя у алгетской чаши нет гирлянды, составленной из омфалоса и лотоса⁷⁶¹.

Неизвестно пока и место изготовления алгетской чаши, однако не раз был отмечен факт обнаружения подобного сосуда на Крыте в Мариане вместе с материалом IV в. до н. э.

В обнаруженной в 1951 г. около железнодорожного вокзала Мцхета, под северным склоном Багинетской (Армазской) горы, усыпальнице типа мавзолея I в. н. э. оказались блюдца из синего стекла⁷⁶².

Как видно, стеклянную посуду употребляла лишь привилегированная часть общества. Этим и объясняется тот факт, что стекло сначала появляется лишь в богатых погребениях и главным образом вместе с серебряной посудой. Это указывает на то, что стекло первоначально было редким явлением и даже в кругах знати считалось дорогим, равноценным серебру, материалом.

Указанным не исчерпываются случаи обнаружения в Грузии стеклянной посуды античного периода, но и перечисленные факты дают основание для утверждения, что в VI в. до н. э. — I в. н. э. в Грузии хорошо знали стеклянную посуду и она использовалась в основном в знатных, богатых кругах общества. Показателем утонченного вкуса этого общества является посуда, сделанная из многоцветного и синего стекла, завезенная из таких центров с раннеразвитым стекольным производством, какими были Финикия, Сирия и Египет. Изделия перечисленных центров засвидетельствованы в Триалети, Мцхета, Вани, Брили, Урбниси и т. д.

Как было отмечено, продукция стелкодувов в Грузии имеет большие традиции. Их деятельность не прекращалась и в античную эпоху. В археологическом материале VI—V вв. до н. э. можно выделить одну группу памятников глиптики, которая за пределами Кавказа неизвестна и преимущественно встречается только в Грузии, что вызывает большой научный интерес⁷⁶³. Имеются в виду сделанные из синего стекла многогранные печати. С их местным изготовлением связывают возникновение частной собственности, рост потребности на печати, что ускоряло появление соответствующих мастерских. Как будет показано ниже, оригиналы местных печатей, по крайней мере вначале, завозились из Малой Азии. За расширением с Малой Азией торговых

⁷⁶⁰ Г о б е д ж и ш в и л и Г. Ф. Археологические раскопки в Советской Грузии, с. 125 (на груз. яз.); К у ф т и н Б. А. Материалы к археологии Колхиды. Тбилиси, 1950, II, с. 9, 51; Г о б е д ж и ш в и л и Г. Ф. Памятники эпохи развитого железа в верховьях р. Риони. — Археология Грузии, с. 198—200; У г р е л и д з е Н. Н. Стекло в древней Грузии. Тбилиси, 1961, с. 4 (на груз. яз.); Л о м т а т и д з е Г. А. К социальной и культурной характеристике населения Грузии в I—III вв. н. э. — Труды Института истории им. И. А. Джавахишвили. Тбилиси, 1955, I, с. 352; А п а к и д з е А. М. Города и городская жизнь в древней Грузии, с. 234.

⁷⁶¹ К у ф т и н Б. А. Археологические раскопки в Триалети, I, с. 37, табл. VIII.

⁷⁶² Л о м т а т и д з е Г. А., Ц и ц и ш в и л и И. Н. Вновь обнаруженная усыпальница в Мцхета. — Известия АН Грузинской ССР, 1951, т. XII. №10, с. 641 и след.; А п а к и д з е А. М. Памятники античной эпохи в Восточной Грузии. — Археология Грузии, с. 285—288; его же. Города и городская жизнь в древней Грузии, с. 105—106.

⁷⁶³ М а к с и м о в а М. И. Отчет о работах над геммами из раскопок Мцхета-Самтавро. Опубликовано в виде дополнения в кн.: Д ж а в а х и ш в и л и И. А. История грузинского народа, 1951, I, с. 462; А п а к и д з е А. М. Указ. раб., с. 231, 241.

отношений должно было последовать, в раннеантичную же эпоху, проникновение нового художественно-культурного потока даже из Греции. Признаком этого является упомянутая выше стеклянная чаша из Алгети.

Существование во Мцхета мастерских для отливки стеклянных многогранных печатей и наличие в этих мастерских, наряду с местными, и греческих мастеров, посредством которых распространялось влияние извне, способствовали росту в Грузии материальной и духовной культуры⁷⁶⁴. Таким образом, мы приблизились к ступени последующего развития, когда можно было предположить появление в Грузии новой продукции данной отрасли — стеклянной посуды. Это означало начало развития в античной Грузии новой отрасли стекольного дела — производства собственно стеклянной посуды.

Местные изделия стекольных дел мастеров были зафиксированы в первом погребении Армазисхеви. Это украшение золотой обкладки эриставского пояса — утонченное, эмалевое изображение головы теленка и круглая бляха, отделанная цветной перегородчатой эмалью⁷⁶⁵.

До I в. н. э., как правило, господствовала технология изделий с глазурованным составом. Такой материал был зафиксирован в раннеантичных погребениях Вани, Брили и Сухуми⁷⁶⁶. С первого же века в погребениях преимущественно возрастает количество собственно стеклянных изделий. Царское окружение и семьи эриставов, по-видимому, не прельщались стеклянной посудой новой технологии. Это и понятно. В стекольном производстве значительное новшество, как полагают, появляется на стыке эр⁷⁶⁷. К этому времени относят открытие секрета варки прозрачного, совершенно бесцветного стекла, а также изображение стеклодувной трубки. Известный исследователь египетских древностей, в частности египетского ремесленного производства и материалов, А. Лукас считает, что неизвестно когда изобрели совершенно бесцветное, прозрачное стекло, хотя в усыпальнице Тутанхамона было найдено несколько образцов такого стекла⁷⁶⁸. Применение же стеклодувных инструментов А. Лукас приблизительно приурочивает к началу новой эры⁷⁶⁹.

Приблизительно с этого времени из круга мастеров стекольного дела должна была выделиться специальная группа стеклодувов. Новшество в стекольном производстве было вызвано дальнейшим совершенствованием технологических процессов и ощутимым улучшением состава глазури. За новой технологией последовал массовый выпуск изделий из прозрачного (бледного, бесцветного) стекла, а несколько позже — и эмали.

Естественно полагать, что изделия бесцветного стекла на первых порах не могли равняться с изделиями чрезмерно разбитой торевтики. Поэтому и на стыке эр, и в первых веках н. э. в царской семье и в семьях знати господствующее положение занимает серебряная посуда, а позже постепенно распространяется стеклянная посуда.

Новая технология стекольного производства своеобразно отразилась и в археологическом материале. С I в. н. э. все больше и больше завозят разнообразную стеклянную посуду (флаконы, чаши, кубки, тарелки и др.). Особенно часто встречается посуда для благоуханных веществ, обычно связанная с погребальным инвентарем, которая в большинстве случаев, видимо, и изготовлялась с этой целью. Как видно, в нее

⁷⁶⁴ М а к с и м о в а М. И. Стеклянные многогранные печати, найденные на территории Грузии. — Известия ИЯИМК, 1941, т. X, с. 92; А п а к и д з е А. М. Указ. соч., с. 231, 241.

⁷⁶⁵ Мцхета, I, с. 28, табл. I.

⁷⁶⁶ Археология Грузии, с. 198, 235.

⁷⁶⁷ Л у к а с А. Материалы и ремесленные производства Древнего Египта. М., 1958, с. 307; К а ч а л о в Н. Стекло. М., 1959, с. 63, там же литература.

⁷⁶⁸ Л у к а с А. Указ. соч., с. 304, там же литература.

⁷⁶⁹ Там же, с. 307.

заливали благоуханные жидкости и так укладывали в погребения⁷⁷⁰. Вначале большинство флаконов завозилось извне, со временем стали появляться и местные изделия.

Археологические находки в Мцхета, Триалети, Клдеети, Ахмета, Брили, Урбниси, Згудери, долине Эрцо, Бори, Уреки, Сухуми, Бичвинта и т. д. показывают, что широкое распространение изделий стекольных дел мастеров, в частности же стеклянной посуды, было характерным для Грузии в первых веках н. э. Такая же картина наблюдается и в соседних странах.

Сначала местная стеклянная посуда представляла подражания обильно завезенной извне посуде, позже же замечается и создание новых форм. Частые находки стеклянной посуды в городах, в особенности в рядовых погребениях, указывают на широкое распространение этой продукции и на то, что стекольное производство стало выгодной, доходной отраслью городского ремесла. Поэтому в больших городах появляются стекольные мастерские. На это указывает бракованный флакон из Самтавро и два стеклянных слитка, обнаруженные в Урбниси, свидетельствующие о наличии здесь плавки стекла и тем самым о существовании местного производства⁷⁷¹. Естественно, за этим последовало появление группы соответствующих ремесленников. Надо полагать, что в городах и производственных центрах количество стекольных дел мастеров увеличилось, в особенности после I в. н. э.⁷⁷².

На наличие местного производства стекла указывает сообщение об обнаружении на Самтаврском поле остатков стекольной мастерской⁷⁷³. Остатки стекольной мастерской более поздней, раннефеодальной эпохи были найдены в Карсани⁷⁷⁴. И этот факт указывает на раннее появление производства стекла. Таким образом, обнаружение стеклянного брака, стеклянных слитков и остатков стекольных мастерских показывает, что в городах Грузии в I—III вв. н. э. широко применялись стеклянные изделия, не только завезенные извне, но и местного производства.

Как среди импортных массовых изделий, так и среди посуды, изготовленной в местных мастерских, выделяются вещи, предназначенные для высоких кругов общества, а именно: посуда изящных форм, разноцветная, парадная, в некоторых случаях отделанная серебром и тем самым превращенная больше в памятник торевтики⁷⁷⁵. Все это отражает уровень имущественной дифференциации, но в то же время и уровень развития художественного ремесла и вкуса.

Развитие стекольного производства требовало больших знаний и выполнения тяжелой работы. Первые стеклоплавильные печи были естественно примитивными, вследствие чего ремесленникам приходилось работать в тягчайших условиях. Чтобы представить тяжесть труда в стекольном производстве, достаточно привести одно место из несколько позднего (VI—VII вв. н. э.) произведения — «Лимонария» Иоана Мосха: «Я был стекольных дел мастером и ослеп от жары его огня»⁷⁷⁶.

---

⁷⁷⁰ Л о м т а т и д з е Г. К социальной и культурной характеристике грузинского населения в I—III веках нашей эры. — Труды Ин-та истории им. И. Джавахишвили. Тбилиси, 1955, I, с. 351.

⁷⁷¹ Л о м т а т и д з е Г. А. Указ. соч., с. 352; Угрелидзе Н. Н. Стекло в древней Грузии. Тбилиси, 1961, с. 6.

⁷⁷² А п а к и д з е А. М. Города и городская жизнь в древней Грузии, с. 233—234.

⁷⁷³ Б а й е р н Фр. Исследование древних гробниц близ Мцхета. — Сборник сведений о Кавказе. Тбилиси, 1962, с. 2; ср.: Г о б е д ж и ш в и л и Г. Ф. Археологические открытия в Советской Грузии. Тбилиси, 1952, с. 125.

⁷⁷⁴ Л е м л е й н Г. Остатки стеклодувного производства в Карсани, близ Мцхета. — САНГ, 1945, т. VI, №9; Г о б е д ж и ш в и л и Г. Ф. Указ. соч., с. 125.

⁷⁷⁵ Древности Босфора Киммерийского, табл. XXI.

⁷⁷⁶ И о а н М о с х. Лимонарий. Изд. И. Абуладзе. Тбилиси, 1960, с. 37; А п а к и д з е А. М. Города и городская жизнь в древней Грузии, с. 234.

7. Гончарное производство, строительное дело, златокузнечное ремесло и другие отрасли художественного ремесла

Гончарное производство. В античной Грузии были развиты и другие отрасли ремесла, прежде всего — гончарное производство. На основании археологического материала в среде гончаров можно различить: горшечников, мастеров-изготовителей винных кувшинов, черепицы, кирпича и глиняных труб.

Глиняная посуда этого времени по форме и по ограничению многообразия и красоты четко отличается от изделий предыдущего периода. Упрощены формы и почти исчезли ранние украшения (лунки, шишки, рельефная полоса в верхней части сосудов). Многообразие украшений не замечается и в материале Алазанской долины, где на стыке эр распространена характерная для центральной и восточной части Закавказья керамика: домашняя посуда светло-красного цвета и керамика темного обжига, в частности кувшинчики (с клювообразным сливом, низкие, трегубые, стилизованные, с ручкой набоку), чаши, треногие тарелки, низкие, маленькие кувшинчики на корпусе с трубчатым сливом и т. д. Такова, например, раскопанная Г. К. Ниорадзе близ Архилоскало керамика и материал, изученный под руководством Ст. Ментешавили в Когото. На Алазанской долине бедность украшений керамики как бы заменяется стилизацией форм и блестящим лощением.

По керамике Алазанской долины нетрудно представить дальнейшее развитие домашней посуды, чего нельзя сказать о керамике центральных областей Восточной Грузии.

Во Внутренней Картли, например, явно заметно, что гончар учитывал потребности широкого рынка и изготавливал почти одинаковые изделия для продажи в деревне. Деревня же нуждалась в посуде для вина и в больших винных кувшинах, что, со своей стороны, способствовало развитию производства винной посуды. Рост потребности на посуду для виноделия требовал использования дешевой рабочей силы, т. е. для выполнения тяжелой работы (добыча глины, транспортировка, приготовление теста и т. д.) появлялась возможность применения в керамическом производстве рабского труда⁷⁷⁷.

Использование же рабского труда в гончарном производстве приводило к сокращению разнообразия гончарных изделий — и поэтому нет оснований ожидать наличия в керамике этого времени художественных форм и многообразия. По-видимому, этим обуславливались виды керамических изделий и те резкие изменения в производстве глиняной посуды, которые выразились в подчинении новой технологии гончарного ремесла эллинистической и римской эпох⁷⁷⁸.

С другой стороны, этому способствовало увеличение потребности богатых кругов общества на серебряную, бронзовую и стеклянную посуду. Как видно из богатых погребений Ахалгори, Степанцминда и Вани, серебряная посуда является обязательной частью погребального инвентаря богатых; а это означает, что эта посуда употреблялась в домашнем обиходе знати. Так обстоит дело, по-видимому, позже в Мцхета, Згудери, долине Эрцо, Хайши, Багинети, Армазисхеви, Цхинвали, Авчала и т. д.

Показателем большой потребности на импортную, бронзовую, художественную посуду являются находки в Ничбиси⁷⁷⁹, Самтавро, Згудери.

⁷⁷⁷ Ниорадзе Г. К. Раскопки Алазанской долины. Тбилиси, 1951.

⁷⁷⁸ Подробнее см.: Апакидзе А. М. Города и городская жизнь в древней Грузии, с. 225—226, там же литература.

⁷⁷⁹ Лордкипанидзе О. Д. Итальянские бронзовые изделия, найденные на территории древней Грузии. — СА, 1964, № 1.

С эллинистической эпохи начинается также распространение стеклянной посуды, и, таким образом, серебро, бронза и стекло постепенно вытесняют из употребления в кругах знати глиняную посуду. Понижается потребность в производстве художественной керамики. Зато состоятельные общества способствуют развитию массового производства посуды для вина, основанного на использовании дешевой рабочей силы. Дальнейшее развитие получает изготовление кувшинов для хранения вина, больших корчаг, винной посуды, а также черепицы, кирпича и глиняных труб, в чем особо был заинтересован город⁷⁸⁰. Это подтверждается сведениями Страбона и выявленными в результате археологических раскопок развалинами памятников городской архитектуры. Водопроводы в античное время были характерны также лишь для городов и то, конечно, не для каждого города.

На памятниках раннеантичной и эллинистической Грузии, как отмечалось выше, часто встречаются водопроводные трубы, сырцовые кирпичи, каменные квадраты и высококачественная черепица. Тем самым производство подобного строительного материала следует считать характерным явлением для ранней ступени государственного строя Грузии. Производство строительной керамики западнотурецких городов, по крайней мере вначале, испытало влияние малоазиатских центров. Такое влияние прослеживается и в Вани, и даже в Кутаиси, т. е. во внутренних городах, не говоря уже о прибрежных поселениях. Это нельзя сказать о производстве строительной керамики Картли и Восточной Грузии вообще.

Результаты археологических исследований показали, что искусством изготовления черепицы в Восточной Грузии овладели довольно рано и уже в IV в. до н. э. в здешних городах имелись перекрытые высококачественной черепицей сооружения. Из сведений Страбона видно также, что архитектурное искусство в Грузии было высоко развито и до прихода римлян⁷⁸¹.

Производство строительной керамики в Восточной Грузии имеет древнейшие традиции. Сырцовый кирпич, например, широко использовался 6—7 тысяч лет тому назад, и, как показывают раскопки некоторых жилых холмов, он являлся единственным стройматериалом данного времени. Конечно, нет никаких оснований предполагать изготовление черепицы в столь отдаленное время, но не существует и препятствующих обстоятельств для утверждения, что раннеантичный и раннеэллинистический периоды в Грузии являются временем широкого распространения и использования черепицы в перекрытиях городских сооружений. Не случайно удивление Страбона по поводу наличия в Иберии городов с сооружениями, построенными по архитектурным правилам и с черепичными крышами.

За развитием зодчества должно было последовать соответствующее развитие производства строительной керамики и осязаемый рост среди городских ремесленников роли мастеров-изготовителей кирпича и черепицы. Этот рост настолько заметен, что, судя по знакам на черепице, можно предполагать наличие в производстве строительной керамики в античной Грузии зачатков цеховой организации и существование черепичных мастерских в масштабах всего царства.

Строительное дело. Во время ознакомления с одной из групп архитектурных памятников мы увидели, что археологические материалы дают основание для составления; более или менее полного представления о создателях этих памятников— каменщиках.

Как в раннефеодальной Грузии, так и в античное время отрасль каменщиков охватывала строительство из камня и кирпича. Применение камня и кирпича-сырца в строительстве хорошо прослеживается в сооружениях античного времени Вани, Урбниси, Гори, Уплисцихе, Армазцихе, Саркине, Цицамури и собственно Мцхета. Круг

⁷⁸⁰ Подробнее см.: А п а к и д з е А. М. Указ. соч., с. 49—84.

⁷⁸¹ Д ж а в а х и ш в и л и И. А. Строительное искусство в древней Грузии. Тбилиси, 1946, с. 3 (на груз. яз.); А п а к и д з е А. М. Города..., с. 72—73.

создателей перечисленных сооружений должен был быть и многочисленным, и предельно дифференцированным. Здесь должны были быть объединены мастера, которые выполняли разную работу, начиная с «добычи камня» до создания сложных сооружений, а именно: мастера тесания камня, рабочие, расчищающие скалы, рабочие, добывающие камни, вплоть до главного архитектора и главного художника города. Особая роль предназначалась тем, кто должен был вести поиски строительного материала, подготовку строительной площадки, очистку скалы, перекрытие сооружения и осуществлять вообще «предварительно изображенное». Среди каменщиков подразумеваются и те, кто строил сооружения для покойников, т. е. строители мавзолеев, саркофагов, каменных, черепичных и кирпичных погребений. Деятельность этой группы ремесленников, как было показано, хорошо можно представить по общественным и фортификационным сооружениям, по высеченным в скале залам, по каменным погребениям, саркофагам, мавзолеям Вани, Урбниси, Гори, Уплисцихе и Большой Мцхета.

Все это указывает, что в Грузии античного времени среди ремесленников почетное место занимали каменщики, предводители каменщиков, зодчие и главные художники.

Художественное ремесло. В богатых погребениях, раскопанных в разных частях Грузии, было обнаружено множество блестящих памятников художественного ремесла (златокузнечества, торевтики, малой скульптуры и т. д.). изготовленных из золота, серебра, драгоценных камней, которыми пополнялись хранилища музеев. Можно вспомнить, что в некоторых погребениях (Вани, Ахалгори, Степанцминда, Армазисхеви и др.), если считать маленькие золотые килиты и бубенчики, были засвидетельствованы тысячи золотых вещей, среди которых хорошо выделяются изделия искусства, возникшего на традициях грузинского златочеканного ремесла и органически развитого в местных условиях⁷⁸².

Это своеобразный отзвук полихромных традиций триалетской курганной культуры эпохи средней бронзы в античном периоде в то время, когда грузинское златочеканное искусство и художественное ремесло вообще, испытав сильное влияние т. н. ахеменидского и эллинистическо-римского искусства, сумели сохранить облик утонченного искусства, возникшего на местной основе и соответствующего традициям древнего грузинского художественного ремесла⁷⁸³.

Удивительное искусство золотых дел мастеров проявилось в утонченной чеканке или штамповке, пайке, сплетении, растяжке, технике зерни, эмали, черни, эмалевой полихромии, инкрустации камнями, золочении. Все это указывает на наличие в кругу ремесленников значительного слоя золотых дел мастеров.

Для характеристики круга или слоя золотых дел мастеров позднеантичного времени определенное значение имеют и сведения исторических источников, в частности о том, что в 65 г. до н. э. царь Картли Арток преподнес римскому полководцу Помпею золотой трон, стол и ложе. А позже, во II в. н. э., согласно другому сведению, царь Парсман⁷⁸⁴ преподнес римскому императору золотое кресло и украшенный золотом плащ. Более раннюю ситуацию отражает сохранившееся в «Картлис цховреба» сообщение о том, что царь Фарнаваз увидел «в пещере клад непостижимый, золото и серебро неимоверное». Часть этого клада Фарнаваз в трудную минуту использовал для

⁷⁸² Мцхета, I, с. 187—189; А п а к и д з е А. М. Города..., с. 228.

⁷⁸³ Подробнее см.: Ч у б и н а ш в и л и Г. Н. Опыт художественной характеристики изделий, найденных в погребениях армазских питахшей. — Тезисы XVII сессии АН Груз. ССР. Тбилиси, 1944; А п а к и д з е А. М. Древнейшая культура Грузии..., с. 37; Л о м т а т и д з е Г. А. К социальной и культурной характеристике населения Грузии. — Мимомхилвели, с. 346; Д ж а в а х и ш в и л и И. А. Из истории грузинского художественного ремесла. — Сабчота хеловнеба, 1956, №6; его же. Хаишский клад. — Мнатоби, 1952, №3; К у ф т и н Б. А. Археологические раскопки в Триалети, с. 134.

⁷⁸⁴ Л а т ы ш е в В. В. Указ. соч., II, 293; ср.: Д ж а в а х и ш в и л и И. А. История грузинского народа. Тбилиси, 1951, I, с. 172.

защиты страны: «...Фарнаваз послал посредников царю Ассирии Антиоху с большими подношениями и с заверениями и просьбой о помощи против греков. Антиох принял его подношения, назвал его сыном своим, прислал ему корону и приказал народу Армении помочь Фарнавазу»⁷⁸⁵.

Надо полагать, что основным очагом ремесленного производства являлась Большая Мцхета. Это предположение основывается не только на фактах наличия в мцхетских погребениях наибольшего количества золотых изделий, но в большей мере на найденных в районе Саркине в слоях III в. до н. э. и последующего времени металлических резных штампах, незаконченных образцах художественных изделий, фрагментах тиглей, многочисленных отходов производства и т. д., т. е. остатков, свидетельствующих о ведении работ золотых дел мастерами на месте. Кроме этого, археологическими раскопками установлено наличие в Мцхета мастерских золотых дел мастеров и после объявления Тбилиси столицей. Это подтверждается фактом обнаружения в одном из погребений Самтавро процессиональных атрибутов покойника — златокузнечных весов, гирь и шлифованных камней. Остатки мастерской золотых дел мастера обнаружены в Бичвинте позднеантичного периода. Таким образом, найдены и мастерские золотых дел мастеров и их погребения.

Использование многообразных способов златокузнечного искусства и товарный характер этой отрасли ремесленного производства дают основание предполагать в главнейших городских центрах существование золотых дел мастерских государственного масштаба. Именно такие мастерские могли удовлетворять потребности богатых кругов общества и изготавливать такую продукцию, вывоз которой был бы возможен за пределы царства, хотя бы даже в передовой в то время Рим⁷⁸⁶.

Для полной характеристики деятельности золотых дел мастеров необходимо ознакомиться с техникой изготовления серебряной посуды.

Как выяснилось, серебряные изделия сделаны из кованных листов серебра разной толщины. Установлено и то, что изготовление серебряной посуды желаемой формы происходило путем давления при быстром вращении сосуда на станке. Предполагают, что приспособление для давления было деревянным, костяным или роговым⁷⁸⁷, т. е. подразумевалось использование приспособления, сделанного из мягкого материала. Этот способ не обеспечивал нанесение на изделия всех желаемых украшений, поэтому при надобности предназначенные узоры должны были выводить либо острым инструментом, либо специальным штампом. Указанный вид давления, гравировка украшения острым инструментом или штамповка, как видно, был широко распространенным способом. Так же широко было распространено покрытие серебряных изделий позолотой и чернью, пайка, ковка и вытачивание. Эти способы засвидетельствованы на больших и малых чашах, на кувшинах и т. д.

Более сложным был, по-видимому, процесс изготовления ножек мебели. Сложно орнаментированные ножки тронов и кресел, столов и ложа для покойников были обложены листовым серебром. Ножки с более или менее сложным орнаментом были обнаружены в I, III, VI, VII погребениях Армазисхеви и в Бори. Особенно сложно орнаментированные ножки ложа или кресла были зафиксированы в Багинети в гробнице в скальном проходе. Как видно, сначала резьбу вытачивали на дереве, затем обкладывали его листами серебра и, вращая на станке, давлением придавали форму выточенной из дерева детали. Выведенные же на дереве резцом узоры на серебре выполнялись уже вне

⁷⁸⁵ КЦ. Список царицы Анны. Тбилиси, 1942, с. 15—16.

⁷⁸⁶ А п а к и д з е А. М. Древнейшая культура в Грузии, с. 41; его же. Мцхета — древняя столица царства Картли, с. 93.

⁷⁸⁷ Т а в а д з е Ф. Н., Б а р к а я В. Ф. Из истории обработки металлов давлением по археологическим материалам Грузии. — СА, 1954, XX, с. 374—376; Т а в а д з е Ф., М е с х и а Ш., Б а р к а я В. Обработка листового металла в древней Грузии. Тбилиси, 1954.

станка давлением и ковкой⁷⁸⁸. Процесс этот был выполнен настолько блестяще, что найденные в Багинетском саркофаге выточенные из дерева головы стилизованных орлов следует считать самостоятельными скульптурными памятниками.

После ознакомления с золотыми и серебряными изделиями, в особенности же после изучения техники изготовления этих вещей, становится очевидным высокое искусство золотых дел мастеров. Не легко удастся создание местных шедевров златокузнечного искусства, а также блестящих вещей, отражающих общественные и широко распространенные сюжеты, имеющих поэтому часто чужеземный облик⁷⁸⁹.

К слою золотых дел мастеров следует отнести и тех ремесленников, которые занимались резьбой разных изображений на драгоценных или полудрагоценных камнях колец или других украшений, т. к. изделия обычно составляют значительную часть продукции золотых дел мастеров.

Как было показано выше из печатей, обнаруженных в богатых погребениях Садзегури и Цинцаро самые ранние относятся к VI—IV вв. до н. э.⁷⁹⁰. Это указывает на то, что употребление гемм приходится на античное время, хотя этот вид изделий наиболее широкого распространения достигает в последующем периоде. Высказано заслуживающее внимания соображение о существовании в Грузии античного времени, а именно в Мцхета, мастерских резчиков резных изображений на камне. На найденных здесь камнях высечены не только разные изображения, но и надписи. Надписи выполнены греческими буквами, а имена обладателей колец местные, что со всей очевидностью указывает на то, что эти кольца специально изготовлены для местных заказчиков и, вероятно, потребители и мастерские находились по соседству. Таким образом, существуют все основания считать, что в античной Картли наличествовали мастерские резчиков по камню, где наряду с пришлыми греческими мастерами трудились и местные ремесленники⁷⁹¹.

Археологический материал дает возможность предполагать существование таких мастерских уже в раннеантичную эпоху. Проф. М. И. Максимова, рассматривая стеклянные многогранные печати, отмечала, что потребность живших в Грузии племен на кольца (печати или штампы) способствовала появлению местного производства для отливки стеклянных многогранных печатей, которые пользовались здесь большой популярностью. Каменные печати, которые являлись оригиналами литья, в северо-западное Закавказье завозились из Малой Азии, что является показателем существования взаимоотношений между этими странами в V—IV вв. до н. э. Посредством обмена и торговли с Малой Азией в Грузию проникали культурные и художественные веяния из более отдаленных краев, а именно из Греции. Ассимиляция внешних влияний способствовала росту в древней Грузии собственной материальной и духовной культуры⁷⁹². Проф. М. И. Максимова признавала большое значение глиптического материала для истории Мцхета, начиная с IV в. до н. э. до сасанидской эпохи, указывая притом на существование несомненной связи с раннеэллинистическими центрами Малой Азии⁷⁹³. Несколько позже М. И. Максимова выделила одну группу гемм, которая встречается только в Грузии и поэтому заслуживает большого научного интереса⁷⁹⁴.

Как выясняется, местные мастера, наряду с литьем стеклянных многогранных печатей, занимались резьбой инталий. Об этом можно судить по эллинистической

⁷⁸⁸ Мцхета, I, с. 198.

⁷⁸⁹ Там же, с. 200.

⁷⁹⁰ М а к с и м о в а М. И. Геммы из некрополя Мцхета-Самтавро. Сообщ. Гос. музея Грузии, 1950, XVI—V, с. 231—232.

⁷⁹¹ М а к с и м о в а М. И. Геммы из некрополя Мцхета-Самтавро, с. 226.

⁷⁹² М а к с и м о в а М. И. Стеклянные многогранные печати, найденные на территории Грузии. — Известия ИЯИМК, т. X, с. 92.

⁷⁹³ М а к с и м о в а М. И. Отчет о работе над геммами из раскопок Мцхета-Самтавро. — В кн.:

Д ж а в а х и ш в и л и И. А. История грузинского народа, I, с. 460—462.

⁷⁹⁴ Там же, с. 462; ср. также: Л о р д к и п а н и д з е М. Н. Геммы музея Грузии, I—III.

инталии, найденной на могильнике в Самтавро. Следует полагать, что население Грузии с древнейших времен было знакомо с печатями и настолько широко применяло их, что стало необходимым создать местное их производство.

Развитие златокузнечного искусства и усиление в Грузии золотых дел мастеров является показателем высокого развития городской жизни. В этом отношении Картли и Эгриси стоят в одном ряду с раннеразвитыми странами. Потребность царского двора и знатной аристократии в завозных изделиях, как было показано, удовлетворялась только частично. Поэтому требовалось расширение златокузнечных мастерских и увеличение количества золотых дел мастеров. Таким образом, существующая потребность на изделия золотых дел мастеров служила толчком для дальнейшего развития этой отрасли художественного ремесла.

8. Ткачество, прядение

Изучение исторических источников убеждает нас в том, что в Грузии античного периода широко применяли льняное полотно, шерстяные и шелковые ткани. Особого развития достигло производство льняного полотна, в частности, у колхов, продукция которых была широко известна.

Сведения письменных источников подтверждаются многочисленными археологическими находками. Новейшие археологические открытия показывают, что как на предшествующей ступени, так и в античное время использовалась одежда, сшитая из льняных, шерстяных и шелковых тканей. Естественно, подразумевается также широкое применение кожи и войлока. В археологическом материале замечается многовековая традиция использования тканей. Так, например, к I половине III тыс. до н. э. относят найденную в Тбилиси (Дидубе), Урбниси (Квацхела) и Ахалцихе (на т. н. Амиранис-Гора) текстильную керамику, на которой сохранились отпечатки как трубой ткани, так и следы тонкой пряжи⁷⁹⁵. К этому же периоду относится найденная в Урбниси плетенная из двух ниток пряжа для нанизывания бус, которая походила на льняную пряжу, но оказалась шерстяной⁷⁹⁶. Отпечатки древнейшей ткани обнаружены в 1968 г. в самом нижнем слое раскопанного близ Марнеули жилого холма, который относят к VI—IV тыс. до н. э.⁷⁹⁷

Таким образом, культура ткачества и прядения в Грузии насчитывает историю в семь тысяч лет. Достоверно устанавливается также, что еще 4 — 5 тысяч лет тому назад для ткачества использовалось как растительное сырье (лен, конопля), так и шерсть. Этого, конечно, никто не ожидал.

Раскопки Марнеульского кургана показали, что в последних веках V тыс. до н. э., т. е. 6000 лет тому назад, овца была широко распространена. Частые находки костей овцы в многочисленных круглых и яйцевидных сырцовых домах и хозяйственных ямах надо считать показателем того, что уже тогда должны были быть знакомы с ткацкими и прядильными свойствами шерсти, используя ее для изготовления ткани.

Если археологические образцы, характерные для ранней ступени ткачества, были, естественно, грубыми, то позже показателями постепенного, но очевидного развития культуры ткачества являются достаточно тонкопряденные нити и ткани. Так, например, шерстяные нити, обнаруженные в раскопанном Г. К. Ниорадзе близ Дманиси

⁷⁹⁵ Ни о р а д з е Г. К. Энеолитические памятники Дидубе (рукопись); ср.: К о р и д з е Д. Археологические памятники Тбилиси, Тбилиси, 1955, I, с. 6 и след. (на груз. яз.); Д ж а в а х и ш в и л и А., Г л о н т и Л. Урбниси, I. Тбилиси, 1959, с. 50; Ч у б и н и ш в и л и Т. Н. Амиранис-Гора, с. 70.

⁷⁹⁶ И с а к а д з е К. Ткацкое дело в древней Грузии. — Мацне, 1956, №4, с. 181 (на груз. яз.).

⁷⁹⁷ Х у б у л у р и Л. Семитысячелетнее поселение. — Комунисти, 1966, 18. XII, №287.

погребении, которое датируется началом I тыс. до н. э., учитывая ручное прядение, следует считать тонкой пряжей⁷⁹⁸.

Внимание специалистов привлекает разнообразие тканей, их утонченность и эластичность. Имеются также многочисленные случаи обнаружения шелковых тканей. Специалисты обратили внимание на найденную в Багинетском саркофаге ткань, которая датируется серединой II в. н. э.⁷⁹⁹, и установили, что она изготовлена из двух ниток пряденной и выкрашенной в два цвета шерстяной пряжи высокого номера (36—40). На ткани отчетливо видно симметрично расположенное красивое украшение. Она является т. н. узорчатой тканью, для изготовления которой даже в настоящее время применяются сложные станки и требуется большое мастерство прядильщика. Отмечается, что в отношении подбора пряжи и красок прядильщик найденной в багинетском саркофаге ткани — не только искусный мастер ткацкого дела, но и отменный специалист по подбору цвета. Нити основы и утка так точно и аккуратно переплетены между собой, что найденный лоскут с первого взгляда оставляет впечатление набивной ткани⁸⁰⁰.

Удивляет также искусство прядильщика. Нить настолько утонченная, что получение такой нити весьма трудно даже на современных прядильных станках и требует соблюдения, выработанного десятилетиями технологического режима. Специалисты не предполагают в настоящее время существование женщины-кустаря, высококвалифицированной прядильщицы, которая могла бы вручную (без современной техники) спрядать из шерсти нить 36—40 номера.

Все это является показателем высокого уровня и текстильной, в частности же ткацкой, культуры и утонченного вкуса потребителей такой ткани. В этом отношении знать грузинского государства ничем не отстает от высокопоставленных кругов раннеразвитых государств античного мира. Это, как было отмечено выше, проявляется и в других явлениях и характерно не только для ткачества и прядения.

Таким образом, то, что было сказано выше о разнообразии и многочисленности грузил, о высоком качестве льняной продукции, в частности полотна, о существовании вертикальных и уже в доантичное время сложных горизонтальных станков, дает веское основание для предположения наличия в Грузии до такой степени развитого ткачества и прядения, что уже во II в. н. э., по крайней мере при дворе, могли применять материи, подобные уникальной ткани, найденной в багинетском саркофаге.

Для одежды из такой высококачественной ткани были, по-видимому, предназначены украшенные зернью и драгоценными камнями пряжки, найденные в VII саркофаге Армазисхеви⁸⁰¹, большая золотая пряжка с портретным изображением клдеетского эристава⁸⁰² и многие другие предметы из богатых погребений Грузии позднеантичного времени.

В культурных слоях античной эпохи наличие в большом количестве костей овцы (в том числе и щиколотки) и ножниц для стрижки овец (в Бори, Бичвинте, Цебельде и т. д.) — еще одно материальное подтверждение широкого распространения в Грузии овцеводства и создания с давних пор инструментов для обработки шерсти. Несмотря на то, что нам неизвестна истинная родина ножниц для стрижки овец, их сохранение в Грузии вплоть до настоящего времени является показателем того, что уже в античное время у грузинского овцевода имелся апробированный инструмент для стрижки овец, являя собой немаловажную деталь.

---

⁷⁹⁸ Н и о р а д з е Г. К. Дманисский некрополь и некоторые его особенности. — Вестник Гос. музея Грузии. Тбилиси, 1947, XIV—V, с. 17, 40, рис. 13, 26. О существовании ткацких станков см.: И с а к а д з е К. Ткацкое дело в древней Грузии. — Мацне, 1967, №4, с. 182.

⁷⁹⁹ Там же, с. 185.

⁸⁰⁰ Там же, с. 185 и след.

⁸⁰¹ Мцхета, I, с. 88, рис. 52.

⁸⁰² Л о м т а т и д з е Г. А. Клдеетский богатый могильник. Тбилиси, 1957, с. 29, табл. 1,3.

Таким образом, распространение тонкорунной овцы, существование сложного горизонтального ткацкого станка и обнаружение его частей в разных местах и притом разных слоях, применение знатью царства высококачественной, узорчатой ткани, указывают на дальнейшее развитие в античной Грузии прядения и ткачества и высокую культуру этой отрасли.

Показателем развития овцеводства с древнейших времен и большого значения этой отрасли хозяйства в жизни народа является также почитание овцы, ее обожествление, распространенное в древней Грузии почти повсеместно. В результате археологических исследований и в этом отношении накопился обильный материал. Можно назвать самую древнюю (6000-летней давности) скульптуру овцы, найденную в Урбниси (на Квацхела)⁸⁰³, или многочисленные изображения овец и овечьих голов эпохи бронзы, скульптуры овечьих голов II половины I тыс. до н. э. культового сооружения на жилом холме Ховле-Гора, наконец, аметистовую голову овцы II в. н. э. — уникальный образец античной малой скульптуры, найденный в Армазисхеви в VI саркофаге⁸⁰⁴ и др.

Как видим, обожествление овцы, проникшее уже в ранние времена в сферу культа, просуществовало на протяжении всего античного периода и перешло в феодальную эпоху.

Археологические находки дают возможность создать представление и о других сторонах ткацкого дела. Технологическое изучение археологических тканей указывает на наличие высокого уровня крашения пряжи, удивительную устойчивость краски античного периода.

Так, например, один лоскуток ткани, найденной в багинетском саркофаге, несмотря на то, что «приблизительно 1800 лет пролежал в земле, в сырости, под воздействием органических и неорганических веществ, внешне сохранился так, как будто он окрашен сейчас»⁸⁰⁵, что, как уже было сказано, является показателем и высокого качества краски и развитой техники крашения. Эта археологическая находка напоминает еще одно сообщение Геродота: «На Кавказе живет много разных народов, которые почти все питаются дикими лесными плодами. Говорят, что в тамошних лесах есть и деревья, покрытые листьями такого рода, что их растирают, смешивают с водой и с этим составом рисуют себе на одеждах узоры; эти узоры не смываются и стираются вместе с материей (собственно шерстью), как бы вотканные с самого начала»⁸⁰⁶.

Ткань, найденную в багинетском саркофаге, можно применить прямой иллюстрацией приведенного сообщения Геродота. Примечательно и то, что Геродот поражен способом и искусством крашения нити и ткани.

Главное здесь все-таки то, что и сведения Геродота и многочисленные археологические находки подтверждают наличие в Грузии античной эпохи исключительно утонченного искусства прядения, снования и ткачества. На это же указывает сравнительно позднее сообщение грузинской летописи относительно события первой половины IV в. н. э., а именно, большого культового праздника в Мцхета и в связи с этим разноцветного украшения города: «убрали все улицы разноцветными украшениями и листьями»⁸⁰⁷.

Спрос на высококачественную ткань был большой, однако приобрести одежду из такой ткани могли лишь представители знати. Наряду с льняным полотном и шерстяной материей местного производства в кругах знати пользовались и завозными шерстяными и шелковыми тканями. В этой связи следовало бы назвать фрагменты тутового шелка опять-таки из саркофага багинетского скального прохода (теснины). Эта ткань получена

⁸⁰³ Джавахишвили А., Глonti Л. Урбниси, I. Тбилиси, 1962, с. 32, табл. XXV.

⁸⁰⁴ Мцхета, I, с. 84—87. табл. IX; Апакидзе А. М. Города..., с. 121, табл. XXXIV, второе сверху в середине.

⁸⁰⁵ Исакадзе К. Указ. соч., с. 186.

⁸⁰⁶ ВДИ, 1947, №2, с. 252.

⁸⁰⁷ КЦ, с. 88.

переплетением нитей основы и утки, а не трикотажным способом (т. е. вязальными спицами или крючком). Такое утонченное пражение античной эпохи берет свое начало, по-видимому, в бронзовом веке. Это фактически заборное плетение ткани, искусством которого в совершенстве владели уже по крайней мере с эпохи ранней бронзы племени, населявшие Грузию.

Конечно, к античному периоду этот древнейший способ плетения становится весьма утонченным и применение в это время усовершенствованных горизонтальных станков для получения плетений также совершенно очевидно.

Надо думать, что завозились и шелковая ткань, и пряжа. О ввозе тканей в Грузию рассказывают и древнейшие письменные памятники. Так, например, существуют сведения о том, что дорогая ткань для называемой «палекартом» одежды завозилась в Грузию из Антиохии⁸⁰⁸.

Наличие в Грузии высокой культуры ткачества и применение изысканных тканей отображают изображения на драгоценных камнях. По этим изображениям видно, что ткань легко подчинялась драпировке, хорошо укладывалась и плотно облегла тело, своей легкостью выделялась, по-видимому, летняя парадная одежда сухумского вельможи, клдеетского эристава, багинетского царя или царской дочери, ахметской женщины, Джаваха и Карпак и т. д.⁸⁰⁹.

9. Театр и музыкальное искусство

Внимание исследователей уже давно привлекают три зала, в центральной, почти самой высокой части высеченного в скале города Уплисцихе. Самый значительный из трех залов средний, представляющий прямоугольное помещение. Этот зал перекрыт сводом с высеченными в скале кессонами, а снаружи украшен фронтоном⁸¹⁰. Кессонная обработка потолка наблюдается и в других комнатах, однако совершенно очевидно, что все внимание строителей было обращено именно к центральному залу, придавая ему парадный вид. С другой стороны, взаимосвязь залов этого комплекса, расположение двери, окон и вспомогательных комнат и их связь проходами с центральным залом дает основание признать этот комплекс города Уплисцихе сооружением, предназначенным для устройства зрелищ — остатком театра античного времени⁸¹¹.

Сценой театра, как предполагают, служил центральный зал. С обеих сторон и сзади, согласно, правилам античной театральной архитектуры, располагались вспомогательные помещения. В театре города Уплисцихе, так же как в античных театрах римского времени, сцена была несколько приподнята по сравнению со зрительным залом. Здесь только одна часть сидячих мест зрителей была высечена в скале⁸¹².

Театр Уплисцихе относят ко II—III вв н. э.⁸¹³, хотя отмечают и то, что большинство деталей предшествует художественным вкусам римского времени и связано с эллинистическими традициями⁸¹⁴. Такой вывод подтверждается и результатами археологических исследований, указывающих на античную эпоху⁸¹⁵.

⁸⁰⁸ Дж а в а х и ш в и л и И. А. История грузинского народа. Тбилиси, 1960, I, с. 281.

⁸⁰⁹ Т р а п ш М. М. Мраморный барельеф из Сухуми. — Труды АИЯЛИ. Сухуми, 1954, XXV, с. 372—374; Т р а п ш М. М. Указ. соч. — ВДИ, 1954, № 1, с. 164—165; Л о р д к и п а н и д з е О. Д. Античный мир и древняя Колхида, с. 93—106, там же литература; Л о м т а т и д з е Г. А., Богатый могильник Клдеети, с. 29, табл. 1,3.

⁸¹⁰ А м и р а н а ш в и л и Ш. Я. История грузинского искусства. Тбилиси, 1944, с. 121; Ц и ц и ш в и л и И. Н. История грузинской архитектуры. Тбилиси, 1955, с. 26—27.

⁸¹¹ А м и р а н а ш в и л и Ш. А. Указ. соч., с. 121.

⁸¹² Там же, с. 122.

⁸¹³ Там же, с. 122—123; Ц и ц и ш в и л и И. Н. Указ. соч., с. 27.

⁸¹⁴ Ц и ц и ш в и л и И. Н. Указ. соч., с. 27; А м и р а н а ш в и л и Ш. Я. Указ. соч., с. 123.

⁸¹⁵ Х а х у т а й ш в и л и Д. А. Уплисцихе; Тбилиси. 1964, I, с. 62.

Таким образом, по-видимому, справедливо указывают на признаки наличия в Уплисцихе античного времени сооружения зрелищного назначения — театра.

Во время археологических изысканий, проводимых на территории Гонио, как будто были найдены фундаменты ипподрома. В античных городах Грузии существование ипподромов следует считать обычным явлением. Косвенное указание на это сохранено в сообщении Диона Кассия Кокеяна: «Когда Парасман Иверийский вместе с супругой прибыл в Рим, Антонин Пий, увеличив ему владения, предоставил право жертвоприношения в Капитолии, его скульптуру на коне велел поставить на Книалионе (Марсовом поле) и наблюдал за военными упражнениями Парасмана, его сына и других знатных иберийцев»⁸¹⁶. Вполне очевидно, что показанные в Риме упражнения, которые, как видно, произвели большое впечатление на Антонина Пия, можно было выполнить в том случае, если им предшествовали проводимые на местных ристалищах упражнения, конные соревнования и военные празднества.

Большая часть зрелищ носила культовый характер. Довольно подробные описания одного такого большого культово-праздничного зрелища сохранились в древнегрузинских хрониках, другого же — у Страбона⁸¹⁷.

Таким образом, если примем во внимание находки театральных масок, фигур с масками и итифалических статуэток, учтем все данные письменных источников и признаем обоснованным предположение о том, что высеченный в скале зал в Уплисцихе является театром, то можно воссоздать довольно убедительную картину зрелищной культуры Грузии античной эпохи.

§ 2. КОЛХИДА

Археологические исследования на территории Западной Грузии дают исключительно ценный и многообразный материал для истории культуры и искусства Колхиды на различных этапах ее развития: а) VI — первой половины IV в. до н. э., т. е. эпохи расцвета и наибольшего могущества Колхидского царства, б) второй половины IV — первой половины III в. до н. э., характеризующегося значительными переменами и сдвигами в этнокультурной истории страны, в) III—I вв. до н. э., т. е. эпохи эллинизма, г) второй половины I в. до н. э.— первой половины II в. н. э., совпадающего со становлением и усилением римских влияний и, наконец, д) второй половины II—III в. н. э., эпохи формирования Лазского царства и возрождения древнеколхских культурных традиций. Эти основные этапы, отличающиеся друг от друга политическими, социально-экономическими и идеологическими структурами, нашли довольно яркое отражение в стиле и образе художественного творчества древней Колхиды. Однако следует отметить, что в настоящее время не для всех этих эпох располагаем мы равноценным материалом, чем и объясняется неравномерность освещения отдельных видов материальной и духовной культуры Колхиды на различных этапах ее развития.

Искусство, материальную культуру и идеологию Колхидского царства в пору его формирования и наибольшего расцвета — VI в. — первая половина IV в. до н. э. — характеризуют многочисленные и довольно разнообразные археологические памятники, открытые при раскопках могильников и поселений в различных частях Западной Грузии.

Памятники архитектуры указанного периода выявлены пока что слабо. Объясняется это тем, что основным строительным материалом этого времени было дерево, плохо сохранившееся в сухой почве.

Описание колхидского жилого дома дано Витрувием: «...у колхов на Понте, благодаря обилию лесов, кладут лежа на землю цельные деревья справа и слева на

⁸¹⁶ Л о м о у р и Н. Ю. Сведения Диона Кассия о Грузии, с. 83, 138—139.

⁸¹⁷ См. выше о грузинском языческом пантеоне.

таком расстоянии друг от друга, какое допускает длина деревьев, а на концы их помещают другие, поперечные, замыкающие внутреннее пространство жилища. Затем скрепляют по четырем сторонам углы положенными друг на друга бревнами и, таким образом выводя бревенчатые стены по отвесу к нижним бревнам, они возводят вверх башни, а промежутки, оставшиеся из-за толщины леса, затыкают щепками и глиной. Так же они делают и крыши: обрубая концы поперечных балок, они перекрещивают их, постепенно суживая, и таким образом с четырех сторон выводят их вверх в виде пирамид, покрывая их листвой и глиной, и варварским способом строят на башнях шатровые крыши»⁸¹⁸.

Большинство исследователей сходятся в том, что Витрувием описан древнейший тип колхидского жилища — башенный дом с центричным, ступенчатым — венцеобразным перекрытием. Это почти квадратное в плане жилище с бревенчатыми стенами, постепенно суживающимися конусообразным перекрытием — крышей (в которой, возможно, было устроено свето-дымовое отверстие)⁸¹⁹.

Сведения Витрувия подтверждаются археологическими находками остатков деревянных строений, в частности бревенчатых конструкций и др. отдельных деталей.

О высоком уровне деревянного строительства (обусловленного климатическими условиями и обилием лесов)⁸²⁰, берущего начало еще в эпоху бронзы⁸²¹, свидетельствуют раскопки древнеколхского поселения второй половины VI в. до н. э. на левой террасе р. Риони, на холме Симагре (в 20 км к востоку от современного портового города Поти, т. е. в непосредственной близости от предполагаемого местонахождения древнего Фасиса)⁸²². Довольно обширный архитектурный комплекс, представляющий собой часть богатой усадьбы, состоял из срубных жилых и хозяйственных помещений, неоднократно перестраиваемых. В болотистой почве прекрасно сохранилась кладка стен, сложенных из деревянных брусьев, полы из плетеных прутьев и досок, плетеная изгородь, деревянные колоды культового назначения и др.⁸²³.

Археологические исследования свидетельствуют также, что в этот период по всей Колхиде были распространены деревянные постройки с глиняной обмазкой, о чем говорят весьма частые находки фрагментов обожженных обмазок с отпечатками деревянных прутьев. На поселении Симагре зафиксированы остатки прямоугольных (квадратных) в плане (5,60 м X 5,60 м) жилищ с глинобитными полами⁸²⁴. Аналогичные

---

⁸¹⁸ Витрувий, II, гл. I, § 4, 6.

⁸¹⁹ На этом основании колхидский дом, описанный Витрувием, считают прототипом основного типа народного жилища со ступенчато-венцеобразным перекрытием, сохранившегося в Грузии до последнего времени и называемого «дарбази». (Подр. см.: С у м б а д з е Л. Колхидское жилище по Витрувию. Тбилиси, 1960; Г а г о ш и д з е В. Древнейшие типы жилых домов Западной и Восточной Грузии. — Мацне, 1965, №1; Ч и к о в а н и Т. А. Из истории народного жилища Закавказья. Тбилиси, 1967, с. 197 и след., на груз. яз. резюме на рус. яз.; ср.: Д ж а н д и е р и М. И., Л е ж а в а Г. И. Народная башенная архитектура. М., 1970, с. 52—54).

⁸²⁰ О богатстве лесами сообщает Псевдо-Гиппократ (О воздухе..., §22); ср.: М а н и ф и у с . Astr., V, 376—378; =SC II, I. с. 114.

⁸²¹ Остатки древнейших срубных построек конца III тыс. до н. э. открыты в Испании (около Кобулет), а целая система деревянных сооружений первой половины II тыс. до н. э. в с. Анаклиа (подр. см.: М и к е л а д з е Т. К. и др. Исследования... — ПАИ в 1973 г., с. 29; ПАИ в 1974 г., с. 35—37; АИНГ, с. 97—98). К последующим периодам (вторая половина II — первая половина I тыс. до н. э.) относятся деревянные постройки Наохваму, Носири и др. поселений (см.: Н о р а д з е Г. К. Археологические раскопки в Колхиде. — ИИЯИМК, X, 1941. с. 323 и след.; К у ф т и н Б. А. Материалы к археологии Колхиды, т. II. Тбилиси, 1950, с. 161 и след.; К о р и д з е Д. Л., Г о г о д з е Э. М. Основные итоги работ Носирской арх. экспедиции. — АЭГМГ, II, 1971, с. 31 и след.; III, 1974, с. 60—66; IV, 1975, с. 47 и след.).

⁸²² Научная сессия, посвященная проблеме локализации города Фасиса. Доклады. Тбилиси, 1973 (на груз. яз.).

⁸²³ М и к е л а д з е Т. К. Археологические исследования в низовьях р. Риони. Тбилиси, 1978 (на груз. яз., резюме на рус. яз.).

⁸²⁴ М и к е л а д з е Т. К. Археологические исследования, с. 73 и след.

сооружения того же и несколько раннего периода известны и в других (в том числе горных) областях Колхиды⁸²⁵.

Описанный выше способ возведения стен применялся не только в архитектуре жилищ, но и при строительстве святилищ и фортификационных сооружений.

Деревянное святилище V в. до н. э. изучено в Вани. Оно представляет собой открытый с восточной стороны дворик, пристроенный к длинному коридору, шириной до 2 м. Северная стена, возведенная из деревянных балок, через каждые 2 м имеет поперечные деревянные перегородки, пространство между которыми заполнено глиной, насыпанной на булыжнике. В западной части сооружения, на площади длиной 20 м и шириной 5 м, выявлены расположенные в два ряда прямоугольные углубления — высеченные в скалистом грунте «гнезда», в которых были уложены деревянные бревна, служившие опорой для возведения поперечной стены. Вся площадь между «гнездами» была покрыта сильно обгоревшими от огня обломками глиняной обмазки, на которых отчетливо сохранились отпечатки деревянных прутьев и досок. П-образный двор святилища служил для открытого церемониала, а крытый коридор — вероятно, для приношений (при раскопках найдены многочисленные обломки колхидской и привозной греческой керамики)⁸²⁶.

Дерево широко применялось и в строительстве фортификационных сооружений. В с. Мтисdziри (в 10 км к северу от Вани) открыты прямоугольные постройки, служившие башнями. Сохранилась цокольная часть, возведенная в смешанной технике: фасадная часть построена из каменных плит, уложенных в высеченных в скалистом грунте «гнездах», а внутренняя часть — из деревянных бревен. Пространство между ними заполнено глиной и камнями, умещенными в деревянных перегородках. Стены были оштукатурены. Эти сооружения датируются V—IV вв. до н. э.⁸²⁷.

Более богатым и разнообразным материалом располагаем мы о развитии ряда отраслей материальной культуры, в частности художественного ремесла.

Высокого уровня достигло гончарное ремесло. Пользуясь достижениями производства круговой керамики предыдущей эпохи, колхидские гончары VI—V вв. до н. э. снабжают своих потребителей довольно разнообразными изделиями, которые отличаются своеобразием, а вместе с тем консервативностью форм и орнаментального декора на протяжении целых трех столетий. Наиболее характерными изделиями колхидских керамистов VI—IV вв. до н. э. являются: огромные пифосы с заштрихованной поверхностью и отогнутым кнаружи венчиком, украшенным геометрическим орнаментом; кувшины с биконическим туловом и вертикальной трубчатой ручкой; бокальчики с коническими или цилиндрическими стенками, бокальчики и кубки на высокой ножке, миски с плотским дном и косыми стенками и др., которые объединяются орнаментальным декором, лощенные вертикальные и ромбовидные узоры, волнистые линии (нанесенные рифленным гребенчатым штампом), спирали, вдавленные концентрические кружки, косые насечки в «елочку» и др. являются

⁸²⁵ С а х а р о в а Л. С. Итоги работ Лечхумской археологической экспедиции 1970—1971 гг. — Мацне, 1976, №3, с. 96—104 (на груз. яз.).

⁸²⁶ Сб.: Вани. Археологические раскопки, IV. Тбилиси, 1979, с. 31 и след., рис. 137.

⁸²⁷ Подр. см.: Г а м к р е л и д з е Г. А. К изучению древнеколхидских оборонительных сооружений. — САНГ, 1977, 88, № 2, с. 501—503. Открытие этих сооружений имеет исключительно важное значение и для истории политической структуры Колхиды. Расположенные на высоком холме, контролирующем все левобережье среднего течения р. Риони, они в то же время охраняли и преграждали путь к Вани — политическому центру (резиденции правителя), одной из важнейших административных единиц (скептухии) Колхидского царства в VI в. — первой половине IV в. до н.э. Тем самым они представляли важное звено в единой системе обороны (ср., напр.: К а ш к а й С. М. О городах-крепостях на территории Манни. — Древний Восток, 2. Ереван, 1976, с. 90; К о ш е л е н к о Г. А. Родина парфян. М., 1977, с. 42—44). Аналогичную функцию, возможно, несли и сооружения, открытые на раннеантичном поселении в с. Вардцихе (недалеко от раннесредневековой крепости, именуемой в византийских источниках Родополис). (См.: Д ж а п а р и д з е В. М. Старое Вардцихе. — Дзеглис Мегобари, 1977, №56, с. 43 и след.). Защита же территории была одной из важнейших прерогатив государственной власти.

наиболее характерными украшениями и часто присутствуют на сосудах различных форм⁸²⁸. В целом колхидская керамика VI—V вв. до н. э. отличается изящными формами, подчеркнутыми биконическими очертаниями тулова или плавными переходами от одной части к другой, а также строгой геометрической орнаментацией, удачно сочетающейся с контурами самого сосуда. И по своим техническим свойствам изделия колхидских керамистов в основной массе довольно высокого качества. Обилие и разнообразие колхидских керамических изделий указывают не только на высокий профессиональный уровень, но и на широкие масштабы производства в VI—IV вв. до н. э., уже рассчитанного на массовое потребление. Об этом свидетельствуют определенная стандартизация форм и широкое распространение однотипных сосудов по всей Колхиде, в самых различных и отдаленных друг от друга областях. Они встречаются буквально повсеместно как в приморских поселениях Колхиды (от Батуми до окрестностей Сухуми), так и во внутренних областях. Особо следует отметить распространение этой керамики в горных районах Колхиды — в верховьях р. Риони (на территории Рача-Лечхуми), где никогда не было своего гончарного производства, и, следовательно, они проникали сюда из керамических производственных центров, расположенных по среднему течению р. Риони (Фасис). Через Ингурское ущелье керамические изделия из места изготовления доставлялись и в самую высокогорную область Колхиды — в Сванети. Все это как нельзя лучше иллюстрирует товарный характер керамического ремесла Колхиды в VI—IV вв. до н. э.⁸²⁹, имевшего важнейшее значение и для развития внутривосточных экономических связей.

Преемственность производственной и художественной культуры довольно ярко чувствуется и в металлообработке. Изделия железной металлургии, имевшей столь важное значение для экономического развития страны⁸³⁰, исключительно многочисленны и разнообразны: мотыги, топоры, ножи и серпы, мечи, кинжалы и клинки, наконечники копий и стрел, предметы конской упряжи и многие другие. Они большей частью повторяют те формы или несут отдельные признаки, которые были созданы в Колхиде еще в эпоху бронзы. Так, например, повсеместно распространенные в VI—II вв. до н. э. в Колхиде железные топоры-молотки генетически восходят к знаменитым бронзовым «колхидским топорам» III—I тыс. до н. э. Точно так же, весьма своеобразные железные клювовидные топоры (т. н. грузинские «цалди») применяющиеся по сей день в Западной Грузии (как в подсечном земледелии, так и для подрезки растущей на деревьях виноградной лозы) берут начало от бронзовых прообразов, имевших хождение в Колхиде уже с конца II тыс. до н. э.⁸³¹ То же самое можно сказать и о часто встречающихся в погребениях VI—V вв. до н. э. железных мотыгах, повторяющих форму колхидских бронзовых мотыг.

В VI—IV вв. до н. э. в Колхиде продолжалась обработка бронзы, хотя она уже не имела столь важного хозяйственного значения, как производство железа и железных орудий. Как наследие предыдущей эпохи следует рассматривать производство больших

⁸²⁸ Л о р д к и п а н и д з е О. Д. Древняя Колхида. Тбилиси, 1979, с. 74—80, рис. 18—21; М и к е л а д з е Т. К. Исследования..., с. 61 и след., табл. VII—XII; L o r d k i p a n i d z e O t. La Géorgie et le monde Grec. — ВСН, 1974, с. 909—910, рис. 6; Сб.: Вани, VI, 1981.

⁸²⁹ В VI—IV вв. до н. э. колхидская керамика экспортировалась и в Северное Причерноморье (см.: С к у д н о в а В. М. Находка колхидских монет и пифосов в Нимфее. — ВДИ, 1952, №2; З е е с т И. Б., М а р ч е н к о И. Д. Некоторые типы толстостенной керамики из Пантикапея. — МИА., №103, с. 153—154; Л о р д к и п а н и д з е О. Д. К вопросу о связях Колхиды с Северным Причерноморьем. — В сб.: История и культура античного мира. М., 1977, с. 112—114).

⁸³⁰ Широкие масштабы железной металлургии в Колхиде уже с последней трети II тыс. до н. э. подтверждаются многочисленными открытиями уже остатков железного производства (печи, производственные отходы, глиняные сопла и др.). (Подр. см.: Х а х у т а й ш в и л и Д. А. К хронологии колхидско-халибского центра древнежелезной металлургии. — Кавказско-Ближневосточный сборник, V. Тбилиси, 1977, с. 119—141, там же лит.).

⁸³¹ К а л а н д а д з е А. Н. Археологические памятники Сухумской горы. Сухуми, 1954, с. 28 и след., с. 42—44 (на груз. яз., резюме на рус. яз.).

котлов-ситул, широко экспортировавшихся на Северный Кавказ и еще дальше уже в первой половине I тыс. до н. э.⁸³². Ситулы VI—V вв. до н. э. найдены в самых различных частях Колхиды (Кобулет-Пичвнари⁸³³, Сухуми⁸³⁴, Брили⁸³⁵, Итхвиси⁸³⁶, Вани⁸³⁷). Они полностью повторяют формы и технику изготовления сосудов предыдущей эпохи, но отличаются от них оформлением ручек. Верхняя часть ручки сосудов первой половины I тыс. до н. э. оформлена в виде роговидных выступов (точно так же, как и на керамических сосудах того времени). У более поздних же (V в. до н. э.) ситул верхняя часть ручки имитирует головку животного с наостренными ушками и тем самым в точности повторяет форму керамических сосудов VI и V вв. до н. э.⁸³⁸. Таким образом, мы видим сохранение традиционных форм сосуда и его развитие, а с другой стороны — его украшение, согласно художественному стилю эпохи. Другая группа сосудов этого типа в V в. до н. э. имеет ручки, украшенные плетеным орнаментом⁸³⁹. Один подобный сосуд, найденный в Вани, на дне (с внутренней стороны) имеет наклепанный орнамент в виде свастики. Особо следует отметить найденный в том же погребении небольшой бронзовый сосуд (высотой 14 см), почти в точности повторяющий форму вышеописанных ситул: шаровидное тулово (составленное из двух выкованных листов и затем скрепленных при помощи заклепок) на высокой подставке, плетеные ручки и свастику на дне⁸⁴⁰. Сохранилась и крышка от этой миниатюрной ситулы (некогда подвешенной на бронзовой же цепочке), украшенная гравированными изображениями тура, петуха и льва (?). Все фигуры изображены в профиль, в сильном движении, а их стилизованные тела оживлены орнаментальными насечками. По стилю эти фигуры напоминают гравированные изображения на колхидских бронзовых топорах и др. предметах эпохи поздней бронзы.

Можно полагать, что основными производителями сосудов и других изделий из бронзы были горные области Колхиды, в частности Рача-Лечхуми, издревле славившиеся своей высокоразвитой металлообработкой.

Находки бронзовых ситул в различных областях Колхиды указывают не только на интенсивную художественно-производственную деятельность горных областей, но и на их активное участие в создании общеколхидских типов материальной культуры.

⁸³² К у ф т и н Б. А. Урартский «колумбарий» у подошвы Арарата и куро-аракский энеолит. — ВГМГ, XII—B, 1944, с. 35, табл. XII. I; К р у и н о в Е. И. Жемталинский клад. М., 1953, с. 14 и след.; Г о б е д ж и ш в и л и Г. Ф. Памятники бронзовой и железной эпох. — АГ, с. 220—221; С а х а р о в а Л. С. Бронзовые художественные сосуды Грузии. — Сабчота хеловнеба. Тбилиси, 1965, № 12 (на груз. яз.), ее же. Бронзовые клады из Лечхуми. Тбилиси, 1976, с. 32—34, 49—50, табл. IX и XII.

⁸³³ Сосуд (из раскопок Н. В. Хоштария) хранится в Гос. музее Грузии (ср.: Г а г о ш и д з е Ю. М. Погребение из Итхвиси... — ВГМГ, XXV, 1968, с. 38, на груз. яз., рез. на рус. яз.).

⁸³⁴ Т р а п ш М. М. Труды, 2, с. 141 — 142, табл. XIV.

⁸³⁵ Г о б е д ж и ш в и л и Г. Ф. Памятники..., с. 195.

⁸³⁶ Г а г о ш и д з е Ю. М. Погребение..., с. 37, табл. II/8.

⁸³⁷ Вани, I. Археологические раскопки. Тбилиси, 1972, с. 60, 238, рис. 223—224.

⁸³⁸ Точно такие ручки найдены при раскопках (Микеладзе Т. К.) древнеколхидского поселения VI в. до н. э. в с. Симагре (около Поты), а также в Кутаиси в слое V в. до н. э.

⁸³⁹ Г а г о ш и д з е Ю. М. Погребение из Итхвиси..., с. 37—38, табл. II/8.

⁸⁴⁰ Орнамент свастики, известный у древних народов Ирана и Средней Азии с эпохи энеолита (см.: М а с с о н В. М. Средняя Азия и древний Восток. М. — Л., 1964, с. 432), довольно широко распространен в Колхиде еще с эпохи бронзы: свастикообразные фигуры встречаются в орнаменте колхидских топоров позднебронзового периода (см.: К о р и д з е Д. Л. К истории колхидской культуры. Тбилиси, 1965, табл. XXXVIII, 21; IV, 15, на груз. яз.; К у ф т и н Б. А. Материалы..., II, с. 162), а вполне сложившийся вид — на бронзовых поясах VIII—VI вв. до н. э. (см.: Т р а п ш М. М. Труды, 2, табл. XXVI, 16). Найдена и часть каменной формы с изображением свастики (см.: С а х а р о в а Л. С. Итоги..., с. 101). В V—IV вв. до н. э. свастика изображена на золотых изделиях из Вани (см.: Вани, I, рис. 39—39а, с. 197), а также на колхидских керамических сосудах (см.: К у ф т и н Б. А. Материалы..., II, табл. XXVII, 3). Интересно отметить, что свастика и свастикообразные знаки как символические изображения непрерывного движения солнца до последнего времени сохранились в грузинском народном орнаменте (С у р г у л а д з е И. К. Астральная символика в грузинском народном орнаменте. Автореф. канд. дис. Тбилиси, 1967, с. 9—16).

В VI—IV вв. до н. э. бронза применялась главным образом для изготовления украшений (браслеты, гривны, фибулы, подвески, бляхи, перстни и др.), культовых и ритуальных предметов, среди которых часть представляет собой замечательные образцы художественного ремесла. Среди них серия миниатюрных статуэток VIII—VI вв. до н. э. из Уреки⁸⁴¹: изображения припавших к земле кошачьих хищников (близкие к изделиям скифо-сибирского звериного стиля) и исполненные в геометрическом стиле фигурки косули и быка со стилизованными загнутыми в кольцо рогами, изображения птиц. Там же найдено скульптурное изображение сидящей в кресле (на троне?) женщины с прижатым к груди младенцем, олицетворяющее, видимо, Великую мать богов⁸⁴². Сидящая на троне богиня в окружении животных — это Великая богиня, в образе которой сочетались древнейшие представления хтонического, всепроизводящего божества земли. Трудно переоценить значение этой в своем роде уникальной находки, свидетельствующей не только о вполне сложившемся мифотворчестве, с ее художественным назначением, но в первую очередь и о вполне оформленном т. н. институционализованном земледельческом культе.

Наряду с бронзовыми украшениями, в Колхиде изготавливались и серебряные диадемы, гривны, серьги, перстни и т. д. Наиболее распространены серебряные браслеты, украшенные гравированным геометрическим орнаментом и увенчанные головками животных. В стилистическом отношении серебряные украшения, как правило, повторяют, как мы увидим ниже, золотые изделия.

Особо следует выделить весьма участвовавшие находки серебряных пиал. Некоторые из них (например, пиалы из Даблагоми⁸⁴³ и Итхвиси⁸⁴⁴) с омфалом принадлежат к типу чаш, широко распространенных в ахеменидскую эпоху по всему Востоку и Средиземноморью⁸⁴⁵. Своеобразие и большое количество металлических пиал VI—IV вв. до н. э., обнаруженных как в Колхиде⁸⁴⁶, так и по всей Грузии, дают основание предположить существование здесь одного из провинциальных центров, изготавливавших металлические сосуды по «ахеменидским» образцам⁸⁴⁷.

Своеобразие и специфические черты художественной культуры Колхиды эпохи ее наивысшего расцвета (V в. — первая половина IV в. до н. э.) наиболее ярко проявляются в златокузнечестве.

Уже VIII—VII вв. датируются пока первые образцы⁸⁴⁸ колхидского златокузнечества раннеантичной эпохи: на колхском могильнике с. Уреки найдены золотые височные подвески, увенчанные скульптурными головками хищников и богато

⁸⁴¹ Бохоладзе А., Лордкипанидзе О., Микеладзе Т., Рамишвили Р. Новейшие открытия памятников культуры и искусства Грузии античной эпохи. — Материалы II Международного симпозиума по грузинскому искусству. Тбилиси, 1974, с. 1—3; Микеладзе Т. К. О некоторых результатах полевых исследований в зонах новостроек Колхидской низменности в десятой пятилетке. — АИНГ, 1982, с. 84, табл. XXXII.

⁸⁴² Аналогичное изображение известно также из Абхазии (см.: Куфтин Б. А. Материалы..., I, с. 238—239, табл. XXIII, 2).

⁸⁴³ Куфтин Б. А. Материалы..., II, табл. А.

⁸⁴⁴ Гагошидзе Ю. М. Погребение из Итхвиси..., с. 36—37, табл. I/7.

⁸⁴⁵ L u s c h u . Die Phial, Bleichrode am Herz, 1939.

⁸⁴⁶ В 1961 г. в Вани была найдена роскошная золотая пиала с омфалом. (Ср.: Хоштария Н. В. Археологические раскопки..., с. 69; Хоштария Н. В., Путуридзе Р. В., Чкония А. Г. Итоги..., с. 116., рис. 55).

⁸⁴⁷ Ю. М. Гагошидзе серебряные пиалы из Итхвиси и Даблагоми относит к местным изделиям провинциального центра (см.: его же. Погребение..., с. 37; ср.: Куфтин Б. А. Археологические раскопки в Триалети..., с. 41).

⁸⁴⁸ Золотые украшения в Колхиде засвидетельствованы уже в III тыс. до н. э.: полутораспиральный височный завиток из курганов Царцис-Гора и Корети в Сачхерском районе (см.: Куфтин Б. А. Археологическая маршрутная экспедиция 1945 г. в Юго-Осетию и Имеретию. Тбилиси, 1949, с. 74). Однако едва ли возможно сейчас ставить вопрос о непрерывных традициях златокузнечества с III тыс. до н. э. до античности (см. также: Гагошидзе Ю. М. Материалы к истории златокузнечества в Грузии. — ВГМГ, XXXII—В. Тбилиси, 1976, на груз. яз.).

украшенные зернью⁸⁴⁹. К VI в. до н. э. относится золотая треугольная подвеска, украшенная с одной стороны выполненными зернью стилизованными бычьими мордами, а с другой — геометрическим (меандровым) орнаментом⁸⁵⁰. Таким образом, можно полагать, что уже в VII—VI вв. формируется тот своеобразный роскошный стиль, с широким применением зерни колхидского златокузнечества, который поразительным художественным разнообразием и техническим совершенством расцветет в V и первой половине IV в. до н. э. Выдающиеся памятники колхидского златокузнечества этого времени открыты в Вани — в одном из самых значительных политических центров Колхиды⁸⁵¹.

Золотые изделия, найденные в Вани и в других местах древней Колхиды, весьма многочисленны и довольно разнообразны. Среди украшений головного убора в V в. до н. э. характерными являются золотые (и серебряные) диадемы, крученный ободок которых венчают ромбовидные пластинки, украшенные чеканными или штампованными изображениями⁸⁵². На одной из золотых диадем (найденной в Вани в 1969 г.) оттиснуты широко распространенные на Древнем Востоке и в искусстве архаической Греции сцены борьбы животных: на одной пластинке — львы, терзающие распростертого на спине быка, а на другой — припавшая на передние ноги газель, с рифлеными рогами и шерстью на спине⁸⁵³.

Умелое построение трехфигурной композиции, ясный и четкий рисунок, реалистическая передача характерных черт животных, сочетающаяся со стилизацией отдельных деталей выдают очень своеобразного и интересного мастера. Удачное распределение фигур в треугольной раме (характерное для фронтовой композиции), а также отдельные композиционные детали свидетельствуют о знакомстве мастера с памятниками греческого архаического искусства. Художественно-стилистический же анализ выявляет отдельные черты и образы, берущие начало в искусстве Ассирии, Маннейского царства и Мидии, ахеменидского мира, что, в свою очередь, указывает на древневосточные корни колхидской художественной культуры⁸⁵⁴.

Исключительным разнообразием и многочисленностью отличаются серьги и височные кольца, также являющиеся частью головного убора. Наиболее характерными являются широко распространенные в V в. до н. э. по всей Колхиде (и, как правило, неизвестные за пределами Грузии) золотые и серебряные височные серьги, крупное кольцо которых украшено отходящими от него «лучами», а также ажурными или полыми сферическими подвесками, всегда обильно украшенными зернью. Выдающимся произведением ювелирного искусства являются роскошные серьги в виде двух всадников на колеснице, напоминающие известные височные украшения из Ахалгори (Восточная Грузия). Очень характерна своеобразная деталь украшения кольца с розеткой, что

⁸⁴⁹ М и к е л а д з е Т. К. О некоторых результатах..., с. 84, табл. XXXI/4. Следует отметить, что точно такие же украшения изготовлялись и в последующих столетиях, как об этом свидетельствуют их находки в колхских погребениях V в. до н. э. в Кобулет-Пичвнари. (См.: К а х и д з е А. Ю. Восточное Причерноморье в античную эпоху (Колхские могильники). Батуми, 1981, с. 49—50).

⁸⁵⁰ М и к е л а д з е Т. К. Археологические исследования..., с. 61, рис. 3—4.

⁸⁵¹ См. сб.: Вани. Археологические раскопки. Под ред. О. Д. Лордкипанидзе, т. I—VIII. Тбилиси, 1972—1986 (на груз. яз., резюме на рус. и англ. яз.).

⁸⁵² Золотые диадемы найдены пока что только в Вани, а серебряные, обычно украшенные розетками на ромбовидных пластинках, также и в Итхвиси, Брили и др. (подр. см.: Г а г о ш и д з е Ю. М. Погребение из Итхвиси..., с. 32—33; Л о р д к и п а н и д з е О. Д. Ванское городище.—Вани, I, с. 48).

⁸⁵³ В отличие от изображений терзания львом быка и др. животных в искусстве иранского круга, имеющих астрологическое значение (см.: H a r t n e r W. The carlist history of the constellations in the Near East and motif of the lion-bull combat. *INS*, XXIV, 1965, 1—2; H a r t n e r W., E t t i n g h a u s e n R. E. The conquering lion.—*Oriens*, 17, 1964, с. 161 и след.; К у з ь м и н а Е. Е. О семантике изображения на чертомлыцкой вазе. — *СА*, 1976, №3, с. 68 и след.), мы полагаем, что сцены на колхидских диадемах символизировали борьбу света с тьмой, жизни со смертью. Весьма вероятно, что эти диадемы изготовлялись специально для погребального ритуала (подр. см.: Л о р д к и п а н и д з е О. Д. Ванское городище, с. 49—51).

⁸⁵⁴ Подр. см.: Л о р д к и п а н и д з е О. Д. Указ. раб., с. 48—53.

повторяется и на серьгах другой формы и указывает на единство художественного стиля⁸⁵⁵.

Отдельную группу составляют также золотые браслеты, которые увенчаны скульптурными головками льва, теленка, барана, тура и в стилистическом отношении почти не отличаются от аналогичных браслетов, распространенных по всему ахеменидскому миру и в Средиземноморье. Большой интерес представляют золотые браслеты (из погребения знатной колхидянки), украшенные скульптурными изображениями дикого кабана, которые находят аналогии в бронзовых фигурках из территории Ирана и Малой Азии, но отличаются от них передачей некоторых деталей, а также более графическо-декоративным стилем и некоторой скульптурностью.

В целом, золотые изделия, найденные в Вани и других местах Колхиды, чрезвычайно разнообразны (кроме названных выше, следует упомянуть также многочисленные подвески в виде миниатюрных фигурок птиц, теленка, баранов, черепах и т. д., а также весьма разнообразные бусы, геральдические изображения орлов и т. д.) и очень многочисленны. Тем не менее, почти все они характеризуются строгим художественно-стилистическим и техническим единством, что указывает на то, что они являются произведениями одной художественной школы. На их местное, т. е. колхидское, происхождение указывает оригинальность художественных форм, которые характерны большей частью лишь для Колхиды, генетически связываются с памятниками материальной культуры доантичной эпохи и, как правило, неизвестны за пределами Грузии. Таковы диадемы, серьги и височные кольца с «лучами» или сферическими подвесками и др., которые повторяются также в серебряных и бронзовых изделиях.

Колхидские золотые изделия V в. до н. э., как правило, обильно украшены зернью в виде пирамид и треугольников. Этот стилистический прием украшения золотых изделий, как мы видели выше, был известен в Колхиде еще в VII—VI вв. до н. э. Ранние образцы подобно украшенных вещей за последнее время открыты и на территории древней Манны и Мидии — в Марлике и Зивие. В VII—V вв. до н. э. эти изделия широко распространялись по всему ахеменидскому миру и Средиземноморью, включая и Этрурию. Весьма интересно, что этот художественный прием возник в Колхиде очень рано, в стране в этно-культурном отношении тесно связанной с хуррито-урартским населением древнего Манна-Мидийского царства. Здесь, в Колхиде приемы эти проявили органическое сочетание с местными многовековыми художественными традициями замечательной колхидской бронзовой культуры. В итоге был создан яркий и своеобразный стиль колхидского златокузнечества. Следовательно, можно с уверенностью констатировать наличие в Колхиде в V в. до н. э. (возможно, в первую очередь, в самом Вани) высокохудожественной и оригинальной школы златокузнечества⁸⁵⁶, уверенно применявшей сложнейшие технические приемыковки, чекана и тиснения, литья, накладывания зерни, филиграни...⁸⁵⁷

Поражает исключительное обилие золотых изделий в богатых погребениях. Возможно, именно они снискали Колхиде славу «златообильной» страны, что так усердно подчеркивали древние авторы⁸⁵⁸ самыми различными поэтическими способами⁸⁵⁹.

⁸⁵⁵ Подр. см.: Л о р д к и п а н и д з е О. Д. Указ. раб., с. 53—56; Ч к о н и я А. М. Золотые украшения Ванского городища. — В сб.: Вани, VI.

⁸⁵⁶ Большой интерес представляют находки в Вани производственных остатков (см. подр.: Чкония А. М. Художественная обработка золота в древнем Вани. — Вани, II, с. 191 и след.).

⁸⁵⁷ Подр. см.: Л о р д к и п а н и д з е О. Д. Древняя Колхида, с. 84—100; его же. La civilization de l'ancienne Colchide aux Ve—IVe siècles. — RA, 971, № 2, с. 259 и след.

⁸⁵⁸ Ч к о н и я А. М. Золотые украшения..., с. 93 и след.

⁸⁵⁹ Лирический поэт VII—VI вв. до н. э. Мимнерм (см.: Нано, фр. 11) рассказывает о «золотом дворце» в городе Айэта — царя колхов. В греческой эпитафии IV в. до н. э. (ошибочно приписываемой Аристотелю) Айэт назван «владыкой златообильной Колхиды» (Пеплос, 43), т. е. эпитетом (*πολύρθσος*), которым в

Ювелирное ремесло Колхиды было ремеслом, обслуживающим в первую очередь колхидскую знать. Оно, как и другие виды художественного ремесла (напр. глиптика)⁸⁶⁰ или рассчитанные на широкий спрос ремесленного производства металлообработка (в первую очередь производство оружия)⁸⁶¹, строительное дело, изготовление дорогостоящих металлических и глиняных сосудов (обычно представленных только в богатых погребениях), дорогих сортов тканей (об экспорте которых из Колхиды сообщают Геродот, Ксенофонт и Страбон)⁸⁶² и др. предметов роскоши, должно быть, концентрировалось при резиденции местной правящей знати. Весьма важно, что, наряду с произведениями местного художественного творчества, высшая знать потребляет и привозные греческие предметы, среди которых встречаются и выдающиеся образцы аттической художественной бронзы и торевтики. Так, например, в Вани уже с VI в. до н. э. распространяются ионийские расписанные и аттические чернофигурные сосуды. В богатых погребениях Вани обнаружены великолепные золотые перстни-печати — произведения ионийских мастерских VI и V вв. до н. э.⁸⁶³, серебряные килики с позолотой, бронзовые патера с антропоморфной ручкой и ойнохоя (служившие для ритуального омовения), серебряные арибалл с гравированным фризом шествия сфинксов, увенчанная скульптуркой сидящего сфинкса ложка и др. предметы — изделия аттических художественных мастерских первой половины V в. до н. э.⁸⁶⁴, свидетельствующие о становлении Вани — резиденции высшей правящей знати, и крупным торговым центром. Сосредоточение ремесла и торговли в одном центре было одним из основных условий и стимулов к городской революции, что давало мощный толчок становлению ремесла как важнейшего производственного (а также социального) фактора. Эти процессы в вышерассмотренных археологических памятниках VI—IV вв. до н. э. уже представлены в завершенном виде. Именно поэтому: а) в столь высоком уровне развития различных видов профессионального ремесла (металлообработка, гончарное и ювелирное дело), основанного на местной, довольно богатой сырьевой базе и многовековых традициях усовершенствования технических навыков, б) в стандартизации основных форм изделий массового производства (имеющих, как правило, собственную «колхидскую» типологическую модель), в) в распространении ремесленных изделий за пределами производственных очагов, свидетельствующих о

древнегреческой литературе были удостоены лишь Микены, Сарды и Вавилон. Интересное сообщение, восходящее, как предполагают, к егемеристу IV в. до н. э. Палефату, сохранилось в одном анонимном мифографическом трактате II в.: «...хранящееся у колхов [руно] на самом деле было не золотое руно, а написанная на шкурах книга, содержащая описание того, как можно было добыть золото посредством химии». А автор II—III вв. Харакс Пергамонский уверяет, что будто «...золотое руно представляет собой способ златописания (*ή χρυσογραφία*) на пергаменте, из-за чего и был совершен, говорят, поход на «Арго». У поэта III в. до н. э. Ликофрона Халкидского колхидянка Медея одаривает золотыми предметами (см.: Александра, с. 886—887), у Аполлония Родосского (см.: Аргонавтика, III, с. 1228—1230) царь, Айэт носил «шлем золотой».

Плиний (NH, XXXIII, 52) рассказывает о потомке царя Айэта—Савлаке, который нашел много золота и серебра «в своем царстве, прославленном золотыми рунами». Страбон (XI, 2, 19) и Аппиан (см. его. Митридатские войны, с. 103) сообщают о золотоносных реках Колхиды и о добывании золота с помощью овечьих шкур, что сохранилось до недавнего времени и было описано грузинскими этнографами (см.: Б о ч о р и ш в и л и Л. Златокузнечество в Сванети. — САНГ, 1946, VII, №5, с. 285).

⁸⁶⁰ Можно считать установленным, что уже в V в. до н. э. в Колхиде налаживается собственное производство перстней-печатей (подр. см.: Л о р д к и п а н и д з е М. Н. Колхидские перстни-печати V—III вв. до н. э. Тбилиси, 1975, с. 10, с. 116, на груз. яз., резюме на рус. и франц. яз.; ее же. Архаические и «архаизирующие» перстни-печати из Вани. — Вани, II, с. 231, рис. 130/1, 133/1).

⁸⁶¹ В этот период оружие, как правило, не встречается в рядовых захоронениях, но обязательно присутствует в богатых мужских погребениях.

⁸⁶² Г е р о д о т II, с. 105; К с е н о ф о н т. Об охоте, II, 4; С т р а б о н, XI, 2, 17.

⁸⁶³ Л о р д к и п а н и д з е М. Н. Печати знатной колхидянки из погребения №6. — Вани, II, с. 103—115, 228—229; ее же. Архаические и «архаизирующие» перстни-печати из Вани. — Вани, II, с. 116—190, 230—234 (на груз. яз., резюме на рус. яз.).

⁸⁶⁴ Подр. см.: Л о р д к и п а н и д з е О. Д. Ванское городище..., с. 62—64; его же. Новые материалы о торговых связях Афин с Колхидой. — Сб.: В честь Фармаковского. М. — Л., 1976.

товарном характере колхидского ремесленного производства, т. е. развитой торговле ремесленными изделиями и т. д., — мы решаемся видеть доказательство (пусть и косвенное) урбанизации колхидского общества в VI—IV вв. до н. э.⁸⁶⁵.

С другой стороны, в столь развитом художественном ремесле (в частности ювелирном), производящем предметы роскоши, дорогостоящие украшения, инсигнии власти и т. д., отражена и сложная социально-экономическая структура колхидского общества, его очень резкая социальная дифференциация. Она находит отражение и в духовной культуре общества — в религии, и в целом—идеологических, воззрениях, известных нам пока что, к сожалению, только по материалам заупокойного культа.

Прямых данных и письменных свидетельств о религии Колхиды в VI—V вв. до н. э. пока нет. На основе этнографических, языковых, письменных свидетельств более позднего времени, а также археологических материалов принято считать, что в пантеоне колхских божеств ведущее место занимали божества плодородия, почитаемые через солнце и луну, принявшие антропоморфный облик⁸⁶⁶.

Археологические материалы, в частности серия находок статуэток с изображением женщин с младенцем (о которых речь шла выше), свидетельствуют о культе Великой матери богов. О том же указывают находки в Саирхе (Сачхерский район) Ктейса, атрибутированного как начало женского рода и символа плодородия, а также отдельных фрагментов скульптуры льва, связанных с божеством женского рода—богиней плодородия, обновления природы, света и любви⁸⁶⁷. Большой интерес представляют также обнаруженные в богатом погребении височные украшения, изображающие всадников на колеснице⁸⁶⁸ и символизирующие «всадников Великой матери богов»⁸⁶⁹. С культом «Великой матери» связываются и изображения птиц в древней Колхиде⁸⁷⁰, также представленных на золотых серьгах и височных украшениях V—IV вв. до н. э. из Вани⁸⁷¹.

О почитании хтонических божеств свидетельствуют открытые на верхней террасе Ванского городища ритуальные «каналы», адресованные то к шахтообразным углублениям (служившим, вероятно, для тайных церемониалов)⁸⁷², то к высеченным в скале ямам, в которые стекала кровь жертвенных животных⁸⁷³.

Археологические материалы дают довольно ясное представление о погребальных обрядах, отразивших не только идеологические воззрения (заупокойный культ), но также и экономическую основу и социальную природу колхидского общества в VI—V вв. до н. э. Большой интерес представляют обнаруженные в могилах сельскохозяйственные

---

⁸⁶⁵ Немаловажную роль в этом процессе должны были сыграть и экономические контакты населения Колхиды с внешним миром, а именно — ее включение в орбиту греческой торговли, усложнившей экономические структуры местного общества, и в первую очередь структуру внутриколхидской торговли (подр. см.: Л о р д к и п а н и д з е О. Д. Древняя Колхида, с. 172 и след.).

⁸⁶⁶ Подр. см.: Б а р д а в е л и д з е В. В. Древнейшие религиозные верования и обрядовое графическое искусство грузинских племен. Тбилиси, 1957; М и к е л а д з е Т. К. Исследования по истории древнейшего населения Колхиды и Юго-Восточного Причерноморья. Тбилиси, 1974, с. 84 (на груз.-яз., резюме на рус. яз.); Л о р д к и п а н и д з е Г. А. Колхида в VI—II вв. до н. э. Тбилиси, 1978, с. 119 и след.

⁸⁶⁷ Подр. см.: Н а д и р а д з е Д. Ш. Археологические памятники Квирильского ущелья. Тбилиси, 1975, с. 83 и след.; с. 159—161 (на груз. яз., резюме на рус. яз.).

⁸⁶⁸ Вани, I, с. 114, рис. 33—34, 39.

⁸⁶⁹ О широком распространении этого мифологического образа см.: Р ы б а к о в Б. А. Древние элементы в русском народном творчестве. — СЭ, 1948, №1.

⁸⁷⁰ Л о р д к и п а н и д з е Г. А. К истории древней Колхиды. Тбилиси, 1970, с. 118.

⁸⁷¹ Ч к о н и я А. М. Золотые серьги раннеантичного времени из Ванского городища. — Вани, III, с. 87.

⁸⁷² Подр. см.: Вани, IV, с. 36 и след., рис. 82—91. В связи с этим большой интерес представляют также данные грузинского фольклора о культе скалы и языческих божествах, связанных с пещерными скалами (см.: А б а ш и д з е Б. К вопросу о языческих божествах по материалам грузинского фольклора. — Мацне. Серия языка и литературы, 1971, № 3, с. 79 и след., на груз. яз.).

⁸⁷³ Л о р д к и п а н и д з е Г. А. Алтари Ванского городища. — В сб.: История и культура античного мира. М., 1977, с. 105.

орудия. При этом, если в VIII—VII вв. до н. э. они (бронзовые сегментовидные орудия и топоры, железные мотыги и лемехообразные орудия) встречаются в коллективных захоронениях (Палури⁸⁷⁴, Нигвзиани)⁸⁷⁵, а иногда и с довольно богатым инвентарем (Уреки)⁸⁷⁶, то в V—IV вв. до н. э. (с исчезновением в Колхиде коллективных погребальных полей) они остаются в инвентаре погребений лишь рядового населения V—IV вв. до н. э.⁸⁷⁷ Находки земледельческих орудий в погребениях вообще считаются редким случаем⁸⁷⁸, но в Колхиде они зафиксированы почти повсеместно и тем самым красноречиво свидетельствуют о большой роли земледелия в экономике страны⁸⁷⁹, занявшего столь интересное место и в ритуале заупокойного культа.

Погребения рядовых членов общества резко отличаются от захоронений правящей знати как по устройству могил, так и по составу погребального инвентаря. С одной стороны, простые погребальные ямы с весьма скудным набором дешевых и простых украшений (главным образом бронзовых) и один или два глиняных сосуда, с другой — захоронения в больших деревянных саркофагах (возможно, имитирующих наземное жилище), в сопровождении домочадцев и слуг, а также коня, множества золотых и серебряных украшений (диадемы, височные украшения и серьги, несколько ожерелий, пектораль, браслеты и т. д.), разнообразной утвари (серебряные и глиняные сосуды, разноцветные стеклянные флаконы для благовоний, огромные бронзовые котлы), обильной пищи (в виде туши различных животных и дичи). Эти различия символизировали в загробной жизни наземную участь различных слоев общества. Вместе с тем, погребальные обряды как нельзя лучше иллюстрируют скопление немногочисленной частью общества львиной доли «общественного богатства» и, следовательно, все прогрессирующую имущественную дифференциацию⁸⁸⁰.

Археологические исследования констатируют также полное культурное единство населения всей Колхиды как в приморской полосе, так и во внутренних (горных и равнинных) ее частях. При этом, весьма важно отметить, что компоненты материальной культуры — архитектура и строительное дело, керамика, изделия из бронзы, боевые и хозяйственные орудия, золотые и серебряные украшения и т. д. характеризуются, как правило, собственной типологической моделью (нередко генетически восходящей к местным прототипам предыдущей эпохи). Все они совершенно четко укладываются в строго определенные территориальные рамки, соответствующие именно тем границам, в каких древняя Колхида вошла в круг географических воззрений древнего (античного) мира: в VI — IV вв. до н. э. эта строго однородная культура охватывает почти всю нынешнюю Западную Грузию с запада на восток — от приморской полосы (от Батуми до окрестностей Сухуми) до Сурамского хребта (между Большим и Малым Кавказом). Это

⁸⁷⁴ О к р о п и р и д з е Н. И., Б а р а м и д з е М. В. Палурское «Садзвле». — МАГК, VI, 1974, с. 108—110 (на груз. яз., резюме на рус. яз.).

⁸⁷⁵ М и к е л а д з е Т. К., Б а р а м и д з е М. В. Колхидский могильник VII—VI вв. до н. э. в с. Нигвзиани. — КСИА, 151, 1977, с. 33—39.

⁸⁷⁶ М и к е л а д з е Т. К. О некоторых результатах..., с. 82—85.

⁸⁷⁷ И в а щ е н к о М. М. Материалы к изучению культуры колхов. — МИГК, вып. II, 1941, с. 53—54.

⁸⁷⁸ «Несмотря на то, что земледелие произвело переворот в жизни людей, сельскохозяйственные орудия почти никогда не встречаются в могилах какого бы то ни было времени» (Гордон Чайлд. Прогресс и археология, М., 1949, с. 148).

⁸⁷⁹ Характерно, что в греческих сказаниях об аргонавтах символом могущества царя колхов Айэта является земледелие: предводителя греческих героев, прибывших в Колхиду за золотым руном, царь колхов вызывает на соревнование не с оружием, а в обработке земли, т. к. только он способен впрягать в ярмо «огнемечущих» и «медноногих» быков, вспахать землю правильными и глубокими бороздами, за один день и засеять, и закончить жатву... (подр. см.: М и к е л а д з е Т. К. Исследования по истории..., с. 157).

⁸⁸⁰ Принято считать, что «не имущественное расслоение, не богатство оказывается, как правило, первоосновой знатности, а наоборот, знатность и привилегированное положение становится предпосылкой богатства» (см.: У т ч е н к о С. Л., Д ъ я к о н о в И. М. Социальная стратификация древнего общества. — Доклады XIII Международного конгресса исторических наук, г. 1/3. М., 1973, с. 134). Следовательно, сравнение погребального обряда различных слоев колхидского общества делает совершенно бесспорным сложную социально-классовую структуру Колхиды рассматриваемой эпохи.

та единая историко-культурная область, которая у греческих авторов (Геродот, Псевдо-Скилак, Страбон) выступает под единым названием — «Колхида». Таким образом, создание общеколхидского типа материальной и духовной культуры, ее полное единство на строго определенной территории, должно быть, отражает высокий уровень политической консолидации⁸⁸¹.

Обзор материальной культуры Колхиды VI—V вв. до н. э. показал полное единство материальной культуры в пределах всей нынешней Западной Грузии, полностью соответствующей территориальным границам Колхидского царства. В этническом смысле носителями этой культуры были западногрузинские племена т. н. мегрело-чанской (колхской) языковой группы. Но с середины IV в. до н. э. сильное колхидское царство постепенно слабеет и его восточные области попадают в зависимость от восточногрузинского царства Иберии, подвергаясь сильной картизации⁸⁸². Эти обстоятельства находят отражение и в археологических материалах.

Со второй половины IV в. до н. э. в развитии материальной культуры Колхиды наступает резкий перелом, ознаменовавшийся появлением целого ряда совершенно новых элементов в структуре материальной и духовной культуры. Вместе с тем, на территории древней Колхиды намечаются два, уже отличных друг от друга ареала: новейшие археологические исследования все отчетливее выявляют определенные различия между материальной культурой населения приморской части, с одной стороны, и восточных областей — с другой. Значительные сдвиги в этнокультурной истории Колхиды наиболее ярко проявляются именно в восточных областях Колхиды.

Вторая половина IV в. — первая половина III в. до н. э. является переходным периодом. Характерные признаки нового этапа в этнокультурном развитии нашли отражение в погребальных обрядах и в отдельных отраслях материальной культуры.

Следы новых явлений в культуре древней Колхиды отчетливо несут богатые погребения IV—III вв. до н. э. из Вани и его округа. Наряду с деревянными погребальными сооружениями, перекрываемыми мелким булыжником⁸⁸³ или крупными камнями из местного песчаника (тири)⁸⁸⁴ появляются деревянные саркофаги с черепичным перекрытием⁸⁸⁵ и каменные ящики⁸⁸⁶. Новые элементы появляются и в погребальном инвентаре: в погребения кладут амфоры, покойников снабжают монетами, что, по всей вероятности, связано с влиянием греческих загробных представлений (плата Харону за перевоз души в царство мертвых); распространяется обычай насильственного умерщвления слуг-рабов⁸⁸⁷ и т. д.⁸⁸⁸

В этот период изменяется и погребальный обряд рядового населения: в то время как в приморской полосе продолжает бытовать старый обряд грунтовых погребений, в восточных областях Колхиды в IV—III вв. до н. э. распространяется обряд кувшинных погребений.

⁸⁸¹ Ср.: Л о р д к и п а н и д з е О. Д. Ванское городище, 2. — Вани, III, с. 15, прим. 14; с. 161, прим. 14.

⁸⁸² Характерны, с одной стороны, сообщение Страбона («Колхида большей частью лежит при море». — XI, 2, 17), с другой стороны—нумизматические находки: в III—I вв. до н. э. в приморской полосе обращаются золотые подражания статерам Лисимаха, чеканившиеся в Колхиде, а в восточных областях древней Колхиды—золотые подражания статерам Александра Македонского, чеканившиеся в Иберии.

⁸⁸³ Напр., погребение знатного воина из Вани, (см.; Вани, I, с. 202 и след.).

⁸⁸⁴ Погр. №9—10. — ПАИ в 1974 г., с. 44; Вани, IV.

⁸⁸⁵ Т о л о р д а в а В. А. Богатое погребение из Даблагоми. — Вани II, с. 68—79, рис. 90.

⁸⁸⁶ Х о ш т а р и я Н. В. История археологического изучения Вани. — Вани, I, с. 89, рис. 6.

⁸⁸⁷ Захоронение двух слуг обнаружено при погребении «знатного воина» (см.: Вани, I, с. 203), в погребении же №12 зафиксировано 7 скелетов (см.: Вани, IV, с. 25—27. рис. 103—104). Подобные факты засвидетельствованы и среди других народов (ср.: Х а з а н о в А. И. Социальная история скифов. М., 1976).

⁸⁸⁸ Подр. см.: Л о р д к и п а н и д з е О. Д. Ванское городище, 2. Вани, III, с. 168—169; его же. Древняя Колхида, с. 180 и след.

Это, как правило, индивидуальные усыпальницы⁸⁸⁹, и лишь в редких случаях засвидетельствованы парные погребения. Пифос, предварительно распиленный посередине, устанавливался в яму вертикально горловиной вниз. Донная часть служила своеобразной крышкой. Иногда пифосы уложены горизонтально, устьем на запад с пропилом вдоль продольной оси. В таких случаях одна половина служит крышей. Покойников укладывали в сильно скорченном положении, головой на запад. Погребальный инвентарь, как правило, состоит из глиняной посуды (положенной обычно у изголовья и у согнутых колен), монет-колхидок (которые клались в рот или в руки) и предметов украшений (бронзовые или серебряные браслеты, украшенные драконовидными или змеевидными головками; бронзовые перстни-печати; бронзовые, каменные и ластовые бусы и т. д.)⁸⁹⁰.

Резкий перелом наблюдается в этот период и в развитии отдельных видов материальной культуры: хотя и в третьей четверти IV в. до н. э. все еще сохраняются некоторые формы колхидской керамики, столь характерные для VI—V вв. до н. э. (пифосы, кувшинчики с трубчатой ручкой, миски с косыми стенками и др.), но вместе с тем появляются и новые формы: кувшинчики с воронкообразными трегубами или круглыми венчиками (иногда с высокой узкой горловиной), сферическими, биконическими или грушевидными туловами и др. В орнаментации преобладают геометрические мотивы (заштрихованные шевроны, зигзагообразные линии, волнистый орнамент с ромбовидной сеткой и т. д.)⁸⁹¹.

Входит в быт и расписная керамика: различные варианты росписей (шевроны, геометрический узор), нанесенных красной краской по светлому ангобу на кувшинчиках с грушевидным туловом. Такая керамика засвидетельствована также пока только в восточных областях Колхиды (Сачхере, Итхвиси, Вани) и проникла она, скорее всего, из Восточной Грузии⁸⁹².

Новые элементы появляются и в златокузнечестве: на смену традиционным и столь консервативным на протяжении целых трех столетий формам (диадемы с ромбовидными щитками, серьги с лучами и т. д.) приходят типологически новые виды, в которых отчетливо проявляется греческое влияние. Таковы головной убор «знатного воина», составленный из полых золотых фигурок всадников и птиц, украшенных зернью⁸⁹³, роскошное ожерелье из Вани (погребение № 12) — плетеная цепь, увенчанная сердоликовыми бусинами и миниатюрными головками рогатых львов и т. д.

⁸⁸⁹ Наиболее полно кувшинные погребения изучены на территории Ванской округи (подр. см.:

Т о л о р д а в а В. А. Археологические раскопки в Даблагоми. — Вани, II, с. 48—67, с. 225—227, рис. 66—89; К и г у р а д з е Н. Ш. Дапнарский могильник. Тбилиси, 1976).

⁸⁹⁰ Распространение обряда кувшинных погребений, возможно, отражает определенные этнические сдвиги на территории древней Колхиды, связанные с активизацией и расселением восточногрузинских (картоязычных) племен в восточной части Колхидского царства. Интересно, что обряд кувшинных погребений одновременно, т. е. со второй половины IV в. до н. э., мы встречаем и на территории Восточной Грузии: в Квемо-Картли (см.: К в и ж и н а д з е К. Д. Памятники раннеантичного периода Юго-Восточной Грузии. Автореф. канд. дис. Тбилиси, 1975, с. 9) и на правом берегу р. Куры — в Кавтисхеви (раскопки Г. Г. Цкитишвили. — ПАИ в 1975 и 1976 гг.), а в III—II вв. до н. э. засвидетельствован по всей Восточной Грузии (см.: Т о л о р д а в а В. А. Материалы к истории Картлийского царства. Автореф. канд. дис. Тбилиси, 1969). При этом обращает на себя внимание сходство керамических сосудов и др. инвентаря в кувшинных погребениях восточных областей Колхиды и Восточной Грузии. Можно полагать, что этот обряд проникал на территорию Грузии из глубин Малой Азии. За последние годы кувшинные погребения IV—III вв. до н. э. обнаружены на территории нынешней Турции, на восточном берегу р. Евфрата (см.: O g ü n V. Khalache Excavations. Seban Projects, 1970, Activities, Ancara, 2, 1972, p. 100—101).

⁸⁹¹ К и г у р а д з е Н. Ш. Дапнарский могильник, с. 59—60; Т о л о р д а в а В. А. Погребальные обряды в Грузии эллинистической эпохи. Тбилиси, 1980 (на груз. яз., резюме на рус. яз.); Г в и н ч и д з е Г. О. Погребения, выявленные в Нокалакеви. — В сб.: Нокалакеви-Археополис, I. Тбилиси, 1981, с. 162—180 (на груз. яз., резюме на рус. и англ. яз.).

⁸⁹² Л о р д к и п а н и д з е О. Д. Ванское городище, 2. Вани, III, с. 168 (там же лит.).

⁸⁹³ Вани, I, с. 203, рис. 166.; ср. золотые фигурки из Очамчире (см.: К у ф т и н Б. А. Материалы..., II, с. 272, табл. 73/4); Ч к о н и я А. М. Золотые украшения, с. 54—56.

На новую ступень поднимается и колхидская глиптика, развивавшаяся издревле под влиянием хеттской (каппадокийской) и ассирийской глиптики. Местные резчики изготавливают правовые печати особого назначения — инсигнии (золотой перстень знатного воина Дедатоса), официальные и личные печати⁸⁹⁴.

К указанному же периоду следует отнести и распространение элементов греческого урбанизма, в частности черепичных перекрытий: напр., в Вани, где в культурных слоях IV—III вв. до н. э. уже обильно встречаются обломки черепиц, главным образом — синопских. Уже в этот период они находят место и в сельских местностях, как об этом указывает в высшей степени интересное погребение с черепичным перекрытием из Даблагоми⁸⁹⁵.

Эти новые явления, столь ярко отразившиеся в археологических материалах, означают наступление новых импульсов, связанных с эпохой эллинизма и с теми большими сдвигами, которые происходят в этот период на Ближнем Востоке, а также в Восточной Грузии, где именно во второй половине IV—III вв. до н. э. мы наблюдаем настоящий «урбанистический взрыв», о котором раньше можно было предполагать на основе лишь некоторых данных древнегрузинской исторической традиции⁸⁹⁶, но ставшим сейчас неоспоримым благодаря замечательным открытиям целой серии городищ, как Самадло⁸⁹⁷, Настакиси⁸⁹⁸ и Цихиа-Гора⁸⁹⁹. Раскопки этих городов, отличающихся друг от друга в функциональном плане, уже выявляют яркие следы контактов с эллинистическим миром (главным образом, малоазийской его частью, что нашло отражение в широком распространении и некоторых элементов материальной культуры явно «южного» происхождения. Таковы, в первую очередь, блестящая расписная керамика (несущая восточноанатолийские влияния, в частности позднефригийского стиля)⁹⁰⁰, черепицы местного изготовления с греческими буквами, которые проявляют сходство с малоазийской (главным образом каппадокийской) греческой письменностью⁹⁰¹ и т. д. С этой точки зрения большой интерес представляет и тот факт, что собственное имя «Дедатос», которое отмечено на правом перстне-печати «знатного воина» из Вани, также проявляет близкое сходство с каппадокийскими собственными именами⁹⁰². Каппадокийские влияния отмечаются и на других глиптических памятниках древнего Вани⁹⁰³.

Можно полагать, что в этих процессах в раннеэллинистический период немаловажную роль сыграли «большая экспансия» восточногрузинского царства Иберии⁹⁰⁴ и колонизация восточногрузинскими (картоязычными) племенами восточных

---

⁸⁹⁴ Вани, IV, с. 93, рис. 107 (№679). Аналогичные украшения широко распространены в III в. до н. э. (под см.: С и л а н т ь е в а Л. Ф. Некрополь Нимфея. — МИА, 69, М., с. 91; см. также: Ч к о н и я А. М. Золотые украшения, с. 72—73.

⁸⁹⁵ Т о л о р д а в а В. А. Богатое погребение..., с. 68—79.

⁸⁹⁶ Л о р д к и п а н и д з е О. Д. Античный мир и Иберия. Тбилиси, 1968, с. 14 (на груз. яз., резюме на рус. яз.).

⁸⁹⁷ Самадло I (Археологические раскопки), 1978; II (Каталог), 1981, Тбилиси.

⁸⁹⁸ Б о х о ч а д з е А. И. Настакиси, Саркинэ и Дзалиси—города Иберии античной эпохи. — КСИА, 151, 1977.

⁸⁹⁹ Ц к и т и ш в и л и Г. Г. Цихиа-Гора. — КСИА, 151, 1977.

⁹⁰⁰ Г а г о ш и д з е Ю. М. Расписная керамика Самадло. — Дзеглис мегобари, 1970, №23, с. 41 и след. (на груз. яз.)

⁹⁰¹ Х а з а р а д з е Н. В., Ц к и т и ш в и л и Г. Г. Черепица Цихиа-Гора. — Кавказско-Ближневосточный сборник. Тбилиси, 1980, с. 146—163 (на груз. яз., резюме на рус. яз.); ср.: Г а г о ш и д з е Ю. М. Самадло I, с. 63—64.

⁹⁰² Л о р д к и п а н и д з е М. Н. Архаические и «архаизирующие»..., с. 134—146.

⁹⁰³ Ее же. Указ. раб., с. 163.

⁹⁰⁴ Знаменательно, что первый царь Иберии Парнаваз строит на границе древней Колхиды две крепости — Шорапани и Димна, представляющие собой важнейший форпост для политического господства Иберии над восточными областями древней Колхиды (см.: КЦ, I, с. 24; ср.: Б е р д з е н и ш в и л и Н. А. Вопросы истории Грузии, VIII. Тбилиси, 1975, с. 442 и след., с. 510 и след.).

областей древней Колхиды, о чем свидетельствуют сведения греко-римских и византийских источников, а также древнегрузинская историческая традиция⁹⁰⁵.

Эпоха позднего эллинизма — конец III и II—I вв. до н. э. — в Колхиде характеризуется довольно ярким проявлением влияний самых разнохарактерных категорий античной цивилизации как в материальной культуре и искусстве, так и в быту и идеологии местного населения. Наглядной тому иллюстрацией является керамическое производство, широко изготовлявшее уже сосуды по греческим образцам (миски, рыбные блюда, кубки типа канфара, веретенообразные бальзамарии, местные подражания краснолаковой керамике), которые иногда украшаются традиционным колхидским орнаментом⁹⁰⁶. Широко производится и керамическая тара греческого типа — амфоры⁹⁰⁷. Многочисленные же находки глиняных пирамидальных грузил почти по всей Колхиде, указывают на применение в ткацком ремесле вертикального станка, широко распространенного во всем эллинистическом мире⁹⁰⁸.

Материальную и духовную культуру населения древней Колхиды эпохи позднего эллинизма (конец III — середина I в. до н. э.) характеризуют материалы археологических раскопок Вани, ставшего в этот период храмовым городом⁹⁰⁹.

Основные тенденции развития культуры этого периода наиболее отчетливо отражены в архитектуре, в которой переплетались и влияния новой (эллинистической) культуры и местные строительные концепции, основанные на древних сакральных традициях. Основные строения (храмы, святилища, алтари, общественные здания) были расположены на треугольном холме, разделенном на три террасы и обнесенном мощными оборонительными сырцовыми стенами на каменном цоколе. Стены укреплялись башнями. В северной части были расположены городские ворота, построенные в конце III в. до н. э.⁹¹⁰

Городские ворота⁹¹¹ возведены из хорошо отесанных и плотно пригнанных друг к другу рустованных квадров белоснежного цвета. Над каменной кладкой (сохранившейся до 1,5 — 2 м), в свое время была возведена стена из сырцовых кирпичей (длиной 0,52 м, толщиной 0,09—0,10 м), которая была полностью скрыта при разрушении города в середине I в. до н. э.

У входа сохранился мраморный постамент для нецеловшей статуи богини-хранительницы. Неглубокий вертикальный паз по боковой стене служил для спуска железной решетки — катаракты, замыкающей вход во время опасности. Еще дальше, на каменном пороге сохранились дугообразные царпины от вращения обитых железом деревянных дверей.

За катарактой и калиткой образуется внутренний двор (7 X 3, 20 м) прямоугольной формы и открытый с южной стороны.

⁹⁰⁵ Подр. см.: М е л и к и ш в и л и Г. А. К истории древней Грузии. Тбилиси, 1959, с. 303 и след.; Л о р д к и п а н и д з е Г. А. К локализации τὸ τῆς λευκοθέας ἱερὸν — ВДИ, 1972, №2, с. 106-125.

⁹⁰⁶ Л о р д к и п а н и д з е О. Д. Торгово-экономические и культурные взаимоотношения античного мира с Колхидой в эпоху эллинизма. — В сб.: Античная история и культура Средиземноморья и Причерноморья. Л., 1968, с. 235 и след.; М а т и а ш в и л и Н. Н. Местная керамика эллинистической, эпохи из Вани. — МАГК, V, 1973, с. 52—70 (на груз. яз., резюме на рус. яз.); е е ж е. Из истории экономики городов Колхиды III—I вв. до н. э. Автореф. канд. дис. Тбилиси, 1974, с. 11—12; Л о р д к и п а н и д з е О. Д. Древняя Колхида, с. 185 и след.

⁹⁰⁷ Е го ж е. Античный мир и древняя Колхида, с. 137 и след.; К а х и д з е А. Ю. Керамическая тара из Пичвнарского городища античного времени. — В сб.: Памятники Юго-Западной Грузии, II. Тбилиси, 1971, с. 56—61 (на груз. яз., резюме на рус. яз.); П у т у р и д з е Р. В. Колхидские амфоры из Вани. — КСИА, 151, 1977, с. 68—71.

⁹⁰⁸ Л о р д к и п а н и д з е О. Д. Античный мир..., с. 141—142.

⁹⁰⁹ Е го ж е. Ванское городище. — Вани, I, с. 43—80; III, с. 159—175.

⁹¹⁰ Датировка архитектурных сооружений рассматриваемого этапа уточнена археологическими исследованиями последних лет, в частности стратиграфическими данными (см.: Л о р д к и п а н и д з е О. Д. Ванское городище..., 2, Вани, III, с. 169—170, прим. 85).

⁹¹¹ Подробное описание см.: Вани, I, с. 67 и след., с. 148—160.

Северные ворота города были предназначены для пешеходов, т. е. представляли собой т. н. «малые ворота».

Городские ворота фланкировались полукруглой (скорее, подковообразной) в плане башней. Внутри, за крепостной стеной сохранился каменный фундамент удлиненного в плане здания, с сырцовыми стенами и черепичной кровлей, служившего, вероятно, казармой или арсеналом для стражи, охранявшей ворота.

На расстоянии 2,8 м от внутреннего фаса главной оборонительной стены возведена параллельно стена шириной 1,25 м. Пространство между этими рядами разделено поперечными перегородками на ряд отсеков. В этих отсеках было найдено множество черепицы, амфоры и каменные ядра для метательных орудий, что делает совершенно очевидным, что они представляют собой помещения, предназначенные для хранения боеприпасов и продовольствия.

В целом, пространство, образуемое двумя рядами стен, свыше 6 м и является вполне достаточным для размещения на втором этаже метательных орудий⁹¹². Этот этаж имел черепичное перекрытие, как об этом свидетельствуют многочисленные находки черепиц местного изготовления.

В целом эта куртина, длиной 15 м, связывает полукруглую башню с шестиугольной (от которой сохранился лишь, фундамент), раскопанной пока лишь частично. В западной и северо-западной частях на высоте 1,1 м сохранились три ряда кладки внутреннего панциря, сложенного из прямоугольных каменных блоков (0,65 X 0,35 м, 0,75 X 0,45 м), а также межпанцирная забутовка в виде крупного булыжника и рваного камня на глине. На поверхности панцирных блоков имеются неглубокие прямоугольные пазы, возможно, для деревянных прокладок, используемых обычно для сырцовых стен. В северо-восточной части башни сохранился во всю ширину лишь нижний ряд фундамента, имевшего ширину 2,8 м и вкопанного в скалистый грунт. Видимо, фасадная часть полностью была построена из рустованных квадров. Даже самый нижний ряд фундамента, вкопанный в скалистый грунт, а затем с наружной стороны засыпанный твердой и окаменелой массой щебня, выложен из рустованных квадров. Столь основательная подготовка фундамента защищала башню от подкопа. А твердая масса глины с примесью толченого песчаника, засвидетельствованного внутри башни на высоте 0,7 м от скального основания, противопоставлялась стенобитным орудиям. На поверхности этой массы, служившей глинобитным полом нижнего яруса башни, были обнаружены 2 каменных ядра, а также раздавленные колхидские амфоры, свидетельствующие о том, что здесь хранились продовольственные и боевые припасы. Камнеметные орудия располагались на втором этаже. находка же известковой капители, возможно, указывает и на наличие третьего этажа, обычно имеющего архитектурное оформление. В этой связи представляют большой интерес и находки бронзовых обкладок с бронзовыми же гвоздями, вероятно, представляющих собой обкладку ставен или жалюзи обычно расположенных на третьем этаже башен и рассчитанных для стрелков из лука.

Таким образом, колхидский город Вани, расположенный на окраине эллинистического мира (не затронутого греко-македонским завоеванием), несмотря на некоторые своеобразия, дает еще один пример фортификационной концепции, противостоящей действиям самых разнообразных родов оружия и вообще новым требованиям осадной техники эпохи эллинизма, нашедшей отражение в труде Филона-механика⁹¹³.

Архитектурный комплекс городских ворот и оборонительная система построена, таким образом, по всем правилам античной, вернее греко-эллинистической

⁹¹² О широком использовании камнеметов (катапульт) в оборонительной системе города указывают находки у оборонительных стен множества каменных ядер разных калибров, от 11 —12 до 30 см (см.: Л о р д к и п а н и д з е Г. А. Боевые и хозяйственные орудия. — Вани, II, с. 170—172).

⁹¹³ G a r l a n Yv. Recherches de poliercétiq ue Crecque. Paris, 1974.

фортификации: строительная техника, конструктивное устройство ворот, основанное на принципе дипилона, и вся система обороны, несомненно, восходят к греко-эллинистическому началу⁹¹⁴. Но, вместе с тем, довольно отчетливо выступает и ряд особенностей, наличие которых, несомненно, обусловлено местными традициями. К таковой следует отнести статую богини-хранительницы города⁹¹⁵, воздвигнутую с наружной стороны у входа.

Еще больший интерес представляет то, что к основной стене городских ворот с внутренней стороны пристроено небольшое культовое здание, открытое с восточной стороны⁹¹⁶. У западной стены, точно посередине, воздвигнут каменный алтарь, вокруг которого были найдены приношения — 23 сосуда: миски, одноручные и двуручные кувшины, украшенные красными поясками, и пять амфор. Все сосуды являются местными изделиями. Две амфоры были полны просом, игравшим весьма важную роль у грузинских племен в ритуале, связанном с божеством плодородия⁹¹⁷. К этому в целом небольшому храмику-святилищу ведет мощенная мелким булыжником мостовая длиной 18 м и шириной 2 м.

Таким образом, у самых городских ворот воздвигнуто культовое здание-святилище, что несколько необычно для греко-эллинистических городов, но находит параллель в местных сакральных традициях, которые так отчетливо сохранились в этнографическом быту горных районов Грузии⁹¹⁸.

Следует отметить еще одну деталь. В привратном храмике алтарь воздвигнут непосредственно у стены (впрочем, как и постамент для статуи). Эта традиция была сохранена и в первых грузинских христианских церквях, где трапеза (наследие языческого алтаря) также была прислонена непосредственно к стене. Эта традиция сохранилась в Грузии до последнего времени, даже тогда, когда византийская и русская православная церкви признали ее кощунством⁹¹⁹.

Таким образом, архитектурный комплекс городских ворот в Вани представляет наглядный пример того, как тесно переплетается греко-эллинистическое влияние с местными сакральными и строительными традициями.

Внутри города археологическими исследованиями открыт ряд монументальных сооружений.

На нижней террасе, в 100 м к юго-востоку от городских ворот, располагался довольно обширный храмовый комплекс, занимающий примерно 800 м². Он состоял из башнеобразного здания, жертвенной площадки, ступенчатого жертвенника, колонного

⁹¹⁴ W i n t e r E. F. Greek Fortification. London, 1971.

⁹¹⁵ Факт сооружения статуи богини-покровительницы у входа с наружной стороны, представляющей большой интерес, подтверждается и в других городах Колхиды по данным письменных источников. Так, по сообщению Арриана, «при входе в Фасис стоит статуя фасианской богини». Обычай воздвигать статуи у городских ворот засвидетельствован на Древнем Востоке, в частности в Богаз-Кее, а также при раскопках фригийского Гордиона. (См.: B i t t e l K. Untersuchung auf Bügükkale.—MDOG, 91, 1958, с.61 и след. рис.61).

⁹¹⁶ Скорее всего, здесь мы имеем дело с использованием внутреннего двора ворот под святилище.

⁹¹⁷ См.: Б а р д а в е л и д з е В. В. Образцы грузинского (сванского) обрядового графического искусства. Тбилиси, 1953, с. 121—124 (на груз. яз.); ее же. Календарь сванских народных праздников. Тбилиси, 1959, с. 28 (на груз. яз.); М а к а л а т а С. История и этнография Мегрелии. Тбилиси, 1941, с. 35 (на груз. яз.).

⁹¹⁸ Б а р д а в е л и д з е В. В. Древнейшие религиозные верования и обрядовое графическое искусство грузинских племен. Тбилиси, 1957. с. 10. Ванское городище мы рассматриваем как храмовый город, культовый центр, воздвигнутый в честь и во имя местного верховного божества. В таком случае сооруженное у городских ворот культовое здание-святилище действительно можно назвать «воротами бога». Интересно отметить, что этот термин «ворота бога» в значении храма-святилища упоминается и в урартских эпиграфических памятниках (см.: М е л и к и ш в и л и Г. А. Наири-Урарту. Тбилиси, 1954, с. 369—375; ср.: П и о т р о в с к и й Б. Б. Ванское царство. М., 1959, с. 208 и след.).

⁹¹⁹ Ср.: Д ж а в а х и ш в и л и И. А. Материалы по истории вещественной культуры грузинского народа. I. Тбилиси, 1946 (на груз. яз.).

зала и специального помещения для приношений (огромные пифосы, наполненные различными злаками)⁹²⁰.

Сложный архитектурный комплекс был расположен в южной части центральной террасы. Главным было святилище с мозаичным полом и каменным столбом-алтарем, вокруг которого были обнаружены бронзовый сосуд (или сосуды), украшенный фигурками орлов, великолепной статуэткой крылатой богини Ники и горельефными изображениями божеств круга Диониса и его спутников (Ариадна, Пан, Сатир, Менады). Обнаруженные там же огромный колхидский пифос и около 40 амфор для вина (представляющих собой «зедаше», т. е. подношения) свидетельствуют, что святилище было посвящено богу виноделия и виноградарства⁹²¹.

С западной стороны этого святилища обнаружены сильно разрушенные остатки прямоугольных залов, в развалинах которых найдены обломки великолепной терракотовой маски (Диониса?) и бронзовых сосудов. В одном из этих залов сохранились остатки алтаря, сложенного из прямоугольных плит. Обращает на себя внимание, что в некоторых помещениях скала (на которой построены эти здания) оставлена без облицовки, в первозданном виде, будучи, видимо, предметом почитания.

С северной стороны к «зданию с мозаичным полом», видимо, примыкал монументальный алтарь со ступеньками, дошедший до нас в сильно разрушенном виде: сохранились параллельные ряды стен из рустованных квадров, прекрасно обработанные прямоугольные плоские (в среднем, 1,00 X X 0,65 X 0,30 м) плиты (составные части ступенек), довольно крупных размеров, хорошо отесанные камни кубической формы (0,8 X 0,7 X 0,6 м), каменная база колонны аттического типа (диаметром 0,5 м) и др. В развалинах же «алтаря» найдены две великолепные капители из местного известняка: одна, украшенная погрудным скульптурным изображением богини, а другая — аканфовых и пальмовых листьев с рельефной розеткой на выступающем карнизе.

К алтарю адресован (с запада на восток) высеченный в скалистом грунте «канал» (длиной 18 м), замыкающийся множеством ям (овальных и круглых), видимо, ритуального назначения. Некоторые из них (круглые с желобком для слива), возможно, служили для возлияний и представляли собой «жертвенные ямы», предназначенные для культа хтонических божеств (кровь жертвенных животных подносилась подземным богам). Другие ямы, возможно, служили хранилищем для других подношений («зедаше»), как хлебные злаки и др.⁹²² Можно предположить, что весь этот культовый комплекс (еще не раскопанный полностью), составной частью которого был и храм «с мозаичным полом» в честь божества виноделия, предназначался для сложного и многообразного ритуала почитания культа земли, плодородия и всевозможного обилия⁹²³.

Целый ряд сооружений открыт в северной части центральной террасы, представляющей собой одну из важнейших частей древнего города. Особый интерес представляет т. н. круглый храм. Установлено, что на этом месте первоначально стояло прямоугольное здание, возможно, аналогичное по плану с привратным святилищем. От этого первоначального прямоугольного здания сохранились западные и восточные стены, сложенные из великолепно отесанных прямоугольных, плотно пригнанных насухо плит, а также высеченные в скалистом грунте гнезда для каменных квадров фундамента, по которым удалось восстановить первоначальный план прямоугольного здания: его длина

⁹²⁰ ПАИ в 1973 г., с. 35 и след.; в 1974 г., с. 41 и след.; в 1975 г.

⁹²¹ См.: Вани, I, с. 70—73, с. 176 и след.

⁹²² О культовых зернохранилищах по этнографическим данным см.: Б а р д а в е л и д з е В. В. Традиционные общественно-культовые памятники горной Восточной Грузии, т. I. Тбилиси, 1974 (на груз. яз., резюме на рус. и англ. яз.); Р у х а д з е Дж. Культовое значение зернохранилищ в Грузии. — Мацне, 1976, №2, с. 156—162 (на груз. яз. резюме на рус. яз.)

⁹²³ По сообщению этнографа Д. Рухадзе, подобные ритуальные каналы засвидетельствованы в горных районах Грузии. Во время праздников в честь урожая в них сливали вино или сбрасывали различные злаки, тем самым символизируя плодородие и обилие.

равнялась 11,4 м, а ширина 10,4 м (толщина стен 3 м). Пол был выложен плитам и разных размеров.

В конце III в. до н. э. на прямоугольном фундаменте было построено круглое, видимо, башнеобразное в плане здание (внутренний диаметр 5,4 м). О культовом назначении этого здания свидетельствует votивный тарапан⁹²⁴, найденный при раскопках этого сооружения⁹²⁵.

Пока что весьма трудно восстановить архитектурные формы храма. Однако едва ли было бы правильным восстановить это здание по принципу греко-эллинистических круглых храмов, хотя использование конструктивных особенностей последних вполне вероятно. С этой точки зрения представляют, несомненно, большой интерес находки около десятка каменных плит трапециевидной формы с выбранными четвертями (средний размер плиты 90 X 20 см при ширине 12 см: это крыши кесон потолка круглого здания. Совершенно очевидно, что их применение связано с влиянием строительной техники эллинистической архитектуры. С круглым храмом был связан, по-видимому, «священный амбар», где найдено около сорока колхидских амфор с пшеницей и просом⁹²⁶. Открыты также остатки «апсидального здания»⁹²⁷, общественные сооружения с черепичной кровлей⁹²⁸. Удалось восстановить и способ перекрытия, оказавшийся довольно оригинальным и неизвестным до сих пор среди памятников классической и эллинистической архитектуры: керамиды (50 X 60, 52 X 65 см) сверху перекрываются такой же плоской черепицей, а желобчатые (т. е. калиптеры) уложены лишь по краям и в перевернутом виде и тем самым служат водостоком⁹²⁹.

Не менее интересные памятники II — I вв. до н. э. открыты в западной части центральной террасы, еще одно культовое сооружение, довольно оригинальное и необычное (не только для Вани!). Оно представляет собой сложный архитектурный комплекс, состоящий из двух, пристроенных к оградной стене (толщиной 1,5 м), частей, построенных из великолепно отесанных и тщательно пригнанных друг к другу прямоугольных каменных блоков; к прямоугольной платформе (4,45 X 3,90 м) с восточной стороны пристроено ступенчатое сооружение — алтарь с шестью прямоугольными и столькими же полукруглыми ступеньками.

В развалинах алтаря и по всей прилегающей площади разбросаны многочисленные фрагменты бронзовых скульптур (или скульптурной композиции). Выделяются отдельные, сильно поврежденные части человеческого тела. Особо следует отметить кисть левой мужской руки, вцепившейся в гриву животного, прекрасно моделированное человеческое ухо, фигурки змей, отдельные позолоченные фрагменты, украшенные гравированным орнаментом и др.

К юго-западу от алтаря были зафиксированы развалины небольшого помещения (примерно, площадью 6 X 5 м), сложенного, по-видимому, из деревянных брусьев с глиняной обмазкой. Под завалом глиняных обмазок (с отпечатками деревянных брусьев и досок) были найдены самые разнообразные предметы. По всей площади были

⁹²⁴ Ср.: С о к о л ь с к и й Н. И. Святилище Афродиты в Кехах. — СА, 1964, №4, с. 10; ср.:

Л о р д к и п а н и д з е Г. А. Алтари Ванского городища. — В сб.: История и культура античного мира. М., 1977, с. 105—106.

⁹²⁵ Вани, I, с. 199 и след., рис. 152—158. Принцип кесонного оформления плафона, как известно, характерен для таких круглых зданий, как Фимела в Эпидавре, Филипеон в Олимпии и особенно Арсиной на Самофраке (подр. о круглых зданиях и их функции см.: С о к о л ь с к и й Н. И. Таманский толос и резиденция Хрисилиска. М., 1976, с. 55—58, там же указ. лит.). Интересно отметить, что в эллинистический период тип круглого здания распространяется и на Восток. Наиболее типичным примером этого может служить Парфянский круглый храм в Старой Нисе и др. (см.: К о ш е л е н к о Г. А. Культура Парфии. М., 1966, с. 24 и след., там же указ. лит.).

⁹²⁶ Вани, II, с. 26, 35—36.

⁹²⁷ Там же, с. 24—25, рис. 25, 27—28.

⁹²⁸ Там же, с. 25—26, рис. 29—34.

⁹²⁹ Желобчатые черепицы из Вани повторяют форму синопских калиптеров: это полукруглый в сечении желоб, нижний край которого несколько расширен, а верхний (задний) заканчивается суженной лопаткой.

разбросаны глиняные пирамидальные грузила разных размеров для вертикального ткацкого станка. Всего было найдено свыше 150 шт. Это довольно большое число (одно из самых больших зафиксированных до сих пор вообще в одном комплексе), если вспомнить, что для натягивания основы одного станка, как правило, использовались 10 грузил одинаковых размеров. Обильно представлены в находках внутри помещения и глиняные изделия, преимущественно местного производства: пифосы, амфоры, кувшины, ритуальные чаши, расписанные красной краской (ромбовидный узор, концентрические кружки) и др. В большом количестве найдены каменные и стеклянные бусы (в том числе, золоченые и мозаичные). Следует отметить также железные наконечники копий и кинжалы, бронзовые умбоны — принадлежность щита и конского украшения. Но среди этих многочисленных находок наиболее замечательны серебряный медальон с горельефным погрудным изображением богини в подпоясанном хитоне без рукавов и две серебряные статуэтки, изображающие двух нагих юношей с высокой прической (высота одной из статуэток 8,5 см, другой — 7 см). Один из них в правой руке держит пиалу, и, видимо, изображен в момент торжественного жертвоприношения. Гибкие тела юношей лишены атлетизма и скорее напоминают фигуры девушек. Во всем, и в постановке фигур, и в подчеркнуто изысканном изяществе линий, отчетливо чувствуется влияние школы Праксителя, сыгравшей столь выдающуюся роль в эллинистической пластике.

И, наконец, там же найдены две загадочные прямоугольные пластинки, несомненно, служившие обкладками какого-то предмета. Обе сильно повреждены (размеры полностью сохранившейся пластинки 5,5 X 9,5 см). На одной из них — тисненное изображение человеческого лица и кружков, обрамленных псевдозернью. На другой же — оттеснены «веревочный» орнамент и буквенные «знаки».

На центральной террасе было, по-видимому, воздвигнуто еще одно, несомненно, монументальное здание, которому принадлежат скульптурные львиные головы, высеченные из местного белого известняка, две из которых представляют собой часть симы с водостоком. Все они были одинаковых размеров: длина — 70 см, высота — 45 см и ширина — 36 см. Одна сохранилась полностью с конструктивной частью, по которой осуществлялось крепление с карнизом. Аналогичные скульптуры львиных голов характерны, как известно, для декоративного решения водостока классического и эллинистического периодов греческой архитектуры. Скульптурные водосточные львы из Вани, несомненно, являются частью карниза монументального сооружения храмового типа и могут служить убедительным доказательством сильного влияния строительных приемов греческой архитектуры. Более того, по своим конструктивным деталям они представляют собой часть здания, несомненно, эллинистического или эллинизированного типа.

С художественно-стилистической точки зрения ванские львиные головы явно носят следы греко-эллинистического влияния. Оно выражается, с одной стороны, в постановке глаз, орнаментальной расческе прядей, столь характерной для «классической» симы, с другой — трагический облик сближает их с некоторыми образцами эллинистической скульптуры III—II вв. до н. э. Вместе с тем, однако, совершенно отчетливо выступают черты, характерные для древневосточной скульптуры: округленные и вертикально посаженные на голове уши, поперечные морщины в нижней части носа и в целом антропоморфный облик, характерные для поздних египетских изображений львиной протомы⁹³⁰. Следует добавить, что изображение антропоморфизированных львиных масок было распространено и в древней, средней и центральноазиатской коропластике. Таким образом, ванские львиные головы несут, как нам кажется, следы и греко-эллинистического влияния, и древневосточных (сиро-хеттских) традиций. Значение этих находок возрастает еще и потому, что это образцы

⁹³⁰ A k u e g a l E. Die Kunst Anatoliens. Berlin, 1961, с. 66 и след.

неизвестной пока местной монументальной скульптуры. Принадлежали они, вероятно, грандиозному зданию, несомненно, храмового типа.

На самой вершине холма, с самого начала служившей священным участком, в III—I вв. до н. э. был воздвигнут монументальный алтарь, представляющий собой каменную платформу (шириной 16 м и длиной 9 м), к которой вела лестница с 8 ступеньками с восточной стороны⁹³¹. Алтарь занимал главенствующее положение на вершине холма, укрепленной мощными оборонительными стенами.

Исследование Ванского городища, которое еще далеко от завершения, ставит перед нами целый ряд интересующих и важнейших проблем истории древней Грузии и ее взаимоотношений с античной цивилизацией.

Археологические материалы свидетельствуют о широком внедрении в Вани элементов эллинистической культуры.

Изучение архитектурных памятников Ванского городища со всей очевидностью показывает, что местные зодчие хорошо были знакомы с достижениями эллинистической архитектуры и градостроительства, широко распространенными в этот период в странах Ближнего и Среднего Востока (Малая Азия, Сирия, Иран, Средняя Азия). Следует однако подчеркнуть, что влияние эллинистической архитектуры в Вани нашло выражение в распространении преимущественно строительных приемов и техники, а также архитектурного декора. В то время как план сооружений и их назначение (именно тех, в которых сказывается эллинистическое влияние) отличаются от греческих (привратное святилище, храм с мозаичным полом, круглый храм). Параллельно, в самом Вани, существует и развивается и местная строительная техника и кладка стен. Для них характерны разной величины грубоотесанные, в основном, плоские плиты, сложенные на глине. Так построено большинство зданий на центральной террасе, в том числе т. н. 17-метровое здание, а также южная стена святилища с мозаичным полом, «сооружение с контрфорсами» и др.

Распространяются и эллинистические религиозные представления и культы. Большой популярностью пользовался культ Диониса—бога виноградарства и виноделия. Об этом свидетельствуют находки бронзовых изображений персонажей дионисийского круга, терракотовых масок Диониса и его спутников (Силен, Сатир)⁹³², красноглиняной формы для изготовления маски (терракотовой?) бородатого Силена в плющевом венке с розеткой на лбу⁹³³ и др. Культ божества дионисийского круга распространяется в Вани, по-видимому, уже с IV в. до н. э., судя по в высшей степени интересным изображениям на золотом перстне (из погребения Дедатоса) всадника, на шее коня которого подвешена бородатая маска Сатира. Образ этого всадника интерпретируется как «божество, имеющее прямое отношение к кругу Диониса»⁹³⁴. IV в. до н. э. датируется также бронзовый перстень с изображением Силена со свирелью⁹³⁵.

Культы дионисийского характера в эллинистический период широко распространялись в странах Древнего Востока⁹³⁶. Тем более понятно наличие культа Диониса, с оговоркой на его, несомненно, местную основу, в Грузии, с ее стародавней, засвидетельствованной археологическими данными и древними авторами, высокой культурой виноградарства⁹³⁷. В этой связи следует отметить атрибуцию изображения на

⁹³¹ Ср.: Вани, IV: Подобные алтари в эллинистическом мире имеют ступеньки с западной стороны.

⁹³² Р а м и ш в и л и К. Г. Терракоты античной эпохи из Вани. — В сб.: Вопросы истории Грузии, Кавказа и Ближнего Востока. Тбилиси, 1968, с. 299 и след. (на груз. яз.); ее же. Терракоты из Вани. — Вани, II, с. 193 и след.; Л о р д к и п а н и д з е Г. А. Алтари..., с. 111.

⁹³³ ПАИ в 1973 г.

⁹³⁴ Л о р д к и п а н и д з е М. Н. Архаические..., с. 147 и след., с. 232, рис. 132/5.

⁹³⁵ ПАИ в 1975 г.

⁹³⁶ Ср.: Т а р н В. Эллинистическая цивилизация. М., 1949, с. 307; П у г а ч е н к о в а Г. А. Сосуд из Термеца с вакхической сценой. — ВДИ, 1951, № 1.

⁹³⁷ На распространение в Грузии культа Диониса указывают также сохранившиеся до последнего времени в народном быту некоторые праздники, напоминающие мистерии в честь Диониса, во время которых

серебряном ритоне V — IV вв. до н. э. из Мтисдзири козловидного человека как местного мифологического образа, аналогичного спутнику Диониса — божеству типа Пана, известного в грузинском фольклоре под названием Очопинтре⁹³⁸.

Большой интерес представляют находки также глиняного штампа с изображением Геракла, который очень близок к образу греческого героя, представленного на ранее найденном в Вани бронзовом медальоне⁹³⁹. Нет сомнения, что изображения Геракла изготовлялись и в древнем Вани, что подтверждается также находкой глиняной формы. Таким образом, подтверждается указание античных письменных источников о популярности в Колхиде культа Геракла⁹⁴⁰. Это объясняется тем, что, согласно греческим мифологическим преданиям, именно Геракл освободил прикованного к Кавказу Прометея (двойника героя грузинского мифа—Амирана). По сообщению Дуриса (340—275 гг. до н. э.), «...жители Кавказа не приносят жертву только Зевсу и Афине, т. к. они были виновниками наказания Прометея. Геракла же почитают особо, т. к. он убил орла, терзающего Прометея». Найденные в Вани штамп и форма являются подтверждением этих сведений и с культурно-исторической точки зрения представляют весьма знаменательный факт.

Весьма сложным является вопрос о путях распространения эллинистической культуры в Грузии.

В III—I вв. до н. э. Колхида активно была включена в международную торговлю, принявшую в эпоху эллинизма необычайно широкие размеры. Тесные экономические взаимоотношения с эллинистическим миром должны были сопровождаться распространением и эллинистической культуры, тем более, что в эпоху эллинизма через Колхиду проходил один из больших мировых торгово-транзитных путей. Несомненно поэтому, что отдельные элементы эллинистической культуры распространились в Колхиду из приморских центров, через которые осуществлялись торгово-экономические связи с греческим миром. Однако многие черты, характеризующие эллинистическую культуру в восточных областях Колхиды (в первую очередь в Вани), не обнаружены в приморской полосе, что, должно быть, свидетельствует о том, что импульсы античной цивилизации в Колхиду в эллинистический период поступали не только из приморских центров.

В III—I вв. до н. э., в более или менее аналогичной форме та же культура, открытая в Вани, довольно отчетливо проявляется в восточных районах древней Колхиды и особенно на территории нынешней Восточной Грузии — Иберии античного периода. В таких, уже хорошо известных в специальной литературе, поселениях Иберии, как Самадло⁹⁴¹, Саркине, Мцхета и ее окрестности⁹⁴², Цунда, мы видим те же строительные приемы⁹⁴³ и архитектурные детали (базы, капители⁹⁴⁴, плетеный орнамент)⁹⁴⁵, планы некоторых сооружений⁹⁴⁶, тех же размеров сырцовые кирпичи⁹⁴⁷,

---

участники праздничного шествия надевали козышки, маски и т. д. (см.: Р у х а д з е Дж. Берикаоба. Тбилиси, 1968, на груз. яз.).

⁹³⁸ Г а м к р е л и д з е Г. А. К иконографии ритона, найденного в Мтисдзири. — Дзеглис мегобари, 1976, №41, с. 17—20.

⁹³⁹ М а т и ш в и л и Н. Медальон с изображением Геракла... — Дзеглис мегобари, 1973, с. 46—49 (на груз. яз.); ее же. Пиала из Вани. — Вани, III.

⁹⁴⁰ В Вани найдена также золотая бляшка с изображением Геракла, сражающегося с Немейским львом. (См.: К у ф т и н Б. А. Материалы..., II, табл. 1,2).

⁹⁴¹ Г а г о ш и д з е Ю. М. Материалы эллинистического периода из Самадло. — ВГМГ, XXVII—В, 1967 (на груз. яз.).

⁹⁴² А п а к и д з е А. М. Города древней Грузии. Тбилиси, 1968, с. 31 и след.; Ц и ц и ш в и л и И. Н. История грузинской архитектуры. Тбилиси, 1955, с. 24—26, 33 (на груз. яз.).

⁹⁴³ Там же, с. 25; А п а к и д з е А. М. Указ. соч., с. 31 и след.

⁹⁴⁴ Большой интерес представляет, напр., и факт находки в Вани фигурной капители, что не характерно для Причерноморского эллинизма, но находит место среди памятников Ближнего Востока (подр. см.:

М е р к л и н Е. Antike Figurkapitelle. Berlin, 1962, с. 3 и след.).

⁹⁴⁵ А п а к и д з е А. М. Указ. соч., с. 37 и след., рис. 5.

черепицы⁹⁴⁸, а также религиозные представления (в частности дионисийские культы)⁹⁴⁹, что и в Вани. Именно поэтому следует предполагать что в восточных областях Колхиды (Вани и его округа), так же как и в соседней Иберии, импульсы эллинистической культуры исходили из одного источника — Малой Азии⁹⁵⁰.

Храмовый город в Вани разрушен в середине I в. до н. э.⁹⁵¹ Это было последним аккордом в крушении древней Колхиды и ее культуры. Вскоре после этого Колхида попадает в зависимость от Римской империи. Лишь с II—III вв. н. э., с образованием нового западногрузинского политического объединения — Лазского царства, начинается и активизация в развитии местной культуры и художественного творчества. Однако археологические памятники этого времени выявлены пока весьма слабо и скорее всего исчисляются буквально единичными случайными находками.

Мы ничего не знаем о жилище и вообще местных поселениях этого времени⁹⁵².

О погребальных обрядах местного населения можно судить по материалам могильников Чкороцку⁹⁵³, Дзеври и др.⁹⁵⁴

Рядовое население по-прежнему хоронилось в грунтовых ямах или в пифосах⁹⁵⁵. Однако засвидетельствованы и случаи кремации⁹⁵⁶.

О значительных богатствах, сосредотачивающихся в руках вновь усилившейся местной знати, свидетельствуют случайные находки богатых погребальных комплексов (Тагилони⁹⁵⁷, Саргвешви⁹⁵⁸ и др.). Отдельные предметы их инвентаря указывают на развитие торевтики, находившейся под сильным влиянием римского искусства⁹⁵⁹. Особо следует отметить возрождение древнеколхских традиций златокузнечества, в частности применение зерни, засвидетельствованное в ряде золотых украшений в кладе из Гонии⁹⁶⁰. Замечательным произведением златокузнечества является золотая модель жилого дома, найденная в Хаиши (Нижняя Сванети).

Однако наиболее красноречивые памятники — бронзовые ажурные бляхи, серебряная утварь, золотые украшения, глиптические памятники этого времени, открыты

---

⁹⁴⁶ Ср. круглое здание, открытое в Цицамури (см.: А п а к и д з е А. М. Указ. соч., табл. XVII).

⁹⁴⁷ Длина сырцовых кирпичей Вани и Мцхета (Армзисцихе) в среднем 0,52 м, что считается определенной единицей измерения (см.: А п а к и д з е А. М. Указ. соч., с. 106—107), весьма близкой к т. н. «царскому локтю», распространенному на Древнем Востоке (см.: В е р г и м у н А. Е. Historical Metrology. London—New York, 1953, с. 29).

⁹⁴⁸ Г а г о ш и д з е Ю. М. Материалы..., с. 76.

⁹⁴⁹ На городище Саркине найдены терракотовые маски Диониса, Ариадны и др. (см.: Б о х о ч а д з е А. Результаты работ археологической экспедиции на новостройках двуречья Ксани и Арагви. — АИНГ, с. 72—73, табл. XXXII—XXXIV).

⁹⁵⁰ Типологически сходные черты влияния эллинистической культуры, исходящей из Малой Азии и нашедшие отражение в распространении античного импорта, архитектуре, погребальных обрядах (в частности обычай класть монету) и т. д. выявляются и на территории соседней Армении (ср.: Т и р а ц я н Г. А. Новые археологические материалы послеурартского времени на территории Западной Армении (Турции)... — В сб.: Древний Восток, 2, с. 143—157).

⁹⁵¹ Л о р д к и п а н и д з е О. Д. К локализации..., с. 124.

⁹⁵² Раскопки приморских поселений (Бивчинта-Питиунт, Сухуми-Сébastополис), представляющих собой стоянки римских легионов, иллюстрируют культуру римского крепостного строительства (ср.: Великий Питиунт. Тбилиси, т. I, 1975; т. II, 1977; Т р а п ш М. М. Труды, т. II).

⁹⁵³ Х о ш т а р и я Н. В. Чкороцку, могильник с трупосожжением и остатки поселения. — МИГК, вып. II, 1941.

⁹⁵⁴ П у т у р и д з е Р. В. Позднеантичные археологические памятники Западной Грузии. — МАГК, вып. II, 1959 (на груз. яз., резюме на рус. яз.).

⁹⁵⁵ Там же, с. 61 и след.

⁹⁵⁶ Х о ш т а р и я Н. В. Чкороцку, с. 67 и след.

⁹⁵⁷ А м и р а н а ш в и л и А. И. Новая находка в низовьях р. Ингури. Тбилиси, 1935.

⁹⁵⁸ T s c h u b i n a s c h w i l i G. Der Fund von Sargweschi.— ИКИАИ, III, 1925.

⁹⁵⁹ М а ч а б е л и К. Позднеантичная торевтика Грузии. Тбилиси. 1976, с. 24 и след.

⁹⁶⁰ Л о р д к и п а н и д з е О. Д. М и к е л а д з е Т. К., Х а х у т а й ш в и л и Д. А. Гонийский клад. Тбилиси, 1980.

в восточных областях Западной Грузии (Бори, Клдееети и др.), входивших в состав Иберии, и, следовательно, отражают уровень развития культуры этого государства.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АВИИУ — Дьяконов И. М. Ассиро-вавилонские источники по истории Урарту. — ВДИ, 1951. №2, 3. 4.
- АГ — Археология Грузии. Тбилиси, 1959 (на груз. яз.).
- АГ — Античный город. М., 1963.
- АГСП — Античные города Северного Причерноморья. М., 1955.
- АИНГ — Археологические исследования на новостройках Грузинской ССР.
- АО — Археологические открытия в СССР.
- АЭГМГ — Археологические экспедиции Гос. музея Грузии.
- ВГМГ — Вестник Гос. музея Грузии.
- ВДИ — Вестник древней истории.
- ВИ — Вопросы истории.
- ВООН — Вестник отделения общественных наук АН ГССР.
- ВЯ — Вопросы языкознания.
- ГАИМК — Государственная академия истории материальной культуры.
- ГМИА — Государственный музей искусства Азербайджана.
- ИАК — Известия археологической комиссии.
- ИВГО — Известия Всесоюзного географического общества.
- ИКИАИ — Известия Кавказского историко-археологического института.
- ИЯИМК — Институт языка, истории и материальной культуры.
- ИЯЛИ — Институт языка, литературы и истории.
- КИАИ — Кавказский историко-археологический институт.
- КОИМАО — Кавказское отделение Императорского Московского археологического общества.
- КСИА — Краткие сообщения Института археологии АН СССР.
- КСИИМК — Краткие сообщения Института истории материальной культуры АН СССР.
- КЦ — Картлис цховреба. Т. I. Тбилиси, 1955.
- МАГК — Материалы по археологии Грузии и Кавказа. Тбилиси.
- МАК — Материалы по археологии Кавказа.
- МАР — Материалы по археологии России.
- МИА — Материалы и исследования по археологии СССР.
- МИГК — Материалы по истории Грузии и Кавказа.
- МНС — Материалы научной сессии.
- НСООН — Научные сессии отделения общественных наук.
- ОАК — Отчеты Археологической комиссии.
- ОСИИАЭ и ГКМ — Объединенная сессия Института истории, археологии и этнографии АН ГССР и Гурджаанского краеведческого музея.
- ОСПАИ — Основное содержание научной сессии, посвященной итогам полевых археологических исследований в Грузии.
- ПАИ — Полевые археологические исследования в Грузии. Тбилиси.
- ПИДО — Проблемы истории докапиталистических обществ.
- СА — Советская археология.
- САНГ — Сообщения Академии наук Грузинской ССР.

СИГТ — Сборник исторической географии Грузии.
СМОМПК — Сборник материалов для описания местностей и
племен Кавказа. Вып. 28, 1900.

СЭ — Советская этнография.

ТГУ — Тбилисский государственный университет.

ТКАЭ — Труды Кахетской археологической экспедиции.

УКН — Меликишвили Г. А. Урартские клинообразные надписи. М.,
1960.

ARAB — Luckenbill D. D. Ancient Records of Assyria and Babylonia.
Chicago, 1927.

BCH — Bulletin de correspondance hellénique.

CAH — Cambridge Ancient History.

ESA — Eurasia Septentrionalis Antiqua.

JNES — Journal of the Near Eastern Studies.

MDOG — Mitteilungen der Deutsch. orientischer Gesellschaft.

RE — Pauly — Wissowa — Kroll. Realencyclopädie der klassishcen
Altertumswissenschaften.

ZE — Zeitschrift für Ethnologie Vorhandlungen.